

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 100,840

6
КНИГА VI.

МОСКВА.

—
1894.

15124

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва М. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP50
R 875
v. 15:6
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). <i>Продолженіе</i> .—А. П. Чехова.	1
II. МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—А. Лугового.	28
III. НЕДОРАЗУМЬНІЕ. Романъ В. Д. Гоуэlsa. Переводъ съ англійскаго В. М. С. <i>Продолженіе</i>	51
IV. ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ. (Разсказъ).—Г. А. Мачтета	83
V. ГОЛУБОЙ ИБИСЪ. Романъ Жана Экара. Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	107
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Медвѣдева	140
VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦВИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. А. <i>Продолженіе</i>	141
VIII. ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАНЪ. (Его настоящее и вѣроятное будущее).—М. И. Венюкова	1
IX. РАБОЧІЕ НА ФАБРИКАХЪ И ПРОМЫСЛАХЪ. <i>Продолженіе</i> .—Н. И. Тумскаго.	21
X. ЛЕОНЪ-БАТТИСТА АЛЬБЕРТИ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ НАУКѢ И ИСКУССТВУ.—М. С. Корелина	42
XI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О НАТУРАЛИЗМѢ ВЪ ИСКУССТВѢ.—В. А. Гольцева	53
XII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ. (Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе). <i>Окончаніе</i> .—Н. Р. Качоровскаго.	60
XIII. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. IV. Естественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе или реальный фактъ?—Н. А. Тимирязева.	81

	<i>Стр.</i>
XIV. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ ЖЕНЕВЪ XVI ВѢКА ВЪ ЭПОХУ КАЛЬВИНИЗМА.—Р. Ю. Вилпера.	96
XV. РОМАНЫ И ПОВѢСТИ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ. <i>Продолженіе</i> .—М. К. Цебриковой.	104
XVI. МОРАЛЬ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. <i>Окончаніе</i> .—И. Н. К—ной.	128
XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . .	148
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Школьное дѣло въ Московской губерніи.—Дѣятельность с.-петербургскаго комитета грамотности.—Общественное призрѣніе и сельско-хозяйственныя колоніи. — Петербургское общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.—Еще о невзгодахъ переселенцевъ.—Упреки по адресу земства.—Новый законъ о службѣ гражданской.—Юбилей П. Н. Обнинскаго.—Н. М. Астыревъ †	166
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	184
XX. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О БѢДНЫХЪ И БЕЗПРИУТНЫХЪ ДѢТЯХЪ ВЪ МОСКВѢ.	191
XXI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Исторія и исторія литературы.—Этнографія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Техническія книги.—Учебники. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>май</i> . — «Русское Богатство», <i>апрѣль</i> . — «Сѣверный Вѣстникъ», <i>май</i> . — «Мірѣ Божій», <i>май</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.	281

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ).

(Изъ путевыхъ записокъ).

XVI.

Составъ ссыльнаго населенія по поламъ.— Женскій вопросъ.— Каторжныя женщины и поселки.— Сожители и сожительницы.— Женщины свободнаго состоянія.

Въ ссыльной колоніи на 100 мужчинъ приходится 53 женщины **). Это отношеніе правильно только для населенія, живущаго въ избахъ. Есть же еще мужчины, ночующіе въ тюрьмахъ, и холостые солдаты, для которыхъ «необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей», какъ выразился когда то одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, служатъ все тѣ же ссыльные или прикосновенныя къ ссылаѣ женщины. Но если при опредѣленіи состава населенія колоніи по поламъ и по семейному положенію слѣдуетъ брать въ расчетъ и этотъ разрядъ людей, то не иначе, какъ съ оговоркой. Они, пока живутъ въ тюрьмахъ или казармахъ, смотрятъ на колонію лишь съ точки зрѣнія потребностей; ихъ визиты въ колонію играютъ роль вреднаго внѣшняго вліянія, понижающаго рождаемость и повышающаго болѣзненность, и, притомъ, случайнаго, которое можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, на какомъ разстояніи отъ селенія находится тюрьма или казарма; это то же, что въ жизни русской деревни золоторотцы, работающіе по сосѣдству на желѣзной дорогѣ. Если взять огуломъ всѣхъ мужчинъ, включая тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно на половину и мы получимъ отношеніе 100 : 25.

*) *Русская Мысль*, кн. V.

***) По 10-й ревизіи въ русскихъ губерніяхъ (1857—60 гг.) въ среднемъ на 100 мужчинъ было 104,8 женщины.

Какъ ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыльной колоніи, развивающейся, къ тому же, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, ихъ нельзя признать слишкомъ низкими. Въ Сибири женщины среди каторжныхъ и поселенцевъ составляютъ менѣе 10%; а если обратиться къ нерусской депортаціонной практикѣ, то встрѣтимъ тамъ колонистовъ, уже почтенныхъ фермеровъ, которые до такой степени не были избалованы въ этомъ отношеніи, что съ восторгомъ встрѣчали проституткоу, привозимыхъ изъ метрополіи, и платили судовщикамъ по 100 фунтовъ табаку за каждую. Такъ называемый женскій вопросъ на Сахалинѣ поставленъ безобразно, но менѣе гадко, чѣмъ въ западно-европейскихъ ссыльныхъ колоніяхъ въ первое время ихъ развитія. На островъ поступаютъ не однѣ только преступницы и проститутки. Благодаря главному тюремному управленію и добровольному флоту, которымъ вполне удалось установить скорое и удобное сообщеніе между Европеекою Россіей и Сахалиномъ, задача женъ и дочерей, желающихъ слѣдовать за мужьями и родителями въ ссылку, значительно упростилась. Не такъ еще давно одна добровольно слѣдовавшая жена приходилась на 30 преступниковъ, въ настоящее же время присутствіе женщинъ свободнаго состоянія стало типическимъ для колоніи, и уже трудно вообразить, напримѣръ, Рыковское или Ново-Михайловку безъ этихъ трагическихъ фигуръ, которыя «ѣхали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть можетъ, единственный пунктъ, по которому нашъ Сахалинъ въ исторіи ссылки займетъ не послѣднее мѣсто.

Начну съ каторжныхъ женщинъ. Въ 1 января 1890 года во всѣхъ трехъ округахъ преступницы составляли 11,5% всего числа каторжныхъ *). Съ колонизаціонной точки зрѣнія эти женщины

*) Эта цифра можетъ служить лишь для опредѣленія состава каторжныхъ по поламъ, для сравнительной же оцѣнки нравственности обоихъ половъ она не даетъ надежнаго матеріала. Женщины рѣже попадаютъ на каторгу не потому, что онѣ нравственнѣе мужчинъ, а потому, что, по самому строю жизни и отчасти по свойствамъ своей организаціи, въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, подвержены внѣшнимъ влияніямъ и риску совершать тяжкія уголовныя преступленія. Онѣ не служатъ въ канцеляріяхъ и на военной службѣ, не уходятъ въ отхожіе промыслы, не работаютъ въ хлѣбахъ, рудникахъ, на морѣ, а потому не знаютъ преступленій по должности и противъ военной дисциплины и преступленій, прямое участіе въ которыхъ требуетъ мужской физической силы, напримѣръ: ограбленіе почты, разбой на большой дорогѣ и т. п.; статьи о преступленіяхъ противъ цѣломудрія, объ изнасилованіи, растлѣніи и сверхъестественныхъ порокахъ касаются однихъ лишь мужчинъ. Но за то онѣ убиваютъ, истязаютъ, наносятъ тяжкія увѣчья и укрываютъ убійства относительно чаще, чѣмъ мужчины; среди послѣднихъ убійцы составляютъ 47%, а среди преступницъ 57%. Что же касается осужденныхъ за отравленіе, то среди женщинъ ихъ

имѣютъ одно важное преимущество: онѣ поступаютъ въ колонію въ сравнительно молодомъ возрастѣ; это въ большинствѣ женщины съ темпераментомъ, осужденныя за преступленія романическаго и семейнаго характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убійцы, жертвы любви и семейнаго деспотизма. Даже тѣ изъ нихъ, которыя пришли за поджогъ или подѣлку денежныхъ знаковъ, несутъ, въ сущности, кару за любовь, такъ какъ были увлекаемы въ преступленіе своими любовниками.

Любовный элементъ играетъ въ ихъ печальномъ существованіи роковую роль и до суда, и послѣ суда. Когда ихъ везутъ на пароходѣ въ ссылку, то между ними начинается бродить слухъ, что на Сахалинѣ ихъ противъ воли выдадутъ замужъ. И это волнуетъ ихъ. Былъ случай, когда онѣ обратились къ судовому начальству съ просьбой походатайствовать, чтобы ихъ не выдавали насильно.

Лѣтъ 15—20 назадъ каторжныя женщины по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же поступали въ домъ терпимости. «На югѣ Сахалина, — писалъ Власовъ въ своемъ отчетѣ, — женщины за немѣніемъ особаго помѣщенія помѣщаются въ зданіи пекарни... Начальникъ острова Депрерадовичъ распорядился обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». О какихъ-либо работахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухню, остальные же служили «потребностямъ» и пили мертвую, и, въ концѣ-концовъ, женщины, по словамъ Власова, были возвращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-то ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта».

Теперь, когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ, то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшись подъ тяжестью узловъ и котомокъ, плетутъ

больше не только относительно, но даже абсолютно. Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ отравительницъ было показано абсолютно почти въ три раза больше, чѣмъ отравителей, а относительно въ 23 раза. Какъ бы то ни было, женщинъ поступаетъ въ колонію меньше мужчинъ и, даже несмотря на ежегодно прибывающія партіи женщинъ свободнаго состоянія, мужчины, все-таки, даютъ подавляющій перевѣсъ. Такое авнонѣрное распредѣленіе половъ неизбѣжно въ ссыльной колоніи и уравновѣшеніе легъ провозйти только съ прекращеніемъ ссылки или когда на островъ начнетъ гивать иммиграционный элементъ, который сольется со ссыльнымъ, или появится съ своя мистрисъ Фрей, которая будетъ энергически пропагандировать мысль объ авленіи на Сахалинъ для развитія семейственности транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ.

У смыслѣ западно-европейской и русской и въ частности о женскомъ вопросѣ у проф. И. Л. Фойницкаго въ его извѣстной книгѣ *Ученіе о наказаніи въ связи нормоиспытаніемъ*.

ся по шоссе, вялая, еще не пришедшая въ себя отъ морской болѣзни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Анивѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ, желающихъ полакомиться игривою селедкой. Мужики-поселенцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: имъ нужна хозяйка. Бабы смотрятъ, нѣтъ ли въ новой партіи землячекъ. Писарямъ же и надзирателямъ нужны «дѣвочки». Это обыкновенно происходитъ передъ вечеромъ. Женщинъ запираютъ на ночь въ камерѣ, заранѣе для того приготовленной, и потомъ всю ночь въ тюрьмѣ и въ посту идутъ разговоры о новой партіи, о прелестяхъ семейной жизни, о невозможности вести хозяйство безъ бабы и т. п. Въ первыя же сутки, пока еще пароходъ не ушелъ въ Корсаковскъ, происходитъ распредѣленіе вновь прибывшихъ женщинъ по округамъ. Распредѣляютъ александровскіе чиновники и потому округъ ихъ получаетъ львиную долю въ смыслѣ и количества, и качества; немного поменьше и похуже получаетъ ближайшій округъ—Тымовскій. На сѣверѣ происходитъ тщательный выборъ; тутъ, какъ на фильтрѣ, остаются самыя молодыя и красивыя, такъ что счастье жить въ южномъ округѣ выпадаетъ на долю только почти старухъ и такихъ, которыя «не заслуживаютъ мужской благосклонности». При распредѣленіи вовсе не думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи, и потому на Сахалинѣ, какъ я уже говорилъ, женщины распредѣлены по округамъ крайне неравномѣрно, и, притомъ, чѣмъ хуже округъ, чѣмъ меньше надежды на успѣхи колонизаціи, тѣмъ больше въ немъ женщинъ: въ худшемъ, Александровскомъ, на 100 мужчинъ приходится 69 женщинъ, въ среднемъ, Тымовскомъ — 47, и въ лучшемъ, Корсаковскомъ — только 36 *).

Изъ женщинъ, выбранныхъ для Александровскаго округа, часть назначается въ прислуги къ чиновникамъ; послѣ тюремъ, арестантскаго вагона и пароходнаго трюма въ первое время чистыя и свѣтлыя чиновницкія комнаты кажутся женщинамъ волшебнымъ замкомъ, а самъ баринъ—добрымъ или злымъ геніемъ, имѣющимъ надъ нею неограниченную власть; скоро, впрочемъ, она свыкается со своимъ

* Д-ръ А. В. Щербакъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ: „Выгрузка окончена была только утромъ другого дня. Оставалось еще принять ссыльно-каторжныхъ, назначенныхъ въ Корсаковскій постъ, и получить различныя сдаточныя квитанціи. Первыхъ, въ числѣ 50 мужчинъ и 20 женщинъ, прислали безъ замедленія. Въ статейныхъ спискахъ мужчинъ не значилось ремесель, а женщины были очень стары. Спускали пошлое“. Сь ссыльно-каторжными. *Новое Время*, № 5381.

новымъ положеніемъ, но долго еще потомъ слышатся въ ея рѣчи тюрьма и пароходный трюмъ: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородіе», «точно такъ». Другая часть женщинъ поступаетъ въ гаремы писарей и надзирателей, третья же, бѣлая, въ избы поселенцевъ, причѣмъ женщинъ получаютъ только тѣ, кто побогаче и имѣеть протекцію. Женщину можетъ получить и каторжный, даже изъ разряда испытываемыхъ, если онъ человѣкъ денежный и пользуется вліяніемъ въ тюремномъ мірѣ.

Въ Корсаковскомъ посту вновь прибывшихъ женщинъ тоже помѣщаютъ въ особый баракъ. Начальникъ округа и смотритель поселеній вмѣстѣ рѣшаютъ, кто изъ поселенцевъ и крестьянъ достоинъ получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитымъ и хорошаго поведенія. Этимъ немногимъ избранныкамъ посылается приказъ, чтобы они въ такой-то день и часъ приходили въ постъ, въ тюрьму, за полученіемъ женщинъ. И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ ироніи величаютъ, женихи или молодые. Видъ у нихъ какой-то особенный, въ самомъ дѣлѣ жениховскій; одинъ нарядился въ красную кумачовую рубаху, другой въ какой-то необыкновенной плантаторской шляпѣ, третій въ новыхъ блестящихъ сапогахъ съ высокими каблуками, купленныхъ неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Когда всѣ они приходятъ въ постъ, ихъ впускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ тутъ вмѣстѣ съ женщинами. Въ первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущенію и чувству неловкости; женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на женщинъ, тѣ сидятъ потупившись. Каждый выбираетъ; безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ, а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду, онъ присматривается и хочетъ угадать по лицамъ: кабая изъ нихъ хорошая хозяйка? Вотъ какая - нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею душевный разговоръ. Она спрашиваетъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломой. Онъ вѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужъ послѣ хозяйственнаго взаимна, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается адать вопросъ:

— А обижать вы меня не будете?

Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу какому-то, въ селеніе такое-то—и гражданскій бракъ совершенъ.

Поселенец отправляется со своею сожительницей къ себѣ домой и для финала, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, нанимаетъ подводу, часто на послѣднія деньги. Дома сожительница первымъ дѣломъ ставитъ самоваръ, и сосѣди, глядя на дымъ, съ завистью толбуютъ, что у такого-то есть уже баба.

Каторжныхъ работъ для женщинъ на островѣ нѣтъ. Правда, женщины иногда могутъ помы въ канцеляріяхъ, работаютъ на огородахъ, шьютъ мѣшки, но постоянного и опредѣленнаго въ смыслѣ тяжкихъ принудительныхъ работъ ничего нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ. Каторжныхъ женщинъ тюрьма совершенно уступила колоніи. Когда ихъ везутъ на островъ, то думаютъ не о наказаніи или исправленіи, а только объ ихъ способности рожать дѣтей и вести сельское хозяйство. Каторжныхъ женщинъ раздають поселенцамъ подъ видомъ работницъ, на основаніи ст. 345 *Устава о ссыльныхъ*, которая разрѣшаетъ незамужнимъ ссыльнымъ женщинамъ «пропитываться услугою въ ближайшихъ селеніяхъ старожиловъ, пока не выйдутъ замужъ». Но эта статья существуетъ только какъ прикрытие отъ закона, запрещающаго блудъ и прелюбодѣяніе, такъ какъ каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка, прежде всего, а сожительница его, незаконная жена съ вѣдома и согласія администраціи; въ казенныхъ вѣдомостяхъ и приказахъ жизнь ея подъ одною брышей съ поселенцемъ отмѣчается какъ «совмѣстное устройство хозяйства» или «совмѣстное домообзаводство» *), онъ и она вмѣстѣ называются «свободною семьей». Можно сказать, что, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и тѣхъ, которыя прибываютъ на островъ съ мужьями, всѣ каторжныя женщины поступаютъ въ сожительницы. Это слѣдуетъ считать за правило. Мнѣ рассказывали, что когда одна женщина во Владиміровкѣ не захотѣла идти въ сожительницы и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ея слова будто бы привели всѣхъ въ недоумѣніе **).

Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на каторж-

*) Напримѣръ, приказъ: „Согласно ходатайства г. начальника Александровскаго округа, изложеннаго въ рапортѣ отъ 5 января, за № 75, ссыльно-каторжная Александровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится въ Тымовскій округъ для совмѣстнаго домообзаводства съ поселенцемъ Алексѣемъ Шараповымъ“ (1889 г., № 25).

**) Да и трудно понять, гдѣ жили бы женщины, еслибъ отказывались отъ сожительства. Особаго помѣщенія для нихъ на каторгѣ не существуетъ. Завѣдующій медицинскою частью въ своемъ отчетѣ за 1889 г. пишетъ: „По прибытіи на Сахалинъ имъ предоставляется самимъ заботиться о помѣщеніи... для оплаты котораго приходится нѣкоторымъ изъ нихъ не пренебрегать способами для добыванія средствъ“.

ную женщину, существовавшей, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для илеопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства». Начальникъ острова, бесѣдуя въ мое присутствіи съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказалъ, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставляю.

— Не хорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью,—говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ.—Зимою бабъ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Потому-то хорошіе хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидятся зимою дорогіе кормы. Человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ расчетъ ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумевается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣсняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно *). Но униженіе ея личности, все-таки, никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замужъ или принуждали къ сожителству. Слухи о насиліяхъ въ этомъ отношеніи такия же пустыя сказки, какъ вистѣлица на берегу моря или работа въ подземельи **).

*) Здѣсь говорится о времени, когда еще не были отменены тѣлесныя наказанія для женщинъ.

**) Лично я всегда относился съ сомнѣніемъ къ этимъ слухамъ, но, все-таки, проверилъ ихъ на мѣстѣ и собралъ всѣ случаи, которые могли послужить поводомъ къ нимъ. Рассказываютъ, что года 3—4 назадъ, когда начальникомъ острова былъ генералъ Гинце, въ Александровскѣ одна каторжная, иностранка, была выдана противъ воли за бывшаго околоточнаго надзирателя. Каторжная Ягельская, въ Корсаковскомъ округѣ, получила 30 розогъ за то, что захотѣла уйти отъ своего сожителя поселенца Котлярова. Тамъ же поселенецъ Яроватый пожаловался, что его баба становится жить съ нимъ. Послѣдовало распоряженіе: „N. N., вышлите ей“. — олько?“—„Семьдесятъ“. Бабу высѣкли, но она, все-таки, настояла на своемъ ишла къ поселенцу Маловѣчкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенецъ эцовъ, старикъ, засталъ свою сожительницу, молодую женщину, съ поселенцемъ инымъ и пошелъ жаловаться. Послѣдовало распоряженіе: „Позвать ее сюда!“ я явилась. „Тамъ ты, такая-сякая, не хочешь жить съ Рѣзвцовымъ? Розогъ!“ Рѣзвцову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что тотъ и дѣлалъ. Въ концѣ-концовъ, она, все-таки, взяла верхъ и я уже записалъ ее сожительницей не Рѣзвцова, а Родина. Вотъ и всѣ случаи, о которыхъ помнить на-

Въ сожителству не служатъ помѣхой ни старость женщины, ни различіе вѣроисповѣданій, ни бродяжеское состояніе. Сожительницъ, имѣющихъ 50 и болѣе лѣтъ, я встрѣчалъ не только у молодыхъ поселенцевъ, но даже у надзирателей, которымъ едва минуло 25. Бываетъ, что приходятъ на каторгу старуха-мать и взрослая дочь; обѣ поступаютъ въ сожительницы къ поселенцамъ и обѣ начинаютъ рожать какъ бы въ перегонку. Католики, лютеране и даже татары и евреи не рѣдко живутъ съ русскими. Въ Александровскѣ въ одной избѣ я встрѣтилъ русскую бабу въ большой компаніи киргизъ и кавказцевъ, которымъ она прислуживала за столомъ, и записалъ ее сожительницей татарина или, какъ она называла его, чеченца. Въ Александровскѣ всѣмъ извѣстный здѣсь татаринъ Бербалай живетъ съ русскою Лопушиной и имѣетъ отъ нея тронхъ дѣтей *). Бродяги тоже устраниваются на семейную ногу и одинъ изъ нихъ, бродяга Иванъ 35 лѣтъ, въ Дербинскомъ, даже заявилъ мнѣ съ улыбкой, что у него двѣ сожительницы: «одна здѣсь, другая по билету въ Николаевскѣ». Иной поселенецъ живетъ съ женщиной, не помнящей родства, уже лѣтъ десять, какъ съ женой, а все еще не знаетъ ея настоящаго имени и откуда она родомъ.

На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его сожительница обыкновенно отвѣчаютъ: «Хорошо живемъ». А нѣкоторыя каторжныя женщины говорили мнѣ, что дома въ Россіи отъ мужей своихъ онѣ терпѣли только озорства, побои да попреки кускомъ хлѣба, а здѣсь на каторгѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава Богу, живу теперь съ хорошимъ человѣкомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссылные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.

— Здѣсь, за недостаткомъ женщинъ, мужикъ самъ и пашетъ, и стряпаетъ, и корову доить, и бѣлье починяетъ, — говорилъ мнѣ баронъ А. Н. Борфъ, — и ужъ если къ нему попадаетъ женщина, то онъ крѣпко держится за нее. Посмотрите, какъ онъ наряжаетъ ее. Женщина у ссыльныхъ пользуется почетомъ.

— Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей ходить съ синяками, — прибавилъ отъ себя ген. Кононовичъ, присутствовавшій при разговорѣ.

селеніе. Если каторжная женщина изъ сварливаго характера или изъ распутства слишкомъ часто мѣняетъ сожителей, то ее наказываютъ, но и такіе случаи бываютъ рѣдко и возникаютъ только вслѣдствіе жалобъ поселенцевъ.

*) Въ Верхнемъ Армуданѣ у татарина Тухватулы я записалъ сожительницей Екатерину Петрову; она имѣетъ отъ него дѣтей; работникъ въ этой семьѣ магометанинъ, гости тоже. Въ Рыковскомъ поселенецъ Магометъ Усте-Норъ живетъ съ Авдотьей Мохвѣдовой. Въ Нижнемъ Армуданѣ у лютеранина поселенецъ Перещкаго сожительница еврейка Лея Пермутъ Бреха, а въ Большомъ Таловъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ Калевскій сожительствуетъ съ аянкой.

Бываютъ и ссоры, и драки, и дѣло доходить до сныяговъ, но все же поселенецъ учитъ свою сожительницу съ опаской, такъ какъ сила на ея сторонѣ: онъ знаетъ, что она у него незаконная, и во всякое время можетъ бросить его и уйти къ другому. Понятно, что ссыльные жалуются своихъ женщинъ не изъ одной только этой опаски. Какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ, привлекательномъ видѣ. Въ Дуэ я видѣлъ сумасшедшую, страдающую эпилепсіей каторжную, которая живетъ въ избѣ своего сожителя, тоже каторжнаго; онъ ходитъ за пей, какъ усердная сидѣлка, и когда я замѣтилъ ему, что, вѣроятно, ему тяжело жить въ одной комнатѣ съ этою женщиной, то онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «Ничего-о, ваше высокоблагородіе, по-человѣчности!» Въ Ново-Михайловкѣ у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ногъ и день и ночь лежитъ среди комнаты на лохмотьяхъ, и онъ ходитъ за ней, и когда я сталъ увѣрять его, что для него же было бы удобнѣе, если бы она лежала въ больницѣ, то и онъ тоже заговорилъ о человѣчности.

Съ хорошими и заурядными семьями въ перемежку встрѣчается и тотъ разрядъ свободныхъ семей, которому отчасти обязанъ такою дурною репутаціей ссылочный «женскій вопросъ». Въ первую же минуту эти семьи отталкиваютъ своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюрьмою и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое. Много мужчинъ и женщинъ живутъ вмѣстѣ, потому что такъ надо, такъ принято въ ссылкѣ; сожительства стали въ колоніи традиціоннымъ порядкомъ, и эти люди, какъ слабые, безвольныя натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждалъ ихъ къ тому. Хохлушка лѣтъ 50 въ Ново-Михайловкѣ, пришедшая сюда съ сыномъ, тоже каторжнымъ, изъ-за невѣстки, которая была найдена мертвой въ колодцѣ, оставившая дома старика-мужа и дѣтей, живетъ здѣсь съ сожителемъ, и, повидимому, это самой ей гадко и ей стыдно говорить объ этомъ съ постороннимъ человѣкомъ. Своего сожителя она презираетъ и, все-таки, живетъ съ нимъ и спитъ вмѣстѣ: такъ надо въ ссылкѣ. Члены подобныхъ семей чужды другъ другу до такой степени, что какъ и долго они ни жили подъ одною крышей, хотя бы 5—10 лѣтъ, не чаютъ, сколько другъ другу лѣтъ, какою губерніи, какъ по отчету... На вопросъ, сколько ея сожителю лѣтъ, баба, глядя вяло лѣниво въ сторону, отвѣчаетъ обыкновенно: «А чортъ его знаетъ!» Пока сожитель на работѣ или играетъ гдѣ-нибудь въ карты,

сожительница валяется въ постели, праздная, голодная; если кто-нибудь изъ сосѣдей войдетъ въ избу, то она нехотя приподнимется и расскажетъ, зѣвая, что она «за мужа пришла», невинно пострадала: «Его, чорта, хлопцы убили, а меня въ каторгу». Сожитель возвращается домой: дѣлать нечего, говорить съ бабой не о чемъ; самоваръ бы поставить, да сахару и чаю нѣтъ... При видѣ валяющейся сожительницы, чувство скуки и праздности, несмотря на голодъ и досаду, овладѣваетъ имъ, онъ вздыхаетъ и тоже—бултыхъ въ постель. Если женщины изъ такихъ семей промышляютъ проституціей, то сожители ихъ обыкновенно поощряютъ это занятіе. Въ проституткѣ, добывающей кусокъ хлѣба, сожитель видитъ полезное домашнее животное и уважаетъ ее, т.-е. самъ ставитъ для нея самоваръ и молчитъ, когда она бранится. Она часто мѣняетъ сожителей, выбирая тѣхъ, кто побогаче, или у кого есть водка, или мѣняетъ просто отъ скуки, для разнообразія.

Каторжная женщина получаетъ арестантскій пай, который она съѣдаетъ вмѣстѣ съ сожителемъ; иногда этотъ бабій пай служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія семьи. Такъ какъ сожительница формально считается работницей, то поселенецъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу: онъ обязуется свезти пудовъ двадцать груза изъ одного округа въ другой или доставитъ въ постъ десятокъ бревенъ. Эта формальность, впрочемъ, обязательна только для поселенцевъ-мужиковъ и не требуется отъ ссыльныхъ, которые живутъ въ постахъ и ничего не дѣлаютъ. Отбывши срокъ, каторжная женщина перечисляется въ поселенческое состояніе и уже перестаетъ получать кормовое и одежное довольствіе; такимъ образомъ, на Сахалинѣ переводъ въ поселки совсѣмъ не служитъ облегченіемъ участи: каторжницамъ, получающимъ отъ казны пай, живется легче, чѣмъ поселкамъ, и чѣмъ дольше срокъ каторги, тѣмъ лучше для женщины, а если она безсрочная, то это значитъ, что она обезпечена кускомъ хлѣба безсрочно. Крестьянскія права поселка получаетъ обыкновенно на льготныхъ основаніяхъ, черезъ шесть лѣтъ.

Женщинъ свободнаго состоянія, добровольно пришедшихъ за мужьями, въ настоящее время въ колоніи больше, чѣмъ каторжныхъ женщинъ, а ко всему числу ссыльныхъ женщинъ онѣ относятся какъ 2 : 3. Я записалъ 697 женщинъ свободнаго состоянія; каторжныхъ женщинъ, поселокъ и крестьянокъ было 1,041,—значитъ, свободныя въ колоніи составляютъ 40% всего наличнаго состава взрослыхъ женщинъ *). Покидать родину и идти въ ссылку

*) Въ первые десять лѣтъ съ начала морской перевозки, съ 1879 по 1889 г.,

за преступными мужьями побуждаютъ женщинъ разнообразныя причины. Однѣ идутъ изъ любви и жалости; другія изъ крѣпкаго убѣжденія, что разлучить мужа и жену можетъ только Богъ; третьи бѣгутъ изъ дому отъ стыда; въ темной деревенской средѣ позоръ мужей все еще падаетъ на женъ: когда, напримѣръ, жена осужденнаго полощетъ на рѣкѣ бѣлье, то другія бабы обзываютъ ее каторжанкой; четвертыя увлекаются на Сахалинъ мужьями, какъ въ ловушку, путемъ обмана. Еще въ трюмѣ парохода многіе арестанты пишутъ домой, что на Сахалинѣ и тепло, и земли много, и хлѣбъ дешевый, и начальство доброе; изъ тюрьмы они пишутъ то же самое, иногда по нѣсколькѣ лѣтъ, придумывая все новыя соблазны, и расчетъ ихъ на темноту и легковѣріе женъ, какъ показали факты, часто оправдывается *). Наконецъ, пятія идутъ потому, что все еще продолжаютъ находиться подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужей; такия, быть можетъ, сами принимали участіе въ преступленіи или пользовались плодами его и не попали подъ судъ только по недостатку уликъ. Наболѣе часты двѣ первыя причины: состраданіе и жалость до самопожертвованія и непоколебимая сила убѣжденія. Среди женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, кромѣ русскихъ, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и нѣмки **).

Когда женщины свободнаго состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно привѣтливо. Вотъ характерный эпизодъ. 19 октября 1889 г. на пароходѣ добровольнаго флота *Владивостокъ* прибыло въ Александровскъ 300 женщинъ свободнаго состоянія, подростковъ и дѣтей. Плыли они изъ Владиво-

на пароходахъ добровольнаго флота было перевезено каторжныхъ мужчинъ и женщинъ 8,480 и добровольно слѣдовавшихъ за ними членовъ ихъ семействъ 1,146.

*) Одинъ арестантъ въ письмѣ хвалился даже, что у него есть иностранная серебрянная монета. Тонъ подобныхъ писемъ жизнерадостный, игривый.

***) Случается, что за женами приходятъ въ ссылку мужья. На Сахалинѣ такихъ мужей только трое: отставные солдаты Андрей Найдушъ и Андрей Гавниъ въ Александровскѣ и крест. Жигулинъ въ Дербинскомѣ. Послѣдній, пришедшій за женой и дѣтьми, старикъ, разыгрываетъ изъ себя чудака, похожъ на пьянаго и служить посмѣшищемъ для всей улицы. Одинъ нѣмецъ старикъ пришелъ съ женой къ сыну Гелдибу. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я спросилъ его, между прочимъ, лько ему хѣтъ.

— Я родился въ 1832 г.,—сказалъ онъ по-нѣмецки, потомъ написалъ на столѣ лбомъ 1890 и вычелъ 1832.

Съ однимъ каторжнымъ, бывшимъ купцомъ, пріѣхалъ его прикащикъ, который, почему-то, пожилъ въ Александровскѣ только мѣсяцъ и вернулся въ Россію. По 4 ст. *Устава о ссыльныхъ* мужья-евреи не могутъ слѣдовать въ ссылку за своими ждженными женами, и послѣднимъ предоставляется брать съ собой лишь грудныхъ дѣтей, и то не иначе, какъ съ согласія мужей.

стока 3—4 сутокъ на холодѣ, безъ горячей пищи и среди нихъ, какъ передавалъ мнѣ докторъ Перлинь, было найдено 26 больныхъ скарлатиной, оспой и корью. Пароходъ пришелъ поздно вечеромъ. Командиръ, опасаясь, вѣроятно, дурной погоды, потребовалъ, чтобы приняли пассажировъ и грузъ непременно ночью. Выгружали съ 12 до 2 часовъ ночи. Женщинъ и дѣтей заперли на пристани въ катерномъ сараѣ и въ амбарѣ, построенномъ для склада товаровъ, а больныхъ—въ сараѣ, который приспособленъ для карантиннаго содержанія больныхъ. Вещи пассажировъ свалили въ беспорядкѣ въ баржу. Къ утру прошелъ слухъ, что баржу ночью сорвало волненіемъ и унесло въ море. Поднялся плачь. У одной женщины вмѣстѣ съ вещами пропало 300 руб. Составили протоколъ и обвинили во всемъ бурю, между тѣмъ, на другой же день стали находить въ тюрьмѣ у каторжныхъ пропавшія вещи.

Свободная женщина въ первое время по прибытіи на Сахалинъ имѣетъ ошеломленный видъ. Островъ и каторжная обстановка поражаютъ ее. Она съ отчаяніемъ говоритъ, что, ѣдучи къ мужу, не обманывала себя и ожидала только худого, но дѣйствительность оказалась страшнѣе всякихъ ожиданій. Едва она поговорила съ тѣми женщинами, которыя прибыли раньше ея, и поглядѣла на ихъ житье-бытье, какъ у нея уже является увѣренность, что она и дѣти ея погибли. Хотя до окончанія срока осталось еще болѣе 10—15 лѣтъ, но она уже бредитъ о материгѣ и слышать не хочетъ про здѣшнее хозяйство, которое кажется ей ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія. Она плачетъ день и ночь съ причитываніями, поминая своихъ покинутыхъ родныхъ, какъ усопшихъ, а мужъ, сознавая свою великую вину передъ ней, молчитъ угрюмо, но, наконецъ, выйдя изъ себя, начинаетъ бить ее и бранить за то, что она пріѣхала сюда.

Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или привезла ихъ такъ мало, что хватало только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро наступаетъ голодъ. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей съ дѣтьми приходится кормиться тою же арестантскою порціей, которую получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослого *). Изъ дня въ день мысль работаетъ все

*) Тутъ рѣзко бросается въ глаза разница положеній этой свободной женщины, законной жены, и ея сосѣдки каторжной, сожительницы, получающей отъ казны ежедневно по три фунта хлѣба. Во Владиміровкѣ одна женщина свободного состоянія подозрѣвается въ убійствѣ мужа; если ее осудятъ въ каторжные работы, то она начнетъ получать паекъ,—значитъ, попадетъ въ лучшее положеніе, чѣмъ была до суда.

въ одномъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы покормить дѣтей. Отъ постоянной проголоди, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшается, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаги и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты и все это кажется неважнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, или же отдаютъ ихъ въ сожительницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ. И все это совершается съ тѣмъ большею легкостью, что свободная женщина проводить здѣсь время въ полнѣйшей праздности. Въ постахъ дѣлать совсѣмъ нечего, а въ селеніяхъ, особенно въ сѣверныхъ округахъ, хозяйства въ самомъ дѣлѣ ничтожны.

Кромѣ нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третій источникъ всякихъ бѣдъ—это мужъ. Онъ можетъ пропить или проиграть въ карты свой пай, женино и даже дѣтское платье. Онъ можетъ впасть въ новое преступленіе или удариться въ бѣга. Поселенецъ Тымовскаго округа Бышевецъ при мнѣ содержался въ карцерѣ въ Дуэ,—его обвиняли въ покушеніи на убійство; жена его и дѣти жили по близости въ казармахъ для семейныхъ, а домъ и хозяйство были брошены. Въ Мало-Тымовѣ бѣжалъ поселенецъ Бучеренко, оставивъ жену и дѣтей. Если мужъ не изъ такихъ, которые убиваютъ или бѣгаютъ, то, все-таки, каждый день приходится бояться, какъ бы его не наказали, не взвели бы на него напраслины, какъ бы онъ не надорвался, не заболѣлъ, не умеръ.

Годы уходятъ, близится старость; мужъ отбылъ уже каторгу и поселенческій срокъ и хлопочетъ о крестьянскихъ правахъ. Пршдое предается забвенію, прощается, и съ отъѣздомъ на материкъ мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бываетъ и иначе. Жена умираетъ отъ чахотки, а мужъ уѣзжаетъ на материкъ, старый и одинокій; или же она остается вдовой и не знаетъ, что ей дѣлать, куда ѣхать. Въ Дербинскомъ жена свободного солія Александра Тимоеева ушла отъ своего мужа молокана къ стуху Авиму, живетъ въ тѣсной, грязной лачужкѣ и уже родила стуху дочь, а мужъ взялъ къ себѣ другую женщину, сожительцу. Женщины свободного состоянія Шулигина и Ѳедина въ Александровскѣ тоже ушли отъ мужей въ сожительницы. Ненила Барчко овдовѣла и живетъ теперь съ поселенцемъ. Каторжный Ал-

туховъ ушелъ бродяжить, а его жена Еватерина, свободная, состоитъ въ незаконномъ бракѣ *).

XVII.

Составъ населенія по возрастамъ.—Семейное положеніе ссыльных.—Браки.—Рожаемость.—Сахалинскія дѣти.

Цифры, относящіяся къ возрастному составу ссыльнаго населенія, если бы даже онѣ отличались идеальною точностью и несравненно большею полнотой, чѣмъ собранныя мною, то, все-таки, давали бы почти ничего. Во-первыхъ, онѣ случайны, такъ какъ обусловлены не естественными или экономическими условіями, а юридическими теоріями, существующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, волей лицъ, составляющихъ тюремное вѣдомство. Съ измѣненіемъ взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую въ частности измѣнится и возрастной составъ населенія; то же случится, когда стануть присылать въ колонію вдвое больше женщинъ или когда съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги начнется свободная иммиграція. Во-вторыхъ, на ссыльномъ островѣ, при исключительномъ строѣ жизни, эти цифры имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, что

*) *Уставъ о ссыльныхъ* отводитъ у себя мѣсто также и женщинамъ свободного состоянія. По ст. 85, „женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора“. Въ Европейской Россіи или на пароходѣ добровольнаго флота онѣ свободны отъ надзора, въ Сибири же, когда партія идетъ пѣшкомъ и на подводахъ, конвойнымъ не время разбирать въ толпѣ, гдѣ тутъ ссыльные и свободныя. Въ Забайкальи мнѣ случилось видѣть, какъ въ рѣкѣ купались вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти; конвойные, ставши возлѣ полукругомъ, не позволяли выходить за границы этого полукруга никому, даже ребятамъ. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно слѣдующія за мужьями, „получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути до мѣста назначенія“ въ размѣрѣ арестантскаго пайка. Но въ *Уставѣ* не говорится, какъ должны женщины свободного состоянія слѣдовать черезъ Сибирь—пѣшкомъ или на подводахъ. По ст. 406, имъ съ согласія мужей дозволяются временныя отлучки съ мѣста ссылки во внутреннія губерніи имперіи. Если мужъ умретъ въ ссылкѣ или если бракъ будетъ расторгнутъ вслѣдствіе новаго преступленія, то жена, по ст. 408, можетъ возвратиться на родину на казенный счетъ.

Описывая положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ и ихъ дѣтей, повинныхъ только въ томъ, что судьба поставила ихъ въ родство съ преступниками, Власовъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что это „едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортационной системы“. О томъ, какъ неравномѣрно женщины свободного состоянія распределяются по округамъ и по селеніямъ, и какъ мало дорожатъ ими мѣстная администрація, я говорилъ уже. Пусть читатель вспомнитъ про дуйскія *казармы для семейныхъ*. То, что свободныя женщины и ихъ дѣти содержатся въ общихъ камерахъ, какъ въ тюрьмѣ, при отвратительной обстановкѣ, вмѣстѣ съ тюремными картежниками, съ ихъ любовницами и съ ихъ свиньями, содержатся въ Дуэ, то-есть въ самомъ жуткомъ и безнадежномъ мѣстѣ острова, достаточно рисуетъ колонизаціонную и сельско-хозяйственную политику вѣдшихъ властей.

при обыкновенныхъ условіяхъ въ Череповецкомъ или Московскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, ничтожный процентъ стариковъ на Сахалинѣ означаетъ не какія-либо неблагополучныя условія вродѣ высокой смертности, а то лишь, что ссыльные въ большинствѣ успѣвають отбыть наказаніе и уѣхать на материкъ до наступленія старости.

Въ настоящее время въ колоніи занимаютъ первое мѣсто возрасты отъ 25 до 35 (24,3%) и отъ 35 до 45 (24,1% *)). Возрасты отъ 20 до 55 лѣтъ, которые д-ръ Грязновъ называетъ рабочими, даютъ въ колоніи 64,6%, т. е. почти въ полтора раза больше, чѣмъ въ Россіи вообще **). Примѣръ Сахалина учитъ, что высокій процентъ и даже избытокъ рабочихъ или производительныхъ возрастовъ не всегда служатъ показателемъ экономическаго благосостоянія; въ колоніи онъ указываетъ лишь на избытокъ рабочихъ рукъ, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодныхъ, праздныхъ и неспособныхъ, на Сахалинѣ строятся города и проводятся превосходныя дороги. Не дешево стоящія сооруженія и рядомъ съ этимъ необезпеченность и нищенство производительныхъ возрастовъ наводятъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ настоящаго колоніи съ тѣми временами, когда также искусственно создавался излишекъ рабочихъ рукъ, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпѣли крайнюю, изнурительную нужду.

Дѣти, т. е. возрасты отъ 0 до 15 лѣтъ, даютъ тоже высокую цифру—24,9%. Сравнительно съ однородными русскими цифрами ***) она мала, для ссыльной же колоніи, гдѣ семейная жизнь находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, она высока. Плодовитость сахалинскихъ женщинъ и невысокая дѣтская смертность, какъ увидить ниже читатель, скоро поднимутъ процентъ дѣтей еще выше, быть можетъ, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всякихъ колонизаціонныхъ соображеній, близость дѣ-

*) Вотъ составленная мною табличка возрастовъ:

Отъ	До	М.	Ж.	Отъ	До	М.	Ж.
0	5	493	473	35	45	1,405	578
5	10	319	314	45	55	724	236
10	15	215	234	55	65	318	56
15	20	89	96	65	75	90	12
20	25	134	136	75	85	17	1
25	35	1,419	680	85	95	—	1

Неизвѣстенъ возрастъ м. 142, ж. 35.

**) Въ Череповецкомъ уѣздѣ рабочіе возрасты составляютъ 44,9%, въ Московскѣ 45,4%, въ Тамбовскомъ 42,7%. См. книгу В. И. Никольскаго: „Тамбовскій лѣтъ. Статистика населенія и болѣзненности“, 1885 г.

**) Въ Череповецкомъ уѣздѣ 37,3, въ Тамбовскомъ около 39%.

тей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку и живѣе, чѣмъ что-либо другое, напоминаетъ имъ родную русскую деревню; къ тому же, заботы о дѣтяхъ спасаютъ ссыльныхъ женщинъ отъ праздности; это и худо, потому что непродуцительные возрасты, требуя отъ населенія затратъ и сами не давая ничего, осложняютъ экономическія затрудненія; они усиливаютъ нужду, и въ этомъ отношеніи колонія поставлена даже въ болѣе неблагоприятныя условія, чѣмъ русская деревня: сахалинскія дѣти, ставши подростками или взрослыми, уѣзжаютъ на материкъ и такимъ образомъ затраты, понесенныя колоніей, не возвращаются.

Возрасты, составляющіе надежду и основу если не созрѣвшей уже, то созрѣвающей колоніи на Сахалинѣ, даютъ самый ничтожный процентъ. Лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ во всей колоніи только 185: м. 89 и ж. 96, т.-е. около 2%. Изъ нихъ только 27 человекъ настоящіе дѣти колоніи, такъ какъ родились на Сахалинѣ или на пути слѣдованія въ ссылку, остальные же всѣ — пришлый элементъ. Но и эти родившіеся на Сахалинѣ ждутъ только отъѣзда родителей или мужей на материкъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ ними. Почти всѣ 27 — это дѣти зажиточныхъ крестьянъ, уже отбывшихъ наказаніе и остающихся пока на островѣ ради округленія капиталовъ. Таковы, напримѣръ, Рачковы въ селеніи Александровскомъ. Даже Марія Барановская, дочь вольнаго поселенца, родившаяся въ Чибисани, — ей теперь 18 лѣтъ, — не останется на Сахалинѣ и уѣдетъ на материкъ съ мужемъ. Изъ тѣхъ, которые родились на Сахалинѣ 20 лѣтъ назадъ и которымъ пошелъ уже 21 годъ, не осталось на островѣ уже ни одного. Всѣхъ вообще въ колоніи двадцатилѣтковъ 27: изъ нихъ 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7 — сыновья ссыльныхъ, молодые люди, уже знающіе дорогу во Владивостокъ и на Амуръ *).

На Сахалинѣ 860 законныхъ семей и 782 свободныхъ, и эти цифры достаточно опредѣляютъ семейное положеніе ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина всего взрослого населенія. Женщины

*) Изъ таблицы видно, что въ дѣтскихъ возрастахъ помы распредѣляются почти равномерно, а въ возрастахъ отъ 15 до 20 и отъ 20 до 25 наблюдается даже нѣкоторый избытокъ женщинъ; но затѣмъ въ возрастѣ отъ 25—35 мужчины перевѣшиваютъ больше, чѣмъ вдвое, а въ пожиломъ и преклонномъ возрастахъ этотъ перевѣсъ можно назвать подавляющимъ. Малое число стариковъ и почти отсутствіе старухъ указываютъ на недостатокъ въ сахалинскихъ семьяхъ элемента опытности, традицій. Всякій разъ при посѣщеніи тюремъ мнѣ казалось, что въ нихъ стариковъ относительно больше, чѣмъ въ колоніи.

въ колоніи всё заняты, слѣдовательно, другую половину, то-есть около трехъ тысячъ душъ, живущихъ одиноко, составляютъ одни мужчины. Впрочемъ, это отношеніе, какъ случайное, подвержено постояннымъ колебаніямъ. Такъ, когда, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новыхъ поселенцевъ, то процентъ безсемейныхъ въ колоніи повышается; когда же, какъ это случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда, сахалинскимъ поселенцамъ разрѣшено было работать на Уссурійскомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги, то процентъ этотъ понизился. Какъ бы то ни было, развитіе семейнаго начала среди ссыльныхъ считается чрезвычайно слабымъ, и какъ на главную причину, почему колонія до сихъ поръ не удалась, указываютъ именно на большое число безсемейныхъ *). Препятствіемъ къ развитію семейной жизни служить, прежде всего, недостатокъ женщинъ; въ виду этой главной причины, всё остальное, какъ нерасположеніе многихъ арестантовъ къ семейной жизни, испорченность ихъ и проч., уходятъ на задній планъ. О недостаткѣ женщинъ въ колоніи, о причинахъ его и послѣдствіяхъ была уже рѣчь въ предъидущей главѣ. Теперь же на очереди вопросъ, почему въ колоніи получили такое широкое развитіе незаконныя или свободныя сожителства и почему при взглядѣ на цифры, относящіяся къ семейному положенію ссыльныхъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто ссыльные упорно уклоняются отъ законнаго брака? Вѣдь, если бы не жены свободного состоянія, добровольно пришедшія за мужьями, то свободныхъ семей въ колоніи было бы въ 4 раза больше, чѣмъ законныхъ **). Такое положеніе дѣла генералъ-губернаторъ, диктуя мнѣ въ тетрадку, называлъ «вопиющимъ» и обвинялъ при этомъ, конечно, не ссыльныхъ. Какъ люди въ большинствѣ патріархальныя и религіозныя, ссыльные предпочитаютъ законный бракъ. Незаконныя супруги часто просятъ у начальства

*) Хотя ни откуда не видно, чтобы упроченіе колоніи въ первое время зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія въ ней семейнаго начала; мы знаемъ, что благо-состояніе Виргиніи было упрочено раньше, чѣмъ туда стали призывать женщинъ.

**) Если судить по одинымъ голымъ цифрамъ, то можно вывести заключеніе, что ровная форма брака для русскихъ ссыльныхъ самая неподходящая. Изъ казенныхъ вѣдомостей, наиримѣръ, за 1887 г., видно, что въ Александровскомъ округѣ изъ каторжныхъ женщинъ 211. Изъ нихъ только 34 состояли въ законѣ, а 186 китедьствовали съ каторжными и поселенцами. Въ Тымовскомъ округѣ въ томъ же году изъ 194 каторжныхъ женщинъ 11 жили съ законными мужьями, а 161 со-ожили въ сожителствѣ. Изъ 198 поселокъ 33 были замужемъ, а 118 сожителство-вали. Въ Корсаковскомъ округѣ ни одна изъ каторжныхъ женщинъ не жила съ кемъ; 115 состояли въ незаконномъ бракѣ; изъ 21 поселокъ только четыре были гужемъ.

дозволенія перевѣнчаться, но по большинству этихъ прошеній приходится отказывать по причинамъ, не зависящимъ ни отъ мѣстной администраціи, ни отъ самихъ ссыльныхъ. Дѣло въ томъ, что хотя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія поражаются супружескія права осужденнаго и онъ уже не существуетъ для семьи, какъ бы умеръ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, его брачныя права въ ссылкѣ опредѣляются не обстоятельствами, вытекающими изъ его дальнѣйшей жизни, а волею супруга не осужденнаго, оставшагося на родинѣ. Необходимо, чтобы этотъ супругъ согласился на расторженіе брака и далъ разводъ, и тогда только осужденный можетъ вступить въ новый бракъ. Оставшіеся же супруги обыкновенно не даютъ этого согласія: одни изъ религіознаго убѣжденія, что разводъ есть грѣхъ, другіе—потому, что считаютъ расторженіе брака ненужнымъ, празднымъ дѣломъ, прихотью, особенно когда обоимъ супругамъ уже близко къ сорока. «Въ его ли годы жениться, — разсуждаетъ жена, получивъ отъ мужа письмо насчетъ развода. — Одушѣ бы, старый песъ, подумалъ». Третьи отказываютъ потому, что боятся начинать такое въ высшей степени сложное, хлопотливое и не дешевое дѣло, какъ разводъ, или просто потому, что не знаютъ, куда обратиться съ прошеніемъ и съ чего начать. Въ томъ, что ссыльные не вступаютъ въ законный бракъ, часто бываютъ виноваты также несовершенства статейныхъ списковъ, создающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлый рядъ всякихъ формальностей, томительныхъ, во вкусѣ старинной вологиты, ведущихъ къ тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовыя марки и телеграммы, въ концѣ-концовъ, безнадежно машетъ рукой и рѣшаетъ, что законной семьи у него не быть. У многихъ ссыльныхъ совсѣмъ нѣтъ статейныхъ списковъ; попадаются такіе списки, въ которыхъ совсѣмъ не показано семейное положеніе ссыльнаго, или же показано неясно или невѣрно, между тѣмъ, кромѣ статейнаго списка, у ссыльнаго нѣтъ никакихъ другихъ документовъ, на которые онъ могъ бы ссылаться въ случаѣ надобности *).

*) Кн. Шаховской въ своемъ *Днѣ объ устройствѣ о. Сахалина* писалъ, между прочимъ: „Не малыми затрудненіями къ безпрепятственному заключенію браковъ представляютъ семейные списки, въ которыхъ часто не проставляется вѣронсповданіе и семейное положеніе, а, главное, неизвѣстно, произошелъ ли разводъ съ оставшимся въ Россіи супругомъ; узнать объ этомъ, а тѣмъ болѣе исходатайствовать разводъ черезъ консисторію съ о. Сахалина дѣло почти невозможное.“

Вотъ для образца примѣры, какъ въ колоніи устривается семья. Въ Маломъ Таеѣ каторжная Соловьева, Прасковья, сожительствуетъ съ поселенцемъ Кудривымъ, который не можетъ жениться на ней, потому что на родинѣ у него осталась жена: дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лѣтъ, свободнаго состоянія, сожительствуетъ с

Свѣдѣнія о числѣ браговъ, совершаемыхъ въ колоніи, можно добыть изъ метрическихъ книгъ; но такъ какъ законный бракъ здѣсь составляетъ роскошь, доступную не для всякаго, то эти свѣдѣнія далеко не опредѣляютъ истинной потребности населенія въ брачной жизни; здѣсь вѣнчаются не когда нужно, а когда можно. Средній возрастъ брачующихся здѣсь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладаніи позднихъ или раннихъ браговъ и дѣлать отсюда какіе-либо выводы невозможно, такъ какъ семейная жизнь у большинства ссыльныхъ начинается задолго до совершения церковнаго обряда, и вѣнчаются обыкновенно пары, уже имѣющія дѣтей. Изъ метрическихъ книгъ пока видно лишь, что за послѣднія десять лѣтъ наибольшее число браговъ было совершено въ январѣ; на этотъ мѣсяцъ падаетъ почти треть всѣхъ браговъ. Осеннее повышеніе въ сравненіи съ январскимъ слишкомъ ничтожно, такъ что о сходствѣ съ нашими земледѣльческими уѣздами не можетъ быть и рѣчи. Браки, совершавшіеся при нормальныхъ условіяхъ, когда женились дѣти ссыльныхъ, свободные, всѣ до одного были ранніе; женихи были въ возрастѣ отъ 18 до 20, а невѣсты отъ 15 до 19 лѣтъ. Но въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ дѣвушекъ свободного состоянія больше, чѣмъ мужчинъ, которые обыкновенно оставляютъ островъ до наступленія брачнаго возраста; и, вѣроятно, за недостаткомъ молодыхъ жениховъ и отчасти изъ экономическихъ соображеній было совершено много неравныхъ браговъ; молодыя свободныя дѣвушки, почти дѣвочки, были выдаваемы родителями за пожилыхъ поселенцевъ и крестьянъ. Унтеръ-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но очастливливали только 15—16-ти лѣтнихъ *).

поселенцемъ Городнянскимъ, который не женится на ней по той же причинѣ. Поселенецъ Игнатьевъ въ Ново-Михайловѣ жаловался мнѣ, что его не вѣнчаютъ съ сожительницей потому, что за *давностью мѣтъ* не могутъ опредѣлить его семейнаго положенія; сожительница его умоляла меня хлопотать и при этомъ говорила: „Грѣхъ такъ жить, мы уже не молодые“. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько сотъ. Тѣхъ, которые на роднѣ были женаты и замужемъ, у меня записано 2,379; въ нихъ прибыли съ супругами или вступили въ новый бракъ на Сахалинѣ 1,350, состоятъ въ сожительствѣ 527, живутъ одиноко 862.

Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалинѣ завидными женихами; томъ отношеніи они хорошо знаютъ себѣ цѣну и держатъ себя съ невѣстами и ихъ родителями съ тою разнузданною надменностью, за которую Н. С. Лѣсковъ не любитъ „не сытыхъ архіерейскихъ скотинъ“. За 10 лѣтъ было совершено только *mésalliance*’овъ. Коллежскій регистраторъ женился на дочери каторжнаго, орный совѣтникъ—на дочери поселенца, капитанъ—на дочери поселенца, купецъ—рестьянкѣ изъ ссыльныхъ, дворянка вышла за поселенца. Эти рѣдкіе примѣры, и интеллигентные люди женятся на дочеряхъ ссыльныхъ, чрезвычайно симпатично, вѣроятно, не остаются безъ хорошаго вліянія на колонію. Въ январѣ 1880 г.

Свадьбы играютя скромно и скучно; въ Тымовскомъ округѣ, говорятъ, бывають иногда веселыя свадьбы, шумныя, и особенно шумять хохлы. Въ Александровскѣ, гдѣ есть типографія, въ обычаѣ у ссыльныхъ разсылать передъ свадьбой печатные приглашительные билеты. Наборщики-каторжные соскучились надъ приказами и бывають рады щегольнуть своимъ искусствомъ, и ихъ билеты по внѣшности и тексту мало отличаются отъ московскихъ. На каждую свадьбу изъ казны отпускается бутылка спирту. Если ссыльный женится на каторжной, то онъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу, натурой: возить грузъ изъ одного округа въ другой и т. п.

Рождаемость въ колоніи сами ссыльные считаютъ чрезмѣрно высокою, и это даетъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ надъ женщинами и къ разнымъ глубокомысленнымъ замѣчаніямъ. Говорятъ, что на Сахалинѣ самый климатъ располагаетъ женщинъ къ беременности; рожаютъ старухи и даже такія, которыя въ Россіи были бесплодны и не надѣялись уже имѣть когда-либо дѣтей. Жен-

въ Дуэской церкви былъ повѣнчанъ каторжный на гялячкѣ. Въ Рыковскомъ я записалъ Григорія Сивокобылку, 11 лѣтъ, у котораго мать была гялячка. Вообще браки между русскими и инородцами бывають очень рѣдко. Рассказывали мнѣ про одного назвирателя, живущаго съ гялячкой, которая родила сына и хочетъ креститься, чтобы затѣмъ обвѣнчаться. О. Ираклій зналъ ссыльнаго якута, который былъ женатъ на грузинкѣ; оба плохо понимали по-русски. Что касается магометанъ, то они и въ смыслѣ не отказываются отъ многоженства и нѣкоторые изъ нихъ имѣють по двѣ жены; такъ, у Джаксанбетова въ Александровскѣ двѣ жены, Батыма и Сасена, у Абубакирова въ Корсаковскомъ тоже двѣ — Ганоста и Верхоняса. Въ Андрее-Ивановскомъ я видѣлъ чрезвычайно красивую татарку 15 лѣтъ, которую мужъ купилъ у ея отца за 100 рублей; когда мужа нѣтъ дома, она сидитъ на кровати, а въ дверь изъ сѣней смотрятъ на нее поселенцы и любятъся.

Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ ссыльно-каторжнымъ обоюго пола браки только черезъ 1 — 3 года по поступленіи въ разрядъ исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая въ колонію, но находящаяся еще въ разрядѣ испытуемыхъ, можетъ быть только сожительницей, а не женой. Ссыльнымъ мужчинамъ разрѣшается жениться на преступницахъ, лица же женскаго пола, лишеныя всѣхъ правъ состоянія, до перечисленія въ крестьянское сословіе, могутъ выходить только за ссыльныхъ. Женщинѣ свободнаго состоянія, которая выйдетъ за ссыльнаго, вступающаго въ Сибирь въ первый бракъ, выдается изъ казны 50 рублей; поселенцу, вступившему въ Сибирь въ первый бракъ со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же взаимнообразно.

Въ *Уставѣ* ничего не говорится о бракахъ бродягъ. По какимъ документамъ опредѣляется семейное положеніе и возрастъ ихъ при вступленіи въ бракъ, я не знаю. Что ихъ вѣнчаютъ на Сахалинѣ, я узналъ впервые изъ слѣдующей бумаги, написанной по формѣ прошенія: „Его высокопревосходительству господину начальнику островъ Сахалина. Удостовереніе поселенца Тымовскаго округа, селенія Рыковскаго, не помнищаго родства Ивана, 35 лѣтъ. Что я Непомнящій принялъ законное бракосочетаніе на поселкѣ Березняковой Маріи въ прошломъ 1888 году 12 ноября“. За неграмотностью расписались два поселенца.

щины точно торопятся населить Сахалинъ и часто рожаютъ двойней. Одна роженица во Владиміровкѣ, пожилая женщина, имѣющая уже взрослую дочь, слышавши разговоръ о двойняхъ, ожидала, что у нея тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только одинъ. «Поищите еще», — попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здѣсь не чаще, чѣмъ въ русскихъ уѣздахъ. За десятилѣтній періодъ до 1 января 1890 г. въ колоніи родилось 2,275 дѣтей обоего пола, а такъ называемыхъ плодущихъ родовъ было только 26 *). Всѣ эти нѣсколько преувеличенные толки о чрезмѣрной плодовитости женщинъ, о двойняхъ и т. п. указываютъ на то, съ какимъ интересомъ ссыльное населеніе относится къ рождаемости и какое она имѣетъ здѣсь важное значеніе.

Оттого что численный составъ населенія подверженъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ, притомъ, случайныхъ, какъ на рынкѣ, опредѣленіе коэффиціента общей рождаемости въ колоніи за нѣсколько лѣтъ можно считать недостигаемою роскошью; онъ уловимъ тѣмъ труднѣе, что цифровой матеріалъ, собранный мною и другими, имѣетъ очень скромный объемъ; численный составъ населенія за прошлые годы неизвѣстенъ и приведеніе его въ извѣстность, когда я знакомился съ канцелярскимъ матеріаломъ, представлялось мнѣ египетскою работою, общавшею, притомъ, самые сомнительные результаты. Можно опредѣлить коэффиціентъ лишь приблизительно и только для настоящаго времени. Въ 1889 г. во всѣхъ четырехъ приходяхъ родилось 352 дѣтей обоего пола; при обыкновенныхъ условіяхъ въ Россіи такое количество дѣтей рождается ежегодно въ мѣстахъ съ населеніемъ въ семь тысячъ душъ **); именно семь тысячъ съ прибавкою нѣсколькихъ сотенъ жило въ колоніи въ 1889 г. Здѣшній коэффиціентъ рождаемости, очевидно, лишь не много выше, чѣмъ вообще въ Россіи (49,8) и въ русскихъ уѣздахъ, напримѣръ, Череповецкомъ (45,4) и Тамбовскомъ (51,8). Можно признать, что рождаемость на Сахалинѣ въ 1889 г. была относительно такъ же велика, какъ вообще въ Россіи, и если была разница въ коэффиціентахъ, то небольшая, не имѣющая, вѣроятно, особеннаго значенія. А такъ какъ изъ двухъ мѣстностей съ одинаковыми коэффиціентами общей рождаемости плодовитость женщинъ въ той выше, въ которой ихъ относительно меньше,

*) Эти цифровыя свѣдѣнія, взятыя мною изъ приходскихъ метрическихъ книгъ, касаются одного только православнаго населенія. Рождаемость у нехристіанъ, а также атоляковъ и лютеранъ, мнѣ неизвѣстна. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ хотя отчасти, я принялъ въ общій счетъ и солдатскихъ дѣтей, родившихся на Сахалинѣ.

***) Считая, по Якобу, 49,8 или почти 50 рожденій на 1,000.

то, очевидно, можно признать также ещё, что плодовитость женщин на Сахалинѣ значительно выше, чѣмъ въ Россіи вообще.

Голодъ, тоска по родинѣ, порочныя наклонности, неволя — вся сумма неблагоприятныхъ условій ссылки не исключаетъ у ссыльныхъ производительной способности; стало быть, наличие ея не означаетъ благополучія. Причиной повышенной плодовитости женщинъ и такой же рождаемости служить, во-первыхъ, праздность ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи, вынужденное домоѣдство мужей и сожителей, вслѣдствіе отсутствія у нихъ отхожихъ промысловъ и заработковъ, и монотонность жизни, при которой удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ является часто единственнымъ возможнымъ развлеченіемъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что большинство женщинъ относится здѣсь къ производительнымъ возрастамъ. Кромѣ этихъ ближайшихъ причинъ, существуютъ, вѣроятно, еще отдаленныя, пока недоступныя непосредственному наблюденію. Быть можетъ, на сильную рождаемость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство, какое природа даетъ населенію для борьбы съ вредными, разрушительными вліяніями и, прежде всего, съ такими врагами естественнаго порядка, какъ малочисленность населенія и недостатокъ женщинъ. Чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ больше родится, и въ этомъ смыслѣ неблагоприятныя условія могутъ быть названы причиной высокой рождаемости *).

Изъ 2,275 рожденій за десятилѣтній періодъ максимумъ приходится на осенніе мѣсяцы (29,2%), минимумъ на весенніе (20,8%), и зимою (26,2%) рождалось больше, чѣмъ лѣтомъ (23,6%). Наибольшее число зачатій и рожденій происходило до сихъ поръ въ въ полугодіе съ августа до февраля, и въ этомъ отношеніи время съ короткими днями и длинными ночами было наиболѣе благоприятнымъ, чѣмъ пасмурная и дождливая весна и такое же лѣто.

Въ настоящее время на Сахалинѣ всего дѣтей 2,122, включая сюда и тѣхъ подростковъ, которымъ въ 1890 г. исполнилось 15 лѣтъ. Изъ нихъ прибыло изъ Россіи съ родителями 644, родилось на Сахалинѣ и по пути слѣдованія въ ссылку 1,473; дѣтей, мѣсто рожденія которыхъ мнѣ неизвѣстно, 5. Первыхъ меньше почти въ три раза; въ большинствѣ они прибыли на островъ уже въ тѣхъ возрастахъ, когда дѣти сознають: они помнятъ и любятъ родину;

*) Острыя, скоро проходящія катастрофы, какъ неурожай, война и т. п., понижаютъ рождаемость, хроническія же бѣдствія, какъ высокая дѣтская смертность и, быть можетъ, также пѣнь, крѣпостное состояніе, ссылка и т. п., усиливаютъ ее. Въ некоторыхъ семьяхъ вмѣстѣ съ психическимъ вырожденіемъ наблюдается также усиленная рождаемость.

вторые же, сахалинскіе уроженцы, никогда не видѣли ничего лучше Сахалина и должны тяготѣть къ нему, какъ къ своей настоящей родинѣ. Вообще объ группы значительно разнятся одна отъ другой. Такъ, въ первой группѣ незаконнорожденныхъ только 1,7%, во второй же 37,2% *). Представители первой группы называютъ себя свободными; въ громадномъ большинствѣ они были рождены или зачаты до суда и сохраняютъ поѣтому всѣ права своего состоянія. Дѣти же, рожденные въ ссылкѣ, не называютъ себя ни какъ; современемъ они припишутся къ податнымъ сословіямъ и будутъ называться крестьянами или мѣщанами, теперь же ихъ социальное положеніе опредѣляется такъ: незаконный сынъ ссыльно-каторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльнаго, узнала, что ея ребенка записали въ метрическую книгу сыномъ поселенца, то, говорятъ, горько заплакала.

Въ первой группѣ дѣтей грудныхъ и моложе 4-хъ лѣтъ почти нѣтъ совсѣмъ и перевѣсъ на сторонѣ такъ называемыхъ школьныхъ возрастовъ. Во второй же группѣ, у сахалинскихъ уроженцевъ, наоборотъ, преобладаютъ самые ранніе возрасты, и, притомъ, чѣмъ старше дѣти, тѣмъ меньше сверстниковъ, и если бы мы изобразили дѣтскіе возрасты этой группы графически, то получили бы рѣзкое крутое паденіе кривой. Въ этой группѣ дѣтей моложе одного года 203, отъ 9 до 10 лѣтъ — 45, отъ 15 до 16 — только 11 **). Изъ двадцатилѣтковъ, родившихся на Сахалинѣ, какъ я говорилъ уже, не осталось ни одного. Такимъ образомъ, недостатокъ подростковъ и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только даютъ изъ своей среды молодыхъ жениховъ и невѣстъ. Невысокій процентъ дѣтей старшихъ возрастовъ среди сахалинскихъ уроженцевъ объясняется и дѣтскою смертностью, и тѣмъ, что въ прошлые годы было на островѣ меньше женщинъ и потому меньше рождалось дѣтей, но больше всего виновата тутъ эмиграція. Взрослые, уѣзжая

*) Незаконнорожденные первой группы—это дѣти каторжныхъ женщинъ, рожденные большею частью послѣ суда въ тюрьмахъ; въ семьяхъ же, добровольно пришедшихъ за супругами и родителями, незаконнорожденныхъ нѣтъ вовсе.

**) Вотъ таблица возрастовъ, относящаяся къ сахалинскимъ уроженцамъ:

Отъ 0 до 1 года ж.	106 ж.	97	Отъ 9 до 10 лѣтъ ж.	23 ж.	22
„ 1 „ 2 лѣтъ „	120 „	104	„ 10 „ 11 „ „	25 „	27
„ 2 „ 3 „ „	111 „	105	„ 11 „ 12 „ „	14 „	24
„ 3 „ 4 „ „	81 „	87	„ 12 „ 13 „ „	15 „	18
„ 4 „ 5 „ „	65 „	61	„ 13 „ 14 „ „	8 „	14
„ 5 „ 6 „ „	56 „	50	„ 14 „ 15 „ „	15 „	9
„ 6 „ 7 „ „	37 „	48	„ 15 „ 16 „ „	3 „	8
„ 7 „ 8 „ „	34 „	30	Неизвѣстно	2 „	1
„ 8 „ 9 „ „	31 „	22			

на материкъ, не оставляють дѣтей, а увозять ихъ съ собой. Родители сахалинскаго уроженца обыкновенно начинаютъ отбывать наказаніе еще задолго до появленія его на свѣтъ, и пока онъ родится, растетъ и достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста, они въ большинствѣ уже успѣвають получить крестьянскія права и уѣхать на материкъ. Положеніе же пришлаго совсѣмъ иное. Когда его родителями присылають на Сахалинъ, то ему бываетъ уже 5—8—10 лѣтъ; пока они отбываютъ каторгу и поселеніе, онъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и пока потомъ родители хлопочуть о крестьянскихъ правахъ, становится уже работникомъ и, прежде чѣмъ совсѣмъ уѣхать на материкъ, успѣваетъ нѣсколько разъ побывать на заработкахъ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ. Во всякомъ случаѣ, въ колоніи не остаются ни пришлые, ни мѣстные уроженцы, и поэтому всѣ сахалинскіе посты и селенія до настоящаго времени вѣрнѣе было бы называть не колоніей, а мѣстами временнаго водворенія.

Рожденіе каждаго новаго человѣка въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поють пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщія причитыванія. Отцы и матери говорятъ, что дѣтей нечѣмъ кормить, что они на Сахалинѣ ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы Господь милосердный прибралъ ихъ поскорѣе». Если ребенокъ плачетъ или шалить, то ему кричатъ со злобой: «Замолчи, чтобъ ты издохъ!» Но, все-таки, что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какою цѣну должна имѣть для него любовь ребенка! Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія. Мнѣ однажды пришлось записывать двухъ женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ добровольно за мужьями и жившихъ на одной квартирѣ; одна изъ нихъ, бездѣтная, пока я былъ въ избѣ, все время роптала на судьбу, смѣялась надъ собой, обзывала себя дурой и окаянной за то, что пошла на Сахалинъ, судорожно жи-

мала кулаки, и все это въ присутствіи мужа, который находился тутъ же и виновато смотрѣлъ на меня, а другая, какъ здѣсь часто говорятъ, дѣтная, имѣющая нѣсколько душъ дѣтей, молчала, и я подумалъ, что положеніе первой, бездѣтной, должно быть ужасно. Помнится, записывая въ одной избѣ татарскаго мальчиго трехъ лѣтъ, въ ермолкѣ, съ широкимъ разстояніемъ между глазами, я сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ равнодушное лицо его отца, казанскаго татарина, прояснилось и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь со мной, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и мнѣ показалось, что этотъ татаринъ счастливъ.

Подъ какими вліяніями воспитываются сахалинскія дѣти и какія впечатлѣнія опредѣляютъ ихъ душевную дѣятельность, читателю понятно изъ всего вышесказаннаго. Чтò въ Россіи, въ городахъ и деревняхъ страшно, то здѣсь обыкновенно. Дѣти провожаютъ равнодушными глазами партію арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; когда кандалные везутъ тачку съ пескомъ, то дѣти цѣпляются сзади и хохочутъ. Играютъ они въ солдаты и въ арестанты. Мальчикъ, выйдя на улицу, кричитъ своимъ товарищамъ: «равняйся!» «отставь!» Или же онъ кладетъ въ мѣшокъ свои игрушки и кусокъ хлѣба и говоритъ матери: «Я иду бродяжить». — «Глядишься, часомъ солдатъ подстрѣлить», — шутитъ мать; онъ идетъ на улицу и бродяжитъ тамъ, а товарищи, изображающіе солдатъ, ловятъ его. Сахалинскія дѣти говорятъ о бродягахъ, розгахъ, плетяхъ, знаютъ, что такое палачъ, кандалные, сожигатель. Обходя избы въ Верхнемъ Армуданѣ, я въ одной не засталъ старшихъ; дома былъ только мальчикъ лѣтъ 10, бѣловолосый, сутулый, босой; блѣдное лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморнымъ.

— Какъ по отчеству твоего отца? — спросилъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

— Онъ у меня не настоящій отецъ.

— Какъ такъ — не настоящій?

— Онъ у мамы сожигатель.

— Твоя мать замужняя или вдова?

— Вдова Она за мужа пришла.

— Что значить — за мужа пришла?

— Убила.

— Ты отца своего помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Барѣ родила.

Сахалинскія дѣти блѣдны, худы, вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Какъ увидить ниже читатель, умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквой, а у достаточныхъ—одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ дѣтскій организмъ чаще всего медленно, изнуряющимъ образомъ, мало-по-малу перерождая всѣ его ткани; если бы не эмиграція, то черезъ два-три поколѣнія, вѣроятно, пришлось бы имѣть дѣло въ колоніи со всѣми видами болѣзней, зависящихъ отъ глубокаго разстройства питанія. Въ настоящее время дѣти бѣднѣйшихъ поселенцевъ и каторжныхъ получаютъ отъ казны такъ называемыя «кормовыя»: дѣтямъ отъ одного года до 15 лѣтъ выдается по 1½, а круглымъ сиротамъ, калѣкамъ, уродамъ и близнецамъ по 3 рубля въ мѣсяць. Право ребенка на эту помощь опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ чиновниковъ, которые слово «бѣднѣйшій» понимаютъ каждый по-своему *);

*) Размѣръ выдачи зависитъ также отъ того, разумѣетъ ли чиновникъ похъ калѣками и уродами только хромыхъ, безрукихъ и горбатыхъ, или также еще бугорчатныхъ, слабоумныхъ, слѣпыхъ.

Какъ помочь сахалинскимъ дѣтямъ? Прежде всего, мнѣ кажется, право на помощь не слѣдуетъ обставлять требованіями такого ценза, какъ „бѣднѣйшій“, „калѣка“ и т. п. Надо помогать всѣмъ просящимъ безъ исключенія и при этомъ не бояться обмана: лучше быть обманутымъ, чѣмъ самому обмануться. Форма помощи опредѣляется мѣстными условіями. Еслибъ отъ меня зависѣло, то на тѣ деньги, которыя расходуются теперь на „кормовыя“, я устроилъ бы въ постахъ и селеніяхъ чайныя для всѣхъ женщинъ и дѣтей, выдавалъ бы кормовое и одежное довольствіе всѣмъ безъ исключенія беременнымъ женщинамъ и кормящимъ грудью, а „кормовыя“ 1½—3 руб. въ мѣсяць сохранилъ бы только для дѣвушекъ съ 13 лѣтъ до замужства и выдавалъ бы имъ эти деньги прямо на руки.

Ежегодно изъ Петербурга благотворители присылаютъ сюда для раздачи дѣтямъ полшубки, фартучки, валенки, чепчики, гармоникки, душевнеспасительныя книжки, перья. Начальникъ острова, получивъ эти вещи, приглашаетъ мѣстныхъ дамъ заняться распределеніемъ и раздачей подарковъ. Говорятъ, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами, что лучше бы вмѣсто гармоникки прислали хлѣба и т. д., но подобныя замѣчанія не должны смущать великодушныхъ людей. Дѣти обыкновенно бываютъ очень рады, а отцы и матери безконечно благодарны. Было бы вполнѣ уместно, если бы благотворители, интересующіеся судьбою дѣтей осмысленныхъ, получали ежегодно возможно подробныя свѣдѣнія о сахалинскихъ дѣтяхъ, о числѣ ихъ, о составѣ ихъ по поламъ и возрастамъ; о числѣ грамотныхъ, нехристіанъ и т. д. Если благотворителю извѣстно, напримѣръ, сколько среди дѣтей грамотныхъ, то ужъ онъ будетъ знать, сколько нужно послать книжекъ или карандашей, чтобы никого не обидѣть, а назначать игрушки и одежду удобнѣе всего, соображаясь съ поломъ, возрастомъ и національностью дѣтей. На самомъ же Сахалинѣ необходимо всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ благотворительности, изъять изъ вѣдѣнія полицейскихъ управленій, которыя и безъ того завалены дѣлами, и организацію помощи предоставить мѣстной интеллигенціи; среди нея не мало людей, которые были бы рады

полученные 1½, или 3 рубля тратятся по усмотрѣнію отцовъ и матерей. Эту денежную помощь, зависящую отъ столькихъ усмотрѣній и, благодаря бѣдности и недобросовѣстности родителей, рѣдко достигающую своего назначенія, давно бы уже слѣдовало отмѣнить. Она не уменьшаетъ бѣдности, а только маскируетъ ее, заставляя людей непосвященныхъ думать, что на Сахалинѣ дѣти обезпечены.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

взять на себя это живое дѣло. Въ Александровскѣ иногда по зимамъ даются любительскіе спектакли въ пользу дѣтей. Недавно въ Корсаковскомъ посту служащіе собрали по подпискѣ денегъ и закупили разныхъ матерій, а жены ихъ нашили платьевъ и бѣлья и роздали дѣтямъ.

Дѣти составляютъ бремя въ экономическомъ отношеніи и наказаніе Божіе за грѣхи, но это не мѣшаетъ ссыльнымъ, если у нихъ нѣтъ своихъ дѣтей, принимать и усыновлять чужихъ. Дѣтныя выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти умерли, а бездѣтныя берутъ чужихъ сиротъ себѣ въ дѣти. Бываетъ, что ссыльные усыновляютъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ расчетѣ на кормовыя и всякаго рода пособія и даже на то, что пріемышъ будетъ просить на улицѣ милостыню, но въ большинствѣ, вѣроятно, ссыльными руководятъ чистыя побужденія. Въ „дѣти“ поступаютъ не одни только дѣти, но также взрослые и даже старики. Такъ, поселенецъ Иванъ Новиковъ 1-й, 60 лѣтъ, считается пріемнымъ сыномъ поселенца Евгенія Ефимова, 42 лѣтъ. Въ Рыковскомъ Елисей Маклаковъ, 70 лѣтъ, записался пріемнымъ отцомъ Ильи Минаева.

По Уставу о ссыльныхъ, малолѣтнія дѣти, слѣдующія въ Сибирь при ссылаемыхъ, же переселяемыхъ туда родителей, отправляются туда на подводахъ, причемъ а подвода дается на пять душъ; какія дѣти въ этомъ случаѣ относятся къ малолѣтнимъ, въ Уставѣ не сказано. Дѣти, слѣдующія за родителями, получаютъ одежду, и кормовыя деньги во все продолженіе пути. Когда за осужденнымъ по доброй вѣ слѣдуетъ въ ссылку его семья, то дѣти, достигшія 14-ти лѣтнаго возраста, отправляются только по собственному желанію. Дѣти, достигшія 17-ти лѣтнаго возраста, могутъ покидать мѣсто ссылки и возвращаться на родину безъ разрѣшенія родителей.

МЕЖДУ ДВУХЪ СМУТНЫХЪ ИДЕАЛОВЪ *).

(П о в ѣ с т ь).

XIV.

Наконецъ, недѣля пребыванія въ Хрящовѣ прошла. Уже наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, Леонидъ Васильевичъ находился въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ то балагурилъ, то вдругъ становился задумчивымъ, то напускалъ на себя чрезвычайную заботливость о разныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ, ждавшихъ, будто бы, его въ Свіягинѣ, и, говоря, что надо торопиться, что онъ замѣшался здѣсь слишкомъ долго, начиналъ разсчитывать, въ какомъ часу они завтра выѣдутъ, когда пріѣдутъ къ Мальковымъ, какъ пробудутъ тамъ только четверть часа и какъ потомъ въ такомъ-то часу будутъ въ Свіягинѣ.

Касаткинъ догадывался о причинѣ и предвидѣлъ, что все это точное распредѣленіе часовъ завтрашней поѣздки пойдетъ прахомъ, если Свіягинъ получитъ согласіе, и не четверть часа, а цѣлый день они опять пробудутъ у Мальковыхъ. Но если... если отказъ... о, тогда, конечно, каждая лишняя секунда тамъ покажется пыткой!

Александръ Федоровичъ чувствовалъ, что даже у него вчужѣ сжималось сердце при этой мысли. И онъ искренно желалъ Свіягину успѣха, желалъ, чтобы черезъ годъ новая струя жизни ключомъ забила въ Хрящовѣ.

А самъ-то онъ? Что увезетъ онъ отсюда въ Петербургъ? Сознаніе одиночества... маленькое обидное сознаніе скверно проведеннаго лѣта... и сознаніе, что пройдена еще одна станція, уже одна изъ ближайшихъ къ мѣсту назначенія—къ могилѣ.

И когда на другой день утромъ, опять забившись каждый въ

*.) *Русская Мысль*, кн. V.

свой уголъ тарантаса, Касаткинъ и Свѣгинъ ѣхали изъ Хрящова на мальковскій хуторъ, оба были въ минорномъ настроеніи. Касаткинъ неустанно дымилъ, закуривая съ какимъ-то ожесточеніемъ папиросу отъ папирасы, Свѣгинъ, казалось, внимательно слѣдилъ за пристяжной, которая поминутно опускала постромки.

Отъ времени до времени взглядывая на сосѣда, Касаткинъ замѣтилъ, что Леонидъ Васильевичъ сегодня блѣднѣе обыкновеннаго и подъ лѣвымъ глазомъ у него какъ будто слегка вздулся мѣшокъ, отъбѣенный большою синевою.

«Что это у него, отъ порока сердца, что ли?— подумалъ Александръ Ѳедоровичъ.— Вотъ другой разъ вижу: подъ однимъ глазомъ посинѣеть, подъ другимъ нѣтъ».

Касаткину стало жаль Леонида Васильевича, и, чтобъ развлечь его, онъ началъ говорить и сталъ хвалить красивый видъ, открывавшійся на даль полей съ пролегавшей по косогору дороги. Дождливая погода уже успѣла смѣниться настоящею лѣтнею жарой, грязь въ колеяхъ попросохла, а пыли еще не было; тарантасъ катился, какъ по мягкому ковру, лишь изрѣдка подскакивая на какой-нибудь выбоинѣ. Утренній воздухъ былъ свѣжъ и ароматенъ, и теперь Александръ Ѳедоровичъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Чудный денекъ! Экой воздухъ!

Леониду Васильевичу это понравилось. Но, погруженный въ свои мысли, онъ сначала промолчалъ и только спустя нѣсколько минутъ доставилъ себѣ удовольствіе высказать лишній разъ свою любимую мысль.

— Да, братъ, только тутъ, въ деревнѣ, и можетъ быть и настоящее здоровье, и настоящая нормальная жизнь,—подкупающимъ, ласковымъ тономъ произнесъ онъ и опять надолго замолчалъ.

Александръ Ѳедоровичъ тоже не былъ расположенъ сегодня къ словопренианію и потому отвѣтилъ не скоро.

— Да что такое вообще *нормальная* жизнь для *человѣка* въ широкомъ смыслѣ слова? — сказалъ онъ, какъ бы рассуждая съ собой.— Почему жизнь города, почему волненія и страсти со всѣми ихъ послѣдствіями надо исключить изъ нормальной жизни? Помнишь,—кто это сказалъ, кажется, Державинъ?—«Я рабъ, я царь, я червь, я богъ!...» А ты мнѣ предлагаешь нормальную жизнь червя!—съ горделивымъ выраженіемъ покосился онъ на Свѣгина.

Тысячу сомнѣній опять пробудили эти слова у Леонида Васильевича. И онъ не захотѣлъ остаться передъ Касаткинымъ въ долгу.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ размышленія о всѣхъ прочитанныхъ ему пріятелемъ «нотаціяхъ», добравшись до того, что, казалось, было Александру Ѳедоровичу всего дороже, Свіягинъ вдругъ бросилъ ему вызовъ.

— Ты вотъ мнѣ все говорилъ: трудись, создавай и расточай. Ну, а самъ-то ты что создаешь и расточаешь? — обратился онъ съ ироническою улыбкой къ Касаткину. — Праздныя рѣчи, что ли?

Александръ Ѳедоровичъ съ минуту посмотрѣлъ Свіягину прямо въ глаза и ласково, какъ другъ, какъ старшій, спокойно произнесъ:

— Милый, слыхалъ ты, что «слова поэта суть уже дѣла его»? — Помолчавъ, онъ добавилъ: — Всѣ умремъ, и я, и ты, и отъ дѣлъ нашихъ, можетъ быть, и слѣда не останется. А праздныя-то рѣчи, слова-то, переживутъ насъ еще, пожалуй, дольше всего.

Леонидъ Васильевичъ въ дружескомъ и нѣсколько грустномъ тонѣ Касаткина почувствовалъ упрекъ.

Не въ веселомъ настроеніи подѣхали они къ мальковскому дому.

Соня какъ разъ собиралась выходить изъ дому въ сопровожденіи старосты, когда они вошли въ переднюю.

При видѣ ихъ, на ясномъ лицѣ ея выразилась радость. Она дружески, весело подала обонимъ сразу обѣ руки, одному правую, другому лѣвую, и этотъ искренній, задушевный привѣтъ, такъ рѣзко отличавшійся отъ обычныхъ церемонности и жеманства, съ которыми молодой дѣвушкѣ принято встрѣчать молодыхъ людей, тронулъ Касаткина.

— Мы вамъ помѣшали, — несмѣло сказала Свіягинъ, — вы куда-то собрались.

— Нисколько, — отвѣтила Соня, — я хотѣла пойти взглянуть поломавшуюся вѣялку, чинить надо. Да это подождетъ, еще хлѣбъ не жнуть, — размѣялась она. — Прошу васъ.

И она кивнула старостѣ въ знакъ того, что онъ можетъ идти безъ нея.

— Мама на террасѣ, — сказала Соня, проводя гостей черезъ гостиную.

Марья Петровна, по обыкновенію, сидѣла въ своемъ креслѣ съ шитьемъ въ рукахъ и встрѣтила гостей тѣмъ спокойно-ласковымъ взглядомъ, который такъ понравился Касаткину при первомъ знакомствѣ съ ней. Но и въ ея лицѣ, и въ ея привѣтственныхъ словахъ онъ напрасно старался уловить хотя намекъ на то, какой отвѣтъ получить сегодня Свіягинъ. Въ обращеніи Марьи Петровны съ Леонидомъ Васильевичемъ не было никакой перемѣны, ничто,

видимо, не взволновало ее за это время, какъ будто предложенія Свіягинимъ вовсе не было сдѣлано или Марья Петровна не знала о томъ.

За то, взглянувъ на Соню въ то время, какъ Леонидъ Васильевичъ здоровался съ ея матерью, Касаткинъ не могъ не замѣтить, какъ сначала легкая тѣнь пробѣжала по лицу молодой дѣвушки, смотрѣвшей въ это время на жениха, а въ глазахъ появилось вдругъ выраженіе доброты и сожалѣнія, отъ которыхъ у Касаткина захолонуло на сердцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, Леонида Васильевича ждетъ отказъ!

И онъ, еще вчера ловившій себя на зависти возможному счастью Свіягина, теперь испытывалъ такое чувство, будто онъ самъ терялъ что-то дорогое, лучшее, что у него было въ жизни. Мысль о томъ, какъ тяжело будетъ Свіягину перенести ударъ, производила на него такое впечатлѣніе, будто на его глазахъ тонулъ близкій ему человѣкъ, а онъ былъ не въ состояніи ничѣмъ помочь ему. И ему такъ и хотѣлось сказать въ эту минуту Сонѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого, не убивайте его!»

— Мама о васъ соскучилась, — заговорила Соня, подходя ближе къ нему. — Послѣ вашего отъѣзда ей двѣ ночи подрядъ снился Петербургъ. Все ваши разговоры виноваты. Ужь она три раза вспоминала: когда же пріѣдетъ Леонидъ Васильевичъ съ своимъ пріателемъ?

— Что-жь, о хорошихъ вещахъ съ хорошимъ человѣкомъ пріятно и побесѣдовать, — сказала Марья Петровна.

— Душевно радъ, что могъ доставить вамъ удовольствіе, — отвѣтилъ Касаткинъ.

— А нынче мы къ вамъ на одну минутку, только лошадямъ чуточку вздохнуть, — послѣшилъ вставить Леонидъ Васильевичъ.

— Что такъ? — нѣсколько изумилась Марья Петровна.

— Дѣла, необходимо послѣшить въ Свіягино, — дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

«Какъ глупо съ его стороны говорить такія вещи, когда пріѣхалъ за отвѣтомъ!» — подумалъ Касаткинъ.

— У васъ всегда дѣла, — усмѣхнулась Марья Петровна.

Завязался тотъ незначительный разговоръ, когда всѣ говорятъ не о томъ, что ихъ больше всего интересуетъ въ эту минуту. Изъ залы были принесены стулья, но Свіягинъ не сѣлся, а нервно подходилъ то къ спуску съ террасы въ садъ, то къ дверямъ въ гостиную и, видимо, искалъ удобнаго случая объясниться съ Солей. Наконецъ, улучивъ моментъ, когда разговоръ между Марьей

Петровной и Касаткинымъ нѣсколько оживился, онъ предложилъ Сонѣ не откладывать осмотра поломавшейся вѣялки и вызвался сопровождать ее.

Отъ Касаткина, слушавшаго Марью Петровну, но внимательно слѣдившаго и за Соней, не ускользнуло, какъ Соня смутилась, немного поблѣднѣла и въ нерѣшительности стала было отиѣкиваться, говоря, что это совсѣмъ не нужно. Но онъ замѣтилъ и то, какъ, взглянувъ на мать и, должно быть, что-то прочтя въ ея лицѣ, она сейчасъ же съ простодушною улыбкой сказала:

— Ну, пожалуй, пойдемте. Вы мнѣ посоветуете, какъ починить.

И они спустились въ садъ и, обогнувъ террасу, вышли черезъ калитку во дворъ.

Пока они шли до риги, гдѣ стояла вѣялка, пока они осматривали эту вѣялку, Леонидъ Васильевичъ дрожалъ отъ волненія, краснѣлъ, произносилъ слова невпопадъ. Они были вдвоемъ, онъ ждалъ обѣщаннаго отвѣта отъ Сони, но ни въ ея голосѣ, ни на ея лицѣ онъ не находилъ тѣхъ благопріятныхъ признаковъ, которые бы безъ словъ сказали ему: «да». Онъ замѣчалъ только, что и она взволнована, что и ей не по себѣ, что и ей, какъ и ему, въ эту минуту не до вѣялки, о починкѣ которой они такъ долго, такъ подробно, — болѣе подробно, чѣмъ нужно, — разговариваютъ.

И когда уже все, что можно было сказать о починкѣ поломавшагося механизма, было исчерпано, когда Соня сдѣлала шагъ, чтобы выйти изъ риги, Леонидъ Васильевичъ неловко, робко попробовалъ остановить ее: онъ протянулъ передъ ней руку и сейчасъ же опять опустилъ ее.

Соня поняла его движеніе и сама остановилась съ потупленными глазами.

— Софья Сергѣевна... вы сказали... чрезъ недѣлю...

Соня молчала.

Леонидъ Васильевичъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то неладное. Онъ сначала приложилъ лѣвую руку ладонью къ сердцу, потомъ машинально скомкалъ въ этомъ мѣстѣ между пальцами пиджакъ, какъ бы желая вырвать тутъ и матерію, и тѣло, и самое сердце. Расширенными глазами смотрѣлъ онъ на печальное лицо Сони. Но въ ея опущенномъ взглядѣ, въ этой блѣдности и грусти онъ, все-таки, не находилъ и тѣни того, что можно бы назвать любовью.

Соня молчала.

— Нѣтъ? — едва проговорилъ Леонидъ Васильевичъ, вопросительно смотря въ лицо Сони.

Онъ ничего не могъ сказать болѣе, онъ чувствовалъ, что задыхается, и машинально мялъ между пальцами лѣвый бокъ пиджака.

— Я ничего не могу... не думайте объ этомъ, Леонидъ Васильевичъ, — отвѣтила, пересиливъ себя, Соня и посмотрѣла на него взглядомъ мольбы и состраданія. — Не сердитесь на меня, пойдете, — сказала она, нѣсколько испуганная его безумно смотрящими на нее глазами.

— Да, да... пойдите... поѣдемъ, — пробормоталъ Леонидъ Васильевичъ, идя за ней изъ риги и продолжая комкать свой пиджакъ.

Лошади стояли въ сторонѣ отъ дома, въ тѣни у сарая. Леонидъ Васильевичъ, проходя, далъ знакъ, и Николай подкатилъ къ крыльцу.

— Надо, однако, проститься съ Марьей Петровной, — тихо сказалъ онъ, слѣдуя за Соней.

Соня молча шла съ опущенною головой.

Они вошли въ домъ, на террасу. Касаткинъ и Марья Петровна оживленно разговаривали.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе! — обратился Леонидъ Васильевичъ къ Касаткину, стараясь казаться веселымъ. — Пора, давно пора. Ѣдемъ!

— Что же вы такъ спѣшите? — любезно сказала Марья Петровна. Но Касаткину послышалось, что въ этой официальной фразѣ звучала грустная нота.

— Нельзя, Марья Петровна. Домой, домой надо, — слегка дрожащимъ голосомъ, пересиливая волненіе, говорилъ Леонидъ Васильевичъ. — Прощайте.

Касаткинъ всталъ, и, быстро простившись съ хозяйками, приятели вышли на крыльцо. Черезъ минуту свягинскій тарантасъ уже мелькнулъ изъ-за деревьевъ на высококомъ подъемѣ дороги.

Соня обняла мать и молча припала головой къ ней на грудь. На глазахъ у нея были слезы.

— Что же дѣлать, моя милая? Нельзя насиловать свое сердце, — говорила ей Марья Петровна, глядя ее по головѣ. — Ты не виновата, что не можешь сдѣлать его счастливымъ, ты не виновата, голубка.

XV.

Тяжело было Касаткину смотрѣть на Свягина, когда они очулись опять вдвоемъ въ тарантасѣ.

Леонидъ Васильевичъ все время молчалъ и только по временамъ прикладывалъ руку къ сердцу или закрывалъ рукой глаза, какъ будто для того, чтобы лучше сосредоточиться.

Болѣзненный видъ его лица производилъ на Басаткина отталкивающее впечатлѣніе. Стѣсняясь присутствіемъ кучера, Александръ Федоровичъ не рѣшался спрашивать, что случилось, хотя не могъ не догадываться.

Однако, выбравъ удобную минуту, онъ взялъ руку Свѣгина и, дружески пожавъ ее, спросилъ:

— Ну, что? Да?

Леонидъ Васильевичъ, не взглянувъ на него, только отрицательно покачалъ головой.

Въ одной изъ деревень, по дорогѣ, Свѣгинъ велѣлъ Николаю остановиться у первой попавшейся избы и попросилъ холодной воды. Послѣ этого ему стало лучше, и Басаткинъ старался развлечь его, задавая ему разные вопросы, будто бы заинтересовавшіе его въ области хлѣбопашества. Леонидъ Васильевичъ отвѣчалъ нехотя, но покорно.

Рѣзкимъ контрастомъ со всѣмъ, что было на мальковскомъ хуторѣ, повѣяло на Басаткина, когда, при вѣздѣ на свѣгинскій дворъ, онъ увидалъ Анну Николаевну стоящею опять у ледника, и ему сейчасъ же представилось, что она отдаетъ, вѣроятно, приказанія все о той же гнилой солонинѣ.

Какъ всегда, румяная, улыбающаяся, слащавая, Анна Николаевна направилась къ крыльцу, замѣтивъ пріѣхавшихъ.

Леонидъ Васильевичъ не пошелъ ей на встрѣчу. Онъ прямо прошелъ въ свой кабинетъ и быстро сталъ раздѣваться, торопливо, нервно хватая принадлежности своего обычного домашнего костюма.

Но Басаткину неловко было не пойти поздороваться съ Анной Николаевной и не заговорить съ ней.

— Ну, вотъ, прокатились, — улыбалась ему Анна Николаевна. — Понравилось ли Хрящево?

— Да чему же тамъ нравиться? — сухо отвѣтилъ Басаткинъ, здороваясь съ ней.

— Вотъ я то же говорю Леничкѣ, а онъ, подите съ нимъ, любить ѣздить туда... А я вотъ съ огурцами хлопочу, — показала Анна Николаевна Басаткину бывшіе у нея въ рукѣ три огурца или, вѣрнѣе, три пупленка-заморыша съ черными пятнами. — Вотъ полюбуйтесь-ка, какую гадость вывелъ садовникъ, — перемѣнила она слащавый тонъ на желчно-плаксивый. — Бѣда съ нынѣшнимъ наро-

домъ! За что шесть рублей въ мѣсяцъ плачу? Эткихъ пустяковъ не умѣлъ вывести. Только навозъ на парники напрасно извелъ. А тоже придуть, хвастаются: «я садовникъ, мнѣ жалованья шесть рублей пожалуйте». А ничего не дѣлаютъ.

«Садовничка» Илью Басаткинъ видалъ за всякою другою работою, кромѣ сада: и дрова онъ кололъ, и самовары чистилъ, и съ прачкой на рѣку ѣздилъ; но Александръ Федоровичъ не зналъ даже, что этотъ мужикъ завѣдуетъ двумя парниками въ саду, да и самые парники всегда казались ему заброшенными. И теперь, глядя на жалкіе плоды этого огородничества, онъ не зналъ, смѣяться ли ему надъ Анной Николаевной, или досадовать на нее.

— А что же это Леня какъ скоро убѣжалъ? Здоровъ ли ужъ онъ?—вдругъ спохватилась Анна Николаевна.

— Кажется, что-то ему не совсѣмъ здоровится,—отвѣтилъ Басаткинъ.

— Ахъ, Боже мой,—воскликнула Анна Николаевна,— что съ нимъ? Вотъ всегда такъ. Каждый разъ, какъ поѣдетъ, всегда больной вернется.

И, оставивъ Басаткина поспѣвать за ней, она торопливо пошла къ сыну.

Но Леонидъ Васильевичъ на ея вопросы и причитанія отвѣчалъ только незначущими ничего словами: «Оставьте меня, оставьте! Дайте мнѣ успокоиться! Оставьте меня, пожалуйста, одного!»

Анна Николаевна по опыту знала, что въ эти минуты дѣйствительно лучше всего удалиться отъ него, и, тихонько выйдя изъ его кабинета, пошла къ ушедшему въ свою комнату Басаткину и стала разспрашивать его, какъ они провели время, что дѣлали и когда именно Леничка себя худо почувствовалъ.

У Басаткина въ душѣ накипало уже что-то злое противъ нея, и ему не хотѣлось много разговаривать съ ней. Но Анна Николаевна такъ пристала, что онъ, наконецъ, почти съ злорадствомъ, отрѣзалъ ей:

— Софья Сергѣевна, кажется, отказала Леониду Васильевичу.

— Какъ отказала? Что отказала?—воскликнула Анна Николаева, еще недоумѣвая, еще не рѣшаясь догадаться.

Басаткинъ объяснилъ, что онъ зналъ.

Анна Николаевна, съ несвойственною ей благородному происхожденію вульгарностью, просто всплеснула руками.

— Отказа-ла!—растянула она.—Что вы говорите?

И старушка на нѣсколько минутъ точно застыла въ раздумьи.

Она никакъ не могла объяснить себѣ, какъ Соничка могла отказать ей сыну? Чего же Марья Петровна смотритъ?

— Нѣтъ, это какое-нибудь недоразумѣніе,—сказала она, наконецъ, Касаткину,—я пойду сейчасъ къ Леничкѣ и узнаю отъ него.

Но Леонидъ Васильевичъ, едва она отворила дверь въ его комнату, такъ рѣзко прикрикнулъ ей: «Оставьте меня, мамаша!»—что Анна Николаевна ушла на цыпочкахъ.

Общее уныніе воцарилось на весь день. Анна Николаевна, не рѣшаясь больше войти къ сыну, просила Касаткина узнать, по крайней мѣрѣ, отъ него, не надо ли послать за докторомъ. Но Леонидъ Васильевичъ умоляющимъ тономъ просилъ и Касаткина оставить его въ полномъ покоѣ.

Онъ не вышелъ и къ обѣду; ужинъ подали ему въ кабинетъ. Касаткинъ былъ тоже мраченъ и искалъ уединенія. Но Анна Николаевна не хотѣла отъ него отвязаться и заставляла его выслушивать уже знакомыя ему іереміады. Она была съ нимъ болѣе предупредительна, чѣмъ когда-либо, не забыла даже напоить его послѣ обѣда чаемъ, что, вопреки ея ожиданіямъ, еще болѣе увеличило мрачность и молчаливость Александра Федоровича.

Но на другое утро Леонидъ Васильевичъ вышелъ къ утреннему чаю какъ ни въ чемъ не бывало, одѣтый въ старую влѣтчатую визитку, которую Касаткинъ еще не видалъ на немъ до сихъ поръ. На лицѣ его была замѣтна блѣдность, красноватые глаза свидѣтельствовали о бессонной ночи, синякъ подъ лѣвымъ глазомъ сталъ еще темнѣе. Но въ его настроеніи, въ его манерѣ говорить не было и слѣдовъ вчерашняго унынія. Онъ не зналъ, что Касаткинъ сказалъ мамашѣ объ отказѣ Сони, а сама Анна Николаевна не рѣшалась теперь заговорить съ нимъ объ этомъ первая. Леонидъ Васильевичъ, по обыкновенію, повелъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ, разсказалъ матери, что сдѣлано въ Хрящовѣ, сообщилъ ей свои тамошнія распоряженія. Касаткинъ только слушалъ.

Но сейчасъ же послѣ чаю Леонидъ Васильевичъ взялъ Касаткина подъ руку и пошелъ съ нимъ въ садъ.

— Голубчикъ, Александръ Федоровичъ,—заговорилъ онъ довольно спокойно, какъ только они дошли до большой аллеи,—я не знаю, что случилось, я не могу понять... я даже не знаю, отказала она мнѣ или нѣтъ.

И, разсказавъ Касаткину, какъ происходило у него объясненіе съ Соней, онъ сталъ просить Александра Федоровича съѣздить къ Мальковымъ, узнать причину отказа и постараться уговорить Со-

ню и Марью Петровну дать согласіе. Какъ ни странно было подобное порученіе, но Леонидъ Васильевичъ, казалось, такъ вѣрилъ въ успѣхъ этого посольства, такъ горячо обѣщалъ Касаткину послѣдовать всѣмъ его совѣтамъ и «нотаціямъ», что Александръ Федоровичъ долженъ былъ согласиться. Рѣшили, что дня черезъ два онъ поѣдетъ къ Мальковымъ, подъ предлогомъ проститься передъ приближающимся отъѣздомъ его въ Петербургъ, и употребить все свое краснорѣчіе въ новой для него роли свата.

Эти дни прошли довольно томительно, но безъ особыхъ включеній. Касаткинъ предупредилъ Леонида Васильевича, что онъ сказалъ уже Аннѣ Николаевнѣ о его неудачѣ у Мальковыхъ, и Леонидъ Васильевичъ, поморщившись, самъ передалъ мамашѣ подробности того, что было. Проектъ посланки Касаткина сватомъ сначала не понравился Аннѣ Николаевнѣ. Имъ, Свѣягинымъ, унижаться предъ Мальковыми! У Анны Николаевны проснулася было старая гордость. Но оказалось, что, залежавшаяся подъ спудомъ, полинявшая и помятая, эта гордость не могла выдержать передъ напоромъ практическихъ соображеній и привычкой обдѣлывать всякія дѣла всякими путями. Анна Николаевна сообразила, что рѣшительнаго отказа ни отъ Сони, ни тѣмъ болѣе отъ Марьи Петровны не было, что Касаткинъ человекъ дальній и тайну этой неудачи увезетъ съ собой, и поэтому не стала противиться.

— Дѣлай, какъ знаешь, — сказала она Леониду Васильевичу, — а я какъ будто ничего не знаю.

Но что могъ сказать Касаткинъ въ пользу Леонида Васильевича, когда онъ пріѣхалъ къ Мальковымъ, что могъ онъ услышать отъ нихъ? Причины отказа были и ему ясны безъ всякихъ новыхъ объясненій. Чего ради Сонѣ, не чувствовавшей любви къ Леониду Васильевичу, было идти подъ ферулу Анны Николаевны? Развѣ могли Марья Петровна и Анна Николаевна стать членами одной семьи? Къ тому же, оказалась еще причина, и важнѣе. Какъ человеку, внушившему ей довѣріе, Марья Петровна рѣшилася сказать Александру Федоровичу, что у Сони есть въ виду другой женихъ; въ еще не сдѣлалъ предложенія, но они съ Соней уже любятъ другъ друга. Касаткину было больно видѣть, какъ, при этихъ словахъ Марьи Петровны, у Сони, вмѣстѣ съ краской смущенія, появилось на лицѣ выраженіе чего-то свѣтлаго, радостнаго. Пока онъ глумился отказъ за Свѣягина, онъ былъ довольно равнодушенъ; теперь онъ чувствовалъ уже настоящую зависть къ тому неизвѣстному счастливцу, который могъ вызвать любовь этой дѣвушки.

Марья Петровна просила, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не говорить объ этомъ женихѣ Свіягинимъ: она не хотѣла, чтобъ это еще нерѣшенное дѣло стало предметомъ увѣдныхъ пересудъ.

— Однако, надо же, чтобъ Леонидъ Васильевичъ видѣлъ, что я съ своей стороны сдѣлалъ все,—сказалъ Касаткинъ,—надо дать ему какое-нибудь опредѣленное объясненіе. И отъ васъ, Софья Сергѣевна.

На минуту всѣ трое задумались и молчали.

— Послушайте,—обратилась, наконецъ, къ Касаткину, собравшись съ духомъ, Соня,—скажите отъ меня Леониду Васильевичу, что мнѣ было очень тяжело... что я потому ничего и не сказала ему... Что я могла сказать ему? Что очень уважаю его... и рада видѣть его... и желаю ему всего хорошаго? Такъ? Но... онъ долженъ понимать... я свободна, я хочу быть свободной... Я не хочу давать никакого объясненія... я не буду его женой—вотъ и все. Я хочу, чтобъ между нами сохранились тѣ же хорошія отношенія, какъ раньше... Не все ли ему равно, какъ и почему?... Да, пусть онъ забудетъ, совсѣмъ забудетъ о томъ, что это было говорено. Прошу васъ... вы скажете ему это? Да? Скажете?

Сонѣ казалось, что въ этой спутанной рѣчи было высказано что-то ясное и опредѣленное, что должно было заставить Леонида Васильевича забыть налетѣвшую тучку на ясномъ небѣ ихъ дружескихъ отношеній и что послѣ таковаго рѣшительнаго объясненія все будетъ по-старому.

А голосъ Сони и взглядъ ея добрыхъ спокойныхъ глазъ произвели такое впечатлѣніе на Александра Фѣдоровича, что и ему казалось, будто онъ понялъ самую глубину всѣхъ этихъ плохо выраженныхъ ею мыслей.

И онъ сконфуженно пробормоталъ въ отвѣтъ:

— Непремѣнно, непременно!

На прощанье Марья Петровна дала ему письмо и посылку для передачи ея племянницѣ въ Петербургъ.

XXII.

Леонидъ Васильевичъ весь этотъ день не выходилъ изъ своего кабинета, черезъ каждыя пять минутъ подходилъ къ огню, чтобы посмотрѣть, не виднѣтся ли на дорогѣ его сѣрая тройка, и съ трепетомъ слѣдилъ за ея приближеніемъ, когда она, наконецъ, показалась; стараясь сквозь стекла закрытой рамы подмѣтить по выраженію лица возвращавшагося Касаткина результатъ его

поѣздки, онъ не рѣшился выйти встрѣтить Касаткина у крыльца и бросился къ нему съ протянутыми руками, когда Александръ Федоровичъ, наконецъ, вошелъ въ его комнату. Леонидъ Васильевичъ теперь уже цѣлый часъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ съ опущеною на руки головой и молча слушалъ, что ему вычитывалъ Касаткинъ.

Александръ Федоровичъ, начавшій краткимъ сообщеніемъ о неудачѣ и хотѣвшій было ограничиться этимъ, въ молчаніи пріятеля находилъ какъ бы что-то вызывающее на объясненіе. Ему хотѣлось разсѣять подавленное настроеніе Свіягина, и, слово за словомъ, ища, чѣмъ бы его успокоить, желая помочь другу, онъ, однако, волей-неволей, опять впадалъ въ тонъ обвинителя.

— Такъ нельзя, нельзя, любезный другъ!— говорилъ онъ.— Вѣдь, ты чего хочешь? Не просто, вѣдь, вотъ, дай тебѣ жену, будь это какая ни на есть, первая смазливая дѣвушка. Ты, вѣдь, любви хочешь, семейнаго счастья, единенія душъ. Ты, можетъ быть, самъ того не понимая, искалъ, очевидно, чего-то такого, что стоитъ выше и твоей жизни, и той, которую ты видишь вокругъ. Ты, вѣдь, Софью Сергѣевну выбралъ!

Соня въ эту минуту казалась Касаткину дѣйствительно чѣмъ-то значительнымъ. Самъ влюбленный въ нее, готовый видѣть въ ней идеальное совершенство, хотя бы еще только въ первой фазѣ развитія, онъ уже счумѣлъ теперь побороть въ себѣ бесплодные порывы этой любви, онъ уже рѣшился больше не думать о Сонѣ и такимъ образомъ поставилъ ее на еще болѣе недосыгаемую высоту.

— Нѣтъ, ты поди завоюй ея любовь!— началъ онъ уже кричать на Свіягина, по обыкновенію, расхаживая по комнатѣ и закуривая отъ одной докуренной папиросы другую. — Нѣтъ, ты заставь ее увлечься тобой! Сдѣлай для этого что-нибудь! Проснись! Развернись! На кой чортъ ты ей нуженъ въ такомъ видѣ, каковъ ты есть? Ты вспомни-ка, какъ добиваются любви? Пѣтухъ—красотой перьевъ, соловей—пѣніемъ, воинъ—храбростью, ученый—умомъ. Словомъ, каждый по-своему, каждый тѣми средствами, какими онъ можетъ. Но и каждый только тамъ, гдѣ можетъ.

Касаткинъ произнесъ послѣднія слова, нѣсколько растягивая, какъ бы подчеркивая этимъ ихъ значеніе.

— А ты не туда мѣтишь!— продолжалъ онъ съ неослабвующою горячностью, подогрѣваемый покорнымъ вниманіемъ пріятеля.— Вотъ это-то и сверно въ тебѣ, что ты раздвоенный чепухъ! Тебѣ непременно подавай Софью Сергѣевну! А ты по нимъ средствамъ какъ разъ годишься не для нея, а вотъ для

какой-нибудь дочери одного изъ этихъ кулаковъ - живоготовъ, которыхъ ты мерзавцами называешь. Вотъ тамъ эти твои 3,000 десятинь, и твои спондомческіе таланты, и твои подражанія мужику, — все будетъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. И уже тамъ ты, навѣрное, одержишь побѣду... если только раньше тебя не одержитъ побѣду какой-нибудь принцъ въ павлиньихъ перьяхъ!

Александръ Федоровичъ почувствовалъ, что эти слова, сказанныя имъ съ добрымъ намѣреніемъ, все-таки, должны были обидѣть, мучить Свіягина, и онъ сейчасъ же постарался загладить ихъ.

— Да ты не бойся, — сказалъ онъ, подходя къ нему и дружески ударяя его по плечу: — Я, вѣдь, не записываю тебя въ рядъ безнадежныхъ, я только говорю тебѣ: проснись! Ты хочешь взять Софью Сергѣевну, ну, такъ не проси объ этомъ ни меня, ни кого другого, ни даже ее самое, а поди возьми ее!

Леонидъ Васильевичъ дѣйствительно какъ будто проснулся на мгновеніе. Онъ поднялъ съ облокоченныхъ на столъ руки голову и, повернувшись лицомъ къ Касаткину, посмотрѣлъ на него долгимъ задумчивымъ взглядомъ.

А Касаткинъ, словно воодушевленный замѣченною имъ въ пріятелѣ отзывчивостью, еще болѣе страстно продолжалъ:

— Забудь объ этой неудачѣ, будь съ Мальковыми, какъ прежде, изучи Софью Сергѣевну, узнай, что она любитъ, говори съ ней, ищи въ самомъ себѣ то, что можетъ отталкивать ее отъ тебя, и искореняй въ себѣ это. Измѣняйся, дѣлайся другимъ, вырастай въ ея глазахъ!

Онъ перевелъ дыханіе и прошелся по комнатѣ. Обратившись опять къ Свіягину, онъ въ увлеченіи добавилъ:

— Быть можетъ, она тогда сама къ тебѣ придетъ.

Эти слова вырвались у него безотчетно. И только сказавъ ихъ, онъ почувствовалъ, что въ нихъ есть ложь. «Но не все ложь», — сейчасъ же мелькнуло у него въ головѣ. Онъ находилъ нужнымъ сдержать данное Марьѣ Петровнѣ слово и не говорить Леониду Васильевичу, что Соня любитъ другого. Но и самъ не зная этого *другого*, онъ понималъ, что тотъ чѣмъ-то взялъ, — взялъ и надъ Леонидомъ Васильевичемъ, и надъ нимъ самимъ.

«Пересилить или нѣтъ Свіягинъ того неизвѣстнаго, если послушается моихъ совѣтовъ, но, во всякомъ случаѣ, если всѣ эти обстоятельства, если эти слова толкнутъ его на другой путь, вдохнуть въ него жизнь, все-таки, это будетъ хорошее дѣло», — думалъ теперь Касаткинъ, переставъ говорить и смотря въ открытое

окно на вылъзавшій изъ-за горизонта золотисто-оранжевый сегментъ мѣсяца.

А Леонидъ Васильевичъ опять опустилъ въ раздумьи голову и не хотѣлъ произнести ни слова. Брошенные ему сейчасъ Касаткинымъ обвиненія и совѣты долетали до его слуха только отрывками; но ему было все равно, что говорилъ теперь Касаткинъ, — онъ былъ съ нимъ согласенъ. Чувство горечи заливало широкою волной все, что проносилось въ это время въ умѣ Леонида Васильевича. Все прожитое: и его первая еще недавняя неудача въ Петербургѣ, и вся безцвѣтность, все однообразіе его жизни, и его неумѣнье создать себѣ другое положеніе, и какіе-то порывы къ чему-то лучшему, необъяснимое ощущеніе какихъ-то новыхъ побужденій и силъ, — все это разомъ всплыло со дна души, перемѣшалось, и изъ всего этого возникало одно неясное въ подробностяхъ, но ясное въ цѣломъ, заключеніе: къ выходу, къ выходу!

Изъ своего молчаливаго настроенія Леонидъ Васильевичъ не вышелъ и на другой, и на третій день. Оно поневолѣ сообщилося и Касаткину, который не могъ не видѣть, что сосредоточившійся въ самомъ себѣ Леонидъ Васильевичъ избѣгалъ теперь разговоровъ съ нимъ еще больше, чѣмъ съ матерью. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе въ Свягинѣ дѣлалось для Александра Федоровича невыносимо томительнымъ, онъ чувствовалъ себя надолѣвшимъ. И черезъ день, дружески распроцавшись съ Леонидомъ Васильевичемъ и Анной Николаевной, онъ уже ѣхалъ на желѣзную дорогу, не доживъ въ Свягинѣ трехъ дней, которыми еще располагалъ по сроку отпуска.

— Я постараюсь все сдѣлать по-твоему, — сказалъ ему на прощанье Леонидъ Васильевичъ, крѣпко, дружески пожимая его руку.

Эти слова и тарантасъ съ тройкой сѣрыхъ, данные ему теперь, вмѣсто встрѣтившей его вначалѣ «чортовой таратайки», дѣйствовали нѣсколько успокоивающимъ образомъ на его разстроенные послѣдними впечатлѣніями нервы.

XVIII.

Другой міръ, другіе интересы, старыя и новыя теченія захватили Александра Федоровича по возвращеніи въ Петербургъ. Въ свое время онъ отвезъ данныя ему Марьей Петровной письмо и посылку племянницѣ. Знакомство завязалось, но не стало близкимъ. Гужба, дѣла, нездоровье заставляли Александра Федоровича все

болѣе и болѣе ограничивать число всякаго рода посѣщеній. Не было у него времени и на переписку, и поэтому, сначала все собираясь написать въ Свіягино, онъ такъ и не собрался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не позабылъ объ этомъ, въ свою очередь не получая оттуда никакихъ извѣстій.

Леонидъ Васильевичъ, прощаясь съ нимъ, далъ ему слово писать ему только тогда, когда его сватовство къ Сонѣ увѣнчается успѣхомъ или вообще произойдетъ какой-нибудь серьезный переломъ въ его жизни. Но никакихъ перемѣнъ, очевидно, не произошло, соображалъ Басаткинъ и мало-по-малу пересталъ и вспоминать Свіягинныхъ и Мальковыхъ.

И дѣйствительно, жизнь въ Свіягинѣ, временно взбаломученная, текла опять попрежнему. На первыхъ порахъ послѣ отъѣзда Басаткина Леонидъ Васильевичъ порывался было что-то сдѣлать, хотѣлъ отъ чего-то отрѣшиться, чего-то достигнуть. Въ Свіягинѣ предполагалось устроить сельско-хозяйственную школу, въ Хрящовѣ — весь домъ отдѣлать и меблировать заново, въ одной изъ небольшихъ бѣдныхъ деревень открыть мужикамъ въ видѣ опыта широкой кредитъ на развитіе у нихъ огородничества и какого-нибудь кустарнаго промысла. Но Анна Николаевна, какъ всегда, ни въ чемъ не рѣшавшаяся круто противодѣйствовать сыну, а, напротивъ, какъ будто изъявлявшая искреннюю готовность содѣйствовать ему, съумѣла и теперь принять участіе и, разумѣется, настолько парализовать его дѣятельность, что всѣ его замыслы въ самомъ началѣ были сведены къ нулю.

Для постройки школы надо было купить лѣсу. Анна Николаевна уговорила Леонида Васильевича отложить эту покупку до весны, чтобы купить болѣе выгодно сплавные плоты. Она доказывала Леониду Васильевичу, что на ту же ассигнованную сумму можно будетъ построить зданіе вдвое больше, выбрать лѣсъ крупнѣе, и поэтому, исключительно въ видахъ улучшенія дѣла, съумѣла убѣдить сына отложить постройку. Самая программа сельско-хозяйственной школы не была еще выработана, о ней предстояло еще хлопотать, и Леонидъ Васильевичъ легко согласился на предложенную мамашей отсрочку. Однако, въ ожиданіи осуществленія болѣе широкаго проекта, онъ временно нанялъ учителя, приспособилъ для школы старую рабочую избу и, выхлопатавъ разрѣшеніе, началъ собирать крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ для обученія ихъ грамотѣ. Но молодой учитель, толковый, знающій, любящій свое дѣло, но нѣсколько легкомысленный, на первыхъ же порахъ завелъ пашни съ одной изъ дворовыхъ дѣвокъ, и Анна Николаевна

рада была случаю настоять на его удаленіи изъ Свіягина. Леонидъ Васильевичъ, на этотъ разъ, вопреки желанію мамыши, перевелъ учителя въ Хрящово и устроилъ школу тамъ прямо въ домъ. Но Анна Николаевна, изводя сына ласковыми, но постоянными намеками на неприличіе имѣть такого учителя, намекая, наконецъ, на то, что свѣдѣнія о его предосудительномъ поведеніи могутъ дойти и до Мальковыхъ, съумѣла-таки выжить учителя и оттуда. Тогда Леонидъ Васильевичъ хотѣлъ взять семейнаго и имѣть школу непременно въ Свіягинѣ, но Анна Николаевна энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, возстала и противъ этого:

— Нѣтъ, ужъ здѣсь ты меня избавь отъ этихъ господъ! Это еще заведется баба, дрязги, ребятишки... ужъ это дѣлай, гдѣ хочешь, только не у меня на глазахъ.

Постоянныя пререканія охладили пылъ Леонида Васильевича и заботы о школѣ временно замѣнились заботами объ устройствѣ хрящовской усадьбы. Но, прежде чѣмъ за что-нибудь приняться, Леонидъ Васильевичъ, по мысли, поданной мамашей, вздумалъ высчитать, во что это обойдется. Плотники, штукатуры, маляры, — все это было извѣстно гораздо лучше Аннѣ Николаевнѣ, чѣмъ ему, и при составленіи смѣты дѣло, конечно, не могло обойтись безъ ея участія, безъ ея совѣтовъ. И Леонидъ Васильевичъ только и слышалъ отъ нея:

— Да что это, Леничка? Ужъ это, какъ будто, очень много! Да на что это тебѣ?

Къ каждой цифрѣ, которую ставилъ Леонидъ Васильевичъ въ проектѣ, Анна Николаевна умѣла прибавить такой рядъ аксессуаровъ, столько всякихъ вытекающихъ изъ малѣйшей поправки послѣдствій, что предстоящіе расходы уже казались и Леониду Васильевичу какъ будто излишними и чрезмѣрными. При этомъ всякій разъ, какъ только начиналось обсужденіе смѣты, Анна Николаевна такъ удачно сворачивала разговоръ въ сторону, переходила на текущія дѣла, начинала говорить о недородахъ и выпаханной землѣ, начинала перечислять, какъ бы между прочимъ, разныхъ разорившихся сосѣдей и, наконецъ, спохватывалась о какомъ-нибудь забытомъ дѣлѣ и спѣшила куда-нибудь по хозяйству, что мало-по-малу и это занятіе надоѣло Леониду Васильевичу. Единственное, что онъ сдѣлалъ — велѣлъ сколотить полы въ хрящовомъ домѣ, чтобы половицы не скрипѣли и не стучали; но покраить ихъ такъ и не удалось, и комнаты, съ бѣлыми состроганными ослосами по крашеному подъ паркетъ полу, приняли еще болѣе нешлой видъ.

О «меліораціонномъ» кредитѣ мужичкамъ говорить съ Анной Николаевной было еще труднѣе. Тутъ уже Леонидъ Васильевичъ долженъ былъ прямо остаться въ области одинокихъ мечтаній, чтобъ не заводить ссоры. Даже съ Мальковыми не рѣшался онъ говорить о своихъ проекахъ: ему хотѣлось бы показать имъ сдѣланное дѣло, а не являться въ ихъ глазахъ лишній разъ послушнымъ орудіемъ чужой воли.

Да и вообще къ Мальковымъ Леонидъ Васильевичъ сталъ заѣзжать теперь рѣже. Обращеніе Марьи Петровны и Сони съ нимъ было, попрежнему, ласковое, но онъ не могъ не замѣтить, что они боятся всякаго повода къ возобновленію разговора о томъ, что они, очевидно, считали совсѣмъ поконченнымъ. Соня теперь уже избѣгала оставаться съ Леонидомъ Васильевичемъ наединѣ, не звала его гулять въ лѣсъ и въ поле, какъ бывало прежде.

Всякій разъ, какъ Леонидъ Васильевичъ возвращался отъ нихъ домой, онъ дня по два, по три ходилъ задумчивый и угрюмый: ничто его не радовало, ни къ чему его не влекло. Мамаша, старавшаяся развлечь его своими причитаніями, сокрушавшаяся о его больномъ сердцѣ, только еще болѣе раздражала его.

Земскій докторъ Шварцъ, наѣзжавшій въ Свіягино каждую недѣлю, все настойчивѣе и настойчивѣе совѣтовалъ ему избѣгать волненій, все усерднѣе прописывалъ ему порошки и капли и въ его присутствіи наказывалъ Аннѣ Николаевнѣ беречь его и не позволять заниматься дѣлами.

И эта глупая жизнь начинала, наконецъ, надобдѣть Леониду Васильевичу. Впереди ждала одна безпросвѣтная тоска. Бывали такія минуты, что ему казалось, будь онъ способенъ на пьянство, онъ бы запилъ запоемъ. А сердце болѣло и давило еще больше. Каждое утро зеркало подсказывало Леониду Васильевичу, что онъ старѣется и брзогнетъ.

«Неужели у меня такъ-таки не будетъ жены, не будетъ семьи?— чуть не каждый день задавалъ себѣ Леонидъ Васильевичъ вопросъ.—Если не Соня, то кто же другая? Неужели еще искать... кого-то? Какую? Гдѣ? Неужели еще въ третій разъ попробовать счастья, чтобы получить отказъ? И если искать новую... третью, то что же такое его любовь къ Сонѣ?... Да, наконецъ, нужно ли жениться?... Почему жениться?»

Но даже и та слабая поддержка, которую онъ еще отъ времени до времени находилъ въ мечтахъ о возможности рано или поздно завоевать любовь Сони, какъ это рекомендовалъ ему Касаткинъ, даже и эта поддержка была у него отнята, когда въ одинъ изъ его

пріѣздовъ къ Мальковымъ ему сообщили, какъ радостную вѣсть, что Соня невѣста, что она только что приняла сдѣланное ей письменно предложеніе. Леонидъ Васильевичъ, оказалось, зналъ и жениха. Это былъ недавно кончившій курсъ медикъ, сынъ одного изъ жившихъ въ ихъ уѣздномъ городѣ небогатыхъ помѣщиковъ. Леонидъ Васильевичъ не разъ встрѣчалъ его у Мальковыхъ, когда тотъ, бывало, пріѣзжалъ къ отцу на каникулы. Никогда, однако, не думалъ Леонидъ Васильевичъ, что этотъ, правда, красивый, но очень застѣнчивый молодой человекъ отобьетъ у него Соню. Чѣмъ онъ взялъ? Развѣ тѣмъ, что пѣлъ оперныя аріи подъ аккомпаниментъ Сони? А теперь... черезъ годъ, когда женихъ кончитъ диссертацию—свадьба!

Леонидъ Васильевичъ покорно принялъ это извѣстіе, выразивъ свое сочувствіе чужому счастью. Но онъ долго послѣ этого не заглядывалъ на мальковскій хуторъ.

Теперь у него стало иногда являться желаніе бросить все, поѣхать въ Петербургъ къ Касаткину или за границу—развернуться.

Но сейчасъ же являлись неизбѣжныя соображенія о томъ, какъ быстро онъ можетъ умереть, какой это будетъ ударъ для мамыши.

И сейчасъ же ему становилось ясно, что она никуда и не отпуститъ его одного, что она помчится за нимъ хоть за тридевять земель, какъ ѣздилъ сопровождать его въ Америку.

Не обращать на нее вниманія и уѣхать?

Но онъ ставитъ себя на ея мѣсто, и ему живо представляется ея огорченіе, и онъ уже чувствуетъ къ ней жалость.

Да, если ему не жалко самого себя, если ему самому не страшно теперь даже смерть, какъ выходъ изъ этой безцвѣтной, пустой жизни, то за что же онъ обидитъ мамашу? Она такъ толго заботилась о немъ, она отдала ему всю жизнь, онъ—ея единственная радость.

Замкнутый въ этомъ кругѣ мыслей, Леонидъ Васильевичъ начиналъ все больше и больше отрѣшаться отъ всякихъ личныхъ желаній. Онъ скоро сдѣлался равнодушень, принялся за чтеніе Евангелія, думая найти въ этомъ успокоеніе, и съ каждымъ днемъ чѣмъ же вспоминалъ о своихъ проектахъ. Мало-по-малу онъ дошелъ до того, что, если у него случались въ рукахъ деньги, онъ готовъ былъ отдать ихъ первому попавшемуся мужику. Анна Николаевна, замѣтивъ это, стала отстранять сына, насколько возможно, отъ всякихъ случаевъ полученія денегъ, беря этотъ трудъ на себя или ручая его старостѣ. Обращаться же къ мамашѣ съ просьбами Леонидъ Васильевичъ не рѣшался, какъ бы избѣгая проявлять въ

чемъ бы то ни было свою личность. Ему уже казалось, что всё его богатства не его.

Но за то тѣмъ охотиѣ заводилъ онъ съ мамашей разговоръ объ ожидающей его могилѣ. Анна Николаевна сейчасъ же начинала отпириваться обѣими руками.

— Не говори, не говори, Леничка!—воскликнула она.—Голубчикъ, ради Бога, не говори этого! Жить да жить тебѣ надо! Какая тутъ смерть? Береги только какъ-нибудь себя.

Но одна, сама съ собой, тоже все чаще и чаще задумываясь о возможности смерти Леонида Васильевича, Анна Николаевна, несмотря на суевѣрный страхъ предъ завѣщаніемъ, подумывала и о завѣщаніи. Вѣдь, какво перенести обиду, если большая часть нажитыхъ ею имѣній достанется законной наслѣдницѣ, этой «дылдь» Байдаровой?

Мать по сынѣ не наслѣдница, а какая-то кузина придетъ и возьметъ все. И не только родовое, но и благопріобрѣтенное. Ей останется ея приданое—Кузьминки, всего двѣсти десятинъ, да хуторъ Дальній, купленный на ея имя, на доходы съ Кузьминокъ. Стоило, послѣ этого, быть такою добросовѣстною опекуншей. Неужели она трудилась весь вѣкъ для Байдаровой, съ которой они даже и не видятся никогда?

А подступиться къ Леониду Васильевичу съ предложеніемъ сдѣлать духовное завѣщаніе Аннѣ Николаевнѣ, все-таки, было страшно. «Умреть тогда Леничка, Боже сохрани, сейчасъ умереть!—думалось ей.—А на что ей тогда и деньги, и имѣнія?»

«Эхъ, кабы внуки были!—думала Анна Николаевна.—Женить бы его поскорѣй, да внуковъ бы Богъ послалъ!»

Тогда не страшна ей и смерть любимаго сына, тогда ея жизнь была бы опять полна; она могла бы лелѣять внуковъ, заботиться о нихъ и воспитывать ихъ такъ же, какъ она воспитывала Леничку, и сдѣлать ихъ такими же хорошими, честными людьми, обстоятельными и независимыми.

Но Анна Николаевна не знала, что иногда у Леонида Васильевича, послѣ продолжительныхъ періодовъ апатіи и покорности, вдругъ поднимался въ душѣ бурный протестъ. Въ такія минуты и Леонидъ Васильевичъ думалъ о завѣщаніи, но только онъ мечталъ завѣщать все на университеты, на учебныя заведенія, сельскія школы или на ученія преміи своего имени, или, наконецъ, просто хотѣлъ раздать все бѣднымъ крестьянамъ своего округа. Иногда вдругъ ему приходила мысль завѣщать все Сонѣ Мальковой; иногда онъ поминалъ въ этихъ мечтахъ и Басатгина, поминалъ и

академію, гдѣ учился, и, будь въ это время около него кто-нибудь, кто сумѣлъ бы поддержать въ немъ эти порывы, Анна Николаевна и не узнала бы, куда и кому пойдутъ собранные ею съ такимъ самоотверженіемъ капиталы.

Когда это настроеніе находило на Леонида Васильевича, онъ порывался обрушиться на мамашу съ упреками, высказать ей все, что накипѣло у него на душѣ, подбиралъ выраженія, иногда возможно деликатныя, иногда ѣдкія и жестокія, произносилъ ихъ даже иногда самъ себѣ вслухъ, но...

Но минута протеста смѣнялись у него часами и днями сомнѣній, и онъ опять считалъ себя не вправѣ лишить мать того, что собственно ею же и нажито. Какъ смѣть, какъ будто мстя ей, отнять у нея то, что она собирала для его же благополучія, чѣмъ она хотѣла сдѣлать собственную его жизнь счастливой и пріятной? За что? За что нанести ей въ сердце рану тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое она сама вручила ему съ любовью и лаской? И нанести именно тогда, когда это сердце будетъ страдать по немъ же, когда она, съ его смертью, потеряетъ единственную цѣль въ жизни?

И когда Леонидъ Васильевичъ принимался разсуждать въ такомъ духѣ, когда онъ вспоминалъ при этомъ, что наслѣдницей его будетъ кузина Байдарова, онъ и самъ склонялся оставить завѣщаніе на имя матери.

Но сейчасъ же точно какой-то бѣсъ подсказывалъ ему, что она же, многолюбящая мать, спасшая его отъ разоренія и нищенства, сдѣлавшая его богатымъ человѣкомъ, — она же виновница его несчастій и нѣкоторымъ образомъ косвенная виновница его ранней смерти.

И опять какой-то лукавый голосъ нашептывалъ лукавый вопросъ: что, въ случаѣ его смерти, будетъ для нея тяжелѣе: потеря ли сына, или переходъ наслѣдства къ Байдаровой?

Злое чувство поднималось при этихъ мысляхъ въ больной душѣ Леонида Васильевича, и ему уже хотѣлось, чтобы мамаша въ своихъ страданіяхъ нашла возмездіе за то, что она сдѣлала его такимъ.

«Пусть, пусть видитъ, какъ кузина Байдарова пуститъ по вѣтру всѣ плоды ея сквалыжничества!» — думалъ онъ иногда съ орадною улыбкой. Да, онъ не сдѣлаетъ никакого завѣщанія; нанести ударъ самъ онъ не можетъ, не хочетъ, но онъ и не предостережетъ ее отъ этого удара. Пусть это глупо, пусть непростительно отдавать такія средства въ руки ничтожной кузины, когда ими можно сдѣлать столько хорошаго для людей достойныхъ, но... что съ ними совсѣмъ и съ достойными, и съ недостойными! Онъ

не будет исправлять ошибокъ судьбы! Пусть сама судьба казнится въ этомъ! Почему онъ долженъ еще заботиться, чтобы эти средства нашли какое-то хорошее примѣненіе, когда судьба не заботилась о томъ, чтобы сдѣлать его счастливымъ?

Въ такихъ колебаніяхъ и переходахъ отъ одного рѣшенія къ другому протекали дни, мѣсяцы, такъ протекли почти два года.

Безцѣльная жизнь Святинныхъ шла куда-то какъ будто ошупью, какъ будто въ ожиданіи чего-то извѣстнаго, но долженствовавшего свалиться невѣдомо откуда и когда. Между тѣмъ, въ сущности, самой жизни не было ни во всей этой массѣ недвижимыхъ и движимыхъ имѣній, ни въ ея владѣльцахъ. Земля выпаживалась, родился хлѣбъ, скотина давала приплодъ, продукты хозяйства обмѣнивались на деньги: что-то, зачѣмъ-то сберегалось, копилось, старившееся поддерживалось, разрушавшееся замѣнялось новымъ, но все это дѣлалось какъ-то автоматически, безъ ясно сознанный цѣли, все вращалось, подобно любой бездушнѣ машинѣ, проглатывающей сырой матеріалъ и выбрасывающей его въ обработанномъ видѣ.

Между тѣмъ, здоровье Леонида Васильевича съ каждымъ днемъ все ухудшалось, а по мѣрѣ этого ухудшенія у него стало являться и расти убѣжденіе, что стоило бы ему только выздоровѣть, и онъ сразу стряхнулъ бы все свое безволіе и безсиліе. А то отъ однихъ заботъ о своемъ здоровьѣ захвораетъ! Эти заботы и вѣчная осторожность доводили его до отчаянія и озлобленія, хотя онъ еще не сознавалъ, что онъ же и служилъ постояннымъ источникомъ его ипохондрическаго настроенія.

Все чаще и чаще отдаваясь горькому раздумью, онъ чувствовалъ порою полное отвращеніе и ко всему обружающему, и къ своей собственной личности.

«Что я такое?—говорилъ онъ иногда самъ себѣ.—Такъ, межеумокъ какой-то! Сидишь между двухъ стульевъ. Что хотѣлъ бы сдѣлать—крыльевъ нѣтъ, а что дѣлаю, то все самому противно».

«Что такое я былъ всю мою жизнь?—задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Объектъ любви для мамы... и только! А, въ сущности, первый номеръ живого инвентаря святинской усадьбы!»

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда Леонидъ Васильевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ надъ раскрытымъ евангеліемъ, къ нему вошла Анна Николаевна съ полученнымъ ею письмомъ отъ Мальковой. Марья Петровна, выражая свое соболѣзнованіе, сообщала Святиннымъ полученное ею отъ племянницы изъ Петербурга извѣстіе о смерти Касаткина, послѣдовавшей отъ чахотки.

Леонидъ Васильевичъ глазамъ не вѣрилъ, читая поданное ему матерью письмо. Онъ еще и еще разъ перечитывалъ коротенькую страничку, на которой Марья Петровна къ печальному сообщенію добавляла только, что оно, можетъ быть, уже извѣстно Леониду Васильевичу и помимо ея.

Нѣтъ, оно не было ему извѣстно. Другіе оказались ближе къ его старому товарищу, чѣмъ онъ.

У Леонида Васильевича явилось, прежде всего, сознание своего еще бѣльшаго одиночества, потомъ явилось чувство жалости къ самому себѣ. Ему уже кажется, что теперь очередь за нимъ, и хочется сказать: зачѣмъ? почему такъ скоро?

Не слушая, что говоритъ ему стоящая около него мамаша, Леонидъ Васильевичъ долго-долго смотритъ на письмо, и множество картинъ и мыслей проносятся въ его головѣ. Опять вспоминается пережитое, и не мертвый, а живой Касаткинъ представляется его воображенію. Леонидъ Васильевичъ какъ будто еще сейчасъ слышитъ этотъ голосъ:

«Живи! Не задумывайся надъ жизнью! Бросай все: и силы, и средства, и умъ, и знаніе,—все щедрою рукой бросай въ даръ другимъ! Умрешь, гдѣ-нибудь да останется частица твоего я».

И чувство подавленности внезапно уступаетъ у Леонида Васильевича неожиданному подъему духа. Онъ какъ будто чувствуетъ, что, пока онъ живъ, хоть маленькая частица касаткинскаго я всегда будетъ жить въ его душѣ.

«У меня маленькая, у другихъ, можетъ быть, большая. Но онъ не умеръ... нѣтъ, нѣтъ! Живое слово, оставшееся послѣ него, оно живо!» — думаетъ Леонидъ Васильевичъ. И, машинально повторяя: слово, слово,—онъ вдругъ вспоминаетъ затверженный имъ еще въ гимназіи текстъ, который онъ недавно опять перечитывалъ въ евангеліи, перечитывалъ по-гимназически, не ища въ немъ ни смысла, ни значенія.

«Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово,—мысленно повторилъ теперь Леонидъ Васильевичъ.—Вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животь бѣ...»

«Да, вотъ гдѣ жизнь!—блеснула у него мысль, прежде чѣмъ нъ кончилъ текстъ.—Въ словѣ, въ безсмертномъ словѣ! Оно и лизнь, оно и Богъ, никогда не умирающій!»

Смѣшнымъ казалось ему, когда Касаткинъ говорилъ, что слова переживуть и насъ, и дѣла наши, а онъ былъ правъ. Все пройдетъ, все истлѣетъ, а живое слово, какъ атомъ чьей-то души, Богъ насть гдѣ и когда вырвавшееся, передаваемое отъ одного къ дру-

тому, Богъ знаетъ гдѣ и когда привьется опять въ чьей-нибудь душѣ и дастъ новые ростки.

— Лень, Лень, полно, успокойся, что ты это?—причитала надъ нимъ Анна Николаевна, замѣтивъ заструившіяся по щекамъ Леонида Васильевича слезы.—Ну, что это, какъ тебѣ не стыдно? Ты хоть меня пожалѣй.

Леонидъ Васильевичъ не зналъ, плакалъ ли онъ отъ горя, или отъ волненія, вызваннаго мыслью о вспомнившихся ему словахъ Касаткина, но слезы катились, а онъ чувствовалъ какой-то неопредѣленный порывъ, скорѣе радостный, чѣмъ печальный. Ему какъ будто казалось, что ужъ теперь-то онъ стряхнетъ съ себя все свое прежнее безволіе, ужъ теперь-то онъ на дѣлѣ докажетъ, что слова Касаткина не умрутъ, пока не разорвется это опять занывшее сердце.

Лѣвая рука Леонида Васильевича точно по привычкѣ налегла на грудь, правой онъ какъ будто хотѣлъ освободить шею отъ мѣшавшей ему хотя и просторной рубахи.

— Что съ тобой, Леничка? Что ты, хорошій? — задрожавшимъ голосомъ спрашивала Анна Николаевна, помогая ему разстегнуть вѣрты.

Она взяла его за руку и нѣжно смотрѣла ему въ лицо.

— Душно, мамаша... душно!—не глядя на нее, тихо произнесъ Леонидъ Васильевичъ и крѣпко пожалъ ея руку.

Онъ нѣсколько разъ повернулъ головой изъ стороны въ сторону, словно не находилъ ей удобнаго положенія.

— Лень, милый, что ты съ собой дѣлаешь? — робко и ласково уговаривала его Анна Николаевна.—Ну, жалко Александра Федоровича, хорошій былъ человекъ, да ты себя-то побереги. Ну, царство ему небесное!... Да, вѣдь, не родной онъ намъ... развѣ можно такъ убиваться? Пожади ты себя...

«Ей не жалко,—слушая ее, думалъ Леонидъ Васильевичъ.— Ей все равно... царство небесное... не родной... Кому *мы*-то родные?»

А проклятое безволіе, какъ какое-то чудовище, казалось, уже опять ползло къ нему, опять будто охватывало его гадкими, слизистыми щупальцами; но только уже не было теперь того человекѣа, которому онъ могъ бы крикнуть: «Освободи меня!»

И, упавъ головой на скрещенные надъ столомъ руки, Леонидъ Васильевичъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Анна Николаевна, стараясь утѣшить, гладила его по головѣ.

А. Луговой.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ *).

Романъ В. Д. Гоуэльса.

ХІІІ.

На другое утро дамы сидѣли на террасѣ, когда явился донъ-Ипполито съ просьбой освободить его какъ на этотъ, такъ и на нѣсколько слѣдующихъ дней отъ занятій съ миссъ Вербанъ, ссылаясь, въ видѣ извиненія, на нѣкоторыя священническія обязанности, приходившіяся какъ разъ на это время. Миссисъ Вербанъ начала жаловаться на то, что ей не удалось наканунѣ пойти смотрѣть процессію.

— Я хотѣла хорошенько разглядѣть васъ; Флорида васъ видѣла, мистеръ Феррисъ тоже. Но, знаете, это далеко не все равно. Флорида не умѣетъ описывать, и вотъ теперь, я, вѣроятно, уѣду изъ Венеціи, такъ и не увидавъ васъ ни разу въ полномъ парадномъ облаченіи.

Донъ-Ипполито выслушалъ и эти слова, и дальнѣйшія рѣчи миссисъ Вербанъ въ краткомъ молчаніи. Съ безукоризненною вѣжливостью онъ выждалъ удобную минуту и откланялся со своею обычною церемонною почтительностью.

— Ну, такъ приходите же опять, донъ-Ипполито, какъ только ваши обязанности позволятъ вамъ, — крикнула миссисъ Вербанъ, — Мы страшно будемъ скучать безъ васъ, и я заранѣе жалѣю о каждомъ урокъ, который теряетъ Флорида.

Осторожно ступая, чтобы не запутаться въ своей длинной сутагѣ, священникъ пошелъ по садовой аллеѣ. Когда онъ былъ уже на подорогѣ отъ валитки, Флорида, внимательно смотрѣвшая ему слѣдъ, сказала вдругъ матери:

*) *Русская Мысль*, кн. V.

— Мнѣ надо еще поговорить съ нимъ,—и, легко соскочивъ со ступенекъ, побѣжала въ догонку.

— Донъ-Ипполито!—позвала она.

Его рука была уже на задвижкѣ, но онъ обернулся и поспѣшно пошелъ назадъ, на встрѣчу Флоридѣ.

Быстро дыша, она стояла все на томъ же мѣстѣ аллеи, съ котораго ея голосъ остановилъ его. Глаза ихъ встрѣтились: грустная тѣнь омрачила лицо молодой дѣвушки, повидимому, тщетно пытавшейся заговорить.

Миссисъ Вербанъ надѣла очки и съ добродушнымъ любопытствомъ смотрѣла на дочь и на донъ-Ипполито.

— Что же, *madamigella*, что вамъ угодно?—произнесъ, наконецъ, священникъ. Онъ испустилъ при этомъ слабый терпѣливый вздохъ.

Слезы навернулись на ея глаза.

— О,—горячо начала она,—еслибъ кто-нибудь имѣлъ право поговорить съ вами!

— Никто,—отвѣтилъ донъ-Ипполито,—не имѣетъ такого права на это, какъ вы.

— Я видѣла васъ вчера,—начала она снова,—и я все думала о томъ, что вы сказали мнѣ, донъ-Ипполито.

— Да, я тоже объ этомъ думалъ,—отвѣтилъ священникъ,—я думалъ объ этомъ непрестанно съ того самаго дня.

— Но развѣ вы не старались отыскать какой-нибудь лучъ надежды? Развѣ вы должны идти все по той же дорогѣ, по какой шли до сихъ поръ? Какъ можете вы возвратиться теперь къ тому, что было, какъ можете вы притворяться, будто считаете святымъ многое такое, къ чему все время будутъ оставаться равнодушны и сердце, и вѣра ваша? Это ужасно!

— Чего же вы хотите, *madamigella*?—угрюмо спросилъ донъ-Ипполито, пожавъ плечами.—Вы знаете, это моя профессія, мое ремесло. Вы точно также могли бы сказать узнику,—горько прибавилъ онъ:—«Ужасно видѣть тебя скованнымъ этою цѣпью». Да, это ужасно. О, я не отвергаю вашего состраданія! Но что же могу я сдѣлать?

— Присядьте здѣсь, возлѣ меня,—сказала Флорида съ своею прямою, дѣтскою манерой и опустила на каменную скамью у края аллеи. Она сложила руки на колѣняхъ съ какимъ-то глубокимъ, застѣнчивымъ волненіемъ, между тѣмъ какъ донъ-Ипполито, повинаясь ея приказанію, сѣлъ и ждалъ, чтобъ она заговорила. Ея голосъ былъ скорѣе похожъ на хриплый шепотъ, когда она начала:

— Я не знаю, какъ приступить къ тому, что мнѣ хочется сказать. Не мнѣ давать кому-либо совѣты. Я такъ молода и такъ мало знаю свѣтъ.

— Я тоже мало знаю свѣтъ, — сказалъ священникъ, обращаясь не столько къ ней, сколько къ самому себѣ.

— Быть можетъ, я сужу неправильно, совсѣмъ, совсѣмъ неправильно. И, притомъ, — прибавила она, сдѣлавъ вдругъ рѣзкій переходъ, — какъ могу я знать, что вы хорошій человѣкъ, донъ-Ипполито? Какъ могу я знать, что вы сказали мнѣ правду? Быть можетъ, это что-нибудь вродѣ ловушки...

Онъ смотрѣлъ на нее въ полномъ недоумѣніи.

— Мы въ Венеціи, быть можетъ, вы хотите выпытать у меня что-нибудь такое, что причинитъ потомъ непріятности моей матери и мнѣ. Быть можетъ, вы шпионъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ священникъ, быстро поднявшись со скамьи съ чѣмъ-то вродѣ стона или содроганія. — Боже меня избави! — Онъ легко коснулся ея руки кончиками пальцевъ и затѣмъ поцѣловалъ ихъ: актъ невыразимаго смиренія. — *Madamigella*, клянусь вамъ всѣмъ, что свято для васъ: я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ быть вѣроломнымъ передъ вами хотя бы въ одномъ только вздохѣ или одной только мысли.

— О, я знаю это, знаю! — прошептала она. — Я не понимаю, какъ могла я сказать такую жестокую вещь.

— Вовсе не жестокую, *madamigella*, вовсе не жестокую, — сталъ мягко защищать ее донъ-Ипполито.

— Но... но развѣ для васъ *тѣмъ*...

Они пристально взглянули въ глаза другъ другу, потомъ донъ-Ипполито заговорилъ:

— Да, — сказалъ онъ съ глубокою серьезностью, — одинъ исходъ есть. Я часто о немъ думалъ, и однажды мнѣ показалось, что я сдѣлалъ первый шагъ по пути къ нему; но этотъ путь обставленъ множествомъ великихъ препятствій, а профессія священника дѣлаетъ человѣка робкимъ и неувѣреннымъ.

Съ послѣдними словами онъ опять погрузился въ свою задумчивую меланхолю; но Флорида не хотѣла допустить, чтобъ онъ гратилъ мужество, съ которымъ началъ свою рѣчь.

— Это ничего не значить, — сказала она, — вы снова должны направить свои мысли къ тому и не должны отказываться отъ этого дѣянія, пока не испытали его. Сдѣлайте только первый шагъ, а гѣмъ вамъ уже легко будетъ идти дальше. Со всѣхъ сторонъ по-

явятся друзья и поддержать васъ. Послушайте,—произнесла она съ горячею мольбой,—вы должны обѣщать мнѣ это.

Онъ устремилъ на нее свои мечтательные глаза.

— Еслибъ я рѣшился на этотъ единственный исходъ, и еслибъ всѣмъ другимъ онъ показался безумнымъ, остались бы вы и тогда моимъ другомъ?

— Я осталась бы вашимъ другомъ, еслибъ весь свѣтъ обратился противъ васъ.

— Остались бы вы моимъ другомъ,—поспѣшно спросилъ онъ полушепотомъ и съ признаками внутренней борьбы,—еслибъ этотъ исходъ заключался для меня въ томъ, чтобы не быть больше священникомъ?

— Конечно, конечно! Почему же нѣтъ?—воскликнула дѣвушка, и лицо ея запылало геройскою отвагой и симпатіей. Это небесное невѣдѣніе женщины относительно непреодолимыхъ трудностей, являющихся передъ тѣми, кто хочетъ поступать справедливо,—вотъ что вдохновляетъ мужчинъ и заставляетъ ихъ осуществлять на дѣлѣ геніальныя, кажущіяся невозможными мечты. Наша склонность разрабатывать подробности, наша роковая привычка къ разсужденію парализуютъ насъ; намъ нуженъ импульсъ чистаго идеала, который только женщины могутъ намъ дать. Эти два существа были одинаково дѣтьми по отношенію къ свѣту, но онъ, какъ мужчина, предвидѣлъ средства и боялся ихъ, она же была преисполнена божественнаго презрѣнія ко всему, кромѣ цѣли, которую требовалось достигнуть.

Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Такъ это не кажется вамъ ужаснымъ?

— Ужаснымъ? Нѣтъ, я не понимаю, какъ можете вы быть спокойнымъ, пока это не сдѣлано!

— Стало быть, это правда, что вы поощряете меня на этотъ шагъ, на который я самъ такъ давно уже хотѣлъ рѣшиться?

— Да, это правда! Послушайте, донъ-Ипполито, это именно то, чего я ожидала отъ васъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы вы первый заговорили объ этомъ. Вамъ должна принадлежать вся честь этой мысли, и я рада, что она уже раньше являлась вамъ. Никогда не придется вамъ объ этомъ пожалѣть!

Она улыбнулась ему сіяющею улыбкой, и ея энтузіазмъ воспламенилъ его. Черезъ минуту лицо его снова омрачилось.

— Но это будетъ куплено дорогою цѣной,—прошепталъ онъ.

— Не бойтесь этого!—воскликнула Флорида.—Такой человекъ, какъ вы, долженъ совлечь съ себя санъ священника во что

бы ни стало! Вы должны перестать быть священникомъ, рискуя потерять вслѣдствіе этого родныхъ, друзей, доброе имя, отчизну, все на свѣтѣ! — Она вспыхнула, словно что-то вспомнивъ. — Вамъ незачѣмъ поддаваться унынію. Разъ вашъ геній сдѣлается свободнымъ, вы можете всюду создать себѣ родину, славу, друзей. Покиньте Венецію! Есть и другія мѣста на земномъ шарѣ. Подумайте, какой успѣхъ имѣютъ изобрѣтатели въ Америкѣ...

— Въ Америкѣ! — воскликнулъ священникъ. — Ахъ, какъ давно я мечтаю о ней!

— Вы должны туда ѣхать. Вы не замедлите снискать тамъ почетъ и славу, и даже съ самаго начала не будете тамъ чужимъ. Знаете ли вы, что мы думаемъ уже въ очень скоромъ времени возвратиться домой? Да, мы сегодня толковали объ этомъ съ мамой. Мы обѣ стосковались по родинѣ, и вы видите, мама все больна и больна. Вы пріѣдете къ намъ и поселитесь въ нашемъ домѣ, пока не составили еще какихъ-нибудь опредѣленныхъ плановъ. Все устроится очень легко. Богъ милосердъ, — сказала она прерывающимся голосомъ, — и Онъ благословитъ васъ.

— Кто-то, — отвѣтилъ донъ-Ипполито со слезами на глазахъ, — былъ уже очень милосердъ ко мнѣ. Я думалъ, что это вы, но теперь я назову это Богомъ.

— Тссъ... Не говорите такихъ вещей. Но теперь вамъ пора уходить. Оставьте себѣ время подумать, но не думайте слишкомъ долго. И еще одно — будьте вѣрны самому себѣ!

Они поднялись со скамейки и съ инстинктивнымъ, умоляющимъ жестомъ она опустила пальцы на его руку. Онъ стоялъ ошеломленный.

— Благодарю васъ, *madamigella*, благодарю васъ, — сказалъ онъ затѣмъ и, схвативъ ее душистую ручку, поднесъ ее къ губамъ. Онъ выпустилъ ее и поднялъ руки, какъ бы движимый слѣпымъ порывомъ, однако, поборолъ его въ тотъ же мигъ и отвернулся съ горячею краской въ лицѣ. Онъ не простился съ Флоридой съ своими обыкновенными церемонными поклонами, но быстро направился къ выходу.

Паническій страхъ овладѣлъ дѣвушкой, когда она увидала, что онъ уже готовъ уйти. Она побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Донъ-Ипполито, донъ-Ипполито! — сказала она, приблизившись къ нему, но тотчасъ же смутилась и запнулась. — Я не знаю, мнѣ что-то страшно. Вы ничего не должны дѣлать по моему наущенію; я не могу этого допустить, — не мнѣ давать вамъ совѣты. Это должно быть всецѣло дѣломъ вашей совѣсти. Ахъ, нѣтъ, не смот-

рите на меня такъ! Я буду вашимъ другомъ, что бы ни случилось. Но если то, что вы намѣрены сдѣлать, казалось вамъ такъ ужаснымъ, то, можетъ быть, оно дѣйствительно ужаснѣе, чѣмъ я могу себя вообразить. Если это единственный исходъ, то такъ и должно быть. Но развѣ нѣтъ другого? Я хочу сказать, развѣ нѣтъ у васъ никого, съ кѣмъ вы могли бы обсудить все это? Не могли ли бы вы переговорить объ этомъ хотя бы съ... съ мистеромъ Феррисъ? Онъ такъ искренень, такъ честень и справедливъ.

— Я и хотѣлъ пойти къ нему отсюда, — сказалъ донъ-Ипполито съ смутнымъ безпокойствомъ въ лицѣ.

— Ахъ, какъ я рада это слышать! Помните, я ничего не беру назадъ, что бы ни случилось. Я буду вамъ другомъ. Но онъ скажетъ вамъ какъ разъ то, что слѣдуетъ сдѣлать.

Донъ-Ипполито поклонился и отворилъ калитку.

Флорида вернулась къ матери.

— Скажи, ради Бога, о чемъ это ты такъ серьезно толковала съ донъ-Ипполито? — спросила миссисъ Вервѣнъ. — И отчего ты такъ блѣдна и такъ задыхаешься?

— Я сейчасъ расскажу тебѣ, мама, — отвѣтила Флорида и, придвинувъ себѣ стулъ, сѣла напротивъ матери.

XIV.

Донъ-Ипполито не прямо пошелъ къ художнику. Онъ сначала направился къ себѣ, потомъ повернулъ въ сторону и изъ шумнаго, люднаго квартала Банареджіо вышелъ на *Campo di Marte*. Маленькій отрядъ кавалеріи возвращался послѣ ученья съ плацъ-парада, нѣсколько пѣхотинцевъ бродили въ тѣни деревьевъ. Донъ-Ипполито перешелъ поле по направленію къ берегу лагуны и началъ шагать взадъ и впередъ, опустивъ голову на грудь и погрузившись въ глубокія думы. Онъ двигался быстро, но останавливался по временамъ и стоялъ неподвижно на солнцѣ, не чувствуя, по видимому, его зноя, хотя блѣдное лицо его было въ испаринѣ и капли пота катились по его лбу изъ-подъ полей его *nicchio*. Грязныя, оборванныя дѣтишки бѣдняковъ, густо заселявшихъ эту часть города, смотрѣли на него съ покатыхъ склоновъ *Campo di Giustizia*, гдѣ обыкновенно совершались казни, а одинъ мальчуганъ началъ передразнивать движенія священника, но одна изъ дѣвочекъ остановила его и, внушительно жестикулируя, стала трясти его за плечи.

Въ этомъ пунктѣ видѣнъ на всемъ его протяженіи длинный же-

лѣзно-дорожный мостъ, соединяющій Венецію съ материкомъ; и вдругъ свистокъ заграничнаго поѣзда пробудилъ донъ-Ипполито отъ его грезъ, которыя ни на минуту не покидали его, шелъ ли онъ, или стоялъ на мѣстѣ. Онъ проводилъ глазами поѣздъ, плавно пронесшійся надъ широкими арками и стремительно врѣзавшійся въ плоскія, соленыя болота, лежавшія позади. Когда онъ исчезъ изъ виду, донъ-Ипполито снова надѣлъ шляпу, которую безсознательно снялъ съ головы, и быстрыми шагами направился къ желѣзно-дорожной станціи. Придя туда, онъ простоялъ съ полчаса на вокзалѣ, наблюдая, какъ уѣзжающіе брали себѣ билеты, какъ ихъ багажъ сперва осматривали таможенные чиновники, потомъ свѣшивали и зарегистрировывали желѣзно-дорожные носильщики, передавая его черезъ барьеръ, отгораживающій поѣздъ, между тѣмъ какъ пассажиры собирали свои ручныя вещи и шли гурьбой къ заламъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ эту сторону, слѣдомъ за группою англичанъ, потомъ, возвратившись къ барьеру, долго и задумчиво смотрѣлъ черезъ него на поѣздъ. Весь багажъ былъ сданъ, сторожа съ рѣзкими возгласами распахнули двери пассажирскихъ залъ, и уѣзжающіе столпились у вагоновъ. Раздались свистки и звонки и поѣздъ выползъ изъ крытой галереи станціи.

Какой-то человекъ въ мундирѣ желѣзно-дорожнаго чиновника подошелъ къ незамѣтившему его приближенія патеру и, тихонько потирая руки, сказалъ съ пріятною улыбкой:

— Вашъ слуга, донъ-Ипполито. Вы поджидаете кого-нибудь?

— А, здравствуйте! — отвѣтилъ священникъ, слегка вздрогнувъ. — Нѣтъ, — прибавилъ онъ, — я никого не жду.

— Понимаю, понимаю, — сказалъ тотъ. — Вы, по обыкновенію, забавляетесь механикой. Простите за смѣлость, донъ-Ипполито, но вамъ бы слѣдовало избрать нашу профессію, хе, хе, хе! Когда у васъ будетъ свободный часокъ, мнѣ очень хотѣлось бы показать вамъ рисунокъ американскаго локомотива, присланный мнѣ однимъ пріятелемъ изъ Нью-Йорка. Онъ вовсе не похожъ на наши и весьма любопытенъ. Но какая, знаете, громадина! Просто что-то чудовищное! Можно мнѣ какъ-нибудь вечеркомъ занести его вамъ?

— Вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, — сказалъ донъ-Ипполито; онъ мечтательно смотрѣлъ по направленію умчавшагося поѣзда. — Это миланскій поѣздъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Точно такъ, — сказалъ чиновникъ.

— И онъ идетъ въ Миланъ безъ остановки?

— Ахъ, нѣтъ! Онъ останавливается въ Пескиерѣ, гдѣ пассажиры должны предъявлять паспорта, а въ Дезенцано пересадка на

Миланъ. А послѣ этого, — съ воодушевленіемъ продолжалъ чиновникъ, — если, напримѣръ, вашъ путь лежитъ въ Англію, то нужно пересаживаться на Сеузу, оттуда дилижансомъ черезъ горы въ С.-Мишель, потомъ опять по желѣзной дорогѣ и такъ черезъ Парижъ до Приморской Булони, а затѣмъ на пароходѣ до Фолькстона, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Лондона и Ливерпуля. Въ Ливерпулѣ вы садитесь на пароходъ, ѣдущій въ Америку, и — фьють!... Черезъ десять дней вы уже въ Нью-Йоркѣ. Мой пріятель все это мнѣ въ точности расписалъ.

— Ахъ, да, вашъ пріятель! Что же, нравится ему жизнь въ Америкѣ?

— Ничего себѣ, ничего себѣ. У американцевъ нѣтъ манеръ, но они добрые малые. Ирландцы ихъ подъ свою власть забрали. И вино тамъ дорого. Но Америка ему нравится, да, нравится. *New-York* — прекрасный городъ. Но огромный, знаете! Въ восемь разъ больше Венеціи!

— И повезло тамъ вашему пріятелю?

— Ага! Въ томъ-то и дѣло. Онъ тамъ разбогатѣлъ. Онъ служитъ чертежникомъ при одной крупной фирмѣ, исполняетъ рисунки каминовъ, мраморныхъ столовъ, надгробныхъ памятниковъ и получаетъ... сколько бы вы думали? Шестьсотъ франковъ въ мѣсяцъ!

— О, *per Vacco!* — воскликнулъ донъ-Ипполито.

— Честное слово. Но за то тамъ и жизнь дорога. А, все-таки, это великолѣпно, не правда ли? Еслибъ не проклятая война, которая теперь тамъ ведется, вотъ бы самое настоящее мѣсто для васъ, донъ-Ипполито. Мой пріятель пишетъ мнѣ, что американцы съ ума сходятъ по всякимъ изобрѣтеніямъ. Вашъ слуга, донъ-Ипполито. Простите за смѣлость, — сказалъ онъ, кланяясь и отходя отъ священника.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, голубчикъ, сдѣлайте одолженіе! — отвѣтилъ донъ-Ипполито.

Онъ легкими шагами вышелъ со станціи, отправился къ себѣ и отперъ комнату, гдѣ были собраны его модели. Онъ уже нѣсколько недѣль не прикасался къ нимъ. Всѣ онѣ были покрыты пылью, а многія и паутиной. Онъ сдулъ съ нѣкоторыхъ пыль, поднесъ ихъ къ свѣту и сталъ ихъ критически разсматривать. Большинство онъ нашелъ въ томъ или другомъ отношеніи непригоднымъ къ дѣлу, кромѣ моделей складной мебели; ихъ онъ вытеръ носовымъ платкомъ и поставилъ въ сторону, оглядывая ихъ издали съ надеждой во взорѣ. Онъ схватился за пушку, заряжаемую съ казенной части, и вдругъ съ легкою дрожью снова положилъ ее на мѣсто, вышелъ на порогъ

профанированной часовни и заглянулъ въ свою кузницу. Венеранда по забывчивости оставила окно открытымъ, и сквозной вѣтеръ разнесъ пепелъ по всему полу. На кучѣ мусора лежали инструменты, которыми онъ починилъ сломанную трубку у фонтана въ домѣ миссисъ Вервѣнъ и которыхъ съ тѣхъ поръ не употреблялъ. Даже и въ этотъ лѣтній день въ кузницѣ чувствовался холодъ. Донъ-Ипполито, стиснувъ руки, простоялъ нѣкоторое время въ дверяхъ. Потомъ онъ позвалъ Венеранду, сдѣлалъ ей выговоръ за то, что она оставила окно открытымъ, велѣлъ ей затворить его и вышелъ изъ дому, не обращая вниманія на ея воркотню.

Феррисъ какъ будто удивился, когда донъ-Ипполито пришелъ подъ вечеръ въ консульство и сѣлъ на то мѣсто, гдѣ привыкъ позировать передъ художникомъ.

— Вы хотите дать мнѣ сеансъ?—нерѣшительно спросилъ послѣдній. —Какъ разъ теперь самое невозможное освѣщеніе, благодаря этому ослѣпительному блеску на каналъ. Я не хочу сказать, что дѣло идетъ много лучше, когда освѣщеніе и болѣе выгодно. Я нибакъ не могу сладить съ вами, донъ-Ипполито. Вашей братинѣ слишкомъ много. Я бы не узналъ васъ во вчерашней процессіи.

Священникъ ничего не отвѣтилъ. Онъ поднялся со стула, подошелъ къ портрету, стоявшему на мольбертѣ, и сталъ въ него вглядываться съ глубокимъ вниманіемъ. Потомъ онъ опять сѣлъ на мѣсто и все продолжалъ смотрѣть на портретъ.

— Я полагаю, что онъ долженъ быть очень похожъ на меня,—сказалъ онъ,—а, между тѣмъ, *чувствую* я не такъ, какъ это лицо. Я едва ли могъ бы сказать, въ чемъ тутъ ошибка. Не въ томъ ли, что на этомъ портретѣ я изображенъ такимъ, какимъ былъ бы, если бы былъ похожъ на всѣхъ другихъ священниковъ моей церкви?

— Я знаю, что портретъ неудаченъ,—сказалъ живописецъ.—Онъ, все-таки, условенъ, какъ я противъ этого ни боролся. Но вотъ первый эскизъ, который я снялъ съ васъ.

Онъ взялъ полотно, стоявшее лицомъ къ стѣнѣ, и поставилъ его на мольбертъ. На этомъ эскизѣ, сдѣланномъ углемъ, черты лица были гораздо искреннѣе и симпатичнѣе.

— Ахъ,—со вздохомъ и съ улыбкой облеченія произнесъ донъ-Ипполито,—этотъ несравненно лучше! Какъ бы мнѣ хотѣлось подеречь у васъ, дорогой другъ, такое же сочувственное ко мнѣ нарощеніе, какъ то, о какомъ свидѣтельствуетъ этотъ портретъ, для того, чтобы поговорить съ вами о нѣкоторыхъ дѣлахъ, касающихся я очень близко. Я къ вамъ прямо со станціи желѣзной дороги.

— Провожали знакомыхъ?—равнодушно спросилъ живописецъ,

наклоняясь надъ эскизомъ съ кусочкомъ угля въ рукѣ и взвѣсивая, придать ему или нѣтъ какой-то новый штрихъ. Онъ взглянулъ прищуренными глазами на священника.

Донъ-Ипполито опять вздохнулъ.

— Ахъ, я и самъ не знаю! Я провожалъ свои надежды, свои желанія, свои молитвы, улетавшія вслѣдъ за поѣздомъ въ Америку!

Художникъ положилъ уголь на столъ, вытеръ пальцы и посмотрѣлъ на священника, не сказавъ ни слова.

— Помните, какъ я въ первый разъ пришелъ къ вамъ?—спросилъ донъ-Ипполито.

— Конечно, помню,—отвѣчалъ Феррисъ.—Такъ вы объ этомъ дѣлѣ хотите потолковать со мной? Мнѣ жаль это слышать, потому что я не нахожу вашу идею практичной.

— Практичной, практичной!—запальчиво вскричалъ священникъ.—Ни одну идею нельзя назвать практичной, пока мы не попробовали ее осуществить. И почему бы мнѣ не отправиться въ Америку?

— Прежде всего, потому, что вы не можете получить паспорта,—сухо отвѣтилъ художникъ.

— Я думалъ объ этомъ,—уже болѣе сдержанно отвѣтилъ донъ-Ипполито.—Я могу достать паспортъ во Францію отъ здѣшнихъ австрійскихъ властей, а въ Миланѣ я какъ-нибудь найду средство обмѣнить его на паспортъ съ подписью моего собственнаго короля,—такъ величали въ тѣ дни венеціанскіе патріоты Виктора Эммануила,—и, такимъ образомъ, получить пропускъ изъ Франціи въ Англію.

Феррисъ на минуту задумался.

— Это совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—Почему вамъ не пришло это въ голову, когда вы въ первый разъ были у меня?

— Право, не могу сказать. Да и о томъ, что мнѣ можно достать паспортъ во Францію, я узналъ только на-дняхъ.

Оба молчали, пока художникъ набивалъ себѣ трубку.

— Ну,—сказалъ онъ вдругъ,—мнѣ очень жаль. Я боюсь, что, рѣшаясь ѣхать въ Америку, вы обрекаете себя на множество горькихъ разочарованій. Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Да, вѣдь, съ моими изобрѣтеніями...

— Я полагаю,—перебилъ его Феррисъ, поднося къ трубкѣ зажженную спичку,—что живописецъ долженъ быть весьма жалкаго сорта американцемъ: у него первая мысль—это ѣхать въ Италію. А потому мнѣ очень мало извѣстно изъ первыхъ рукъ о судьбѣ моихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ и о томъ, можетъ

ли изобрѣтатель рассчитывать на вѣрный заработокъ. Но разъ въ Вашингтонѣ я зашелъ въ бюро патентовъ, гдѣ хранятся модели изобрѣтеній; зданіе почти такого же размѣра, какъ дворецъ дожей, и биткомъ набито моделями всякихъ машинъ. Мнѣ говорили тамъ, что сплошь и рядомъ одно и то же изобрѣтеніе снова и снова повторяется различными изобрѣтателями. Весьма немногіе счастливыцы достигаютъ цѣли, но тогда имъ приходится вести процессы съ контрафакторами ихъ патентовъ; нѣкоторые сбываютъ за безцѣнокъ свои изобрѣтенія компаніямъ, располагающимъ капиталомъ и богатѣющимъ на ихъ счетъ; большинству такъ и не удается ознакомить публику со своими идеями. Можете сами судить, каковы были бы ваши шансы. Вы спрашивали меня, почему бы вамъ не ѣхать въ Америку? Да просто потому, что вы будете тамъ голодать.

— Я привыкъ къ этому, — сказалъ донъ-Ипполито, — и, притомъ, пока нѣкоторые изъ моихъ изобрѣтеній получаютъ извѣстность, я могъ бы давать уроки итальянскаго языка.

— О, браво! — воскликнулъ Феррисъ, — вы, стало быть, предпочитаете моментальную смерть?

— Но *madamigella*, кажется, думаетъ, что мой успѣхъ въ качествѣ изобрѣтателя былъ бы тамъ обезпеченъ.

Феррисъ усмѣхнулся съ большою ироніей.

— Миссъ Вервонъ, вѣроятно, было лѣтъ двѣнадцать, когда она уѣхала изъ Америки. Въ этомъ возрастѣ даже дамскія познанія въ дѣлахъ довольно ограничены. Когда вы съ ней говорили объ этомъ? Со мной вы послѣднее время не заводили объ этомъ рѣчи, и я думалъ, что вы нѣсколько примирились со своею участію.

— Это правда, — сказалъ священникъ. — Въ послѣдніе два мѣсяца мнѣ случалось почти забывать объ этомъ.

— Что же опять навело васъ на эти мысли и побуждаетъ васъ такъ настойчиво останавливаться на нихъ?

— Вотъ это-то мнѣ и хотѣлось бы сказать вамъ, — отвѣтилъ донъ-Ипполито, устремивъ на лицо живописца ищущій сочувствія взоръ. Онъ смочилъ языкомъ пересошія губы, ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ отъ Ферриса, которому онъ показался человѣкомъ згоряченнымъ какимъ-то сильнымъ душевнымъ волненіемъ и даже совсѣмъ здоровымъ въ эту минуту. Феррисъ не прерывалъ молчанія, и донъ-Ипполито началъ опять.

— Хотя я не говорилъ вамъ этого словами, дорогой другъ, но звѣ вамъ не являлась мысль, что у меня нѣтъ склонности къ моему призванію?

— Да, иногда мнѣ такъ думалось. Я не имѣлъ права спросить васъ о причинѣ.

— Я вамъ скажу это когда-нибудь, если только у меня хватитъ мужества еще разъ пережить все это. Отчасти вина лежитъ на мнѣ, но скорѣе на моей злосчастной судьбѣ. Но гдѣ бы ни крылось зло, оно сдѣлалось для меня подъ конецъ нестерпимо. Я не могу выносить его дольше, не могу жить, тая его въ себѣ. Я долженъ уйти, долженъ бѣжать отъ него.

Феррисъ слегка отшатнулся отъ священника, какъ инстинктивно отступаютъ люди передъ человѣкомъ, задумавшимъ какое-нибудь отчаянное предпріятіе.

— Неужели вы хотите сказать, донъ-Ипполито, что намѣрены отречься отъ священническаго сана?

Донъ-Ипполито развелъ руками и точно сбросилъ на землю свой священническій санъ.

— Вы никогда не говорили объ этомъ раньше, когда толковали со мной о путешествіи въ Америку; хотя, конечно...

— Да, да! — съ горячностью прервалъ его донъ-Ипполито. — Но теперь ангелъ явился мнѣ и показалъ мнѣ всю гнусность моей жизни.

У Ферриса мелькнула мысль: ужъ не помѣшался ли донъ-Ипполито?

— Да, ангелъ, — продолжалъ священникъ, вставъ со стула, — ангелъ, проникшій своимъ безпорочнымъ взоромъ въ мерзкій омутъ моей лживости, она, которой, еслибъ это стоило мнѣ жизни, я не могу отплатить ничѣмъ инымъ, какъ такою же любовью къ истинѣ, какая воодушевляетъ ее!

— Ее, ее! — воскликнулъ художникъ съ внезапною тоской въ сердцѣ. — Но кто же это? Не говорите такими загадками. Кого вы подразумѣваете?

— Кого могу я подразумѣвать, кромѣ ея одной? *Madamigella!*

— Миссъ Вервѣнъ? Вы хотите сказать, что миссъ Вервѣнъ совѣтовала вамъ отречься отъ вашего служенія?

— Почти такими же словами она повелѣла мнѣ оставить его во что бы то ни стало, рискуя потерять родныхъ, друзей, доброе имя, родину, все на свѣтѣ.

Художникъ смущенно провелъ рукой по лицу. Вѣдь, это былъ его собственныя слова, произнесенныя имъ въ разговорѣ съ Флоридой о воображаемомъ священникѣ-скептикѣ. Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Смѣю спросить, — обратился онъ къ донъ-Ипполито сухимъ,

жесткимъ тономъ, — что собственно побудило ее рекомендовать вамъ подобный шагъ?

— Я самъ затруднился бы это сказать. Еще раньше что-то внушило ей узнать отъ меня повѣсть моей жизни, узнать, что я человекъ безъ вѣры и надежды. Ея чистое сердце содрогнулось предъ моею неправотой и моими заблужденіями. Я никогда не видалъ самъ себя въ такомъ отталкивающемъ свѣтѣ, въ какомъ она увидала меня въ то самое время, какъ кроткая душа ея изливала на меня свое божественное состраданіе. Я былъ почти радъ, что я то, что я есть, изъ-за ангельской жалости ея ко мнѣ.

Слезы брызнули изъ глазъ донъ-Ипполито, но Феррисъ спросилъ все тѣмъ же голосомъ, какъ и прежде.

— Такъ она тогда потребовала отъ васъ, чтобъ вы перестали быть священникомъ?

— Нѣтъ, не тогда, — терпѣливо возразилъ патеръ, — она слишкомъ была поражена моимъ несчастіемъ, чтобы думать о какомъ-нибудь врачеваніи. Только сегодня произнесла она эти слова, — слова, которыхъ я никогда не забуду, которыя, что бы ни случилось, будутъ мнѣ поддержкой и утѣшеніемъ.

Художникъ ожесточенно кусалъ кончикъ своей трубки. Онъ отвернулся и началъ прибирать краски и карандаши на столикѣ у стѣны, аккуратно раскладывая ихъ тѣсными, ровными рядами. Вдругъ онъ сказалъ:

— Можетъ быть, и ѣхать въ Америку вамъ тоже посоветовала миссъ Вервэнъ?

— Да, — благоговѣйно отвѣтилъ священникъ. — Она подумала обо всемъ. Она обѣщала дать мнѣ пріютъ подъ кровлею своей матери, пока мои изобрѣтенія не сдѣлаются извѣстны, и я теперь же послѣдую за ними.

— Послѣдуете за ними?

— Она сказала мнѣ, что онѣ уѣзжаютъ. *Мадама* здѣсь не поправляется. Обѣ онѣ тоскуютъ по родинѣ. Онѣ... но вы, вѣроятно, уже все это знаете.

— Ахъ, вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ! — съ горькою улыбкой сказалъ художникъ. — Это для меня новости! Сдѣлайте милость, продолжайте.

— Больше мнѣ нечего сказать. Она взяла съ меня обѣщаніе свидѣться съ вами и спросить вашего совѣта, прежде чѣмъ предпринимать что-либо. Она говоритъ, что я не долженъ довѣрять ей никакой, но если я рѣшусь на этотъ шагъ, то она будетъ моимъ другомъ, несмотря ни на что. Ахъ, дорогой другъ мой, позвольте ли

вы мнѣ сказать вамъ о надеждѣ, которую эти слова пробудили во мнѣ? Вы видѣли... не правда ли?... вы должны были видѣть...

Священникъ запнулся, а Феррисъ, точно онѣмѣвъ, не сводилъ съ него изумленнаго взора. Когда онъ услышалъ его дальнѣйшія слова, онъ не могъ уже найти ничего страннаго въ фактѣ, который, однако, нанесъ ему такой сильный ударъ. Онъ почувствовалъ, что въ глубинѣ своего сознанія онъ давно уже освоился съ этимъ фактомъ,—съ того самаго дня, когда, въ видѣ шутки, онъ предложилъ впервые пригласить донъ-Ипполито въ учителя къ Флоридѣ. Чудовищный, трагическій, невозможный, этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе, таился на самомъ днѣ всѣхъ его думъ или, по крайней мѣрѣ, такъ это ему представлялось теперь.

Донъ-Ипполито тревожно придвинулся къ нему и съ умоляющимъ жестомъ дотронулся до его руки.

— Я люблю ее!—сказалъ онъ.

— Какъ? — произнесъ, задыхаясь, художникъ. — Вы, вы?... священникъ?

— Священникъ, священникъ! — въ бурномъ порывѣ вскричалъ донъ-Ипполито. — Съ этого дня я больше не священникъ. Съ этого часа я человѣкъ, какъ и всѣ, и могу предложить ей честную любовь мужчины, ненарушимый завѣтъ самаго священнаго брака и вѣрность до могилы.

Феррисъ не далъ ему отвѣта. Онъ началъ холодно и высокомерно смотрѣть на донъ-Ипполито, пылъ священника угасъ подъ его неподвижнымъ взглядомъ, и подъ конецъ онъ встрѣтилъ его взоромъ, выражавшимъ трепетное смущеніе. Пальцы его соскользнули съ руки Ферриса и онъ отступилъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Что это значить, дорогой другъ? — спросилъ онъ тономъ мольбы. — Или я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ? Я явился къ вамъ за совѣтомъ, а вы встрѣчаете меня непріязненно, почти враждебно. Я этого не понимаю. Или я, самъ не вѣдая того, задумалъ что-нибудь дурное? О, заклинаю васъ, говорите прямо!

— Подождите, подождите минутку, — сказалъ Феррисъ, махая рукой, какъ человѣкъ, терзаемый внезапною болью. — Я стараюсь подумать. То, что вы говорите, это... Я не могу себѣ этого вообразить!

— Не можете себѣ вообразить! Не можете себѣ вообразить! Но почему же? Развѣ она не прекрасна?

— Конечно.

— И добра?

— Несомнѣнно.

— И молода, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умна не по лѣтамъ? И строго-правдива, и, въ то же время, ангельски-кротка?

— Богъ свидѣтель, что все это такъ, какъ вы говорите. Но вы—священникъ...

— О, вѣчно это проклятое слово! А въ глубинѣ сердца что такое священникъ, какъ не человѣкъ? Человѣкъ жалкій, замаскированный, заключенный въ тюрьму, обреченный на изгнаніе? Развѣ у него не такая же кровь и нервы, какъ и у другихъ? Развѣ нѣтъ у него глазъ, чтобы видѣть то, что прекрасно, нѣтъ ушей, чтобы слышать то, что сладостно звучитъ? Развѣ можетъ онъ жить близъ такого божественнаго цвѣта и не сознавать его прелести, не вдыхать благоуханія ея души, не поклоняться красотѣ ея? Великій Боже! А еслибъ онъ, наконецъ, сорвалъ съ себя душащую его маску, убѣжалъ бы изъ своей темницы, возвратился бы изъ изгнанія? Стали бы вы и тогда отрекаться отъ него?

— Нѣтъ!—промоловилъ живописецъ съ чѣмъ-то вродѣ стога. Онъ сѣлъ на высокій рѣзной готическій стулъ,—аксессуаръ одной изъ его картинъ,—оперся головой объ его высокую спинку и взглянулъ на священника, стоявшаго на другомъ концѣ мастерской.—Извините меня,—сказалъ онъ затѣмъ, съ большимъ трудомъ овладѣвъ собою.—Я готовъ служить вамъ по мѣрѣ силъ. Что вы хотѣли спросить у меня? Я сказалъ вамъ чистосердечно, какъ я смотрю на вашъ планъ отправиться въ Америку, но я легко могу ошибаться. Объ этомъ собственно миссъ Вервэнъ просила васъ посоветоваться со мной?—Противъ его воли и голоса, и вся его манера снова сдѣлались суровы.—Или она желала, чтобъ я далъ вамъ советъ относительно отреченія отъ священническаго сана? Вы, вѣроятно, сами уже тщательно обдумали этотъ вопросъ.

— Да, вы едва ли могли бы представить мнѣ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ онъ казался мнѣ самому.—Донъ-Ипполито установился съ смущеннымъ и робкимъ видомъ, точно какой-то важный пунктъ ускользнулъ изъ его мыслей.—Но я долженъ рѣшиться на этотъ шагъ; тяжесть двойной роли, которую я играю, нестерпима, не правда ли?

— Вамъ это лучше знать, чѣмъ мнѣ.

— Но еслибъ вы были такимъ человѣкомъ, какъ я, безъ любви своему призванію и безъ вѣры въ него, развѣ не перестали вы тогда быть священникомъ?

— Если вы *такъ* ставите вопросъ, то я отвѣчу «да», — ска-

залъ живописецъ.—Но я ничего не совѣтую вамъ. Я не могъ бы дать совѣта другому въ такихъ обстоятельствахъ.

— Но вы думаете и чувствуете, какъ я,—сказалъ священникъ,—и, слѣдовательно, я правъ.

— Я не говорю, что вы неправы.

Феррисъ умоляя, а донъ-Ипполито сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ своею скользящею походкой, точно высокая, худая, несчастная дѣвушка. Ни тотъ, ни другой не рѣшались положить конецъ этому свиданію, преисполненному неопредѣленной мѣки. Феррисъ тяжело перевелъ духъ и затѣмъ сказалъ твердымъ голосомъ:

— Донъ-Ипполито, я полагаю, что вы не ради празднаго разговора сообщили мнѣ о вашей... о вашихъ чувствахъ къ миссъ Вервѣнъ и что въ свою очередь я могу говорить съ вами откровенно?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ священникъ, остановившись среди комнаты и устремивъ глаза на живописца.—Какъ къ другу *madamigella* и моему собственному обратился я къ вамъ, чтобы сказать вамъ о своей любви и о своей надеждѣ... всего чаще ввергающей меня въ отчаяніе.

— Такъ вы не имѣете большихъ основаній думать, что она отвѣчаетъ на вашу... на ваше чувство?

— Ахъ, какъ могла бы она сознательно отвѣчать на него? До сихъ поръ я былъ для нея священникомъ, и мысль обо мнѣ была бы противна ея цѣломудрію. Но впоследствии, если я съумѣю заявить себя мужчиной, если я съумѣю завоевать себѣ мѣсто въ свѣтѣ... Да нѣтъ, даже и теперь развѣ стала бы она такъ стремиться освободить меня отъ этихъ оковъ, еслибъ я не былъ болѣе близокъ ей сердцу, чѣмъ сама она подозрѣваетъ?

— Размышляли вы когда-нибудь о странной чертѣ въ характерѣ миссъ Вервѣнъ, ея не знающемъ мѣры великодушій?

— Оно божественно!

— И вамъ не казалось, что разъ такая женщина сознала, что она несправедливо заставила васъ страдать, то ея усилія загладить свою вину будутъ такъ же порывисты и безразсудны, какъ и на несенная вамъ обида, что ея искупленію не будетъ границъ?

Донъ-Ипполито взглянулъ на Ферриса, но не вставилъ ни слова.

— Миссъ Вервѣнъ, по-своему, очень религіозна, и, притомъ, она сама истина. Увѣрены ли вы, что что-либо иное, а не безпокойство относительно того, что ей представляется ужаснымъ въ вашемъ положеніи, заставило ее высказать столько тревоги о васъ?

— Развѣ я не превосходно знаю это? Развѣ я не чувствовалъ на себѣ балзама ея небеснаго состраданія?

— И нельзя ли предположить, что она только хочет пробудить въ васъ нѣчто столь же высокое, какъ импульсъ ея собственнаго сердца?

— Столь же высокое!—почти гнѣвно воскликнулъ донъ-Ипполито.—Можетъ ли быть въ небесахъ или на землѣ что-нибудь выше любви къ подобной дѣвушкѣ?

— Да, можетъ, и въ небесахъ, и на землѣ,—отвѣтилъ Феррисъ.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ донъ-Ипполито, остановивъ на немъ недоумѣвающій взглядъ.

Феррисъ ничего не возразилъ. Онъ впалъ въ какую-то тупую задумчивость и, казалось, забылъ о донъ-Ипполито и о всемъ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, священникъ прервалъ молчаніе:

— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ, синьоръ?

— Я? Что же могу я сказать?—смущенно возразилъ тотъ.

— Можетъ быть, вамъ извѣстна еще какая-нибудь причина, по которой я не долженъ любить ее, кромѣ той, что я священникъ... то-есть былъ священникомъ?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не извѣстно,—усталымъ тономъ промолвилъ художникъ.

— Ахъ,—воскликнулъ донъ-Ипполито,—у васъ есть что-то на умѣ, но вы не хотите мнѣ этого сказать! Умоляю васъ, не допустите меня впасть въ ошибку. Я люблю ее такъ горячо, что готовъ скорѣе умереть, чѣмъ оскорбить ее своею любовью. Я мужчина со страстями и надеждами мужчины, но безъ мужского опыта и безъ мужского пониманія того, что хорошо и что правильно въ этихъ отношеніяхъ. Если вы можете быть въ этомъ дѣлѣ настолько моимъ другомъ, чтобы дать мнѣ совѣтъ или предостеречь меня, если вы можете быть *ей* другомъ...

Феррисъ поспѣшно всталъ, вышелъ на балконъ и взглянулъ на большой каналъ. Потемнѣвшій отъ времени дворецъ напротивъ его дома не измѣнился въ послѣдніе полчаса. Какъ и во всякій другой лѣтній день, передъ его глазами мелькали черныя лодки. Тяжелый, остроконечный катеръ изъ Силе съ семействомъ капитана, обѣдавшимъ подъ навѣсомъ на палубѣ, лѣниво двигался по среднему теченію. Нѣсколько американцевъ въ гондолѣ, съ биноклями и гидами въ рукахъ, указывали другъ другу на орла въ консульскомъ гербѣ. Все это были точно отраженія въ зеркалѣ или предметы, видимые въ мѣрѣ, перевернутомъ вверхъ дномъ.

Феррисъ возвратился въ мастерскую и, съ трудомъ держась на ногахъ, взглянулъ на донъ-Ипполито, стараясь заставить себя повѣрить, что этотъ безчеловѣчный призракъ въ обликѣ священника только что говорилъ ему о своей любви къ молодой прекрасной дѣвухѣ, родной *ему* по племени, по вѣрѣ и по языку.

— Могу я надѣяться получить отъ васъ отвѣтъ, синьоръ? — мягко спросилъ донъ-Ипполито.

— Въ этомъ вопросѣ, — сказалъ художникъ, — я не могу ни давать вамъ какіе-либо совѣты, ни предостерегать васъ. Я не имѣю права вмѣшиваться въ это дѣло. Я не хочу быть нелюбезнымъ, но я рѣшительно не могу обсуждать его съ вами. На это имѣются причины. У миссъ Вербанъ есть мать, и я никакъ не смѣю думать, что ея интересы въ подобномъ вопросѣ находятся въ моихъ рукахъ. Если онѣ обратятся за помощью ко мнѣ, тогда другое дѣло. Чего вы собственно желаете? Вы говорите мнѣ, что рѣшились отречься отъ вашего сана и ѣхать въ Америку, и я отвѣтилъ вамъ на это по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія. Вы говорите мнѣ, что влюблены въ миссъ Вербанъ. Что могу я имѣть сказать вамъ на это?

Донъ-Ипполито стоялъ и слушалъ сначала съ терпѣливымъ, а потомъ съ оскорбленнымъ видомъ.

— Ничего ровно, — гордо отвѣтилъ онъ. — Простите, что обезпокоилъ васъ своими дѣлами. Ваша прежняя доброта ко мнѣ сдѣлала меня черезъ-чуръ смѣлымъ. Я небуду впредь докучать вамъ. Я поступилъ такъ по невѣдѣнію и прошу васъ извинить меня. Я удаляюсь, синьоръ.

Онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты, и смутное раскаяніе наполнило душу живописца, когда онъ услыхалъ, какъ захлопнулась за нимъ наружная дверь. Но онъ ничего не могъ сдѣлать. Если онъ ранилъ сердце, довѣрчиво раскрывшее передъ нимъ свою тайну, то онъ сдѣлалъ это въ тоскѣ, которой не могъ побороть и причины которой еще были для него неясны. Все это было какою-то неопредѣленною пыткой, державшею его подъ своею властью, точно воспоминаніе о какомъ-то отвратительномъ кошмарѣ, простирающемъ свои ужасы даже за предѣлы сна. Казалось, невозможно было, чтобы то, что случилось, случилось на самомъ дѣлѣ.

Феррисъ остался на стулѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, разговаривая съ донъ-Ипполито, и долго еще не могъ настолько успокоиться, чтобы обсудить то, что онъ узналъ; но когда онъ сталъ это обсуждать, то самая худшая фаза, прежде всего, представилась его уму. Онъ видѣлъ теперь, что священникъ могъ найти поводъ къ надеждѣ въ обращеніи съ нимъ молодой дѣвухи. Ея страстное

негодование и одинаково страстное раскаяние, ея пламенное сочувствие къ его несчастной судьбѣ и мучительное желаніе заставить его теперь же отречься отъ священническаго сана, ея настойчивые совѣты ему отправиться въ Америку и обѣщаніе пріютить его тамъ подъ кровлей ея матери,—развѣ не могло все это быть дѣйствительно доказательствомъ ея нѣжныхъ чувствъ къ нему? Она, быть можетъ, нашла необходимымъ отважиться на такую грубую откровенность съ нимъ, потому что мужчина, поставленный въ такія же отношенія къ ней, какъ донъ-Ипполито, иначе и не могъ бы представить себѣ, что она интересуется имъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, обратилась она къ Феррису, чтобы его словами подтвердить свои собственные намѣренія, зачѣмъ повторила она ихъ такъ, что они возвратились къ нему обратно изъ устъ донъ-Ипполито, зачѣмъ допустила она другого пойти вмѣстѣ съ ней смотрѣть процессію, гдѣ священникъ, избранникъ ея сердца, долженъ былъ явиться во всеоружіи своего духовнаго сана? Этого нельзя было объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ черты ея характера, замѣченной имъ въ самомъ началѣ,—бурнаго, вызывающаго задора. Зачѣмъ сказала она, прежде всего, Донъ-Ипполито объ ихъ скромь отъѣздѣ? «Ну, желаю ему счастья въ выигрышѣ!»—громко произнесъ Феррисъ и, поднявшись съ мѣста, пожалъ плечами и постарался стряхнуть съ себя всѣ заботы о дѣлѣ, которое его не касалось. Но не такъ-то легко забыть о дѣлѣ, которое насъ не касается. Ему стали невольно припоминаться то какая-нибудь интонація, то взглядъ, то жестъ молодой дѣвушки, совершенно несходные съ тѣмъ характеромъ, который онъ хотѣлъ ей приписать. Они были такъ наивны, такъ довѣрчивы, такъ бессознательны, что ничего подобнаго имъ онъ никогда не встрѣчалъ ни въ одной женщинѣ, и теперь они взывали къ нему съ паѳосомъ, сводившимъ его съ ума. Вотъ она стоитъ передъ портретомъ донъ-Ипполито, какъ въ то утро, когда она явилась къ Феррису, и съ тревогой глядитъ на него, и ея невинная красота, отуманенная какою-то скрытою заботой, освящаетъ его жилище. Феррису пришли на память слова одного молодого человѣка, говорившаго ему, что онъ провелъ три мѣсяца въ скучномъ нѣмецкомъ городкѣ, потому что занималъ тамъ комнату, въ которой когда-то помѣщалась дѣвушка, отвернувшая его любовь; и онъ вспомнилъ, какъ молодой человѣкъ прибавилъ, что только что прочелъ въ американской газетѣ извѣстіе объ ея свадьбѣ.

Зачѣмъ миссъ Вербанъ послала къ нему донъ-Ипполито? Былъ ли это какой-нибудь расчетъ ея тайной любви къ священнику,

или одна грубая месть за предостереженія, которыя Феррисъ позволилъ себѣ ей когда-то сдѣлать, нѣчто вродѣ вульгарной похвальбы? Но что если она дѣйствовала въ простотѣ своей чистой души, въ безразсудной добротѣ своего сердца? Что если донъ-Ипполито обманулся, и ничто иное, какъ ея невинная жалость къ нему, вселило въ него надежду? Онъ самъ подсказалъ это священнику, и теперь, изъ иного уже мотива, взглянулъ на это съ точки зрѣнія, выгодной для него самого. Громадная тяжесть начала медленно скатываться съ сердца Ферриса и теперь оно могло уже болѣть за злополучнаго донъ-Ипполито. Но если его догадка справедлива, то долгъ велить ему поступить иначе. Онъ не вправѣ холодно соглашаться и предоставлять дѣло собственному теченію. Онъ ввелъ донъ-Ипполито въ домъ миссисъ Вербанъ; онъ до нѣкоторой степени отвѣтственъ за него; онъ долженъ, если только это возможно, спасти своихъ соотечественницъ отъ тягостныхъ послѣдствій галлюцинаціи патера. Но какъ это сдѣлать, это далеко не было ясно ему. Онъ сталъ осуждать себя за то, что не былъ болѣе откровененъ съ донъ-Ипполито и не попытался дать ему понять, что миссисъ Вербанъ и ея дочь могутъ посмотрѣть на его страсть какъ на самообольщеніе, вызванное ихъ добротою къ нему, какъ на злоупотребленіе ихъ радушіемъ и дружбой, а, между тѣмъ, какъ могъ бы онъ это сдѣлать, не оскорбивъ его чувствительную и честную душу? Одну минуту ему показалось, что онъ долженъ пойти къ донъ-Ипполито и исправить свою ошибку; но они разстались не друзьями, и его поступокъ легко могъ подвергнуться ложному толкованію. Если его пугала мысль снова заговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, то коснуться этой темы предъ миссисъ и миссъ Вербанъ представлялось ему еще невозможнѣй. Какъ человѣкъ съ сильно развитою фантазіей, онъ преувеличивалъ то впечатлѣніе, которое подобное извѣстіе должно было произвести на нихъ, и рисовалъ себѣ ихъ ужасъ въ такихъ краскахъ, что его вмѣшательство въ это дѣло поневолѣ являлось ему глупымъ до смѣшного. Да и во всякомъ случаѣ, нелегко было рѣшиться на него даже и человѣку, не запутавшемуся, какъ онъ, въ такихъ сложныхъ обязательствахъ. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ извѣстный долгъ передъ его соотечественницами, невинною молодою дѣвушкой и пустоголовою матерью; но если ему слѣдуетъ пойти къ нимъ и сказать имъ то, что онъ знаетъ, къ которой изъ двухъ долженъ онъ обратиться и въ какихъ словахъ? Въ тоскѣ и смущеніи, вызвавшихъ капли пота на его лбу, онъ

улыбнулся, однако, при мысли, что миссисъ Вербвэнъ, пожалуй, посмотреть на дѣло серьезно и пожелаетъ обсудить, прилично ли Флоридѣ принять предложеніе донъ-Ипполито. Но если онъ обратится къ дочери, съ чего начать ему тогда?... «Донъ-Ипполито говоритъ мнѣ, что любить васъ, и ѣдетъ въ Америку въ надеждѣ, что когда онъ составитъ себѣ состояніе патентованною машинкой для чистки яблокъ, вы выйдете за него замужъ». Сказать развѣ что-нибудь въ этомъ родѣ? И, наконецъ, какое право имѣетъ онъ, Феррисъ, что бы то ни было сказать ей? Ужасная нелѣпость, неумолимая щекотливость положенія заставили его разсмѣяться.

Къ тому же, съ другой стороны, на немъ лежалъ извѣстный долгъ по отношенію къ донъ-Ипполито, который явился къ нему, какъ къ самому близкому другу и своему, и миссъ Вербвэнъ и открылъ ему свое сердце. Съ запоздалою, мучительною ясностью Феррисъ вспомнилъ теперь, какъ въ своемъ первомъ разговорѣ объ американскихъ дамахъ донъ-Ипполито старался узнать отъ него, не влюбленъ ли онъ во Флориду. Могъ ли онъ казаться менѣе благодарнымъ и великодушнымъ, чѣмъ этотъ жалкій патеръ, могъ ли онъ нарушить святость его тайны? Феррисъ громко застоналъ. Нѣтъ, какъ ни верти, какъ ни старайся подбирать для этого приличные названія, онъ не можетъ совершить такого вѣроломства. И тѣмъ невозможнѣе это было ему, что въ пыткѣ сомнѣній относительно того, что ему надо предпринять, онъ, по крайней мѣрѣ, ясно читалъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и не питалъ уже сомнѣній на счетъ того, что таится въ немъ. Онъ чувствовалъ жалость къ Флоридѣ за страданія, которыя ей суждены. Онъ видѣлъ, какъ ея наивная доброта, ея слѣпая симпатія къ донъ-Ипполито—только это и ничто иное—привели священника къ тому ложному шагу, предъ которымъ онъ стоялъ. Но все это дѣло роковымъ образомъ ускользнуло изъ рукъ Ферриса; ему оставалось въ настоящее время только ждать и терпѣть. Есть случаи, когда мужчина не долженъ защищать женщину, которую любить. И это былъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Такъ протянулся день. Вечеромъ онъ отправился на Пиаццу и пилъ чашку кофе у Флоріана. Потомъ онъ пошелъ въ общественный садъ и смотрѣлъ на толпу, пока, съ наступленіемъ сурокъ, она не порѣдѣла и не оставила его одного. Онъ облокотился на парапетъ и сталъ глядѣть на лагуну и, наконецъ, замѣтилъ, ' вся она залита луннымъ свѣтомъ. Въ какомъ-то отчаяніи онъ знулъ гондолу и велѣлъ гондольеру везти себя къ городской

станции, сосѣдной съ домою миссисъ Вербвѣнъ, поднялся по узкой улицѣ и вошелъ въ палаццо съ площади, черезъ дворъ, примыкавшій одною стороною къ саду.

Миссисъ Вербвѣнъ была одна въ гостиной, гдѣ онъ привыкъ всегда видѣть возлѣ нея Флориду, и на него повѣяло холодомъ грозившей ему переменѣ. Онъ почувствовалъ, какъ пріятно ему было постоянно ихъ видѣть вмѣстѣ, почувствовалъ съ бесплоднымъ, острымъ сожалѣніемъ, до какой степени онъ сроднился съ этимъ домою. Миссисъ Вербвѣнъ, однако, не измѣнилась; она была даже болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрна себѣ, хотя все то, что она говорила, сулило переменѣ. Она, повидимому, не замѣтила въ гостѣ ничего необычнаго и въ своемъ невѣдѣніи начала разсуждать съ своей точки зрѣнія о вещахъ, столь близкихъ его сердцу.

— Ну-съ, мистеръ Феррисъ, у меня есть для васъ маленькій сюрпризъ. — Отгадайте, что это такое.

— Я не мастеръ отгадывать. Я лучше согласенъ такъ и не узнать, что это такое, чѣмъ ломать себѣ надъ этимъ голову, — сказалъ Феррисъ, стараясь легкою шуткой замаскировать свое тяжелое горе.

— Вы не хотите даже попробовать? Такъ вотъ въ чемъ дѣло: вы скоро отъ насъ избавитесь — мы уѣзжаемъ!

— Да, я это знаю, — спокойно сказалъ Феррисъ. — Донъ-Иполито сообщилъ мнѣ это сегодня.

— И это все, что вы имѣете сказать? Но развѣ же это не грустно? Развѣ это не неожиданно? Послушайте, мистеръ Феррисъ, будьте хоть немножко полюбезнѣй.

— Это неожиданно и, могу васъ увѣрить, очень и очень грустно для меня, — отвѣтилъ художникъ тономъ, не оставлявшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его искренности.

— Да и для насъ тоже, — дрожащимъ голосомъ промолвила миссисъ Вербвѣнъ. — Вы были очень, очень добры къ намъ, — продолжала она нѣсколько спокойнѣе, — и мы никогда этого не забудемъ. Флорида тоже мнѣ это говорила, она чрезвычайно вамъ благодарна; по ея словамъ, мы просто безсовѣстно вамъ надоѣдали.

— Благодарю васъ.

— Это, должно быть, такъ и есть. Но, какъ я всегда повторяю вы здѣсь представитель страны. Впрочемъ, это не относится къ дѣлу. Вы знаете, мистеръ Феррисъ, у насъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одной души родной, но въ Providenсъ у меня много старинныхъ друзей, и мы хотимъ туда возвратиться. Мы обѣдуемъ, что дома мнѣ будетъ лучше. Я должна сказать, мистеръ

Феррисъ, къ своему огорченію, что, хотя я нисколько не жалуясь на Венецію, — это, дѣйствительно, чудный городъ и все такое, безъ малѣйшаго преувеличенія, — но я, все-таки, думаю, что пребываніе здѣсь принесло мало пользы моему здоровью; во всякомъ случаѣ, я, знаете, не чувствую, что я здѣсь поправилась, совсѣмъ не чувствую.

— Мнѣ очень грустно это слышать, миссисъ Вербэнь.

— Да, я не сомнѣваюсь въ этомъ, но, вѣдь, не правда ли, вы сами понимаете теперь, что мы должны уѣхать? Мы ѣдемъ на будущей недѣлѣ. Разъ мы это рѣшили, то не для чего тянуть агонию.

Миссисъ Вербэнь поправила очки и съ веселою улыбкой заглянула въ лицо Феррису.

— Но самая интересная часть моего сюрприза, — продолжала она, немного понизивъ голосъ, — это то, что донъ-Ипполито ѣдетъ съ нами.

— А! — громко воскликнулъ Феррисъ.

— Я *знала*, что удивлю васъ, — засмѣялась миссисъ Вербэнь. — У насъ былъ здѣсь настоящий конфабъ... то-есть *конклавъ*, и онъ такъ и горитъ нетерпѣніемъ отправиться въ Америку; но это должно содержаться въ величайшей тайнѣ ради него, бѣдняги. Онъ присоединится къ намъ во Франціи, а оттуда вмѣстѣ съ нами ему уже легко будетъ пробраться въ Англию. Вы знаете, что онъ хочетъ отказаться отъ духовнаго званія и посвятить себя изобрѣтеніямъ, когда пріѣдетъ въ Америку. Теперь скажите, что вы думаете объ этомъ, мистеръ Феррисъ? Признайтесь, вы такъ поражены, что не находите словъ? — торжествующимъ тономъ сказала миссисъ Вербэнь.

Феррисъ перевелъ духъ, какъ будто собираясь заговорить, но ничего не сказалъ.

— Донъ-Ипполито пробылъ у насъ до самаго вечера, — продолжала миссисъ Вербэнь, — или, вѣрнѣе, просидѣлъ здѣсь до пяти часовъ. Онъ обѣдалъ у насъ и мы все время толковали объ этомъ. Онъ *такъ* воодушевленъ этою идеей, а между тѣмъ, то и дѣло приходитъ въ уныніе и начинаетъ совсѣмъ отчаяваться въ своемъ предпріятіи. Но Флорида не позволяетъ ему этого, и, право, забавно видѣть, какъ онъ подчиняется ея мнѣнію, — вы знаете, я всегда читаю Флориду такимъ ребенкомъ, — и какъ онъ каждое ея слово принимаетъ за евангеліе. Но, скажите, проливать слезы! Вѣдь, это ужасно въ мужчинѣ, не правда ли? Лучше бы донъ-Ипполито имѣлъ этой привычки! Это заставляетъ человѣка какъ-то съежиться. По-моему, это не мужественно, не правда ли?

Феррисъ нашелъ въ себѣ силы сказать какую-то фразу о различіи, представляемомъ въ этомъ отношеніи латинскими расами.

— Ну, во всякомъ случаѣ, я рада, что *американцы*, какъ общее *правило*, не имѣютъ привычки проливать слезы. Возьмите, напримѣръ, Флориду; можно подумать, что она играетъ роль мужчины во всемъ этомъ дѣлѣ, она относится къ нему съ такимъ безграничнымъ героизмомъ, то-есть, судя по внѣшнему виду, конечно, потому что я вижу, — женщины всегда это видятъ одна въ другой, мистеръ Феррисъ, — какъ разъ ту точку, на которой она ежеминутно готова сломиться. Говорила она когда-нибудь съ вами о донъ-Ипполито? Она такъ высоко цѣнитъ ваше мнѣніе, мистеръ Феррисъ.

— Она оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести, — сказалъ съ сумрачною ироніей Феррисъ.

— О, вовсе нѣтъ! — возразила миссисъ Вервѣнь. — Она сказала мнѣ сегодня утромъ, что взяла съ донъ-Ипполито обѣщаніе переговорить съ вами о его планѣ, но онъ не упомянулъ о томъ, былъ ли онъ у васъ, а я, знаете... я не могла рѣшиться спросить его объ этомъ... Да, впрочемъ, Флорида заранѣе сказала мнѣ, чтобъ я его не спрашивала. Она говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ быть совершенно предоставленъ себѣ, и... — Миссисъ Вервѣнь вопросительно взглянула на Ферриса.

— Онъ говорилъ со мной, — сказалъ художникъ.

— Такъ скажите, ради Бога, зачѣмъ вы заставили меня рассказывать вамъ то, что вы уже знаете? Вы, вѣроятно, отговаривали его?

— Конечно, отговаривалъ.

— Ну, такъ вотъ гдѣ, по-моему, женское вдохновеніе сильнѣе, чѣмъ мужской разсудокъ.

Художникъ молча наклонилъ голову.

— Да, въ этомъ отношеніи, я безусловно сторонница женскихъ правъ, — сказала миссисъ Вервѣнь.

— О, безъ сомнѣнія! — неизвѣстно для чего отвѣтилъ Феррисъ.

— Я въ совершенномъ восторгѣ, — продолжала она, — отъ этой идеи донъ-Ипполито отречься отъ духовнаго званія, и я сказала ему, что онъ долженъ жениться на какой-нибудь американкѣ. Посмотрѣли бы вы, какъ бѣдняга при этомъ покраснѣлъ! Но, знаете, вѣдь, дѣйствительно, найдется множество премиленькихъ дѣвушекъ, которыя съ перваго слова будутъ готовы выйти за него замужъ; онъ такъ хорошъ собой, и такой у него печальный взглядъ, и при этомъ онъ — гений.

Феррисъ только безпомощно смотрѣлъ на миссисъ Вервѣнъ; она продолжала:

— Да, я, по крайней мѣрѣ, думаю, что онъ геній, и я рѣшила дать ему возможность пробить себѣ дорогу. Я полагаю, что мы взяли на себя порядочную обузу, но я объ этомъ не жалѣю. Я введу его въ общество и, если ему понадобятся деньги, то снабжу его ими. Зачѣмъ и посылаетъ намъ Господь деньги, мистеръ Феррисъ, какъ не затѣмъ, чтобы помогать нашимъ ближнимъ?

Несчастный съ головы до ногъ, такъ что ему казалось невозможнымъ вытерпѣть что-нибудь еще, Феррисъ, все-таки, невольюно размѣялся при этомъ порывѣ благочестія.

— Чему это вы смѣетесь? — спросила миссисъ Вервѣнъ, начавшая весело вторить ему. — Чему-нибудь, что я сказала? Ну, не долго придется вамъ теперь смѣяться надо мной. Хотѣлось бы мнѣ знать, надъ кѣмъ вы будете трунить потомъ.

Смѣхъ Ферриса замеръ въ глубокомъ вздохѣ, но когда миссисъ Вервѣнъ заговорила опять, то на нее внезапно нашелъ какой-то плаксивый тонъ.

— Что же это Флорида не идетъ? Она пошла запереть калитку за донъ-Ипполитто, я сама просила ее... но ей давно уже пора было бы вернуться. Странно, что вы ихъ не встрѣтили, когда пришли. Она, вѣрно, гдѣ-нибудь въ саду. Ей, конечно, грустно покидать это прелестное мѣстечко. Но она нужна мнѣ. Если бы вы были такъ добры и попросили бы ее придти ко мнѣ?

Феррисъ тяжело поднялся со стула, на которомъ онъ какъ будто постарѣлъ на десять лѣтъ. Онъ ничего почти не услыхалъ отъ миссисъ Вервѣнъ, что не было ему уже извѣстно, но ясное представление о дѣлѣ, съ которымъ онъ явился сюда, теперь безнадежно спуталось и затемнилось. Онъ не зналъ, хочется ему или нѣтъ видѣть теперь Флориду. Онъ машинально повиновался миссисъ Вервѣнъ и, выйдя на террасу, медленно спустился съ лѣстницы.

Луна ярко освѣщала садъ.

XV.

Флорида и донъ-Ипполито остановились въ аллеѣ, развѣтвляющейся у фонтана на двѣ дорожки, изъ которыхъ одна вела къ кагкѣ, выходившей на каналъ, а другая—черезъ дворъ палаццо—площадь.

— Слушайте, вы не должны больше поддаваться отчаянію, — сказала дѣвушка. — Вы добьетесь успѣха, я въ этомъ увѣрна, потому что съумѣете заслужить его.

— Это все ваша доброта, *madamigella*, — вздохнулъ священникъ, — и въ глубинѣ сердца я боюсь, что всѣ мои надежды и все мое мужество тоже ваши.

— Значить, у васъ никогда не будетъ недостатка въ мужествѣ и надеждѣ. Мы вѣримъ въ васъ и уважаемъ ваши стремленія и будемъ вашими неизмѣнными друзьями. Но теперь вы должны думать только о настоящемъ, о томъ, какъ вамъ уѣхать изъ Венеціи. О, я могу себѣ представить, какъ тяжело вамъ разставаться съ ней! Что за чудная ночь! Не надѣйтесь видѣть такія лунныя ночи въ Америкѣ, донъ-Ипполито.

— Да, не правда ли, чудная ночь? — сказалъ священникъ, зарывшись ея энтузіазмомъ. — Но мнѣ кажется, что мы, уроженцы Венеціи, никогда не сознаемъ такъ ясно красоту ея, какъ вы, иностранцы.

— Не знаю. Я знаю только, что съ тѣхъ поръ, какъ мы рѣшили ѣхать и назначили день и часъ, я испытываю такое чувство, точно покидаю родную страну. Этотъ садъ, напримѣръ... Мнѣ кажется, что я всю жизнь свою провела въ немъ. Когда мы устроимся въ Провиденсѣ, я попрошу маму пріобрѣсти нѣкоторыя изъ этихъ статуй, съ тѣмъ, чтобы ихъ переслали туда. Синьоръ Кавалетти, навѣрное, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы похитимъ ихъ изъ его сада, если получить за нихъ хорошую цѣну. Во всякомъ случаѣ, эта статуя съ фонтаномъ непременно должна перейти въ нашу собственность. Вы первый пустите тамъ нашъ фонтанъ, донъ-Ипполито, и тогда мы сядемъ съ вами на эту каменную скамью возлѣ него и вообразимъ себѣ, что мы въ саду «Casa» Вервонъ въ Венеціи.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть лучше я послѣдній пушу его здѣсь, — сказалъ священникъ, быстро наклонившись къ трубкѣ у подножія статуи. — И тогда мы сядемъ съ вами здѣсь и вообразимъ себѣ, что мы въ саду «Casa» Вервонъ въ Провиденсѣ.

Флорида положила ему руку на плечо.

— Не дѣлайте этого, — просто сказала она, — *padrone* не любить, чтобы даромъ тратили воду.

— О, мы умолимъ святыхъ излить ее когда-нибудь съ процентами ему на голову! — вскричалъ донъ-Ипполито своенравно-шаловливымъ тономъ, и струя забила среди луннаго сіянія и какъ бы повисла въ немъ, точно спутанная пасма серебряныхъ нитей.

— Но какъ же я заверну кранъ, когда вы уйдете? — спросила молодая дѣвушка, глядя съ безпокойствомъ на разлетавшіяся въ воздухъ ослѣпительныя брызги.

— О, я самъ заверну его, прежде чѣмъ уйти! — отвѣтилъ донъ-Ипполито. — Пусть онъ побьетъ еще минутку, — прибавилъ онъ, смотря съ восторгомъ на фонтанъ, между тѣмъ какъ луна, отражаясь на его поднятомъ вверхъ лицѣ, покрывала его блѣдностью, еще рѣзче выступавшей на фонѣ его чернаго одѣянія. Онъ вздохнулъ протяжно и глубоко, какъ будто вмѣстѣ съ этимъ вздохомъ онъ хотѣлъ вобрать въ свою грудь густые ароматы цвѣтовъ, поблѣднѣвшихъ такъ же, какъ и лицо его, подъ серебристымъ блескомъ, какъ будто хотѣлъ сразу вмѣстить въ своемъ сердцѣ и дивное великолѣпіе лѣтней ночи, и красоту молодой дѣвушки, стоявшей рядомъ съ нимъ. Казалось, то былъ самый высокій моментъ въ его жизни: такъ долженъ смотрѣть человекъ, достигшій, наконецъ, послѣ несчетныхъ поражений, хотя одной только минуты свободы и торжества.

Флорида опустила на скамью передъ фонтаномъ, позволивъ донъ-Ипполито исполнить его прихоть съ тою святою, материнскою снисходительностью, извѣстный оттѣнокъ которой присутствуетъ всюду, гдѣ женщина уступаетъ волѣ мужчины, и которая, быть можетъ, еще сильнѣе проявлялась въ ея чувствахъ къ человѣку, болѣе другихъ сиротливому и одинокому.

* — Вѣдь, Провиденсъ вашъ родной городъ? — спросилъ вдругъ священникъ, послѣ недолгаго молчанія.

— Ахъ, нѣтъ; я родилась въ С.-Августинѣ, во Флоридѣ.

— Да, да, я забылъ; *madama* говорила мнѣ. Провиденсъ — это ея городъ. Но, вѣдь, оба они находятся близко одинъ отъ другого?

— Нѣтъ, — сострадательнымъ тономъ отвѣтила Флорида, — ихъ раздѣляетъ тысяча миль.

— Тысяча миль! Что за обширная страна!

— Да, это цѣлый свѣтъ.

— Да, правда, цѣлый свѣтъ! — съ легкимъ восхлипаніемъ произнесъ священникъ. — Я никогда не съумѣю этого понять.

— И дѣйствительно, не съумѣете, — внушительно сказала дѣвушка, — если не будете относиться къ дѣлу болѣе практично.

— Практично, практично! — насмѣшливо повторилъ донъ-Ипполито. — Какое это у васъ, американцевъ, великое слово! Это, дѣ, тоже любимое слово консула: *практично!*

— Такъ вы, значитъ, заходили къ нему сегодня? — съ нетерпѣніемъ спросила Флорида. — Мнѣ хотѣлось узнать...

— Да, я совѣщался съ оракуломъ, какъ вы мнѣ приказали.

— Донъ-Ипполито...

— И онъ былъ противъ моего плана ѣхать въ Америку. Онъ сказалъ мнѣ, что это непрактично.

— О! — прошептала дѣвушка.

— Мнѣ сдается, — запальчиво продолжалъ священникъ, — что сеньоръ Феррисъ больше мнѣ не другъ.

— Развѣ онъ былъ съ вами холоденъ... суровъ? — спросила она съ ноткой негодованія въ голосѣ. — Зналъ онъ, что я... что вы пришли...

— Быть можетъ, онъ былъ правъ. Быть можетъ, я тамъ и въ самомъ дѣлѣ погибну. Погибель! Погибель! А развѣ не погибель та жизнь, которою я здѣсь живу?

— Что онъ вамъ сказалъ? Въ какихъ словахъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; *madamigella!* Я не хочу теперь думать объ этомъ человѣкѣ. Я хочу, чтобы вы помогли мнѣ еще разъ вообразить себѣ, что я въ Америкѣ, гдѣ не будетъ тяготѣть надо мною гнѣтъ моего бывшего призванія, гдѣ мнѣ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, вступить въ схватку съ міромъ на равныхъ правахъ. Забудемъ лучше о консулѣ; мысль о немъ парализуетъ всѣ мои надежды. Онъ не могъ видѣть меня иначе, какъ въ этой рясѣ, въ этомъ образѣ, который я ненавижу.

— О, это странно, это вовсе непохоже на него, это жестоко! Что онъ сказалъ?

— Всѣмъ своимъ обращеніемъ со мной, не говоря уже о словахъ, онъ обрекъ меня на отчаяніе; онъ заставилъ меня взглянуть на все, что краситъ жизнь и возвышаетъ ее, какъ на нѣчто невозможное для меня.

— Но какъ же это? Быть можетъ, онъ не понялъ васъ? Да, да, конечно, онъ не понялъ васъ. Что вы сказали ему, донъ-Ипполито? Что вы сказали? — и, говоря это, она въ тоскливомъ волненіи наклонилась впередъ.

Священникъ всталъ и простеръ руки, точно стараясь почерпнуть храбрости изъ безконечнаго пространства. Въ его лицѣ соединились величіе и ужасъ, испытываемые человѣкомъ, рѣшившимся на все.

— Что ожидаетъ меня на самомъ дѣлѣ тамъ, за океаномъ? — спросилъ онъ. — Будутъ ли смотрѣть тамъ на меня, какъ на другихъ людей, чья прошлая жизнь, если она была безвинна, не слѣдуетъ за ними въ этотъ новый міръ справедливости и свободы?

— Почему же нѣтъ? — отвѣтила Флорида. — Развѣ онъ сказалъ, что вамъ нельзя надѣяться на это?

— Должно ли быть тамъ извѣстно, что я былъ когда-то свя

ценикомъ? Или, если я самъ это объявлю, будутъ ли тогда считать меня чѣмъ-то вродѣ чудовища, непохожаго на другихъ людей?

— Нѣтъ, нѣтъ! — съ жаромъ возражала она. — Своимъ прошлымъ вы всюду пріобрѣтете себѣ друзей и общее уваженіе. Развѣ *онъ*...

— Одну минуту, одну минуту! — воскликнулъ донъ - Ипполито прерывающимся голосомъ. — Будетъ ли мнѣ когда-либо возможно пріобрѣсти тамъ нѣчто большее, чѣмъ уваженіе и дружбу?

Она взглянула на него смущенно, вопросительно.

— Если я буду человѣкомъ, какъ всѣ, и если наступитъ часъ, когда чьи-нибудь черты, чей-нибудь взоръ, чей-нибудь голосъ сдѣлаются для меня тѣмъ, что они значить для другихъ мужчинъ, вспомнитъ ли *она* въ укоръ мнѣ, что я былъ священникомъ, когда я скажу ей... когда признаюсь ей, *madamigella*... какъ дорога она мнѣ, когда я повергну къ ея ногамъ обѣтъ всю жизнь свою посвящать ей, когда буду просить ее сдѣлаться моею женой?...

Флорида поднялась со скамьи и стояла лицомъ къ лицу съ донъ-Ипполито, въ безпомощномъ молчаніи, котораго онъ, казалось, не замѣчалъ.

Вдругъ онъ сложилъ молящимъ жестомъ руки и въ отчаянномъ порывѣ протянулъ ихъ къ ней.

— О, моя надежда! Моя вѣра! Моя жизнь! Еслибъ *вы* была та, которую я люблю!...

— Какъ? — содрогнулась дѣвушка, отступивъ отъ него и едва не вскрикнувъ. — *Вы? Вы? Священникъ!*

Донъ-Ипполито испустилъ тихій вопль, похожій на рыданіе.

— Его слова! Его слова! Это правда, мнѣ нѣтъ спасенія. Я обреченъ, я долженъ умереть такъ, какъ жилъ!

Онъ опустилъ лицо на руки и стоялъ передъ Флоридой съ наклонною головой. Долгое время оба они не говорили и не двигались.

— Да, я вижу теперь все, вижу, какъ это случилось, — какъ бы про себя сказала затѣмъ Флорида хриплымъ шепотомъ, до котораго понижался ея голосъ, когда она бывала сильно взволнована. И снова она умогла, устремивъ взоръ въ пространство, точно передъ глазами ея проносились процессія событій и сценъ, происшедшихъ въ минувшіе мѣсяцы.

— Ахъ, зачѣмъ это, зачѣмъ? — тихо застонала она вдругъ, лоя руки.

Глупый фонтанъ все еще прыгалъ и журчалъ. Но вотъ, какъ яма внезапно вспыхиваетъ и погасаетъ, его струя высоко поднялась и упала, изсякнувъ у подножія статуи.

Когда фонтанъ пересталъ бить, молодые люди остались точно въ потемкахъ, и, подъ покровомъ этого мрака, дѣвушка подошла ближе къ священнику и, постепенно придвигаясь къ нему, какъ подвигается человѣкъ къ какому-нибудь призраку, когда страхъ не позволяетъ ему обратиться въ бѣгство и онъ предпочитаетъ лучше сразу вытерпѣть самое худшее отъ этого видѣнія, чѣмъ жить послѣ него въ вѣчномъ ужасѣ передъ нимъ, она подняла руки къ рукамъ донъ-Ипполито, осторожно отняла ихъ отъ его лица и заглянула въ глаза его, въ которыхъ уже не теплилось ни искры надежды.

— О, донъ-Ипполито, — печально пролепетала она, — что мнѣ сказать вамъ, что мнѣ сдѣлать для васъ теперь?

Но сдѣлать ничего не оставалось. Все зданіе его грезъ, его безумныхъ фантазій, разлетѣлось въ прахъ отъ одного слова, никакое волшебство не могло его возсоздать, настала конецъ, никогда, по-видимому, не имѣющій конца. Онъ оставилъ въ ея рукахъ свои холодные пальцы и на мольбу ея и слезы отвѣтилъ своею блѣдною, покорной улыбкой.

— Вы не въ силахъ помочь мнѣ, — для такой ошибки, какъ моя, помощи быть не можетъ. Впослѣдствіи, если когда-нибудь мысль обо мнѣ будетъ для васъ мучительнѣе, чѣмъ въ эту минуту, вы захотите, можетъ быть, меня простить. Да, это вы можете сдѣлать для меня.

— Но кто же, *кто* когда-либо простить *меня* за мою слѣпоту? — вскричала Флорида. — О, вы должны повѣрить, что мнѣ никогда и не думалось, никогда и не снилось...

— Я знаю, знаю это. Ваша роковая любовь къ истинѣ всему виной, любовь къ истинѣ, настолько высокая, настолько утонченная, что я не могъ распознать ее иначе, какъ путемъ этой пытки... Вы тоже, какъ и другіе, любили мою душу и не хотѣли, чтобъ я былъ священникомъ, по той самой причинѣ, по которой они хотѣли, чтобъ я... Теперь я это вижу, имъ былъ... Но вы не имѣли права любить мою душу, а меня самого... вы, женщина! Женщина не должна любить только душу мужчины.

— Да, да! — жалобно промолвила дѣвушка. — Но для меня вы были священникомъ!

— Это правда, *madamigella*. Я всегда былъ для васъ священникомъ, и теперь понимаю, что никогда не могъ бы сдѣлаться для васъ чѣмъ-либо инымъ. Ахъ, мое несчастье началось за много лѣтъ до нашей встрѣчи! Я хотѣлъ бы немножко осудить васъ...

— Осуждайте меня, осуждайте, я прошу васъ объ этомъ.

— По мнѣ не за что осуждать васъ. Считите лучше, что, дѣлая это, я еще разъ просилъ у васъ прощенія... О, Боже мой, Боже мой, Боже мой!

Онъ высвободилъ отъ нея свои руки и произнесъ эти слова полупшепотомъ, обративъ лицо къ небесамъ. Потомъ онъ опять взглянулъ на нее и сказалъ:

— *Madamigella*, если моя доля въ этомъ злополучіи даетъ мнѣ право спросить у васъ...

— О, спрашивайте все, что хотите! Я все готова отдать, все готова исполнить!

Онъ запнулся.

— Вы не любите меня, — сказалъ онъ вдругъ, — но, можетъ быть, вы любите другого?

Она не отвѣчала.

— Вы... любите... *его*?

Она закрыла руками лицо.

— Я зналъ это, — простоналъ священникъ, — я зналъ и это! — и онъ отвернулся.

— Донъ-Ипполито, донъ-Ипполито! О, бѣдный, бѣдный донъ-Ипполито! — воскликнула дѣвушка, подбѣжавъ къ нему. — Неужели вы *такъ* разстанетесь со мной? Куда вы идете? Что будете вы дѣлать теперь?

— Развѣ я не сказалъ вамъ? Я уйду, чтобы умереть священникомъ.

— Но развѣ я ничѣмъ не могу быть для васъ, ни на что не могу надѣяться для васъ?

— Нѣтъ! — спустя минуту сказалъ донъ-Ипполито. — И что могли бы вы сдѣлать? — Онъ схватилъ ея руки, протянутыя къ нему съ мольбой, сложилъ ихъ вмѣстѣ и обѣ ихъ поцѣловалъ. — Прощайте! — прошепталъ онъ. Потомъ онъ ихъ разъединилъ и страстно прильнулъ губами къ каждой ладони. — Прощайте, прощайте!

Могучая волна скорби, состраданія и отчаянія за него поднялась душѣ Флориды. Она обвила руками его шею, привлекла его голову къ себѣ на грудь и крѣпко прижалась къ нему, плача и соушаясь надъ нимъ, какъ надъ какимъ-то жалкимъ, безобиднымъ ществомъ, которое она неумышленно раздавила и умертвила. Почъ она порывисто оттолкнула его отъ себя, повернулась и пустилась бѣжать.

Феррисъ отступилъ назадъ, подъ тѣнь дерева, изъ-подъ кото-

раго онъ только что показался, и схватился за стволъ его, чтобы не упасть. Казалось, кто-то другой въ его образѣ вышелъ, крадучись, со двора палаццо и побрелъ невѣрными шагами подъ ослѣпительнымъ бѣлымъ блескомъ площади и затѣмъ въ непроницаемой тьмѣ узкаго переулка. Въ промежуткахъ, на которые падалъ лунный свѣтъ, этотъ самъ себѣ чужой, несчастный человѣкъ видѣлъ фигуру патера, беззвучно двигавшуюся впереди.

В. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ.

(Разсказъ).

Пароходъ шелъ послѣднимъ рейсомъ, шелъ тяжело, медленно, скрипя и покачиваясь. Въ каютѣ было жарко и душно, а, главное, всѣхъ томила тоска. Кое-кто уже улегся спать, съ коегъ начало доноситься легкое похрапыванье, и мертвая тишина, прерываемая только скрипомъ да ѣтимъ храпомъ, стала, казалось, еще тоскливѣе. Я и мои спутники, — насъ было четверо, — нескончаемо долго пили чай, чтобы хотя ѣтимъ убить время. Къ счастью, во время одной изъ частыхъ остановокъ парохода судьба послала намъ новаго пассажира, купца, какъ оказалось, разговорчиваго и словоохотливаго малаго. Онъ подсѣлъ къ намъ, мы разговорились, угостили его чаемъ и, въ концѣ-концовъ, онъ разсказалъ намъ маленькую, но довольно интересную повѣсть изъ своего прошлаго. Это былъ рослый, здоровый, красивый на видъ молодецъ.

— Я въ тѣ поры еще очень простъ былъ, — началъ онъ, — какъ тятенька послали меня въ Москву долги съ кого слѣдуетъ получить. Опять же и товару послано было много, такъ за приказчиками доглядѣть. Ну, извѣстное дѣло, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ въ гостиницу, номеръ. Живу это день, живу другой, только примѣчаю, что это господа разные все въ корридорѣ супротивъ моей двери похаживаютъ да поглядываютъ? Даже сумѣніе разбирать стало, — то одинъ, то два, — что такое, думаю, поджидаютъ кого, али высматриваютъ? Пришелъ это разъ малый платье чистить, я и спрашиваю его: «Что это у васъ, — говорю, — а мѣсто такое, что разные господа толпятся?»

— А это, — отвѣчаетъ малый, усмѣхаячись, — супротивъ васъ омѣщики одни-съ... На зиму пріѣхали и пять номеровъ сняли, а и нихъ горничная состоитъ... Вотъ и ходять-съ.

— Что-жь такъ? — спрашиваю. — Хвостомъ шибко вертеть краля?

— Этого никакъ сказать нельзя, — отвѣчаетъ, — совсѣмъ даже невозможно-съ... Дѣвушка-съ во всѣхъ смыслахъ строгая... Ни-ни, упаси Господи, чтобы что-нибудь эдакое, значить... А только, вотъ, раскрасавица-съ...

— Такъ потому и ходять?

— Потому самому, — говоритъ. — Съ утра самаго по корридо-ру взадъ-впередъ утюжать... Высматривають! Особливо съ семнадцатаго нумера капитанъ отставной... Примѣтили-съ? Такъ онъ, можно сказать, даже не отходить-съ, ровно вотъ на часахъ стоять, ну, да и всѣ прочіе тоже-съ. Ужь такъ они ее крутятъ, такъ крутятъ! Машенька, да миленькая, только и слышишь.

— Что-жь, она-то, чай, радуется? — спрашиваю.

— Обыкновенное дѣло, — говоритъ, — какой дѣвицѣ не лестно-съ? Всякой-съ. А только онѣ себя соблюдаютъ-съ, очень даже хорошо соблюдаютъ... Никогда, чтобы что-нибудь... Тутъ, — говоритъ, — одинъ адвокатъ такъ крутилъ, такъ крутилъ, прямо сказать — озолотить хотѣлъ, тыщу, говоритъ, не пожалѣю! Да не выгорѣло, отъѣхалъ.

Хорошо. Запало это у меня въ башку, — извѣстно, дѣло молодое. Да и сумлѣніе тоже беретъ, что за Елена такая прекрасная? Зна-а-емъ, молъ, видывали, мадамъ Ангу въ Парадизъ-театрѣ ранѣе слыхивали-съ! Одначе, ничего, одѣлся, чайку перехватилъ, ушелъ по дѣлу-съ, а какъ вернулся къ вечеру, такъ прямо на нее и наткнись. Бѣжить это она съ тарелочкой, господамъ своимъ, значить, порцію несетъ, да прямо и бухъ въ меня съ разбѣгу. Такъ и расписала меня соусомъ-то, а шуба на мнѣ была новехонья-съ, за одно сукно-съ восемь цѣлковыхъ аршинъ платили-съ. Хорошо-съ. Вскригнула это она, зардѣлась, а я, правду сказать, стою ровно бы остолопъ какой и глаза на выкатѣ держу. Съ мѣста сойти не могу, такъ и приросъ, будто корень въ землю пустилъ. И шубы мнѣ не жаль, и видѣть ничего какъ бы не вижу, окромѣ ея, такъ словно бы туманъ кто напустилъ... Волшебство, да и все-съ! Стала это она соусъ платочкомъ съ меня обмахивать, тутъ я только и опаматовался.

— Не извольте беспокоиться, — говорю, а самъ такъ и въѣлся въ нее, грѣшнымъ дѣломъ, глазъ отвести не могу, — напрасно стараетесь, молъ, потому для насъ это наплевать-съ.

Бросила она чистить, да и говоритъ съ сердцемъ:

— То-то и есть... Люди вы богатые, а бѣдной дѣвушкѣ про-

ходу не даете. Съ утра самаго, — говорить, — пристають все, только въ грѣхъ вводить... Какъ я теперь къ господамъ безъ порціи покажусь?

— И это, — говорю, — намъ наплевать-съ, сейчасъ вашимъ господамъ десять такихъ порціевъ предоставить можемъ. Даже съ отличнымъ удовольствіемъ, можно сказать, сколько угодно-съ. «Эй, малый! — кричу, — живо, чтобъ сію секунду такая порція была! Что хочешь бери, а только чтобы въ мигъ одинъ!» Нравъ ужъ такой у меня, только раззуди, ни на чемъ не постою. «Чтобъ глазомъ, — кричу, — не смигнулъ, какъ ты порцію тащи!» Ну, а на счетъ того-съ, — говорю, — что вы обижаться изволите, будто проходу отъ насъ не имѣете, такъ это, — говорю, — напрасно... по-потому, прямо можно сказать, безъ намѣреніевъ нашихъ вышло-съ. Случай такой подошелъ, вѣрьте совѣсти, и не такіе мы, чтобы кому проходу не давать... Это у которыхъ господъ, оно, точно, можетъ, и бываетъ, ну, а наше дѣло купеческое.

Застыдилась она тутъ, раздумянулась, глазъ поднять не можетъ, да и стала прощенья просить. Такъ и такъ, молъ, простите, господинъ купецъ, — говорить. — Оно точно-съ, можетъ, вы и не такіе будете, какъ всѣ прочіе, и за сукно простите. А только здѣсь, взаправду, жисть не жисть будетъ, отъ господъ и отъ купцовъ тоже разныхъ нашей сестрѣ здѣсь одна бѣда, проходу совсѣмъ нѣтъ. Всякъ только то и въ мысляхъ держитъ, чтобы на грѣхъ навести, — хочешь не хочешь озлишься, ровно звѣрь станешь. Вотъ и давеча... капитанъ тутъ есть, облапилъ и не пускаетъ. Душенька вы, да душенька, букетикъ мой! И усища свои раскрахмаливает... Только и пустилъ, что на крикъ, окаянный!

Говорить это она, говорить, а у самой-то слезы капъ да капъ. Тронуло это меня, правду сказать, за сердце, очень даже, можно сказать, жалко стало отъ словъ этихъ самыхъ да слезъ ея, чуетъ душа правду-то, ну, а грѣхъ, все-таки, сильнѣй. Съ того самаго вечера, нужно такъ говорить, закурилъ я, почитай, не хуже капитана самого. Такъ закурилъ, ну, въ одномъ словѣ: осатанѣлъ, да и все тутъ. И чудное дѣло, право, какъ подумать-то! Бывало, какъ ни бились родители, чтобъ женить меня, сына единственнаго, какихъ дѣвицъ, можно сказать, ни подсовывали, первѣющихъ дочерей купеческихъ въ нашемъ городѣ, даже изъ дворянскаго роду благородныя дѣвицы случались, а я и глядѣть не хочу, ровно бы вотъ каменный. Не тянетъ, хоть что хошь! Даже сердчали родители, а изъ сродственниковъ которые и смѣяться гали: въ монахи, что-ль, малый, собирается, спастись хочетъ?

Насмѣхаются... Право-съ! Ну, а тутъ — горничная, можно сказать, простая, а поди-жь ты, и самъ не знаю, что стало. И ночи не сплю, а все одну ее вижу, и въ день, и во всякъ часъ только и въ мысляхъ, что она. Дѣло даже запустилъ. И въ такую, нужно прямо сказать, лютую подлость вошелъ, что и совѣсть не мутила. Понимаю, что грѣшнымъ дѣломъ безвинную дѣвицу въ одну скверность ввести стараюсь, а ничего съ собой подѣлать не могу, — свое, значить, взять хочется... Лютость одна одолѣла, осатанѣла... Да-съ! И ужь какъ чудилъ, какъ чудилъ, и сказать нельзя, и не приведи Богъ, чего ни выдумывалъ... И деньгами сорилъ, и людей подкупалъ, и корыстью думалъ взять, всякіе алмазы, брилліанты сулилъ. Ну, а дѣло-то совсѣмъ на другое вышло... Вотъ, прислушайте.

Бьюсь это я, бьюсь, можно сказать, и такъ, и сякъ, а ничего не выходитъ-съ, ни корыстью, ничѣмъ... И примѣтно мнѣ, что и ей-то я, будто, по нраву прихожусь, можетъ, и любовь даже, не бѣгаетъ, какъ другихъ прочихъ, разговоры разговариваетъ, даже про себя рассказываетъ, что и какъ, да на томъ и стоимъ только, ни тпру, ни ну, — хоть что хошь. Чуть попробуешь дѣло-то на свое повернуть, анъ, глядь, такъ тебя срѣжетъ, такъ однимъ какимъ-нибудь словомъ срѣжетъ, что и глотку заткнешь. Потому чистота! Всякая скверна ровно вода со стекла сама собой отъ нея бѣжить. Ну, и если правду говорить, такъ даже очень странное со мной творилось, такъ ровно бы двѣ души во мнѣ стало и каждая на свое тянетъ. Потому что какъ бы и любо мнѣ, что не сдается она, и все жалчѣе ее дѣлается, и опять же отъ всего этого только въ задоръ входишь, все лючѣ норовишь на свое навести... Ужь подлинно грѣхъ попуталъ, голову потерялъ, да и совѣсти рѣшился!... Ну-съ, хорошо. Идетъ это промежъ насъ такимъ манеромъ; день за день тянется, и все-то она ровно бы меньше боится меня и какъ бы даже довѣрять стала. Такъ, словно бы и грѣха моего не чуетъ совсѣмъ. Разъ даже со мной на *Аскольдову могилу* поѣхала, не побоялась. «Вы, — говорить, — не такой, какъ прочіе, васъ я не боюсь, не обидите», — и у господъ своихъ отпросилась. И какъ она меня этими самими словами срѣзала, такъ срѣзала, что я ровно щенокъ махонькій за ней въ ложѣ сидѣлъ, слова сказать не могъ, даромъ что на то только и надежду клалъ. А замѣсто того только и было, что изъ буфета конфеты, виноградъ, лимонадъ, ну, и все прочее таскалъ и столь натаскалъ, что она даже смѣяться стала: «Лавку мнѣ, что ли, — говорить, — открывать, Павелъ Терентьичъ? Куда мнѣ съ ѣстимъ дѣваться?» —

а я и слова настоящего найти не могу. Сидимъ это мы въ ложѣ, гляжу кругомъ да около и такъ мнѣ сдается, что сколько тамъ ни есть наипервѣющихъ барынь, графинь да княженъ, можетъ быть, и генеральскихъ дѣвицъ, при золотѣ да жемчугахъ, а она всѣхъ краше, хоть и при шерстяномъ нарядѣ. Гляжу да молчу-сь. Ужъ только какъ назадъ на извожикѣ ѣхали, въ темнотѣ, я и осмѣлился, въ «Ярѣ» сталъ зазывать, цыганъ слушать. «Позвольте-сь, — говорю, — на троечку посадить, а не то на голубкахъ, коли изволите», — да опять не выгорѣло. «Не могу, — говоритъ, — барыня ждетъ, да и въ мѣсто такое, особливо ночью, дѣвушка - то и ѣздить нельзя, Павелъ Терентичъ. Вы, — говоритъ, — доброй и честной семьи, сами знаете!» Инда въ жаръ меня кинуло отъ этихъ отъ словъ ея, даже злость вступила. Какъ вернулись, тутъ у насъ съ капитаномъ настоящая, можно сказать, даже штурма вышла. И я лють, и онъ не въ своемъ, прямо сказать, видѣ въ корридорѣ стоитъ, ровно бы вотъ поджидаячи. Какъ завидѣлъ, такъ и сунулся. «А, — говоритъ, — сякая-такая, недотрога сахарная, по купеческой части изволите?» — да хватъ за талию-сь. Испугалась она, прижимается, а я такъ даже и свѣту не вижу, одно слово — море по колѣно. Сцѣпились мы тутъ. «Хоша, — говорю, — и не господскаго званія будемъ, а огрѣтъ тоже можемъ. Даже съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ, во всѣхъ смыслахъ огрѣмъ. На всѣ четыре стороны скулу своротить можемъ. Прямо, — говорю, — въ расплюй расшибемъ-сь! Н-да-сь!» Ну-сь, тутъ народъ прибѣжалъ, розняли... Которые господа изъ номеровъ повыскочили, прислуга, хозяинъ, — много набралось. И слава-те Господи, что розняли! Вотъ тутъ-то, — говорилъ съ азартомъ купецъ, поднимаясь, расправляя могучія плечи и тыкая пальцемъ въ ладонь правой руки, — тутъ-то у меня родительское благословеніе, можно сказать, положено, ну, и сжалъ я супротивника моего этимъ самымъ благословеннымъ мѣстомъ... Ба-а-къ слѣдуетъ, во всѣхъ смыслахъ! Н-да-сь, хорошо, что розняли, — былъ бы грѣхъ... Я въ тѣ поры желѣзный аршинъ узломъ сворачивалъ.

Онъ хлебнулъ холоднаго чая, откинулъ со лба упавшіе волосы и продолжалъ:

— Съ этого-то самаго и заварилась каша. Первымъ дѣломъ на все ейные господа накинудись, здорово ей влетѣло, ну, а потомъ и слѣдъ-сь. Господа были важные, хоть и перезаложены въ банкахъ. Барыня держала ее въ строгости, съ измалѣтства у нихъ жила, ротой, сказывала, взяли, и барыню она очень одобряла, тоже и рышню молодую. Для нихъ, сказывала, только и оставалась,

потому отъ молодого барина тугонько приходилось... И старого барина не одобряла, ну, а молодого - то и еще пуще. «Ужь какъ, — сказывала, — отъ бѣды-грѣха спаслась пока подросткомъ несмыслѣннымъ была, и сама не знаю, только барыня оберегала одна. Спасибо ей, никогда не забуду, все равно, что мать смотрѣла». Хорошо-съ. Влетѣло это ей, ну, а утромъ, гляжу, и меня къ отвѣту. Только что было къ чаю приспособился, глядь, молодой баринъ, Аркадій Аркадьевичъ, собственною персоной тутъ, какъ тутъ. Такъ и такъ, — здравствуйте, молъ, господинъ Лимоновъ... Не знаю имени-отчества, — говорить.

— Павелъ Терентьичъ, — сказываю, вскочимши, а у самого отъ страху такъ вотъ, кажется, и духъ вонъ сейчасъ. Потому робокъ я былъ въ тѣ поры, — въ большой строгости воспитанъ.

— Ну, такъ, вотъ - съ, — говорить, — Павелъ Терентьичъ, какъ это вы себя ведете, милостивый государь? Какъ вамъ не стыдно, — говорить, — скандалы устраивать, а?

— Какіе такіе скандалы? — спрашиваю не своимъ голосомъ, а самого и ноги-то не держать.

— Вчерашніе-съ, — говорить, — когда съ нашею горничной вернулись. Мало вамъ этого, что ли, а? Развѣ это прилично для нашей семьи будетъ, какъ вы полагаете? Знаете, чай, кто мы такіе будемъ?

— Какъ не знать-съ, — говорю, — господа благородные...

— То-то, — говорить. — Папенька даже генералу хотѣлъ жаловаться, а, знаете, чай, чѣмъ это пахнетъ? Въ двадцать четыре часа, и все - съ! Ну, да я упросилъ, потому понимаю: молодой человекъ въ увлеченьи и все прочее такое... А только, чтобы въ послѣдній разъ это. Слышите?

— Слышу-съ, — отвѣчаю. — По гробъ не забуду.

Напустилъ это онъ на меня страху, напустилъ, — видитъ, что обробѣлъ совсѣмъ человекъ, ровно бы подъ ножомъ стоять, и давай жалѣть.

— Не благодарите, — говорить, — не за что. Самъ молодъ, знаю-съ. Молодой человекъ и, если онъ порядочный, хотя бы изъ купческаго званія, все-таки, жалъ.

— Истинно, господинъ, — говорю. — Во-истину достоин сожалѣнія во всѣхъ смыслахъ. Потому самъ не знаю, что стало со мной, — голову совсѣмъ потерялъ. — Говорю это я, говорю, а слеза-то отъ всего этого конфуза такъ и набѣгаетъ. — Пронацій, знать, человекъ! — говорю.

А тотъ и смѣется.

— Ха, ха, ха, — говоритъ, — господинъ Лимоновъ, и чудака же вы! Право, даже жалко васъ. Неужто жъ, — смѣется, — такъ въ нашу Машку врѣзались? Что вы?

— Такъ точно, — говорю, — какъ есть врѣзался... Вѣрное слово!

— Пустяки-съ, — говоритъ, — сто разъ лучшія есть, повѣрьте. Хотите, вылечу, а? Если человекъ порядочный и компанію держать умѣетъ, опять же, прилично себя вести будете, какъ должно, — говоритъ, — я даже съ удовольствіемъ.

— Сдѣлайте, — говорю, — такое одолженіе, явите милость... По гробъ не забуду, — а у самого-то отъ радости, что все съ плечъ свалилось, даже дыханіе сперло. — Какъ угодно-съ, — говорю, — господинъ, а отъ меня во всемъ послушаніе будетъ.

Видно ему, что на дурака попалъ, и обрадовался. Ну, и пошло-жъ у насъ тутъ леченіе! Ужь такъ лечился, такъ, можно сказать, лечился, что и память отшибло. Ужь гдѣ ни побывали, какихъ видовъ не видѣли, Господи, ты, Боже мой! Съ другими молодыми господами встрѣнимся — сейчасъ въ компанію. Мой лечитель такъ и догадывается: «Вотъ, — говоритъ, — купеческій сынъ, господинъ Лимоновъ, въ воспаленіи чувствъ находится по случаю любви къ Машкѣ, такъ его лечить надо». Ну, и тѣ съ нимъ: «Лечить, лечить его!» — а мнѣ все не въ доめкъ, что это смѣхъ одинъ. Одурѣлъ-съ. Потому какъ въ строгости воспитанъ, отродясь не пивалъ, во рту капли хмѣльного не было, а тутъ то и знай шампанское да глинтвейны всякіе, такъ и накачиваютъ. «Пейте, — кричатъ, — господинъ Лимоновъ! Это лучшее средство отъ воспаленія чувствъ!» — ну, и пью-съ, потому лестно. И чего-чего ни выдѣлывали, куда ни ѣздили, сколько радужныхъ просадили, да, опять, Аркадію Аркадьевичу ссудили, такъ и сказать не могу, потому въ полномъ, можно сказать, омраченіи разсудка находился. Только и помню, какъ въ дамскомъ видѣ, при полномъ нарядѣ, съ французскою дѣвицей кадрили откалывалъ.

Онъ опять хлѣбнулъ чаю, погладилъ бороду, откашлянулся и продолжалъ:

— Хорошо-съ. Этакимъ-то манеромъ мы трое сутокъ домой носу не казали. Только на четвертую ночь вернулись и въ такомъ видѣ-съ, что даже сказать нельзя, — одно безобразіе. И шепни онъ мнѣ тутъ: «Иди, мошь, къ Машкѣ - то, не бойся. Одна она, наши а балъ уѣхали», — а мнѣ и море по колѣна. Полѣзь. Бреду, темень, а дать ничего не вижу, куда идти — не знаю, ступаюсь да путаюсь, когда, глядь, кто-то спичкой чиркѣ, да какъ заоретъ: «Воры!

Полицію!» — такъ я и присѣлъ на мѣстѣ. Гляжу, за мѣсто Маши, баринъ старый.

— Полицію, — кричить, — протоколь!

Батюшки вы мои! Тутъ и хмѣль съ меня страхомъ отшибло. Ужь такого страху я отродясь не видалъ. Присѣлъ да зубами щелкаю... А тотъ еще пуще, прямо въ лютость входитъ.

— Ваше вашество, — молю, наконецъ, — не погубите во младости... Ошибкой забрель-съ... Собственный вашъ сынъ, — говорю, — Аркадій Аркадьевичъ посвидѣтельствуетъ...

А тотъ и слушать не хочетъ.

— Ахъ, ты, — кричить, — алтынникъ, скандалистъ! Еще и сына моего, благороднаго человѣка, путаешь? Три дня спаваль его, а? Протоколь!

Ну, и взмолился я.

— Ваше вашество, — молю, — будьте отцомъ роднымъ. Родители въ пожалѣйте на старости, потому смерть для нихъ, ежели протоколь, отродясь не бывало... Ради небесъ! — и въ ноги бухъ.

И вижу, къ радости, ровно бы пронялъ его. Сдаваться сталъ. Пересталъ кричать, да только по горницѣ прохаживается.

— Въ самомъ дѣлѣ, — говорить, — стариковъ жалко, самъ отецъ... Да только нужно, чтобы вы это помнили.

— По гробъ! — говорю.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — слова мы эти знаемъ... Вода-съ! Не угодно ли вамъ пожертвовать на благотворительное дѣло одно?

— Съ нашимъ, — говорю, — удовольствіемъ, еже ли за этимъ дѣло стоитъ.

— Да, — говорить, — тутъ одно бѣдное семейство есть... Такъ не угодно ли... пятьсотъ рублей?

Батюшки! Тутъ я и опаматовался.

— Нельзя ли поменьше, господинъ? — говорю. — Пожалѣйте молодого человѣка...

Да онъ и сказать не далъ. Ба-ахъ закричить, какъ затопаетъ: «Дворянинъ! Торговаться! Вонъ! Полицію! Адвокату, — кричить, — вдвое заплатишь!» — такъ сама рука и потянулась съ радужными. Слава Господу, что больше не запросилъ, кажись, всѣ бы до послѣдней копѣйки отдалъ. Самого бы себя заложилъ въ тѣ поры.

Такъ-съ. А только я со всего того какъ бы въ хворость какую впалъ. Бсть не ѣмъ, пить не пью, на свѣтъ бѣлый глядѣть не хочется, — засѣлъ въ номеръ и носа никуда не кажу. День сижу, два сижу, нѣту облегченья. все хуже да хуже. И тоска такая

подъ сердце подступила, что и сказать нельзя, — безъ слезъ рыдаю. Вѣрите слову, жизни не радъ былъ: не будь отца-матери, такъ бы, кажется, и двинулъ головой объ стѣну. Потому не идетъ она изъ головы, да и все, опять же и конфузъ, а сильнѣй всего — она. Чуетъ душа, что безъ нея и жизнь не въ жизнь. Опосля леченія такого еще, кажись, милѣй стала, только и въ мысляхъ, какъ бы хоть глазкомъ поглядѣть. Хорошо-съ. Запелъ это ко мнѣ лечитель мой. «Извините, — говоритъ, — что подвелъ, не разобравши съ-пьяна, что отецъ - то былъ дома», — ну, да мнѣ все равно, и обиды ровню никакой нѣтъ. Не до того, значить. Видить онъ, каковъ я есть, и пожалѣлъ, что ли, только и говоритъ: «Вы бы, — говоритъ, — доктора взяли, — есть у меня тутъ знакомый одинъ, только онъ меньше красненькой не беретъ... Хотите, пришло?» — «Ладно, — говорю, — присылайте. Все одно помирать, что съ докторомъ, что безъ доктора. Пускай потрудится, — говорю, — тоже, поди, хлѣбъ ѣсть надо». Ну, и прислалъ онъ втого своего доктора, кто его знаетъ какого... Стукалъ онъ, стучалъ, слушалъ, слушалъ, и такъ, и сякъ, да только рукой махнулъ. «Не у всякаго, — говоритъ, — быка черкаскаго, можно сказать, такое здоровье бываетъ! — такъ и сказалъ. — А только, — говоритъ, — никакъ я вашей болѣзни видѣть не могу и понять тоже не могу. Должно, въ нервахъ, а только удивительно мнѣ, что скрозъ такое, можно сказать, мясо до нервовъ дошло. Вы встряхнулись бы, — попоечку, что ли, съ цыганочками... или вродѣ того». Слушаю это я, да молчу только. Далъ ему десятку, прописалъ онъ коньякъ финь-шампань и ушелъ... А я все лежу-съ.

Хорошо-съ. Сумерничаю это я, взадъ впередъ по номеру прохаживаюсь; самому себя жалко, а ничего придумать не могу. «Пропадомъ-пропаду, — думаю, — да и все; безъ родителей на чужой сторонѣ въ гробъ лягу. Инда слезы, кажись, подступать стали, какъ вдругъ слышу: скрипъ! дверью. Оглянулся, и себѣ не вѣрю: она, собственною персоной! Даже духъ заняло у меня.

— Что съ вами, — спрашиваетъ, — Павелъ Терентьичъ? Больны вы?

А я гляжу на нее, гляжу, да и говорю:

— Вамъ, Марья Петровна, лучше знать, что со мной.

— Отчего такъ? — спрашиваетъ, а сама, вижу, жметя, даже лицѣ перемѣнилась.

— А оттого, — говорю, — что токмо черезъ васъ въ болѣзнь нервъ пришелъ. Можно сказать, и жизни не радъ отъ любви моей.

Говорю это я, а она стоит, слушает да к-а-а-къ кинется вдругъ ко мнѣ, ка-а-къ заплачетъ...

— Миленькій вы мой, Павелъ Терентьичъ,—говорить,—и я васъ люблю!... Видить Богъ, люблю! А только не губите меня, миленькій, если любите... Зачѣмъ вамъ губить сироту? Бросьте лучше теперь, чѣмъ послѣ бросать. Убъжайте къ отцу-матери и забудьте меня. А я васъ всегда любить буду и по гробъ не забуду.

Ну-съ, какъ сказала она это, какъ сказала она, тутъ на меня и просіяніе нашло. Сразу оздоровѣлъ и вся моя сквернота, можно сказать, прочь отошла. Тутъ я и опаматовался, прояснѣлъ даже. Такъ, ровно бы другой совсѣмъ сталъ. Обнялъ ее, что есть силы, да и спрашиваю только:

— Любишь?

— Люблю,—отвѣчаетъ.

— Вѣрное твое слово?

— Какъ передъ Истиннымъ!—говорить.

— Ну, такъ, вотъ, что,—говорю,—Маша... передъ образомъ, передъ святителемъ... возьму я тебя замужъ, да и все.

Какъ сказалъ, такъ и самъ радъ сталъ, что сразу такое у меня на умъ пришло, а она не вѣритъ. Стоит и удивляется:

— Что вы,—отвѣчаетъ,—развѣ это возможно, миленькій? Не подь пару я вамъ: вы—купецкій сынъ, а я горничная,—развѣ это возможно?

— Наплевать!—говорю.

— Что вы, что вы?—говорить.—Родители ваши и на порогъ-то меня не пустятъ, а я супротивъ не пойду. Не такъ я васъ, миленькій, люблю, чтобы въ бѣду вводить... Куда воронѣ въ хоромы?

— Ладно,—отвѣчаю.—У родителейъ самъ охлопочу благословеніе, не бойся... Они только и видятъ, какъ бы женить меня... А только знай теперь, да и всѣмъ скажи, что моя ты суженая... Такъ и будетъ!

Упирается она, то да се, и вижу, что не ломается, а взаправду сумлѣвается да боится, взялъ ее за руки, да и говорю:

— Ну вертись, не вертись, а только моя ты... А чтобы дурного говору не было, уходи теперь пока... Вотъ тебѣ образъ, что не отступлюсь отъ своего слова... Возьму я тебя замужъ.

И какъ только ушла, я сейчасъ письмо къ родителямъ. Такъ и такъ, молю, люблю и силъ моихъ нѣту. Жисти, пишу, согласенъ рѣшиться въ случаѣ коли ежели отказъ. Прошу благословенія, а нравъ мой, между прочимъ, знаете.

Хорошо-съ. Написамши, сейчасъ сюртукъ парадный, да стукъ къ господамъ ейнымъ.

— Войдите!—слышу.

Вхожу, барина нѣтъ, однѣ барыня да барышня налицо.

— Что, говорятъ, вамъ угодно?

— Такъ и такъ,—говорю,—жениться хочу, за себя взять горничную вашу-съ.

— А кто вы такой будете?—спрашиваютъ.

— Купеческій сынъ,—говорю,—Павель Терентьичъ Лимоновъ, изъ номеру, что насупротивъ.

— А, такъ это вы Лимоновъ?—спрашиваютъ и усмѣхаются.

Вижу я и понимаю, съ чего тотъ смѣхъ, въ конфузъ ударило, одначе говорю:

— Точно такъ, я самый-съ... А только прощенья просимъ, ежели что допрежь того по глупости произвелъ, потому,—говорю,—отъ одной, можно сказать, любви всѣ происшествія были.

Перестали усмѣхаться, смотреть на меня, а барыня и говорить:

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите жениться? По правдѣ?

— По чистой совѣсти,—отвѣчаю.—Родителямъ и письмо послалъ уже.

Посмотрѣла она на меня, посмотрѣла, да и говорить:

— Ну, если дѣйствительно у васъ намѣренія хорошія, то отъ души поздравляю, потому она хорошая дѣвушка, во всѣхъ смыслахъ... И сердце, и руки золотыя; мы всѣ ее любимъ и привыкли къ ней, потому съ дѣтства у насъ она, сиротой взяли... Жалко расставаться, все равно, что другъ, родной, но ежели у васъ такия намѣренія и васъ она тоже любить, въ такомъ случаѣ дѣлать нечего... Соничка,—говорить барышнѣ,—позови ее.

Вскочила это барышня радостная, побѣжала, да и приводитъ Машу за руку, а на той и лица нѣтъ.

— Вотъ, Машенька,—говорить барыня,—господинъ Лимоновъ руки твоей просить... Такъ какъ ты, значить, на этотъ счетъ?... Любишь?

А та стоитъ бѣлѣе бѣлой, ровно бы и не дышетъ совсѣмъ.

— Любить,—говорить,—люблю, а только не пара имъ.

— Наплевать,—говорю,—это намъ все единственно, что пара, что не пара... А только вотъ что-съ: попрошу я васъ, барыня,—говорю,—какъ она у васъ съ измалолѣтства жила и опять послужила, значить, и вы хвалить ее изволили, такъ по тому слу-

чаю, собственно, какъ онѣ невѣста мнѣ теперь, отъ всякой должности ослобоните ихъ,—пусть такъ поживетъ-сь, не гоните-сь... А свадьбу мигомъ сыграемъ, какъ отъ родителейъ,—говорю,—отвѣтъ придетъ.

— Неужто-жь,—отвѣчаетъ,—мы ее неволить или гнать будемъ? Что вы, господинъ Лимоновъ? Тоже, вѣдь, съ понятіемъ будемъ. Поживите у насъ, Машенька,—говоритъ,—уже и на «вы» стала,—поживите!—Обнимаетъ ее и барышня обнимать и цѣловать стала, а та все стоитъ ровно каменная, только слезы капъ да капъ. Извѣстно, дѣло дѣвичье. Вынулъ я тутъ пачку денегъ, подаю ей и говорю:

— Вотъ-сь, извольте получить, Марья Петровна, невѣста моя, на всякія женскія пристройки-сь. Чтобъ въ аккurate, значить, все было,—платья тамъ, въ примѣру, ленты-сь и все прочее, какъ подлежить для перваго обзаведенія. Въ пассажахъ,—говорю,—все первый сортъ-сь, а ежели нехватка будетъ, не стоимъ, дождемъ-сь. Получите!—И барыня заговорила тутъ:

— Бери же,—говоритъ,—бери же, Машенька... Что стоишь?—а та ни съ мѣста. Да ка-а-бъ кинется вдругъ ко мнѣ, в-а-а-бъ зарыдаетъ-сь.

— Не нужно мнѣ,—говоритъ, прижимаясь,—ничего не нужно!... Я и такъ его люблю!

— Право,—говорилъ, видимо, растроганный этимъ воспоминаніемъ расквашивъ,—и теперь вотъ за сердце схватить, какъ вспомнишь!... Ну, одначе, кончать нужно, что долго пѣсню тянуть? Такъ вотъ-сь и повѣнчались мы. Отъ родителейъ отвѣтъ скоро пришелъ, не затянули. «Такъ и такъ, молъ, нашъ любезный сынъ. Какъ, значить, мы тебѣ завсегда вѣримъ и во всѣхъ дѣлахъ полагаемся, такъ пусть такъ и станется, какъ Господь судилъ. Отказу нашего нѣтъ и благословеніе посылаемъ, а только мать отъ хворости, а я отъ дѣловъ тронуться въ путь не можемъ. Такъ ты, сынъ нашъ, въ бракъ христіанскій вступи и къ намъ поспѣшай для совмѣстнаго житья и счастья, значить»... Ну, и прочее другое... Хорошо-сь. Повѣнчались и поѣхали. Сильно жена разрыдалась, какъ съ барыней и барышней прощаться пришлось, и денегъ своихъ, зажитыхъ за три года, не спросила,—а ну ихъ!—очень ужъ заложены господа были и крутенько имъ приходилось. Одна надежда на сына Аркадія Аркадьевича была, что на богатой вдовѣ одной женится, для того и въ Москву пріѣхали... И я своихъ, что ссудилъ ему, когда мы по Москвѣ лодырничали, не спросилъ,—Богъ съ нимъ, будутъ — отдасть, ду-

маю. Такъ-съ. Ну, прѣехали домой, приняли насъ честь - честью. Тятенькѣ даже очень, можно сказать, жена по нраву пришлась, такъ и сказали сразу: «Машенька, дочь моя, проста душа твоя, вижу! Живите, аки голуби, и радъ я сему!» Ну, а маменька, такъ тѣ,—извѣстно, дѣло женское,—виду никакого не подали и пытать стали. Такъ пилили-съ, такъ пилили, поѣдомъ, можно сказать, до самыхъ костей-съ. Всю недѣлю, почитай, изморомъ морили, а все стерпѣла жена, всему покорялась, хоть бы звукъ какой. Ну, а какъ прошла недѣля, приходятъ онѣ отъ обѣдни, сняли образъ, да прямо къ ней и поклонились. «Такъ и такъ, прости, Машенька, дочь моя, съ сердца сними, потому я тебя по материнству пытала, чтобы знать, какая ты есть... И теперь вижу, — говорятъ, — какова ты, и радуюсь... Будьте счастливы, — говорятъ, — и насъ радуйте, а что какіе люди смѣются, что изъ горничныхъ ты, такъ пушай себѣ смѣются. Лучшей жены сыну своему не желаю, а приданого намъ никакого тоже не нужно, — своего довольно, хватить». И пошелъ у насъ мадъ, такая, можно сказать, жизнь пошла, что лучшей какъ бы и не надо. Такъ полюбили они жену, что ровпо бы дочь родную, да и все! Даже сродственники, которые прежде гнушались, и тѣ подались, потому вездѣ про нее слава шла... И зависти тоже много кругомъ было, такъ и давились иные прочіе завистью.

Хорошо-съ. Живемъ это мы такъ, слава те Господи, родители радуютъ, благодать, кажись... иначе, что вышло - то, поглядите! И съ чего вышло? Кажется, и въ мысляхъ такого не надумаешь, хоть годъ цѣлый надумывай. Получаю это я разъ одно письмо, гляжу — отъ барина самого. «Такъ и такъ, молю, господинъ Лимоновъ, прѣзжайте немедленно, потому что дѣло одно грозитъ большими неприятностями для васъ. Поспѣшайте, молю, если предупредить желаете». Удивился я, что такое, думаю? Жена тоже ничего не понимаетъ. Гадали мы, гадали, да и порѣшили отписать, что какъ никакихъ такихъ дѣловъ за собой не чувствуемъ, такъ, значить, можетъ, и по ошибкѣ что вышло, а только мы ни о чемъ не беспокоимся. Впрочемъ, пишу, благоволите увѣрить, въ чемъ дѣло будетъ-съ. Хорошо-съ. Только черезъ сколько-то тамъ дней опять депеша баць: «Дѣло серьезное, поспѣшите!» Что такое? Сумлѣние стало брать, отецъ съ матерью перешлошались, выпрашиваютъ, не было ли чего, то да се, иначе, порѣшили: сиди! Ежели никакой вины твоей нѣтъ, лучше сиди да ти, какъ что окажется. Хорошо-съ. Сижу это я, да жду, а всякіи мысли черныя нѣтъ-нѣтъ, да и заскребуть на душѣ: а ну,

вдругъ, какъ что и въ самъ дѣлѣ неладное объявится? Да только съ чего бы, кажется? Никакихъ такихъ дѣловъ и въ поминѣ не было, развѣ вотъ что по Москвѣ въ безобразномъ видѣ лодырничали, думаю, такъ опять на это запрета нѣтъ, — валия, сколько влѣзеть. И жена, вижу, задумываться стала, тоже какъ бы не по себѣ ей, тревога да забота душу нудятъ. Что такое? Одначе, ничего, сижу. Хорошо - съ. Только разъ и приходитъ это къ намъ знакомый надзиратель Тюльпановъ, такъ, словно бы гостить зашелъ, честь-честью хлѣба-соли отвѣдать. Поставили на столъ мадерцы бутылочку, полынную тоже-съ, потому знали, что уважаетъ полынную, балычка осетроваго, икорки, селедочки, ну, и всего прочаго, какъ водится. Сѣлъ, ничего, отвѣдываетъ и виду не подаетъ, зачѣмъ пришелъ, еще и шутки съ женой зашутилъ. Такъ-съ. Потомъ распрощался, значить, — тятеньки на ту пору дома не было-съ, одна маменька да мы, — вышелъ въ переднюю и, гляжу, оттуда мнѣ рукой знаки подаетъ: выходи, молъ! Что такое, думаю? Вышелъ къ нему-съ, вижу, мнется и какъ бы не въ себѣ, даже глаза въ раскосъ пошли. «Въ чемъ дѣло будетъ-съ?» — спрашиваю, а онъ только головой качаетъ.

— А въ томъ, — говоритъ, — дѣло, что мнѣ Марью-то Петровну вашу въ острогъ везти нужно.

— Какъ въ острогъ? — спрашиваю. — Зачѣмъ? — и понять ничего не могу.

— А зачѣмъ, — говоритъ, — что предписаніе... Бумага пришла такая.

А я стою ровно бы каменный, вздохнуть не могу и въ толкъ ничего не возьму.

— Какая бумага? — спрашиваю и себѣ не вѣрю, я ли спрашиваю, или кто другой за меня.

— А такая бумага, — отвѣчаетъ, — чтобы съ первую партіей въ Москву къ допросу отправить. Такъ вотъ-съ, — говоритъ, — какъ по знакомству, значить, опять же люди почтенные, я и пришелъ самъ, замѣсто того, чтобы послать кого. Ужь помогите, — говоритъ, — какъ мужъ ихній, чтобы дѣло-то потише сладилось.

Стою это я и онъ стоитъ, глядимъ другъ на дружку, а сердце-то у меня: токъ да токъ. Въ ушахъ трезвонъ идетъ и слышу, какъ будто кровь закипать начинается. Стою, гляжу, а въ башкѣ-то у меня одинъ туманъ, ничего сообразить нельзя... Да вдругъ к-а-акъ вспылаю, ва-акъ бухну:

— Ахъ, ты, молъ, такъ и сякъ! Чтобъ я тебѣ жену въ острогъ

отдалъ? Очумѣлъ ты, что ли? За что въ острогъ, какія-такія провинности за ней знаешь? Говори, — кричу, — не то...

Видно ему, что человекъ, можно сказать, въ лютость входитъ, не въ себѣ состоитъ, и сталъ доставать бумагу свою.

— Успокойтесь, — говоритъ, — какъ я, значить, при своей должности, опять же и бумага налицо, — сами читайте.

Взялъ я бумагу, держу-сь, гляжу, да ничего видѣть не вижу. И руки ходять, и голова, и весь дрожу, ровно бы вотъ ознобомъ знобить.

— Не могу, — говорю, — самъ читай.

— Что мнѣ читать-то? — отвѣчаетъ. — Наизусть, можно сказать, знаю. Такъ и такъ, — говоритъ, — обвиняемую, молъ, въ воровствѣ у господъ Антроповыхъ немедленно арестовать и къ допросу предоставить... Ясно-сь?

Схватился я тутъ за волосы и самъ не знаю, я ли то, или не я, — про жену дѣло идетъ или про другую какую? Даже не знаю, на свѣтѣ я или нѣтъ. Стоялъ-стоялъ, глядѣлъ-глядѣлъ, да вдругъ ровно бы самъ не самъ повернулся, да и ну — къ женѣ. Какъ завидѣла она, каковъ я есть, такъ даже и затряслась вся.

— Что приключилось? — спрашиваетъ, и вижу я, что тоже сдохнуть не можетъ.

— А то приключилось, — говорю, — что тебя въ острогъ везутъ.

Стала она вся бѣлая, смотреть на меня глазами и только губы трясутся.

— Такъ и такъ, — говорю, — воровство у твоихъ господъ. Покайся мнѣ по правдѣ, былъ твой грѣхъ?

Стоитъ это она, стоитъ, смотреть и я на нее смотрю, — такъ, ровно бы два мертвеца супротивъ стоимъ, да вдругъ бацъ въ ноги.

— Павелъ Терентьевичъ, супругъ мой, — говоритъ, — какъ передъ Богомъ истиннымъ! Никогда не слыхивала даже, не то что... Неужто-жь, — плачетъ, — вы да меня за воровку почитаете? Неужто-жь я пошла бы за васъ, чтобы срамъ такой въ семью вашу внести? Побойтесь Бога, — говоритъ, — неповинна я!

Чуетъ мое сердце, что какъ бы и правду говоритъ она, — вѣрю ей, кажется, — жалость такъ и схватила за сердце, а ничего подѣлать не могу.

— Предписаніе, — говорю, — Маша, пришло... въ острогъ!

И самъ не знаю, какъ я это слово выговорилъ, такъ и брызнули слезы, сдержать не могъ. Кинулась она это ко мнѣ, сама же успокоиваетъ, ровно бы и не ей бѣда, да и говорить спокойно:

— Не боюсь ничего. Отъ тюрьмы да сумы, знать, никто не убѣжить, хотя и удивительно мнѣ, что за долгую службу мою да вдругъ напасть такая. Не убивайтесь, Павелъ Терентьичъ. Одно болитъ, что сраму на васъ навела ни за что, ни про что... А только неповинна я, вотъ увидите. Есть тутъ, знать, неладное чтой-то, да Господь укажетъ, кто виноватъ... Господь не попуститъ...

И пошла-съ...

Остановился купецъ и сталъ вытирать платкомъ потный лобъ, тяжело дыша. Руки его дрожали, углы губъ подергивались. Никто изъ насъ не проронилъ и слова, — всѣ мы сидѣли подавленные, неподвижные и только сочувственными, скорбными взглядами слѣдили за взволнованнымъ рассказчикомъ.

— И что сраму да горя пришло, — продолжалъ онъ среди царящей тишины, — такъ и не скажешь... Гдѣ ужъ! Тятенька свалились, маменька тоже въ хворостъ вошли, сами себѣ даже смерти просили-съ. Свѣтъ Божій опостылъ вотъ какъ, лежать да стонуть-съ. «Сынъ нашъ любезный, — плачутъ, — зачѣмъ напасть такая, за что на старости лѣтъ опорочены?» Опять же и сродственники разные да знакомые набѣжали, — полный домъ. И всѣ стонуть да охаютъ, только бередятъ нуще. «Не можетъ этого быть, чтобы зря вышло, — твердятъ, — ужъ что-нибудь безпремѣнно есть. Не даромъ, молъ, баринъ и письма писалъ, и депешъ присылалъ», — словно сороки стрекочутъ, можно сказать, и тѣмъ въ большее сумлѣние вводятъ, тятенька съ маменькой просто слезами исходятъ. По всему городу молву разнесли, всѣмъ завистникамъ нашимъ на радость, и такого припели, что и не вѣдаешь, откуда что взялось. И въ такую, можно сказать, лютость меня тоже ввели, что я словно звѣрь сталъ, озвѣрѣлъ, да и только, голова кругомъ пошла. И всему-то я вѣрить сталъ, что кто ни говоритъ... И обманщица, молъ, жена-то моя, и лукавая-де, и хитрая, — всему вѣрю. «Обошла она тебя за простотою твоею!» — только и слышу-съ. Все позабылъ, словно вотъ рукой сняло, — все, какъ допрежь того вѣрилъ ей да жалѣлъ. И любить-то, кажется, не люблю уже, — гдѣ тутъ, одна лютость, можно сказать. Вотъ и надумалъ я тутъ грѣшное дѣло, — перекрестился рассказчикъ, — задую ее, змѣю подколенную! Лежу это ночью, глазъ не сомну, да все только это одно надумываю въ лютоści своей.

— Хорошо-съ, — продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы. — Такъ-съ. Сорвался это я на разсвѣтѣ лютѣй звѣря всякаго, сорвался, да и побѣжалъ по начальникамъ разнымъ. Туда сунулся, сюда, тому кланяюсь, того прошу-съ, во что ни вошло, а добился-таки

своего. «Хорошо, — говорят, — завтра утромъ передь отправою самой будетъ вамъ свиданіе, къ смотрителю, молъ, на квартиру идите». Ладно. Вернулся это я домой только къ ночи, — такъ весь день-то и пробродилъ самъ не знаю гдѣ, не пимши и не ѳимши, — гляжу: дома-то еще хуже, содомъ, да и только. Докторъ да фельдшеръ надъ маменькой бьются, тятенька тоже стономъ стонуть-съ, а людей видимо-невидимо: и сродственники, и знакомые, и такъ люди разные, — всѣмъ поглядѣть охота, что и какъ. Ходютъ, бродютъ, причитаютъ, только жару поддаютъ, то одно прилетуть-съ, то другое. И еще ббольшая на меня отъ этого лютость нашла, не знаю ужъ какъ и дня-то дождался. Задушю, думаю, да и все-съ, тѣми самыми руками задушю, что голубили... Хорошо-съ. И только свѣтать стало, день пошелъ, я сейчасъ въ острогъ, къ смотрителю, переулками разными, чтобъ людей не встрѣчать. Прибѣжалъ, приняли-съ. «Раненько, — говорятъ, — а ничего, для васъ можно, не стоимъ-съ». Печалится это смотритель, соболѣзнуеть, чайкомъ потчуетъ: «Отвѣдайте-съ, — говоритъ, — нашего зелья китайскаго», — а я и глядѣть-то не могу, душа не принимаетъ, одна лютость въ нутрѣ засѣла, такъ и переливается по жиламъ отъ всего отъ этого. Глянулъ въ зеркало — лица нѣтъ, въ глазахъ одна кровь-съ. Хорошо-съ. Пошелъ это смотритель за ней, а меня ознобъ бьетъ, такъ сами руки на грѣхъ и тянутся... Чему быть, того не миновать, думаю, а задушю ее безпремѣнно, подлюю. Все равно, молъ, жисть-то моя пропащая теперь, пускай люди судять-съ. Сталь, стою, да какъ слышалъ шаги, затрясся весь, — такъ и кинусь сейчасъ звѣремъ. Ну, а какъ вошла она, какъ глянулъ я на нее, — бѣлая-пребѣлая, только глаза черные да большіе, опять же халать арестантскій, сѣрый, какъ завидѣлъ, такъ... такъ...

Тутъ голосъ купца дрогнулъ хриплыми, какъ бы дѣтскими тонами и оборвался. Базалось, богатырской груди не хватило воздуха. Кругомъ царил напряженная, кагая-то жгучая тишина и безмолвныя, неподвижныя лица слушателей, постепенно столпившихся вокругъ, замѣтно поблѣднѣли. У одного молодого парня, оявшаго сбоку, щеки горѣли, какъ вспыхнувшее пламя, судожно ходили ноздри, за то вѣки мигали какъ-то чисто по-дѣтски. о купецъ быстро справился съ волненіемъ и продолжалъ:

— Вѣрите, такъ сами собой и опустили руки. Ровно бы вотъ утромъ смело съ меня всю лютость мою, стою да словно младельць рыдаю. Только и всего-съ. И милѣй она мнѣ въ халатѣ-то оемъ во сто разъ стала, и жалчѣе, и вѣрю-то ей одной только...

Кинулась ко мнѣ на грудь, ласкается, жметса, и все только обо мнѣ хлопочеть, успокоиваетса, у самой ни слезинки, сухіе глаза и горять-сь... И гдѣ у ей такая сила взялась, чтобы безъ единой слезы-сь, безъ жалобы-сь, ровно бы вотъ и бѣды никакой нѣтъ-сь, — не знаю -сь. Ласкается и все свое твердить: «Супругъ мой желанный, — говорить, — успокойтесь, не убивайтесь такъ, себя пожалѣйте, а обо мнѣ не беспокойтесь, ничего мнѣ не станется, потому неповинная я и правда наверхъ всплыветъ!» Обнялъ ее и стоимъ мы съ ней ровно бы два голубя, — пара. И сталъ я тутъ ей каяться: задушить, молю, тебя, Маша, хотѣлъ, затѣмъ и пришелъ, говорю, а она ничего. «Задуши, — говорить, — твоя я и душой, и тѣломъ. Что хочешь, то и дѣлай со мной. Задуши, миленькій!»... Ну, я тутъ, — махнулъ купецъ рукой, — я тутъ совсѣмъ опамятовался, ожилъ-сь. Посадила ее къ себѣ на колѣни, ровно бы дитѣ, въ халатѣ ея сѣромъ, да и отпустить не могу. «Такъ и такъ, — кричить смотритель, — пора. Сейчасъ, молю, отправка», — а я и слышать не слышу.

Купецъ замолчалъ, хлебнулъ глотокъ, другой остывшаго чая, проговорилъ про себя: «Н-да-сь! Такъ вотъ какъ оно будетъ!» — погладилъ бороду, еще помолчалъ и затѣмъ, точно собравшись съ силами, продолжалъ:

— Ну, а какъ вышелъ-сь, гляжу — народу-то передъ острогомъ видимо-невидимо. Всякому, знать, лестно поглядѣть, какъ мужнюю жену, купчиху богатую, по городу проведутъ. Ну, да мнѣ въ тѣ поры уже все единственно было, потому почувствовался, объ ней одной и дума вся. Смотрите, молю, любезные, сколько угодно, а только милѣе мнѣ она прежняго и вѣрю я въ чистоту ея. Кланяются это мнѣ, шапки снимаютъ, — Павелъ Терентьичъ, да Павелъ Терентьичъ! — а мнѣ ужъ и въ глаза людямъ не срамъ глядѣть, — куда тебѣ! Поднялъ голову, да иду себѣ, ровно бы ничего и не было. Вотъ какъ она меня оживила-сь, даромъ что какъ былиночка супротивъ меня будетъ. Отъ вѣтру съ ногъ свалится, не выстоять, а душа, все-таки, у ней сильная, хоть бы и нашему брату въ пору. Ну, иду-сь это я, кликнулъ только малаго съ нашего двора, что тутъ промежь другихъ околачивался, приказалъ, что слѣдуетъ отцу, матери сказать, а самъ тоже на вокзалъ. Такъ и полетѣли въ одномъ поѣздѣ.

Хорошо-сь. Томить не буду, — ужъ какъ ѣхалъ, какъ душа намаялась, — что говорить? — не дай Господь никому. На другой день къ вечеру только прибылъ въ Москву, сейчасъ въ лѣжку, потому сколько ночей глазъ, можно сказать, не смыкалъ, оду-

рѣлъ совѣмъ, голова ходенемъ ходила. Выспался, а на утро, такъ-таки не пимши и не ѣмши, совѣмъ на тощакъ, и пошелъ прямо къ господамъ Антроповымъ. Гдѣ тутъ пить-ѣсть, — душа не принимаетъ, — такъ и кипить да скребетъ тебя на сердцѣ. Хорошо-сь. Прихожу это я, отворяю дверь, глядь — барышня — то какъ схватится... «Ахъ, господинъ Лимоновъ!» — говоритъ; да и шастъ въ другую комнату, потому какъ при неполномъ нарядѣ была по случаю утренняго времени.

— Извините-сь, — говорю, а тутъ и барыня. Глянула на меня, да сейчасъ глаза внизъ, а на самой и лица не стало, — такъ, ровно мѣломъ вымазана, и глядѣть не глядитъ.

— Вы, вѣроятно, къ мужу? — говоритъ.

— Такъ точно-сь, — отвѣчаю, — по тому случаю, что какъ жена въ острогѣ сидитъ.

— Развѣ она въ острогѣ? — перебиваетъ, да хватъ за край стола, ровно бы вотъ на ногахъ не стоитъ, а глаза большіе, какъ съ перепугу стали. — Не можетъ этого быть!

— Вѣрно-сь, — говорю, — ужъ и въ Москву доставили, только не знаю за что.

Схватила-сь тутъ она за сердце, еще больше, почитай, побѣлѣла, да вдругъ какъ замашетъ руками.

— Это къ мужу, — кричитъ, — къ мужу! Вы съ нимъ... господинъ Лимоновъ! Я тутъ не причемъ!... — и вижу, ровно бы слезы потекли. — Приходите черезъ часъ, онъ вернется... Уходите же, — кричитъ, — уходите теперъ!

Вышелъ-сь и ничего не понимаю. Хожу это, какъ шальной, по бульвару, взадъ да впередъ утюжу, — такъ, почитай, цѣлый часъ и проутожилъ. Подхожу опять къ гостиницѣ, спрашиваю швейцара: «Вернулся-ль господинъ Антроповъ?» Отвѣчаетъ: «Точно такъ, сейчасъ только прошли». Ну, слава Тебѣ, думаю-сь. Вхожу-сь. Сидитъ, газету читаетъ.

— А, здравствуйте! — говоритъ. — Приѣхали-сь? — а самъ красный, словно ракъ вареный сталъ, и въ глаза не глядитъ.

— Точно такъ-сь, — говорю, — приѣхалъ-сь, и жену въ острогѣ привезли.

Даже потемнѣлъ онъ совѣмъ, да и отвѣчаетъ:

— Сами виноваты, что она въ острогѣ. Я предупреждалъ-сь, отчего вы не приѣхали? Можно было все добромъ поконить, безъ этого...

— Да въ чемъ же дѣло-то будетъ, господинъ? — спрашиваю. — вѣтся, оченно довольны были завсегда, сами хвалили-сь.

— Такъ, такъ, — отвѣчаетъ, — самъ не ожидалъ... Всегда была хороша и вдругъ такое... Самъ пораженъ, однако, ничего не подблаетъ, всё улики налицо. У насъ пропали золото, брилліанты, драгоценныя вещи.

— Такъ-съ, — говорю. — За этакую долгую службу, опять же какъ она и денегъ своихъ зажитыхъ не взяла, — такъ за все это въ воровки произошла? Очень благодарны, — говорю. — Только по какому случаю, позвольте спросить?

— Не волнуйтесь, — отвѣчаетъ, — успокойтесь!... Сами посудите, господинъ Лимоновъ... Хватились мы нашихъ вещей, которыя всегда въ отдѣльной шкатулкѣ на запорѣ были, а ихъ и слѣда нѣтъ. Бинулись туда-сюда, то да другое въ ссудной кассѣ... Кто браслетъ заложилъ? — она, оказывается; кто серьги? — она же, — всё примѣты ея.

Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ, даже опалѣлъ отъ радости.

— Пойдите-съ, господинъ, — говорю, — вотъ она правда-то и сказывается... Браслетъ и серьги, это точно — она, самъ знаю, при мнѣ и дѣло-то было. Когда вмѣстѣ ѣздили въ пассажи приданое покупать, по дорогѣ и заложили, потому Аркадій Аркадьевичъ, вашъ собственный сынъ, — говорю, — очень просилъ и самъ ихъ далъ ей. «Нужно, — просилъ, — до зарѣзу нужно заложить», и квитанцію ему отдали... Вотъ какъ было дѣло-то, за которое въ острогѣ теперь...

Да онъ и договорить не далъ. Какъ схватится съ мѣста, какъ заоретъ:

— А, и ты, значить, съ нею за одно? Оба, парочкой! Моего сына, — кричитъ, — путаешь, потому что его въ Москвѣ теперь нѣтъ, что онъ за тридевять земель уѣхалъ? Вотъ какой гусь! Что-жь, — кричитъ, — думаешь, это вамъ на пользу будетъ? Какъ же, — кричитъ, — да она, твоя жена, въ острогѣ сгниетъ, пока искать да допрашивать Аркадія будутъ! Я и самъ, — говоритъ, — не знаю пока, гдѣ онъ теперь. Лучше ужъ покоритесь да добромъ кончайте, — жалко вѣдь мнѣ ее, все-таки, жалко... Кончайте добромъ лучше.

— Какъ, то-ись? — спрашиваю.

— А такъ, — говоритъ, — заплатите, что стоятъ вещи, — пять тысячъ. Вы человекъ богатый, вамъ это ничего. Жалко, вѣдь, мнѣ морить Машу въ острогѣ. Еслибъ оказалось, что вы правы, хотя, — говоритъ, — я этому и не вѣрю, потому что Аркадій предупредилъ бы насъ непременно, если бы оказалось, что вы правы, я вамъ возвращу... Я могу сейчасъ же заявить, что все

это недоразумѣніе одно или что Аркадій прислалъ письмо, въ которомъ подтверждаетъ ваши слова.

Говорить это онъ, говорить, да тутъ вдругъ и случилось диво. Растворилась дверь и выбѣгаетъ изъ нея барышня, а за ней барыня. На барышнѣ-то, Софьѣ Аркадьевнѣ, и лица нѣтъ, только глаза отъ слезъ красные.

— Папенька! — плачетъ, — что вы это дѣлаете? Побойтесь совѣсти! Если у мамыши, — говорить, — духу не хватаетъ супротивъ васъ пойти, такъ я пойду. Будь, что будетъ, — плачетъ, — а только такой низости нельзя допустить, я не могу. Бѣдная Маша — честная женщина, неповинная... всѣ мы знаемъ, что Аркадій самъ поручалъ ей закладывать. Мы разорены, ну, что-жь? Я давно прошу васъ, пустите меня въ учительницы... Я буду зарабатывать трудомъ.

Стою это я, слушаю, себѣ, можно сказать, не вѣрю, опалѣлъ даже совѣмъ, а баринъ тутъ какъ поднимется, бѣлый-пребѣлый, ровно мертвецъ, какъ закричить:

— Вонъ, негодница! — кричить. — Лгунья ты, врешь, и не дочь теперь мнѣ!... Вонъ! — да и замахнулся рукой, но тутъ барыня перехватила и отвела руку.

— За что, — спрашиваетъ, плачучи, — за что? Вѣдь, Соня правду говоритъ. Я сама ей все рассказала... А вы, господинъ Лимоновъ, — говорить мнѣ, — простите насъ, — у Машеньки я сама выпрошу прощеніе. Господи! — плачетъ, — Господи! до чего мы дожили! Но Машу сейчасъ освободятъ, мужъ скажетъ, что все это ошибка, — правда, ты пойдешь, скажешь сейчасъ?

Закрылъ тутъ баринъ лицо руками, застоналъ, да и хлопъ на диванъ. Кинулась къ нему барышня, за ней барыня, и всѣ въ слезы. Такое тутъ пошло, что и теперь вспомнить жутко. «Что съ вами, миленькій?» — кричатъ, а онъ только свое: «Дѣти, — говорить, — мои бѣдныя дѣти!» Ну, а барышня ласкается къ нему, да все тоже свое: «Ничего мнѣ, миленькій папенька, молъ, не нужно, только работать пустите. Для васъ буду работать, — плачетъ, — и для васъ, и для мамы...» Эхъ, да чего, — ужъ на что, кажется, ожесточился, а и то жалко стало... Право - съ! Ну, да что тянуть? — продолжалъ сильно взволнованный, какъ и всѣ мы, слушатели, рассказчикъ. — Къ вечеру того же дня полетѣлъ я въ острогъ жену выручать, ужъ и бумагу изготовили. Можно сказать, и ногъ подъ собой не слышу отъ радости, — вотъ, думаю, сейчасъ свидимся, развеселье пойдетъ, анъ Господь не то судилъ. «Больна - съ, — говорятъ, — въ больничномъ отдѣ-

леніи». — «Какъ, больна?» — спрашиваю, не вѣрю даже. — «Такъ и такъ, — говорятъ, — острое воспаленіе въ легкихъ». Господи Ты Боже мой! Такъ и помутилось у меня въ головѣ, свѣту не вижу, иначе спрашиваю: «Везти можно?» — «Везите, — говорятъ, — все-таки, лучше, молъ, чѣмъ здѣсь-то. На квартиру везите, али въ гостиницу». Хорошо - съ. Привели это ее подъ руки, еле-еле идетъ, а радуется, на меня глядитъ, улыбается, а губы - то бѣлыя стали, сухія, и на глазахъ слеза. Даже, можно сказать, огонь-съ во мнѣ пошелъ, какъ завидѣлъ, а потомъ ровно бы въ прорубь окунулся, — охолодѣлъ-съ и слова сказать не могу, только стою да гляжу на нее. Такъ за душу схватило, — вѣрите слову, — сдохнуть не могу. А она ничего - съ... Бѣжить это у ней слеза, улыбается, да и говорить, еле-еле слышно за хрипотой:

— Сказывала вамъ, супругъ мой, — говорить, — что виновна.

Ну, тутъ я... тутъ я, можно сказать...

Но купецъ не договорилъ: все болѣе и болѣе дрожавшій голосъ его вдругъ оборвался. Изъ подымавшейся груди выходили только робкіе, хриплые, волнующіеся звуки, точно горло сжимала судорога. Лицо его поблѣднѣло, губы дрожали. Мы всѣ были, кажется, тоже не лучше. Наконецъ, онъ справился съ собою и снова поднялъ голову.

— Сколько докторовъ созвалъ, — первѣющихъ, можно сказать, во всемъ городѣ-съ, — а ничего подѣлать не могли, шабашъ! Видать, Богъ не судилъ. Что ни дѣлали, чего-чего ни придумывали, какія, можно сказать, мушки и лѣкарства, а все ничего-съ: хуже да хуже. Ужь такъ мучили, такъ мучили, можно сказать, а она все покоряется, — то въ забытьи-съ, то на меня глядитъ, да за руку держитъ, не отпускаетъ. Барыня и барышня пріѣзжали, плакали, прощенья просили-съ и она съ ими въ слезы тоже, такъ что доктора осерчали и пускать не велѣли, — покой, говорятъ, нуженъ. И что бы вы думали? Жалко ей, да и все-съ, пожалѣла ихъ. «Бѣдные они, — говорить, — Господь имъ прости, а жалко мнѣ ихъ, хоть и въ бѣду ввели». — «Что ты? — говорю. — Я бы на нихъ, такихъ-сякихъ, и жалобу подалъ бы уже, кабы не болѣзнь твоя, я бы, — говорю, да она и договорить не дастъ, — все свое-съ: «Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ, — бѣдные они, прости ихъ, Павелъ Терентьичъ, жалко!» — Ужь такое сердце отходчивое Господь ей далъ, зла ни на комъ не помнила-съ. И что еще придумала, послушайте... Лежитъ это она, то забудется, то въ себя придетъ и долго такъ на меня смотритъ,

точно подумываетъ что. «Что тебѣ, Машенька?» — спрошу. — «Ничего, ничего, миленькій!» — отвѣтитъ и снова закроетъ глаза. Только разъ, какъ я думалъ, что заснула-сь и прочь отошелъ, открываетъ это она глаза, смотритъ, долго смотритъ, да вдругъ и подзываетъ:

— Любите вы меня, Павелъ Терентьичъ? — спрашиваетъ черезъ силу, потому что очень ужъ хуже стало. — Любите?

— Больше свѣта бѣлаго, Машенька, — отвѣчаю. — И жизни рѣшиться готовъ.

Улыбается, гляжу, и сейчасъ руку беретъ.

— А сдѣлаете, — спрашиваетъ, — что попрошу?

— Все сдѣлаю-сь, — отвѣчаю, — только бы ты жива и здорова была... Что хочешь!

— Спасибо, — говоритъ, — миленькій... Въ жизни одинъ Господь воленъ, какъ Его воля будетъ... Сама хочу жить, потому люблю васъ, а только, какъ Господь... Такъ сдѣлаете? — спрашиваетъ.

— Сдѣлаю, говори.

— Подарите мнѣ пять тысячъ! — проситъ. — Подарите, миленькій!

— Подарю, — отвѣчаю, — только зачѣмъ-сь? — удивляюсь, потому никогда денегъ не просила. — Много денегъ, а подарю-сь... Вотъ крестъ святой!

— Ну, спасибо, миленькій! — отвѣчаетъ и руку цѣлуетъ. — Спасибо! Вамъ Господь зачтетъ! Отнесите-жь ихъ сейчасъ, — говоритъ, — господамъ Антроповымъ...

— Какъ? — говорю, и себѣ вѣрить не вѣрю. — Чтобы врагамъ, значить, нашимъ? Что ты, Машенька, Богъ съ тобой!

А та все свое, цѣлуетъ руку и молитъ:

— Несите, миленькій, несите... Жалко ихъ, простите, — говоритъ. — Душѣ моей легче будетъ, когда отнесете, въ облегченіе... Потому барыню съ барышней жалко очень, пойдутъ съ молотка онѣ, — и заплакала-сь.

Ну, и что-жь? — оборвалъ вдругъ купецъ, — отнесъ. Взялъ шапку, пошелъ въ банкъ, да и понесъ, для ради святой души ея понесъ, упокой ее Господи! Прямо барыни при старикѣ и Софьѣ Аркадьевнѣ въ руки отдалъ-сь. «Возьмите, молъ, отъ Машеньки на память въ презентъ!» — да и былъ таковъ. Бинулась это она ко мнѣ, за рукавъ схватила, всѣ такъ и заголосили разомъ, барыня говоритъ: «Въ ножки ей, — говоритъ, — святой душѣ, похиюсь!» Ну, да я и слушать не сталъ, убѣгъ... А какъ вер-ся домой, гляжу, на Машеньку мою ровно просіаніе нашло: и

дышетъ вольнѣй, и глядитъ лучше, словно бы полегчало сразу. Взяла мою руку, глядитъ, такъ глазъ и не спускаетъ, да все свое: «Миленькій вы, — говоритъ, — желанный мой! Добрая у васъ душа, — говоритъ, — и люблю я васъ!»

Ну, да не долго то облегченіе шло: на другой же день на прежнее скрутило. Сильно маялась, упокой ее Господи! Ужь такъ мучилась... такъ, можно сказать... потому все въ забытьи, и слова не скажетъ-сь... Такъ и душу Господу отдала безъ слова единого.

Бупецъ перекрестился и долго молчалъ; молчали и мы. Баккой-то слушатель съ ближайшей койки глубоко вздохнулъ, проговорилъ надтреснутымъ голосомъ: «Да, бываетъ-сь!» — и снова наступило молчаніе. Одинъ изъ насъ, однако, спохватился и спросилъ:

— А Антроповы что же? Встрѣчались еще?

— Долго не видалъ-сь, — отвѣтилъ бупецъ, — и слѣдъ потерялъ-сь. Только вотъ въ прошломъ годѣ повстрѣчались... Одна заходитъ къ намъ барышня какая-то, гляжу — Софья Аркадьевна. «Такъ и такъ, — говоритъ, — пришла и деньги вамъ принесла». Очень я удивился.

— Какія деньги? — спрашиваю.

— А пять тысячъ, — говоритъ, — покойницы Машеньки. Отецъ давно умеръ, а мамаша при мнѣ-сь, какъ я давно уже сельская учительница. Продали мы все, что на нашу часть пришлось, чтобы съ долгами покончить; ну, и вамъ вотъ принесли... Спасибо вамъ, получите-сь!

Еще пуще удивился я.

— Не мои-сь это деньги, а покойницы, — отвѣчаю.

— И не мои, — говоритъ Софья Аркадьевна. — Буда хотите... — даже зарумянилась, — гордая она.

Такъ и порѣшили мы тутъ эти самыя деньги на школу отдать-сь, — пусть, молъ, дѣти учатся, авось хоть имъ-то легче нашего жить будетъ... А душа покойницы порадуется тоже.

— Да, — закончилъ онъ, — Софья Аркадьевна не въ папеньку-сь... Бываетъ-сь!

Григорій Мачетъ.

ГОЛУБОЙ ИБИСЬ.

Р о м а н ъ Ж а н а Э к а р а .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Парижѣ грязь и холодъ. Г. Денисъ Марканъ, директоръ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, только что усѣлся въ купѣ курьерскаго поѣзда между выздоравливающею молодою женой, которой доктора предписали какъ можно скорѣе уѣхать на югъ, и своимъ сыномъ, маленькимъ Жоржемъ, семилѣтнимъ здоровымъ, но тоненькимъ и худенькимъ ребенкомъ. Поставивши ноги на теплую грѣлку и не обращая ни на что вниманія, Марканъ тотчасъ же открылъ объемистый портфель, вынулъ изъ него кипу дѣлъ, вооружился длиннымъ четырехграннымъ карандашомъ и принялся ставить на поляхъ листовъ маленькіе значки, то красные, то синіе.

Начальникъ станціи подошелъ къ дверцѣ купѣ.

— Хорошо ли устроились, дорогой мой?

— Благодарю, превосходно.

— Сдѣлали заказъ въ вагонѣ-ресторанѣ?

— Да, конечно. Мы въ той очереди, что входитъ въ Ларошѣ.

— У васъ, сударыня, есть подушки?

— Съ нами свои... одна, двѣ, три...—отвѣтилъ красивый, немного слабый голосъ мадамъ Марканъ.

Она указала на щеголеватыя шелковыя подушки, собственно-дучно сшитыя ею и взятыя на дорогу.

— А мнѣ хоть бы ихъ и не было,—сказалъ Марканъ.

— Неужели вы совсѣмъ не спите до самой Марсели?

Директоръ департамента усмѣхнулся нѣсколько презрительною лыбкой атлета, способнаго носить сотню кило горизонтально вынутаю рукой, и приподнялъ солидный портфель, лежавшій на его колѣняхъ.

— У меня въ дорожномъ мѣшкѣ есть отличный вагонный фонарь,—сказалъ Марканъ,—это очень удобно.

— И очень весело, должно быть, дорогой мой... Вы на югъ-то ѣдете, чтобъ этимъ заниматься?

— Ну, я ради жены ѣду. Устрою ее тамъ и вернусь въ концѣ недѣли.

— Добрый путь, до свиданія.

— До свиданія.

Мадамъ Марканъ наклонила голову легкимъ и граціознымъ движеніемъ великосвѣтской женщины, какъ то рѣшилъ про себя начальникъ парижской станціи ліонской дороги,—человѣкъ, знавшій изъ всѣхъ французовъ наибольшее число свѣтскихъ дамъ... такъ какъ извѣстны онѣ ему со всего свѣта.

— Жоржъ, осторожнѣе!

Маленькій Жоржъ нетерпѣливо высовывался изъ огня, чтобы посмотрѣть, какъ «пойдетъ» поѣздъ.

— Сейчасъ тронется, мама!

Марканъ принялся опять за свои бумаги, совершенно механически, въ желтоватомъ, уныломъ полусумракѣ вагона, стоящаго подъ стеклянною крышей станціи. Самая атмосфера этого тѣснаго купе, насыщенная угольною копотью, запахомъ врывающихся снаружи сырыхъ испареній, проникающихъ въ ковры и обивку скамеекъ, смѣсью всевозможныхъ ароматовъ, сохранившихся отъ пассажировъ вчерашняго и третьяго дня,—совѣмъ особливая, специальная и довольно противная атмосфера неприятно туманила головы. Здѣсь уже ясно сказывалась парижская промышленная окраина съ ея закопѣлыми, неряшливо содержимыми фабриками, съ почернѣвшими и все загрязняющими заводами. И въ душѣ каждаго пассажира все сильнѣе становилось желаніе скорѣе двинуться въ путь, быстрымъ бѣгомъ поѣзда освѣжить воздухъ черезъ открытыя окна, скорѣе удалиться отъ *теперешняго* и мчаться туда, куда влекутъ желанія, надежды и горе, нестись къ неизвѣстному, каково бы оно ни было. лишь бы то было въ иномъ мѣстѣ.

Марканъ ничего не видалъ, кромѣ своихъ дѣловыхъ бумагъ, и быстрымъ движеніемъ пестрилъ красными и синими помѣтками большіе листы съ напечатанными на нихъ заголовками: *Префектура Вара. Предметъ: Превращеніе въ самостоятельную общину отдѣла Праде общины Ла-Гардъ. — Община Z: О неправильномъ прилпненіи въ общинѣ Z исполнителя основательнаго постановленія относительно собакъ... Жалоба группы плательщиковъ налога...*

Мадамъ Марканъ выдвинулась изъ своего угла и тревожною рукой держала маленькаго Жоржа за поясъ. Мальчикъ былъ одѣтъ въ черный бархатный костюмъ, въ курточку съ большимъ отглаженнымъ воротникомъ и въ короткія панталоны, все скроенное и шитое его матерью и необыкновенно изящное, благодаря стройности и врожденной граціозности ребенка.

Онъ былъ похожъ на мать.

Жоржъ захопалъ руками и запрыгалъ на мѣстѣ:

— Мама, поѣхали, поѣхали!

Онъ рѣдко говорилъ «папа». Суета мальчика потревожила Маркана въ его почтенномъ занятіи. Онъ, машинально, заворчалъ. Задѣтый Жоржемъ длинный карандашъ прочертилъ на бумагѣ совсѣмъ не бюрократическій зигзагъ.

— Осторожнѣе, Жоржъ, ты мѣшаешь!—и, обращаясь къ женѣ, Марканъ добавилъ: — Надѣюсь, онъ не будетъ надоедать мнѣ во всю дорогу... Мнѣ работать надо... займись ты имъ!

Ребенокъ посмотрѣлъ на отца взглядомъ доброй собаки, которую гоняютъ прочь, а она какъ будто пытается опредѣлить непроходимое разстояніе, отдѣляющее ее отъ того, что ей дорого. Марканъ безгранично любилъ сына такъ же, какъ обожалъ жену, и глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что, работая для нихъ съ утра до вечера, а иногда—съ вечера до утра, держа въ исправности свои канцелярскія дѣла, онъ исполняетъ по совѣсти все, что отъ него требуется.

Впечатлительная натура ребенка не безъ страданія мирилась съ такою дѣловою точкой зрѣнія. Онъ испытывалъ болѣе, чѣмъ горе,—настоящее отчаяніе отъ того, что отецъ недостаточно часто ласкалъ его и нерѣдко удалялъ отъ себя по соображеніямъ, не доступнымъ его дѣтскому пониманію и, быть можетъ, не подходящимъ къ его характеру. Первое недоразумѣніе между отцомъ и маленькимъ Жоржемъ возникло уже два года назадъ.

Директоръ департамента завтракалъ обыкновенно одинъ у себя въ кабинетѣ въ десять часовъ утра и тотчасъ же мчался въ свое министерство. Жена и сынъ завтракали два часа спустя. Таковъ былъ разъ навсегда установленный порядокъ, и ничто въ мірѣ не могло заставить аккуратнаго чиновника нарушить положеніе. Къ самымъ простымъ вопросамъ повседневной домашней жизни онъ носился такъ же дѣловито, какъ къ «государственнымъ» вопросамъ, и его синій или красный карандашъ, одобреніе или неодобреніе, налагали на все нравственно нестираемую резолюцію. Такой точности, строгой методичности, своей несокрушимой энергичности, Денисъ Марканъ, сынъ и наслѣдникъ зажиточнаго книгопродав-

да въ Маконѣ, былъ обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ по службѣ. Никакой протекціи никогда у него не было, кромѣ симпатій, приобретенныхъ честнымъ трудомъ. Въ обсужденіе всякаго дѣла и въ его разрѣшеніе онъ вносилъ своеобразную торжественность «государственнаго человѣка». Вообще, онъ былъ тяжеленекъ, лишень мягкости и нѣжности, какъ умственно, такъ и физически, за то внушалъ полное уваженіе всѣмъ окружающимъ.

И такъ, два года назадъ Марканъ завтракалъ въ десять часовъ утра съ жесточайшимъ аппетитомъ, проработавши передъ тѣмъ всю ночь.

— Если угодно, — сказала служанка, видя, какъ свирѣпо онъ принимается за вторую котлету, — если угодно, я подамъ еще.

— Благодарю, ждать пришлось бы...

Наливая вина въ стаканъ, онъ замѣтилъ, что его Жоржъ, самъ-то не выше стола, смотритъ ему въ глаза съ видомъ выжидающей комнатной собачки-лакомки. Марканъ взялся опять за вилку, а ребенокъ, склонивши головку на бокъ, внимательнымъ взглядомъ слѣдилъ за каждымъ кускомъ, отправляемымъ съ тарелки въ ротъ голоднаго хозяина. Жоржъ очень любилъ «поджаренныя корочки» котлетъ. Его мама, какъ бы ни торопилась она, какъ бы ни была голодна, непременно удѣлила бы ему кусочекъ величиною хоть съ горошину, и Жоржъ былъ бы счастливѣйшимъ изъ маленькихъ лакомокъ. Проголодавшійся директоръ департамента, занятый и спѣшащій, поздно обратилъ вниманіе на выраженіе лица ребенка, на движеніе его глазъ, слѣдящихъ за исчезающими кусками.

— Видишь ли, мальченокъ, — проговорилъ отецъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, — мнѣ надо хорошенько поѣсть потому, что мнѣ необходимо работать, а работать мнѣ необходимо для того, чтобы были сыты ты и твоя мама. Она дастъ тебѣ завтракать въ свое время. А теперь мнѣ нужна вся моя котлетка цѣликомъ.

И послѣдній кусокъ, на который заглядывался ребенокъ, былъ проглоченъ честнымъ труженикомъ. Отъ него ждали нѣжности, — онъ далъ урокъ. И достойный Марканъ остался даже очень доволенъ тѣмъ, что столъ прекрасно началъ воспитаніе своего сына: «Начинать слѣдуетъ съ самаго ранняго возраста, чтобы изъ нихъ вышло что-нибудь путное».

Увы, маленькое сердечко бѣднаго мальчика отъ такой разумной рѣчи горько, горько забилось... потомъ захлопали его вѣки. Когда же тяжеловѣсныя ноги отца и полы его неизмѣннаго, слишкомъ длиннаго сюртука исчезли за дверью, Жоржъ бросился въ комнату

своей мамы, чтобы скрыть залитое слезами лицо въ складкахъ ея милаго платья.

— Что съ тобой, мой мальчикъ?

Почему же ребенокъ не хотѣлъ отвѣтить? Вечеромъ, на вопросъ жены, отецъ объяснилъ, въ чемъ было дѣло.

— Ты правъ былъ, конечно, — сказала мать, — но какъ же ты хочешь, чтобы понялъ ребенокъ? Въ такихъ случаяхъ лучше было бы исполнить его желаніе, — это такъ легко. Ты знаешь, онъ впечатлительнень, какъ дѣвочка. Теперь я понимаю, почему онъ не хотѣлъ ѣсть котлеты за завтракомъ. Онъ все еще не могъ утѣшиться послѣ той исторіи, не могъ кушать... куски становились поперегъ горла.

— Ну, тоже хороша и такая впечатлительность! — ворчалъ добродушный Марканъ.

А въ то время, когда говорилось: «Какъ же ты хочешь, чтобы понялъ ребенокъ?» — мальчикъ отлично понималъ сущность дѣла. Забывшись, онъ не снималъ локтя со стола, держалъ вилку у рта, не шевелился, весь обратился въ слухъ и разбирался маленькимъ умикомъ въ своей жизни, а смыслъ ея, горькій и сладкій, пробирался въ его сердечко. «Мама за меня вступается. Она меня больше любить. А папа самъ не понимаетъ... Я же очень хорошо понимаю».

— Говядину кушай, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ!

Мальчикъ соскочилъ со стула и подбѣжалъ къ своей мамѣ. Она осыпала его страстными поцѣлуями.

— А меня не поцѣлуешь? — проговорилъ Марканъ, смѣясь. Онъ не разобралъ, какая страшная драма только что разыгралась въ душѣ ребенка, оставила въ ней слѣдъ на всю жизнь, что-то въ ней измѣнила, исковеркала, — тоже на всю жизнь, быть можетъ.

Жоржъ подошелъ къ отцу и далъ себя обнять. И между отцомъ и этимъ семилѣтнимъ сыномъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ лежала та драма, забытая мужчиной и занимающая все еще очень большое мѣсто въ сердцѣ ребенка.

II.

Мадамъ Марканъ притягивала къ себѣ Жоржа, чтобы удалить о отъ драгоценныхъ бумагъ директора департамента въ то время, какъ поѣздъ, мѣрно погромыживая на стрѣлкахъ, выходилъ изъ станціонныхъ построекъ.

Молодая женщина вздохнула. Она посадила ребенка къ себѣ на лѣвни и оба, мать и сынъ, стали смотрѣть на унылое небо Парн-

жа, грязнаго отъ таящаго въ воздухѣ снѣга. О чемъ вздыхала мадамъ Марканъ? Романтичной она никогда не была. Женщина простая, добрая, честная, нѣжная, она, — что встрѣчается весьма рѣдко, — отъ природы надѣлена была умомъ прямымъ, спокойно и ясно смотрѣла на жизнь, точно умѣла опредѣлить то, что она въ состояніи дать своей семьѣ и что отъ нея вправѣ требовать.

Какого мнѣнія была она о своемъ мужѣ? Да совершенно такого же, какова былъ, въ сущности, о себѣ и самъ этотъ достойный чиновникъ. Она высоко цѣнила его терпѣніе, его регулярную и полезную дѣятельность, его аккуратность и неослабную энергію, всѣ его семейныя и общественныя добродѣтели. Она отлично видѣла, что у него коротка шея, коротки ноги и коротки пальцы, и это ничуть не мѣшало ей любить мужа. Она привязалась къ нему за его несомнѣнныя достоинства и, разъ побѣжденная ими, перестала обращать вниманіе на его недостатки. Она сознавала, конечно, что и умъ его, — весьма выдающійся, впрочемъ, — былъ нѣсколько коротонекъ, какъ его шея и пальцы, или, вѣрнѣе, не коротокъ, а приземистъ, лишень изящества, какъ и вся его особа. На самомъ дѣлѣ его обширный умъ могъ захватывать большія пространства на твердой почвѣ и былъ менѣе способенъ возноситься въ свободныя высоты. Но жена знала, что ея мужъ добръ по-настоящему, по-солидному, и что, въ особенности, всѣ намѣренія его неизмѣнно добрыя, что онъ силою своего нравственнаго чувства способенъ подняться до величайшаго самоотверженія. Однимъ словомъ, считая его во многихъ отношеніяхъ выдающимся человѣкомъ, она разъ навсегда примирилась съ тѣмъ, что не таковъ онъ во всемъ остальномъ.

Оставшись сиротой послѣ офицера моряка, умершаго въ колоніяхъ, она маленькою дѣвочкой жила при матери на ея родинѣ, въ Магонѣ. Вдова существовала съ дочерью на небольшую пенсію, съ трудомъ выхлопотанную, такъ какъ мужъ умеръ, не дослуживши нѣсколькихъ мѣсяцевъ до установленнаго закономъ срока.

По мѣрѣ того, какъ ускорялся ходъ поѣзда и въ сырость туманѣ исчезали очертанія Парижа, кроткой мадамъ Марканъ все болѣе и болѣе казалось, будто она уносится въ тѣ края, гдѣ протекло ея дѣтство, возвращается къ воспоминаніямъ о былыхъ временахъ.

Марканъ все еще чертилъ карандашомъ свои значки. Маленькій Жоржъ, не отрывая глазъ отъ окна, привалился къ груди матери... А передъ нею проносилась пологимъ скатомъ улица Макона, ведущая къ рѣкѣ, въ ушахъ отдавался своеобразный зимній шумъ провинціального города, почти не знающаго ѣзды въ экипажахъ, —

неумолкаемый топотъ деревянныхъ калошъ по звонкимъ камнямъ мостовой. Возбужденная отъѣздомъ, молодая женщина какъ бы забылась, чтобы живѣе припомнить. Вотъ образъ ея матери: съ дые волосы гладкими, спокойными волнами лежать на ея лбу. Милая женщина сидитъ за работой, за какою-нибудь вышивкой, что даетъ нѣкоторый прибавокъ къ ихъ скромнымъ средствамъ. Тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ идеямъ мужа-моряка, немного презиравшаго всякаго торговца-лавочника, она отказалась отъ покупки наиболѣе посѣщаемого въ городѣ магазина письменныхъ принадлежностей, приобрести который ей совѣтовалъ книгопродавецъ Марканъ. Мадамъ Лефренъ мечтаетъ выдать дочь Элизу замужъ, не за моряка, который обязанъ черезъ каждые два года покидать жену на такой же срокъ, и не за армейскаго офицера, — избави Богъ отъ такого ужаса, — а за врача или за адвоката... который можетъ со временемъ сдѣлаться министромъ.

Маленькая Элиза подростаетъ, кроткая, хорошо воспитанная матерью, обучающею дочь всему, что сама знаетъ, то-есть довольно многому, и, между прочимъ, англійскому языку и умѣнью готовить кушанья. Маленькой Элизѣ шестнадцать лѣтъ. Сыну книгопродавца двадцать. Онъ проходитъ курсъ юридическихъ наукъ въ Парижѣ, блистательно сдавши лицейскіе экзамены въ Маконѣ. Весь городъ говорилъ объ его успѣхахъ. Изъ молодого человѣка выйдетъ замѣчательный адвокатъ. Повидимому, юноша Денисъ Марканъ ведетъ себя прекрасно въ Парижѣ, — таковы общіе отзывы о немъ. Элиза и Денисъ знали другъ друга дѣтьми. Иногда по воскресеньямъ, весною и лѣтомъ, они вмѣстѣ гуляли по берегамъ Саоны. Въ первый свой пріѣздъ изъ Парижа Денисъ предложилъ отправиться цѣлою компаніей въ Монсо, помѣстье Ламартина.

— Какъ это странно, — говорилъ онъ дорогой, — никто изъ нашего общества никогда не бывалъ въ Монсо... Ни даже вы?

Вопросъ былъ обращенъ къ мадамъ Лефренъ, повлонницѣ литературы. Но она держалась одного правила: «Писатели, самые краснорѣчивые въ мірѣ, то же, что священники, которыхъ слѣдуетъ видать только во время богослуженія и исповѣди. Писателей, — продолжала она, — надо видѣть лишь въ ихъ книгахъ. А помимо своихъ произведеній они обыкновенные люди, иногда болѣе плохіе, чѣмъ друге». Она не пускалась въ дальнѣйшія объясненія, и всѣ соглашались съ нею. Ханжей она не была и любила Ламартина, какъ въ времена, когда еще всѣ его любили.

Пріѣхавши въ Монсо, они пожелали осмотрѣть замокъ.

— Ничего тутъ нѣтъ необыкновеннаго, — твердили всѣ наперерывъ.

Въ гостиной, однако, гдѣ все оставалось въ прежнемъ видѣ, — старинныя кресла съ выцвѣтшею обивкой, старинный столъ, обои на стѣнахъ, — на всемъ лежала печать гордаго благородства и простоты, чуждой какой-либо вычурности.

Въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ парка Денисъ сталъ читать вслухъ стихи изъ второго тома *Meditations*, который онъ захватилъ съ собой. Голосъ у Дениса былъ красивый. Въ Парижѣ, заходя въ кофейную, что случалось рѣдко, Денесъ Марканъ встрѣчался иногда съ поэтами, изъ молодыхъ, презрительно относившихся къ Ламартину и читавшихъ другъ другу цѣлыми вечерами свои собственные произведенія. Денисъ невольно подражалъ ихъ интонаціи, и для неслыхавшихъ лучшаго чтенія онъ «декламировалъ» хорошо. Ему было двадцать лѣтъ, а въ эти юные годы и неловкости милы; онъ еще не успѣлъ выработать свою, немного рѣзкую, теорію обязанностей. Взглядъ его прекрасныхъ глазъ сверкалъ умомъ, весна своимъ блескомъ усиливала его юношескую привлекательность... Маленькая Элиза смотрѣла на него... Онъ очень удачно выбралъ первое стихотвореніе въ книгѣ потому, что послѣдній стихъ начинается именемъ дѣвушки. Денисъ рассчитывалъ на «эффектъ».

«... Sous ce ciel où la vie, où le bonheur abonde,
Sur ces rives que l'oeil se plaît à parcourir,
Nous avons respiré ces air d'un autre monde,
Élise!...»

И дѣвушкѣ казалось, будто онъ къ ней обращается, ей говорить это, такъ какъ ее называетъ по имени. И на чтеца она переносила все очарованіе, возбуждаемое словами поэта. Денисъ Марканъ говорилъ о любви. Онъ и вдохновленъ ею! Нѣтъ, мало это: онъ самъ любовь! Ничего подобнаго Элиза никогда не слыхала...

«Élise!... et cependant on dit qu'il faut mourir!» *).

Она даже не слыхала конца стиха. При имени «Элиза», на которомъ чтець искусно приостановился, ея юное самолюбіе сладко заликовало. Ей показалось, будто у нея въ груди, въ самой глубинѣ ея сердечка, что-то трепещетъ, какъ пойманная и зажатая въ

*) „Подъ этимъ небомъ, гдѣ жизнь кипитъ и счастье бьетъ ключомъ, на этихъ берегахъ, прѣятельныхъ для глазъ, гдѣ мы вдыхали вѣныхъ міровъ воздушную волну, Элиза!... А насъ хотять увѣрить, будто надо умирать!“

рукѣ птичка, пытающаяся раскрыть крылья, силиющаяся унести въ пространство, исчезнуть въ небѣ. И тихо, про себя, молодая дѣвушка въ отвѣтъ на имя Элиза произнесла имя Денисъ. Этотъ день навсегда остался единственнымъ въ ея жизни. Первая вспышка чувства, сладкія волненія, поэтическое очарованіе,— все было пережито ею въ этотъ день.

На обратномъ пути, вечеромъ, въ начинающемся сумракѣ, Денисъ повторилъ нѣсколько разъ обворожительный стихъ: «Элиза!... А насъ хотятъ увѣрить, будто надо умирать!»

Она сохранила въ подаренной имъ книгѣ Ламартина вѣточку сирени, сорванную имъ для нея въ этотъ день.

— Для меня ясно, что я люблю васъ... А вы меня любите?— и потому, какъ она промолчала, онъ понялъ, что отвѣтъ полученъ утвердительный.

Такъ они стали женихомъ и невѣстой. Когда добрый юноша сообщилъ объ этомъ своему отцу книгопродавцу, который двадцать пять лѣтъ тому назадъ пришелъ въ Магонъ разнощикомъ съ коробей за плечами, старый Марканъ поморщился. Онъ считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ капиталистомъ, у дѣвочки не было ни сантима. Тѣмъ не менѣе, онъ не отказалъ сыну въ своемъ согласіи.

— Видишь ли, манецъ,—сказалъ онъ,—ты подождешь семь лѣтъ, а потомъ, если не перемѣнишь тепершняго намѣренія, тогда идти, честное слово Маркана.

Почему непременно *семь лѣтъ*? Таковъ условный срокъ любви библейской и любви въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Разнощикъ, продававшій *Библии* и *Сказки Перо*, сказалъ «семь лѣтъ» случайно,—такъ на умъ взбрело. А у сына свое на умѣ было. Молодой человекъ сдалъ университетскіе экзамены и, окончивши курсъ, вторично обратился къ отцу съ просьбой дозволить ему жениться на любимой дѣвушкѣ.

— Тра-та-та!—воскликнулъ старикъ.—Прошло всего три года. Я назначилъ семь лѣтъ... и ни мѣсяца меньше.

«А въ четыре года,—раздумывалъ онъ про себя,—либо шахъ, либо оселъ, либо я, а кто-нибудь да помретъ».

— Надо сперва,—прибавилъ онъ вслухъ,—получить степень доктора.

Черезъ два года Денисъ Марканъ осуществилъ желаніе отца.

— А теперь?—спросилъ онъ старика.

Марканъ-отецъ отвѣтилъ лаконически:

— Три да два—вышло пять.

Денисъ поступилъ на службу и принялся за дѣло такъ серьез-

но, что был замѣченъ среди множества чиновниковъ, которыхъ трудъ тяготитъ и даже доводитъ до отчаянія. Одинъ изъ очень крупныхъ начальниковъ, восхищенный способностями и усердіемъ молодого человѣка, сильно двинулъ его впередъ, поручилъ разобратъ крайне запутанныя дѣла, обѣщалъ поддержать его всею силой своего вліянія и сдержалъ слово.

Тѣмъ временемъ старикъ Марганъ, убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что Денисъ не отступится отъ своего намѣренія, «присматривался къ дѣвочкѣ». А «дѣвочка», подъ руководствомъ матери, оказалась образцовой хозяйкой. Денису минуло двадцать семь лѣтъ, онъ былъ уже вполне самостоятельнымъ человѣкомъ. Элизъ сравнялось двадцать два года, а она оставалась настоящею «дѣвочкой».

— Ты все еще не раздумалъ на счетъ того?—спросилъ Марганъ сына.—Знаешь, мадамъ Лефренъ очень больна.

— Стало быть, надо поспѣшить, отецъ.

— А ты сообразилъ, что съ ея смертію конецъ и пенсіи?

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте кончать дѣло сейчасъ же, папа.

Старый книгопродавецъ, находившій, что много было бы лучше, если бы Элиза имѣла пятьдесятъ тысячъ годового дохода, громко разсмѣялся и сказалъ:

— Надо отдать тебѣ справедливость, малый ты славный, но упрямя здорово! Давай-ка я тебя обниму... а къ нимъ иди одинъ. Когда все будетъ покончено, тогда,—знаешь,—мнѣ уже не придется ни о чемъ разговаривать. Самому мнѣ устраивать это не хочется. Не понимаешь, почему? Я объясню тебѣ. Какъ коммерсанту, мнѣ это не нравится: дрянъ дѣло. Какъ отецъ, я—хе-хе-хе!—скажу, пожалуй, что дѣло хорошее... Ты огорчаешь меня и радуешь... Ступай одинъ, вертопрахъ!... На твоемъ мѣстѣ я бы давно убѣждалъ, не сталъ бы слушать такъ долго стараго дурака отца!

Сто разъ Денисъ рассказывалъ про это Элизѣ и повторялъ:

— А какъ онъ добръ-то, а?... Правда, очень добръ?

Въ результатѣ оказалось, что Денисъ женился на дѣвушкѣ безъ приданого, имѣя отъ шести до семи тысячъ ливровъ дохода, что долженъ былъ онъ получить отъ отца, и сумму эту онъ могъ въ послѣдствіи утроить своимъ трудомъ. Денисъ Марганъ лишился отца спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, и молодые съ тѣхъ поръ навсегда погинули Маконъ. Мать Элизы умерла двумя годами позднѣе въ Парижѣ, счастливая тѣмъ, что видѣла маленькаго Жоржа.

Вотъ и вся исторія Элизы. Баштановые волосы, въ которые

замѣшивалось нѣсколько болѣе свѣтлыхъ прядей, были слишкомъ тяжелы для ея маленькой головки, граціозно склонявшейся подъ ея массивною прической. Тонкая и хорошо сложенная, не худая и не полная, Элиза была хороша собой. Врожденное изящество придавало ей немного гордый видъ. Базалось, что совѣмъ она не пара своему мужу. Одно ихъ сближало: оба они были добрые. Кромѣ того, она была необыкновенно деликатна. Мужъ не подозрѣвалъ этого, — быть можетъ, слишкомъ онъ былъ занятъ службой.

III.

— Ларошъ! поѣздъ стоитъ пять минутъ!

— А! — воскликнулъ Марканъ, — Ларошъ! Это недурно, я работалъ право на отдыхъ, настроилъ, по крайней мѣрѣ, десять черновиковъ писемъ, и позавтракаю съ удовольствіемъ.

Марканъ застегнулъ свой портфель, бросилъ его въ сѣтку, выпрыгнулъ изъ вагона и протянулъ свои объятія, въ которыя бросился Жоржъ, принимая это движеніе за жестъ примиренія. Отецъ забылъ свое: «Жоржъ, ты мнѣ надоѣдаешь», — а у мальчика сердце было памятликое. Опуская сына на землю, Марканъ поцѣловалъ его, и Жоржъ почувствовалъ себя счастливымъ.

Марканъ помогъ женѣ выйти изъ вагона, закутаться въ шубу, приказалъ кондуктору запереть купе, и они направились въ вагонъ-ресторанъ.

— Эдакая мерзкая погода! Собачья погода! — ворчали люди на платформѣ, постукивая ногами по грязному асфальту.

— Да, надо признаться, погода отвратительная, — проговорилъ Марканъ. — Ба! Эдуардъ!

Онъ жалъ руку одному депутату.

— Товарищъ по юридической школѣ, — сказалъ онъ женѣ, когда они усѣлись въ вагонъ-ресторанъ.

— Ты насъ уже познакомилъ, — сказала она.

— Гдѣ же это?

— На балу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, — отвѣтилъ депутатъ.

И мужчины тотчасъ же заговорили о дѣлахъ, не обращая никакого вниманія на молодую женщину и на ребенка, которые опять брали глаза на монотонный и унылый пейзажъ. Однообразный шумъ колесъ, мѣшаясь съ поскрипываніемъ буферовъ, казался узыкой, совершенно подходящей къ тону такой картины.

— А край, все-таки, чудесный! — проговорилъ Марканъ, указывая на массы виноградниковъ, ползущихъ вверхъ по холму.

— Есть и получше,—сказалъ депутатъ.—Вы ѣдете на югъ, сударыня?... Въ первый разъ?

— Въ первый.

— Будете поражены... Жаль, что вы не поѣхали съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ. Вы увидали бы волшебную картину морского берега въ девять или въ десять часовъ утра, увидали бы Марсель при солнечномъ свѣтѣ... если только проглянетъ солнце.

— Завтра увидимъ.

— Пройдите взглянуть на Карнизъ... въ концѣ Прадо.

— Разумѣется, если мы ночуемъ въ Марсели, но возможно, если жена не очень утомится, что мы пройдемъ этою же ночью прямо до Сень-Рафаэля.

Быль поданъ кофе. Марканъ имѣлъ обыкновеніе выкурить послѣ завтрака сигару, «честно заработанную».

— Пройдемте въ курилку, моя жена подождетъ насъ здѣсь. Она никогда не скучаетъ, если Жоржъ съ нею.

И это было вѣрно.

— Я не спросилъ, что съ твоею женою и почему ты везешь ее на югъ. Ничего серьезнаго? Ея нездоровье—не болѣе какъ предлогъ, надѣюсь?

Марканъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Она сильно простудилась, и не занялась своею болѣзью. Теперь врачъ опасается за верхнія доли легкаго. Ей не сказали даже про это, чтобы не пугать ее. Путешествіе нужно для предупрежденія болѣе важныхъ осложнений, и онъ, Марканъ, не задумался предпринять его. Ихъ средства не допускаютъ излишнихъ тратъ, и супруги никогда не путешествовали для собственнаго удовольствія, они отказали даже себѣ въ поѣздѣ въ Дьепъ или Трувиль. Съ самой свадьбы ни мужъ, ни жена ни выѣзжали изъ Парижа, они не видали и Фонтенебло. «Природу» они знаютъ лишь въ Булонскомъ лѣсу, а Версаль крайняя грань ихъ праздничныхъ экскурсій. Да и на самомъ дѣлѣ, виды Медона и Сень-Блу достаточно великолѣпны для того, чтобы ими могъ удовольствоваться такой «сидѣнь», какъ называлъ себя Марканъ въ шутку. Все-таки, онъ очень доволенъ за жену и за себя, такъ какъ имъ придется насладиться югомъ, про который такъ много рассказываютъ на родинѣ «великаго Тартарена».

Марканъ могъ бы добавить, если бы считалъ уместнымъ пу-скаться въ откровенности, что братъ его отца, разбогатѣвшій отъ торговли шелкомъ, бездѣтный вдовецъ, съ нѣкоторыхъ поръ сталъ выказывать ему особенное расположеніе. Польщенный тѣмъ, что племянникъ занимаетъ видное мѣсто на государственной службѣ,

старикъ восчувствовалъ необыкновенную нѣжность къ маленькому Жоржу и по три раза на день обѣщалъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. А пока, въ доказательство своей полной искренности, почтенный коммерсантъ, повидавшись съ врачомъ Элизы, уговорилъ ихъ ѣхать на югъ, подрѣпляя свои доводы шестью тысяче-франковыми банковыми билетами на расходы.

— Здоровье дороже всего,—говорилъ дядя.—Увози жену, да и мальченокъ будетъ полезно. Я навѣщу васъ какъ-нибудь утромъ... На шесть тысячъ франковъ вы тамъ безъ нужды проживете шесть мѣсяцевъ. У меня нѣтъ семьи, и я дорожу вами. Бываютъ дяди скушые... у всякаго своя слабость. А я дядя-лакомка, вы будете кормить меня вкусными блюдами, Элиза. Ваши пуддинги великолѣпны.

Про дядю Марканъ не обмолвился ни словомъ, за то о здоровьѣ жены говорилъ, не переставая. Депутатъ, облокотившись на полированный дубовый столъ курилки, едва слушалъ собесѣдника. Онъ случайно встрѣтилъ школьнаго товарища, постоянного знакомства съ нимъ не поддерживалъ и лишь изъ вѣжливости спросилъ про здоровье мадамъ Марканъ. Ъхалъ онъ до Ліона и поторопился заговорить совсѣмъ о другомъ предметѣ. Ему нужно было обратиться съ просьбой въ министерство, гдѣ Марканъ могъ оказать ему большее содѣйствіе, чѣмъ самъ министръ... А такъ какъ настало время уходить изъ вагона-ресторана, депутатъ попросилъ позволенія войти на нѣсколько минутъ въ купе Маркана. Придется сидѣть вчетверомъ, но ребенку не много мѣста требуется. Съ мадамъ Марканъ онъ былъ необыкновенно любезенъ и предупредителенъ во время перехода изъ вагона въ вагонъ. Марканъ шелъ позади и велъ за руку сына.

Въ купе четверымъ было тѣсно. Но мадамъ Марканъ не выказывала ни раздраженія, ни даже недовольства; она прижала къ себѣ Жоржа, охватила его полой своей шубы и снова отдалась спокойной задумчивости, глядя на еще болѣе печальные пейзажи. Мужчины совсѣмъ забыли о ней. Депутатъ принялся удручать директора департамента подробнымъ изложеніемъ дѣла какой-то сельской общины, раздѣленной на двѣ части. Одна изъ нихъ желала бы выдѣлиться въ самостоятельную общину, другая противилась ему.

— Вопросы этого рода не всегда легко разрѣшаются,—говоритъ Марканъ.—Непремѣнное условіе состоитъ въ томъ, чтобы дѣлящаяся часть имѣла возможность представить бюджетъ, достаточный для самостоятельнаго существованія. Государственный

совѣтъ лишь въ томъ случаѣ войдетъ въ разсмотрѣніе подобнаго домогательства, когда выполнено это условіе. Сдѣлано это?

— Выдѣляющаяся часть полагаетъ, что ея бюджетъ достаточенъ.

— А противная сторона оспариваетъ это?

— Да, и все дѣло въ способѣ раздѣла, такъ какъ всѣ земельныя угодья общины находятся на территоріи выдѣляющейся части.

— Такъ! Это точно такой же случай, какъ дѣло, только что просмотрѣнное мною, — отвѣтилъ Марканъ. — Община Лагардъ, близъ Тулона, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Уже болѣе двадцати пяти лѣтъ отдѣлъ Праде хлопочетъ о томъ, чтобы выдѣлиться въ самостоятельную общину. Это и сдѣлается, конечно, при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ. Повторяю, дѣла этого рода никогда не обходятся безъ затрудненій. Одинъ очень богатый марсельскій арматоръ, г. Дофенъ, приобрѣлъ въ общинѣ Лагардъ, въ отдѣлѣ Праде, участокъ земли, расположенный на берегу моря, и вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, заинтересованный этимъ дѣломъ, онъ удручаетъ меня своими прошеніями, докладными записками, объясненіями. Совершенно такое же дѣло, какъ ваше. Отдѣлъ Праде предлагаетъ выкупъ. А ваши сепаратисты?

— Предлагаютъ тоже выкупъ.

— А противники не согласятся, если выгоды, доставляемыя общиннымъ земельнымъ участкомъ, не могутъ, по ихъ мнѣнію, быть возмѣщены единовременнымъ взносомъ какой-либо определенной суммы, — таково, напримѣръ, право пользованія сухостойнымъ лѣсомъ.

— Такъ это и есть, противники раздѣла отказываются отъ выкупа, — подтвердилъ депутатъ.

— Вотъ видите! Точь-въ-точь, какъ въ разсмотрѣнномъ мною дѣлѣ, — сказалъ Марканъ. — Я даю по немъ заключеніе, въ которомъ настаиваю на вполне равномерномъ распредѣленіи недвижимой собственности общины, опять-таки, при непремѣнномъ условіи достаточности бюджета.

Мадамъ Марканъ долго еще слышала нескончаемыя подробности, относящіяся къ раздѣлу общины. Таковы были разговоры Дниса изо-дня въ день, и Элиза видѣла жизнь только севозъ пыли, поднимаемую ворохами канцелярскихъ бумагъ. Молодая женщина нѣжно взглянула на своего маленькаго Жоржа, съ закрытыми глазами пригрѣвшагося подъ ея шубой, и въ свою очередь мирно уснула.

IV.

„Элизъ!... А насъ хотять увѣрить, будто надо умирать!“

Таинственная птичка, трепетавшая въ ея сердцѣ и пытавшаяся расправить свои крылышки, когда Элизъ было шестнадцать лѣтъ, давно сложила ихъ и никогда уже не раскрывала. Дѣвушка мечтала выйти замужъ за юношу, вызвавшего въ ней это первое волненіе,—въ дѣйствительности же она оказалась женой совершенно другого человѣка. Двадцатисемилѣтній Денисъ не былъ уже тѣмъ Денисомъ, который декламировалъ ей стихи. Онъ, правда, оставался такимъ же безукоризненнымъ, какъ тогда. Въ смыслѣ общественномъ и нравственномъ, онъ стоялъ теперь, конечно, много выше, но съ точки зрѣнія физической любви онъ утратилъ ту ничѣмъ неопредѣлимую привлекательность, которою природа надбляетъ душевно-молодыя существа въ различные періоды жизни и которую отнимаетъ у нихъ, когда ей вздумается. Элиза любила юношу, не пережившаго еще восьми или девяти лѣтъ упорнаго труда. Замужъ она вышла за молодого человѣка, котораго министерская канцелярія сгорбила и состарила, уму-разуму научила, быть можетъ, только нѣсколько черезъ край и прежде времени. И этого она не замѣтила!

— Она, славу Богу, настоящая провинціалка,—разсуждалъ Марканъ, который потому-то именно и женился на ней, твердо рѣшивши, что подъ его влияніемъ она и навсегда останется такою.— Жену я беру,—говорилъ онъ,—только для себя.

Живя неотлучно при матери, внимательной и нѣжной, не видя никого, подходящаго для сравненія, лишенная подругъ-сверстницъ, повѣряющихъ другъ другу свои тайны, Элиза не имѣла никакого понятія о томъ, что такое любовь. Едва знакомо ей было неясное, смутное волненіе, испытанное во время прогулки въ Монсо. Дальнѣйшая жизнь оказалась несоотвѣтствующею этому воспоминанію, счастье не возростало съ годами, и это не удивляло молодую женщину,—столько людей и такъ часто повторяло вокругъ нея: «Жизнь—не радость, моя милая! Знаете, кто здоровъ, тотъ и счастливъ, другого счастья не бываетъ. Только мы не сознаемъ этого».

Элиза шила и вышивала съ матерью, помогала ей по хозяйству, ходила съ нею гулять, недалеко, конечно, такъ какъ добрая «мама» скоро уставала, изрѣдка онѣ бывали въ гостяхъ у сосѣдки, старой дѣвицы, садившейся рядомъ съ ними въ церкви во воскресеньямъ. Вотъ и вся ихъ жизнь. Ложась спать въ половинѣ десятиаго, вставая въ пять или шесть часовъ, смотря по времени года,

Элиза росла въ тѣни, какъ блѣдная лилія, изящная и прелестная. Мать долго одѣвала ее въ черное, ради экономіи: изъ распоротаго платья матери выходило новое для дочери. И въ этой тѣни, набираемой вдовою съ ея вѣчно печальными воспоминаніями, Элиза была счастлива, во-первыхъ, отсутствіемъ какихъ-либо страданій, во-вторыхъ, серьезною, хотя и мало экспансивною любовью матери. Еслибъ у Элизы не было ея маленькаго Жоржа, когда умерла мать, молодая женщина была бы, навѣрное, не въ состояніи утѣшиться. Громадная пустота образовалась бы въ ея сердцѣ, еслибъ это чистое и глубокое сердце не было заполнено материнскою любовью, какъ оно было полно когда-то любовью къ матери, и, кромѣ того, Элиза любила своего превосходнаго мужа. Ея чувство къ мужу было слишкомъ спокойно, быть можетъ, она любила его, какъ благодѣтеля. Невѣстою она относилась къ нему какъ къ доброму родственнику. Денисъ не возбуждалъ въ ней ни малѣйшей страсти. Онъ оставлялъ спокойно дремать тихое и чистое озеро души молодой дѣвушки. И сказать правду, такую же молодую дѣвушкой она осталась и до сихъ поръ. Она все еще понятія не имѣла о существованіи порывовъ страсти, благородной и святой, но пылкой и неодолимой. Мечты объ этомъ, вызываемыя порою въ молодой женщинѣ художественнымъ произведеніемъ, картиной, драмой или музыкой, оставались очень смутными... какъ проблескъ откровенія, тотчасъ же угасающій.

Кто внимательно всматривался въ эту холодную тридцатилѣтнюю женщину, тотъ замѣчалъ легкую черточку въ углахъ ея губъ, нѣчто неувловимое, но такое, что молодымъ ясно говорило о молодости. Тутъ были невольная улыбка, не сознающая себя страстность, чарующая привлекательность, коварство, не существующее пока, но могущее возникнуть, цѣлый міръ, наконецъ, невѣдомый и незатронутый, — какой-то аромать желаній, заключенный въ бутонѣ не распустившагося цвѣтка, не вырвавшійся еще изъ него, но уже ощущаемый.

Въ углахъ ея губъ ясно сказывалась скрытая жизненная сила, таящаяся въ чудномъ созданіи, которое этого еще не подозрѣваетъ.

V.

Какъ это сложилось? Дѣло въ томъ, что между Элизой и Денисомъ существовало только взаимное влеченіе молодости и не было обоюднаго увлеченія личностью. Добрыя чувства обоихъ сдѣлали ихъ брагъ пристойно-счастливымъ. Молодому человѣку хотѣлось

жениться на молодой дѣвушкѣ... вотъ сполна вся ихъ исторія. Денисъ не былъ влюбленъ въ Элизу. Но въ такомъ разѣ чѣмъ объясняется непоколебимая вѣрность обѣщанію жениться?

Очень просто: Денисъ Марканъ устраивался въ жизни съ твердымъ рѣшеніемъ взять себѣ въ жены порядочную дѣвушку, хорошо ему извѣстную, въ которой онъ могъ быть вполне увѣренъ. Его практическіе взгляды, его склонность къ тихой и регулярной жизни, его уваженіе къ честности помогли ему сдержатъ слово сына книгопродавца Маркана. Чувства его были весьма почтенныя, разумныя и даже нѣжныя. Что же касается любви, — той любви, которая заставляетъ юношей декламировать стихи Ламартина и придаетъ студентамъ вдохновенный видъ, — что касается порывовъ сердца, стремящагося въ безконечныя выси, сладкихъ волненій, наполняющихъ всю душу тревогой и таинственнымъ томленіемъ, то для всего этого миновала, должно быть, пора. Молодая дѣвушка ждала такого Дениса, который не могъ уже къ ней вернуться. Въ семь лѣтъ онъ по вѣтру пустилъ блестящій цвѣтъ своей юности. Брѣвкая рѣшимость всего добиться трудомъ и прилично устроить свою жизнь предоостерегла его отъ излишествъ и чрезмѣрныхъ увлеченій; но онъ ничуть не считалъ себя обязаннымъ быть ангельски вѣрнымъ невѣстѣ, бракъ съ которою предстоялъ въ столь далекомъ будущемъ. Никакая сантиментальность къ тому его не побуждала. Онъ поступалъ, какъ его товарищи, не ощущая ни угрызений совѣсти, ни особеннаго удовольствія. Всѣ помыслы его были направлены на то, чтобы сдать сначала экзамены, потомъ получить мѣсто и на службѣ подвигаться какъ можно быстрѣе, проявляя трудолюбіе, усердіе, способность къ работѣ, настоящую дѣловитость. Словомъ, Денисъ Марканъ былъ образцово-хорошимъ человѣкомъ нашего времени, прямою противоположностью тѣхъ господъ, которые всѣ обязанности забываютъ ради наслажденій жизнью.

Такихъ онъ хорошо зналъ и относился къ нимъ съ отвращеніемъ. Не мало онъ видѣлъ ихъ кругомъ, даже въ министерской канцеляріи... вродѣ Альберта де-Лисъ, на примѣръ, писавшаго свою фаллю двумя словами, когда въ дѣйствительности онъ былъ просто лисъ, наряжавшагося каждый вечеръ во фракъ съ гарденіей въ тличкѣ, соблазвившаго не мало свѣтскихъ женщинъ. Охъ, ужъ и свѣтскія женщины! Только ими и бредилъ Альбертъ Делисъ, пѣ современнаго бюрократа, щеголя и пустозвона. «Стало быть, — ворилъ ему Марканъ, заливаясь самымъ плебейскимъ хохотомъ, — не всѣ принадлежимъ свѣту? Я, на примѣръ, существую внѣ

свѣта? Заглядывалъ я иногда въ этотъ вашъ свѣтъ! Люди глупы тамъ, по меньшей мѣрѣ, настолько же, какъ и вездѣ, часто только значительно менѣе честны».

Марканъ говорилъ это еще до женитьбы и очень искренно возмущался легкомысліемъ разговоровъ и нравовъ, которое онъ видѣлъ кругомъ себя. Дубоватый малый едва только попалъ въ бу р жуазію; сынъ разнощика не успѣлъ еще отполировать, вѣрнѣе сказать—извратить свою мужицкую натуру. По его понятіямъ, любить—значило работать для жены и имѣть дѣтей. Въ обществѣ, въ свѣтскихъ салонахъ, онъ такъ часто присутствовалъ при разныхъ *флиртахъ*, представлявшихъ ему верхомъ непристойности, что свѣтъ казался ему менѣе привлекательнымъ, чѣмъ его оливково-зеленый кабинетъ въ министерствѣ. «И эти бѣдняги мужья, — говорилъ часто Марканъ, — имѣютъ глупость воображать, будто ничего у нихъ не отняли, если часа три пофлиртовали съ ихъ женами!... Ужь въ такія-то мѣста я свою жену не повезу!» А «такія» мѣста—это весь свѣтъ. И, несомнѣнно, безъ официальныхъ вечеровъ, гдѣ жена директора департамента была обязана появляться изъ приличія, чтобы раскланяться съ министрами и ихъ женами, Элиза Марканъ носа нигуда не показывала бы.

Марканъ, здоровякъ физически, властный, упрямый и грубый, былъ, въ сущности, страстный человѣкъ и ревнивецъ. За его теоріями нравственности и рѣзкими выходками противъ современной развращенности крылась ярая страсть дорожащаго своимъ покоемъ супруга и консерватора; но страсть эта проявлялась лишь въ озлобленныхъ выходкахъ противъ «врага» и никогда не выразилась въ пылкомъ чувствѣ къ любимой женщинѣ. А «врагъ», это—балъ, танцы, свобода разговоровъ, наглость мужчинъ, поощряемая улыбками женщинъ. Въ тому же, еще туалеты. Всѣ эти ухищренія, утонченное безстыдство, проглядывающее изъ-за всякихъ пустанковъ женскаго наряда, рассчитанное на то, чтобы дразнить желанія мужчинъ, усталое воображеніе стариковъ, пресыщенность молодыхъ,—все это выводило изъ себя Маркана, вызывало въ немъ злость сторожевой собаки, забавную и трогательную, въ то же время.

— Нѣтъ, не это, по-нашему, называется изяществомъ!—вопилъ онъ иногда въ курительной комнатѣ, гдѣ не прочь были «взвинтить» его на эту тему ради потѣхи.—Это не изящество! Зналъ я изящныхъ женщинъ. Зналъ... двухъ или трехъ! Онѣ умерли. Имъ было отъ семидесяти до восьмидесяти лѣтъ. Да не въ годахъ тутъ дѣло. По лѣтамъ онѣ уже не были женщинами, но это были

настоящія женщины, чудодѣйственной силой изящества. Только уже чорту-то не на что было порадоваться. И еслибъ у нынѣшнихъ молодыхъ дѣвушекъ было то, чѣмъ обладали эти чудныя бабушки, наши дѣвицы стали бы гордостью Франціи, вотъ что!

Кругомъ хохотъ.

— Валяй, Марканъ!

— Смѣйтесь, смѣйтесь, други мои, и называйте меня, если угодно, мужикомъ съ Дуная. Тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что платье съ разрѣзомъ время Директоріи наградило васъ Бонапартомъ. Подождите, она вамъ вернетъ его еще разъ!

— Катай, Марканъ! Молодцомъ раздѣлывай!

И онъ раздѣлывалъ:

— Честная женщина соперничаетъ съ кокоткой. Бто же будетъ расплачиваться за безстыдные туалеты обѣихъ соперницъ? Маленькія сбереженьица, которыя финансистъ прикарманиваетъ съ общаго дозволенія. Если бы поменьше было платьевъ съ вырѣзами да разрѣзами, не было бы и такой биржевой игры... Народъ и такъ недоволенъ, а вы его еще болѣе дразните. Берегитесь же настоящаго конца, господа «конца вѣка»!

— Го-го-го!

— Меня, вѣдь, не заподозрятъ въ социализмъ!

— Э-э!

— Ну, такъ я же вамъ заявляю, еслибъ я былъ принужденъ выбирать между всѣми мерзостями, которыя творятся въ самыхъ верхахъ, и звѣрскою злобой въ самыхъ низахъ, я счелъ бы для себя болѣе почетнымъ спуститься...

— Ого!

— И когда произойдетъ взрывъ, въ то время, какъ вы будете обвинять оборванца, поджегшаго фитиль, я стану обвинять всѣхъ тѣхъ, кто поджегъ оборванца. Въ концѣ-концовъ, всякое общество лишь тогда законно пользуется правомъ судить и карать, когда оно сьумѣло само себя дисциплинировать...

— Онъ великолѣпенъ! Bravo, Марканъ! Скажи это передъ избирателями, и ты сразу станешь депутатомъ!

— Подите вы, зубоскалы!

Онъ уходилъ взбѣшенный, немного хмурый, за женой, которую тутчасъ же увозилъ домой, какъ разъ въ разгаръ сѣзда.

Послѣ такихъ выходовъ онъ упорно, по цѣлымъ недѣлямъ, нигда не показывался. Элиза на это не жаловалась. Въ Парижѣ она строилась, попрежнему, на провинціальный ладъ, принимала не-ногихъ дамъ, женъ чиновниковъ, по выбору Маркана, и относи-

тельно туалета довольствовалась похвалами этих скромных парижанок, умѣющихъ, впрочемъ, такъ ловко надѣть хорошо сшитое и очень модное платье, что имъ могутъ позавидовать принцессы.

Всему міру извѣстно, насколько этимъ славятся всѣ парижанки. «Примѣривальщица» въ мастерскихъ знаменитыхъ «творцовъ» женскихъ туалетовъ, не болѣе какъ простая работница, учитъ королевъ держать себя, какъ должно, и могла бы сказать: «Вотъ, ваше величество, какъ носятъ корону!»

VI.

— *Марсель, Марсель!*

Въ выкрикиваніяхъ служащихъ слышался супругамъ Марканъ совершенно новый акцентъ.

Элиза долго спала и, къ большому своему огорченію, не слышала, какъ проѣхали Мажонъ. Въ Ліонѣ надоедливый депутатъ ушелъ; тогда путники устроились возможно удобнѣе и всѣ уснули. Марканъ раздумалъ зажигать свой дорожный фонарь.

— Какъ же мы? Ѣдемъ прямо до Сентъ-Рафаэля? Въ силахъ ты будешь? Ѣхать бы ужь до мѣста, Марсель посмотримъ въ другой разъ, нарочно съѣздимъ съ дядей, если хочешь. Такъ будетъ много лучше.

— Я чувствую себя очень хорошо, спала много. Ты правъ, поѣдемъ до мѣста и отдохнемъ много спокойнѣе съ сознаниемъ, что путешествіе кончено.

Марканъ распорядился отправить багажъ и поѣздъ двинулся дальше. Была полночь. Кругомъ мѣнялись пейзажи, и ихъ никто не замѣчалъ. По выѣздѣ изъ Ліона, уже ночью, подъ дождемъ и туманомъ, путники видѣли, какъ опять замельгали мосты, фонари, фабричныя трубы, видѣли грязную рѣку, сверкающую тамъ и сямъ холоднымъ блескомъ. А въ ушахъ раздавались рѣзкіе свистки, шумъ колесъ. Порою казалось, что за окнами все еще Парижъ; видъ одного и того же купе поддерживалъ впечатлѣніе, сложившееся въ моментъ отъѣзда. Подвигался ли поѣздъ, этого никто не зналъ. Кругомъ тьма, все черно, лишь кое-гдѣ блеснетъ вдали освѣщенное окно и исчезнетъ въ непроглядномъ мракѣ, прорѣзываемомъ отъ времени до времени яркими станціонными фонарями. Глаза сами собою закрывались, и лишь по измѣненіямъ грохота поѣзда можно было сказать: «Мы проѣзжаемъ черезъ городъ, это мостъ, Ѣдемъ выемкой, въѣхали въ тоннель».

Жоржъ спалъ, изрѣдка всхлипывая. Марканъ добросовѣстно храпѣлъ, какъ бы по долгу службы. Элиза временами просыпалась, окидывала обоихъ добрымъ, любящимъ взглядомъ и опять погружалась въ дремоту подъ шумъ поѣзда. Мало-по-малу, угачиваемая мѣрнымъ ходомъ, она крѣпко уснула и очнулась лишь въ Тулонѣ. Раздались возгласы:

— Тулонъ! Тулонъ!

Въ ушахъ путешественниковъ они пронеслись ничего не значущими звуками, какъ и множество имъ подобныхъ. Денисъ придалъ имъ, впрочемъ, нѣкоторую важность и сквозь сонъ проговорилъ или показалось ему, будто онъ проговорилъ:

— Тутъ въ старые годы была каторга.

Поѣздъ мчался дальше. Было два часа. Въ четыре подъ матово-темнымъ небомъ послышался крикъ:

— Сень-Рафаэль!

Омнибусъ гостиницы, заказанный телеграммой, ждалъ Маркановъ. Шумъ скорого поѣзда все еще отдавался въ ихъ ушахъ, дурманилъ головы. Размѣстились въ двухъ комнатахъ: въ одной мать съ сыномъ, въ другой—Марканъ, и снова всѣ заснули, усталые, обезсиленные, неспособные обмѣняться двумя фразами.

VI.

— Мама, мама!

Она проснулась, было около полудня. Жоржъ открылъ дверь балкона и кричалъ, хлопалъ руками. Элиза приподнялась на локоть и замерла ослѣпленная, пораженная, растерянная, какъ отверженный, передъ которымъ внезапно распахнулись двери рая.

Дверь обрамляла картину моря и неба, и они, буквально, врывались въ комнату; небо и море, одинаково синія, сверкающія яркимъ полуденнымъ солнцемъ, казались обоюднымъ отраженіемъ другъ друга.

Надъ зеркальною гладью водъ, слегка подернутою нѣжно-голубою дымкой, засыпанною искрящеюся золотистою рябью, паровая труба выкидывала клубы медленно расходящагося дыма и бѣжала горизонту, красиво наклонивши мачты съ весело-вьющимися въ ними вымпелами. Ничего другого не было.

Ничего другого, а молодой женщинѣ казалось, будто что-то рывается изъ ея сердца, уносится въ необозримую даль вслѣдъ кораблемъ, явившимся ей въ моментъ пробужденія какъ бы долженіемъ сновидѣнія, очаровательною мечтой.

Въ комнату вошелъ Марканъ.

— А я всталъ въ восемь часовъ, покончилъ свою работу и потомъ вышелъ изъ дому, наводилъ справки... Мы безъ труда найдемъ подходящую виллу. Дорогонько, правда, но здоровье дороже всего. Въ чемъ-нибудь другомъ откажемъ себѣ. Да, кромѣ того, дядя... нашъ милѣйшій дядя...

Онъ имѣлъ бодрый, возбужденный видъ путника, добравшагося до мѣста, отдохнушаго довольно. Онъ улыбался и поцѣловалъ жену въ лобъ. Поцѣлуя этого она не почувствовала. Все еще опершись на локоть, она слѣдила бессознательно, увлеченная мечтой, за кораблемъ, прекратившимъ топку, развернувшимъ паруса и несшимся подъ попутнымъ вѣтромъ на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ по струямъ «свѣтлѣй лазури», подъ яснымъ небомъ голубымъ.

Марканъ взглянулъ въ ту сторону, куда были обращены глаза его жены, увидалъ яхту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего маленькаго Жоржа, который передъ грандіозностью этого простого вида уже не шевелился, оперся подбородкомъ на балюстраду балкона и унывался свѣтомъ, красотой, тепломъ.

— Забавное названіе у этого кораблика... Это яхта одного любителя.

— Какъ же она называется, папа?

— *Голубой ибисъ*. Потѣшное имя, правда?

Марканъ добавилъ, что ибисовъ такого цвѣта не бываетъ, и сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній о фантазіяхъ «яхтменовъ». Эта яхта принадлежала Пьеру Дофену, сыну богатаго марсельскаго арматора, «о которомъ мы говорили вчера въ вагонѣ съ тѣмъ депутатомъ, помнишь?»

Элиза ничего не слыхала. Что ей за дѣло до всѣхъ этихъ людей? Она смотрѣла, взволнованная, задыхающаяся, на невиданную никогда картину, на волшебный и невѣдомый корабль, который на своихъ вздутыхъ парусахъ уносилъ въ края очарованій ея думы, часть ея самой...

VIII.

„На яхтѣ *Голубой ибисъ*, рейдъ Сень-Рафаэля, 10 февраля 188...“

... «Нѣтъ, нѣтъ, сага mia, дорогая тѣнь утраченной мною любви, утраченной по моей винѣ, — нѣтъ, я не умру, не высказавши тебѣ, какимъ новымъ и безграничнымъ очарованіемъ охватилъ меня родной край, какъ будто очарованіе это можетъ еще имѣть значеніе для насъ въ будущемъ.»

«Какъ восхитительно было бы, если бы годъ любви нашей сполна протекъ въ волшебной странѣ, гдѣ я теперь, на этихъ дивныхъ берегахъ, подъ плескъ моря и шумъ сосенъ, среди невысокихъ холмовъ, несущихъ къ серебристымъ волнамъ группы эквалиптовъ, у восхитительныхъ заливовъ, которые, какъ трепетныя перси моря, нѣжно прильнули къ материку...»

Писавшій это молодой человѣкъ бросилъ перо...

— Все это одна литература... Что за собачье ремесло! — воскликнулъ онъ, отпивая глотокъ кофе изъ стоявшей на столѣ чашки.

Онъ всталъ, взглянулъ на море черезъ круглый иллюминаторъ, взялъ со стола сигару, закурилъ ее отъ голубоватаго при блескѣ солнца пламени серебряной лампы, вдохнулъ раза два ароматный дымъ и швырнулъ сигару въ море.

«Сказать по правдѣ, — раздумывалъ онъ, — одолѣла меня скука!... Слишкомъ много синевы, слишкомъ много солнца, неба, моря, времени и денегъ, слишкомъ много воспоминаній и всего, возбуждающаго желанія... и нѣтъ того, чего желаешь. Я очень опасуюсь, какъ бы не разучиться страдать... уже теперь опасуюсь. И, честью завѣряю, скука излечила всѣ мои страданія... А мнѣ жаль моихъ страданій. Больно отъ нихъ доставалось, но они развлекали меня: съ ними я не совсѣмъ былъ одинокъ. Теперь я начинаю чувствовать какую-то пустоту. Плохо дѣло... Неужели въ страданьи—счастье?»

Мысль эта показалась ему глубокою и на нѣсколько мгновений заняла его подвижный умъ. Молодой человѣкъ продолжалъ самъ съ собою разсуждать на эту тему, увлеченный и восхищенный складывавшимися въ его головѣ словами и фразами.

Пьеръ Дофенъ былъ очень простымъ и причудливымъ существомъ, скептическимъ и наивнымъ, сущимъ ребенкомъ, вѣчно подвергающимся опасности и опаснымъ для другихъ-же, въ сущности, — онъ добрый малый, готовый сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы скрыть это. Таковы, въ большинствѣ случаевъ, скептики, и это-то именно дѣлаетъ ихъ опасными.

Пьеръ Дофенъ жилъ въ Парижѣ. Увлеченный страстною любовью къ женщинѣ, которую онъ считалъ свободною потому, что она была въ разводѣ, онъ два года прожилъ съ этою любовью въ гостѣ. Второй годъ былъ для него сплошнымъ очарованіемъ. Вдругъ еръ открылъ, что не онъ одинъ былъ обладателемъ боготворимой женщины. Это произошло два мѣсяца назадъ. Тогда, разыгрывая въ себя непостояннаго молодого человѣка, онъ уѣхалъ, объявивши ей возлюбленной, что разлюбилъ ее, безъ всякихъ дальнѣйшихъ

объясненій. Съ этой минуты дама начала его предпочитать, а «другому» пришлось переживать прескверныя минуты. Пьеръ воображалъ, что они счастливы, и довольно странно терзался. Онъ продолжалъ играть взятую на себя роль и писалъ своей дамѣ письма, въ которыхъ, между двумя описаніями морскихъ видовъ, увѣрялъ ее въ своей неспособности любить женщину долго... «Это своего рода ненормальность: опъ — вполне сынъ *своего отца*» и т. под. Такъ онъ мстилъ за свою оскорбленную гордость. А дама, съ величайшимъ трудомъ побѣжденная его терпѣливымъ и долгимъ ухаживаніемъ, дама, которую онъ, не зная того, столь упорно оспаривалъ у счастливаго до тѣхъ поръ соперника, отвѣчала ему все болѣе и болѣе пылкими призывами. И по мѣрѣ того, какъ возростало ея нетерпѣніе, разжигаемое воспоминаніями, сожалѣніями и, быть можетъ, раскаяніемъ, раздражаемое странностью мотива разлуки, всёмъ тѣмъ, что ей представлялось смѣлостью и оригинальностью покинувшаго ее любовника, — однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она становилась болѣе искреннею, Пьеръ все менѣе и менѣе ей вѣрилъ, находилъ ее лживою, удалялся отъ нея усиліями воли, хотя стремленіе къ ней упорно разросталось въ немъ. Вся хорошая сторона его любви уменьшалась, падала, смѣняясь чувственнымъ элементомъ, разгоравшимся все сильнѣе. Онъ страдалъ настоящею гангреной любви.

Въ дѣйствительности же, оставаясь вѣрнымъ своему интеллектуальному темпераменту, онъ жестоко ошибался въ оцѣнкѣ положенія, единственно изъ боязни быть обманутымъ. Ему самому приходило это иногда въ голову, но, не имѣя никакой возможности выяснить свои сомнѣнія, онъ тѣмъ сильнѣе спорилъ съ самимъ собою.

Въ такомъ-то состояніи онъ пріѣхалъ искать въ родномъ краю, на вольномъ просторѣ моря, благотворныхъ развлеченій. Но ни одиночество, ни поэтическая обстановка не могли спасти его отъ душевнаго недуга. Полный господинъ великолѣпной яхты своего отца, онъ безъ конца томился надеждами, отчаяніемъ, сожалѣніями, смѣняющимися другъ друга и равносильными...

«Лѣкарство, — раздумывалъ онъ, — я его знаю: другая любовь. Но гдѣ найти это лѣкарство?» — и онъ хорошо понималъ, что, въ сущности, самъ поддерживалъ старую связь ежедневными письмами къ женщинѣ, отъ которой хотѣлъ избавиться, и что въ данную минуту къ тому было лишь одно основаніе — трудность замѣнить ее другою.

Онъ страдалъ на самомъ дѣлѣ, въ немъ все болѣло. Въ головѣ была полнѣйшая путаница, такъ какъ мысль находить себѣ опору

и успокоеніе только въ настоящемъ добрѣ, которое дѣлаетъ чело-
вѣкъ, онъ же никакого добра не дѣлалъ, да и ровно ничего не дѣ-
лалъ. Для него былъ одинъ идеаль или, вѣрнѣе, одна была у него
задача въ жизни—развлекаться. Высшимъ же развлеченіемъ пред-
ставлялась ему любовь. Онъ считалъ себя брошеннымъ любимую
женщиною и отъ того впалъ въ настоящій маразмъ; его гордость и
эгоизмъ были доведены до отчаянія. Тривіальность случайныхъ и
мимолетныхъ любовныхъ похожденій была для него омерзительна,
и въ высшей степени мудро было этому молодому «буржуа», ху-
дожнику и «большому барину», честному и скептику, въ то же
время, найти женщищу, совмѣщающую въ себѣ образованность,
изящество, соотвѣтствующее его привычкамъ, абсолютную неза-
висимость, снимающую пятно позора съ свободной любви, и доста-
точно развитой умъ, способный выносить горечь сомнѣній, неиз-
бѣжныхъ у современнаго человѣка въ «нашъ нервный вѣкъ».

При этомъ, не желая имѣть смѣшного, на его собственный
взглядъ, элегическаго вида, Пьеръ старался скрыть свою глубокую
грусть напускною веселостію и постоянно шутливымъ тономъ.
По установившемуся свѣтскому обыкновенію, онъ стыдился всего,
что было въ немъ серьезнаго.

Артистъ въ душѣ и недурной художникъ, онъ хорошо рисо-
валъ, писалъ прозой и стихами, очень мило игралъ на фортепіано
и на гитарѣ, но остался диллетантомъ во всѣхъ трехъ отрасляхъ
искусства. Съ высоты своего огромнаго богатства онъ на всѣ три
смотрѣлъ какъ на удобное средство не безъ пріятности убить вре-
мя, доставить себѣ удовольствіе какимъ бы то ни было вырази-
емъ собственныхъ чувствъ, нерѣдко притивуположныхъ одно дру-
гому.

Въ данную минуту, печально настроенный, и, притомъ, вполне
искренно, Пьеръ воскликнулъ, пародируя Шекспира и безошибоч-
но вспоминая пьесу, актъ и сцену: «Царство за женщищу!»

Письмо свое онъ перечиталъ, нашелъ его слишкомъ «литера-
турнымъ» и сжегъ.

«Не стану совсѣмъ писать ей. Ни на что это не нужно.
Отшлю ей всѣ ея письма. До тѣхъ поръ, пока что-либо веществен-
ное будетъ напоминать о связи съ этою женщиною, я буду томить-
и этими воспоминаніями и никогда отъ нихъ не отдѣлаюсь».

Пьеръ, вздыхая, обвелъ глазами хорошенькій салонъ, обтяну-
тый, по его желанію, старинною рѣдкою матеріей, и остановилъ
взглядъ на широкомъ диванѣ, служившемъ постелью. Молодой че-
ловѣкъ приподнялъ покрывавшую его матерію. На самыхъ боль-

шихъ корабляхъ простора нѣтъ и приходится утилизировать малѣйшіе закоулки: внизу дивана были выдвижные ящики. Изъ этого тайничка Пьеръ досталъ желѣзный ларецъ, самую обыкновенную маленькую шкатулку, наполненную дорогими письмами. Онъ спряталъ подъ свою постель письма любимой женщины и съ тѣхъ поръ пересталъ спать.

Онъ задвинулъ ящикъ, поставилъ ларецъ на столъ и нерѣшительно открылъ его, потомъ сѣлъ и принялся перечитывать нѣкоторыя письма. Но, почувствовавши, что сердце его надрывается, онъ швырнулъ ихъ въ ларецъ и захлопнулъ крышку.

«Теперь — эпитафію», — проговорилъ Пьеръ и быстро, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера, написалъ на листкѣ бумаги четыре стиха:

«О призраки былого увлеченья,
Любви, надеждъ, погибшихъ навсегда...
Примите дань усерднаго почтенья, —
Вы для меня исчезли безъ слѣда!»

Стишки показались ему забавными и онъ улыбаясь, положилъ листокъ въ ларецъ на письма, потомъ взял со стола фотографическій портретъ въ рамкѣ. Открывши одну изъ сторонъ массивной рамки, онъ съ минуту посмотрѣлъ на длинную прядь рыжихъ волосъ, заперъ все въ желѣзный ларецъ и пошелъ на палубу.

«Отошлю ей все разомъ... и съ ключомъ».

Ключъ онъ носилъ на кольцѣ часовой цѣпочки.

Было около полудня. *Голубой ибисъ* уходилъ съ рейда Сенъ-Рафаеля. Пьеръ окинулъ взоромъ этотъ очаровательный берегъ.

«А, да, — подумалъ молодой человекъ, — вотъ страна, созданная для любви! Быть здѣсь молодымъ, владѣть такою яхтой, какъ эта, имѣть передъ собою необъятное пространство моря, а подъ руками такой земной рай... и сознавать себя покинутымъ любовникомъ, которому измѣнили! Быть богатымъ безъ женщины, полнымъ силъ — безъ любви!...»

Потребность жить захватывающею волной проникла въ его грудь съ морскимъ свѣжимъ вѣтеркомъ, дыханіемъ южной зимы, которая на сѣверѣ показалось бы весеннимъ тепломъ. Пьеръ потянулся всѣмъ тѣломъ, полный мечтательной нѣги, почувствовалъ приливъ молодыхъ силъ. Бѣлая чайка пронеслась надъ мачтами, направляясь къ берегу. Онъ съ минуту слѣдилъ за нею взоромъ; его нѣжная мечта стремилась слѣдомъ за нею. А тамъ бѣлѣющія виллы,

съ балконами, террасами, полуоткрытыми окнами упивались ярким блескомъ солнца. Онѣ блестящими пятнами вырѣзывались на вѣчно зеленыхъ холмахъ, поросшихъ соснами и верескомъ, придающихъ этимъ берегамъ въ солнечные дни середины февраля чисто весенній видъ.

Пьеръ заглядѣлся на быстро смѣняющуюся панораму чудныхъ береговъ, въ немъ проснулись воспоминанія поэта и путешественника. Красивѣе ли этого Неаполь и Искія?

Въ воздухѣ какъ бы носились ламартиновскіе стансы. Весь ландшафтъ извивался мягкими, теряющимися въ далекой мглѣ линиями. Строфы Ламартина *На Искіи* сами собою приходили на умъ, и Пьеръ въ память очаровательницы, съ которою только что простился, прочелъ вслухъ два меланхолическихъ и знаменитыхъ стиха:

«Nous avons respiré cet air d'ue autre monde,
Elisel... et cependant on dit qu'il faut mourir!»

Его охватило негодованіе... Умереть! Это слово взволновало его. На самомъ дѣлѣ, придется умереть. Смерти не избѣжать, всѣ умираютъ. И эта волшебная природа всѣми голосами своими подъ плескъ разбѣгающихся волнъ изъ-подъ бортовъ яхты кричала ему: «Спѣши и дни срывай», — какъ учить латинская мудрость.

«Да, правда это! Я жить хочу... Прочь мертвецовъ!»

Ему пришла въ голову мысль.

— Франсуа, принеси изъ салона желѣзный ларецъ, что на столѣ стоитъ.

И про себя онъ добавилъ: «Да, такъ лучше будетъ».

Слуга пошелъ внизъ, вернулся. Пьеръ взялъ въ руки блестящій полированный ларчикъ, нагнулся надъ бортомъ яхты и сталъ смотрѣть на воду. Временами она точно смѣялась. Огнемъ сверкающія струи разбѣгались причудливыми линиями по темной синевѣ слегка колышущагося моря. Охваченныя ослѣпительнымъ блескомъ солнца, онѣ разстилались дивною сѣтью, въ которую врѣзывался *Голубой ивись*, производя шумъ разрываемой шелковой ткани. Пьера занимало слѣдить съ своей красивой, голубовато-бѣлой яхты за колеблющимися отблесками свѣта, чередующагося съ темными тонами.

За тихую переливчатую рябью вдругъ набѣжалъ широкій валъ въ разрѣзъ, и молодой человѣкъ увидалъ подъ носомъ корабля со-сѣмъ темную, сине-опаковую пропасть. Онъ нѣсколько мгновений искачивалъ маленькій ларецъ, чтобы бросить его какъ можно

дальше, и, наконецъ, выпустилъ его изъ рукъ. Ларчикъ завертѣлся въ воздухѣ и упалъ въ воду, поднявши массу брызгъ, заискрившихся жемчугами. Мигъ одинъ и все исчезло. Тяжелый ларецъ пошелъ ко дну. Пьеръ мысленно слѣдилъ за нимъ, очень довольный поэтичностью такой безвозвратной жертвы. Въ своемъ воображеніи онъ какъ будто видѣлъ, видѣлъ все, — какъ вода быстро проникаетъ въ скважины у крышки, заливаешь дорогія письма, уже смываетъ написанное, уничтожаетъ изображеніе, портретъ, женщину... А *Голубой ибисъ* проходитъ поверхъ этого, оставляя минутный слѣдъ за своею кормой надъ дважды стертымъ слѣдомъ былого...

Пьеръ выпрямился.

«Забавно это, — проговорилъ онъ. — Избавлюсь ли я, наконецъ?»

Онъ чувствовалъ себя повеселѣвшимъ, необыкновенно ободрившимся, точно какая-то тяжесть скатилась съ его сердца именно въ тотъ мигъ, когда онъ выпустилъ изъ рукъ тяжеловѣсный ларецъ.

«Хорошо, если бы такъ и впередъ было», — подумалъ онъ.

Его облегченное сердце билось ровнѣе и сильнѣе, точно по волнамъ несло, подъ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ. Если бы *Голубой ибисъ* былъ одаренъ способностью чувствовать, онъ испыталъ бы то же самое въ такую чудесную погоду. Въ эту минуту, по распоряженію хозяина, были поставлены паруса... *Голубой ибисъ*, залитый яркимъ свѣтомъ, понесъ своего господина къ неизвѣстному.

«Вотъ такъ шутка, я ключъ оставилъ у себя», — сказалъ Пьеръ.

Онъ хотѣлъ было бросить его въ море, подумалъ съ секунду и не бросилъ. Ему оригинальнымъ показалось имѣть ключъ отъ шкатулки, лежащей на днѣ моря и невозвратимой. Онъ тотчасъ же рѣшилъ, что случай этотъ можетъ служить хорошенькимъ мотивомъ для сонета, и далъ себѣ слово написать его, озаглавивши *Безполезный ключъ*. Хорошенькій сюжетъ, премило выйдетъ, и рѣшмы готовы: «ларецъ», «конецъ»... «море», «горе»... Нѣсколько стиховъ сложились сами собой.

«За продолженіемъ дѣло не станетъ...»

Но рѣшмы закапризничали, куда-то скрылись, и дѣло стало. Пьеръ сошелъ внизъ разыскивать ихъ въ своей чернильницѣ.

IX.

«Неизвестное», къ которону на всѣхъ парусахъ летѣлъ *Голубой пистецъ*, было недалеко. Встрѣтить его суждено было завтрашній день на рейдѣ Аге, куда яхта зашла на ночь.

Маркану захотѣлось немного познакомиться съ краемъ, прежде чѣмъ оставить тутъ жену. Въ первый же день по приѣздѣ онъ отправился утромъ осматривать виллы, расположенныя на холмѣ вдоль бульвара Валескюръ. Послѣ полудня Марканъ выбралъ одну виллу на берегу моря, за четверть мили отъ города, между помѣстьемъ Альфонса Бара (*Maison-Close*), гдѣ лодка, едва вытасченная изъ моря, попадаетъ прямо въ садъ, и *Oustalet du Capelan*, первымъ изъ ряда домовъ, построенныхъ на узкой береговой полосѣ такъ, что одна дверь выходитъ на дорогу, а въ пороги другой плещетъ море.

На слѣдующій день Маркану посовѣтовали отправиться посмотрѣть рейдъ Аге и по дорогѣ взглянуть на порфиновые ломки Драмона. Тамъ есть отличная гостиница и можно позавтракать.

— Къ сожалѣнью, дорога за Драмономъ очень неудобна, но по желѣзной дорогѣ вы доѣдете въ двѣнадцать минутъ.

Они отправились по желѣзной дорогѣ.

Такъ, помимо желанія людей, двѣ судьбы стремились прямо на встрѣчу другъ другу...

Дорогой Марканъ объявилъ женѣ, что въ слѣдующій свой приѣздъ онъ привезетъ изъ Парижа старую ихъ служанку, Жермену, оставленную было для него въ квартирѣ улицы Лиль (они жили въ этой тихой улицѣ). Старая Жермена любитъ Жоржа, и ее напрасно не взяли съ собой. Самъ онъ тамъ обойдется безъ нея, кормиться будетъ въ трактирѣ. Здѣсь же, до приѣзда Жермены, надо найти какую-нибудь дѣвушку... Онъ уже разспросилъ: найти недѣли на три или на двѣ можно очень скоро. Только вотъ... не страшно ли будетъ Элизѣ одной съ такою дѣвушкой въ большой виллѣ? Нѣтъ, ничего; уголокъ тутъ совершенно спокойный, въ сторонѣ отъ старинной большой дороги, проходящей по знаменитому «Карнизу»... До присканія служанки можно ночевать въ гостиницѣ.

Покончивши на этомъ дѣловую бесѣду, имъ оставалось только любоваться красотой мѣстности, новыми для нихъ видами. Черезъ четверть часа они выйдутъ изъ вагона. Поездъ мчался среди холмовъ, между вѣчно зелеными склонами, осѣненными алепскими соснами; тамъ и сямъ изъ-за пригорковъ сверкало море, какъ бы чѣгущее за ними слѣдомъ.

— А *Голубой ибисъ*, мама? Его уже нѣтъ тутъ!

— *Голубой ибисъ*? — проговорила мать. — Неужели ты воображаешь, что я отличу одинъ корабль отъ другого, почти точно такого же?

— А ты думаешь, маленькій дурачишка, — сказалъ Марканъ, отдѣлавшійся отъ своихъ бумажныхъ вороховъ, — что корабли затѣмъ выстроены, чтобы не двигаться съ мѣста?... Тотъ молодой человекъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ, — намѣревался, кажется, отправиться въ Италию... Дѣлать-то имъ нечего... счастливыцы!... Ну ихъ совсѣмъ! Я отлично распорядился, что поработалъ вчера въ вагонѣ и сбылъ съ рукъ мои дѣла. Всѣ отправлены почтой въ заказныхъ пакетахъ. Сегодня вечеромъ или завтра получу еще и тѣ уже отвезу съ собою. А! Воздухъ-то какой чудный!

Поѣздъ остановился.

— Какъ, уже Аге? Нѣтъ... Булюри.

— Папа, папа, смотри, станція одна одинешенька въ лѣсу!

— Хорошо бы пройтись сюда пѣшкомъ, — сказалъ Марканъ Элизѣ.

Поѣздъ понесся черезъ карьеры Драмона. Безчисленные плиты отесаннаго порфира сверкали огромнымъ голубовато-бѣлымъ пятномъ. Казалось, будто весь холмъ уступами готовъ скатиться въ море. Затѣмъ опять потянулась темная зелень, подъ которою замелькали красныя полосы глины, а ниже ихъ густо-фіолетовая гладь моря. То былъ Аге съ своимъ рейдомъ, довольно обширнымъ заливомъ, открытымъ южному вѣтру, — кругомъ немного суровая природа составляетъ восхитительный контрастъ съ оживленнымъ и веселымъ побережьемъ, которое только что видѣли наши путники. Въ глубинѣ бухты рѣчка, обильно поросшая олеандрами, проходитъ подъ желѣзною дорогой и вливается въ море. Гостиница, окруженная нѣсколькими домами, расположена на небольшомъ возвышеніи и обращена окнами къ пустынному и немного мрачному заливу, настоящему сказочному «синю-мору», изъ котораго такъ и ждешь, что вотъ-вотъ всплыветъ волшебный замокъ диговинной архитектуры.

Жоржъ, рѣшительно болѣе оживленный, чѣмъ въ Парижѣ, прыгалъ отъ удовольствія.

— *Голубой ибисъ! Голубой ибисъ*, мама!... Папа, *Голубой ибисъ!*

На самомъ дѣлѣ, яхта покачивалась на якорѣ недалеко отъ берега, въ глубинѣ рейда. Подобранные паруса лежали фестонами на реяхъ. Ни Марканъ, ни его жена не узнали яхту.

— Тебѣ всюду мерещится твой *Голубой ибисъ*, глупышъ ты маленькій.

Ихъ вниманіе въ эту минуту было отвлечено внезапнымъ появленіемъ у входа на рейдъ страннаго судна, едва виднаго изъ воды, съ легкими перилами, за которыя цѣплялось нѣсколько чело-вѣкъ; изъ низенькой трубы валилъ клубами черный дымъ. Слѣдомъ за нимъ и съ такою же необычайною быстротой неслоь другое, точь-въ-точь такое же, неизмѣнно подражая всѣмъ движеніямъ перваго. То были двѣ миноноски, и шли онѣ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одна отъ другой. Пройдя вглубь бухты, онѣ описали полкруга и побѣжали дальше. Путешественники внимательно смотрѣли на нихъ. Марканъ вынулъ изъ чехла свой бинокль.

Старый рыбакъ остановился невдалекѣ и сердито заворчалъ:

— Куда ихъ къ чорту несетъ такимъ быстрымъ ходомъ? Зыбь, вѣдь, хотя и не замѣтно. Съ берега-то безъ привычки и не разберешь, что въ морѣ скверно... Никуда не годятся эти свистульки! Что они тамъ ни толкуй, море ихъ всѣ слопааетъ одну за другой, ни одной не оставитъ. Я знаю свой рейдъ. Первая дрянъ проскочила какимъ-то чудомъ. Если другая пойдетъ слѣдомъ, то — неровень часъ — наскочитъ на каменный вострякъ скалы, вонъ тамъ... Э! готово!...

Миноноска 230, шедшая по слѣду первой, исчезнувшей уже за выступомъ берега у выхода, приподнятая набѣжавшимъ валомъ, наскочила въ самомъ дѣлѣ на камень.

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ Марканъ, не было ничего слышно. Носовая часть судна скрылась подъ буруномъ; на кормѣ, значительно приподнятой, сгруппировался весь экипажъ вокругъ командира.

— Боже мой! Боже мой! Что же они будутъ дѣлать? — заговорила Элиза, обращаясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ рыбакъ, но его уже не было.

Старикъ сбѣжалъ къ берегу и удалялся уже отъ него въ своей «рафіо», крѣпко уперши скрещенныя голыя ноги въ среднюю скамью и энергично работая двумя веслами, то сгибая спину, то идываясь назадъ всѣмъ своимъ выпрямленнымъ станомъ, попельно опускаясь на скамью и стоя. Въ то же время, отъ *Голубо ибиса* отдѣлилась лодка, въ которой сидѣлъ одинъ чело-вѣкъ. былъ Пьеръ Дофень. Капитанъ и весь экипажъ яхты были на егу.

Услыхавши крикъ матери, маленькій Жоржъ прижался къ ней. ѣ охватилъ обѣими руками ея платье, точно боясь, что кто-то

отнять ее, и смотрѣлъ туда, на мѣсто крушенія, не понимая происходящаго передъ его глазами.

— Лучше бы не видать этого, — прошептала Элиза. — Слишкомъ тяжело смотрѣть и не имѣть возможности что-нибудь сдѣлать.

— Какъ же быть? — сказалъ Марканъ. — Помочь мы дѣйстви-тельно не можемъ, но почему же не смотрѣть?

У обоихъ замирало сердце. Бинобль дрожалъ въ рукѣ Маркана; онъ положилъ его обратно въ чехоль. У Элизы ноги подкашивались отъ страха за людей, находящихся въ опасности. Молодая женщина сѣла на край дороги, привлекла голову сына къ себѣ на колѣни и закрыла рукой милые глаза ребенка, всему на свѣтѣ предпочитавшаго эти ласкающія его потемки.

Трудно было разобратъ, что происходитъ на мѣстѣ катастрофы. Третья лодка спѣшила на помощь миноноски; въ лодкѣ были капитанъ и матросы съ *Глубого ибиса*. Вокругъ потерпѣвшаго судна происходила непонятная суета на легкихъ и подвижныхъ лодкахъ. Съ первой миноноски ничего не видали, такъ какъ она исчезла уже съ рейда за выступомъ берега, когда вторая стала на мѣстѣ, наскочивши на камень.

Марканъ объяснялъ:

— Такъ неустойчивы эти миноноски, что нѣсколько человѣкъ, составляющихъ экипажъ судна, переходя разомъ на одну сторону, раскачиваютъ его, какъ какое-нибудь корыто!

Двѣ пришедшія на помощь лодки удалились отъ миноноски, увозя каждая свою долю экипажа. На мѣстѣ остался только яликъ *Глубого ибиса*.

Марканъ досталъ свой бинобль.

— На миноноскѣ остался, должно быть, только капитанъ, — сказалъ Марканъ. — Бомандирами миноносокъ назначаютъ обыкновенно лейтенантовъ кораблей. Такъ и есть... смотри!

И его охватило волненіе при мысли о томъ, что все обязываетъ командира корабля послѣднимъ покидать свое гибнущее судно.

Элиза тоже почувствовала своего рода болѣзненное удивленіе. Она припоминала изъ читаннаго когда-то все горе этихъ смѣльчакъ, когда гибнетъ вѣранный имъ и любимый ими корабль. Она посмотрѣла въ поданный мужемъ бинобль и видѣла, какъ послѣдній человѣкъ перешелъ съ миноноски въ яликъ.

— Спасенъ! — выговорила Элиза.

— Да нѣтъ, — возразилъ Марканъ. — Въ маленькой лодкѣ всего одинъ человѣкъ, тотъ, разумѣется, что приплылъ съ яхты... Бомандиръ миноноски все еще у себя на борту...

Тѣмъ временемъ миноноска опускалась все ниже, постепенно, непреодолимо поглощаемая волнами, какъ бы тающая въ нихъ, втягиваемая пѣнящеюся кругомъ водой. И ясно видѣнъ былъ на краю сильно наклонившейся кормы человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, — стало быть, офицеръ, — упорно остававшійся одинъ на своемъ мѣстѣ.

— Уходить не хочетъ, — ворчалъ Марканъ. — А дѣлать-то нечего, уходить надо... Да иди же, наконецъ, милый человѣкъ!... А, «sacrebleu», на-силу-то!

Темный силуэтъ перемѣстился въ яликъ, быстро уходившій прочь. Нѣсколько секундъ спустя исчезло подъ водою и то, что еще оставалось отъ погибшей миноноски. Невысокая труба скрылась одновременно съ кормой. Едва все это погрузилось въ море, на водной глади, во всемъ сходной съ окружающею поверхностью бухты, произошелъ взрывъ. Какъ умирающій морской звѣрь, желѣзное чудовище испустило подъ водой свой послѣднй вздохъ. Сжатый въ его утробѣ воздухъ вырвался съ рѣзкимъ ревомъ, съ цѣлымъ столбомъ пѣны и послѣднимъ клубомъ черного дыма, въ которомъ промелькнули снопомъ обломки желѣза и дерева.

Элиза плакала.

— Ремесло тяжелое, надо признаться, — сказалъ Марканъ. — Надѣюсь, всѣ спасены. Мы сейчасъ узнаемъ.

Ходившій на помощь лодки приближались къ берегу.

М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мой демонъ.

Онъ прилеталъ ко мнѣ въ тиши
На утрѣ юности мятежной
И рѣчью страстною и нѣжной
Тревожилъ сонъ моей души.
Любилъ я съ нимъ наединѣ
Вести завѣтные бесѣды...
Онъ мнѣ сулилъ и зло, и бѣды,
Но общалъ и счастье мнѣ.
Онъ былъ, какъ молодость, правдивъ
И не скрывалъ про всѣ тревоги
Имъ предначертанной дороги,
Отъ страха сердце оградивъ.
Порой онъ лаской нѣжилъ слухъ,
Порой терзалъ, какъ злой мучитель,
Но видѣлъ я, что мой учитель—
Не демонъ лжи, а свѣтлый духъ.
Любви, рождающей восторгъ,
Онъ влилъ въ меня бальзамъ цѣлебный
И указалъ тотъ храмъ волшебный,
Гдѣ незнакомъ житейскій торгъ.
Онъ повелѣлъ любить всегда
Людей страдающее племя
И все твердилъ, что правды сѣмя
Дождется пышнаго плода.
Промчались дни... такъ много дней...
Не стало юности кипучей,
А горе жизни черной тучей
Нависло шире и мрачнѣй.

И тамъ, гдѣ вѣра и любовь,
Какъ дорогіе жили гости,—
Почіють ихъ святые кости,
Но не воскреснуть къ жизни вновь.
Лучъ грезъ былыхъ покрылся тьмой...
Лишь иногда съ надеждой сладкой
Осмѣлюсь я шепнуть уврадкой:
«Спасибо, добрый демонъ мой...
Спасибо, другъ... благодарю
Тебя за то, что хоть однажды
И я не чуждъ былъ гордой жажды
Увидѣть солнце и зарю».

Л. Медвѣдевъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

ХVII.

— Я даже тебя не спрашиваю, — говорилъ Бигель Поланецкому, послѣ его возвращенія въ Варшаву, — счастливъ ли ты. Съ такою, какъ твоя жена, нельзя быть несчастнымъ.

— Да, — отвѣчалъ Поланецкій, — Мариня такая хорошая бабенка, что трудно найти лучше.

И онъ обратился къ пани Бигель:

— Намъ обоимъ хорошо, и не можетъ быть иначе. Помните, дорогая, наши прежніе разговоры о супружествѣ и любви? Помните, какъ я боялся, чтобы не напасть на женщину, которая хотѣла бы заслонить своею особой передъ мужемъ весь міръ, занять всѣ его мысли, всѣ его чувства, быть единственною цѣлью его жизни? Помните, какъ я доказывалъ и вамъ, и пани Эмилии, что любовь къ женщинѣ не можетъ и не должна быть для мужчины всѣмъ, что и помимо любви есть другія дѣла на свѣтѣ?

— Да, но я помню также то, что и я говорила вамъ, что, напримѣръ, мнѣ домашнія занятія ничуть не мѣшаютъ любить дѣтей... Почему знать, но мнѣ все кажется, что эти вещи — не коробка, которую не поставишь на столъ, если онъ занятъ другими коробками.

— Моя жена права, — сказалъ Бигель. — Я замѣтилъ, что мы часто ошибаются, когда переносятъ въ физическія условія чувств или идеи. Когда рѣчь идетъ о нихъ, то нечего говорить о мѣстѣ

На это Поланецкій весело отвѣтилъ:

— Тише, ты, завоеванная страна!

*) *Русская Мысль*, кн. V.

— Такъ что-жь, коли мнѣ хорошо? — отвѣтилъ Бигель. — Кроме того, и тебя когда-нибудь завоюютъ.

— Меня?

— Да. Любовью, добротою, сердцемъ.

— Это дѣло совсѣмъ другое. Можно быть завоеваннымъ и не ходиться подъ башмакомъ. Не мѣшайте мнѣ хвалить Мариню. Я вынулъ счастливый билетъ, такой, что лучшаго вынуть не могъ, потому что Мариня довольствуется моимъ чувствомъ къ ней и не выражаетъ намѣренія быть моимъ единственнымъ кумиромъ. За то я и люблю ее. Богъ уберегъ меня отъ жены, требующей, чтобъ ей посвящали всю душу, весь разумъ, все существо *et caetera*, и я всею душой благодарю Его, потому что не могъ бы выносить этого. Я понимаю, что все это можно отдать добровольно, именно тогда, когда этого не требуютъ насильно.

— Повѣрьте мнѣ, панъ Станиславъ, — сказала пани Бигель, — что мы всѣ безъ исключенія одинаково требовательны съ этой точки зрѣнія, только сначала мы принимаемъ ту часть, которую даютъ намъ, за цѣлое, а потомъ...

— А потомъ что? — съ отгѣнкомъ насмѣшки перебилъ Поланецкій.

— Потомъ тѣ, у которыхъ больше прямодушія, кончаютъ тѣмъ, что для васъ является словомъ, лишеннымъ значенія, а для насъ — основаніемъ всей нашей жизни.

— Что же это за талисманъ?

— Резиньяція.

Поланецкій разсмѣялся.

— Покойникъ Букацкій говорилъ, — сказалъ онъ, — что женщины часто наряжаются въ резиньяцію, потому что это имъ къ лицу. Шляпка изъ резиньяціи, вуаль изъ легкой меланхолии, — развѣ это не красиво?

— Нѣтъ, это не некрасиво. Что дѣлать? Можетъ быть, это и щегольская одежда, но въ этой одеждѣ легче попасть на небо, чѣмъ въ какой-нибудь другой.

— Въ такомъ случаѣ, моя Мариня осуждена на адскія мученія, — я надѣюсь, что она никогда не будетъ носить такой одежды. Наконецъ, вы скоро увидите ее, — она обѣщала придти къ вамъ, гда кончатся наши конторскія занятія. Неповоротлива она у меня, опоздаетъ... должна была уже быть здѣсь.

— Ее, должно быть, отецъ не пускаетъ. Но вы останетесь у насъ обѣдать, безъ всякой церемоніи, да?

— Останемся обѣдать? Хорошо.

— Къ намъ и еще кое-кто обѣщалъ придти. Я пойду сказать, чтобы вамъ поставили приборы.

Хозяйка вышла, а Поланецкій спросилъ у Бигеля:

— Кого вы пригласили обѣдать?

— Завиловскаго, будущаго корреспондента нашего дома.

— Кто это Завиловскій?

— Тотъ самый, извѣстный поэтъ.

— Съ Парнаса и за конторку? Какъ же это такъ?

— Да такъ. Не помню, кто-то сказалъ, что наше общество держитъ своихъ геніевъ на діотѣ. Говорятъ, что это удивительно способный человѣкъ, но стихами себѣ хлѣба не зарабатываетъ. Ты знаешь, что нашъ Цисковскій перешелъ въ страховое общество, — мѣсто освободилось, — а тутъ заявился Завиловскій. У меня были нѣкоторыя сомнѣнія, но онъ сказалъ мнѣ, что для него это — вопросъ насущнаго хлѣба и возможности работать. Притомъ, онъ понравился мнѣ, потому что сразу признался, что пишетъ на трехъ языкахъ, но ни на одномъ не можетъ говорить порядочно, а, во-вторыхъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о торговой корреспонденціи.

— Э, вздоръ, — отвѣтилъ Поланецкій, — въ недѣлю научится! Долго ли только онъ усидитъ и не будетъ ли запаздывать корреспонденція?... Вѣдь, дѣло придется имѣть съ поэтомъ!

— Тогда мы разстанемся. Но, понимаешь, когда онъ самъ предложилъ свои услуги, то я предпочелъ дать мѣсто ему, а не кому-нибудь другому. Черезъ три дня онъ долженъ приступить къ занятіямъ. Я ему выдалъ впередъ мѣсячное жалованье, — ему нужно было.

— Голый былъ, что ли?

— Кажется. Здѣсь есть старикъ Завиловскій, — тотъ, у котораго красивая дочь, — человѣкъ очень богатый. Спрашивалъ я нашего, не родственникъ ли его? Говорить, нѣтъ, но при этомъ покраснѣлъ, такъ что я думаю, что да. Какъ это у насъ ни въ комъ нѣтъ равновѣсія? Одни отрекаются отъ родныхъ потому, что они бѣдны, другіе потому, что они богаты. Все это ради причуды и благодаря проклятой гордости... Онъ тебѣ, впрочемъ, понравится... Женѣ моей понравился.

— Кто понравился твоей женѣ? — спросила пани Бигель, входя въ комнату.

— Завиловскій.

— Потому что я читала его чудесные стихи *На порогъ*. Кроме того, Завиловскій смотритъ такъ, будто утаиваетъ что-то отъ людей.

— Утаиваетъ нищету или, вѣрнѣе, нищета утаиваетъ его.

— Нѣтъ, онъ смотритъ такъ, будто испыталъ тяжелое разочарованіе.

— Видалъ ты такую мечтательницу? Она уже говорила мнѣ, что онъ много страдалъ, и обидѣлась, когда я выразилъ предположеніе, что, можетъ быть, глистами въ дѣтствѣ. Для нея это недостаточно поѣтично.

Поланецкій нетерпѣливо посмотрѣлъ на часы.

— Не везетъ мнѣ съ Мариней, — сказалъ онъ, — экая неповоротливая!

Но «неповоротливая» въ эту минуту пришла или, вѣрнѣе, приѣхала. Свиданіе обошлось безъ радостныхъ объятій, потому что Мариня уже видѣлась съ пани Бигель на вокзалѣ. Поланецкій объявилъ женѣ, что они остаются обѣдать, на что она охотно согласилась и потомъ начала ласкать дѣтей, которыя цѣлою гурьбой нахлынули въ комнату.

Пришелъ Завиловскій и Бигель представилъ его Поланецкимъ. То былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи-восьми, и Поланецкій, смотря на него, замѣтилъ, что его мина вовсе не похожа на мину человѣка, много страдавшаго въ жизни. Лицо у Завиловскаго было нервное, съ подбородкомъ, сильно выдающимся впередъ, какъ у Вагнера, съ веселыми сѣрыми глазами и необыкновенно изящнымъ бѣлымъ лбомъ, на которомъ выдающіяся жилы образовывали букву У. Притомъ, онъ былъ высокъ и порядочно нескладенъ.

— Я слышалъ, — сказалъ ему Поланецкій, — что черезъ три дня вы дѣлаетесь нашимъ товарищемъ.

— Такъ точно, панъ принципальъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, — то-есть я буду служить въ вашей конторѣ.

Поланецкій расхохотался.

— Только вы оставьте въ покоѣ это принципальство. У насъ нѣтъ обычая титуловать другъ друга... Не знаю, женѣ моей, можетъ быть, понравился бы такой титулъ, — это придало бы ей вѣсу въ ея собственныхъ глазахъ.

И онъ обратился къ Маринѣ:

— Слушай, пани принципальша, хочешь, чтобъ тебя называли принципальшей? Будетъ новая забава!

Завиловскій сконфузился, но также засмѣялся, когда пани Поланецкая отвѣтила:

— Нѣтъ, мнѣ все кажется, что «принципальша» должна но-

силь воть такой огромный чепецъ, — она показала руками, какой именно, — а я терпѣть не могу чепцовъ.

Завиловскій сразу почувствовалъ себя хорошо среди этихъ веселыхъ, добродушныхъ людей, но онъ опять смутился, когда Мариня сказала ему:

— А вы мой старый знакомый. Теперь я новаго ничего не читала, потому что мы недавно вернулись; прибавилось что-нибудь за это время?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Завиловскій, — я теперь этимъ занимаюсь такъ, какъ панъ Бигель музыкой: въ свободное время и для собственнаго удовольствія.

— Не вѣрю, — сказала пани Поланецкая.

И она имѣла основаніе не вѣрить, потому что на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Въ отвѣтъ Завиловскаго доставало прямоты, но онъ хотѣлъ дать понять, что, прежде всего, желаетъ считаться корреспондентомъ торговаго дома и стоять въ положеніи конторщика, а не поэта. Бигеля и Поланецкаго онъ титуловалъ принципами вовсе не изъ униженности, а для того, чтобы показать, что, взявшись за конторскую работу, онъ считаетъ ее такою же хорошею, какъ и всякую другую, что приспособливается къ этой роли и впредь будетъ приспособливаться. Впрочемъ, тутъ были и другія соображенія. Завиловскій, несмотря на свою молодость, замѣтилъ, какъ смѣшны люди, которые напишутъ одно или два стихотворенія, и тотчасъ же принимаютъ пророческую позу и другимъ повелѣваютъ считать себя пророками. Его огромное самолюбіе дрожало передъ опасностью быть смѣшнымъ, и онъ впалъ въ другую крайность и почти стыдился своей поэзіи. Въ послѣднее время, когда онъ испытывалъ крайнюю нужду, эта особенность дошла почти до странности и самый ничтожный намекъ съ чьей-нибудь стороны на его поэтическую дѣятельность сильно раздражалъ Завиловскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ себя нелогичнымъ. Тогда самое лучшее не писать стиховъ и не обнародывать ихъ, но отъ этого онъ не могъ воздержаться. Его голова еще не была осѣнена ореоломъ, но на него уже упало нѣсколько лучей, которые то озаряли его чело, то опять гасли, смотря по тому, писалъ ли онъ, или бездѣйствовалъ. Послѣ каждаго новаго стихотворенія лучъ начиналъ играть снова и Завиловскій, настолько же талантливый, насколько самолюбивый, въ сущности, цѣнилъ эти отблески славы больше всего на свѣтѣ. Несмотря на то, онъ хотѣлъ, чтобы люди говорили о немъ между собою, а не прямо ему въ глаза. Когда онъ предполагалъ, что о немъ начинаютъ забывать, то страдалъ въ глубинѣ

своего сердца. Въ немъ было какое-то раздвоенное самолюбіе, которое жаждетъ славы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отталкиваетъ ее, благодаря нѣкоторой дикости и гордости, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что его почтили не по заслугамъ. Кромѣ того, въ немъ крылось множество противорѣчій, какъ въ человѣкѣ молодомъ и впечатлительномъ, который воспринимаетъ всѣ явленія съ особенною чуткостью, а иногда среди своихъ впечатлѣній не сумѣетъ отыскать своего собственнаго я. По этому поводу артисты вообще кажутся по большей части искусственными.

За обѣдомъ разговоръ шелъ, разумѣется, объ Италіи, о людяхъ, которыхъ Поланецкіе встрѣтили тамъ. Поланецкій рассказывалъ о Буцацкомъ, о его послѣднихъ минутахъ и послѣдней волѣ, благодаря которой онъ долженъ былъ получить значительную сумму денегъ. Еще большая часть назначалась на благотворительныя дѣла и объ этомъ Поланецкій долженъ былъ посоветоваться съ Бигелемъ. Буцацкаго любили и вспоминали о немъ съ сочувствіемъ, а у пани Бигель даже слезы навернулись на глазахъ, когда Мариня сообщила, что передъ смертью онъ исповѣдался и умеръ христіаниномъ.

Но воспоминаніе это было такого рода, что не мѣшало обѣдать, и если Буцацкій когда-нибудь вздыхалъ по Нирванѣ, то теперь могъ бы считать себя удовлетвореннымъ: для людей даже близкихъ и любящихъ его онъ становился мало-по-малу легкимъ и неяснымъ воспоминаніемъ. Еще недѣля, мѣсяцъ или годъ, и имя его будетъ звукомъ безъ эхо. Ничьей болѣе глубокой любви онъ не завоевалъ, а жизнь его прошла такъ, что даже послѣ такого ребенка, какъ Литга, осталось не только больше любви и горя, но даже больше видимыхъ слѣдовъ. Завиловскій, который не зналъ его, сначала заинтересовался его жизнью, но когда выслушалъ рассказъ Поланецкаго, то подумалъ немного и сказалъ: «Это копія съ чего-то!» Буцацкій при жизни шутилъ надо всѣмъ, но и ему такая эпитафія показалась бы обидной.

Мариня, желая придать разговору болѣе веселое настроеніе, начала рассказывать о своихъ прогулкахъ по Риму и его окрестностямъ, которыя они предпринимали то одни, то со Свирскимъ или Основскими. Бигель, — онъ былъ товарищемъ Основскаго по школѣ и отъ времени до времени видался съ нимъ, — сказалъ:

— У него одна любовь, это — собственная жена и одна ненависть — собственная тучность или, вѣрнѣе, предрасположеніе къ тучности. Но вообще это прекрасный человѣкъ.

— Но онъ кажется совсѣмъ худощавымъ, — сказала Мариня.

— Два года назадъ онъ былъ почти толстымъ, но когда началъ

ѣздить на велосипедѣ, фехтовать, сидѣть на діэтѣ Беттинга, лѣтомъ пить Карлсбадъ, а зимой ѣздить въ Египетъ или Италію, то возвратился назадъ почти худымъ. Наконецъ, я невѣрно сказалъ, что онъ питаетъ ненависть къ ожиренію, — это его жена, а онъ дѣлаетъ это, чтобы кокетничать передъ ней. И по цѣлымъ ночамъ на балахъ танцевалъ по тому же соображенію.

— Это *sclavus saltans*, — сказалъ Поланецкій. — Свирскій уже рассказывалъ намъ объ этомъ.

— Я понимаю, можно любить жену, — продолжалъ Бигель, — можно ее считать, какъ говорится, за зеницу ока. Хорошо! Но я, Богомъ клянусь, слышалъ, что онъ своей женѣ стихи пишетъ, съ закрытыми глазами раскрываетъ книжку, отмѣчаемъ пальцемъ какую-нибудь строчку и заключаетъ изъ того, что прочтетъ, любитъ ли она его, или нѣтъ. Если выйдетъ что-нибудь неблагопріятное, то онъ впадаетъ въ меланхолію. Онъ ее любитъ, какъ гимназистъ, считаетъ всѣ ея взгляды, усиливается отгадать, какое значеніе имѣетъ то или другое ея слово, цѣлуетъ не только ея ноги и руки, но даже и перчатки, когда думаетъ, что на него никто не смотритъ... Богъ знаетъ что! И такъ ужъ много лѣтъ.

— Какой онъ милый! — сказала Мариня.

— А ты хотѣла бы, чтобъ и я былъ такимъ? — спросилъ Поланецкій.

Она подумала съ минуту и отвѣтила:

— Нѣтъ, потому что ты тогда былъ бы не тѣмъ, какимъ ты есть.

— О, Макгіавель! — сказалъ Бигель. — Такой отвѣтъ стоило бы записать; тутъ и похвала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немного критики, и сообщеніе о томъ, что теперешнее положеніе дѣлъ хорошее, и намекъ на то, что можно было бы желать чего-нибудь получше. Поди-ка, разберись въ этомъ.

— Я беру это, какъ похвалу, — сказалъ Поланецкій, — хотя пани Бигель, навѣрное, скажетъ, что это резиньяція.

Пани Бигель разсмѣялась и отвѣтила:

— Верхъ изъ любви, резиньяція можетъ явиться современемъ, какъ подкладка, если будетъ становиться холодно.

Завиловскій съ интересомъ смотрѣлъ на Мариню. Сама она казалась ему и красивой, и сампатичной, а отвѣтъ ея пріятно удивилъ его. Онъ подумалъ, что такъ могла говорить только страстно любящая женщина, которая никогда не можетъ пресытиться своимъ чувствомъ, и съ великою завистью посмотрѣлъ на Поланецкаго, потому что самъ былъ совершенно одинокимъ человекомъ.

Все это время онъ молчалъ и ему казалось, что приличіе за-

ставляетъ и его вступить въ общій разговоръ. Но его удерживала робость и, кромѣ того, зубная боль, — періодическая, то отпустить, то схватить еще сильнѣе. Это отнимало у него послѣднюю долю храбрости, но, наконецъ, онъ осмѣлился и спросилъ:

— А пани Основская?

— А у пани Основской есть мужъ, — отвѣтилъ Поланецкій, — который любить за двоихъ, — значить, ей нѣтъ надобности утруждать себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Свирскій. Притомъ, у нея китайскіе глаза, на зубъ въ верхней челюсти пломба, которую видно, когда она смѣется, — вообще она словно горлица, вертится въ колесѣ и кричитъ: «сахару! сахару!»

— Злой человѣкъ! — сказала Мариня. — Она красива, умна, остроумна, а панъ Свирскій не можетъ знать, насколько она любить мужа, потому что, по всей вѣроятности, не разговаривалъ съ ней объ этомъ. Все это только одни предположенія.

Поланецкій подумалъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, что это не предположеніе, во-вторыхъ, что жена его такъ же добра, какъ и наивна.

А Завиловскій сказалъ:

— Интересно, что бы было, еслибъ она такъ же была влюблена въ него, какъ онъ въ нее?

— Это былъ бы величайшій эгоизмъ вдвоемъ, какой только видѣлъ свѣтъ, — отвѣтилъ Поланецкій. — Они были бы такъ заняты другъ другомъ, что не видали бы никого и ничего около себя.

Завиловскій улыбнулся и сказалъ:

— Свѣтъ не мѣшаетъ теплу, — онъ порождаетъ его.

— Собственно говоря, это изреченіе скорѣе поэтическое, чѣмъ физическое, — отвѣтилъ Поланецкій.

Потомъ разговоръ зашелъ о Машко и его женѣ. Бигель рассказывалъ, что въ руки Машко попало огромное дѣло объ уничтоженіи миллионнаго завѣщанія панны Плоховской, которое оспаривало нѣсколько ея отдаленныхъ родственниковъ. Панъ Плавицкій писалъ объ этомъ дочери въ Италію, но Мариня считала это дѣло такою же мечтой, какъ миллионы, основанные на мергелѣ, и едва упомянула объ этомъ мужу, который тоже махнулъ рукой на мечтанія пана Плавицкаго. Теперь дѣло, коль скоро Машко взялся за него, представлялось болѣе солиднымъ. Бигель допускалъ, что въ завѣщаніи могли быть какія-нибудь неправильности, и утверждалъ, что если Машко выиграетъ, то сразу станетъ на ноги, потому что выговорилъ себѣ огромный гонораръ. Поланецкій сильно заинтересовался.

— Однако, у Машко кошачья особенность,—сказалъ онъ,—вѣчно падать на ноги.

Бигель отвѣтилъ:

— На этотъ разъ вы должны молить Бога, чтобъ Машко не сломалъ шеи, потому что для васъ, пани Поланецкая, и для вашего отца это дѣло не малое. Одинъ Плошовъ со всѣми фальварками оцѣненъ въ семьсотъ тысячъ рублей, да, кромѣ того, наличныя деньги.

— Это былъ бы недурной сюрпризъ,—сказалъ Поланецкій.

Но Мариня съ неудовольствіемъ узнала, что ея отецъ, вмѣстѣ съ прочими сонаслѣдниками, сталъ оспаривать духовное завѣщаніе. Ея «Стахъ» былъ человѣкомъ состоятельнымъ и Мариня слѣпо вѣрила, что отъ него зависитъ нажать еще цѣлые милліоны; у отца была рента, кромѣ того, она уступила ему пожизненно то, что ей слѣдовало за Магерувку,—значить, нужда никому не грозила. Правда, пріятно было бы пани Поланецкой выкупить Кшемень и возить туда на лѣто своего «Стаха», но не на такія деньги.

Она съ живостью заговорила:

— Я этимъ очень огорчена. Эти деньги такъ хорошо были назначены. Волю умершихъ измѣнять не годится, не годится отнимать хлѣбъ у бѣдныхъ, средства у школъ. Племянникъ панны Плошовской застрѣлился; можетъ быть, она хотѣла спасти его душу, вымолить ему прощеніе Божіе. Это не годится. Нужно иначе думать и иначе чувствовать.

Она даже раскраснѣлась, а Поланецкій сказалъ:

— Какая рѣшительная!

Но она слегка надулась и начала повторять тономъ раскаявшагося ребенка:

— Ну, Стахъ, скажи, что я права, скажи, что я права! Ты долженъ сказать это!

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Поланецкій,—но Машко, все-таки, можетъ выиграть дѣло.

— Желаю ему, чтобъ онъ проигралъ,—проговорила Мариня.

— Какая рѣшительная!—повторилъ Поланецкій.

«И какая правдивая, какая благородная натура!»—подумалъ Завиловскій, облекая въ своемъ пластическомъ умѣ понятія о правдивости и благородствѣ въ форму женщины съ темными волосами, голубыми глазами, со стройнымъ станомъ и немного широкимъ ртомъ.

Послѣ обѣда Бигель и Поланецкій вышли пить кофе и курить въ кабинетъ, гдѣ должны были поговорить о назначеніи, которое

надлежало дать деньгамъ Букацкаго. Завиловскій, какъ не курящій, остался съ дамами въ гостиной. Тогда Марина, которая, какъ пани «принципальша», считала своею обязанностью ободрить будущаго корреспондента торговаго дома, приблизилась къ молодому человѣку и сказала:

— Я, какъ и пани Бигель, хотѣла бы, чтобъ мы всё считали себя однимъ большимъ семействомъ, поэтому включите и насъ въ число своихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Сочту за величайшую честь, если вы позволите, — сказалъ Завиловскій. — Я и такъ бы засвидѣтельствовалъ вамъ свое почтеніе...

— Я познакомилась со всѣми служащими въ конторѣ только на моей свадьбѣ; потомъ мы тотчасъ же уѣхали, теперь мнѣ хочется познакомиться поближе. Мужъ мой говорилъ, что желалъ бы, чтобъ собирались одну недѣлю у Бигелей, а другую у насъ. Это очень хорошее намѣреніе, только я должна сдѣлать одно предостереженіе.

— Какое? — спросила пани Бигель.

— Чтобы на нашихъ собраніяхъ воспрещалось говорить о торговыхъ дѣлахъ. Будетъ музыка, — надѣюсь, панъ Бигель подумаетъ объ этомъ, — а потомъ мы прочтемъ что-нибудь вродѣ *На порогѣ*.

— Только не при мнѣ, — съ принужденною улыбкой сказалъ Завиловскій.

Мариня посмотрѣла ему въ глаза со свойственною ей прямою.

— Отчего же нѣтъ? — спросила она. — Въ присутствіи людей, искренно расположенныхъ? Мы часто говорили о васъ и думали, прежде чѣмъ познакомились съ вами, а теперь будемъ говорить еще болѣе.

Завиловскій чувствовалъ себя совершенно обезоруженнымъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ среду какихъ-то необыкновенныхъ людей, по крайней мѣрѣ, что пани Поланецкая необыкновенная женщина. Опасеніе, палившее его, какъ огонь, чтобы не показаться смѣшнымъ вмѣстѣ со своею поэзіей, со своею длинною шей и острыми локтями, начинало таять. Онъ чувствовалъ, что она говоритъ не для того, чтобы сказать что-нибудь, не для соблюденія свѣтскихъ приличій, но высказываетъ только то, что вытекаетъ изъ ея доброты и впечатлительности. Притомъ, его восхищали и лицо и фигура, такъ же, какъ въ Венеціи они восхищали Свирскаго. А такъ какъ онъ привыкъ искать опредѣленія для каждаго печатлѣнія, то началъ искать опредѣленій и для Марини, и чувствовалъ, что эти опредѣленія должны быть не только искренни,

но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и изящны, красивы и безыскусственны, какъ и ея красота была изящна и безыскусственна. Онъ видѣлъ передъ собою тему и въ немъ пробудился художникъ.

Тѣмъ временемъ Мариня начала съ величайшею искренностью разспрашивать его о его семейныхъ обстоятельствахъ, но тутъ, къ счастью, появленіе Бигеля и Поланецкаго освободило его отъ тягостнаго отвѣта. Его отецъ, когда-то извѣстный картежникъ и гуляка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣшался и теперь сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ.

Дѣловыя совѣщанія товарищей были кончены, и Бигель сказалъ:

— Мнѣ кажется, что это великолѣпный проектъ, но нужно еще подумать.

Онъ оперся на віолончель, задумался и потомъ сказалъ:

— Странное дѣло! Когда я играю, то мнѣ сдается, что у меня въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ музыки, а оказывается неправда. Какая-то частичка мозга занята другими дѣлами и, что всего удивительнѣе, самыя лучшія мысли именно тогда и приходятъ ко мнѣ.

Онъ сѣлъ, поставилъ віолончель между колѣнъ, закрылъ глаза и началъ *Весеннюю пѣснь*.

Завиловскій ушелъ домой, очарованный этимъ домомъ, этими людьми, ихъ простотой, *Весеннею пѣсней* и въ особенности пани Поланецкой.

А Мариня и не догадывалась, что современнымъ можетъ обогатить поэзію новымъ произведеніемъ.

XVIII.

Панъ и пани Машко навѣстили Поланецкихъ черезъ недѣлю послѣ ихъ пріѣзда. Она, въ сѣромъ платьѣ, съ сѣрыми же марабу, казалась такою красивой, какъ никогда. Воспаленіе глазъ, которымъ она страдала издавна, прошло. Ея лицо сохранило прежнюю равнодушную, почти сонную мягкость, но теперь это только вызывало его артистическое выраженіе. Бывшая панна Краславская была лѣтъ на пять старше Марини, и въ дѣвушкахъ казалась старѣе, но теперь какъ будто помолодѣла. Ея стройная и изящная фигура казалось дѣтскою въ туго обтянутомъ платьѣ. Замѣчательно то, что Поланецкій, который не любилъ ея, находилъ въ ней что-то притягательное, и сколько разъ ни встрѣчался съ нею, говорилъ себѣ: «однако, въ ней что-то есть». Даже ея монотонный голосъ, и тотъ имѣлъ для него свою прелесть. Теперь онъ прямо

подумаль, что она кажется особенно хорошенькою и что больше измѣнилась къ лучшему, чѣмъ Мариня.

Самъ Машко разцвѣлъ, какъ подсолнечникъ. Отъ него такъ и вѣяло важною, самоувѣренностью и гордостью, впрочемъ, съ отгѣнкомъ благоволенія. Могло казаться, что онъ въ теченіе одного дня не въ состояніи объѣхать всѣхъ своихъ владѣній, — словомъ, Машко корчилъ изъ себя барина больше, чѣмъ когда-либо. Только одно въ немъ было неподдѣльно, это—любовь къ женѣ. Изъ каждаго его взгляда было видно, что онъ полюбилъ ее дѣйствительно. Правда, трудно было бы найти женщину, которая болѣе соответствовала бы его представленіямъ о хорошемъ вкусѣ, изяществѣ и великосвѣтскомъ лоскѣ. Ея равнодушіе, ея ледяное обращеніе съ людьми онъ считалъ чѣмъ-то несравненнымъ. Она ни на минуту не утрачивала этой особенности, даже тогда, когда оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ. Машко, какъ настоящій парвеню, который завладѣлъ княжною, потому и полюбилъ ее, что она представлялась ему княжною, и потому, что онъ завладѣлъ ею.

Мариня начала спрашивать гостью, гдѣ они провели первое время послѣ свадьбы.

Пани Машко отвѣчала: «въ имѣніи мужа», и отвѣчала такимъ тономъ, какъ будто это «имѣніе мужа» было майоратомъ въ теченіе двадцати поколѣній, причеиъ прибавила, что за границу они собираются только черезъ годъ, когда мужъ окончитъ дѣла, а теперь на лѣтніе мѣсяцы они снова ѣдутъ въ «имѣніе мужа».

— Вы любите деревню?—спросила Мариня.

— Мама любить деревню,—отвѣтила пани Машко.

— А Ёшемень понравился вашей мамѣ?

— Да. Только окна въ домѣ, какъ въ оранжереѣ,—столько стеклы!

— До нѣкоторой степени это вызвано необходимостью,—смиѣясь, сказала пани Поланецкая.—Если такое стекло разобьется, то его исправить всякій стекольникъ, а за большимъ пришлось бы посылать въ Варшаву.

— Мужъ говорить, что выстроить новый домъ.

Пани Поланецкая тихо вздохнула и переиѣнила предметъ разговора. Оказалось, что пани Машко брала когда-то уроки танцевъ вмѣстѣ съ пани Основской и ея младшею родственницею, Линетою Бастелли, и что Линета еще красивѣе пани Основской, рисуетъ и пишетъ стихи. Пани Машко слышала, что пани Основская уже возвратилась и что Линета останется на ея дачѣ до іюня, вмѣстѣ съ

своею теткой, пани Броничъ, «и это очень пріятно, потому что они такія милыя».

А Поланецкій съ Машко удалились въ сосѣдную маленькую гостиную и разговаривали о завѣщаніи панны Плошовской.

— Я могу тебѣ сказать, что почти выплылъ, — говорилъ Машко. — Я былъ почти совсѣмъ надъ пропастью, но это дѣло поставило меня на ноги собственно потому, что я началъ его. Давно уже не было ничего подобнаго. Тутъ дѣло пахнетъ милліонами. Плошовскій самъ по себѣ былъ богаче тетки и, прежде чѣмъ застрѣлиться, отказалъ свое состояніе матери пани Броницкой, а когда та не приняла завѣщанія, все состояніе перешло къ старой пани Плошовской. Понимаешь теперь, сколько бабушка оставила?

— Бигель говорилъ о семистахъ тысячахъ рублей.

— Скажи своему Бигелю, коли ужъ онъ такъ любить считать, что больше, чѣмъ вдвое. Ну, я долженъ отдать себѣ справедливость, что умѣю защищаться и что меня легче бросить въ воду, чѣмъ утопить. Но я тебѣ вотъ что скажу: знаешь, кому я обязанъ? Твоему тестю. Когда-то онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, но тогда я только рукой махнулъ. Потомъ я попалъ въ передѣлку... помнишь, я писалъ тебѣ? Мнѣ ножъ къ горлу приставили. Три недѣли тому назадъ, совершенно случайно, я встрѣчаю твоего тестя и онъ мнѣ, между прочимъ, начинаетъ говорить о паннѣ Плошовской и вретъ о ней, сколько влѣзетъ. Вдругъ я ударилъ себя по лбу. Что я могъ потерять? Ничего. Приказалъ я нотаріусу Вышиньскому показать завѣщаніе и вижу, что неправильности есть. Небольшія, но есть. Черезъ недѣлю у меня была уже полная довѣренность отъ всѣхъ сонаслѣдниковъ и я началъ дѣло. И что-жь ты думаешь? При одномъ извѣстіи о гонорарѣ, который долженъ мнѣ достаться въ случаѣ выигрыша, ко всѣмъ людямъ вернулось довѣріе, къ кредиторамъ моимъ вернулось терпѣніе, вернулся кредитъ и я держусь... Помнишь, было время, когда я понизилъ тонъ, когда у меня въ головѣ зародились идилическія мысли существовать муравьинымъ трудомъ, ограничить жизнь? Вздоръ! Трудно это, другъ мой! Ты бранилъ меня, что я корчу что-то, но у насъ это нужно. Теперь я долженъ корчить человѣка, который одинаково вѣрить какъ въ свою состоятельность, такъ и въ свою побѣду.

— Скажи мнѣ откровенно, хорошее это дѣло?

— Какъ, хорошее ли?

— Просто... не нужно его будетъ сильно тянуть за уши, вопреки справедливости?

— Знай же, что въ каждомъ дѣлѣ можно что-нибудь сказать

въ его пользу, а достоинство адвоката и состоятъ въ томъ, чтобы сказать это. Собственно, вопросъ здѣсь въ томъ, кто долженъ быть наслѣдникомъ, и такъ ли написано завѣщаніе, чтобы быть состоятельнымъ передъ лицомъ закона, а законъ выдумалъ не я.

— Ты увѣренъ въ выигрышѣ?

— Когда дѣло идетъ объ уничтоженіи духовной, я почти всегда увѣренъ, потому что нападеніе обыкновенно во сто разъ болѣе бываетъ энергично, чѣмъ защита. Кто выступить противъ меня? Учрежденія, то-есть тѣла, сами по себѣ отяжелѣвшія, мало расторопныя, представители которыхъ не видятъ въ защитѣ никакого личнаго интереса. Возмутъ адвоката, — хорошо! Но что они дадутъ ему? что они могутъ ему дать? Столько, сколько слѣдуетъ по таксѣ. Ну, этому адвокату больше будетъ выгоды, если я выиграю, — его польза можетъ зависѣть отъ моего личнаго соглашенія съ нимъ. Вообще, я скажу тебѣ, что въ судебныхъ дѣлахъ, какъ и въ жизни, выигрываетъ та сторона, которая сильнѣе хочетъ выиграть.

— Но общественное мнѣніе сотретъ тебя въ порошокъ, если ты уничтожишь такое завѣщаніе. Вотъ видишь, моя жена до нѣкоторой степени заинтересована...

— Какъ до нѣкоторой степени? — перебилъ Машко. — Я буду вашимъ истиннымъ благодѣтелемъ.

— Ну, хорошо. Такъ вотъ моя жена возмутилась и возмущается всѣмъ этимъ дѣломъ.

— Жена твоя — исключеніе.

— Не совсѣмъ. И мнѣ это не по вкусу.

— Вотъ какъ! И тебя передѣлали въ романтика?

— Милый мой, мы давно знаемъ другъ друга. Говори такимъ языкомъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

— Хорошо. Я буду говорить только объ общественномъ мнѣніи. Прежде всего, я скажу тебѣ, что нѣкоторая непопулярность человѣку настоящему *сomme il faut* скорѣе помогаетъ, чѣмъ вредитъ. Во-вторыхъ, эти вещи надо понимать. Меня стерли бы, какъ ты выражаешься, въ порошокъ, еслибъ я проигралъ это дѣло, но если я выиграю, меня будутъ считать за дѣльную голову, а я выиграю.

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— А съ экономической точки зрѣнія, въ чемъ дѣло? Деньги танутся въ странѣ и, ей-Богу, я не знаю, получаютъ ли худшее значеніе. Если на нихъ можно воспитать нѣсколько худосочныхъ бѣтишекъ, которыя потомъ обратятся въ тунеядцевъ и будутъ только способствовать вырожденію расы, или купить нѣсколькимъ

швейамъ швейныя машины, или предоставитъ нѣсколькимъ старикамъ и старухамъ прожить двумя годами больше, то странѣ отъ этого не много прибудеть. Цѣли эти—не продуктивныя. Нужно, чтобы разъ навсегда познакомились съ политической экономіей... Наконецъ, я скажу тебѣ прямо: мнѣ приставили ножъ къ горлу. Моя первая обязанность — обезпечить безбѣдное существованіе себѣ, своей женѣ и своей будущей семьѣ. Если ты когда-нибудь будешь въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ я, то поймешь меня. Я предпочиталъ выплыть, чѣмъ утонуть, а такое право имѣеть всякій. У моей жены, какъ я писалъ тебѣ, хорошая рента, но состоянія никакого, или, по крайней мѣрѣ, небольшое. Кромѣ того, изъ этой ренты она что-то платитъ своему отцу. Эту пенсію я увеличилъ, потому что онъ угрожалъ мнѣ, что пріѣдетъ сюда, а это мнѣ вовсе не улыбалось.

— Такъ ты теперь навѣрное знаешь, что панъ Краславскій существуетъ? Я помню, ты какъ-то говорилъ объ этомъ.

— Собственно потому, что говорилъ когда-то, я не дѣлаю изъ этого тайны и теперь. Наконецъ, я знаю, что люди болтаютъ объ этомъ въ ущербъ моей тецѣ и моей женѣ, рассказываютъ Богъ знаетъ что, и тебѣ, какъ пріятелю, предпочитаю объяснить всю правду. Панъ Краславскій живетъ въ Бордо; былъ посредникомъ въ торговлѣ сардинками и зарабатывалъ хорошія деньги, но потерялъ мѣсто, потому что запилъ, да и теперь пьетъ, и, кромѣ того, устроилъ себѣ нелегальную семью. Мои барыни посылаютъ ему три тысячи франковъ въ годъ, но ему этого не хватаетъ, въ интервалахъ между однимъ полученіемъ и другимъ его угнетаетъ нужда, вслѣдствіе чего онъ запиваетъ еще больше и бомбардируетъ бѣдныхъ женщинъ письмами, въ которыхъ угрожаетъ, что огласитъ въ газетахъ, какъ съ нимъ обращаются. А обращаются онѣ съ нимъ лучше, чѣмъ онъ стѣдитъ. Писалъ онъ и ко мнѣ, тотчасъ же голѣ моей свадьбы, и просилъ увеличить его пенсію на тысячу франковъ. Понятно, онъ доказывалъ мнѣ, что эти женщины «съѣли» его, что у него въ жизни ни на грошъ не было счастья, что его изгрызъ ихъ эгоизмъ, и предостерегалъ меня отъ нихъ...

Машко разсмѣялся.

— А, все-таки, у скотины осталась шляхетская фантазія. Разъ по нуждѣ онъ хотѣлъ взяться за продажу афишъ въ театральныхъ корридорахъ, но ему велѣли надѣть какую-то фуражку, и этого онъ не могъ перенести. Пишетъ мнѣ такъ: «Все бы хорошо пошло, но фуражка! Какъ мнѣ дали фуражку, такъ я почувствовалъ, что не могу...» И онъ предпочиталъ умереть съ голоду, чѣмъ

надѣть фуражку. Нравится мнѣ мой тесть. Я былъ какъ-то въ Бордо, но, ей-Богу, забылъ, какую фуражку носятъ продавцы афишъ, и хотѣлъ бы я видѣть эту фуражку. Ты понимаешь, конечно, что я предпочелъ прибавить тысячу франковъ, чтобы держать его подалше отъ себя съ его абсентомъ и фуражкой. Что меня огорчаетъ, такъ это то, что люди говорятъ, что онъ и здѣсь былъ какимъ-то приставомъ, не то писцомъ, а это подлая клевета, — достаточно раскрыть любой гербовникъ, чтобы увидать, кто были Краславскіе. Кто съ кѣмъ въ родствѣ, здѣсь всеѣмъ извѣстно, а у Краславскихъ нѣтъ недостатка въ родственныхъ связяхъ. У моихъ барынь съ дюжину родственниковъ, — не какихъ-нибудь, съ борку да съ сосенки, и, если я рассказываю эту исторію, то только для того, чтобы ты зналъ всю правду.

Но правда, касающаяся рода Краславскихъ, мало интересовала Поланецкаго, и онъ пошелъ въ гостиную, тѣмъ болѣе, что явился Завиловскій, котораго онъ пригласилъ на послѣобѣденный чай, чтобы показать ему фотографіи итальянскихъ видовъ. Дѣйствительно, цѣлыя вучи ихъ лежали на столѣ, но Завиловскій держалъ въ рукахъ рамку съ фотографіей Литки и восхищался ею такъ, что послѣ представленія Машко вновь началъ разсматривать портретъ и говорить о немъ.

— Сначала я думалъ, что это какой-нибудь артистическій вымыселъ, — сказала онъ, — а не портретъ живого ребенка. Что за чудная головка, что за выраженіе! Это ваша сестра?

— Нѣтъ, — отвѣтила пани Поланецкая. — Кромѣ того, этотъ ребенокъ умеръ.

Въ глазахъ Завиловскаго, какъ поэта, трагическая тѣнь смерти еще болѣе усилила сочувствіе и удивленіе къ ангельскому личику Литки. Онъ то приближалъ, то отдалялъ отъ себя фотографію и, наконецъ, сказалъ:

— Я потому спросилъ, не ваша ли это сестра, что между вами есть какое-то сходство... въ чертахъ лица, скорѣе въ глазахъ... право, есть что-то такое!

Завиловскій говорилъ совершенно искренно, но Поланецкій питалъ такое, почти религіозное чувство къ умершей, что, несмотря на красоту Марини, сравненіе ея съ Литкой показалось ему чуть ли не профанаціей. Онъ взялъ фотографію изъ рукъ Завиловскаго, оставилъ на прежнее мѣсто и заговорилъ съ торопливою рѣзкостью:

— Ничуть, ничуть! Ни одной схожей черты! Не понимаю аже, какъ можно сравнивать! Ни одной схожей черты!

Мариною нѣсколько кольнула его горячность.

— Я держусь того же мнѣнія,—сказала она.

Но Поланецкому недостаточно было ея мнѣнія.

— Вы знали Литку?—обратился онъ къ пани Машко.

— Да.

— Конечно, вы видали ее у Бигелей?

— Да.

— Ну, есть ли хоть тѣнь сходства?

— Нѣтъ.

Завиловскій, который со всею искренностью обожалъ пани Поланецкую, съ нѣкоторымъ удивленіемъ окинулъ взглядомъ Поланецкаго, а тотъ смотрѣлъ на пани Машко и думалъ:

«Какая она изящная!»

Черезъ минуту панъ и пани Машко начали прощаться. Панъ Машко, цѣлуя руку Марины, сказалъ:

— Мнѣ, можетъ быть, скоро придется ѣхать въ Петербургъ, вспомните тогда о моей женѣ.

Во время чая Марина напомнила Завиловскому обѣщаніе, сдѣланное имъ во время своего перваго посѣщенія, приготовить вариантъ стихотворенія *На порогъ*. Завиловскій сразу такъ прильпился душою къ Поланецкимъ, что прочелъ не только это стихотвореніе, но и другое, недавно написанное. Было видно, что онъ самъ дивится собственной отвагѣ, потому что послѣ похвалъ, — впрочемъ, искреннихъ, — онъ сказалъ:

— Я тоже искренно говорю, что съ вами, послѣ третьяго свиданія, чувствуешь себя такъ, какъ будто зналъ васъ давно. Меня это положительно удивляетъ.

Поланецкій вспомнилъ, что самъ говорилъ Маринѣ нѣчто подобное еще въ Бшменѣ, но теперь припаялъ это на свой счетъ.

А Завиловскій имѣлъ въ виду только Мариною. Она положительно восхищала его своею безъискусственной добротой и лицомъ. Когда онъ ушелъ, Поланецкій сказалъ:

— А эта бестія дѣйствительно талантливъ. Замѣтила ты, что онъ какъ будто немного измѣнился?

— Подстригъ волосы,—сказала Марина.

— Ага! и подбородокъ у него еще больше выдается.

Поланецкій всталъ и началъ укладывать фотографіи на полку подъ столомъ, потомъ захватилъ портретъ Литки и сказалъ:

— Я его перенесу въ свой кабинетъ.

— У тебя есть съ березками, раскрашенный.

— Да, но я не хочу, чтобъ и этотъ стоялъ здѣсь, какъ на вы-

ставкѣ. Всякій считаетъ долгомъ дѣлать свои замѣчанія, а это меня сердить. Ты позволишь?

— Хорошо, мой Стахъ,—отвѣтила Мариня.

XIX.

Бигель всячески уговаривалъ Поланецкаго не покидать торговаго дома и не бросаться опрометчиво въ предпріятія другого рода. «Мы основали честный купеческій домъ,—говорилъ онъ,—какихъ у насъ мало, и поэтому можемъ считаться полезными». Онъ утверждалъ, что изъ простой признательности надлежитъ и далѣе вести дѣло, при помощи котораго они почти удвоили свое состояніе, и высказывалъ убѣжденіе, что теперь-то они и выкажутъ весь свой умъ, если будутъ вести дѣло осторожно, основательно, и что первая смѣлая спекуляція, несмотря на то, что она окончилась счастливо, не только не подобаетъ ихъ на другія, но и будетъ послѣднею. Поланецкій соглашался съ тѣмъ, что осторожность необходима, но жаловался, что въ торговомъ домѣ ему тѣсно, что онъ хочетъ производить что-нибудь. Настолько практическаго смысла у него было, что онъ и не мечталъ о собственной фабрикѣ. «Маленькую я не хочу заводить, потому что меня проглотятъ большія, производящія *en gros*, на большую у меня нѣтъ средствъ, а въ акціонерной я долженъ буду работать не для себя, а для другихъ». Онъ понималъ, что акціонеровъ изъ мѣстныхъ элементовъ набрать не легко, а иностранныхъ не хотѣлъ,—въ нихъ онъ не вселить надлежащаго довѣрія и даже самая фамилія его будетъ служить нѣкоторою преградой. Бигель, котораго, главное, интересовалъ «домъ», былъ доволенъ трезвостью этихъ взглядовъ.

Но въ Поланецкомъ пробудилось еще одно желаніе, старое, какъ свѣтъ, какъ человѣчество,—желаніе обладать собственностью. Послѣ счастливой спекуляціи и завѣщанія Букацкаго онъ обратился въ человѣка совершенно состоятельнаго, но, при всей своей умственной трезвости, испытывалъ какое-то странное чувство, что это богатство, хотя и заключающееся въ самыхъ вѣрныхъ бумагахъ,—богатство тоже бумажное и останется такимъ до тѣхъ поръ, ока у него не будетъ чего-нибудь реальнаго, о чемъ бы онъ могъ сказать: «это мое!» Это странное желаніе охватывало его все сильнѣе и сильнѣе. Ему не нужно было чего-нибудь большаго, просто какой-нибудь уголь, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя дома. Поланецкій пробовалъ философствовать надъ этимъ и объяснялъ Биглю, что это желаніе обладанія должно быть какою-нибудь враж-

денною страстью, которую можно подавить, но которая въ зрѣломъ человѣкѣ отзывается съ новою силой. Бигель соглашался, что можетъ быть и такъ, и говорилъ:

— И прекрасно. Ты теперь женатъ, тебѣ хочется имѣть собственное гнѣздо, а не наемное, средства у тебя есть, возьми да и заведи.

Одно время Поланецкій думалъ построить большой домъ въ городѣ, который удовлетворялъ бы его желанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносилъ бы доходъ, но скоро замѣтилъ, что у этого практическаго намѣренія одна дурная сторона, именно то, что здѣсь нѣтъ ничего привлекательнаго. Мало сказать: «это мое!» — нужно любить это, а какъ любить каменный домъ, въ которомъ живетъ всякій, кто найметъ квартиру? Сначала онъ стыдился этой мысли, — она показалась ему романтичною, — но потомъ онъ сказалъ себѣ: «Нѣтъ! У меня есть средства и употребить ихъ такъ, чтобъ это было мнѣ пріятно, дѣло не романтизма, а разсудка». Болѣе всего его стала привлекать мысль о какомъ-нибудь меньшемъ домѣ въ городѣ или за городомъ, въ которомъ онъ могъ бы жить только съ женою. Но при этомъ ему хотѣлось имѣть клокъ земли, на которой росло бы что-нибудь. Онъ чувствовалъ, что видъ деревьевъ, растущихъ въ его саду, передъ его домомъ, на его землѣ, доставлялъ бы ему огромное удовольствіе. Онъ самъ удивлялся, что это такъ, но это такъ и было. Въ концѣ Поланецкій дошелъ до убѣжденія, что пріятнѣе всего обзавестись маленькимъ имѣніемъ вблизи города, чѣмъ-нибудь вродѣ дачи Бигеля, но съ кусочкомъ земли, съ кусочкомъ лѣса, со сколько-нибудь десятинами огорода, наконецъ, съ садомъ и гнѣздомъ аиста на какой-нибудь старой липѣ.

И онъ началъ обсуждать это со всѣхъ сторонъ. Онъ понималъ, что такъ какъ дѣло идетъ о гнѣздѣ, въ которомъ онъ долженъ провести остатокъ жизни, то нужно дѣйствовать обдуманно, и потому не спѣшилъ. Мысль объ этомъ занимала все время, свободное отъ занятій въ конторѣ, и доставляла ему много отрады. Вскорѣ всѣ узнали, что Поланецкій хочетъ купить имѣніе за наличныя деньги, и со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія, иногда довольно странныя, но порою весьма соблазнительныя. Нужно было ѣздить, осматривать. Часто, послѣ обѣда, Поланецкій запирался съ письмами, и съ планами и показывался только вечеромъ. У Марини оставалось много свободнаго времени. Она замѣтила, что ея мужа что-то необыкновенно занимаетъ, и попробовала было допытаться, но онъ отвѣтилъ:

— Дитя мое, когда будетъ результатъ, тогда я и скажу тебѣ, а пока я еще самъ ничего не знаю, трудно разговаривать ни о чемъ. Это не согласно съ моею натурой.

Наконецъ, Мариня узнала, въ чемъ дѣло, отъ пани Бигель, а та отъ своего мужа, у котораго, наоборотъ, была привычка говорить съ женою обо всѣхъ предпріятіяхъ и предположеніяхъ. Пани Поланецкой также необыкновенно было бы пріятно говорить съ мужемъ обо всемъ, въ особенности о выборѣ будущаго гнѣзда. Глаза ея такъ и искрились при мысли объ этомъ, но разъ настроеніе Стаха было не таково, она изъ деликатности не пыталась допрашивать. У Поланецкаго не было никакихъ дурныхъ намѣреній, ему просто не приходило въ голову посвящать Мариню въ какія-нибудь дѣла, связанные съ деньгами. Можетъ быть, было бы иначе, еслибъ она принесла большое приданое и онъ долженъ былъ бы распорядиться ея состояніемъ: въ такихъ вещахъ Поланецкій былъ человѣкомъ очень щепетильнымъ. Но онъ распорядился только своимъ и не чувствовалъ, какъ и во всей своей холостой жизни, ни малѣйшей потребности распространяться о томъ, что еще не было рѣшено. Съ Бигелемъ онъ говорилъ потому, что привыкъ разговаривать съ нимъ о дѣлахъ.

Съ женой онъ велъ бесѣду о такихъ вещахъ, которыя, по его мнѣнію, «были ея дѣломъ», — между прочимъ, о кружкѣ знакомыхъ, который нужно было составить. Подъ конецъ своей холостой жизни Поланецкій почти нигдѣ не бывалъ, а чувствовалъ, что теперь это такъ быть не можетъ. Они отдали визитъ Машко и теперь разсуждали, нужно ли быть у Основскихъ, которые возвратились изъ-за границы и должны пробыть въ Варшавѣ до половины іюня. Мариня говорила, что нужно, что они и безъ того будутъ видѣться у пани Машко; кромѣ того, ей очень нравился панъ Основскій. Поланецкій выказывалъ менѣе желанія и дѣло было пока рѣшено на томъ; но черезъ нѣсколько дней Основскіе встрѣтили Мариню и обошлись съ ней такъ сердечно, пани Основская такъ часто повторяла «мы, римлянки», высказывала такую твердую надежду, что они будутъ видѣться часто, что не сдѣлать визита было невозможно.

Но когда Поланецкіе пріѣхали съ визитомъ, всѣ любезности оказывались исключительно Маринѣ. Въ этомъ отношеніи устроилось какое-то соперничество между хозяиномъ и хозяйкой. Съ Поланецкимъ они, какъ люди хорошо воспитанные, были безупречно вѣжливы, но относились къ нему холодно. Онъ понималъ, что Мариня играетъ первую, а онъ второстепенную роль, и это его до

нѣкоторой степени сердило. Пану Основскому, впрочемъ, не было надобности принуждать себя быть любезнѣе къ пани Поланецкой, — онъ чувствовалъ, что она питаетъ къ нему симпатію, и платилъ ей сторицею, такъ какъ сильно нуждался въ симпатіи.

Маринѣ показалось, что онъ теперь еще больше влюбленъ въ жену, чѣмъ прежде. По всему было замѣтно, что сердце его бьется сильнѣе, когда онъ взглянетъ на нее. Говоря съ ней, онъ подыскивалъ выраженія, словно съ опасеніемъ, какъ бы ее чѣмъ-нибудь не обидѣть. Поланецкій смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, но тутъ было что-то и трогательное. Въ борьбѣ съ ожирѣніемъ панъ Основскій одержалъ такую блестящую побѣду, что платье его казалось черезъ-чуръ широкимъ. Красные прыщи совсѣмъ исчезли съ его лица и вообще онъ казался болѣе красивымъ, чѣмъ прежде. А у барыни были все тѣ же ни съ чѣмъ несравнимые косые глаза фіалковаго цвѣта, все тѣ же мысли, которыя, какъ райскія птицы, вѣчно рѣяли въ воздухѣ.

Поланецкіе познакомились у Основскихъ съ пани Броничъ и ея племянницей, панной Кастелли, которыя пріѣхали въ Варшаву на «лѣтній карнавалъ» и поселились на той самой дачѣ, которую покойный панъ Броничъ продалъ Основскимъ, причѣмъ выговорилъ одинъ павильонъ въ пожизненное пользованіе жены. Пани Броничъ была вдова пана Бронича, о которомъ она всегда вспоминала какъ о послѣднемъ потомкѣ князей Острожскихъ, и, вслѣдствіе этого, какъ о послѣднемъ изъ Рюриковичей. Въ городѣ была она извѣстна подъ названіемъ «Сладкой»; прозвищу этому она была обязана тѣмъ, что, бесѣдуя съ людьми, которые почему-либо ее особенно интересовали, она умилялась такъ, что могло показаться, будто у нея во рту кусокъ сахара и черезъ него-то собственно она и говоритъ. О ея вракахъ рассказывали цѣлыя эпопеи. Панна Кастелли была дочь ея сестры, которая когда-то, къ великому огорченію семьи и общества, вышла за итальянца, учителя музыки, родила дочь и умерла. Спустя годъ послѣ того панъ Кастелли утонулъ на Лидо и пани Броничъ взяла на воспитаніе племянницу.

Панна Кастелли была писаная красавица, съ необыкновенно правильными чертами лица, съ голубыми глазами, золотистыми волосами и съ необыкновеннымъ, почти фарфоровымъ цвѣтомъ лица. Но у нея были черезъ-чуръ тяжелыя рѣсницы, что придавало ей сонное выраженіе, но это выраженіе могло считаться и сосредоточенностью. Можно было подумать, что она живетъ необыкновенно развитою внутреннею жизнью и поэтому равнодушно относится къ тому, что окружаетъ ее. А если бы кто-нибудь и не вывелъ такого

заключенія, то въ этомъ помогла бы пани Броничъ. Пани Основская, которая теперь переживала періодъ восхищенія своею кухонной, говорила о глазахъ панны Линеты, что они «глубоки, какъ озеро»; вопросъ касался только того, что именно кроется на днѣ этихъ озеръ, но собственно эта тайна и придавала паннѣ Линетѣ очарованіе.

Основскіе пріѣхали жить въ Варшаву, но пани Анета не даромъ была въ Римѣ. «Искусство и искусство,—говорила она Маринѣ,—ни о чемъ другомъ я и знать не хочу». Явнымъ намѣреніемъ ея было устроить «афинскій салонъ», а скрытымъ — сдѣлаться Беатриче какого-нибудь Данта, Лаурой какого-нибудь Петрарки, или ужь, въ крайнемъ случаѣ, чѣмъ-нибудь вродѣ Витторіи Колонна для какого-нибудь Микель-Анджело.

— У насъ хорошій садъ на дачѣ,—говорила она,—вечера будутъ чудесные и мы будемъ собираться на римскія бесѣды, на флорентинскія... Вы знаете (она поднимала руки и начинала размахивать ими), сумерки... заря... луна... лампы... тѣни отъ деревьевъ... а мы сидимъ и въ полголоса разговариваемъ обо всемъ, — о жизни, о чувствахъ, объ искусствѣ... Право, это лучше сплетень! Юзя, милый, ты можешь быть, будешь скучать, не сердись, сдѣлай это для меня и вѣрь мнѣ, это будетъ хорошо.

— Анета, какъ мнѣ можетъ быть скучно, что доставляетъ тебѣ удовольствіе?—отвѣчалъ Основскій.

— Въ особенности теперь, когда Линета живетъ у насъ,—вѣдь, это артистка до мозга костей.

И пани Основская обращалась къ Линетѣ:

— Какую нить прядетъ эта головка? Что ты скажешь о нашихъ римскихъ вечерахъ?

Панна Линета сонно улыбалась, а «последняя изъ Рюриковичей» обращалась къ Поланецкимъ и начинала говорить съ неопишуемою сладостью:

— Вы знаете, что Викторъ Гюго благословилъ ее, когда она еще была маленькой?

— Вы были знакомы съ Викторомъ Гюго?—спросила Мариня.

— Мы? Нѣтъ. Я не познакомилась бы съ нимъ ни за что на свѣтѣ, но однажды мы проѣзжали по Пасси, когда онъ стоялъ на балконѣ, и не знаю, по предчувствію ли какому, или по вдохновенію, какъ онъ увидалъ Линетку, такъ поднялъ руки и благословилъ ее.

— Тетя!—сказала панна Кастелли.

— Когда это правда, дитя мое, а что правда, то правда. Я

сейчас же крикнула ей: «Смотри! смотри! Онъ поднялъ руку!» — и панъ Кардинъ, консуль, — онъ сидѣлъ на передней лавочкѣ, — видѣлъ, какъ Викторъ Гюго поднялъ руку, а потомъ перекрестился. Напротивъ, я охотно рассказываю объ этомъ. Можетъ быть, за это крестное знаменіе Господь отпустилъ ему грѣхи, — а у него столько ихъ было! Такой извращенный умъ, а какъ увидалъ Линету, такъ благословилъ ее.

Во всемъ этомъ правды было настолько, что пани Броничъ съ Линетой, проѣзжая по Пасси, дѣйствительно видѣли на балконѣ Виктора Гюго. Что касается благословенія, которымъ онъ осѣнилъ Линету, то варшавскіе сплетники говорили, что въ эту минуту Викторъ Гюго зѣвнулъ и поднялъ руку, чтобы скрыть свой зѣвокъ.

А пани Основская продолжала:

— Мы здѣсь устроимъ себѣ маленькую Италію, а если опытъ не удастся, то на будущую зиму сбѣжимъ въ большую. Юзя привезъ съ собою нѣсколько хорошихъ копій картинъ и статуй. Это такъ мило съ его стороны, тѣмъ болѣе, что картины и статуи его мало интересуютъ, и сдѣлалъ онъ это только для меня. Есть очень хорошія вещи, — у Юзи хватило настолько ума, что онъ не полагался на себя и просилъ помощи у пана Свирскаго. Жаль, что его нѣтъ здѣсь. Жаль также, что и панъ Бувацкій, какъ на зло, умеръ, а то и онъ пригодился бы намъ. По временамъ онъ бывалъ очень милъ. У него была какая-то змѣиная гибкость, а въ разговорѣ это придаетъ жизни. Но (тутъ она обратилась къ пани Поланецкой) вы знаете, что совершенно покорили пана Свирскаго? Послѣ вашего отъѣзда онъ ни о комъ другомъ не говорилъ и началъ писать съ васъ Мадонну. Такимъ образомъ вы сдѣлаетесь Форнариной. Вѣроятно, вамъ везетъ на артистовъ, и когда мои флорентинскіе вечера начнутся, мы должны будемъ держаться съ Линетой за одно, иначе вы загоните насъ въ уголъ.

Пани Броничъ бросила недоброжелательный взоръ въ сторону Марини и сказала:

— Если рѣчь идетъ о лицѣ, которое производитъ впечатлѣніе на артистовъ, то я расскажу вамъ, что однажды случилось въ Ниццѣ.

— Тетя! — перебила панна Кастелли.

— Да, когда это правда, дитя мое, а что правда, то правда... Годъ тому назадъ... нѣтъ, два года... Какъ время-то летитъ!...

Но пани Основская, которая, вѣроятно, уже не разъ слышала, что случилось въ Ниццѣ, начала спрашивать пани Поланецкую:

— А у васъ большое знакомство въ артистическомъ мірѣ?

— У мужа моего, вѣроятно, — отвѣтила Мариня, — а у меня — нѣтъ. Впрочемъ, мы знаемъ пана Завиловскаго.

При этомъ извѣстии пани Основская впала въ настоящій энтузіазмъ. Познакомиться съ Завиловскимъ — это была ея мечта, — пусть Юзя скажетъ, была это ея мечта или нѣтъ? Недавно они читали съ Линетой его стихотвореніе *Ex isto*, и Линета, которая иногда однимъ словомъ сумѣетъ опредѣлить свое впечатлѣніе, какъ никто другой, сказала... Что она такое сказала? Что-то такое очень характеристичное...

— Что это стихотвореніе точно отлито изъ бронзы, — напомнила пани Броничъ.

— Ахъ, да... отлито изъ бронзы... Я и пана Завиловскаго воображаю себѣ какою-то бронзовою статуей... Каковъ онъ изъ себя?

— Низенькій, — сказалъ Поланецкій, — толстый, лѣтъ пятидесяти и ни одного волоска на головѣ.

Лица пани Основской и панны Линеты приняли такой отпечатокъ разочарованія, что Мариня разсмѣялась и сказала:

— Не вѣрьте ему, онъ злой человѣкъ и любитъ приводить другихъ въ смущеніе. Панъ Завиловскій молодой, немного дикъ и немного похожъ на Вагнера.

— Это значитъ, что у него подбородокъ какъ у полишенеля, — добавилъ Поланецкій.

Но пани Основская уже не слушала словъ Поланецкаго и пристала къ Марини, чтобъ она познакомила ее съ паномъ Завиловскимъ, и поскорѣе, потому что «лѣто на носу».

— Мы постараемся, чтобъ ему было хорошо между нами и чтобы онъ не былъ дикъ, хотя, если онъ и дикъ немного, то это не мѣшаетъ, потому что онъ и долженъ быть немного дикъ и нахохливаться, когда люди приближаются къ нему... Какъ орелъ въ клѣткѣ... Впрочемъ, они съ Линетой поймутъ другъ друга: и она замкнута въ себѣ и таинственна, какъ сфинксъ.

— Мнѣ кажется, что всякая недюжинная душа... — начала было сладкая тетя, но Поланецкіе начали прощаться. Въ сѣняхъ они натолкнулись на красавца Коповскаго, у котораго лакей очищалъ саги отъ пыли въ то время, когда самъ Коповскій причесывалъ вою античную и твердую, какъ мраморъ, голову. На улицѣ Поланецкій сказалъ:

— Этотъ имъ также пригодится для «флорентинскихъ» вечеровъ. Тоже сфинксъ!

— Еслибъ онъ стоялъ въ нишѣ, — сказала Мариня. — Какія это массивныя женщины!

— Странная вещь! — сказалъ Поланецкій. — Пани Основская, какъ будто и красива, но, какъ красоту, я предпочитаю пани Машко. Что касается панны Кастелли, то она, дѣйствительно, хороша, хотя черезъ-чуръ высока. Ты замѣтила, что тамъ о ней все время говорятъ, а она ни гугу?

— Ее считаютъ очень умной, хотя, можетъ быть, немного робкой, какъ Завиловскій, — сказала Марина. — Нужно получше познакомиться съ нею.

Но случай помѣшалъ этому. Пани Поланецкая на другой день послѣ визита поскользнулась на лѣстницѣ и разбила себѣ колѣно такъ сильно, что должна была пролежать нѣсколько дней въ постели. Поланецкій, возвратившись изъ конторы и узнавъ о случившемся, сначала было перепугался, а потомъ, успокоенный завѣреніями доктора, сдѣлалъ женѣ довольно рѣзкій выговоръ:

— Ты должна помнить, что, можетъ быть, тутъ дѣло идетъ не объ одной тебѣ, — сказалъ онъ.

Марина сильно страдала и отъ ушиба, и отъ этихъ словъ, — она думала, что именно о ней и идетъ дѣло, — другія опасенія еще не имѣли пока никакого основанія. Но при этомъ Поланецкій, все-таки, высказалъ много заботливости и даже два дня не ходилъ въ контору, чтобъ ухаживать за женой. До полудня онъ читалъ ей вслухъ, а послѣ завтрака занимался въ комнатѣ, прилегающей къ спальнѣ, и нарочно отворялъ дверь, чтобы Марина всегда могла позвать его. Марина, тронутая такою заботливостью, горячо благодарила его, а онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Дитя мое, это простая обязанность. Видишь, и чужіе люди навѣщаютъ тебя каждый день.

Чужіе люди, дѣйствительно, навѣщали Мариню каждый день. Завиловскій освѣдомлялся въ конторѣ о ея здоровьѣ, пани Бигель приходила днемъ, а Бигель вечеромъ и игралъ на фортепіано для ея развлечения. Машко и пани Броничъ два раза оставили свои визитныя карточки, а пани Основская оставила мужа въ экипажѣ, почти силой ворвалась къ Маринѣ, просидѣла у нее часа два и все время, со своею обычною манерой перескакивать съ предмета на предметъ, болтала о Римѣ, о своихъ проектированныхъ вечерахъ, о Свирскомъ, о мужѣ, о Линетѣ и о Завиловскомъ, который не давалъ ей спать. При концѣ визита она объявила пани Поланецкой, что они должны говорить другъ другу «ты» и что она призываетъ Мариню помочь ей въ одномъ планѣ, «то-есть не въ планѣ, а въ заговорѣ», или, вѣрнѣе сказать, въ чемъ-то такомъ, что запало

ей въ голову и такъ жжетъ, такъ жжетъ, до такой степени, что вся голова горитъ.

— Этотъ Завиловскій до такой степени занимаетъ меня, что Юзя началъ было ревновать его ко мнѣ, но Юзя,—бѣдняжка!—во столькихъ вещахъ не умѣетъ отдавать себѣ отчета. Я увѣрена, что они съ Линетой сотворены другъ для друга, то-есть не Юзя съ Линетой, а Завиловскій. И то поэзія, и это поэзія. Не смѣйся, Мариня, и не думай, что я съ ума сошла. Ты Линеты не знаешь. Ей нуженъ какой-нибудь необыкновенный человѣкъ. За какого-нибудь Коповскаго она ни за что въ свѣтъ не выйдетъ, хотя Коповскій смотреть херувимомъ. Такого лица, какъ у Коповскаго, я никогда въ жизни не видала... Можетъ быть, въ Италиі, на какой-нибудь картинѣ, да и то нѣтъ... А знаешь, что Линета о немъ говоритъ? «C'est un imbécile!» Можетъ быть и такъ, но, однако, она на него поглядываетъ. Подумай, какъ бы это было чудесно, еслибъ они сошлись, полюбили другъ друга и обвѣнчались, то-есть не Коповскій съ Линетой, а Завиловскій. Вотъ это была бы пара! А Линета, со своими стремленіями, кого она найдетъ? Гдѣ возьмешь ей подходящаго мужа? Вотъ бы мы посмотрѣлись, вотъ бы посмотрѣлись! Воображаю себѣ, какъ бы они любили другъ друга. На свѣтъ такъ скучно, что для такого зрѣлища стоить потрудиться. Наконецъ, я знаю, что это будетъ нетрудно, потому что и тетя Броничъ ломаетъ руки, гдѣ она найдетъ мужа Линетѣ... Я боюсь, что утомила тебя, да и вѣрно утомила, но поговорить такъ пріятно, въ особенности, если что-нибудь устраивается.

Дѣйствительно, послѣ ухода пани Основской Мариня чувствовала, что у нея кружится голова, но, все-таки, смѣялась, когда рассказывала мужу о планахъ противъ Завиловскаго и о горячности пани Основской.

— У нея, должно быть, доброе сердце, и она нравится мнѣ, но она такая экзальтированная. Что ей только ни взбредетъ въ голову!

— Скорѣе изломанная, чѣмъ экзальтированная, — отвѣтилъ Поланецкій, — а это, видишь ли, разница, потому что экзальтація почти всегда обозначаетъ доброе сердце, изломанность же часто уживается съ сухостью сердца, а иногда даже и вытекаетъ изъ того, что голова горитъ, а сердце спитъ.

— Ты не любишь пани Основскую, — сказала Мариня.

Поланецкій, дѣйствительно, не любилъ ее, но на этотъ разъ, вмѣсто утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта, началъ съ любопытствомъ смотрѣть на жену. Его въ эту минуту поразила кра-

сота Марини. Волосы ея въ безпорядкѣ рассыпались по подушкѣ и маленькое личико, какъ цвѣтокъ, выглядывало изъ этой темной волны. Глаза ея казались болѣе голубыми, чѣмъ обыкновенно, сквозь раскрытыя губы видѣлся рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ. Поланецкій приблизился къ ней и сказалъ въ полголоса:

— Какая ты сегодня красивая!

И, наклонившись надъ нею, съ измѣнившимся лицомъ, онъ началъ цѣловать ея глаза и губы.

Каждый его поцѣлуй беспокоилъ Мариню, а ей каждое движеніе причиняло боль. Кромѣ того, ей было противно, что онъ какъ будто случайно замѣтилъ ея красоту, противно выраженіе его лица и невнимательность, и она отворотила отъ его лица голову.

— Стахъ, не цѣлуй меня такъ крѣпко, ты знаешь, что я оольна.

Поланецкій выпрямился и сказалъ съ подавленнымъ гнѣвомъ:

— Правда, прошу извиненія!

И онъ ушелъ въ свою комнату разсматривать планъ какого-то лѣтняго дома съ садомъ.

XX.

Болѣзнь пани Поланецкой длилась недѣлю, а черезъ недѣлю она могла поѣхать съ мужемъ къ Бигелямъ, которые уже переѣхали на дачу. Погода, несмотря на раннюю пору, стояла хорошая, въ городѣ было даже жарко. Завиловскій, — онъ теперь совсѣмъ освоился съ Бигелями, — тоже пріѣхалъ и привезъ огромный змѣй, который долженъ былъ быть пущенъ при участіи Поланецкаго и дѣтей. Бигели также полюбили Завиловскаго; человекъ онъ былъ простой и, несмотря на свою дикость, веселый и по временамъ дѣтски-добродушный. Пани Бигель утверждала при этомъ, что у него оригинальная голова. Это была правда: у Завиловскаго было родимое пятно на рѣсницѣ, а выдающійся подбородокъ придавалъ ему выраженіе энергіи, которая совершенно противорѣчила верхней части его лица, мягкой, почти женственной. Сначала пани Бигель считала его оригиналомъ, но онъ черезъ-чуръ сознательно относился ко всему, а значить и къ самому себѣ, чтобы быть оригиналомъ. Онъ только держалъ себя неровно, благодаря своей робости, былъ великимъ энтузіастомъ и человекомъ не безъ скрытой гордости.

За обѣдомъ разговоръ шелъ объ Основскихъ, о предполагаемыхъ аѳинско-римско-флорентинскихъ вечерахъ, о паннѣ Кастелли и о любопытствѣ, которое Завиловскій возбудилъ въ дамахъ. Онъ услышалъ объ этомъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, что я узналъ, поэтому не пойду туда ни за что на свѣтъ.

— Вы, прежде всего, познакомьтесь съ ними у насъ,—сказала Мариня.

Онъ умоляюще сложилъ руки:

— Пани Поланецкая, я убѣгу изъ передней.

— Почему?—спросилъ Поланецкій.—Нужно быть не только смѣлымъ въ убѣжденияхъ, но и не бояться своихъ стиховъ.

— Конечно,—подтвердила пани Бигель.—Чего тутъ стыдиться? Вы должны смѣло глядѣть людямъ въ глаза и говорить имъ: пишу—и все тутъ!

— Пишу, и все тутъ! — Завиловскій поднялъ голову и засмѣялся.

Но Мариня продолжала:

— Вы познакомьтесь съ ними у насъ, потомъ занесете имъ свою карточку, а потомъ мы пойдемъ къ нимъ когда-нибудь вечеромъ.

Завиловскій отвѣтилъ:

— Я не могу спрятать голову въ снѣгъ, потому что его нѣтъ, но я найду себѣ какой-нибудь потайной уголъ.

— А если я буду васъ очень просить?

— Тогда я пойду,—отвѣтилъ немного погодя Завиловскій и слегка покраснѣлъ.

Онъ посмотрѣлъ на Мариню. Она поблѣднѣла отъ долгаго пребыванія въ постели, лицо ея сдѣлалось еще меньше и казалось лицомъ шестнадцатилѣтней дѣвочки. Завиловскому она казалась такою очаровательной, что онъ не могъ ни въ чемъ отказать ей.

Вечеромъ Поланецкіе должны были взять его съ собою въ городъ, но передъ этимъ Мариня сказала ему:

— Теперь съ вами нужно прибѣгать къ насилію, потому что вы не видали Линеты Кастелли, но какъ увидите ее, такъ влюбитесь.

— Я, пани Поланецкая?—воскликнулъ Завиловскій и приложилъ руку къ груди.—Я? въ панну Кастелли?

Въ его восклицаніи было столько искренности, что онъ снова смѣшался, но на этотъ разъ немного смѣшалась и пани Поланецкая.

Тѣмъ временемъ Поланецкій окончилъ съ Бигелемъ разговоръ о безопасности помѣщенія капитала въ земельную собственность и вѣлъ въ экипажъ. Мариня вспомнила, какъ нѣкогда они точно такъ возвращались отъ Бигелей съ ея отцомъ, пани Эмилией и Пола-

недкимъ въ такую же точно лунную ночь. Она вспомнила, какъ тогда «панъ Станиславъ» былъ влюбленъ въ нее и какъ онъ былъ несчастенъ, какъ она была сурова къ нему, и сердце ея забилось состраданіемъ къ этому «пану Станиславу», который въ то время столько настрадался. Ей хотѣлось теперь прижаться къ нему и просить прошенія за прошлое, и не будь здѣсь Завиловскаго, она сдѣлала бы это.

Но «панъ Станиславъ» сидѣлъ теперь возлѣ нея спокойный и самоувѣренный и курилъ сигару. Вѣдь, теперь она была его, онъ взялъ ее, обладалъ ею,—теперь все кончилось.

— О чемъ ты такъ задумался, Стахъ?—спросила она.

— О разныхъ дѣлахъ... Мы говорили съ Бигелемъ...

Онъ стряхнулъ пепель съ сигары и затянулся такъ, что красноватый огонекъ освѣтилъ его усы и нижнюю часть лица.

А Завиловскій, глядя на Мариню, подумалъ въ глубинѣ своей молодой души, что еслибъ она была его женою, то онъ теперь не курилъ бы сигару, не думалъ бы о дѣлахъ, о которыхъ говорилъ съ Бигель, а стоялъ бы передъ нею на колѣняхъ и слагалъ бы къ ея ногамъ дань своего обожанія.

И невольно, подъ вліяніемъ ночи и этого кроткаго лица женщины, которая такъ была ему по сердцу, онъ начиналъ впадать въ экзальтацію. Сначала тихо, какъ будто про себя, а потомъ все громче онъ началъ декламировать свое стихотвореніе *Сны въ горахъ*. Въ этомъ стихотвореніи звучала какая-то тоска по чьей-то недостижимомъ и непрочному. Завиловскій самъ не замѣтилъ, какъ они очутились въ городѣ и какъ передъ ними начали мигать фонари по обѣимъ сторонамъ улицы. У квартиры Поланецкихъ Мариня сказала:

— Значить, послѣ-завтра, на five o'clock?

— Да,—отвѣтилъ Завиловскій и поцѣловалъ у нея руку.

Пани Поланецкая до нѣкоторой степени размечталась подъ впечатлѣніемъ прогулки, ночи, а, можетъ быть, и стихотворенія. Послѣ возвращенія изъ Рима они вмѣстѣ съ мужемъ читали вечернюю молитву. И теперь, послѣ этой молитвы, она растрогалась и почувствовала приливъ чувства, замаскированнаго въ другія минуты посторонними впечатлѣніями. Она подошла къ Поланецкому, обвила руками его шею и шепнула ему:

— Стахъ, а, вѣдь, намъ хорошо другъ съ другомъ, правда?

Онъ прижалъ ее къ себѣ и отвѣтилъ съ небрежною хвастливостью:

— А развѣ я жалуюсь?

Ему и въ голову не пришло, что въ ея вопросѣ крылся оттъпокъ горя и сомнѣнія, котораго она ни за что не хотѣла допустить въ свою душу, что она жаждала, чтобъ онъ успокоилъ и увѣрилъ ее.

На другой день Завиловскій отдалъ Поланецкому оттискъ изъ какой-то газеты со *Снѣгами въ горахъ*. Поланецкій прочелъ его за обѣдомъ, но при стукѣ посуды стихотвореніе показалось ему не такимъ звучнымъ, какъ среди ночной тишины, при свѣтѣ луны.

— Завиловскій говорилъ, — сказалъ онъ, — что скоро выйдетъ томъ его стихотвореній, но обѣщалъ, что передъ этимъ соберетъ все, что было напечатано въ разныхъ изданіяхъ, и принесетъ тебѣ.

А Мариня отвѣтила:

— Нѣтъ, нужно, чтобъ онъ поберегъ это для Линеты.

— А! завтра они должны встрѣтиться въ первый разъ! Вы рѣшительно хотите составить эпоху въ жизни Завиловскаго?

— Хотимъ, — рѣшительно сказала Мариня. — Анета сначала удивила меня, но почему бы и нѣтъ?

Дѣйствительно, свиданіе наступило на слѣдующій день. Основскіе, пани Броничъ и панна Кастелли пріѣхали аккуратно въ пять часовъ, но Завиловскій пришелъ еще раньше, чтобъ избѣгнуть необходимости входить въ гостиную, полную посторонними людьми. Онъ былъ сконфуженъ и болѣе неловокъ, чѣмъ обыкновенно; никогда еще его собственныя ноги не казались ему такими длинными. Но въ его неловкости было что-то изящное, и пани Основская съумѣла понять это. Начались первыя сцены челоѣческой комедіи: дамы, какъ особы, хорошо воспитанныя, дѣлали видъ, будто не особенно внимательно смотрятъ на Завиловскаго, хотя на самомъ дѣлѣ ничего другого и не дѣлали; онъ же притворялся, что не видитъ этого, хотя думалъ только о томъ, что на него смотрятъ и обсуждаютъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ неловкость своего положенія и старался быть развязнымъ, его самолюбіе заставляло его желать, чтобъ о немъ вывели благопріятное мнѣніе. Но дамы заранѣе были настроены такъ, что рѣшеніе ихъ не могло быть неблагопріятнымъ, и еслибъ даже Завиловскій оказался глупымъ и пошлымъ, то и это было бы принято за умъ и поэтическую оригинальность. Болѣе равнодушно держала себя панна Линета, хотя ее, все-таки, удивляло, что въ эту минуту не она играетъ роль солнца, а Завиловскій роль луны, но наоборотъ. Первымъ впечатлѣніемъ, какое произвело на нее лицо Завиловскаго, было: «можно ли сравнить съ этимъ дуракомъ Коповскимъ?» И ни съ чѣмъ несравни

мое, прелестное лицо этого «дурака», какъ живое, предстало передъ ея глазами, — рѣсницы ея стали еще болѣе сонными, а выраженіе лица еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, напоминало сфинкса изъ фарфора. Ея немного раздражало, что Завиловскій не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ея юноновскую фигуру, ни на то «что-то таинственное и поэтическое», что, по увѣреніямъ пани Броничъ, приковывало къ ней всякаго человѣка съ перваго взгляда. Мало-помалу она сама начала смотрѣть на него, и, какъ женщина, кромѣ поэтическихъ стремленій, не лишенная способности свѣтскаго наблюденія, замѣтила, что, правда, лицо у Завиловскаго очень выразительное, но сюртукъ на немъ сидитъ плохо, что онъ одѣвается у плохого портного, а булавка въ его галстукѣ прямо «*touchais genre*». Тѣмъ временемъ Завиловскій, поглядывая на Мариню, какъ на единственную близкую и пріязненную душу, разговаривалъ съ пани Основской, которая считала за величайшій тактъ не говорить при первомъ свиданіи о поэзіи и все щебетала о своемъ стремленіи къ деревенской жизни, потому что узнала, что Завиловскій первые годы своей жизни провелъ въ деревнѣ. Ея мужъ всегда предпочиталъ городъ, у него здѣсь свои удовольствія, друзья, но что касается ея... «О, я искренна и сразу признаюсь, что не терплю фольварка, хозяйства и счетовъ... меня столько бранили за это... Притомъ, я немного лѣнтяйка и любила бы такую работу, за которую можно было бы лѣнтяйничать... позвольте, чтѣ бы я любила?»

Она разставила свои пальчики, чтобы по нимъ считать занятія, которыя пришлось бы ей по вкусу:

— Во-первыхъ, я любила бы пасти гусей.

Завиловскій разсмѣялся. Сказано это было очень естественно, а фигура пани Основской, пасущей гусей, привела его въ восторгъ.

Ея фіалковые глаза тоже начали смѣяться и она впала въ тонъ свободной и веселой дѣвочки, которая говоритъ обо всемъ, что ей придетъ въ голову.

— А вы любите бы?—вдругъ спросила она у Завиловскаго.

Онъ отвѣтилъ:

— О, страстно!

— Вотъ видите ли!... Ну, чтѣ еще? Ага! любила бы я быть рыбакомъ. Рано утромъ на водѣ заря, должно быть, удивительно прелестна. Притомъ, мокрая сѣти передъ хатой, съ водяными перепонками въ ячейкахъ, также очень красивы... Если не рыбакомъ, то я хотѣла бы быть хоть цаплей и важно стоять на одной ногѣ надъ водой или чайкой кружиться надъ лугами. Но нѣтъ, чайка—такая унылая птица, — правда? Точно въ траурѣ.

И она обратилась къ паннѣ Кастелли:

— А ты, Линета, чѣмъ хотѣла бы быть въ деревнѣ?

Панна Кастелли подняла рѣсницы и отвѣтила:

— Паутиной.

Воображеніе Завиловскаго, какъ поэта, взволновалось отъ этого отвѣта. Вдругъ передъ его глазами предстали огромныя бурныя пространства жнитва и серебряныя нити, плавающія въ спокойной лазури и солнечномъ свѣтѣ.

— Какая это чудесная картина! — сказалъ онъ и внимательно посмотрѣлъ на Линету, а она улыбнулась, какъ бы благодаря его за то, что онъ понялъ красоту ея картины.

Въ это время пришли Бигели. Завиловскимъ завладѣла пани Броничъ и такъ загородила его стуломъ, что онъ не могъ двинуться. Легко было понять, что составляло предметъ ихъ разговора, потому что Завиловскій отъ времени до времени поднималъ глаза на панну Кастелли, какъ будто для того, чтобъ удостовѣриться, такова ли она, какъ о ней говорятъ. Хотя разговоръ велся въ полголоса, но присутствующіе могли, однако, услышать слова, точно процѣженныя сквозь кусочекъ сахара:

— Вы знаете, что ее Наполеонъ... то-есть, я хотѣла сказать, Викторъ Гюго благословилъ...

Вообще Завиловскій наслышался столько неслыханныхъ вещей, что могъ не безъ любопытства смотрѣть на панну Кастелли. По этимъ рассказамъ, она была самымъ удивительнымъ ребенкомъ на свѣтѣ, очень кроткимъ, но не общала многого. Когда ей было десять лѣтъ, она была очень больна. Ей приказали дышать морскимъ воздухомъ и они долго жили на Стромболи.

— Дѣвочка смотрѣла на вулканы, на море, шлепала ручонками и повторяла: «Какъ хорошо, какъ хорошо!» Мы заѣхали туда случайно, блуждали на нанятой яхтѣ безъ цѣли. Долго оставаться было невозможно, потому что Стромболи пустой островокъ, жить тамъ негдѣ, да и ѣсть нечего, но она ни за что не хотѣла уѣзжать, какъ будто предчувствуя, что тамъ поздоровѣетъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяць, а если не черезъ мѣсяць, то черезъ два, она начала приходить въ себя, и, посмотрите, выросла, какъ тростникъ!

Дѣйствительно, панна Кастелли, хотя и не поражала своимъ ростомъ, была выше пани Основской. Завиловскій смотрѣлъ на нее съ увеличивающимся интересомъ. Выпущенный, наконецъ, изъ неволи, онъ приблизился къ ней и сказалъ:

— Я никогда не видалъ вулкана и не имѣю понятія, какое онъ можетъ произвести впечатлѣніе.

— Я знаю только Везувій, — отвѣтила панна Кастелли, — но когда мы его видѣли, изверженія не было.

— А Стромболи?

— Я не знаю.

— Я только что наслушался... ваша тетуска...

— Да, — отвѣтила панна Кастелли, — я не помню. Вѣроятно, я была тамъ еще очень маленькою.

И на лицѣ ея выразилось отвращеніе и замѣшательство.

Пани Основская, не выходя до конца изъ своей роли, пригласила Завиловскаго къ себѣ «когда-нибудь вечеромъ, безъ церемоній и не во фракѣ, потому что такую весну можно считать за лѣто, а лѣтомъ свобода такъ пріятна». При этомъ она сообщила, что понимаетъ, что такіе люди, какъ онъ, не любятъ новыхъ знакомствъ, но на это есть простое средство, а именно — считать ее старою знакомой. По большей части она одна: Линета что-нибудь читаетъ или говоритъ, что ей придетъ въ голову, а въ голову ей приходятъ такія вещи, которыя слышать стѣдуетъ, въ особенности тому, кто больше, чѣмъ другой, въ состояніи понять и оцѣнить ихъ.

Панна Кастелли съ непривычною силой пожала на прощанье руку Завиловскому, какъ бы подтверждая, что они могутъ и должны понять другъ друга. Завиловскій, не привыкшій къ людямъ, былъ слегка оглушенъ словами, шелестомъ платьевъ, глазами и запахомъ ириса, который барыни оставили послѣ себя. При этомъ онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, — въ этомъ разговорѣ, хотя на видъ свободномъ и полномъ непринужденности, не было такого спокойствія, которое замѣчалось всегда въ словахъ пани Поланецкой и пани Бигель. Все это на Завиловскаго производило впечатлѣніе безпорядочнаго сна.

Бигели должны были остаться обѣдать. Поланецкій задержалъ и Завиловскаго.

— Какъ вы нашли панну Кастелли? — спросила Мариня.

— У нихъ обѣихъ много воображенія, — послѣ минутнаго колебанія сказалъ Завиловскій. — Вы замѣтили, какъ имъ легко говорить образами?

— Но правда, какая Линета интересная дѣвушка?

Поланецкій, на котораго панна Кастелли не производила большаго впечатлѣнія и который былъ голоденъ, отозвался съ откровеніемъ нетерпѣнія:

— Что вы тамъ увидели? Интересная до тѣхъ поръ, пока не опомлѣетъ.

Но пани Поланецкая отвѣтила:

— Нѣтъ, Линета не опомлѣетъ... Пошлѣютъ только дюжинныя существа, которыя только и умѣютъ, что любить.

Завиловскому, который посмотрѣлъ на нее въ эту минуту, показалось, что въ глазахъ ея промелькнула тѣнь грусти. Можетъ быть, она была еще слаба, потому что цвѣтъ ея лица походилъ на цвѣтъ лиліи.

— Вы утомились?—спросилъ онъ.

— Немного,—отвѣтила Мариня и улыбулась.

Молодое, впечатлительное сердце Завиловскаго забилося сочувствіемъ къ ней. «Настоящая лилія»,—подумалъ онъ, и, въ сравненіи съ ея сладкимъ очарованіемъ, пани Основская показалась ему крикливою сойкой, а лицо панны Кастелли—мраморною головой статуи. До сихъ поръ, послѣ каждаго свиданія съ пани Поланецкой, онъ мечталъ о женщинѣ, подобной ей, а въ этотъ вечеръ началъ мечтать не о подобной ей, а о ней самой. А такъ какъ онъ хорошо сознавалъ, что творится съ нимъ, то замѣтилъ, что она начинаетъ быть для него не только «полевымъ» цвѣткомъ, но и цвѣткомъ любимымъ.

На другой день Поланецкій спросилъ у него въ конторѣ:

— Спирасъ вамъ спящая царевна, а?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Завиловскій и покраснѣлъ.

Поланецкій замѣтилъ его румянецъ, засмѣялся и сказалъ:

— Что дѣлать? Всякій долженъ пройти чрезъ это, — прошелъ и я.

XXI.

Мариня даже сама себѣ не жаловалась на мужа. До сихъ поръ между ними не было ни малѣйшаго недоразумѣнія. Она должна была только признать, что истинное, большое счастье, въ особенности большая любовь, о которой она мечтала, когда Поланецкій былъ ея женихомъ, представлялись въ ея воображеніи не такими. Въ этомъ ее убѣждалъ чуть не каждый прожитой день. Надежды были однѣ, а дѣйствительность оказывалась другою. Прямая натура Марини не начала бунтовать противъ этой дѣйствительности, но на нее пала тѣнь грусти, вмѣстѣ съ предчувствіемъ, что эта тѣнь современемъ можетъ сдѣлаться фономъ ея жизни. Душа ея была преисполнена добрыхъ намѣреній и сначала она пробовала доказать себѣ, что это—дѣло ея собственныхъ заблужденій. Чего ей не хватало и въ чемъ Поланецкій могъ обмануть ее? Предъ-

умышленно онъ никогда не дѣлалъ ей непріятностей; воль скоро въ голову ему приходило, что вотъ такая-то вещь можетъ доставить ей удовольствіе, онъ дѣлалъ это, былъ щедръ для нея, заботился о ея здоровьѣ, иногда осыпалъ поцѣлунми ея лицо и руки, — однимъ словомъ, былъ скорѣе добрымъ, чѣмъ злымъ. И, все-таки, чего-то въ немъ недоставало. Трудно было Маринѣ опредѣлить это однимъ или нѣсколькими словами, но умъ ея былъ настолько ясенъ, что не могла она не понять того, что ложилося на сердце съ каждымъ днемъ все сильнѣе и съ каждымъ днемъ все печальнѣе. Чего ей недоставало? Послѣ великаго и торжественнаго праздника любви начинался рядъ будничныхъ дней, и ей жаль было праздника; она хотѣла бы растянуть его на всю жизнь и съ ужасомъ видѣла, что ея мужу эта будничность казалась чѣмъ-то нормальнымъ и желательнымъ. То, что было, не было дурно, но то было не великое счастье, которое *такой человекъ* долженъ былъ чувствовать, устроить и дать ей. Но, кромѣ того, дѣло касалось и другихъ вещей. Напримѣръ, она чувствовала, что больше принадлежитъ ему, чѣмъ онъ ей, и что когда она отдаетъ ему всю душу, онъ возвращаетъ ей только частицу своей души, — ту частицу, которую заранѣе предназначилъ для домашняго употребленія. Правда, Мариня говорила себѣ, что онъ мужчина, что, кромѣ нея, передъ нимъ цѣлый міръ труда и мысли, но иногда позволяла себѣ надѣяться, что онъ возьметъ ее за руку и введетъ въ этотъ міръ, что, по крайней мѣрѣ, хоть дома будетъ дѣлиться съ ней этимъ міромъ, а теперь не могла даже и обманывать себя, чтобъ это такъ было. А дѣйствительность была хуже, чѣмъ Мариня представляла ее себѣ. Поланецкій, — какъ онъ самъ выражался, — взялъ ее и обладалъ ею, и когда ихъ взаимное чувство стало, вмѣстѣ съ тѣмъ, простымъ взаимнымъ обязательствомъ, думалъ, что ни заботиться о немъ, ни ухаживать за нимъ не нужно иначе, какъ за всякими другими обязательствами обыденной жизни. Ему просто не приходило въ голову, что въ такой огонь недостаточно подглядывать обыкновенныхъ дровъ, какія подглядываютъ въ каминъ, что въ него нужно сыпать янтарь и смирну, какъ сыпать ихъ передъ алтаремъ. Еслибъ ему кто-нибудь сказалъ что-нибудь подобное, онъ пожалъ бы плечами и счелъ бы говорящаго романтикомъ. Поэтому-то въ немъ, можетъ быть, и была заботливость мужа, но не было ни заботливости любовника, ни проникновенія, ни боязни, которая въ маломъ предѣлѣ земныхъ чувствъ — то же самое, что страхъ Божій въ чувствѣ религіозномъ. Одно время, когда, послѣ продажи Кшемена, Мариня была равнодушна къ нему, онъ чувствовалъ и перешелъ черезъ все это, но

теперь, въ особенности со времени смерти Литки, когда онъ началъ быть совершенно увѣреннымъ, что Мариня—его собственность, онъ думалъ о ней не больше, чѣмъ надлежитъ думать о собственности. Чувство его, основанное исключительно на физическомъ влеченіи, обрѣло то, чего хотѣло, и было спокойно, а время въ будущемъ могло только опошлять его, охлаждать, при-
туплять.

И даже теперь, когда это чувство было живо, ему не доставало хотя бы такой бдительной и нѣжной заботливости, какая была въ его чувствѣ къ Литкѣ. И Мариня замѣтила это. Она не могла отвѣтить, почему это было такъ, но, тѣмъ не менѣе, ясно чувствовала, что для человѣка, для котораго она хотѣла бы быть всѣмъ, она представляется чѣмъ-то болѣе обыкновеннымъ и менѣе цѣннымъ, чѣмъ тотъ умершій ребенокъ.

Ей не приходило въ голову, да и не могло бы умиѣститься въ ней, что единственною причиною этого было то, что Литка была не его, а она отдала ему тѣло и душу. Она думала, что чѣмъ больше отдастъ она, тѣмъ больше должна получить, тѣмъ большимъ должна обладать. Но время и съ этой стороны принесло ей много разочарований. Въдь, не могла же она не замѣтить, что всѣ находятся подъ ея очарованіемъ, что всѣ ее цѣнятъ, чтутъ, что Свирскій, Бигель, Завиловскій и даже панъ Основскій смотрятъ на нее не только съ удивленіемъ, но чуть не съ восторгомъ, и что меньше всего обращаетъ вниманіе на нее онъ, «Стахъ». Ни на минуту не пришло ей въ голову, что онъ не былъ бы способенъ познать и оцѣнить то, что другіе понимали и оцѣнили съ такою легкостью. Что тому за причина? Эти вопросы удручали ее днемъ и ночью. Она замѣтила, что Поланецкій почти во всѣхъ дѣлахъ хочетъ выказать болѣе холодный и болѣе трезвый характеръ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности, но это не казалось ей достаточнымъ объясненіемъ. Увы, ей оставался одинъ отвѣтъ: «Онъ меня не любитъ такъ, какъ бы могъ, и потому не цѣнитъ, какъ цѣнятъ другіе». Въ этомъ было столько же правды, сколько горечи и печали. Женскій инстинктъ, который въ такихъ случаяхъ никогда не обманываетъ, предостерегъ Мариню, что она произвела на Завиловскаго необычное впечатлѣніе, и что это впечатлѣніе увеличивается съ каждымъ свиданіемъ. И эта мысль не возмутила ее, не вылилась въ гнѣвномъ вопросѣ: «какъ онъ смѣетъ?» — потому что онъ ни на что не осмѣливался, — напротивъ, придава ей нѣкоторую бодрость, нѣкоторую увѣренность въ своемъ очарованіи, а она уже начала было утрачивать эту увѣренность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, про-

будило тѣмъ большее сожалѣніе, что приносить ей такую дань, восторгается ею кто-то чужой, а не «Стахъ». Къ Завиловскому она не чувствовала ничего, кромѣ большой симпатіи и расположенія, — значить, ея мысли оставались чистыми. Она не была способна, ради тщеславія, тѣшиться чужими страданіями и поэтому охотно присоединилась къ плану пани Основской сблизить Завиловскаго съ панной Бастелли, хотя этотъ планъ по своей неожиданности казался ей непонятнымъ. Наконецъ, и сердце ея, и умъ всецѣло были заняты вопросами: почему этотъ добрый, этотъ умный, этотъ любимый Стахъ не хочетъ возвести ее на свою высоту, почему онъ не цѣнить ее такъ, какъ бы могъ, почему онъ только любитъ ее, а не влюбленъ въ нее, почему ея любовь считаетъ какою-то своею принадлежностью, но не драгоцѣнностью? Откуда это пошло и въ чемъ заключается причина этого?

Всякая плоская, самолюбивая натура нашла бы всю вину въ немъ, но Мариня Поланецкая отыскала ее въ себѣ. Правда, открытіе это она сдѣлала при посторонней помощи, но она всегда была настолько готова сложить всякую отвѣтственность со своего Стаха и взять ее на себя, что, несмотря на страхъ, это открытіе чуть не обрадовало ее.

Однажды, послѣ полудня, она сидѣла одна, съ руками, сложенными на колѣняхъ, терялась въ мысляхъ и вопросахъ, на которые не умѣла найти отвѣта, какъ вдругъ дверь отворилась и въ ея отворѣ показалось бѣлое покрывало и темное платье сестры милосердія.

— Эмилиа! — радостно кригнула пани Поланецкая.

— Да, это я, — отвѣтила сестра, — сегодня у меня свободный день и я хотѣла навѣстить васъ. Гдѣ панъ Станиславъ?

— Стахъ у Машко, но я думаю, что онъ скоро возвратится. Ахъ, какъ онъ будетъ радъ! Садись, отдохни!

Пани Эмилиа сѣла.

— Я бы и чаще заходила къ вамъ, да времени нѣтъ. Сегодня у меня свободный день, я была у Литки. Еслибъ ты знала, какъ зелено тамъ, сколько птицъ!

— Мы были тамъ нѣсколько дней назадъ. Все цвѣтеть, и такое спокойствіе. Какъ жаль, что Стаха нѣтъ дома!

— Да... у него есть нѣсколько писемъ Литки; я хотѣла просить, чтобы онъ далъ ихъ мнѣ на время. На будущей недѣлѣ я приду опять и принесу письма назадъ.

Пани Эмилиа теперь уже спокойно говорила о Литкѣ, можетъ быть, потому, что отъ нея самой осталась только тѣнь живого существа, да и та должна была вскорѣ развѣяться, но настроеніе ея

духа было невозмутимо ясное. Ея мысль уже не была исключитель-но поглощена несчастьемъ и прежнее равнодушiе ко всему, что не касалось Литки, прошло. Сдѣлавшись сестрой милосердiя, она снова вступила въ кругъ людей и научилась понимать все, что составляло ихъ счастье или несчастье, веселье или горе, даже удовольствiе или непрiятность.

— А какъ тутъ у васъ хорошо! — сказала она черезъ минуту. — Послѣ нашихъ бѣлыхъ стѣнъ все здѣсь кажется такимъ богатымъ. Панъ Станиславъ былъ когда-то великiй лѣвнтай, бывалъ только у Бигелей и у насъ, больше ему нигдѣ не хотѣлось бывать, но теперь, вѣроятно, разшевелился. Много вы принимаете?

— Нѣтъ, — отвѣтила Мариня, — мы бываемъ только у Машко, у пани Броничъ и у Основскихъ.

— А, постой! Я знаю пани Основскую. Знала ее еще дѣвущкой. И Броничей знала, и ихъ племянницу, но тогда она была еще маленькой. Панъ Броничъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Видишь, я все знаю.

Мариня засмѣялась.

— Дѣйствительно, больше, чѣмъ я. Я познакомилась съ Основскими только въ Римѣ.

— Не даромъ я столько лѣтъ прожила въ Варшавѣ, кое-что запало и мнѣ въ голову. Какъ будто бы я все сидѣла дома, но свѣтъ меня интересовалъ. Такая я была тогда легкомысленная! Да, наконецъ, и твой теперешнiй панъ Станиславъ зналъ пани Основскую...

— Онъ говорилъ мнѣ. Они встрѣчались на общественныхъ балахъ.

— Въ то время она должна была выйти за пана Ёповскаго. Были и слезы, и отчаянiе, потому что ея отецъ былъ противъ этого брака. Но она теперь хорошо устроилась. Панъ Основскiй всегда считался добрымъ человѣкомъ.

— Онъ очень хорошъ къ ней. Но я не знала о томъ, что она хотѣла выйти за пана Ёповскаго, и это удивляетъ меня, — она такая умная!

— Славу Богу, что она счастлива, только бы цѣнила это. Счастье — рѣдкая вещь, его нужно умѣть цѣнить и обращаться съ нимъ умѣючи. Я теперь научилась смотрѣть на миръ безпристрастно, какъ могутъ только смотрѣть люди, которые ничего для себя не желаютъ, и знаешь, что мнѣ нерѣдко приходитъ въ голову? Счастье — все равно, что глаза: всякая порошинка, и тотчасъ же потекутъ слезы.

Мариня грустно улыбулась и сказала:

— Ахъ, да! Это великая истина!

Пани Эмилиа внимательно посмотрѣла на Мариню, нѣжно положила свою прозрачную руку на ея руку и спросила:

— Но ты, Мариня, ты счастлива, да?

Мариней вдругъ овладѣло такое желаніе заплакать, что она удержалась только съ величайшимъ усиліемъ. Но длилось это лишь одно мгновеніе. Вся ея прямая душа вздрогнула при мысли, что ея слезы или грусть были бы жалобой на мужа, поэтому она всею силой воли поборолла свое волненіе и отвѣтила:

— Только бы Стахъ былъ счастливъ!

И она подняла на пани Эмилию свои, уже совершенно спокойные глаза. Пани Эмилиа сказала:

— Литка выпросить вамъ это у Бога. Я спросила это потому, что когда вошла, ты мнѣ показалась какою-то хмурой. Но я лучше всѣхъ знаю, какъ онъ любилъ тебя и какъ онъ былъ несчастенъ, когда ты сердилась на него за Кшемь.

Лицо Марини разцвѣло улыбкой. Ей такъ было дорого каждое слово о его прежней любви, что она готова была безъ конца слушать подобныя рассказы.

Пани Эмилиа продолжала, не выпуская ея руки:

— А ты, дрянная дѣвчонка, какая ты была безжалостная, ты такъ не умѣла оцѣнить и понять его истинной привязанности, что по временамъ я бывала зла на тебя. Иногда я боялась за добраго пана Станислава, чтобъ онъ не возненавидѣлъ жизнь, чтобы не свихнулся окончательно, не одичалъ бы. Видишь ли, случается такъ, что если сдѣлается какая-нибудь складка въ глубинѣ сердца, то потомъ вся жизнь не можетъ изгладить ее.

Мариня подняла голову и моргнула нѣсколько разъ, какъ будто бы ея глаза поразили какой-то внезапный свѣтъ.

— Эмилиа, Эмилиа!—горячо сказала она,—какъ ты умно говоришь!

Пани Эмилиа теперь называлась «сестрой Анелей», но Мариня называла ее прежнимъ именемъ.

— Ну, какой тутъ умъ!—отвѣтила она.—Просто ворчу на прожитое время. Но Литка выпросить вамъ счастье и Богъ дастъ вамъ его, потому что вы стѣдите этого.

Она начала собираться и напрасно Мариня удерживала ее до прихода мужа. Однако, по женскому обычаю, онѣ проболтали съ четверть часа у дверей. Наконецъ, пани Эмилиа ушла и общалась опять придти въ будущее воскресенье.

Мариня возвратилась на свое кресло у окна, оперлась на руку и начала думать о словахъ пани Эмилии.

Немного спустя она сказала въ полголоса:

— Да, это моя вина!

Теперь ей казалось, что она нашла ключъ къ загадкѣ.

Просто-на-просто она не умѣла почтить такую правдивую и такую великую силу, какъ любовь. И теперь ее боязливому сердцу эта любовь представилась какимъ-то оскорбленнымъ, карающимъ божествомъ. Тогда Поланецкій былъ передъ нею на колѣняхъ. Какъ только они ни встрѣчались, онъ смотрѣлъ въ ея глаза, ожидая снисхожденія отъ ея сердца и отъ воспоминаній,—незначительныхъ, скоропреходящихъ, но дорогихъ воспоминаній, которыя соединяли ихъ. Еслибъ ее въ то время хватило на то, чтобы быть простой и великодушной, еслибъ она протянула ему руку, какъ повелѣвало ей тайное чувство, то онъ былъ бы признателенъ ей всю жизнь, чтилъ бы ее, чтилъ и любилъ бы тѣмъ съ большею нѣжностью, чѣмъ больше бы чувствовалъ свою вину и ея доброту. Но она въ то время предпочитала лелѣять и раздувать свою обиду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кокетничать съ Машко. Когда нужно было забыть, она не умѣла забыть; когда нужно было простить, она не умѣла простить. Она хотѣла страдать, только чтобы и онъ страдалъ. Руку свою она отдала только тогда, когда не могла поступить иначе, когда не отдать ее было бы безчестно и безумно. Правда, тогда подавленная любовь возстала во всей своей непобѣдимой мощи, и она полюбила всѣмъ сердцемъ и душою, но это было уже поздно. Любовь была оскорблена. Что-то сломалось, что-то пропало; въ его сердцѣ образовалась зловѣщая складка, о которой говорила пани Эмилиа, и теперь она, Мариня, собирала только то, что посяяла.

Онъ не виноватъ, и ужь если кто кому, то не онъ ей, а она ему испортила жизньъ. При этой мысли ее охватили такой страхъ и такое горе, что съ минуту она смотрѣла въ будущее съ полнымъ ужасомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей хотѣлось плавать и плакать, какъ маленькому ребенку. Еслибъ пани Эмилиа не ушла, она разрыдалась бы на ея плечѣ. Она была такъ подавлена тяжестью своихъ проступковъ, что еслибъ въ эту минуту кто-нибудь пришелъ и попробовалъ снять съ нея эту тяжесть, еслибъ кто-нибудь сказалъ ей: «ты столько же виновна, сколько голубь», то она сочла бы это чѣмъ-то нехорошимъ. Самымъ страшнымъ въ этомъ духовномъ разладѣ было то, что въ первую минуту вина ея представлялась неисправимою, и ей казалось, что дальше будетъ все хуже и хуже,

что Стахъ будетъ любить ее все меньше и меньше, и будетъ имѣть на это полное право. Однимъ словомъ, Мариня не видала передъ собою никакого спасенія.

Логика говорила ей: сегодня еще хорошо въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть завтра, послѣ-завтра, черезъ мѣсяць, черезъ годъ... А тутъ, вѣдь, дѣло идетъ обо всей жизни!

И Мариня начала работать своею бѣдною, измученною головою, чтобы найти если не дорогу, то хоть какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы выйти изъ этого лабиринта несчастія. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, послѣ Богъ вѣсть сколькихъ проглоченныхъ слезъ, ей показалось, что она видитъ передъ собою какой-то свѣтъ.

И свѣтъ этотъ, по мѣрѣ того, какъ она присматривалась къ нему, все росъ и росъ. Было что-то могущественнѣе логики несчастія, могущественнѣе совершенныхъ винъ и оскорбленнаго божества, умѣющаго только мстить,—было милосердіе Божіе.

Она провинилась, ей нужно исправить свою вину. Нужно Стаха любить такъ, чтобы онъ нашелъ все, что потеряло его сердце. Нужно имѣть терпѣніе, и не только не роптать на свою теперешнюю долю, но еще благодарить Бога и Стаха за то, что эта доля такова. Если придуть большія горести и затрудненія, нужно потихоньку похоронить ихъ въ сердца и выдерживать долго, долго... хотя бы цѣлые годы, пока не придетъ милосердіе Божіе.

Тропинка начала обращаться въ торную дорогу. «Не заблужусь!»—говорила себѣ Мариня. Ей и теперь хотѣлось плакать отъ великой радости, но она думала, что не можетъ позволить себѣ этого. Стахъ каждую минуту можетъ придти,—нужно, чтобы онъ нашелъ ее съ сухими глазами.

Стахъ, дѣйствительно, скоро пришелъ. Мариня въ первую минуту хотѣла броситься къ нему на шею, но чувствовала себя настолько виноватой передъ нимъ, что какая-то робость удержала ее на мѣстѣ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и спросилъ:

— Никто не былъ?

— Была Эмилія, но не могла остаться долго. Придетъ въ слѣдующее воскресенье.

Поланецкій разсердился.

— Ахъ, Господи! Ты знаешь, мнѣ приятно видѣть ее,—отчего же ты не дала мнѣ знать? Тебѣ было извѣстно, гдѣ я,—почему ты не прислала за мной?

Она, какъ извиняющійся ребенокъ, заговорила голосомъ, въ

которомъ дрожали слезы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышалась и какая-то надежда:

— Нѣтъ, Стахъ, я люблю тебя и всегда о тебѣ думаю.

XXII.

— Вотъ видите, былъ, — весело говорилъ Завиловскій у Бигелей, — на меня до нѣкоторой степени смотрѣли какъ на какую-нибудь пантеру или на волка, но я оказался совершенно прирученнымъ существомъ: никого не поцарапалъ, ничего не разбилъ, на вопросы отвѣчалъ болѣе или менѣе сознательно. Нѣтъ, это я давно замѣтилъ, что съ людьми легче жить, чѣмъ это кажется, и у меня только въ первую минуту является желаніе бѣжать безъ оглядки. Но эти барыни, дѣйствительно, держутъ себя вовсе не натянуто.

— Вы не заговаривайте насъ и расскажите обстоятельно все, какъ было, — сказала пани Бигель.

— Какъ было? Вошелъ я въ ворота дачи и не зналъ, что дѣлать дальше, — гдѣ живутъ Основскіе, гдѣ пани Броничъ, — и вмѣстѣ ли имъ нужно сдѣлать визитъ или зайти и къ тѣмъ, и къ другой.

— Конечно, отдѣльно, — сказалъ Поланецкій. — У пани Броничъ отдѣльное помѣщеніе и только одна гостиная общая съ Основскими.

— Я и нашелъ ихъ всѣхъ въ этой гостиной и пани Основская первая вывела меня изъ затрудненія, когда сказала, что дѣлится мною съ пани Броничъ и что я сразу дѣлаю два визита. Я засталъ тамъ пани Машко и пана Коповскаго. Это такой красавецъ, что у него для головы долженъ быть футляръ съ атласною подкладкой внутри, вродѣ ювелирскихъ футляровъ. Кто это Коповскій?

— Дуракъ, — отвѣтилъ Поланецкій, — въ этомъ самомъ заключается и имя, и званіе, и родъ занятія, и особья примѣты. Другого описанія не нужно даже и для паспорта.

— Теперь я понимаю, — сказалъ Завиловскій, — и нѣкоторыя слова, какія я слышалъ, стали мнѣ теперь ясны. Господинъ этотъ позировалъ, а молодыя барыни рисовали его портретъ: пани Основская масляными красками en face, а панна Кастелли — акварелью въ профиль. На обѣихъ были фартуки сверхъ платья и обѣ были прелестны. Пани Основская, видимо, только что начала учиться, но у панны Кастелли много опытности.

— О чемъ же вы говорили?

Завиловскій обратился къ Маринѣ:

— Прежде всего, меня спрашивали о вашемъ здоровьѣ и я сказалъ, что вамъ теперь лучше.

Онъ не упомянулъ, однако, что при этомъ случаѣ покраснѣлъ, какъ гимназистъ, и теперь утѣшался только мыслью, что всё такъ были заняты живописью, что не замѣтили его смущенія, въ чемъ, впрочемъ, ошибался.

Онъ и теперь немного смутился и, желая скрыть это, продолжалъ:

— Потомъ, конечно, мы говорили о живописи вообще и о портретной въ особенности. Я замѣтилъ, что панна Кастелли немного уменьшила голову пана Коповскаго, а она отвѣтила мнѣ: «Это не я, а природа!»

— Остроумная дѣвушка!

— И сказала это совсѣмъ громко. Я засмѣялся, и всё засмѣялись, и самъ панъ Коповскій. Онъ, должно быть, очень уживчивый человѣкъ. Потомъ онъ заявилъ, что если онъ сегодня кажется хуже, чѣмъ обыкновенно, то единственно потому, что не выспался и что ему нужно въ объятія Ореея.

— Ореея?

— Да. Панъ Основскій исправилъ его безъ церемоніи, но онъ не согласился на поправку, сказалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, былъ десять разъ на Орееѣ и помнить это хорошо. Барыни слегка подсмѣиваются надъ нимъ, но онъ такой красивый, и они съ удовольствіемъ рисуютъ его. Однако, какая артистка эта панна Кастелли! Какъ начала мнѣ показывать кистью разныя пятна и линіи на начатомъ портретѣ пана Коповскаго, такъ даже раскрасилась: «Какая это линія! Что это за тоны!» Я долженъ отдать ей справедливость, что при этомъ она представлялась настоящею музой. Говорила мнѣ, что больше всего любить рисовать портреты, что о каждомъ лицѣ, прежде всего, думаетъ, какъ о модели, и что головы, въ которыхъ есть что-нибудь оригинальное, даже сняты ей по ночамъ.

— Ого! и вы будете сначала сниться ей, а потомъ позировать, — я увѣрена въ этомъ, — сказала Мариня. — И это будетъ хорошо.

Завиловскій отвѣтилъ слегка невѣрнымъ голосомъ:

— Она почти сказала мнѣ, что это дань, которую она любитъ собирать съ добрыхъ знакомыхъ, но сама не обратилась ко мнѣ прямо съ изъявленіемъ своего желанія, и если бы не пани Броничъ, объ этомъ не было бы рѣчи.

— А пани Броничъ выручила музу? — спросилъ Поланецкій.

— Это будетъ хорошо,—сказала Мариня.

— Почему хорошо?—проговорилъ Завиловскій.

И онъ посмотрѣлъ на нее покорнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпкойнымъ взглядомъ. Мысль, что она насильно хочетъ толкнуть его къ другой, потому что угадала тайну его сердца, и привлекала его, и охватывала страхомъ.

Мариня отвѣтила:

— Правда, я почти не знаю панну Линету, сужу о ней только по первымъ впечатлѣніямъ и по тому, что слышала о ней, но мнѣ кажется, что это не дюжинная натура,—значитъ будетъ хорошо, если вы познакомитесь поближе.

— Я хотя сужу по первымъ впечатлѣніямъ,—сказалъ успокоенный Завиловскій,—но и мнѣ точно также панна Кастелли кажется менѣе поверхностной, чѣмъ пани Основская. Вообще, это—очень красивыя и милыя женщины, только... можетъ быть, я не сумѣю опредѣлить этого, потому что недостаточно знаю свѣтъ, но, выйдя отъ нихъ, я вынесъ такое впечатлѣніе, будто ѣхалъ въ вагонѣ съ необыкновенно милыми иностранками, которыя разговариваютъ очень остроумно, но ничего болѣе. Я чувствую въ нихъ что-то чужое. Пани Основская, напримѣръ,—вѣдь, это совсѣмъ, какъ архидея. Цвѣтокъ! Очень оригинальный и красивый... но какой-то чужой. Панна Кастелли — также. Да... и въ ней нѣтъ ничего нашего, родного. Съ ними не испытываешь чувства, что все это выросло на одномъ съ нами полѣ, подъ однимъ дождемъ и подъ однимъ солнцемъ...

— Какая интуиція у поэта!—сказалъ Поланецкій.

Завиловскій оживился такъ, что на его лбу явственно выступили жилы въ формѣ буквы Y. Онъ чувствовалъ, что въ его порицаніи тѣхъ дамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кроется похвала Марини, и это дѣлало его краснорѣчивымъ.

— Притомъ,—продолжалъ онъ,—существуетъ какой-то инстинктъ, который помогаетъ отгадывать истинное доброе расположеніе. Тамъ этого не чувствуется. Онъ милы, предупредительны, но все это кажется одною формою, и поэтому я думаю, что въ ихъ домѣ человѣкъ искренній, который легко приспосабливается къ людямъ, можетъ испытать много разочарованія. Ужасно скверная и унижительная вещь — принимать свѣтскую шелуху за истинное зерно. Что касается меня, то поэтому я и боюсь людей. Вотъ панъ Поланецкій приписываетъ мнѣ интуицію, но я знаю отлично, что я, въ сущности, наивень. Такія вещи причиняютъ мнѣ много боли. Мои нервы просто не могутъ выносить ихъ. Помню, когда я былъ

еще ребенкомъ и замѣчалъ, что люди не одинаковы со мной при отцѣ и матери и въ ихъ отсутствіе, то это было однимъ изъ величайшихъ непріятностей моего дѣтства. Мнѣ это показалось подлымъ и грызло меня такъ, какъ будто я самъ допустилъ какую-нибудь подлость.

— Потому что у васъ правдивая натура,— сказала пани Бигель.

Завиловскій имѣлъ привычку размахивать своими длинными руками, когда забывалъ робость. Онъ и теперь махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Ахъ, искренность! Это и въ искусствѣ, и въ жизни — самое главное и единственное!

Пани Поланецкая начала защищать своихъ знакомыхъ: люди, въ особенности мужчины, несправедливы, и свои собственныя рѣшенія, часто даже предположенія, принимаютъ за дѣйствительность. Что касается пани Основской и панны Бастелли, то какъ же можно судить о нихъ послѣ второго свиданія? Онѣ веселы, добры и любезны, но изъ чего же должна исходить эта любезность, какъ не изъ искренняго сердца?

Она обратилась къ Завиловскому и начала выговаривать ему, отчасти въ шутку, отчасти серьезно:

— А вотъ что пани Бигель нашла у васъ правдивую натуру, такъ это невѣрно: тѣ дамы хвалятъ васъ, а вы ихъ осуждаете.

Но Поланецкій перебилъ со свойственною ему живостью:

— Ахъ, ты все еще, попрежнему, наивна и мѣряешь людей своею собственною мѣркою. Знай, что мелочная доброта и любезность могутъ исходить также и изъ эгоизма, которому хочется, чтобъ ему было весело и спокойно.

Потомъ онъ сказалъ Завиловскому:

— Если вы такъ поклоняетесь искренности, то вотъ она! Здѣсь сидитъ! Вотъ вамъ истинный типъ!

— Я знаю, знаю! — съ энтузіазмомъ отвѣтилъ Завиловскій.

— А ты хотѣлъ бы, чтобы было иначе? — смѣясь, спросила Мариня.

Поланецкій тоже разсмѣялся.

— Нѣтъ, не хотѣлъ бы. Но какое счастье, что ты не маленькаго роста и тебѣ нѣтъ надобности носить пробковые каблучки, а то ты испытывала бы вѣчное мученіе совѣсти, что ты обманываешь людей.

Мариня, видя, что взглядъ Завиловскаго направился къ ея но-

гамъ, невольно спрятала ихъ подъ столъ и, желая дать новое направление разговору, спросила:

— Ваша книжка, кажется, выйдетъ на этихъ дняхъ?

— Она и вышла бы уже, — отвѣтилъ Завиловскій, — но я добавилъ одно стихотвореніе, и это задержать выходъ.

— А можно узнать названіе стихотворенія?

— *Лилія*.

— Не *Лилія* — *Линета*?

— Нѣтъ, пани Поланецкая, не *Лилія* — *Линета*.

Лицо Марини сдѣлалось серьезнымъ. По отвѣту ей легко было понять, что стихотвореніе это написано ей и по ея поводу. Ей вдругъ сдѣлалось непріятно, что понимаютъ это только она, да Завиловскій, и что вслѣдствіе этого между ними возникаетъ что-то вродѣ тайны, извѣстной только имъ обоимъ. Ей это казалось чѣмъ-то несогласнымъ съ тою искренностью, о которой говорилось минуто назадъ, какимъ-то грѣхомъ противъ Стаха. Въ первый разъ она замѣтила, въ какия духовныя трудности можетъ впасть женщина, хотя бы страстно влюбленная въ своего мужа и самая невинная, разъ только на нее падетъ равнодушный взглядъ другого мужчины. А посвятить мужа въ свои предположенія казалось ей невозможнымъ. Въ первый разъ ею овладѣло что-то вродѣ гнѣва на Завиловскаго и тотъ сейчасъ же почувствовалъ это своими нервами артиста, какъ барометръ чувствуетъ малѣйшія измѣненія погоды, — понималъ и, благодаря полному отсутствію опытности, принималъ это съ самой трагической стороны. Онъ вообразилъ, что Мариня запретъ передъ нимъ дверь, возненавидитъ его, что онъ не будетъ ее видѣть, и весь свѣтъ сразу представился ему въ траурныхъ краскахъ. Въ его артистической натурѣ лежала суцая путаница эгоизма, фантазіи и неподдѣльной нѣжности, — почти женственной нѣжности, которая требовала тепла и любви. Познакомившись съ пани Поланецкой, онъ прильнулъ къ ней съ эгоизмомъ сибарита, которому такое чувство мило и который ни о чемъ другомъ не думаетъ; потомъ его фантазія вознесла ее на поэтическія высоты и, во сто разъ усиливъ ея неоспоримое очарованіе, обратила ее чуть не въ неземное существо, а врожденная нѣжность, на которой болѣзненно отражалось одиночество и отсутствіе близкаго сердца, такъ была тронута добротой, съ которою его приняли, что изъ всего этого возникло что-то носящее всѣ признаки любви. Этому чувству недоставало, однако, реальнаго основанія. У Завиловскаго, какъ у большинства артистовъ, на ряду со способностью порывамъ настолько идеальнымъ, насколько идеальна сама ду-

ша, жила чувственность сатира. Теперь эта чувственность спала. Онъ окружилъ Мариню такимъ блескомъ, такою святостью, что не желалъ обладать ею. Если бы, вопреки всякому правдоподобию, она неожиданно бросилась къ нему на шею, то, въ эстетическомъ смыслѣ, она перестала бы быть для него тѣмъ, чѣмъ была и чѣмъ онъ хотѣлъ ее видѣть, то-есть безпорочнымъ существомъ. Тѣмъ больше онъ рассчитывалъ, что можетъ позволить себѣ такое чувство, и тѣмъ больше теперь ему было упоенія, которое такъ сладко убаюкивало его мысли и наполняло пустоту его жизни. Ему такъ хорошо было со всѣмъ этимъ, — возвратившись домой, онъ видѣлъ образъ какой-то женщины, къ стопамъ которой могъ слагать свою душу, ему было о комъ мечтать и кому писать стихи. Теперь онъ понялъ, что если пани Поланецкая догадается, что творится въ немъ, если онъ самъ не сумѣетъ скрывать это лучше, чѣмъ до сихъ поръ, то отношенія ихъ не могутъ оставаться въ такой формѣ и прежняя пустота, на этотъ разъ еще болѣе невыносимая, вновь окружить его. Онъ началъ ломать голову, какъ бы предотвратить это, какъ бы не только не утратить ничего, но видать Мариню еще чаще. Въ его богатомъ воображеніи въ предлогахъ недостатка не было и, наскоро сдѣлавъ имъ смотръ, онъ выбралъ одинъ, который, какъ ему казалось, болѣе прямою дорогой велъ къ цѣли.

«Я какъ будто влюбленъ въ панну Кастелли, — сказалъ онъ себѣ, — а ей буду исповѣдывать свои горести. Это насъ не только не разлучитъ, а скорѣе сблизитъ. Я сдѣлаю изъ нея свою покровительницу».

И тотчасъ же онъ началъ сочинять все дѣло, какъ сочинялъ стихотвореніе. Вообразилъ онъ себѣ, что будто дѣйствительно влюбленъ въ «сонную царевну», что онъ несчастливъ и раскрываетъ свою тайну передъ Мариней, которая слушаетъ его, наклонившись впередъ, съ глазами, влажными отъ сочувствія, и, какъ настоящая сестра, кладетъ руку ему на голову. Эта игра фантазіи показалась ему настолько реальною, а впечатлительность его была такъ велика, что онъ составлялъ выраженія, въ какихъ будетъ исповѣдываться передъ Мариней, подыскивалъ самыя простыя и, вѣстѣ съ тѣмъ, самыя раздирающія фразы, и дѣлалъ это съ такою добросовѣстностью, что чуть и самъ не растрогался.

Мариня, возвращаясь съ мужемъ домой, думала о стихотвореніи, озаглавленномъ *Лилія*, которое замедлило выходъ книжки. Какъ женщина, она и интересовалась имъ немного, и немного боялась его. А въ особенности она боялась неприятностей, которыя могли возникнуть изъ ея отношеній къ Завиловскому въ будущемъ.

И, подь влияніемъ этихъ опасеній, она сказала:

— Знаешь, о чемъ я думаю? Что такая дѣвушка, какъ Лине-та, была бы большимъ счастьемъ для Завиловскаго.

— Скажи, пожалуйста, — отвѣтилъ Поланецкій, — что это вамъ взбрело въ голову сватать Завиловскаго съ тою дѣвушкой?

— Стахъ, вѣдь, я не сватаю, я только говорю, что это было бы не дурно. У Анеты Основской, правда, немного горячая голова, но она такая живая, словно искра.

— Изломанная, а не живая, и, — вѣрь мнѣ, — вовсе не такая наивная, какою представляется; у нея во всемъ свой личный планчикъ. Иногда я думаю, что ее панна Кастелли столько же интересуе-тъ, сколько меня, и что на днѣ всего этого лежитъ что-то другое:

— Что же это можетъ быть?

— Не знаю, и не знаю, можетъ быть, потому, что меня самого это мало интересуе-тъ. Вообще, нѣтъ у меня довѣрія къ этимъ женщинамъ.

Разговоръ этотъ прервалъ Машко, который именно въ эту ми-нуту подѣзжалъ въ пролетѣ къ ихъ дому. Онъ поспѣшилъ по-здороваться съ Мариной и потомъ сказалъ Поланецкому:

— Хорошо, что мы встрѣтились, — я завтра уѣзжаю на два дня, а сегодня мой платежъ. Я привезъ деньги.

И онъ обратился къ Маринѣ:

— Сегодня я былъ у вашего отца. Панъ Плавницкій чувствуетъ себя отлично, но говорилъ мнѣ, что скучаетъ по васъ и по хозяй-ству и подумываетъ, не купить ли какое-нибудь подходящее имѣньице. Я сказалъ ему, что если мы выиграемъ дѣло, то онъ можетъ оставить себѣ Плошовъ.

Маринѣ этотъ разговоръ былъ не по вкусу, тѣмъ болѣе, что въ немъ севозила легкая иронія. Поланецкій увелъ Машко къ себѣ въ кабинетъ.

— Значить, все идетъ хорошо? — спросилъ онъ.

— Вотъ мой платежъ, — отвѣтилъ Машко. — Будь любезенъ, выдай мнѣ квитанцію.

Поланецкій сѣлъ къ столу и написалъ квитанцію. Машко про-должалъ:

— А теперь другое дѣло. Я когда-то продалъ тебѣ лѣсъ въ Бшеменѣ, съ условіемъ, что могу его выкупить, если возвращу полученную сумму и условленные проценты. Вотъ эта сумма съ процентами. Рассчитываю, что ты ничего не будешь имѣть противъ такого обмѣна, а я могу только поблагодарить тебя, потому что ты тогда оказалъ мнѣ дѣйствительную услугу, и если когда-ни-

будь ты будешь нуждаться во мнѣ, — пожалуйста, ко мнѣ, услуга за услугу! Ты знаешь, что я люблю быть признательнымъ!

«Эта обезьяна начинаетъ покровительствовать мнѣ!» — подумалъ Поланецкій, и еслибъ былъ не у себя, то, можетъ быть, высказалъ бы вслухъ это замѣчаніе, но теперь воздержался и сказалъ:

— Противъ обмѣна я ничего не имѣю, — таковъ былъ договоръ. Я всегда смотрѣлъ на это только съ дѣловой точки зрѣнія.

— Тѣмъ болѣе я могу оцѣнить это, — благосклонно сказалъ Машко.

— А вообще, что у тебя слышно? Я вижу, что ты плывешь на всѣхъ парусахъ. Какъ дѣло?

— Со стороны благотворительныхъ учрежденій выступаетъ какой-то молодой адвокатъ, по фамиліи Следзь *). Милая фамилія, правда? Еслибъ я такъ называлъ kota, то онъ бы три дня мяукалъ. Но я эту селедку посыплю перцемъ и съѣмъ. Ты спрашиваешь, какъ дѣло? Дѣло стоитъ такъ, что, послѣ его окончанія, я, по всей вѣроятности, буду имѣть возможность выйти изъ адвокатуры, — это занятіе вообще не подходитъ мнѣ, — и поселиться навсегда въ Кшеменѣ.

— Съ наличнымъ капиталомъ въ карманѣ?

— Съ наличнымъ капиталомъ, и съ большимъ. Довольно съ меня этой адвокатуры. Притомъ, кто вышелъ изъ землевладѣльческой семьи, того земля притягиваетъ къ себѣ. Это наследуется вмѣстѣ съ кровью. Но пока довольно объ этомъ. Завтра, какъ я говорилъ, я уѣзжаю и поручаю вамъ мою барыню, тѣмъ болѣе, что пани Браславская въ настоящее время уѣхала въ Вѣну къ окулисту. Сейчасъ я отправляюсь къ Основскимъ точно также просить ихъ не забывать о моей женѣ.

— Конечно, съ удовольствіемъ! — отвѣтилъ Поланецкій.

Ему пришелъ на память разговоръ съ Мариной и онъ спросилъ:

— Ты давно знаешь Основскихъ?

— Довольно давно. Впрочемъ, жена моя знаетъ ихъ еще лучше. Онъ очень богатый человѣкъ; была у него единственная сестра, но умерла, и дядя, скупецъ, послѣ котораго Основскому осталось огромное состояніе. А о ней, — что тебѣ сказать о ней? — дѣвушкой она читала все, что попадетъ ей въ руки, были у нея претензіи на умъ, артистичность, — словомъ, на все, на что можно имѣть претензію, — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, была влюблена въ Коповскаго. Вотъ тебѣ вся пани Основская.

*) Селедка.

— А пани Броничъ и панна Бастелли?

— Панна Бастелли больше правится женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ; кромѣ того, я о ней ничего не знаю. Говорятъ, что тотъ же самый Боповскій ухаживалъ или ухаживаетъ за ней, а пани Броничъ...

Машко разсмѣялся.

— Хедивъ лично водилъ пани Броничъ на пирамиду Хеопса, покойный Альфонсъ испанскій каждый день говорилъ ей въ Каннахъ: «*Bonjour, madame la comtesse!*» Мюссе въ 56 году писалъ ей стихи въ альбомъ, а Мольтке сидѣлъ у нея на чемоданѣ въ Карлсбадѣ, — однимъ словомъ, въ воображеніи она ѣздила на всѣ коронаціи *). Теперь, съ того времени, какъ панна Бастелли подросла или, вѣрнѣе сказать, вытянулась на пять футовъ и сколько-то дюймовъ, сладкая тетя совершаетъ эти воображаемыя путешествія не на собственный счетъ, а на счетъ своей племянницы, въ чемъ ей теперь помогаетъ пани Основская съ такимъ рвеніемъ, что трудно понять, какую она цѣль преслѣдуетъ. Вотъ и все, за исключеніемъ свѣдѣній о панѣ Броничѣ, который умеръ шесть лѣтъ назадъ неизвѣстно отъ какой болѣзни, потому что пани Броничъ каждый разъ придумываетъ ему все новую, прибавляя при этомъ, что онъ былъ послѣднимъ изъ Рюриковичей, но умалчивая, что предпослѣдній, то-есть его отецъ, въ свое время служилъ управляющимъ у Рдугловскихъ и составилъ себѣ этимъ состояніе. Ну, я кончилъ... *Vanity's fair!*... Будь здоровъ, держись хорошо, а въ случаѣ надобности, рассчитывай на меня. Еслибъ я былъ увѣренъ, что эта надобность явится скоро, то принудилъ бы тебя дать слово, что ты не обратишься ни къ кому, кромѣ меня. До свиданія! — Машко пожалъ руку Поланецкаго съ неописуемымъ благоволеніемъ и вышелъ изъ комнаты. Поланецкій пожалъ плечами.

«Хорошо еще, что онъ не потрепалъ меня по плечу! — сказалъ онъ. — *Vanity's fair! vanity's fair!* Какъ будто и умный человекъ, а не видитъ въ себѣ того глупаго тщеславія, надъ которымъ насмѣхается въ другихъ. Еще недавно онъ былъ совсѣмъ не таковъ, чуть было не пересталъ притворяться, а какъ бѣда прошла, дьяволъ опять взялъ верхъ».

Ему пришло на память, что Васковскій говорилъ когда-то о тщеславіи, о комедіанствѣ, и Поланецкій подумалъ:

«А, все-таки, этимъ людямъ везетъ у насъ».

*) Przez imaginacye jezdziac na wszelkie koronacye—польская поговорка.

XXIII.

Пани Основская такъ забыла о своихъ «флорентинско - римскихъ» вечерахъ, что удивлялась, когда мужъ напоминалъ ей о нихъ. Какіе вечера? Да она и не думаетъ о нихъ, у нея теперь другое занятіе, которое называется «прирученіемъ орла». «Если кто не видитъ, что *орелъ* и Линета созданы другъ для друга, тотъ, съ позволенія мужа и господина, человекъ близорукій, но тутъ уже никакого средства нѣтъ. Мужчины вообще многихъ вещей не понимаютъ, потому что у нихъ мало чувства. Завиловскій, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, составляетъ исключеніе, но еслибъ Мариня Поланецкая посовѣтовала ему лучше одѣваться и отпустить бороду, то это было бы очень хорошо. Линета такъ пропитана эстетичностью, что ее всякій пустякъ коробитъ, хотя, съ другой стороны, онъ ее восхищаетъ,—нѣтъ, этого сказать мало, просто гипнотизируетъ... Да еще при ея натурѣ... здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго!»

Панъ Основскій, прислушиваясь къ такому щебетанью, расплывался отъ восторга, и, пользуясь возможностью, старался завладѣть рукою дамы и разцѣловать ее вплоть до локтя, но, все-таки, разъ задалъ тотъ совершенно естественный вопросъ, который Поланецкій раньше задалъ Маринѣ:

— Скажи мнѣ, что тебѣ-то за дѣло?

А пани Анета кокетливо отвѣтила:

— *La geine s'amuse!* Книжки писать не трудно. Было бы немного таланту—и достаточно, но проводить въ жизнь то, о чемъ пишутъ книжки,—большое искусство, и, кромѣ того, какое удовольствіе!

Немного погода она прибавила:

— Можетъ быть, у меня есть и какая-нибудь личная цѣль, а кабая—догадайся самъ.

— Я скажу тебѣ на ухо,—отвѣтилъ Основскій.

Она подставила ухо съ шаловливою миной, моргая отъ любопытства своими фіалковыми глазами.

Но Основскій потому только и приблизилъ губы къ ея уху, чтобы поцѣловать ее, и таинственно шепнулъ:

— *La geine s'amuse!*

Въ этомъ заключалась правда. У пани Основской могли быть свои личныя цѣли при сближеніи Завиловскаго съ Линетой, но независимо отъ того проведеніе романа въ жизнь и роль маленькаго провидѣнія занимали ее и доставляли ей огромное удовольствіе.

Съ этими провиденціальными намѣреніями она часто являлась

къ Маринѣ Поланецкой, чтобы разузнать что-нибудь объ «орлѣ», и чаще всего возвращалась съ добрыми вѣстями, потому что Завиловскій, желая усыпить подозрѣніе Марини, все больше и больше говорилъ съ нею о паннѣ Линетѣ. Его дипломатія оказалась настолько дѣйствительной, что когда разъ пани Основская прямо спросила Мариню, не влюбленъ ли въ нее Завиловскій, та засмѣялась и отвѣтила:

— Мы должны примириться съ этимъ, Анета, ни въ меня, ни въ тебя. Яблоко присуждено Линетѣ, а намъ не остается ничего, какъ плакать или утѣшиться.

Съ другой стороны, панна Бастелли все время жила подъ влияніемъ внушенія чувствъ и мыслей, которыхъ не позволяло отгонять ее самолюбіе. Съ утра до вечера она слышала, что этотъ «орелъ» съ широкими крыльями влюбленъ въ нее, что онъ у ея ногъ и что такое избранное, такое исключительное существо, какъ она, не можетъ оставаться нечувствительной къ этому. Ей это черезъ-чуръ льстило, чтобъ она могла оставаться нечувствительной. Рисуя Боповскаго, она, правда, всегда удивлялась «великолѣпнымъ пятнамъ» на его лицѣ, — онъ нравился ей потому, что доставлялъ ей возможность дѣлать различныя изреченія, которыя потомъ повторялись всѣми, какъ доказательство ея ума и остроумія, онъ нравился ей по многимъ соображеніямъ, но и Завиловскій не былъ безобразнымъ человѣкомъ, хотя не носилъ бороды и одѣвался не достаточно старательно. А, притомъ, ей столько говорили о его крыльяхъ и о томъ, что такая душа, какъ ея, должна понять его. Говорили это всѣ, не только Анета. Пани Броничъ, которая когда-то не понимала, какъ кто-нибудь могъ быть не влюбленъ въ нее, потомъ перенесла эту счастливую увѣренность на свою племянницу и тѣмъ самымъ присоединилась къ мнѣнію пани Основской, расшивая, притомъ, канву дѣйствительности цвѣтами собственнаго вымысла. Наконецъ, и панъ Основскій приписался къ этому хору. Изъ-за любви къ женѣ онъ любилъ Линету, пани Броничъ и готовъ былъ любить все, что имѣло близкую или дальнюю связь съ Анетой, и потому принялъ это дѣло къ сердцу. Завиловскій былъ ему симпатиченъ, свѣдѣнія, которыя онъ собралъ о немъ, гласили въ его пользу. Вообще онъ узналъ о немъ только то, что онъ былъ нелюдимъ, самолюбивъ и упоренъ во всемъ, за что ни возьмется, кромѣ того, скрытенъ и очень способенъ, а когда все это барынямъ пришлось по вкусу, то и панъ Основскій началъ думать: «А, вѣдь, пожалуй, это выйдетъ недурно!» Тактика Завиловскаго покуда оправдывала этотъ взглядъ на вещи: съ нѣкотораго времени онъ началъ чаще навѣщать «об-

шюю гостиную» и больше разговаривать съ панной Линетой. Первое онъ дѣлалъ благодаря любезному приглашенію пани Основской, но второе исходило только изъ его воли. Пани Анета замѣтила, что его взглядъ все внимательнѣе останавливается на золотистыхъ волосахъ и сонныхъ рѣсницахъ Линеты, а глаза его сопровождаютъ ее, когда она проходитъ черезъ гостиную. Завиловскій дѣйствительно началъ присматриваться къ ней отчасти изъ дипломатіи, отчасти изъ любопытства.

Но дѣло стало гораздо болѣе серьезнымъ, когда вышелъ первый томъ его произведеній. Стихи его уже и прежде обращали на себя вниманіе, о нихъ говорили много, но общее впечатлѣніе, все-таки, терялось, благодаря тому, что они появлялись въ разное время и въ раздробь. Теперь книжка ударила прямо въ глаза. Въ ней замѣчались и блескъ, и сила, и искренность. Языкъ обладалъ крѣпостью и вѣсомъ металла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнулся послушно и подчинялся самымъ тонкимъ формамъ. Впечатлѣніе росло. Вскорѣ одобрителный шепотъ превратился въ хвалебный говоръ. Со свойственнымъ въ подобныхъ случаяхъ преувеличеніемъ, книжку теперь цѣнили выше ея достоинства, и въ молодомъ поэтѣ начали предчувствовать преемника великой славы и великихъ знаменъ. Имя его изъ редакціонныхъ кабинетовъ перешло въ публику. О немъ начали говорить повсюду, интересоваться имъ и искать его; любопытство стало тѣмъ большимъ, что лично онъ былъ мало извѣстенъ. Старый богатый панъ Завиловскій, отецъ панны Елены, который имѣлъ привычку говорить, что на свѣтѣ существуютъ два бича: подагра и бѣдные родственники, теперь повторялъ всякому, кто спрашивалъ его: «*Mais oui, mais oui, — c'est mon cousin!*» — а это заявленіе также имѣло вѣсъ въ глазахъ многихъ людей, а въ особенности въ глазахъ пани Броничъ. Пани Основская вмѣстѣ съ панной Бастелли перестали страдать даже по поводу «безвкусной» булавки въ галстукѣ Завиловскаго, потому что теперь въ немъ все могло считаться оригинальнымъ. Положимъ, въ глубинѣ души ихъ огорчало, что его звали Игнацій. Они желали бы, чтобъ у него было другое имя, болѣе соответствующее славі и поэзіи, но когда панъ Основскій, который изъ Меца вынесъ нѣкоторыя знанія латинскаго языка, объяснилъ, что это значитъ «огненный», то дамы заявили, что если такъ, то дѣло совсѣмъ другое, и примирились съ Игнаціемъ.

Успѣху книжки искренно радовались у Бигелей, у Поланецкихъ и въ конторѣ. Въ конторѣ не было завистливыхъ людей. Старикъ-кассиръ Валковскій, агентъ Абдульскій и второй бухгалтеръ, Позняковскій, гордились своимъ коллегой, какъ будто его слава въ

одинаковой степени озаряла и торговый домъ. Валковскій даже говорилъ: «Ну, пустимъ мы людямъ пыль въ глаза!» Бигель въ теченіе двухъ дней размышлялъ, можетъ ли Завиловскій, при всемъ томъ, что случилось, ограничиться скромнымъ мѣстомъ при фирмѣ Бигель и Поланецкій, но Завиловскій на вопросъ его отвѣтилъ:

— Вотъ это мило! Дорогой панъ Бигель, за то, что люди болтаютъ обо мнѣ, вы хотите лишить меня куска хлѣба и самаго лучшаго въ свѣтѣ общества. Издателя я не нашелъ и еслибъ не былъ вашимъ бухгалтеромъ, то не могъ бы издать своей книжки.

На этотъ аргументъ нечего было отвѣтить, и Завиловскій остался въ конторѣ. Онъ только сдѣлался болѣе частымъ гостемъ у Бигелей и Поланецкихъ. У Основскихъ послѣ появленія книжки онъ не показался цѣлую недѣлю, какъ будто напроказилъ что-нибудь. Пани Бигель и Мариня уговаривали его и онъ отправился туда какъ-то вечеромъ.

Барыни собирались въ театръ, но изъявили непремѣнное желаніе остаться дома. Завиловскій не соглашался на это, и дѣло кончилось тѣмъ, что и пани Анетъ, и паннѣ Кастелли доставило видное удовольствіе то, что онъ поѣдетъ съ ними вмѣстѣ. «Юзя, если захочетъ, возьметъ себѣ билетъ въ кресла». И Юзя взялъ билетъ въ кресла. Во время спектакля Завиловскій сидѣлъ впереди, вмѣстѣ съ панной Линетой; пани Основская настояла, что они вмѣстѣ съ пани Броничъ будутъ замѣнять имъ матерей. «Вы говорите себѣ о чемъ хотите, а если кто-нибудь придетъ, то я его такъ застрекочу, что онъ не будетъ вамъ мѣшать». Глаза всей публики обращались на эту ложу, когда всѣ узнали, кто въ ней сидитъ. И панна Кастелли чувствовала, что ее окружаетъ какой-то свѣтъ, чувствовала, что люди не только смотрятъ на Завиловскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и спрашиваютъ: чья это головка съ золотистыми волосами и сонными рѣсницами, къ которой онъ наклоняется и шепчетъ что-то на ухо? Она сама посматривала на него и говорила себѣ, что еслибъ не этотъ, черезъ - чуръ выдающійся подбородокъ, то профиль его былъ бы очень изященъ, и что этотъ подбородокъ могла бы прикрыть борода. Пани Основская, съ своей стороны, храбро исполняла свое обѣщаніе, и когда пришелъ Коповскій, застрекотала его такъ, что онъ едва могъ поздороваться съ панной Кастелли и сказать Завиловскому:

— А, такъ это вы пишете стихи!

Послѣ заявленія этого счастливаго открытія, онъ нашелъ въ себѣ достаточно силы произнести въ видѣ монолога:

— Я очень любилъ бы стихи, но, странное дѣло, какъ только я читаю стихи, то думаю совсѣмъ о другомъ.

Панна Бастелли обратилась къ нему и бросила на него долгій взглядъ. Неизвѣстно, что преобладало въ этомъ взглядѣ: извѣстная ли насмѣшка женщины, или внезапное удивленіе артистки, потому что эта безмозглая голова, выглядывающая изъ глубины ложи, выдѣлялась на красномъ фонѣ стѣнъ, какъ художественный вымыселъ живописца.

Послѣ спектакля пани Основская не хотѣла отпустить Завиловскаго и увезла его къ себѣ пить чай. Едва они пріѣхали, какъ пани Броничъ начала дѣлать ему выговоры:

— Вы дурной человѣкъ, и если съ Линетой что-нибудь случится, это падеть на вашу совѣсть. Дѣвочка ничего не ѣсть, не спитъ, только все читаетъ и читаетъ ваши стихи...

А пани Основская тотчасъ же добавила:

— Да, да... И мнѣ есть на что пожаловаться: она завладѣла вашею книжкой и никому не хочетъ ее отдавать ни на минуту. А когда мы сердимся, знаете, что она говорить? «Это мое! это мое!»

Хотя у панны Бастелли въ настоящее время въ рукахъ ничего не было, но она прижала къ груди воображаемую книжку, какъ бы желая защитить ее, и сказала тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Потому что это мое, мое!...

Завиловскій посмотрѣлъ на нее и почувствовалъ, что въ немъ что-то дрогнуло.

Возвращаясь домой позднимъ вечеромъ, онъ проходилъ мимо оконъ Поланецкаго и замѣтилъ, что они освѣщены. Послѣ спектакля и разговора у Основскихъ онъ чувствовалъ какое-то головокруженіе. Теперь видъ этихъ оконъ привелъ его въ себя. Онъ вдругъ почувствовалъ такое благостное настроеніе, какое испытываешь, когда начинаешь думать о чемъ-то очень хорошемъ и очень дорогомъ. Безконечно-чистое чувство къ Маринѣ отозвалось въ немъ съ прежнею силой. Его охватила та сладкая экзальтація, когда всѣ низменныя страсти засыпаютъ, а человѣкъ становится чуть ли не исключительно духомъ. Онъ побрелъ домой, повторяя отрывки изъ *Lullu*, самаго экзальтированнаго стихотворенія, какое онъ написалъ когда-либо.

А у Поланецкихъ огонь свѣтился потому, что произошло событіе, которое Маринѣ показалось ожидаемымъ ею милосердіемъ Божиимъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, она сидѣла, ломая, какъ обыкновенно голову надъ домашними расходами, и вдругъ положила карандашъ,

На минуту она поблѣднѣла, но потомъ лицо ея прояснилось и она позвала немного измѣнившимся голосомъ:

— Стахъ!

Поланецкаго удивилъ голосъ Марини. Онъ приблизился къ ней и спросилъ:

— Что съ тобою? Ты немного блѣдна.

— Подойди ближе, мнѣ нужно сказать тебѣ что-то.

Обнявъ руками его голову, она шепнула ему что-то на ухо. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Только не волнуйся, а то ты можешь повредить себѣ.

Но и въ его словахъ чувствовалось волненіе. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, еще разъ поцѣловалъ жену въ лобъ и сказалъ:

— Люди обыкновенно желаютъ себѣ перваго сына, но ты у меня помни, чтобъ была дочь. Назовемъ ее Литкой.

Они оба долго не могли уснуть въ эту ночь, — вотъ почему За-вилловскій видѣлъ свѣтъ въ ихъ окнахъ.

XXIV.

Черезъ недѣлю, когда вѣроятность обратилась въ достовѣрность, Поланецкій сообщилъ новость Бигелямъ. Пани Бигель въ тотъ же день полетѣла къ Маринѣ, которая отъ радости расплакалась въ ея объятіяхъ.

— Мнѣ кажется, — сказала она, — что теперь Стахъ и меня будетъ любить больше.

— Какъ это больше? — спросила пани Бигель.

— Я хотѣла сказать: еще больше, — отвѣтила Мариня. Слезы высохли на ея проткомъ лицѣ, осталась только улыбка. Немного погодя она молитвенно сложила руки и сказала: — Ахъ, Боже мой, еслибъ это была дѣвочка, потому что Стахъ хочетъ дѣвочку.

— А ты что хотѣла бы?

— Я, — только не говори этого Стаху, — я предпочитала бы мальчика, но пусть будетъ дѣвочка. — Она задумалась и спросила: — Но, вѣдь, на это нѣтъ никакого средства, да?

— Нѣтъ, — смѣясь, отвѣтила пани Бигель. — Пока еще не изобрѣли никакого.

Бигель, съ своей стороны, рассказывалъ новость всякому, кого встрѣтитъ, а въ конторѣ сказалъ при Поланецкомъ торжественнымъ голосомъ:

— Ну, господа, нашъ домъ, кажется, увеличится однимъ членомъ.

Служащіе вопросительно посмотрѣли на него, и онъ добавилъ:
— Благодаря пану Поланецкому и пани Поланецкой.

Всѣ бросились къ Поланецкому съ поздравлениями, — всѣ, включая Завиловскаго, который наклонился надъ столомъ и началъ внимательно просматривать колонны цифръ. Только спустя нѣсколько минутъ, соображая, что его поведеніе можетъ привлечь общее вниманіе, онъ съ измѣнившимся лицомъ подошелъ къ Поланецкому, пожалъ ему руку и проговорилъ:

— Поздравляю.

Ему казалось, что въ этотъ моментъ онъ очень комиченъ, что что-то обрушилось на его голову, что вокругъ него пустота и безбрежная глупость и что весь свѣтъ баснословно пошлъ. Самымъ худшимъ было сознаніе собственной комичности: услышанная имъ новость была такъ естественна, что ее могъ предвидѣть даже какой-нибудь Коповскій. А, между тѣмъ, онъ, Завиловскій, человекъ умный, пишущій стихи, которые принимаютъ съ такимъ энтузіазмомъ, сознающій все, что дѣлается вокругъ, зашелъ въ такую чашу заблужденій, что теперь ему казалось, что въ него ударилъ громъ. Что за унижительное положеніе! Но онъ познакомился съ Мариной, какъ съ пани Поланецкой, и невольно представлялъ себѣ, что она и всегда была пани Поланецкой, что и всегда будетъ такою же, и ему просто въ голову не приходило, чтобы могли явиться какія-нибудь перемѣны. И вотъ, замѣтивъ когда-то лилейные тоны на ея лицѣ, онъ, въ глубинѣ своей души, назвалъ ее лилей и писалъ ей лилейные стихи. А теперь эта проклятая чувственность, которая къ каждой непріятности прибавляетъ еще и свое издѣвательство, шептала ему на ухо: «хороша лилія!» И Завиловскій съ каждою минутой чувствовалъ себя все болѣе и болѣе угнетеннымъ и смѣшнымъ. Онъ писалъ стихи, а Поланецкій не писалъ. Въ этомъ сопоставленіи была и грызущая горечь, и что-то шутовское; Завиловскій пилъ изъ этой чаши, и предумышленно пилъ такъ, чтобы не пролить ни одной капли. Еслибъ его чувства проявились чѣмъ-нибудь, еслибъ онъ сдѣлалъ признаніе Маринѣ, еслибъ она оттолкнула его съ величайшимъ презрѣніемъ, а Поланецкій спустилъ бы его съ лѣстницы, въ этомъ было бы что-нибудь похожее на драму... Но такое окончаніе! «Такое плоское!» Натура Завиловскаго воспринимала все въ десять разъ сильнѣе, чѣмъ воспринимаютъ другіе, и его положеніе показалось ему рѣшительно невыносимымъ, а время, которое онъ еще долженъ былъ просидѣть въ конторѣ, мучкой. Чувство къ Маринѣ не гнѣзилось глубоко въ его сердцѣ, но заняло всецѣло его воображеніе,

а теперь, когда дѣйствительность безжалостною рукой ударила его по головѣ, ударъ показался ему не только болѣзненнымъ и грубымъ, но и оскорбительнымъ. Въ голову ему приходила отчаянная мысль взять шляпу, уйти и болѣе уже не возвращаться. Къ счастью, время занятій подходило къ концу, — всѣ начали и безъ того расходиться.

Завиловскій, подходя къ вѣшалкѣ съ зеркаломъ и окинувъ взглядомъ свою длинную фигуру и выдающійся подбородокъ, сказалъ самому себѣ: «Сущій уродъ!» Въ этотъ день онъ не пошелъ, какъ обыкновенно, обѣдать со вторымъ бухгалтеромъ, Позняковскимъ. Онъ съ удовольствіемъ убѣждалъ бы отъ самого себя, поэтому заперся у себя и съ фантазіей настоящаго художника началъ доводить до крайнихъ границъ свое несчастіе и свою смѣхотворность. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней онъ успокоился, только чувствовалъ какую-то странную пустоту въ своемъ сердцѣ, какъ будто оно было квартирой, съ которой кто-то только что съѣхалъ. У Поланецкихъ онъ не показывался двѣ недѣли, но потомъ увидалъ какъ-то Мариню на дачѣ у Бигелей и пришелъ въ изумленіе. Она показалась ему почти отвратительной. Предубѣжденіе его не играло здѣсь никакой роли, и хотя въ фигурѣ Марини довольно трудно было подмѣтить какую-нибудь разницу, — измѣнилась она сильно. Губы ея распухли, на лбу появились прыщи, кожа утратила свою свѣжесть. Мариня была спокойна, но немного грустна, какъ будто ее постигло какое-нибудь разочарованіе. Сердце у Завиловскаго было доброе и безобразіе Марини взволновало его. Сначала ему казалось, что онъ презираетъ ее, теперь это представилось ему необыкновенно глупымъ. Наконецъ, измѣнилось только ея лицо, а не доброта и кротость. Напротивъ, она чувствовала себя теперь обезпеченною отъ его излишняго восторга и выказывала ему болѣшую сердечность, чѣмъ прежде. Она съ большимъ интересомъ разспрашивала его о паннѣ Кастелли и когда замѣтила, что и онъ охотно разговариваетъ о ней, начала улыбаться прежнею, полною неописанной прелести улыбкой и сказала почти весело:

— Хорошо, хорошо! Тамъ удивляются, что вы давно не были у нихъ, а знаете, что мнѣ говорила Анета и пани Броничъ? Онѣ говорили...

Но она остановилась и прибавила черезъ минуту:

— Нѣтъ, я не могу сказать этого при всѣхъ. Выйдемъ въ садъ.

Она встала, но неосторожно, такъ что споткнулась на первомъ шагѣ и чуть не упала.

— Будь внимательнѣе! — нетерпѣливо крикнулъ Поланецкій.
Она посмотрѣла на него со страхомъ и покорностью, покраснѣла и сказала:

— Стахъ, я не хотѣла этого, увѣряю тебя!

— А вы тоже не пугайте ее! — живо сказала пани Бигель.

Всѣмъ было такъ ясно, что Поланецкаго въ эту минуту болѣе интересовалъ будущій ребенокъ, чѣмъ Мариня, что даже и Завиловскій замѣтилъ это.

Что касается Марини, то это было ей извѣстно не съ сегодняшняго дня. По этому поводу она пережила тяжелую духовную борьбу съ собою, и борьба эта была тѣмъ болѣе труднѣе, чѣмъ больше состояніе ея здоровья порождало раздраженіе, беспокойство и склонность къ унылымъ мыслямъ. Много тяжелыхъ минутъ пережила она, прежде чѣмъ рѣшила, что должно быть такъ, какъ есть.

Поланецкій былъ бы необыкновенно изумленъ, еслибъ ему сказалъ кто-нибудь, что онъ не любитъ, а въ особенности не цѣнить жену такъ, какъ нужно. Онъ любилъ ее по-своему и, вѣдѣвъ съ тѣмъ, думалъ, что теперь — то именно они, прежде всего, должны думать о ребенкѣ. По природѣ своей живой и порывистый, онъ доводилъ иногда свою заботливость до крайности, но не ставилъ себѣ это въ вину. Надъ тѣмъ, что можетъ твориться въ душѣ Марини, онъ даже и не раздумывалъ. Ему казалось, что изо всѣхъ ея обязанностей главнѣйшая — рожать ему дѣтей, и вещь очень простая, что она исполняетъ эту обязанность. Онъ былъ благодаренъ ей за это и воображалъ, что, заботясь о ребенкѣ, онъ этимъ самымъ заботится о ней, и заботится, какъ мало кто. Еслибъ онъ считалъ нужнымъ подвести итогъ своихъ отношеній къ женѣ, то призналъ бы совершенно естественнымъ, что ея чисто-женственное очарованіе привлекаетъ его къ себѣ меньше, чѣмъ привлекало ранѣе. Съ каждымъ днемъ она дурнѣла все болѣе и по временамъ оскорбляла его эстетическій вкусъ, а Поланецкій думалъ, что, скрывая это передъ ней и стараясь выказывать ей болѣе сочувствія, онъ поступаетъ такъ деликатно, какъ только можетъ мужчина по отношенію къ женщинѣ.

Мариня же испытывала впечатлѣніе, что надежда, на которую она болѣе всего рассчитывала, обманула ее, чувствовала, что сходитъ на второй планъ и будетъ спускаться все болѣе и болѣе. Несмотря на все чувство къ мужу, несмотря на всю сокровищницу нѣжности, которая уже скоплялась въ ней для будущаго ребенка, ея душу въ первую минуту охватило раздраженіе и горе. Но длилось это не долго. Она опять начала бороться съ собою и побѣдила.

Она сказала себѣ, что здѣсь нѣтъ ничьей вины, что жизнь такова ужъ есть и что это вытекаетъ изъ естественнаго порядка вещей, который опять-таки ничто иное, какъ проявленіе воли Божіей. Потомъ она начала обвинять себя въ эгоизмъ и сокрушаться подъ тяжестью этой мысли. Развѣ она имѣетъ право думать о себѣ, а не о Стахѣ и о ребенкѣ? Въ чемъ она можетъ упрекнуть Стаха? Удивительно ли, что онъ, который даже чужихъ дѣтей такъ любитъ, теперь только и думаетъ, что о своемъ? Не грѣхъ ли это противъ Бога, что она дозволяетъ себѣ, прежде всего, добиваться своихъ правъ, своего счастья, — она, которая такъ провинилась? Кто она такая и какія у нея права на какую-то исключительную судьбу? И Мариня готова была бить себя въ грудь. Раздраженіе прошло, осталось только гдѣ-то, въ самой глубинѣ сердца, немного сожалѣнія, что жизнь такъ странна и что каждое новое чувство, вмѣсто того, чтобъ усиливать болѣе раннее чувство, отодвигаетъ его куда-то въ глубь. Но когда это сожалѣніе волною слезъ приливало изъ сердца къ ея глазамъ или готово было сорваться съ губъ, Мариня не дозволяла ему и такого исхода. «Тише! — говорила она себѣ въ душѣ. — Такъ есть, такъ будетъ и такъ нужно, потому что такова жизнь и такова воля Божія, съ которой ты должна примириться». И въ концѣ она примирилась.

Мало-по-малу она отыскала спокойствіе, не отдавая себѣ отчета, что основаніемъ этого спокойствія служатъ резиньяція и горе. Но то было горе, которое улыбалось. Какъ молодой женщиной, ей по временамъ было прискорбно, когда она въ глазахъ мужа или чужого человѣка читала: «Ахъ, какъ ты подурнѣла!» Но пани Бигель увѣряла, что потомъ она еще болѣе покрасивѣетъ, и Мариня отвѣчала имъ въ душѣ: «Подождите!» — и это служило ей утѣшеніемъ.

Что-то подобное она отвѣтила и Завиловскому. Она была и рада, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рада впечатлѣнію, которое она произвела на него, потому что, съ одной стороны, немного страдало ея самолюбіе, а съ другой — она чувствовала себя совершенно застрахованною и могла свободно разговаривать съ Завиловскимъ. Она хотѣла съ нимъ поговорить, и поговорить серьезно, потому что нѣсколько дней тому назадъ Анета Основская сказала ей прямо, что «Болоночка» по уши влюблена и передъ Завиловскимъ отгрываются все новыя перспективы.

Мариню до нѣкоторой степени беспокоила эта жовка желѣза, пока оно горячо. Она не умѣла дать себѣ отчета, зачѣмъ это нужно, даже принимая въ соображеніе врожденную порывистость Анеты. Къ Завиловскому, который сдѣлался Веніаминомъ обоихъ до-

мовъ, она питала большое расположеніе и, кромѣ того, была благодарна ему, потому что онъ, какъ бы то ни было, оцѣнилъ ее. Она рада была бы помочь ему въ томъ, что могло бы составить его счастье, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей приходило въ голову: «А ну, какъ ему это пойдетъ во зло?» Она испугалась немного и своей отвѣтственности, и своей прежней политики. Теперь она, прежде всего, хотѣла удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли Завиловскій думаетъ такъ, во-вторыхъ, дать ему понять, въ какомъ положеніи стоять вещи, и, наконецъ, посовѣтовать, чтобъ онъ самъ хорошенько смотрѣлъ и взвѣшивалъ все.

— Тамъ удивляются, что вы давно не были,—сказала она, когда они вышли въ садъ.

Завиловскій спросилъ:

— Что говорила вамъ пани Основская?

— Я вамъ скажу только одно, хотя не знаю, должна ли говорить это. Пани Основская говорила мнѣ, что... Но нѣтъ! Прежде я должна знать, почему вы такъ давно не были у нихъ?

— Я былъ нездоровъ, у меня было много огорченій. Я не бывалъ нигдѣ. Не могъ. Вы остановились...

— Да, я хотѣла знать, не разсердились ли вы за что-нибудь?... Такъ вотъ пани Основская говорила мнѣ, что Линета такъ и думала, и что по этому поводу даже плакала.

Завиловскій покраснѣлъ. На его молодомъ и впечатлительномъ лицѣ отразилось истинное чувство.

— Ахъ, Боже мой!—отвѣтилъ онъ,—мнѣ сердиться, да еще на панну Линету? Развѣ она можетъ обидѣть кого-нибудь?

— Я повторяю то, что мнѣ сказано, хотя пани Основская такъ впечатлительна, что я не смѣю ручаться за точность того, что она говорить. Я знаю, что она не лжетъ, но,—вы понимаете?—что люди очень впечатлительные по временамъ видятъ вещи какъ бы черезъ увеличительное стекло. Удостоверьтесь сами, такъ ли это. Линета кажется мнѣ милой, очень недюжинной и очень доброй, но удостовѣрьтесь сами. У васъ столько наблюдательности.

— Что она добра и недюжинна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Помните, я говорилъ вамъ, что они производятъ на меня впечатлительнѣе иностранокъ, но это не правда. Пани Основская — можетъ быть, но не панна Линета.

А Мариня отвѣтила:

— Нужно самому смотрѣть и смотрѣть. Вы понимаете, что я васъ ни къ чему не подговариваю... Я немного боялась даже Стася,—онъ не любитъ пани Основскую и Линету... Но, скажу вамъ

откровенно, когда я услышала о слезахъ Линеты, у меня сердце такъ и сжалось... Бѣдняжка!

— Я даже не сѹмѣю сказать вамъ, какъ меня волнуетъ даже мысль объ этомъ,—отвѣтилъ Завиловскій.

Дальнѣйшій разговоръ прервалъ Поланецкій, который подошелъ къ Маринѣ и сказалъ:

— Что? все сватовство? Однако, эти женщины неисправимы! Знаешь, Мариня, что я скажу тебѣ? Я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ ты не вмѣшивалась въ эти дѣла.

Пани Поланецкая начала оправдываться, но онъ обратился къ Завиловскому и сказалъ:

— Я самъ ни во что не вмѣшиваюсь, но знаю только то, что не питаю къ этимъ барынямъ ни малѣйшаго довѣрія.

Завиловскій возвратился домой въ мечтательномъ настроеніи. Въ немъ встревожились всѣ струны воображенія и начали звучать такъ, что всякая охота спать совершенно отлетѣла отъ него. Онъ не зажегъ огня, чтобъ ему ничто не мѣшало играть на этихъ разыгравшихся струнахъ, и, сидя при блескѣ луны, думалъ, или, скорѣе сказать, творилъ. Онъ не любилъ еще, но его уже охватывала великая нѣжность, когда онъ думалъ о паннѣ Кастелли и составлялъ такія картины, какъ будто бы онъ уже любилъ ее. Онъ видѣлъ ее такъ ясно, какъ будто она уже стояла передъ нимъ; видѣлъ ее сонные глаза и золотистую голову, склоняющуюся, какъ подкошенный цвѣтъ, на его грудь. И ему представилось, что онъ прикасается пальцами къ ея вискамъ, чувствуетъ прикосновеніе ея шелковыхъ волосъ, отклоняетъ ея голову немного назадъ и смотритъ, не осушила ли его ласка ея слезъ, а глаза ея улыбаются ему, какъ небо, еще влажное послѣ дождя, но уже залитое солнцемъ... Потомъ воображеніе начало разжигать его страсти. Ему представилось, что онъ исповѣдуетъ ей свою любовь, прижимаетъ ее къ сердцу и чувствуетъ біеніе ея сердца, склоняетъ голову на ея колѣни, отъ которыхъ, сквозь шелковую матерію, тепло такъ и бьетъ въ его лицо. И Завиловскій задрожалъ на самомъ дѣлѣ. До сихъ поръ она была для него только образомъ, теперь онъ въ первый разъ почувствовалъ въ ней женщину. Въ немъ не было ни одной мысли, которая не была бы связана съ нею,—онъ забылся до такой степени, что потерялъ сознаніе, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

Какое-то хриплое пѣніе на улицѣ разбудило его. Тогда онъ зажегъ свѣчу и началъ думать трезвѣе. Имъ овладѣло безпокойство,—одна вещь показалась ему совершенно несомнѣнной, что

если онъ совершенно перестанетъ бывать у пани Броничъ и у Основскихъ, то безъ памяти влюбится въ Линету.

«Нужно выгарабнаться!» — сказалъ онъ самому себѣ, и на другой день пошелъ навѣстить ее, потому что уже началъ скучать по ней, и въ ту же ночь попробовалъ написать стихи, подъ названіемъ *Паутина*.

Однако, онъ не смѣлъ пойти къ пани Броничъ и ждалъ до часа, когда всѣхъ можно было застать въ общей гостиной за чаемъ. Пани Основская приняла его съ необыкновенною сердечностью, со взрывами веселаго смѣха, но онъ, послѣ первыхъ привѣтствій, началъ смотрѣть на лицо панны Кастелли, и сердце его забилося живѣе, когда онъ увидалъ, что отъ него вѣетъ искреннею и глубокою радостью.

— Вы знаете, чтѣ я думала?—со свойственною ей живостью сказала пани Анета, —нашъ «Тополь» такъ любитъ мужскія бороды, что я думала, что вы отпускаете бороду и потому не показываетесь къ намъ.

А «Тополь» отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь такъ, какъ я увидала васъ въ первый разъ.

Панъ Основскій обнялъ Завиловскаго за талію и сказалъ съ фамиллярностью хорошо воспитаннаго человѣка, который сразу умѣетъ поставить другого на дружескую ногу:

— Спрятались отъ насъ, панъ Игнасъ, а? Но у меня есть средство: пусть Линета начнетъ его портретъ, тогда онъ долженъ будетъ приходить сюда каждый день.

Пани Основская захлопала въ ладоши:

— Какой Юзя умный! Просто удивительно!

У Юзи все лицо просвѣтлѣло, что онъ сказалъ то, что понравилось его женѣ.

— Я уже подговаривалась, —мягкимъ голосомъ сказала панна Кастелли, —но боюсь надоѣсть.

— Когда вы только прикажете, —отвѣтилъ Завиловскій.

— Теперь день такой длинный, можно въ четыре часа, послѣ пана Коповскаго. Наконецъ, я уже скоро окончу несноснаго пана Коповскаго.

— Вы знаете, чтѣ она сказала о панѣ Коповскомъ?—начала было пани Броничъ, но панна Кастелли не дозволила ей докончить, къ тому же, въ комнату только что вошелъ панъ Плавидкій. Онъ познакомился съ пани Анетой у Марини и совершенно потерялъ голову, въ чемъ откровенно сознавался, а она кокетничала съ нимъ

безъ милосердія, къ великому удовольствію своему и всѣхъ окружающихъ.

— Садитесь, папа, здѣсь, около меня,—сказала она,—намъ вмѣстѣ будетъ хорошо, да?

— Какъ въ небѣ, какъ въ небѣ!—Панъ Плавичій отъ удовольствія даже хлопнулъ себя по колѣнкамъ и облизнулся.

Завиловскій присѣлъ къ паниѣ Бастелли и сказалъ:

— Я такъ счастливъ, что буду имѣть возможность приходить сюда каждый день... Только не буду ли я отнимать у васъ времени?

— Да,—отвѣтила она, смотря ему прямо въ глаза,—но такъ, какъ никто другой не счумѣетъ. А, вѣдь, я дѣйствительно боялась надоесть вамъ, потому что я васъ боюсь.

Теперь и онъ заглянулъ въ глубину ея зрачковъ и отвѣтилъ съ удареніемъ:

— Не бойтесь меня.

Панна Линета опустила рѣсницы. Наступила минута довольно неприятнаго молчанія, потомъ дѣвушка спросила слегка пониженнымъ голосомъ:

— Отчего вы такъ долго не приходили?

У него на языкѣ былъ отвѣтъ: «потому что я боюсь» но онъ не осмѣливался такъ далеко зайти и отвѣтилъ:

— Я писалъ.

— Стихи?

— Да, *Паутину*. Завтра я принесу ихъ вамъ. Помните, что вы сказали, когда я познакомился съ вами? — что вы хотѣли бы быть паутиной. Я запомнилъ это и съ той поры постоянно видѣлъ образъ бѣлой нитки, которая летаетъ въ воздухѣ.

— Летаетъ, но не по собственной волѣ,—отвѣтила панна Бастелли,—и не можетъ взлетѣть высоко, если только...

— Если только... Отчего вы не договариваете?

— Если только она не обовьется около крыльевъ какой-нибудь высоко парящей птицы.

Панна Линета вдругъ встала и ушла помогать пану Основскому, который въ эту минуту старался отворить окно.

Завиловскій остался одинъ, съ туманомъ, застилающимъ ему глаза. Ему казалось, что онъ слышитъ, какъ жилы бьются на его вискахъ. Его привелъ въ себя только медовый голосъ пани Броничъ:

— Два дня тому назадъ старый панъ Завиловскій говорилъ, что вы его родственникъ, но не хотите бывать у него, а онъ у васъ не можетъ быть потому, что у него подагра. Отчего вы не бываете у

него? Онъ такой милый и изящный. Пойдите къ нему. Это для него оскорбительно. Вы пойдете?

— Хорошо, я пойду, — отвѣтилъ Завиловскій, который въ эту минуту готовъ былъ согласиться на все.

— Какой вы добрый и стоворчивый! Вы познакомитесь со своею кузиной, панной Еленой. Только не влюбитесь въ нее, потому что это тоже очень изящная дѣвушка.

— Нѣтъ, пани Броничъ, съ этой стороны нѣтъ никакой опасности, — смѣясь, сказалъ Завиловскій.

— О ней говорятъ, что она была влюблена въ Плошовскаго, который застрѣлился, и носить вѣчный трауръ въ сердцѣ. А когда вы поѣдете къ нимъ?

— Завтра, послѣ-завтра. Какъ вы прикажете.

— Видите ли, они скоро уѣзжаютъ. Лѣто на носу. Вы гдѣ проводите лѣто?

— Не знаю. А вы гдѣ?

Панна Кастелли, которая въ это время вернулась на мѣсто, прервала разговоръ съ Основскимъ и, услыхавъ вопросъ Завиловскаго, отвѣтила:

— У насъ еще нѣтъ никакого проекта.

— Мы собирались въ Шевенингенъ, — сказала пани Броничъ, — но съ Линетой такъ трудно справиться...

И она прибавила тихо:

— Ее такъ всѣ окружаютъ, у нея такое счастье на знакомство, что вы даже не повѣрите. Хотя отчего бы вамъ и не повѣрить? Достаточно взглянуть на нее. Мой покойный мужъ предсказывалъ это, когда ей было двѣнадцать лѣтъ: «Увидишь, — говорилъ онъ, — сколько будетъ съ нею хлопотъ, когда она подростетъ!» И сколько мнѣ теперь хлопотъ, дорогой панъ Завиловскій, сколько хлопотъ! Но... Я говорила вамъ, что онъ былъ послѣдній изъ Рюр... Да, говорила. Дѣтей у насъ не было, потому что первый ребенокъ родился раньше времени, а мужъ мой былъ на сорокъ лѣтъ старше меня, и потомъ былъ скорѣе... моимъ отцомъ.

«Что мнѣ до этого за дѣло?» — подумалъ Завиловскій.

А пани Броничъ продолжала:

— Мой покойникъ всегда жалѣлъ, что у него нѣтъ сына. То есть былъ сынъ, но онъ родился преждевременно. (Здѣсь въ голосъ пани Броничъ задрожали слезы). Нѣсколько времени мы держали его въ спирту... И повѣрите ли, при хорошей погодѣ онъ поднимался наверхъ, а при дождѣ опускался на дно. Ахъ, какія это грустныя воспоминанія! Сколько мой мужъ настрадался, что

умреть послѣднимъ изъ Рюр... Но довольно объ этомъ! Нужно сказать, что онъ привязался къ Линетѣ, какъ къ родной дочери,— это понятно, потому что она его ближайшая родственница, и все, что останется послѣ насъ, будетъ ея. Можетъ быть, поэтому люди такъ и льнутъ къ ней... Хотя... Но нѣтъ! Я не удивляюсь имъ. Еслибъ вы видѣли, какая это мѣла и для нея, и для меня! Два года тому назадъ одинъ португалець, графъ Хао Калимасео, родственникъ Алькантаровъ, такъ потерялъ отъ нея голову, что просто смѣхъ. Или тотъ грекъ, въ прошломъ году, въ Остенде... сынъ марсельскаго банкира, миллионеръ... Какъ его звали?... Линета, какъ звали того грека, миллионера, что, помнишь...

— Тетя!—съ видимымъ неудовольствіемъ сказала панна Линета.

Но тетя была уже въ полномъ ходу, какъ поѣздъ, летящій на всѣхъ парахъ.

— Ага! вспомнила!—сказала тетя,—Канафаранолусъ, секретарь французскаго посольства въ Берлинѣ.

Панна Линета встала и пошла къ пани Основской, бесѣдующей за главнымъ столомъ съ паномъ Плавицкимъ, а тетя, провожая ее взоромъ, сказала:

— Сердится ребенокъ!... Она ужасно не любитъ, когда говорятъ о ея подвигахъ, а я не могу выдержать. Вы понимаете меня? Смотрите, какая она высокая! Такъ она у меня вытянулась! Анета иногда называетъ ее Боложкой, иногда Тополемъ, и дѣйствительно, она настоящій тополь. Что-жъ удивительнаго, что люди смотрятъ на нее?... Я не говорила еще о панѣ Уфинскомъ? Это нашъ большой другъ. Мой покойный мужъ ужасно его любилъ. Вы должны были слышать о панѣ Уфинскомъ. Это тотъ самый, который такъ удивительно вырѣзываетъ силуэты изъ бумаги. Его знаетъ весь свѣтъ. Не сосчитаешь, при сколькихъ высочайшихъ дворахъ онъ вырѣзывалъ силуэты, а послѣдній разъ онъ вырѣзывалъ принца Уэльскаго. Еще былъ одинъ венгръ...

Панъ Основскій,—онъ сидѣлъ невдалекѣ и игралъ карандашомъ у дѣпочки,—потерялъ терпѣніе и сказалъ:

— Еще пару такихъ, милая тетушка, и выйдетъ совершенный костюмированный вечеръ.

— Именно, именно!—отвѣтила пани Броничъ.—Если я говорю о нихъ, то потому, что Линета не хотѣла слушать ни о комъ. Это такая шовинистка!... Вы не можете себѣ представить, какая это шовинистка!

— Дай ей Богъ здоровья,—сказалъ Завиловскій.

Онъ всталъ и началъ прощаться. При прощаньи онъ надолго задержалъ руку панны Линеты, и она отвѣтила ему такимъ же долгимъ пожатіемъ.

— До завтра,—сказалъ онъ, смотря ей въ глаза.

— До завтра... послѣ пана Боповскаго. А вы не забудете о Паутинь?

— Нѣтъ, не забуду... никогда...—отвѣтилъ немного взволнованнымъ голосомъ Завиловскій.

Они вышли вмѣстѣ съ паномъ Плавицкимъ, но едва очутились на улицѣ, когда старичокъ слегка ударилъ его по плечу, остановился и сказалъ:

— Молодой человѣкъ, знаете ли вы, что я скоро буду дѣдушкой?

— Знаю,—отвѣтилъ Завиловскій.

— Да, да,—повторялъ съ самодовольною улыбкой Плавицкій,— а, все-таки, я вамъ скажу, нѣтъ ничего лучше молодой бабенки.

Онъ засмѣялся и потрепалъ его по плечу, потомъ приложилъ кончики пальцевъ къ губамъ и ушелъ. До Завиловскаго достигалъ только его слегка дрожащій голосъ:

— Нѣтъ лучше молодой...

Остальное заглушило стукъ колесъ на улицѣ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Университет
С.-Петербурга

Индійскій океанъ.

(Его настоящее и вѣроятное будущее).

I.

Вотъ уже болѣе вѣка прошло со времени философскаго признанія не отразимаго вліянія на судьбу людей естественныхъ условій странъ, ими обитаемыхъ. Три четверти столѣтія протекло послѣ начала подробной разработки ученія объ этомъ вліяніи Карломъ Риттеромъ и около полу-вѣка послѣ введенія главныхъ руководящихъ идей по этому вопросу въ кругъ общаго образованія, да не одного высшаго, а средняго, даже низшаго. И не только земли, т.-е. части суши, обитаемыя людьми, но и моря, ихъ раздѣляющія, а точнѣе — соединяющія, какъ самыя естественныя и недорогіе пути, — изучены съ большою подробностью; вліяніе же ихъ на ходъ цивилизаціи становится яснымъ не для однихъ учениковъ Александра Гумбольдта — географа, естествоиспытателя и матеріалиста, но и для послѣдователей Вильгельма Гумбольдта — спиритуалиста, филолога и даже дипломата. Отрицать могущество вліянія географіи на исторію нынѣ просто становится стыдно, и никто не вздумаетъ сомнѣваться, что англичане, живущіе на островѣ, *должны были*, по самой природѣ вещей, стать мореплавателями и торговцами, киргизы, живущіе въ степяхъ, — кочевниками, переходящими, ради прокормленія стадъ, съ одного мѣста на другое, а жители холодныхъ лѣсовъ Америки и Сибири — бродячими звѣро-ловами. Люди передовые, какъ, напримѣръ, шотландскій географъ Бартоломью, не затруднились уже составить карты частей свѣта съ обозначеніемъ ихъ пригодности для европейской цивилизаціи, и по этимъ картамъ можно, не выходя изъ кабинета, сказать: куда какіе колонисты должны быть направляемы, чтобы не сдѣлать важной политической и экономической ошибки въ переселеніи. Если бы подобныя карты были у насъ, въ Россіи, сколько ненужнаго, разорительнаго бродяжничества крестьянъ по Сибири и Туркестану было бы предупреждено! Сколько мѣстъ, годныхъ подъ земледѣліе, заводскіе промыслы и торговлю, сразу нашли бы подходящее населеніе! Но подьячіе посольскаго и другихъ приказовъ, до очень

недавняго времени, объ этомъ не думали, а думавшихъ считали вздорными фантазерами.

Впрочемъ, изученіе земель, годныхъ для колонизаціи, въ послѣднюю четверть вѣка мѣстами сдѣлало большіе успѣхи. Сѣверо-американское правительство даже публиковало ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, указатель мѣстностей въ своей странѣ, гдѣ нуждались въ людяхъ того или другого разряда: земледѣльцахъ, плотникахъ, сапожникахъ, законовѣдахъ и проч. Австралія ежегодно даетъ толстый томъ *Australian Handbook*'а, гдѣ изображается дѣйствительное состояніе странъ, ее составляющихъ, путей, туда ведущихъ, и производительности почвы во всѣхъ отношеніяхъ. Французы выпустили не мало трудовъ о своихъ колоніяхъ, хотя это болѣею частью произведенія оффиціальнаго краснорѣчія и на тему: «честь имѣю доложить, что у насъ все обстоитъ благополучно, а завтра будетъ еще благополучнѣе» (не лучше и донесеніе тонкинскаго губернатора Ланессана). У насъ, въ Россіи, ради ознакомленія колонистовъ съ землями, губернаторы семирѣченскій Колпаковскій и сирь-дарьинскій Гродековъ публиковали свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ въ мѣстныхъ казенныхъ изданіяхъ и даже въ частныхъ столичныхъ журналахъ. Словомъ, о земляхъ свѣдѣнія нерѣдко имѣются; но совсѣмъ другое мы видимъ относительно моря и вообще *водъ*. Для прямыхъ нуждъ мореплаванія, правда, есть лоціи, иногда очень обстоятельныя; есть книги вродѣ *Sailing-Directions* Мори, дающія совѣты о наиболѣе выгодныхъ путяхъ между отдаленными другъ отъ друга портами, есть болѣе или менѣе общія, а иногда и просто поверхностныя свѣдѣнія о морскихъ теченіяхъ, о судоходствѣ по нѣкоторымъ озерамъ и рѣкамъ; имѣются спеціальныя описи нѣкоторыхъ морскихъ промысловъ, какъ, напримѣръ, у насъ каспійскихъ, азовскихъ и бѣломорскихъ, у англичанъ и американцевъ тюленьихъ въ сѣверной части Тихаго океана, у всѣхъ приатлантическихъ народовъ свѣдѣнія о ловлѣ сельдей, трески и сардинокъ и т. д. Теченіе гольфстрема также обследовано съ нѣкоторою подробностью; однако, стѣдуетъ сравнить разныя карты его отъ Франклина до князя Монако, чтобы видѣть, что и тутъ мы знаемъ менѣе, чѣмъ, наприм., о материкѣ Африки. Порты, особенно европейскіе и американскіе, изображены на планахъ очень обстоятельно, хотя не всегда съ опознавательными гравюрами и фотографіями; но случается, что съ этими планами суда подвергаются крушенію именно вблизи самыхъ «надежныхъ» пристаней. Нѣкоторыя моря довольно сносно обследованы относительно флоры и фауны. Были даже особыя экспедиціи съ цѣлью подобныхъ изслѣдованій: американскія, норвежскія (въ сѣверн. части Атлант. океана), французскія (сред. Атлант. океана и Средизем. моря), русскія (Касп. и Черн. моря) и особенно англійскія (кругосвѣтное путешествіе *Challenger*'а). Но слить отчеты о полученныхъ результатахъ доселѣ не рѣшался никто, хотя сочиненія по зоологической и ботанической географіи не составляютъ рѣдкости, а по гидрографіи даже многочисленны. Не считать же за полный трактатъ о дѣлѣ краткій текстъ

къ картамъ атласа Бергхауза. Впрочемъ, и сливать, пожалуй, еще рано, потому что въ гидрологіи есть цѣлыя отдѣлы, едва начатыя обработкою. Такovy, напримѣръ, изысканія объ отложеніи морскихъ осадковъ, въ послѣдніе годы занимавшія Туле, а прежде Делесса. И вообще, даже чисто-описательная гидрографія еще далеко отстала отъ топографіи суши; если же къ ней приложить точку зрѣнія на землезнаніе въ цѣломъ его объемѣ, впервые выдвинутую Риттеромъ, то выйдетъ, что мы *хорошо* знаемъ лишь нѣкоторыя, очень немногія, моря, наприм., Черное, Ламаншъ, но даже не Средиземное. Физико-географическіе атласы Бергхауза и Бартоломью тому наглядное доказательство.

Однако-жь, моря, именно большія, т.-е. океаны, оказываютъ такое сильное вліяніе на исторію человѣчества, что владѣтъ подробными и точными свѣдѣніями о нихъ нерѣдко значить имѣть единственную возможность разумно понимать эту исторію, всегда въ главныхъ ея чертахъ, иногда даже въ мелкихъ подробностяхъ. Какую историческую роль игралъ для народовъ Америки океанъ Атлантическій предпочтительно передъ Тихимъ, хотя черезъ послѣдній до Азіи ближе, чѣмъ до Европы черезъ первый,—это извѣстно каждому. Индѣйскимъ океаномъ пользовались въ свое время мусульмане, чтобы распространить исламизмъ отъ Бабель-Мандебскаго пролива на югъ далѣе Занзибара, на востокъ за Малакскій проливъ. Въ XVI вѣкѣ тотъ же Индѣйскій океанъ сталъ дорѣгою для нашествія европейцевъ въ восточную Африку, южную Азію, а потомъ и Австралію. Оба движенія, заатлантическое и заиндоокеанское, продолжаются и доселѣ, причемъ въ XIX вѣкѣ составляютъ самыя крупныя явленія исторіи рода человеческого, крупнѣе наполеоновскихъ войнъ и созданія единства Италіи и Германіи. Тихій океанъ иногда называютъ Средиземнымъ моремъ будущаго; но это, конечно, метафора: онъ для внутренняго водоема слишкомъ великъ, а посреди своихъ водъ имѣетъ лишь мелкіе острова, не могущіе составить значительныхъ историческихъ центровъ. Скорѣе его можно назвать препятствіемъ къ сближенію народовъ азіатскаго востока съ народами американскаго запада, хотя и не недолимымъ. И если юго-западная его часть омываетъ богатѣйшія на землѣ страны, то восточныя суть, если можно такъ выразиться, потерянные для исторіи пространства, и это тѣмъ болѣе досадно, что онѣ лежатъ въ тропическомъ поясѣ болѣе, чѣмъ на половину. Въ Индѣйскомъ океанѣ такого крупнаго несчастія нѣтъ.

II

Мнѣ кажется, что изложенныя сейчасъ краткія размышленія и замѣтки не излишни: теперь читатель знаетъ, въ общихъ чертахъ, чего ему ожидать отъ этого очерка. Географія морей, съ исторической точки зрѣнія, еще не написана, и въ девятнадцати томахъ классическаго труда Реклю нѣтъ не только образцовъ для нея, но и вообще отдѣльныхъ главъ о большихъ водныхъ скопленіяхъ: это почти исключительно географія суши.

Мнѣ, поэтому, пришлось выработать программу моей работы и, для логического ея оправданія, набросать нѣсколько общихъ мыслей, соответственныхъ современнымъ требованіямъ науки. Чтобы, послѣ этой оговорки, не отягощать читателя обобщеніями, всегда утомительными и даже неясными, когда они не основаны на фактахъ, перейду къ изложенію этихъ фактовъ.

Индійскій океанъ имѣетъ опредѣленные, хорошо очерченныя границы на западѣ, сѣверѣ и востокѣ, именно берега Африки, Азии и Австраліи; но съ юга его граница чисто условна. Если считать за начало южнаго, антарктическаго водоема полярный кругъ, т.-е. $66\frac{1}{2}^{\circ}$ южной широты, то къ Индійскому океану придется причислить обширныя водяныя пространства на югъ отъ Австраліи, Африки и океаническаго промежутка между ними, безъ надежныхъ предѣловъ между нимъ и океанами Тихимъ и Атлантическимъ. Это неудобно. Посему обыкновенно принято считать южную границу индо-океанскаго бассейна 35-й градусъ южной широты, т.-е. параллель мыса Доброй Надежды и Кингъ-Жоржъ-Соунда, причемъ послѣдняя мѣстность лежитъ уже на берегу южнаго. Въ такихъ предѣлахъ разсматриваемый нами водоемъ имѣетъ поверхность въ 17.084,350 англійскихъ квадратныхъ миль *), т.-е. немногимъ превосходитъ Азію безъ Малайскаго архипелага (она=16.368,500 кв. миль) и почти равенъ ей, если причислить къ ней послѣдній архипелагъ. Другими словами, для наглядности, поверхность Индійскаго океана вдвое больше площади русскихъ владѣній въ Азіи и Европѣ. И если бы это была суша, то какое разнообразіе физико-географическихъ и экономическихъ условій жизни представляла бы она! Но это вода, да еще разстилающаяся по обѣ стороны экватора почти до однихъ градусовъ широты (30° сѣв., 35° южн.), и потому природа ея, сравнительно, однообразна,—болѣе однообразна, чѣмъ какой иной участокъ морской поверхности равнаго протяженія, за исключеніемъ межтропической части Тихаго океана. Но это однообразіе не бѣдности, а богатства.

Въ наше время можно съ нѣкоторою точностью изображать на картахъ рельефъ морского дна на основаніи примѣровъ, достаточно многочисленныхъ вблизи береговъ и довольно уже частыхъ въ открытомъ морѣ. Такая карта для Индійскаго океана (да и для всѣхъ другихъ) построена Мерреемъ, который съ помощью ея нашелъ, что средняя глубина этого водовмѣстилища, безъ Краснаго моря и Персидскаго залива, равна 2,236 фатомамъ=13,716 футамъ. Для Краснаго же моря эта глубина есть 375 фат.=2,250 фут., а для Персидскаго залива всего 25 фат.=150 футамъ. Послѣ этого не трудно уже было вычислить объемъ воды, находящейся въ Индійскомъ океанѣ, и найти, что онъ равенъ 44.434,720 кубическимъ милямъ. Такъ какъ въ океанѣ этотъ не достигаютъ не только сѣверные,

*) Одна англійская линейная миля равна $1\frac{1}{2}$ версты, одна квадратная около $2\frac{1}{4}$ вер. Приведенныя цифры взяты нами у Меррея изъ *Scottish Geogr. Magazine's*, № 1 за 1838 годъ.

но даже южные полярные льды, способные понижать температуру, то получается, у поверхности и до значительной глубины, такая масса *теплой* воды, которой подобную можно встрѣтить лишь въ тропическомъ поясѣ Тихаго океана. Есть, конечно, водоемы теплые, наприм., Антильское и Зондское моря, но они не велики. А затѣмъ можно сказать, что побережья Индѣйскаго океана, благодаря именно его сосѣдству, должны пользоваться самымъ счастливымъ климатомъ: теплымъ, влажнымъ и ровнымъ. Это суть благословеннѣйшія части суши, что, впрочемъ, и подтверждается непосредственными термометрическими, гигрометрическими и биологическими наблюдениями.

Вотъ фактъ изъ физической географіи Индѣйскаго океана, котораго нельзя забывать, когда идетъ рѣчь о разселеніи людей по землѣ, а, слѣдовательно, и объ ихъ исторіи. Благодаря ему, въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи плотность населенія уже достигла самыхъ высшихъ предѣловъ (Бенгалия по 220, Ауль по 240 д. на 1 кв. версту) или быстро возрастаетъ насчетъ населенности Европы (Африка) и отчасти Китая. Кто въ наше время успѣетъ осѣлится и упрочиться въ этихъ мѣстахъ, тотъ обезпечитъ будущность далекому своему потомству. Только не должно забывать, что къ жаркому климату европейцы привыкають не сразу: юго-восточная Африка, Мадагаскаръ, юго-западная Австралія представляются, поэтому, полезными промежуточными станціями, особенно рѣдко населенный Мадагаскаръ.

Другое физико-географическое условіе, составляющее особенность Индѣйскаго океана, и весьма выгодную для него, есть малочисленность мелкихъ острововъ, скаль и рифовъ, мѣшающихъ судоходству. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ ихъ не было вовсе; каждому извѣстны острова Лакедивскіе, Мандивскіе, Андаманскіе, Килинговы, Маскаренскіе и др.; гидрографы знаютъ о рифахъ у нѣкоторыхъ береговъ, но всего этого, пропорціонально, немного. По Индѣйскому океану, почти повсемѣстно, можно плавать съ большими кораблями по геодезическимъ, т.-е. кратчайшимъ линіямъ. Выигрышъ отъ этого въ торговлѣ да и въ техникѣ мореплаванія огромный. Не удивимся поэтому, что уже нынѣ, черезъ 75 лѣтъ послѣ введенія пароходства, цѣлый рядъ большихъ пароходныхъ линій искрещиваетъ поверхность Индѣйскаго океана, исходя изъ Европы, Африки, Индіи и Австраліи. Океанъ мало-по-малу становится для прибрежныхъ жителей внутреннимъ моремъ, около котораго они живутъ и движутся, какъ «лягушки около болота», но не совсѣмъ изящному, но вѣрному выраженію Платона, сказанному насчетъ современныхъ ему обитателей береговъ Средиземнаго моря.

Наконецъ, третій важный физико-географическій фактъ, отличительный для Индѣйскаго океана, есть отсутствіе въ немъ полярныхъ теченій, со льдами, и соотвѣтственныхъ крайностей теплоты въ водахъ и на побережьяхъ. Приатлантическіе Соединенные Штаты терпятъ отъ такихъ льдовъ и теченій холода до 40 градусовъ широты, т.-е. до параллели Нью-Йорка.

Ничего подобнаго нѣтъ на побережьяхъ Индѣйскаго океана. Въ нихъ климатическія крайности, важныя для судьбы растений, животныхъ и человѣка, замѣчаются не столько въ сферѣ *теплоты*, сколько по отношенію къ *сухости* и *влажности* воздуха. Отъ 5—10° сѣв. шир. на африканскомъ берегу океана до Суэца (30° шир.), Бушира и Караччи (25° шир.) къ океану прилегаютъ съ сѣверо-запада обширныя сухія степи, въ которыхъ осѣдлая жизнь невозможна, за исключеніемъ немногихъ оазисовъ. Въ меньшемъ размѣрѣ тотъ же фактъ замѣчается по побережью юго-западной Австраліи, тогда какъ на всемъ остальномъ, обширномъ протяженіи индо-океанскаго побережья тянутся земли превосходно орошенныя, представляющія то, что можетъ быть названо земнымъ расмъ. Тутъ есть и мѣстности съ умѣренно-теплымъ климатомъ, какъ мысъ Доброй Надежды, Наталь, южный Мадагаскаръ, Западная Австралія, и жаркія полосы экваторіальныхъ Африки, Азіи и Австраліи, по Замбезе, верхнему Нилу, Гангу, Иравати и проч. Пустыни Нубіи, Аравіи, Персіи, Белуджистана составляютъ, если можно такъ выразиться, мрачный клинъ на роскошномъ, яркомъ коврѣ земли, раскинутомъ по другимъ индо-океанскимъ побережьямъ. Онѣ глубоко раздѣляютъ, по ихъ историческимъ судьбамъ, племена юго-восточной Африки и южной Азіи, не допуская ихъ до тѣснаго сближенія, а тѣмъ болѣе до слитія въ одно политическое тѣло, въ одинъ мирный союзъ народовъ. И если бы не прорѣзывающіе ихъ отъ сѣверо-запада на юго-востокъ Персидскій заливъ съ Шатъ-Эль-Арабомъ, а особенно Красное море съ Суэцомъ, допускающее возможность сближенія Востока съ Западомъ, то эти пустыни имѣли бы самое гибельное вліяніе на многія части Стараго Свѣта. Онѣ и теперь, какъ извѣстно, дали начало крупному историческому злу, въ видѣ севѣрній, распространенныхъ иногда мечемъ до Гибралтарскаго пролива, Волги, Оби и Ганга, даже еще далѣе. Замѣтимъ, что эта вредоносная пустынность многихъ частей передней Азіи и водоема Нила зависитъ не отъ однихъ общихъ земной поверхности законовъ распредѣленія вѣтровъ,—въ данномъ случаѣ отъ ливійскаго анти-пассата,—но и отъ метеорологіи Индѣйскаго океана, гдѣ есть муссоны сѣверо-восточный и юго-западный, оба вначалѣ сухіе, но нѣтъ юго-восточнаго, который бы приносилъ, напримѣръ, въ Аравію морскую влажность въ видѣ паровъ. Это также одна изъ физико-географическихъ, а затѣмъ и историческихъ особенностей Индѣйскаго океана и его бережій, въ ихъ общемъ объемѣ.

III.

Но это не все, что можно сказать о связи между даннымъ большимъ водоемомъ и окружающими его материками. Переходя къ частностямъ распредѣленія и конфигураціи послѣднихъ, мы безъ труда увидимъ, что эти частности всегда имѣли и имѣютъ крупное историческое значеніе. Бенгальскій заливъ искони омываетъ и связываетъ между собою земли, исповѣдующія браманизмъ и произшедшій изъ него, въ видѣ демократическаго раскола, буддизмъ. Около этого водоема жила и живетъ, такъ сказать, одна

семья народовъ, хотя и разноплеменныхъ этнографически, но связанныхъ давними узами экономического, политическаго и умственнаго родства. Если бы позволено было употребить шутку, то я сказалъ бы, что около Бенгальскаго залива живутъ народы со «слоновьей цивилизаціей», т.-е. такою, въ которой слонъ играетъ немаловажную роль, какъ верблюдъ у номадовъ-степняковъ и якъ у номадовъ-горцевъ, лошадь у средне-европейцевъ и осель у обитателей восточныхъ и южныхъ побережій Средиземнаго моря. Но это, вѣдь, и не шутка. Выборъ главнаго домашняго животнаго, т.-е. такого товарища по труду цивилизаціи, на котораго возлагаются многія «черныя» работы, есть дѣло немаловажное. Слоны не только таскаютъ бревна, но устрашали армію Александра и римлянъ, а у англичанъ перевозятъ пушки. Но и кромѣ слоновъ, у народовъ, окружающихъ Бенгальскій заливъ, есть много общаго, имъ въ частности свойственнаго. Народы эти, довольные природою своихъ странъ, никогда не были завоевателями, т.-е. грабителями чужеземцевъ: фактъ важный. Если они и подчиняли себѣ загималайскія племена, то лишь силою религіознаго, т.-е. духовнаго, а не палочнаго вліянія, и сами попадали подъ власть такихъ же загималайцевъ (арійцевъ), а въ Заганжѣ китайцевъ, не пробуя отвѣчать обратнымъ нашествіемъ, хотя отъ природы не были трусы. Причиною этого была именно привязанность ихъ къ родной почвѣ; ея охраненію служили искони люди высшаго, послѣ духовенства, сословія—воиновъ. Большое умственное развитіе, плодъ досуга, доступный лишь людямъ обеспеченнымъ, было такъ давно усвоено и развиваемо передовыми людьми Индустана, что хронологія индійской письменности едва ли не древнѣе всѣхъ другихъ, не исключая египетской и китайской, а начальная математика дала всему человѣчеству въ завѣтъ осьъ-индскую нумерацію, изъ всѣхъ, не исключая и греко-римской, самую разумную и наглядную.

Объ осьъ-индской гражданственности, древней и новой, существуетъ цѣлая бібліотека европейскихъ, особенно англійскихъ, сочиненій: тамъ легко изучить ея развитіе, перемѣны, происходившія въ ея направленіи, и даже причины, ихъ производившія, что во всякомъ историческомъ изысканіи есть самое трудное. Гораздо меньше научныхъ работъ посвящено землямъ, окаймляющимъ Индійскій океанъ съ востока, хотя здѣсь къ англичанамъ присоединились голландцы, отчасти образованные сіамцы и малайцы, наконецъ, до извѣстной степени, китайцы, эти лѣтописцы крайнего Востока съ глубокой древности. Исторія этого островнаго міра, отъ Малакки до Австраліи, сложна и запутана; она не оставляетъ сомнѣнія только въ одномъ: въ долгихъ, почти постоянныхъ распряхъ туземныхъ малайскихъ племенъ между собою и съ пришельцами съ Востока и Запада: китайцами, малабарцами, арабами, португальцами и голландцами. Подъ разсчитанно-патріархальнымъ, хотя, въ сущности, очень своекорыстнымъ управленіемъ послѣднихъ *), малайскія страны успокоились; на долго ли—

*) „Патріархальность“ состоитъ въ удержаніи помѣщичьей власти туземныхъ землевладѣльцевъ, награжденія ихъ голландскими чинами и крестами и въ сборѣ съ

это вопросъ. Съ одной стороны, у нихъ не искоренены, а только обезсилены родовые аристократы, эти естественные вожди народныхъ движеній; съ другой—Англія, а въ послѣднее время даже Германія не безъ тайной зависти смотря на такой лакомый кусокъ, какъ Малайскій архипелагъ. Надобно сказать себѣ разъ навсегда: на земной поверхности нѣтъ странъ болѣе производительныхъ, легче доступныхъ для торговли и для образованія, какъ Малайскіе острова, образующіе порогъ между двухъ міровъ. Поэтому естественно, что охотниковъ до захвата ихъ будетъ всегда не мало: двадцатое столѣтіе, быть можетъ, укажетъ на достойнѣйшихъ, а вѣрнѣе на болѣе сильныхъ кандидатовъ во влстители этой роскошной и стратегически важной страны. Тогда гдѣ-нибудь здѣсь, на примѣръ, въ Сингапурѣ, возникнетъ людское скопленіе обширнѣе и многлюднѣ Лондона, важнѣе древняго Рима и, притомъ, могущее существовать долгіе вѣка, тогда какъ Лондону грозитъ опасность отъ мелей и холода, надвигающихся мало-по-малу. Дальновидный Карлъ Бэръ уже давно ставилъ вопросъ: «человѣчество, получивъ воспитаніе въ умѣренныхъ климатахъ, не переселится ли, наконецъ, въ экваторіальныя страны, чтобы тамъ съ умнѣемъ наслаждаться благами цивилизаціи и природы?» Въ наше время отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: оно будетъ наивно, по-просту глупо, если поступить иначе.

Къ Зондскому участку восточной границы Индѣйскаго океана съ юга прилегаеть сѣверо-западная Австралія. Здѣсь нѣтъ исторіи; никакія ссылки на прошедшее для заключеній о будущемъ невозможны, развѣ если принять въ расчетъ истребленіе менѣе чѣмъ во сто лѣтъ другихъ австралійцевъ, «обезпечивающее» такой же антропологической «успѣхъ» англичанъ и здѣсь. А, между тѣмъ, сѣверо-западная Австралія имѣетъ климатъ, негодный для европейцевъ, и не все же замѣнять послѣднихъ на плантаціяхъ неграми. Можно бы думать, что здѣсь черный работникъ замѣнится желтымъ, т.-е. китайцемъ. Но китаецъ, даже въ должности рабочаго скота, хлопочетъ о накопленіи денегъ и возвратѣ на родину: этого англичане, конечно, не потерпятъ, какъ не потерпѣли въ Новой Зеландіи и Квинслендѣ. Судьба сѣверо-западной Австраліи есть, поэтому, нелегкая историческая задача для будущаго; двадцатое столѣтіе, впрочемъ, увидить ее рѣшеніе.

Въ противоположность сѣверо-западной, тропической части Австраліи, юго-западная есть страна отъ природы бѣдная, въ которой человѣкъ вынужденъ вести жизнь скотовода, хотя бы былъ уроженцемъ большого европейскаго города и отъ роду не видывалъ стадъ. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ колонизаціи, англичане утвердились здѣсь осѣдлыми жителями въ 1826 году и сначала, если можно такъ выразиться, лишь прозябали, медленно возростая въ числѣ. Теперь это довольно зажиточная

народа податей кофейнымъ зерномъ. Такимъ образомъ, „невѣсомыя блага“, т.-е. вздоръ, малайцы получаютъ еще отъ своихъ господъ, но „вѣсомыя“, т.-е. деньги, послѣдніе удерживаютъ исключительно за собою, чтобы туземцамъ не было возможно покупать, ¹ на примѣръ, оружіе... По-плантаторски, малайцы считаются счастливыми.

колонія, но защиточная лишь потому, что населеніе рѣдко и въ свободныхъ пастбищахъ недостатка еще не чувствуетъ. Въ ряду другихъ территорій, окружающихъ Индѣйскій океанъ, это «полезная посредственность», обдѣленный при наслѣдствѣ членъ семьи, который, однако, усердно трудится и играетъ уже извѣстную роль. Англійскіе суконные фабриканты получаютъ отсюда много шерсти, англійская конница въ Индіи—лошадей и т. д. Два главные города страны, столица Пертъ и гавань у Кингъ-Жоржъ-Соунда, Олбани, уже связаны небездоходной желѣзною дорогой.

Теперь, чтобы закончить этотъ бѣглый общегеографическій обзоръ тѣхъ естественныхъ, часто притомъ и историческихъ, участковъ, на которые распадается побережье Индѣйскаго океана, перешагнемъ черезъ этотъ океанъ къ западу отъ Кингъ-Жоржъ-Соунда на мысъ Доброй Надежды. Всякому извѣстна исторія этой послѣдней земли за истекающія четыре столѣтія. Сначала португальское, потомъ голландское и, наконецъ, англійское владѣніе это въ настоящее время есть открытый центръ будущей африканской самостоятельности, страна, гдѣ громко проповѣдывается начало: «Африка для африканцевъ,—довольно европейской опеки!» И хотя въ умѣ каждаго англичанина здѣсь, какъ и въ Европѣ, лелѣется, болѣе нескрываемая, мысль о Британской имперіи отъ мыса Доброй Надежды до устьевъ Нила, но южно-африканцы того мнѣнія, что это должно дѣлаться, главнымъ образомъ, ихъ руками и, прежде всего, въ ихъ пользу. Они—*африкандеры*, новый видъ цивилизованнаго человѣчества, изъ котораго нѣсколько капскихъ богачей, вродѣ Сесіа Родиса, приобрѣли уже всемірную извѣстность. Правда, у этихъ людей по восточному берегу Африки, вдоль океана, есть неприятные соперники: сначала, отъ бухты Деллагоса, португальцы съ трансваальскими боерами въ тылу, потомъ, до Уанги, нѣмцы; но кто же изъ англичанъ серьезно можетъ смотрѣть на этихъ противниковъ? Португальцы мало-численны, невѣжественны и бѣдны; одинъ-два щелчка по развалинамъ ихъ южно-африканской имперіи, и отъ нея останутся однѣ пресловутыя «сто пушекъ», отлитыя еще въ XVI вѣкѣ, стоящія на валахъ Мозамбика и предназначенныя въ составъ балласта на парусныя суда, ибо ни на что болѣе не годятся. Съ нѣмцами пока приходится быть снисходительнѣе, по крайней мѣрѣ, вѣжливѣе, хотя императоръ Вильгельмъ II, внукъ королевы Викторіи, громко объявилъ, что у него, при одной операціи, «вытекла послѣдняя капля ненавистной англійской крови». Ихъ оставляютъ забавляться въ Даръ-эсъ-Салаамѣ и лишь съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что хваленая способность германцевъ къ колонизаціи есть фикція: нѣмцы, какъ колонизаторы, хороши лишь на устроенной *другими* землѣ, гдѣ они являются ловкими паразитами, повинующимися готовымъ властямъ, но отгѣсняющими соперниковъ, даже туземцевъ, своимъ трудолюбіемъ, знаніемъ ремеселъ и настойчивостью въ работахъ; заводить же собственные, политически и экономически-самостоятельныя колоніи среди пустынь или земель, принадлежащихъ варварамъ, они не умѣютъ. Какъ долго продержится на картахъ нѣмецкая Восточная Африка отъ Рувимы до озера Викторіи и отъ Танга-

найки до океана,— нѣчто вродѣ самой Германіи по величинѣ,— этого, конечно, ни одинъ серьезный наблюдатель пока сказать не можетъ; но возможно, что при первой большой неудачѣ въ Европѣ изъ Даръ-эсъ-Салаама попросятъ о покровительствѣ у англійскаго агента въ Занзибарѣ. Но если нѣмецкая Восточная Африка устоитъ и разовьется, то она, вмѣстѣ съ пресловутымъ «независимымъ» крѣпостнымъ имѣніемъ бельгійскаго короля-нѣмца, составитъ преграду къ созданію Британской имперіи «отъ Капа до Нила», болѣе сильную, чѣмъ бывшая португальская междуокеанская полоса, которую маркизъ Солсбери такъ нагло отнялъ у португальцевъ. А если еще, вдобавокъ, финансовое предпріятіе Леопольда II кончится банкротствомъ и подчиненіемъ бассейна цѣлаго Конго, на основаніи договоровъ, Франціи, тогда англичанамъ надолго, если не навсегда, придется отказаться отъ мечты «Капъ-Ниль». Во всякомъ случаѣ, многое, относящееся до этой мечты, должно выясниться въ самомъ началѣ XX столѣтія, если не раньше.

Официально къ сѣверу отъ экватора начинаются по индоокеанскому побережью земли итальянскія, надъ которыми читатель, вѣроятно, улыбнется; потомъ пойдутъ англійскія, французскія, опять итальянскія (Эретрія), египетскія, турецкія, персидскія и белуджійскія, которыя образуютъ большой сѣверо-западный степной участокъ. Хотя небольшая часть этихъ земель очень плодородна и порядкомъ заселена, но мы уже назвали этотъ участокъ пустыннымъ и высказались объ его исключительной важности для Индійскаго океана, да и всего Старога Свѣта; поэтому отдѣлимъ описаніе его въ особый параграфъ.

IV.

Большой треугольный полуостровъ Сомаль, имѣющій вершинами мысъ Гвардафуй, устье рѣки Джобъ въ океанъ, у экватора, и западную оконечность Таджурской бухты, есть, конечно, страна степная, но не въ такой степени, какъ лежащая на сѣверѣ, за Аденскимъ заливомъ, Аравія. Въ Сомаль есть немало рѣчекъ и даже рѣкъ, имѣющихъ теченія по нѣсколькимъ сотямъ верстъ, но только не постоянно, а соотвѣтственно временамъ года. Съ моря страна представляется болѣею частью голымъ, каменистымъ обрывомъ; но пойдите внутрь края, и отыщете долины между горами, представляющія оазисы. Уже въ далекой древности земля эта славилась ароматами, и на одномъ изъ памятниковъ въ Фивахъ изображены, точно современные, сомальцы, приносящіе египетскому царю ладонь. Этими и нѣкоторыми иными товарами уроженцы Сомали ведутъ торговлю и теперь съ англичанами на южномъ берегу Аденскаго залива. Съ океана страна ихъ мало доступна; однако, иные путешественники проникали туда верстъ на триста и болѣе. Словомъ, это земля полугодная для осѣдлой жизни и не лишенная промысловаго населенія. Небольшія сомальскія лодки (бутры) являются иногда въ Занзибаръ или даже въ Бомбей. Стало быть, эта доля степного индоокеанскаго побережья можетъ современемъ принять участіе

въ общемъ торговомъ движеніи по океану, подобно южно-аравійскому Хеджасу, знаменитому кофеемъ. Но другое дѣло вся остальная Аравія. Тутъ хотя морская торговля существуетъ издавна, особливо въ Мосхатѣ, но въ общемъ страна очень скудна, безжизненна, и ея купцы искони занимались торговлею рабами, чего цивилизація допускать не должна. Стало быть, арабскій флагъ, если такъ можно выразиться, долженъ сойти съ мірового торговаго поприща, каковымъ до сихъ поръ былъ для него предпочтительно Индѣйскій океанъ. Но этому азіатскому флоту на смѣну явился уже, черезъ Суэцкій каналъ, паровой флотъ большихъ европейскихъ державъ, и Индѣйскій океанъ, который насъ здѣсь занимаетъ, конечно, отъ этого не въ убыткѣ. Этотъ флотъ, вѣдь, не только приноситъ европейскія мануфактурныя произведенія, но и увозитъ продукты земель, сосѣднихъ Красному морю въ Африкѣ и Азій, особенно на пути изъ океана въ Европу. Подобно губкѣ, онъ, проходя чрезъ Аденъ, Массаву, Дждду, Суакимъ, вбираетъ въ себя все, что природа въ состояніи дать, и потомъ чрезъ Суэцъ и отчасти Аденъ разноситъ по разнымъ частямъ Старога Свѣта. Любопытно, что тутъ, какъ и на сосѣднемъ съ сѣверо-запада Средиземномъ морѣ, работаютъ египетскія, даже турецкія паровыя суда: они возятъ, между прочимъ, богомольцевъ.

Важность мірового движенія черезъ Красное море читатель легко оцѣнить по двумъ цифрамъ: въ 1891 году прошло черезъ Суэцкій каналъ 4,207 пароходовъ съ грузомъ въ 12.217,986 тоннъ. До этихъ цифръ далеко мореплаванію по заливу Персидскому, несмотря на естественныя богатства Месопотаміи, западной Персіи, Курдистана и даже Закавказья, которыя отчасти уже направляются къ низовьямъ Шатъ-эль-Араба и потомъ къ берегамъ Индѣйскаго океана. Суэцъ настолько убилъ торговое движеніе на сосѣднемъ материкѣ Азій, что о месопотамской желѣзной дорогѣ, изъ Константинополя въ Багдадъ, нынѣ почти нѣтъ рѣчи, и пароходство по Тигру едва влачитъ скудное существованіе. Оно, впрочемъ, можетъ развиваться, и тогда не только Турція и Персія, но и Закавказье могутъ извлекать изъ него пользу. Съ намѣреніемъ говорю я Закавказье, а не Россія, ибо знаю, что есть лица, мечтающія изъ Шатъ-эль-Араба сдѣлать русскую рѣку и на мѣстѣ Мухамеры создать новую Одессу, точнѣе—Астрахань, съ міровымъ рынкомъ и политическимъ значеніемъ. Этимъ мечтателямъ я замѣчу, что для спокойствія въ Мухамерѣ надо бы сначала покорить Месопотамію, Аравію и западную Персію, да не только покорить, а и держать въ повиновеніи, что должно стоить необъятныхъ суммъ. Кромѣ того, Мухамера-Астрахань въ русскихъ рукахъ приносила бы немного: ею командовалъ бы стоящій у выхода изъ Персидскаго залива въ океанъ Ормузь, который, конечно, снова будетъ занятъ англичанами, какъ только обнаружится русское движеніе къ Шатъ-эль-Арабу.

Еще менѣе существенными и даже желательными представляются проекты создать русскія гавани на южныхъ берегахъ Персіи и Белуджистана, восточнѣе Ормуса. Все равно, будетъ ли для этого нужно сначала завоевать

обѣ эти страны (!), или только устроить желѣзно-дорожную сѣть между Каспійскимъ моремъ и Индѣйскимъ океаномъ, съ русскими головными станціями гдѣ-нибудь въ Хабарѣ или Гвадурѣ, въ обоихъ случаяхъ это будетъ Большая, т.-е. дорого стоящая, глупость... Аравійско-персидскій участокъ индоокеанскаго побережья долженъ оставаться самимъ собою, а Россія если и найдетъ выгоднымъ пользоваться имъ для своихъ нуждъ, то для нея за глаза будетъ довольно международныхъ путей черезъ Суэцъ и по Тигру. При этомъ захватывать послѣдній бесполезно для насъ по причинамъ только что упомянутымъ. Естественный предѣлъ Россіи въ Передней Азіи есть горный кряжъ Хорасана и Гиндукушъ; дойдя до него,—что отчасти уже сдѣлано,—она должна остановиться и потомъ, распустивъ дорого стоящія войска во всѣхъ своихъ зауральскихъ владѣніяхъ, кромѣ Амура и верхняго Окса, да отчасти верхнихъ же Яксарта, Или и Иртыша, заняться въ мирѣ разработкою тѣхъ скудныхъ, хотя, по хвастливому невѣжеству называемыхъ несмѣтными, богатствъ, которыя ей удѣлила природа въ Сибири и Туркестанѣ. Пренебреженіе этимъ условіемъ грозитъ ей истощеніемъ силъ, отъ котораго не спасутъ никакіе порты на берегу Индѣйскаго океана.

Естественно спросить подъ конецъ обзора степного участка индоокеанскаго побережья: какую міровую роль могутъ играть составляющія его азіатскія земли? Не есть ли настоящее время слитія въ одинъ почти бассейнь Индѣйскаго океана и Средиземнаго моря начальный моментъ возрожденія Абиссиніи, Египта, Турціи, Персіи, Белуджистана? Обманываться въ отвѣтъ трудно. Египетъ, даже если предположить осуществленнымъ невѣроятное очищеніе его англичанами, навсегда предназначенъ быть стражемъ мірового канала, созданнаго европейцами для европейскихъ нуждъ; онъ и останется въ этой роли, стремясь сдѣлать ее возможно выгодною для себя, принимая участіе въ торговлѣ—по силамъ, въ политикѣ красноморскаго побережья—даже сверхъ силъ, безъ надежды, однако, когда-либо вернуться ко временамъ не только Рамзесса, но Птолемеевъ и Саладина. Сторожить каналъ, по инструкціямъ, даннымъ европейскими большими державами,—вотъ важная, почетная и, если хотите, нелегкая задача Египта. Турція... но она, официальная владѣлица территоріи канала и самихъ Египта, Аравіи и Сиріи, доселѣ не проснулась отъ дремоты, которая ее одолеваетъ, вѣроятно, передъ кончиною. Нѣкоторыя части ея, безъ сомнѣнія, примутъ современемъ болѣе дѣятельное участіе въ жизни побережій Индѣйскаго океана, чѣмъ нынѣ. Про Персію можно сказать почти то же, а про Белуджистанъ, что онъ останется близкимъ къ нулю. Въ общемъ, какъ видимъ, странамъ съ верблужьей цивилизаціей отъ грядущихъ вѣковъ много ожидать нечего даже на берегахъ будущаго *Средиземнаго океана*.

V.

Окончивъ эти строки, читатель, вѣроятно, положитъ на время книгу въ сторону, переведетъ дыханіе и скажетъ: «Ну, наконецъ, авторъ прогово-

рился въ своей затаенной мысли, именно въ томъ, что цѣль его—доказать, что въ XX столѣтїи Индѣйскій океанъ станетъ, по своему міровому значенію, на мѣсто Средиземнаго моря». Я, однако же, такой предвзятой мысли не имѣлъ, и если она вытекла изъ фактовъ и наведеній, то это дѣло не столько мое, сколько историко-географической логики вообще. Мое личное убѣжденіе, что бывшей роли Средиземнаго моря, роли творческой и независимой отъ другихъ водоемовъ, не повторить ни одинъ океанъ, но что Индѣйскій станетъ въ недалгомъ времени самымъ привлекательнымъ изъ нихъ, кипучимъ дѣятельностью,—это такъ, въ это я вѣрю, какъ въ историко-географическій догматъ, и приглашаю читателя увѣриться, что тутъ нѣтъ діалектической ошибки или увлеченія, помощью цифръ, которыя рѣдко лгутъ, если не подтасованы. Обратимся къ статистикѣ и посмотримъ, что она скажетъ. Около Индѣйскаго океана, по береговой линіи въ 23,000 верстъ длиною, то-есть въ два раза длиннѣе береговъ Средиземнаго моря, живетъ въ настоящее время около 936.000,000 душъ, что къ итогу присредиземноморскихъ жителей относится какъ 24:10, то-есть почти въ два съ половиною раза болѣе этого итога. И еще я считалъ за присредиземныхъ жителей Галичины и губерній Могилевской и Воронежской, которыя съ Средиземнымъ моремъ не имѣютъ ничего общаго, кромѣ стока въ послѣднее части ихъ водъ. Индѣйскій океанъ, какъ мы уже упомянули выше, легко пересѣкается пароходами во всѣхъ почти направленіяхъ по прямымъ линіямъ, т.-е. по дугамъ большого круга; стало быть, его отдаленнѣйшія другъ отъ друга прибрежья, пропорціонально, легче могутъ сноситься между собою, чѣмъ, наприм., въ Средиземномъ морѣ Триестъ съ Барцелоной и Варной, несмотря на астрономическое ихъ сосѣдство. Для созданія экономическаго и вообще историческаго водоема это есть главное условіе. Далѣе, торговый обмѣнъ, чтобы существовать, предполагаетъ разнообразіе товаровъ по странамъ, и торговъ тѣмъ напряженнѣе и выгоднѣе, чѣмъ страна разнородной производительности ближе одна къ другой или могутъ сноситься между собою. Въ этомъ отношеніи Индѣйскій океанъ неподражаемъ: въ немъ западная Австралія недалеко отъ Малайскаго архипелага, Индія отъ Персїи, Мадагаскаръ и Наталь отъ Сомали и Абиссинїи; и кромѣ того цѣлый свѣтъ нуждается въ разныхъ произведеніяхъ тропическаго пояса, которыя только и находятся въ изобилїи, что на прибрежьяхъ Индѣйскаго океана. Какъ велики *естъ* производимые вдоль его береговъ обороты такъ называемой международной торговли, нельзя сказать съ точностью, но вотъ суммы нѣкоторыхъ, по мѣстностямъ *):

	Привозъ.	Вывозъ.
Сингапуръ съ зависимыми портами.	270	250 милл. руб.
Индія съ Цейлономъ.	150	170 » »
Мысъ Доброй Надежды	85	110 » »
Наталь	33	14 » »

*) Болѣе половины приводимыхъ суммъ соотвѣтствуетъ стоимости товаровъ, проходящихъ черезъ Суэцъ, т.-е. въ Европу и изъ нея.

О-въ Маврикія	16	23	мл. руб.
Западная Австралія	13	8	» »
Занзибаръ	7	9	» »
О-въ Реюньонъ	8	6	» »
Германская Восточная Африка . . .	4	8	» »

Цифры относительно другихъ мѣстностей не представляются довольно надежными или въ нихъ трудно выдѣлать то, что именно приходится на долю Индѣйскаго океана, но и изъ приведенныхъ достаточно ясно, что одна легальная виѣшняя торговля въ портахъ океана совершается, въ 1890 годахъ, на огромныя суммы. А сколько еще происходитъ обмѣна нерегистрованного, на арабскихъ бутрахъ, малайскихъ и китайскихъ джонкахъ, турецкихъ и персидскихъ судахъ?

Само собою разумѣется, что, при значительности разстояній, вся сколько-нибудь спѣшная торговля въ современномъ Индѣйскомъ океанѣ дѣлается на паровыхъ судахъ, нерѣдко даже на срочныхъ пакетботахъ. Это приметъ трудъ просмотрѣть недавно вышедшій на французскомъ языкѣ атласъ морскихъ сообщений, съ выгодой замѣняющій карту Бергхауза, тотъ не безъ удивленія замѣтитъ, что на Индѣйскомъ океанѣ нынѣ больше пароходныхъ линій, чѣмъ на Сѣверо-Атлантическомъ. Назовемъ здѣсь срочныя:

Англійскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Бомбей

- » Коломбо и Калькуту
- » Коломбо и Сингапуръ, далѣе въ
Китай и Японію,
- » Коломбо, Кингъ - Жоржъ - Соундъ,
Мельбурнъ и Сидней.

Англійскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Аделаиду прямо,

- » Діего-Гарсія въ Мельбурнъ,
- » Занзибаръ и далѣе по портамъ до
Мыса Доброй Надежды;

изъ Бомбея въ Караччи, Гвадуръ, Ормусъ, Буширъ въ Мухашеру,

- » Мадраса въ Сингапуръ,
- » Калькуты въ Рангунъ, Малакку и Сингапуръ,
- » Каптоуна на о-въ Маврикія,
- » Каптоуна въ Мельбурнъ прямо,
- » Каптоуна по восточному берегу Африки.

Французскія: изъ Суэца, чрезъ Аденъ, въ Караччи и Бомбей,

- » Коломбо, Пондшери, Мадрасъ и
Калькуту,
- » Коломбо, Сингапуръ, Батавію,
Сайгонъ, Тонкинъ, Китай и Япо-
нію, Маге, Кингъ-Жоржъ-Соундъ,
Мельбурнъ, Сидней и Н. Каледо-
нію, Обокъ, Занзибаръ, Мадага-
скаръ, Реюньонъ, Маврикія.

Германскія изъ Суэца, чрезъ Адень, до Занзибара и Даръ-эсъ-Салаама.
 Русскія изъ Суэца чрезъ Адень, Коломбо, Сингапуръ, Шанхай, Владивостокъ.
 Турецкія изъ Суэца по берегамъ Аравіи до Бассоры.
 Египетскія изъ Суэца по берегамъ Краснаго моря.
 Итальянскія изъ Суэца въ Массову.
 Португальскія у юго-восточныхъ береговъ Африки.
 Голландскія вдоль западныхъ береговъ Суматры, чрезъ Зондскій проливъ
 въ Батавію.

Западно-австралійскія по берегамъ этой земли.

Словомъ, Индійскій океанъ, особенно въ сѣверной своей части, изрѣзанъ пароходными линиями. Въ южной пароходство усилится, какъ только установится на о. Сень-Поль французская морская станція между мысомъ Доброй Надежды и Австраліей. Нужно еще замѣтить, что въ нашъ списокъ не вошли пароходы, плавающіе изъ Ливерпуля въ Австралію, такъ какъ они идутъ по Южному океану.

Сѣть паровыхъ сообщеній дополняется во многихъ частяхъ Индійскаго океана телеграфными кабелями. Не считая англо-индійскаго телеграфа чрезъ Тифлисъ и Тегеранъ, потому что онъ сполна сухопутный, остановимся сначала на кабелѣ изъ Суэца въ Адень и Бомбей, а оттуда въ Мадрасъ и Калькуту. Первая изъ этихъ двухъ вѣтвей, мадрасская, продолжается въ Сингапуръ и тамъ снова развѣтвляется на индо-китайскую и малае-австралійскую, изъ которыхъ послѣдняя кончается смѣлымъ переходомъ чрезъ весь Австралійскій материкъ, отъ форта Дарвина до Аделаиды. Другой большой кабель идетъ вдоль всего восточнаго берега Африки, отъ Адена до Каптоуна, съ большимъ числомъ промежуточныхъ станцій. Второстепенныя телеграфныя линіи, важныя для мореходства въ Индійскомъ океанѣ, возникаютъ мало-по-малу на всѣхъ прибрежьяхъ его и нѣкоторыхъ островахъ; главною изъ этихъ линій пока можно назвать Бомбей - Мавриціусъ. Западная Австралія связала свою телеграфную сѣть съ большимъ австралійскимъ телеграфомъ въ Робухъ-баѣ, такъ что теперь депеши изъ Кингъ-Жоржъ-Соунда могутъ быть отправляемы на мысъ Доброй Надежды вокругъ всего океана, въ ожиданіи, когда эта длинная дуга замѣнится хордою (чрезъ Сень-Поль). Электричество могло бы приносить въ Индійскомъ океанѣ большую пользу подачею предупредительныхъ сигналовъ о готовящихся или начинающихся ураганахъ, очень гибельныхъ иногда для судовъ, но недостатокъ мелкихъ, особенно высокихъ, острововъ для устройства сигнальныхъ станцій дѣлаетъ задачу трудною. Притомъ же, она не разрѣшена даже въ Антильскомъ морѣ, гдѣ на подобный недостатокъ пожаловаться нельзя и гдѣ ураганы ежегодно производятъ опустошенія. Важно уже и то, что теорія индо-океанскихъ буръ порядочно изучена и позволяетъ умному капитану вывернуться изъ опасности, когда она наступила.

Къ этимъ указаніямъ на средства сообщенія между прибрежьями Индійскаго океана слѣдуетъ, разумѣется, присоединить тѣ данныя, которыя касаются сообщеній внутри самихъ прибрежныхъ странъ. Здѣсь на пер-

вомъ планѣ, конечно, Индія съ ея 28,000 верстѣ желѣзныхъ дорогъ и 56,000 телеграфовъ, иногда еще двойныхъ и тройныхъ (всего проволоки 170,000 верстѣ). Ея почты перевозятъ ежегодно 330.000,000 писемъ и пакетовъ, ея телеграфы передаютъ свыше $3\frac{1}{2}$ миллионновъ депешъ. Это уже цифры почтенныя, но еще далекія отъ сходственныхъ европейскихъ. Въ смыслѣ движенія корреспонденціи Сингапуръ съ сосѣдними колоніями на Малаккѣ если и уступаетъ Индіи безусловно, то превосходитъ ее относительно, по сравненію съ числомъ населенія: здѣсь мы имѣемъ ежегодно 2.320,000 писемъ и 2.500,000 депешъ на какія - нибудь 512,000 душъ. Живую дѣятельность сношеній отличается мысь Доброй Надежды: тутъ мы имѣемъ въ годъ пересланными 12.500,000 писемъ, 7.200,000 газетъ, 1.700,000 книгъ и сходныхъ посылокъ, все это при пособіи 826 почтовыхъ конторъ, 2,200 вер. желѣзныхъ дорогъ и 12,000 вер. простыхъ дорогъ. Маленькій Наталь, пропорціонально, еще дѣятельнѣе; но гдѣ письменныя сношенія особенно развиты, такъ это въ царствѣ сахарнаго тростника и пряностей, на о. Мавриціусъ, гдѣ число корреспонденцій, при какихъ-нибудь 370,000 д. населенія, доходитъ въ годъ до 2.300,000, такъ что по этой мѣрѣ Индія должна бы пересылать не 330, а 1,750 миллионновъ писемъ и пакетовъ ежегодно. Эти цифры показываютъ, что такое правильно развитая колоніальная жизнь и насколько будто бы она отлучаетъ образованнаго колониста отъ связей съ цивилизованнымъ міромъ, а въ XX вѣкѣ онѣ будутъ гораздо больше.

Я не буду приводить другихъ статистическихъ цифръ, чтобы показать, что и какъ слагается нынѣ, въ смыслѣ цивилизаціи, на побережьяхъ и островахъ Индѣйскаго океана: это было бы утомительно и даже несовременно, потому что данныя 1891 года уже устарѣли для 1894. Прогрессъ повсюду огроменъ, и если еще на чемъ стѣнѣ остановиться въ смыслѣ статистики, такъ это на составѣ и развитіи населенія индо-океанскихъ прибрежій.

VI.

Изъ пяти племенъ, по Блуменбаху, образующихъ человѣческой родъ, четыре встрѣчаются на побережьяхъ Индѣйскаго океана: бѣлое, черное, желтое и оливковое, но въ очень разной пропорціи. Бѣлое, конечно, самое многочисленное и, притомъ, число его непрерывно растетъ, отчасти въ ущербъ другимъ. Прибыли бѣлыхъ соотвѣтствуетъ убыль черныхъ и, быть можетъ, оливковыхъ, но и изъ черныхъ не всѣ убываютъ одинаково скоро: негритосы вымираютъ быстрѣе негровъ африканскихъ. Наблюденія показали, что это зависитъ отъ неспособности австралійцевъ къ земледѣльческому труду, тогда какъ африканцы точно созданы для этого труда въ жаркихъ странахъ. По приблизительному соображенію, число негровъ, тяготеющихъ къ Индѣйскому океану, едва ли достигаетъ 20.000,000 душъ, и изъ нихъ 3—4 миллиона такъ или иначе попали въ статистическія рос-

писи европейскіхъ владѣній. На англійскихъ земляхъ они, видимо, уменьшаются въ числѣ, какъ «раса низшая, которой жалѣть нечего», по выраженію британцевъ; но во многихъ случаяхъ негры очень способны къ труду не только мускульному, но и мозговому. До водворенія европейцевъ, да и отчасти и теперь, негры многіе вѣка составляли «черный товаръ», т.-е. продажныхъ рабовъ для арабовъ и сѣверо-африканцевъ, но мало-по-малу это зло сокращается. Нынѣ неготорговля запрещена и преслѣдуется европейцами въ морѣ и даже на сушѣ, и остается желать уничтоженія обмана, по которому негръ-рабъ иногда выдается за свободнаго рабочаго по контракту, котораго онъ не понимаетъ. Какую историческую роль негры получаютъ рано или поздно на восточно-африканскомъ берегу, трудно сказать; на западно-африканскомъ, въ Сенегамбіи, они—французскіе граждане, избирающіе депутатовъ въ парламентъ и совѣтниковъ въ мѣстныя административныя учрежденія; есть изъ нихъ торговцы и миссіонеры.

Малайцы сгруппированы въ двухъ мѣстностяхъ: на Зондскомъ архипелагѣ съ полуостровомъ Малаккою и на Мадагаскарѣ. Въ первой число ихъ превосходитъ 30.000,000 душъ, во второй едва ли достигаетъ 4.000,000. По самой природѣ эти островитяне—моряки, но, впрочемъ, не безъ способностей и къ сухопутнымъ занятіямъ. На европейскіхъ пароходахъ въ Индійскомъ океанѣ малаецъ—матросъ, рулевой, лоцманъ, какъ негръ—кочегаръ и китаецъ—поварь, либо комнатный лакей. Въ голландскихъ владѣніяхъ у малайцевъ есть своя аристократія, да и на Мадагаскарѣ есть дворъ и придворные бояре. Истребленіе малайцевъ съ наплывомъ европейцевъ трудно предвидѣть; скорѣе они сами будутъ усваивать европейскій складъ жизни, начиная съ религіи, которая, наприм., на Мадагаскарѣ сдѣлала большіе успѣхи отъ усердія миссіонеровъ англійскихъ (350,000 послѣдователей) и французскихъ (35,000), и даже въ большой зондской группѣ, у индифферентныхъ къ прозелитизму голландцевъ, создала 265,000 христіанъ-малайцевъ. Въ будущность оливковой расы вообще можно вѣрить, несмотря на отсталость нѣкоторыхъ теперешнихъ малайцевъ-полудикарей гдѣ-нибудь на Борнео, Целебесѣ и т. п.

Желтое племя на бережьяхъ Индійскаго океана представлено бирманцами, сіамцами, разными ассамскими и гималайскими племенами, многочисленными дравидасами (тамулцами и проч.) въ Индустанѣ и, наконецъ, сравнительно не многими, но важными по положенію китайцами—въ прибрежныхъ городахъ Индо-Китаи и Малайскаго архипелага. Всѣ эти люди, число которыхъ доходитъ до 80.000,000 душъ, живутъ издавна въ сосѣдствѣ, испытали сильное вліяніе буддизма и китаизма, но въ послѣднее время начали, мѣстами, быть подражателями европейцевъ. Сіамскій король и его близкіе стали носить европейскую одежду, строить европейскіе дворцы, читать европейскіе журналы. Но, конечно, этой подражательности нельзя ожидать отъ китайцевъ, которые въ Сингапурѣ и Малаккѣ остаются тѣми же, что въ Кантонѣ, и издавна считаются въ Индо-Китаѣ представителями учености. Отсюда вѣроятность борьбы среди желтыхъ народовъ между

вліяніями китайскимъ и европейскимъ. Впрочемъ, въ Индіи китайцевъ почти нѣтъ и не имъ тамъ бороться съ европейцами, особенно съ англичанами. У голландцевъ, на Явѣ, они лишь терпимы, но пользуются презрѣніемъ, да и самими малайцами не любимы. Какъ ловкіе торговцы, они успѣли проникнуть на западъ до острова Мавривія, но политической роли здѣсь не играютъ.

Наконецъ, мы пришли къ бѣлымъ народамъ. Между многочисленными ихъ племенами различія слишкомъ велики, чтобы можно было объединить 200 или 220 милліоновъ душъ, разбросанныхъ отъ мыса Доброй Надежды до Гималаевъ и западной Австраліи. Историческая будущность европейскихъ переселенцевъ здѣсь хорошо обозначилась; она не та, что въ Новомъ Свѣтѣ, не та, что въ Австраліи восточной, и, разумѣется, не та, что дома, въ Европѣ. Что она, въ концѣ-концовъ, сложится по англійскимъ бытовымъ типамъ, въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія, но типы будутъ неодинаковы. Въ юго-восточной Африкѣ передъ нами будетъ стоять англійскій землевладелецъ, отчасти плантаторъ, въ смыслѣ бывшихъ Южныхъ Штатовъ, отчасти промышленникъ, въ смыслѣ Штатовъ Западныхъ; во всякомъ случаѣ, африкандеръ, т.-е. человѣкъ, не любящій командованіе Европы, какъ янки. Онъ будетъ находиться въ непрерывной расовой и соціальной борьбѣ съ неграми, ради эксплуатаціи ихъ труда, и отчасти съ новоприбывающими бѣлыми, т.-е. европейскими эмигрантами демагогическаго направленія. Въ Индіи, если она останется англійскимъ владѣніемъ, будетъ господствовать тотъ же типъ, что теперь, — джентльмена изъ офицеровъ, мечтающаго попасть въ штабъ, въ политическіе резиденты, стать комиссіонеромъ, губернаторомъ или, если въ Англии есть крупная родня, то вернуться въ нее съ хорошею пенсіей и засѣсть въ парламентъ. Это типъ человѣка чужого Востоку, хотя и трудящагося для него по крайнему разумнію, не любя никого, кромѣ себя и Англии. Типъ этотъ можетъ исчезнуть въ случаѣ (мало вѣроятномъ), если Индія освободится отъ англійскаго господства; но тогда въ прибрежныхъ городахъ Индустана останется передовымъ представителемъ европеизма британскій купецъ, потихоньку обдѣлывающій самыя северныя торговыя дѣла *en-gros*, лишь бы они были доходны, и окруженный собратьями-азиатами: персами, евреями, армянами, левантинцами и самыми подлыми изъ всѣхъ индусами-факирами. Въ противоположность чисто-англійскому, офицерски-аристократическому, это будетъ типъ международнаго буржуа, сосущаго безъ жалости и стыда низшіе классы народа. Въ западной Австраліи къ этимъ образцамъ прибрежнаго населенія Индѣйскаго океана присоединяется толстякъ-скуатеръ, т.-е. грубоватый степной фермеръ, овцеводъ, шерстобой и салотопъ, отличный верховой ѣздокъ и строгій семьянинъ, любящій изрѣдка отдохнуть среди кучи здоровыхъ, крѣпкихъ, краснощекихъ, но не совсѣмъ опрятныхъ, дѣтей, растущихъ подъ надзоромъ матери, которая читаетъ романы и библію.

Вотъ этнографическіе элементы, изъ которыхъ будетъ слагаться историческая жизнь населенія береговъ Индѣйскаго океана съ самаго начала

двадцатаго вѣка. Ихъ интересами и отношеніями къ туземцамъ и къ старому Европѣ опредѣлится характеръ исторіи, главный смыслъ которой понятенъ и нынѣ: ассимиляція африканскихъ и азіатскихъ народовъ (австралийскихъ не будетъ) европейскими къ нимъ пришельцами. Не трудно предвидѣть, гдѣ будутъ главные центры историческаго движенія: гав. Елизаветы *), бухта Делагоа, Занзибаръ, Бабель-Мандебскій проливъ съ окружающими портами, Бомбей, Калькута, Сингапуръ, какой-нибудь новый портъ въ сѣверо-западной Австраліи и, наконецъ, Олбани, проѣздная станція между богатыми землями восточной Австраліи и африкано-европейскимъ Западомъ. Это все такъ вѣроятно, что можно бы заранѣе начертить карты распределенія населенія и отраслей промышленности по побережьямъ Индѣйскаго океана, относящіяся, наприм., къ половинѣ ХХ вѣка. Замѣчу здѣсь еще одно обстоятельство: будущій Средиземный океанъ самымъ существованіемъ своимъ отрицательно отзовется не только на старомъ Средиземномъ морѣ, но и на всей Европѣ. Онъ не будетъ въ нихъ очень нуждаться и заставить измѣнить по отношенію къ себѣ тонъ обиднаго покровительства.

«Вы слишкомъ многое отдаете англичанамъ въ будущей жизни прибрежій Индѣйскаго океана, — сказалъ мнѣ одинъ европеецъ не-англичанинъ, спутникъ по пароходу, — есть другіе европейцы, кромѣ британцевъ». — Да, есть: нѣмцы, голландцы, французы, но много ли ихъ? И не подъ крыломъ ли англичанъ живетъ значительная часть ихъ, постепенно привыкая къ британскому господству, если не политическому, то бытовому, что гораздо важнѣе? Европеецъ на берегахъ Индѣйскаго океана ѣстъ *riz-au-curry*, пьетъ Бассовъ *pale-ale*, носитъ пробочную каску, читаетъ почти исключительно *англійскую* газету, притомъ, мѣстную, болѣе современную, чѣмъ рѣдкія, поздно приходившія изъ Европы, отечественныя, и онѣ его втягиваютъ въ британскіе обычаи и интересы. Захочется ему прочесть книгу, никакихъ другихъ, кромѣ англійскихъ, онъ не найдетъ, развѣ французскіе романы на Реюньонѣ и въ Пондишери, да голландскія ученныя изданія въ Батавіи. Нужно ему послать депешу — телеграфныя бюро всѣ англійскіе; отправить письмо — въ большинство случаевъ, почта англійская. Встрѣчаетъ онъ случайно иностранца въ европейской одеждѣ, — это не *bonjour monsieur*, что онъ адресуетъ ему, а *good morning, sir!* и на *здравствуйте!* даже на *guten Tag!* есть вся вѣроятность получить въ отвѣтъ: *I do not understand you, sir.* И это вамъ скажетъ не только европеецъ, но и туземецъ, если онъ уже привыкъ къ сношеніямъ съ европейцами: сингалецъ на Цейлонѣ, малаецъ въ Сингапурѣ, негръ въ Занзибарѣ и даже въ Даръ-эсъ-Салаамѣ. Понимаете силу привычки?

«Но индусы, сіамцы, белуджии, арабы, абиссинцы, турки, персіяне, не заговаряютъ же они всѣ, хоть черезъ сто лѣтъ, по-англійски?» Разумѣется,

*) Въмѣсто Кооптоуна, который болѣе тянетъ къ Атлантическому океану. Портъ Елизаветы уже и теперь обогналъ гл. гор. мыса Доброй Надежды оборотами по берегамъ Индѣйскаго океана; онъ — узелъ капскихъ желѣзныхъ дорогъ.

что *всѣ*—нѣтъ. У насъ многіе татары, киргизы, буряты столѣтіями живутъ подъ русскимъ владычествомъ, а по-русски говорить не умѣютъ; только они въ счетъ цивилизованныхъ и распоряжающихся событіями не идутъ, а повинуются либо русскимъ, либо своимъ сородичамъ, говорящимъ по-русски, усвоившимъ русскіе обычаи, даже нравы и, главное, образованіе. То же будетъ и съ большинствомъ туземцевъ, живущихъ по берегамъ Индѣйскаго океана, въ отношеніи къ англичанамъ, самымъ многочисленнымъ и стойкимъ представителямъ европейской цивилизаціи, хотя и не лучшимъ.

М. Венюковъ.

Рабочіе на фабрикахъ и промыслахъ *)

„Дѣятельность какого-либо народа въ санитарномъ отношеніи можно принять вообще за масштабъ для опредѣленія того, насколько этотъ народъ способенъ играть роль въ исторіи культуры“.

Петтенкоферъ.

Разсмотрѣть въ журнальной статьѣ всѣ вредные для здоровья рабочихъ моменты, конечно, невозможно, да это и не составляетъ нашей задачи. Мы желали бы дать только общую картину тяжелыхъ условій фабрично-заводскаго труда, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе или менѣе полное, ясное и вѣрное представленіе о томъ печальномъ существованіи, какое влечитъ русскій, а отчасти также, конечно, и иностранный рабочій. Не нужно думать, что на Западѣ рабочимъ живется особенно хорошо и что ему всегда и вездѣ лучше, чѣмъ русскому рабочему. Тамъ иныя условія, иныя требованія, высшій умственный уровень, другіе нравы и обычаи. Конечно, иной заграничный рабочій, по сравненію съ русскимъ, живетъ много лучше, но въ общемъ условія промышленнаго труда и тамъ очень тяжелы.

Въ числѣ специальныхъ болѣзней, зависящихъ собственно отъ производства, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ болѣзни, обусловливаемыя прониканіемъ въ легкія частичекъ пыли, или металлической (типографы, граверы, слесаря, литейщики, токари, точильщики, кузнецы и т. п.), или минеральной (стекольщики, шлифовщики, каменщики, камнетесы, штукатуры, кирпичники, жерновщики, гончары и пр.), или органической (пекаря, мельники, ткачи, прядильщики, плотники, углекопы, щеточники, шляпники, суконщики, костяники, скорняки и пр.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ являются болѣе или менѣе глубокія разстройства дыхательныхъ путей: сначала появляется раздраженіе слизистой оболочки носа и глотки, а затѣмъ гнойный катарръ бронховъ, легочная эмфизема и чахотка. Менѣе всего страдаютъ отъ пыли углекопы и угольщики, а наиболѣе вредоносное вліяніе оказываетъ кремнистая пыль (шлифовщики стекла, камнетесы и т. п.),—она очень

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

сильно сушить ротъ и предрасполагаетъ къ пьянству, въ свою очередь ускоряющему развитіе чахотки.

Въ особенности сильно страдаютъ отъ металлической пыли точильщики и полировщики игловокъ, булавокъ, ножей, вилокъ и т. п. Заболѣваемость органовъ дыханія достигаетъ при работѣ на сухихъ камняхъ 70—80%.

Отъ минеральной пыли особенно страдаютъ камнетесы, рабочіе стекляннхъ, горшечныхъ, фарфоровыхъ и цементныхъ заводовъ, а также занимающихся выдѣлкой жерновыхъ камней. Изъ болѣзней указываютъ астму, воспаленіе глазъ, мучительный кашель. У гранильщиковъ стекла развивается чахотка и особое воспаленіе десенъ, сопровождающееся разрушеніемъ зубовъ и зловоннымъ дыханіемъ. Явленія эти сходны съ свинцовымъ отравленіемъ (хрусталь часто содержитъ свинецъ). Для огражденія рабочихъ отъ пыли примѣняютъ респираторы и мокрыя губки; но такъ какъ они затрудняютъ дыханіе, то рабочіе, по обыкновенію, совсѣмъ отказываются отъ ихъ употребленія.

Затѣмъ во многихъ производствахъ рабочіе вынуждены дышать вредными парами и газами, причѣмъ въ однихъ случаяхъ происходитъ простое раздраженіе органовъ дыханія, какъ и при вдыханіи пыли, въ другихъ—болѣе или менѣе продолжительное вдыханіе можетъ вызвать отравленіе всего организма.

Воздухъ, которымъ иногда должны дышать рабочіе на фабрикахъ, можетъ содержать вредные для здоровья: хлоръ, соляную кислоту, сѣрнистый, угольный и свѣтильный газы, фтороводородъ, ціанистый водородъ, амміакъ, сѣроводородъ, пары эфира, фосфора, ртути, мышьяка, сѣроуглерода, уксусной кислоты и пр., и пр., и пр.

Весьма также вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ продолжительное пребываніе въ сыромъ и холодномъ воздухѣ, равно какъ и вліяніе чрезмѣрно высокихъ температуръ, въ особенности, когда это сопряжено съ моментами быстрого охлажденія. Тогда очень быстро развиваются простудныя болѣзни, ревматизмы, воспаленія и т. п.

Такой, наприм., сырой холодъ господствуетъ въ бродильныхъ отдѣленіяхъ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ, въ погребяхъ, гдѣ дображивается пиво, и въ солодовняхъ, гдѣ ростиетъ солодъ.

При разливкѣ, наприм., стали въ изложницы на сталелитейныхъ заводахъ, свѣжій человекъ, несмотря на героическія усилія, не въ состояніи подойти къ формѣ съ расплавленнымъ металломъ ближе, какъ на 2 — 3 аршина. А рабочій, въ одной рубахѣ, весь красный, весь облитый потомъ, все время находится у самыхъ изложницъ. На Обуховскомъ сталепушечномъ заводѣ въ Петербургѣ, въ прежнее время, лѣтомъ у изложницъ, въ которыя производится разливка стали, устраивались искусственные бассейны (четыреугольныя глубокія ямы съ водою), гдѣ рабочіе съ наслажденіемъ купались, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться отъ удручающей, невыносимой жары, господствующей около жидкой стали.

На сахарныхъ заводахъ у печей, гдѣ прокачиваютъ подвергаемый

оживленію костяной уголь, также невыносимая жара, и, тѣмъ не менѣе, рабочій подолгу долженъ стоять у печи, наблюдая за ея работой. Очень трудно близко стоять и около пудлинговыхъ печей, гдѣ чугуны перерабатываются въ желѣзо; здѣсь рабочій обязанъ, кромѣ того, часто перемѣшивать расплавленный металлъ тяжелою желѣзною кочергой. Ужасающей жаръ и огромное мышечное напряженіе дѣлаютъ эту работу невыносимо тяжелою.

Въ нѣкоторыхъ производствахъ работа связана съ специфическимъ отравленіемъ. Такова, наприм., фабрикація свинцовыхъ бѣлилъ (въ химіи это — основной углекислый свинецъ). Свинцовое отравленіе является результатомъ вдыханія и проглатыванія тонкой пыли бѣлилъ. Въ докладѣ объ отравленіи рабочихъ свинцомъ, внесенномъ въ англійскій парламентъ лѣтъ 10 тому назадъ, между прочимъ, было указано, что рабочіе такихъ фабрикъ, въ большинствѣ случаевъ, могутъ работать не болѣе 3—4 недѣль въ теченіе полугода; остальное время они лежатъ, изувѣченные, въ больницахъ. Отравленіе выражается слѣпотою, параличомъ ручныхъ и ножныхъ мышцъ, иногда судорожными подергиваніями (девонширскія колики), нерѣдко оканчиваясь смертью. При свинцовомъ отравленіи является характеристическая синяя черта на деснахъ. Женщины страдаютъ особенно сильно (выкидыши, маточныя кровотеченія). Столь же вредно и растираніе свинцовыхъ красокъ. Какъ предохранительное средство, рекомендуется молоко.

За послѣднее время введеніе особыхъ машинъ и аппаратовъ, въ связи съ извѣстными мѣрами предосторожности, въ значительной степени ослабило вредъ этого производства. Теперь на благоустроенныхъ фабрикахъ рабочихъ заставляютъ надѣвать во время работы особую одежду, передъ ѣдой и питьемъ—мыть руки и ополаскивать ротъ, по возможности не глотать слюны во время работы, жажду утолять лимонадомъ съ примѣсью сѣрной кислоты, по временамъ принимать глауберову соль или магнезію; по окончаніи работъ каждый обязанъ переодѣться, вымыть руки, ноги, волосы, лицо, а послѣ нѣкоторыхъ работъ непременно вымыться въ банѣ. Обязательно также пищу принимать не въ мастерской, а въ особой столовой, во время работы подвязывать ко рту и къ носу мокрую губку для задерживанія пыли и производить усиленную вентиляцію. Подобныя же мѣры принимаются на спичечныхъ (приготавливающихъ обыкновенныя сѣрныя спички) и фосфорныхъ фабрикахъ. Эти два производства оказываютъ чрезвычайно вредное вліяніе на рабочихъ. Въ Россіи оно выражается особенно рѣзко, благодаря примитивному устройству самыхъ фабрикъ и усиленной эксплуатаціи на нихъ женскаго и въ особенности дѣтскаго труда. Работая въ атмосферѣ, отравленной парами фосфора и фосфористыхъ соединений, здоровый человѣкъ черезъ 4—5 лѣтъ превращается въ ходячій трупъ съ черными зубами, хроническимъ ревматизмомъ, совершенно разстроенною печенью, желудочнымъ и бронхіальнымъ катарромъ.

Бѣлый фосфоръ, употребляемый для приготовленія зажигательной мас-

сы въ обыкновенныхъ сѣрныхъ спичкахъ, относится къ сильнѣйшимъ ядамъ. Для отравленія достаточно приемъ 10 сантигр. Между явленіями фосфорнаго отравленія особенно рѣзко выступаетъ омертвѣніе челюстей (такъ называемый некрозъ). Являются боли въ челюстяхъ, опухоли и болезненное ощущеніе въ деснахъ и железахъ, затѣмъ образуется нарывъ, выдѣляющій крайне зловонный гной.

На заграничныхъ заводахъ процентъ заболѣваемости, благодаря разнымъ мѣропріятіямъ, значительно сократился, но у насъ пока это дѣло находится все еще въ крайне печальномъ положеніи.

Изъ предохранительныхъ средствъ, кромѣ надлежащей вентиляціи помѣщеній и тщательнаго охраненія фосфора отъ испаренія, самымъ важнымъ является распространеніе по фабригѣ паровъ скипидара. Съ этою цѣлью ставятъ чашки съ нимъ прямо на полу или подвѣшиваютъ на веревкахъ пропитанную имъ бумагу, или прямо носятъ на груди стеклянки со скипидаромъ. Нужно, однако, замѣтить, что вдыханіе большихъ количествъ его также вредно.

На этого рода фабрики выбираютъ люди съ хорошими, здоровыми зубами, такъ какъ они рѣже заболѣваютъ, чѣмъ рабочіе, у которыхъ гнилые, испорченные зубы.

Затѣмъ на фосфорныхъ и спичечныхъ фабрикахъ часто случаются взрывы и пожары, отъ которыхъ также сильно страдаютъ рабочіе.

Радикальнымъ средствомъ избавить рабочихъ отъ фосфорнаго отравленія является замѣна обыкновенныхъ сѣрныхъ спичекъ шведскими, для приготовленія которыхъ бѣлый фосфоръ совсѣмъ не употребляется. Въ шведскихъ спичкахъ фосфоръ входитъ только въ составъ массы, намазываемой на коробку, но и то фосфоръ такъ называемый красный, совершенно неядовитый.

Въ высшей степени вредное вліяніе на рабочихъ оказываютъ заводы металлической ртути и разныхъ ртутныхъ соединеній (сулема, каломеля и проч.), а также зеркальное производство съ подводкою зеркалъ оловянною амальгамой, для приготовленія которой олово растворяютъ въ ртути. Картина ртутнаго отравленія поистинѣ ужасна. На ртутныхъ заводахъ Идрин (Австрія) и Альмадена у рабочихъ наблюдается опуханіе десенъ и выпаденіе зубовъ при ужасающемъ по своему зловонію дыханіи. Къ этому присоединяются нервныя расстройства, бессонница, дрожаніе членовъ (трясучка), стрѣляющія боли въ конечностяхъ, спазмы и параличи мышцъ. При наводкѣ зеркалъ ртутною амальгамой у рабочихъ появляется худосочіе, опухоли шейныхъ и миндалевидныхъ железъ, изъязвленія слизистой оболочки рта и носа, слюнотеченіе. Особенно сильно страдаютъ женщины. Онѣ часто выкидываютъ, а дѣти обыкновенно рождаются хилыми и скоро умираютъ. Результатомъ ртутнаго отравленія нерѣдко является чахотка. Хорошимъ предохранительнымъ средствомъ считается нашатырный спиртъ, которымъ поливаютъ полъ въ мастерскихъ.

Зеркальное производство существуетъ въ Россіи, между прочимъ, какъ

кустарный промыселъ, наприм., въ Московской губерніи, въ уѣздахъ Дмитровскомъ, Блинскомъ и Звенигородскомъ. По описанію земскихъ статистиковъ, рабочіе,—главнымъ образомъ, конечно, наводчики (тѣ, которые наводятъ оловянную амальгаму на стекло),—часто отравляются ртутью, что, прежде всего, обнаруживается трясеніемъ рукъ и головы, столь сильнымъ, что рабочій не въ состояніи принимать пищу самъ, онъ ѣсть и пить изъ чужихъ рукъ или «въ припадку». Нѣкоторые же во время ѣды, чтобъ обойтись безъ посторонней помощи, накладываютъ руку на руку и тѣмъ ослабляютъ трясеніе. Оно обнаруживается уже черезъ недѣлю работы. Тогда наводчикъ идетъ отгуливаться недѣли на 3—4, причемъ отпивается чаемъ, молокомъ, парится въ банѣ. Отгулявшись, онъ опять принимается за работу, опять отравляется и т. д. Особенно сильно страдаютъ отъ этой работы дѣти; всѣ они страшно блѣдны и жалуются на болѣзнь десенъ.

Во время работы наводчики повлзываютъ носъ и ротъ полотенцами и работаютъ гдѣ похолоднѣе. Впрочемъ, часто они вовсе не подвязываются, потому что это «душно и копотко», по ихъ выраженію. Меньше всего страдаютъ отъ этого промысла рабочіе-хозяева мелкихъ мастерскихъ, потому что они имѣютъ возможность работать съ наводкой меньшее время и отгуливаться чаще.

Въ настоящее время на большихъ зеркальныхъ заводахъ этотъ варварскій способъ замѣненъ серебреніемъ (подводка серебромъ).

Бъ числу крайне вредныхъ въ санитарномъ отношеніи производствъ нужно также отнести цинковое, давно уже существующее въ Царствѣ Польскомъ. По описанію д-ра Л. Бертенсона, польскіе заводы устроены крайне примитивно и на нихъ не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ къ огражденію рабочихъ отъ вредныхъ вліяній, причемъ часто не соблюдаются даже самыя элементарныя требованія гигиены. Во время работы въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ какой бы то ни было вентиляціи, они вдыхаютъ пыль и пары цинка, окисъ углерода и разныя другія вредныя вещества, отчего у нихъ нерѣдко бываетъ, отъ остраго отравленія, такъ называемая цинковая лихорадка, по явленіямъ весьма сходная, какъ и лихорадка, которою весьма часто страдаютъ литейщики, съ обыкновенною перемежающеюся лихорадкой. У рабочаго вдругъ появляется летучая боль въ спинѣ и во всемъ тѣлѣ, затѣмъ потрясающій ознобъ, мучительный кашель съ гнетущею болью въ груди и во лбу. Пульсъ до 120 ударовъ. Пароксизмъ продолжается нѣсколько часовъ, больной крѣпко засыпаетъ и послѣ продолжительнаго сна встаетъ уже почти здоровымъ. Черезъ 10—12 лѣтъ является хроническое отравленіе, обнаруживающееся серьезными расстройствами спинного мозга. Рабочіе цинковыхъ заводовъ имѣютъ землисто-грязный цвѣтъ лица и вообще жалкій видъ совершенно истощенныхъ людей.

На цинковомъ заводѣ подъ Бендиномъ, арендуемомъ компаніей гг. Фонъ-Дервиза, Шевцова и Померанцева, не только нѣтъ, по словамъ д-ра Бертенсона, вентиляціи, но нѣтъ даже и обыкновенной вытяжной дымовой трубы. Въ ъраине ветхомъ зданіи завода темно и тѣсно. Работа при та-

ких условіяхъ крайне тяжела даже для привычныхъ рабочихъ, а для свѣжаго человѣка даже кратковременное пребываніе на этомъ заводѣ во время дѣйствія печей — невыносимо *).

Въ химическихъ производствахъ есть много крайне тяжелыхъ работъ. Здѣсь рабочіе страдаютъ отъ вдыханія и проглатыванія ядовитыхъ паровъ и газовъ. Появляются кашель, чиханье, слезы, усиленное отдѣленіе слизи изъ носа и горла. Содержаніе 1—4% кислыхъ паровъ не оказываетъ особенно вреднаго вліянія, но уже при 5—7% являются легочныя болѣзни и расстройства пищеваренія. При еще большемъ содержаніи возможны спазмы дыхательной щели, грозящіе удушеніемъ. При выплавкѣ сѣры, при обжиганіи колчедановъ, развивается масса сѣрнистаго газа (между прочимъ, крайне вреднаго для окрестной растительности), вызывающаго у рабочихъ круженіе и боль въ головѣ, сильный кашель, дрожь, стѣсненіе груди, воспаленіе глазъ и обморокъ. Вдыхать этотъ газъ приходится также при фабрикаціи сѣрной кислоты, при бѣленіи шерсти, шелка, при окуриваніи сѣрою пораженныхъ болѣзнию виноградниковъ и т. п. На нѣкоторыхъ заводахъ сѣрной кислоты, въ помѣщеніяхъ, гдѣ производится ея сгущеніе выпариваніемъ, бываетъ настоящій адъ. Изъ стеклянныхъ колбъ поднимаются густые кислые пары, дѣлающіе дыханіе почти невозможнымъ. Долго оставаться въ нихъ не могутъ даже привычные рабочіе, — они только научаются временно задерживать дыханіе.

Отъ паровъ азотной и азотистой кислоты у рабочихъ развиваются болѣзни дыхательныхъ органовъ. У одного умершаго рабочаго съ химическаго завода, гдѣ онъ работалъ при азотной кислотѣ, при вскрытіи легкія оказались въ желтыхъ пятнахъ и представляли собою какое-то кислое желе.

Вдыханіе кислыхъ паровъ (наприм., около сульфатныхъ печей) быстро портитъ зубы. У рабочихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы они оказываются какъ будто подпиленными.

Чрезвычайно опасны работы съ такъ называемымъ сѣроуглеродомъ. При фабрикаціи каучуковыхъ издѣлій его употребляютъ для растворенія каучука. Вулканизированіе состоитъ въ томъ, что каучукъ опускается въ смѣсь сѣроуглерода и хлористой сѣры и держится въ теплой камерѣ до тѣхъ поръ, пока сѣроуглеродъ испарится. Это — зловонная, огнеопасная, сильно летучая жидкость; вдыханіе ея паровъ парализуетъ нервную систему. Симптомы таковы, что сначала появляется сильная головная боль и головокруженіе, затѣмъ боли въ конечностяхъ, судороги, звонъ въ ушахъ, сердцебиеніе, рвота, тошнота, послѣ чего слѣдуетъ общее угнетеніе, упадокъ духа, слабость и, наконецъ, параличъ. Кромѣ того, при работахъ съ сѣроуглеродомъ всегда есть большая опасность взрыва и пожара, такъ какъ пары этой жидкости образуютъ съ воздухомъ гремучія смѣси.

Въ производствахъ, гдѣ имѣютъ дѣло съ хлорнымъ газомъ (отбѣльня

*) Л. Бертенсонъ: „Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго“. *Горный Журналъ* 1893 г., октябрь—ноябрь.

и писчебумажныя фабрики, а также заводы, занимающіеся приготовленіемъ бѣлизны (известня), при вдыханіи большихъ его количествъ, по словамъ Гирта, извѣстнаго знатока промышленной гигиены, у рабочихъ является жестокой приступъ кашля, одышка, холодный потъ, пульсъ замедляется, лицо синѣетъ, въ острыхъ случаяхъ происходитъ потеря сознанія. При продолжительномъ пребываніи въ отравленной хлоромъ атмосферѣ являются признаки преждевременной старости. Заводскія администраціи часто бываютъ вынуждены отпускать рабочихъ въ деревню на поправку. Вообще заболѣваемость среди рабочихъ этой категоріи очень велика (происходятъ глубокія измѣненія въ легочной ткани, крупозныя пневмоніи).

Производство хлорной извести (у насъ пока не существующее) принадлежитъ къ числу весьма вредныхъ. На одной изъ англійскихъ фабрикъ въ Глазго Гиртъ наблюдалъ рабочихъ въ густыхъ непроницаемыхъ облакахъ известковой пыли въ атмосферѣ, столь богатой хлоромъ, что непривычный человѣкъ, войдя въ мастерскую, сразу поражается такимъ удушливымъ кашлемъ, отъ котораго въ теченіе нѣсколькихъ часовъ остается шекотаніе въ горлѣ и стѣсненіе въ груди.

При фабрикаціи двухромокислаго калия особенно страдаетъ слизистая оболочка носа. Иногда уже послѣ 2-хъ недѣльной работы происходитъ продравленіе носовой перегородки. На ссадинахъ и вообще на мѣстахъ, лишенныхъ кожи, быстро происходятъ трудно заживляющіяся язвы.

На селитряныхъ заводахъ рабочіе страдаютъ, вслѣдствіе поглощенія селитряной пыли дыхательными и пищеварительными путями, ознобомъ, общою слабостью, тошнотой, рвотой, кишечными болями, сердцебіеніями и т. п.

На химическихъ заводахъ, наприм., при упариваніи растворовъ въ совершенно открытыхъ котлахъ бываютъ такіе случаи, что рабочій, поскользнувшись, падаетъ въ котель и... вмѣсто какого-нибудь раствора селитры, экспромтомъ получается супъ изъ живого человѣка. Устранить подобныя случайности очень легко: для этого нужно только поставить на котлѣ крышку.

На механическихъ заводахъ чаще всего страдаютъ котельщики и клепальщики. Отъ постоянного грохота при вбиваніи заклепокъ они глохнутъ, а осколками имъ нерѣдко ранить глаза.

Для предохраненія глазъ въ этомъ и подобныхъ этому случаяхъ существуютъ особыя очки, съ толстыми стеклами, но рабочіе почти ими не пользуются, несмотря на настоянія ближайшаго начальства. Для извлеченія осколковъ могутъ служить магниты. Существующія для забиванія заклепокъ спеціальныя машины до сихъ поръ не употребляются въ Россіи потому, что онѣ представляютъ меньше выгоды, чѣмъ ручная клѣпка.

На сахарныхъ заводахъ рабочіе подвергаются разнообразнымъ ожогамъ щелочнымъ сокомъ, вареною патокой, горячею известью, а чаще всего отъ повсемѣстно на заводѣ примѣняемаго пара съ температурою 134—140° Ц. Затѣмъ уже слѣдуютъ разнаго рода травматическія поврежденія, случаи удушенія вредными газами и, наконецъ, взрывы грему-

чихъ смѣсей въ сатураціонныхъ и выпарныхъ котлахъ. Такъ, наприм., на одномъ изъ сахарныхъ заводовъ *) двое рабочихъ спустились чистить котель вышиною болѣе 2 саж. въ то время, когда сосѣдніе котлы, по обыкновенію, работали; благодаря небрежности администраціи и полному отсутствію контроля, горячій сокъ перебросило изъ работавшаго выпарнаго котла въ тотъ, который чистился, и, разумѣется, сварило заживо обоихъ. Особенно часты ожоги рабочихъ около фильтр-прессовъ, при ихъ разгрузкѣ и очисткѣ, а также около сокоподъемниковъ (монтежу). На другомъ сахарномъ заводѣ такіе ожоги повторялись столь часто, что вызвали даже среди рабочихъ почти паническій страхъ. Пошли слухи о нечистомъ мѣстѣ, о связи механика съ нечистою силой и т. п.; рабочіе стали даже отказываться работать около фильтр-прессовъ. Только усиленнымъ угощеніемъ водкой удалось разсѣять этотъ страхъ и заставить рабочихъ дѣлать свое дѣло, не боясь, что вдругъ опять кого-нибудь сваритъ.

При чисткѣ выпарныхъ котловъ отъ накипи съ помощью соляной кислоты бывають взрывы, когда рабочій съ лампой вздумаетъ осматривать котель внутри въ то время, когда еще процессъ не окончился и внутри котла могутъ образоваться гремучія смѣси.

Изъ машинъ на сахарныхъ заводахъ особенно опасными являются центрофуги. Ихъ иногда разрываетъ или ломается ось, когда, наприм., попадетъ какой-нибудь тяжелый предметъ. Вслѣдствіе ихъ огромной скорости (1,000—1,100 обор. въ минуту), всякое прикосновеніе къ нимъ уже опасно, а рабочіе сплошь и рядомъ тормазятъ эту машину прямо своими собственными ногами и руками.

Въ паточномъ отдѣленіи все облѣплено патокой и вездѣ такъ скользко, что рабочій, поскользнувшись, легко можетъ попасть въ чанъ съ горячею патокой. Рабочіе попадаютъ иногда и въ ямы съ гасящеюся известью, обыкновенно расположенныя на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ навѣсовъ и рѣшетокъ. Эти случаи всегда оканчиваются или смертью, или весьма тяжелымъ увѣчьяемъ.

Огромную опасность для жизни рабочихъ представляютъ производство взрывчатыхъ веществъ и вообще всякія промышленныя работы, при которыхъ возможны разрушительные взрывы, какіе бывають, наприм., на пороховыхъ и динамитныхъ заводахъ, въ каменноугольныхъ копяхъ, на мельницахъ и т. п. Взрывы мучной пыли на современныхъ паровыхъ мельницахъ, по своей силѣ и разрушительному дѣйствию, не уступаютъ взрывамъ пороха. Въ 1872 г. взрывомъ уничтожило мельницу въ Глазго, другую (Фиттонъ, въ Англій) въ 1881 г. разрушило до основанія. Въ настоящее время примѣняются особые приборы для улавливанія мучной пыли, что не только способствуетъ безопасности, но увеличиваетъ и выходъ муки. Затѣмъ, на мельницахъ необходимо, конечно, избѣгать открытаго огня и искръ

*) *Васильевъ*: „Несчастные случаи на сахарныхъ заводахъ“. *Технической Сборникъ и Вѣстникъ Промышленности*.

(появляющихся, наприм., въ томъ случаѣ, когда попадаютъ между жерновами какіе-нибудь желѣзные или стальные предметы). Во избѣжаніе взрывовъ и пожаровъ употребляютъ или электрическое освѣщеніе, или особыя предохранительныя лампы, вродѣ тѣхъ, какія примѣняются въ каменноугольныхъ шахтахъ.

Опасность взрывовъ особенно велика на заводахъ, изготовляющихъ взрывчатые вещества (порохъ, динамитъ, гремучая ртуть и т. п.).

Время отъ времени на пороховыхъ заводахъ взрывы производятъ ужасающія опустошенія, несмотря на самыя строгія мѣры предосторожности. Причины этихъ несчастій обыкновенно остаются невыясненными, такъ какъ виновники первые становятся жертвами взрыва. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ всегда приходится предполагать, что катастрофа произошла отъ неосторожности, отъ небрежности.

Въ Англии, гдѣ строго проведены всѣ мѣры предосторожности и гдѣ рабочіе вполнѣ надежныя люди, на правительственномъ пороховомъ заводѣ за 40 лѣтъ не было ни одного убитаго.

Въ настоящее время за границей даже производство динамита организовано довольно безопасно. Особенно тяжелы условія труда фабрикаціи гремучей ртути, потому что здѣсь рабочіе, помимо опасности взрыва, должны вдыхать ядовитыя пары и пыль, содержащія ртуть.

Взрывы на всѣхъ подобныхъ заводахъ вызываются пламенемъ, искрой, нагрѣваніемъ, ударомъ, треніемъ и потому ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ работъ необходимо относиться съ величайшимъ вниманіемъ и пунктуальною осторожностью.

Если таковы условія работы въ большихъ, сравнительно благоустроенныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, то легко можно себѣ представить обстановку труда на мелкихъ заводахъ и фабрикахъ.

Мы живо помнимъ, напримѣръ, такую сцену изъ давняго прошлаго. У самага входа на конвертную фабрику (въ Москвѣ) въ помѣщеніи съ землянымъ поломъ на грудѣ мусора, собираемаго старьевщиками по дворамъ, сидѣли женщины и выбирали то, что пригодно для выдѣлки бумаги.

Въ помѣщеніи стояла такая пыль, что свѣжій человекъ не могъ войти туда, а работницы были совсѣмъ скрыты въ облакахъ окутавшей ихъ пыли.

Въ сферѣ фабрично-заводской промышленности есть много производствъ, крайне вредныхъ для здоровья, но не угрожающихъ ни специфическими отравами, ни катастрофами вродѣ взрывовъ, ожоговъ и т. п. Сюда нужно отнести такъ называемыя волокнистыя производства (прядильныя и ткацкія фабрики по обработкѣ хлопка, шерсти, льна, шелка), занимающія миллионы рабочихъ рукъ.

Въ этихъ производствахъ тяжелыя гигиеническія условія жизни имѣютъ своимъ послѣдствіемъ постепенное вырожденіе фабричнаго рабочаго. Вліяніе работы на ростъ и развитіе человѣческаго организма вообще нужно считать вполнѣ доказаннымъ. Чѣмъ хуже обстановка труда, чѣмъ тяжелѣе условія работы, тѣмъ сильнѣе задерживается ростъ. На фабрикахъ Мо-

сковской губерніи многократно было наблюдаемо, что ростъ, окружность груди и вѣсъ тѣла рабочаго (въ килограммахъ на 1 метръ роста) всегда меньше у рабочихъ, занимающихся обработкой волокнистыхъ веществъ, тѣмъ у рабочихъ по другимъ фабрично-заводскимъ производствамъ. Безъ сомнѣнія, главное вліяніе на ростъ имѣютъ расовыя особенности, но, тѣмъ не менѣе, и вліяніе работы выражается весьма рельефно при тщательномъ и строгомъ наблюденіи. Рабочіе по волокнистымъ производствамъ болѣе слабосильны, какъ показали измѣренія ихъ мышечной силы посредствомъ динамометровъ, они скорѣе и сильнѣе начинаютъ убывать въ вѣсъ и у нихъ раньше начинаютъ обнаруживаться разныя старческія измѣненія въ тѣлѣ (у нашихъ фабричныхъ рабочихъ уже съ 40-ка лѣтняго возраста).

Въ чемъ же нужно искать причину столь вреднаго вліянія волокнистыхъ производствъ на здоровье рабочихъ? На фабрикахъ Московской губерніи (въ уѣздахъ Коломенскомъ, Бронницкомъ и Серпуховскомъ), описанныхъ г. Дементьевымъ, нѣтъ никакой особенной разницы въ напряженіи работы, въ величинѣ заработной платы и въ условіяхъ жизни рабочаго. Очевидно, что здѣсь выражается вліяніе специальныхъ особенностей производства.

Волокнистая пыль хлопка, шерсти, шелка уже сама по себѣ способна вызывать катарръ соединительной оболочки глазъ и дыхательныхъ органовъ. Вотъ почему среди этого рода рабочихъ такъ часто встрѣчаются легочныя болѣзни и чахотка. Но вредное вліяніе пыльного воздуха, имѣющее мѣсто и въ другихъ производствахъ, отступаетъ на второй планъ въ прядильно-ткацкихъ производствахъ, гдѣ болѣе важную роль играютъ совсѣмъ другіе факторы. Прядильщики страдаютъ, главнымъ образомъ, отъ утомительнаго однообразія работы въ нагрѣтомъ, сильно увлажненномъ и, конечно, помимо всего, испорченномъ воздухѣ. На первый взглядъ ихъ работа кажется наилучше обставленною по сравненію съ работами въ другихъ мастерскихъ. На ихъ обязанности—только наблюденіе и уходъ за прядильными машинами. Просторныя, свѣтлыя залы, занятая селъфакторами (такъ называются механическія прядильныя машины, исполняющія всѣ работы пряденія автоматически, почти безъ участія рабочаго), даютъ на долю рабочаго отъ 8—20 куб. саж. воздуха, и это количество никогда почти не бываетъ менѣе 5 куб. саж. У каждой пары машинъ всего 5—6 человѣкъ рабочихъ (прядильщикъ, присучальщикъ и ставильщикъ). Ихъ мышечный трудъ совершенно ничтоженъ, но отъ нихъ требуется неустанное вниманіе, сопряженное съ неослабнымъ напряженіемъ всей нервной системы. Воздухъ въ прядильняхъ всегда испорченный, необходимо влажный и теплый (выше 28°) для успѣшнаго пряденія. Помѣщаясь въ самыхъ верхнихъ этажахъ фабрики, прядильни, при сквозныхъ сообщеніяхъ между этажами, получаютъ крайне испорченный воздухъ нижнихъ мастерскихъ, всегда переполненныхъ рабочими. Заботъ о надлежащей вентиляціи, по обыкновенію, не прилагается и постоянная работа въ закрытыхъ помѣщеніяхъ съ до крайности испорченнымъ воздухомъ, вредъ котораго усугубляется чрезмѣрною влажностью, высокою температурой и частицами носящейся въ немъ пы-

ли, роковымъ образомъ ведетъ рабочихъ къ разслабленію, истощенію и полной растратѣ здоровья. Кто бывалъ на прядильныхъ фабрикахъ, кто видѣлъ тамъ рабочихъ при исполненіи ими своей тяжелой работы,—тотъ хорошо знаетъ, что все это вполне справедливо.

Прядильщики, обыкновенно, имѣютъ видъ болѣзненныхъ, истощенныхъ людей. Землистый, зеленовато-желтый цвѣтъ лица, обычная худоба, усталые, полусонные, ничего не выражающіе мутные глаза, вялыя движенія, дряблая кожа, дѣтскія мышцы, полная апатія, глухое безучастіе ко всему—вотъ типическія черты рабочихъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Если мы примемъ во вниманіе ихъ сравнительно высокой зароботокъ (около 20 руб.) въ мѣсяцъ, то вредное вліяніе работы прядильщиковъ будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. На тѣхъ же прядильныхъ фабрикахъ простые чернорабочіе, получая въ среднемъ всего около 11 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, пользуются несравненно лучшимъ здоровьемъ, хотя условія ихъ труда, по сравненію съ прядильщиками, кажутся болѣе тяжелыми. Подвергаясь всевозможнымъ измѣненіямъ погоды и неся весьма тяжелый и грязный трудъ, чернорабочіе пользуются за то всѣми незамѣтными выгодами чистаго воздуха. Большую часть дня они остаются на открытомъ воздухѣ и только по временамъ работаютъ въ сараяхъ, кладовыхъ, магазинахъ и т. п., гдѣ, все-таки, воздухъ значительно чище, чѣмъ въ фабричныхъ мастерскихъ.

Вопросъ о кубическомъ содержаніи воздуха въ фабричныхъ помѣщеніяхъ,—другими словами, вопросъ о порчѣ воздуха легочнымъ и кожнымъ дыханіемъ и о возобновленіи его помощью искусственной вентиляціи,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступаетъ на второй планъ, когда, напримѣръ, рабочія помѣщенія имѣютъ видъ отдѣльныхъ небольшихъ домиковъ съ малымъ числомъ рабочихъ или просто видъ полураскрытыхъ сараевъ. Наконецъ, есть такія производства, гдѣ рабочіе часто переходятъ изъ одного помѣщенія въ другое и подолгу должны оставаться на чистомъ воздухѣ.

На мелкихъ, сравнительно бѣдныхъ фабрикахъ условія жизни рабочаго иногда не хуже, а даже лучше, чѣмъ на крупныхъ. На такихъ мелкихъ фабрикахъ, при небольшомъ числѣ рабочихъ, мастерскія, часто помѣщающіяся въ отдѣльныхъ небольшихъ домикахъ, все-таки, до извѣстной степени провѣтриваются черезъ окна, двери и стѣны въ теченіе ночи, когда работъ не производится. На крупныхъ фабрикахъ рабочій неотлучно остается у машины по 12—13 час. вряду и дышетъ все время испорченнымъ воздухомъ. Наступило время новой смѣны, пришли новые рабочіе, и опять завѣяла работа въ томъ же отравленномъ воздухѣ, безъ всякаго предварительнаго провѣтриванія. И такъ всегда, изо-дня въ день.

Такимъ образомъ сотни тысячъ рабочихъ, занятыхъ обработкою волокнистыхъ веществъ, преждевременно гибнутъ отъ работъ въ замкнутыхъ пространствахъ съ испорченнымъ воздухомъ, чрезмѣрно нагрѣтымъ и влажнымъ. Они медленно отравляются незамѣтно для самихъ себя этимъ безболѣзненнымъ, но ужаснымъ ядомъ. Но не это одно обуславливаетъ вредо-

ность прядильно-ткацких производствъ. Подобныя условія встрѣчаются и на разныхъ другихъ фабрикахъ, писчебумажныхъ, сахарныхъ и т. п.

Здѣсь наиболѣе губительное дѣйствіе на здоровье рабочихъ оказываетъ удручающій автоматизмъ работы, почти полное отсутствіе мышечнаго труда. Стоящій у своей машины прядильщикъ совершенно лишень всякой воли, всякой свободы движеній: это—такой же механизмъ, какъ сама машина, это автоматъ, непрерывно продѣлывающій самыя простыя манипуляціи, не требующія ни мышечной силы, ни работы ума, быстро утомляющія и безъ того истощенный организмъ своимъ отупляющимъ однообразіемъ; мышцы постепенно истощаются, атрофируются.

Правильно поставленный мышечный трудъ повышаетъ энергію, укрѣпляетъ тѣло, отсутствіе же его нарушаетъ правильныя отправленія нервной системы и мышцъ и ведетъ неизбежно, хотя медленно и часто почти незамѣтно, къ разрушенію здоровья. Всякое движеніе, всякое мышечное сокращеніе влечетъ за собой ускореніе кровообращенія не только въ сокращающихся мышцахъ, но и во всемъ тѣлѣ, что въ свою очередь обусловливаетъ лучшее питаніе тканей тѣла, усиленную энергію всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Усиленное кровообращеніе въ легкихъ влечетъ за собой болѣе энергическое дыханіе, болѣе полный и сильный обмѣнъ веществъ.

При указанномъ недостаткѣ мышечныхъ движеній у рабочихъ прядильно-ткацкихъ мануфактуръ всѣ жизненные процессы ослаблены. Вредно отражается и вынужденное стоячее или сидячее положеніе. Ткачи, напримѣръ, сидя у своихъ станковъ, упираются грудью о навои и стѣсняють этимъ дыхательныя движенія, что весьма располагаетъ къ чахоткѣ.

Невыносимый стукъ станковъ, позволяющій говорить только на ухо, ведетъ ткачей къ глухотѣ.

Какое огромное значеніе имѣютъ болѣе благоприятныя условія труда въ одномъ и томъ же производствѣ, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Ткачи на ручныхъ ткацкихъ станахъ и на механическихъ (самоткацкихъ) рѣзко различаются по своему физическому складу въ отношеніи мышечной силы и здоровья.

Выполняя одну и ту же работу, они рѣзко различаются въ своей организаціи. У ручныхъ ткачей д-ръ Дементьевъ наблюдалъ и большій вѣсъ тѣла, и большую окружность груди, несмотря на то, что они, также какъ и самоткачи, работаютъ по 12—13 часовъ на ткацкомъ станкѣ. Разница только въ томъ, что ручные ткачи работаютъ мышцами, перекидывая челнокъ, и работаютъ свободно, располагая свою работу, какъ имъ угодно, по своему произволу. Если ткачъ усталъ, онъ можетъ остановить работу и, отдохнувъ, приняться за нее съ удвоенною энергіей, когда онъ пожелаетъ. Затѣмъ ручные ткачи, въ большинствѣ случаевъ, на лѣто уходятъ домой, въ деревню, гдѣ занимаются полевыми работами около полугода (обыкновенно съ Пасхи до октября). Совсѣмъ иную картину представляетъ работа на самоткацкихъ станкахъ. Здѣсь всю работу ткачества выполняетъ

сама машина, ткаць только наблюдатель—автоматъ; время отъ времени онъ слегка повернется къ автоматически остановившемуся станку, поправить, что нужно, присучить порвавшуюся нитку и опять сидитъ и смотритъ. Онъ—рабъ машины и она жестоко наказываетъ его за всякое ослабленіе до крайности напряженнаго вниманія, обыкновенно испорченнымъ кускомъ (бракъ), уменьшеніемъ выработки, а нерѣдко и увѣчьемъ.

Какъ велико благотворное вліяніе деревни, полевыхъ крестьянскихъ работъ на истощенный организмъ фабричнаго рабочаго, лучше всего видно на примѣрѣ рогожниковъ. Мы увидимъ далѣе, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они живутъ и работаютъ на фабрикахъ Московской губерніи. При крайне тяжеломъ и продолжительномъ трудѣ въ теченіе зимняго времени, при весьма низкой заработной платѣ, плохомъ питаніи и невозможномъ жильѣ, они здоровѣе и сильнѣе физически, чѣмъ самоткачи. И это только благодаря тяжелому мышечному труду на примитивныхъ рогожеткацкихъ станахъ, а въ теченіе полугода (а иногда и болѣе) въ полѣ или просто на земляныхъ работахъ. Здѣсь восстанавливаются всѣ потери организма за зимнюю работой и приобретається новый запасъ силъ. Къ сожалѣнію, этимъ благотворнымъ, освѣжающимъ вліяніемъ деревни пользуется лишь незначительное меньшинство рабочихъ. Самоткачи же, въ большинствѣ случаевъ, никогда не покидаютъ фабрикъ, работая на нихъ круглый годъ. На полевая работы они уходятъ рѣдко и не надолго.

И такъ, мы подошли къ общему выводу относительно вліянія большихъ работающихъ механической силой прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ на здоровье рабочихъ. Эти худые, блѣдные, истощенные автоматы при машинахъ быстро изнашиваются, благодаря крайне тяжелымъ и совершенно антигигиеническимъ условіямъ своего труда. Живя и работая въ отравленномъ воздухѣ, большею частью въ двѣ смѣны, день и ночь, они никогда не имѣютъ возможности выспаться и отдохнуть, жизнь ведутъ совершенно неправильную и, за отсутствіемъ мышечнаго труда, функции дыханія и пищеваренія у нихъ неизбѣжно понижены. Всѣ эти условія задерживаютъ развитіе тѣла уже съ дѣтскаго возраста, что въ особенности замѣтно у слабыхъ субъектовъ (женщинъ, дѣтей, которыхъ такъ много на этого рода фабрикахъ). Рабочіе по волокнистымъ производствамъ отличаются поэтому малымъ ростомъ и вѣсомъ тѣла, плохо развитою грудью и слабыми мышцами. Они скоро старѣются, у нихъ рѣзко проявляется старческое искривленіе позвоночника, понижающее ростъ, быстро убываетъ вѣсъ тѣла и падаетъ мышечная сила. Всѣ эти условія повышаютъ склонность къ разнаго рода заболѣваніямъ, а въ концѣ-концовъ, конечно, и смертность. На разныхъ другихъ фабрикахъ вредныя вліянія производства выражены не столь рѣзко, за исключеніемъ нѣсколькихъ группъ фабрикъ и заводовъ, рабъ ты которыхъ отличаются особенною, такъ сказать, исключительною вредоносностью. Но о нихъ мы уже говорили выше.

На фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, мы встрѣчаемъ преобладаніе молодыхъ, свѣжихъ силъ. Здѣсь масса дѣтей, парней, дѣвицъ,

сравнительно молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Работа легкая, не требующая почти мышечнаго напряженія. Рабочихъ въ 40 и болѣе лѣтъ сравнительно очень мало (на фабрикахъ Московской губ., изслѣдованныхъ г. Дементьевымъ, свыше 40 лѣтъ — около 9%, а старѣе 58 лѣтъ почти не встрѣчается). Приближаясь къ 40-ка лѣтнему возрасту, рабочей прядильной или ткацкой фабрики съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе хирѣтъ, являются зловѣщіе признаки преждевременнаго истощенія, изнашиванія организма, — однимъ словомъ, старость, и рабочей, какъ старая, заносенная тряпка, выбрасывается съ фабрики за полную непригодностью къ какому бы то ни было труду. Куда же дѣваются эти заслуженные инвалиды? — они уходятъ на родину «умирать». Это единственное ихъ утѣшеніе — умереть не на посылной фабрикъ, а дома, среди родныхъ полей и лѣсовъ, между родными, или хотя бы просто земляками. Пусть у него нѣтъ въ деревнѣ никого, кромѣ какого-нибудь свата, кума, зятя; пусть онъ знаетъ о ея существованіи только по наслышкѣ или изъ своего паспорта, а, все-таки, неудержимо рвется искалѣченный фабрикой инвалидъ на милую родину. Почти всѣ они кончаютъ чахоткой. Но у этихъ преждевременно сходящихъ въ могилу остается поколѣніе, роковымъ образомъ идущее тѣмъ же путемъ и туда же, съ тою только разницей, что, явившись отъ истощенныхъ и ослабленныхъ родителей, оно должно еще скорѣе достигнуть печальнаго конца. И такъ мало-по-малу идетъ рѣзко выраженное вымирание, такъ называемое вырожденіе. Чѣмъ хуже условія труда, тѣмъ относительно меньше рабочихъ встрѣчается выше сорокалѣтняго возраста и наоборотъ.

Въ другихъ, менѣе тяжелыхъ производствахъ, при рѣзкомъ проявленіи истощенія и ослабленія рабочаго, его переводятъ на другую, болѣе легкую работу. На прядильно-ткацкихъ фабрикахъ это явленіе встрѣчается рѣдко. Чѣмъ тяжелѣе мышечный трудъ въ какомъ-либо производствѣ, тѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ рабочихъ свыше сорокалѣтняго возраста. Среди сверлильщиковъ, токарей и т. п. ихъ меньше, чѣмъ среди слесарей и кузнецовъ, среди ручныхъ ткачей больше, чѣмъ самоткачей, между ручными сукно-ткачами больше, чѣмъ между ручными бумаго-ткачами (при тканьи сукна мало пыли и больше мышечнаго напряженія). Замѣчено, что при производствахъ, обрабатывающихъ неволокнистыя вещества, рабочіе живутъ много дольше и еще сравнительно бодрыми стариками переходятъ на другія, болѣе легкія работы (наприм., въ сторожа и т. п.).

На вырожденіе рабочаго населенія имѣетъ огромное вліяніе ослабленіе производительной способности женщинъ, вслѣдствіе порождаемыхъ фабричною работою разстройствъ женской половой сферы. Среди фабричныхъ женщинъ особенно часто встрѣчаются маточныя болѣзни, преимущественно искривленіе и выпаденіе матки *). Гиртъ говоритъ, что при беременности, а еще болѣе въ послѣродовомъ періодѣ, при общемъ расслабленіи маточныхъ связокъ, подъ вліяніемъ вредныхъ условій работы, мало-по-малу является полная ужаса и страданія картина выпаденія матки.

*) Hirt: „Die Arbeiterkrankheiten“

Во всякомъ случаѣ, работа беременнымъ или только что родившимъ женщинамъ должна быть безусловно воспрещена, какъ это уже и намѣчено фабричнымъ законодательствомъ. Интересенъ добрый починъ въ этомъ дѣлѣ одной нѣмецкой фабрики, сдѣланный лѣтъ 10 тому назадъ на маленькой игольной фабрикѣ фирмы «Стефанъ Бейсель вдова и сынъ» въ Аахенѣ. Рабочимъ было объявлено, что «беременные женщины должны прекращать работу за 4 недѣли до разрѣшенія отъ беременности, причеиъ гг. Бейсель уплачиваютъ имъ отъ себя за это время полную заработную плату изъ собственныхъ суммъ» *).

Что бы стоило гг. фабрикантамъ послѣдовать этому доброму почину добрыхъ нѣмцевъ? На фабрикахъ московскаго округа уже кое-что сдѣлано въ этомъ отношеніи. Беременные женщины оставляютъ работу недѣли за двѣ до родовъ. За весь этотъ невольный прогулъ онѣ могутъ получить вознагражденіе изъ такъ называемаго штрафнаго капитала.

Работа малолѣтнихъ уже воспрещена до извѣстнаго возраста и по ночамъ. Конечно, дѣтскій и даже женскій организмъ менѣе можетъ сопротивляться пагубнымъ вліяніямъ фабричной работы, а потому здѣсь требуетъ и болѣе заботливое попеченіе.

Потомки кореннаго фабричнаго населенія (вотчинныя, посессіонныя, кабалныя фабрики), происходя на свѣтъ отъ истощенныхъ и ослабленныхъ родителей, со дня рожденія уже носятъ въ своей груди зачатки болѣзненности и преждевременной смерти. На обязанности фабрикантовъ лежитъ дать возможность дѣтямъ фабричныхъ вырасти здоровыми и сильными. Имъ нужно дать, при легкой сравнительно работѣ, хорошее питаніе, игры, гимнастическія упражненія на чистомъ воздухѣ, обучать ихъ пѣнію и пр. (о школахъ мы не говоримъ, такъ какъ само собою разумѣется, что школы обязательны). До сихъ поръ мы говорили о жизни фабрично-заводскихъ рабочихъ, занятыхъ обрабатывающею промышленностью. Обратимся теперь къ рабочимъ добывающей промышленности, такъ называемымъ горнорабочимъ.

Объ ужасной жизни рабочихъ на золотыхъ прискахъ существуетъ обширная литература. Бытъ присковыхъ рабочихъ описывался много разъ даже въ разныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Одинъ изъ очевидцевъ рассказываетъ о присковой жизни **), что тамъ люди совершенно потеряли всякія понятія о какой-либо нравственности. Въ тайгѣ нѣтъ никакой религіи, нѣтъ брака, нѣтъ церковнаго погребенія. «Какъ собакъ погребаютъ», — говорятъ таежныя рабочіе. При полномъ смѣшеніи племенъ, нарѣчій, состояній, у нихъ есть одно общее влеченіе, единственная отрада — спиртъ. Пьянство есть обычное, такъ сказать, узаконенное явленіе въ тайгѣ. Презрѣніе къ жизни полное. Они въ своихъ собственныхъ глазахъ люди совсѣмъ пропащіе. Г. Уманьскій рассказываетъ, что когда однажды, при

*) А. Положевъ: «Итоги фабричной инспекціи въ Германіи». *Вѣстникъ Промышленности* 1884 г., ноябрь.

***) Уманьскій: «Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ». 1888 г., стр. 157—158.

передвиженіи машинной бочки, какой-то рабочій замѣтилъ, «какъ бы народъ не задавилъ», другой спокойно отвѣчалъ ему на это: «Какой народъ?—тутъ народу нѣту, все прискатели: насъ и задавить-то не жалко». Женщины въ тайгѣ достигли уже самыхъ послѣднихъ ступеней паденія.

Тяжелый трудъ съ 3 час. утра часто до 10 среди постоянной сырости, въ полутемныхъ ортахъ (горизонтальные ходы въ землѣ, помощью которыхъ золотоносный песокъ извлекаютъ на поверхность для промывки золота), едва освѣщенныхъ сальными свѣчами,—не изъ легкихъ. Широко практикуемое тѣлесное наказаніе и содержаніе рабочихъ въ страхѣ, насколько имъ доступно это чувство, позволяютъ держать въ повиновеніи эту дикую, пьяную толпу. Протесты ея выражаются иногда открытыми бунтами, а чаще всего побѣгами. Убійства сравнительно рѣдки.

Условія жизни, а въ особенности работы, крайне тяжелы. Блѣдные, изнуренные, въ лохмотьяхъ, присковые рабочіе имѣютъ видъ нищихъ. Въ спертomъ воздухѣ ортъ, гдѣ они вынуждены работать по 18 и болѣе часовъ, едва могутъ горѣть свѣчи, а у свѣжаго человѣка дѣлается головокруженіе. Часто рабочіе гибнутъ при обвалахъ золотоносной земли. Болѣзненность между ними очень велика, но смертность ниже, чѣмъ можно бы предполагать по условіямъ ихъ жизни и работы. Эпидемическія болѣзни здѣсь неизвѣстны. Чаще всего болѣютъ цингой (тайга даетъ прекрасное отъ нея средство въ дикомъ чеснокѣ и черемшѣ), ревматизмомъ и желудочными расстройствами. Лечить, по обыкновенію, полуграмотный фельдшеръ.

По мнѣнію многихъ наблюдателей, тайга съ ея развращенными нравами—гангрена на общественномъ тѣлѣ Сибири. Темныя стороны присковой жизни все болѣе и болѣе возбуждаютъ негодованіе въ сибирскомъ обществѣ и въ немъ, безъ сомнѣнія, найдутся гуманые и просвѣщенные дѣятели, чтобъ измѣнить эту вольную каторгу въ здоровый человѣческій трудъ. Починъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ.

В. И. Семейскій недавно сообщилъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, что извѣстный промышленникъ И. И. Сибиряковъ пожертвовалъ 420,000 р. на улучшение быта рабочихъ на золотыхъ приискахъ въ Витимскомъ и Олекминскомъ округахъ Якутской области. Будемъ надѣяться, что гг. золотопромышленники послѣдуютъ этому доброму примѣру.

Правительство также озабочено регламентаціей горнозаводскаго труда. Относящіяся къ этому законы и правила уже выработаны и въ скоромъ времени будутъ введены на приискахъ, въ копяхъ и рудникахъ.

Но если бываютъ ужасны работы на земной поверхности, при свѣтѣ солнца и электрическихъ лампъ, въ хотя испорченномъ, но, все-таки, атмосферномъ воздухѣ, то что можно сказать, какими красками обрисовать тяжелую трудовую жизнь въ мрачныхъ и тѣсныхъ угольныхъ подземельяхъ, при слабо мерцающихъ огонькахъ рудничныхъ лампъ, въ атмосферѣ болотнаго газа, среди вѣчной сырости и духоты, подъ постояннымъ опасеніемъ быть заживо погребеннымъ? Иногда сверху шахты льетъ вода. Обладая

ѣдкими свойствами, она сильно разъѣдаетъ голыя ноги. Часто отъ невыносимой жары приходится работать голыми. Иногда же въ шахтѣ столь сухо, что трескаются губы, томить страшная жажда и болить грудь. Поражающія картины жизни углекоповъ рисуетъ Золя въ своемъ известномъ романѣ *Жерминаль*.

Углекопы со всѣхъ сторонъ окружены опасностью и каждый изъ нихъ, спускаясь въ угольную шахту, творить въ душѣ молитву и мысленно прощается съ жизнью, считая, что, можетъ быть, это послѣдній спускъ и онъ уже болѣе не вернется на землю. Гнетущее чувство постоянной опасности и мрачная обстановка работы развили въ немъ суевѣріе и сосредоточенность. Углекопы гибнутъ отъ удушенія, отъ обваловъ, или ихъ заливаютъ водой, или раздавливаютъ напоромъ газовъ при взрывѣ гремучей смѣси. Известно, что смѣсь воздуха съ болотнымъ газомъ при содержаніи его свыше 7% пріобрѣтаетъ гремучія свойства, т.-е. взрываетъ отъ прикосновенія съ искрою или пламенемъ. Если въ такой гремучей смѣси будетъ содержаться 12% болотнаго газа, то разрушительная работа взрыва достигаетъ своего максимум'а. При 33% болотнаго газа наступаетъ удушеніе и гаснутъ лампы, т.-е. такая смѣсь уже не поддерживаетъ ни горѣнія, ни дыханія.

Углекопы знаютъ, что когда въ шахтѣ появляется болотный газъ, то пламя лампочки, лучше всего спиртовой или бензиновой, начинаетъ удлиняться, тѣмъ самымъ предостерегая ихъ объ опасности. Въ этомъ отношеніи менѣе чувствительны сильно коптящія масляныя лампы (съ сурьпнымъ масломъ), которыя теперь выходятъ изъ употребленія въ рудникахъ. Такъ называемыя предохранительныя лампы, съ металлическою сѣткой, окружающей пламя и препятствующей ему зажечь гремучую газовую смѣсь, со времени изобрѣтенія ихъ известнымъ англійскимъ ученымъ Гумфри Дэви, не подвергались никакимъ существеннымъ улучшеніямъ. Они много сохранили жизни, много предупредили несчастій, но ихъ отнюдь нельзя разсматривать какъ универсальное предохранительное средство. Съ такими лампами въ рукахъ углекопы дѣлаются болѣе безопасными, забывая или не зная, что при малѣйшей порчѣ такая лампа взрываетъ гремучую смѣсь столь же легко, какъ и открытый огонь.

Взрывы въ каменноугольныхъ копанияхъ нерѣдко бываютъ отъ совершенно другой причины—отъ воспламененія мелкой угольной пыли, носящейся въ воздухѣ угольной шахты. Чѣмъ мельче частицы такой пыли, тѣмъ онѣ опаснѣе. Такъ какъ угольная пыль наполняетъ всю шахту, то воспламененіе ея, происшедшее въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, быстро передается во всѣ части шахты. Причиной воспламененія угольной пыли могутъ быть такъ называемыя порохоотрѣзныя работы, имѣющія цѣлью разбить пласть угля взрывомъ пороха или динамита. Какъ показываютъ статистическія данныя, болѣе половины взрывовъ въ копанияхъ происходятъ вслѣдствіе нарушенія воспрещеній,—углекопы, какъ и вообще всякіе другіе рабочіе, свыкаются

съ опасностью работы и относятся съ пренебреженіемъ къ разнымъ инструкціямъ и правиламъ.

Какъ же и отъ чего собственно происходятъ смерть и увѣчья рабочихъ при взрывахъ? При воспламененіи гремучей смѣси объемъ газовъ быстро увеличивается въ 7 разъ, и въ этомъ лежитъ причина разрушительныхъ эффектовъ. Давленіе расширяющихся газовъ съ силою разбрасываетъ бревна рудничныхъ закрѣпленій, а рабочихъ придавливаетъ къ стѣнамъ, причѣмъ смерть наступаетъ почти мгновенно.

Иные погибаютъ прямо вслѣдствіе значительнаго давленія воздуха, и ихъ находятъ мертвыми безъ всякихъ видимыхъ поврежденій, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ они находились во время работы. Наконецъ, горѣніе гремучей смѣси производитъ ожоги, какъ и вдыханіе горячихъ газовъ. Послѣ взрыва, если нѣкоторые рабочіе и не пострадали или подверглись незначительнымъ увѣчьямъ, въ наступившей темнотѣ они не успѣваютъ спастись и задыхаются въ ядовитой атмосферѣ углекислоты и окиси углерода.

Иногда вскорѣ за первымъ взрывомъ слѣдуетъ второй, отъ котораго гибнутъ тѣ, которые идутъ спасать своихъ товарищей. Въ 1866 г. при взрывѣ въ Оаксъ-Колльере отъ перваго взрыва погибо 344 человекъ. Для спасенія оставшихся въ живыхъ бросилось 28 человекъ. Когда они спустились въ шахту, произошелъ второй взрывъ, при которомъ уцѣлѣлъ только одинъ рабочій. При такого рода спасательныхъ работахъ самоотверженіе и неустрашимость рабочихъ поразительны. Они идутъ на встрѣчу смерти мало сказать мужественно, но съ истиннымъ героизмомъ.

Столь же спокойно умираютъ тѣ, которые, хотя остались въ живыхъ при взрывѣ, но должны погибнуть въ волнахъ нахлынувшихъ смертоносныхъ газовъ, разъ они не успѣли спастись изъ шахты.

Истощеніе верхнихъ пластовъ угля побуждаетъ горнопромышленниковъ спускаться все глубже и глубже. вмѣстѣ съ этимъ увеличивается опасность работъ, вѣроятность взрыва (больше газовъ, угольной пыли) и ихъ стоимость. Въ видахъ экономіи, въ глубокихъ шахтахъ кипитъ усиленная дѣятельность, и, при значительной скученности углекоповъ, они гибнутъ при взрывахъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Въ общемъ, однако, число человѣческихъ жертвъ на 1 милл. тоннъ каменнаго угля за послѣднія 30 лѣтъ не увеличилось, а скорѣе даже нѣсколько уменьшилось, благодаря нѣкоторымъ техническимъ усовершенствованіямъ въ рудничныхъ работахъ. Нужно замѣтить, что собственно отъ взрывовъ погибаетъ около $\frac{1}{3}$ всѣхъ жертвъ каменноугольной промышленности.

Жизнь углекоповъ подвергается разнообразнымъ и постояннымъ опасностямъ. Вотъ, наприм., какъ производится работа обрушенія кровли надъ выработаннымъ мѣстомъ. Чтобъ обрушить потолокъ, подпертый часто подставленными бревнами, и засыпать камеру пустою породой, нужно, постепенно выбирая бревна, ослабить остальные настолько, чтобы кровля сама собою обрушилась. Рудокопъ подрубаетъ бревна постепенно и, наконецъ,

наступаетъ опасный моментъ, когда кровля рушится съ страшнымъ грохотомъ и трескомъ, такъ что рабочій едва успѣваетъ выскочить въ сосѣднюю камеру. Эта опасная работа стоила жизни не одному рудокопу.

Опасности, угрожающія углекопамъ, въ значительной степени устранены различными специальными приспособленіями, бдительнымъ надзоромъ, осторожностью и т. п., но противъ взрывовъ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ средствъ защиты. Простая небрежность одного человѣка—и все живое население шахты обрекается на гибель. Все-таки, многое можно и должно сдѣлать для несчастныхъ углекоповъ. Условія, въ которыхъ они работаютъ, составляютъ позоръ для цивилизаціи.

Сколько гибнетъ людей ежегодно въ угольныхъ шахтахъ, трудно сказать съ достовѣрностью, за неизмѣнимъ во всѣхъ странахъ положительныхъ статистическихъ данныхъ. Только особенно значительные взрывы отмѣчаются, а несчастные случаи съ меньшимъ числомъ жертвъ или оканчивающіеся только увѣчемъ, предаются часто полному забвенію. Во всякомъ случаѣ, въ текущемъ столѣтіи въ каменноугольныхъ шахтахъ погибло много болѣе 100,000 человѣкъ. Въ 1885 г. въ Корвинѣ и въ Кампаузенскихъ копяхъ въ двѣ недѣли погибло болѣе 400 человѣкъ, и такіе случаи вовсе не составляютъ рѣдкости. Особенно много гибнетъ углекоповъ въ Англіи, этой странѣ каменнаго угля.

Хотя чахотка между углекопами встрѣчается рѣдко, но за то весьма часты эмфизема и катарры дыхательныхъ вѣтвей. Угольная пыль, копоть отъ лампъ, сырой воздухъ съ примѣсью болотнаго и др. газовъ, согбенное положеніе тѣла во время работы (наприм., на спинѣ съ поднятыми вверхъ ногами),—все это способствуетъ заболѣваніямъ. Въ Бельгіи замѣчено уменьшеніе заболѣваемости между углекопами съ тѣхъ поръ, какъ стали устраивать иначе подземныя галлерей, чтобы дать возможность работать съ выпрямленнымъ туловищемъ.

Въ главнѣйшихъ центрахъ каменноугольной промышленности рядомъ послѣдующихъ генерацій созданъ типъ горнорабочаго, способнаго выносить по 8—10 час. непрерывную работу въ непроглядной темнотѣ, сырости, испорченномъ воздухѣ и высокой температурѣ. Горнорабочіе Западной Европы образуютъ ассоціаціи, имѣющія свой капиталъ для обезпеченія престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ, для содержанія школъ и больницъ.

Тяжела также работа въ рудникахъ. Въ нихъ бываетъ столь невыносимая жара, что даже съ привычными рабочими дѣлаются обмороки. Часто встрѣчаются болѣзни сердца. Болѣе всего рудники нуждаются въ хорошей вентиляціи.

Какъ обставленъ у насъ трудъ рабочихъ на горныхъ промыслахъ, показываютъ отчеты д-ра Л. Бертенсона (члена горнаго ученаго комитета *)).

*) *Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго (Горный Журналъ 1893 г., октябрь—ноябрь) и На Уралѣ (Горный Журналъ 1892 г., февраль).*

Положеніе рабочихъ на нихъ довольно печально. Они вынуждены работать и жить въ тѣсныхъ, крайне неудовлетворительныхъ въ гигиеническомъ отношеніи помѣщеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, они лишены доброкачественной воды, бани, больницы и т. п. Медицинская помощь организована неудовлетворительно и, тѣмъ не менѣе, съ рабочихъ на нѣкоторыхъ промыслахъ взимается за нее отъ 1—4% заработка. Никакой особой заботливости о рабочихъ не замѣчается. Владѣльцы относятся къ ихъ нуждамъ вполне безучастно и въ своихъ письменныхъ отчетахъ объясняютъ, что «никакихъ болѣзней не было» или «профессиональныхъ болѣзней не было», въ то время, какъ, по словамъ врачей, на промыслахъ Царства Польскаго среди рабочихъ наблюдаются: паховая грыжа, общее слабосиліе, болѣзни глазъ, кожи и легкихъ, мышечный и суставный ревматизмъ и проч.

Ни бани, ни ванны здѣсь не составляютъ народной потребности; рабочіе польскихъ промышленныхъ заведеній моются только передъ большими праздниками. А, между тѣмъ, по увѣренію Гирта, частое мытье тѣла, помимо общаго гигиеническаго значенія, безусловно предохраняетъ отъ заболѣваній во многихъ, вредныхъ для здоровья, производствахъ (наприм., въ свинцовомъ, также, вѣроятно, и въ цинковомъ). Многіе промыслы Царства Польскаго не имѣютъ ни больницъ, ни пріемныхъ покоевъ. Для медицинской помощи имѣется только фельдшеръ, а иногда нѣтъ даже и фельдшера. На нѣкоторыхъ промыслахъ, по словамъ д-ра Бертенсона, больницы и пріемные покои содержатся крайне неряшливо, въ грязныхъ, дурно устроенныхъ помѣщеніяхъ, безъ всякаго соблюденія чистоты и опрятности даже въ бѣльѣ, въ храненіи лѣкарствъ и т. п. Какъ много въ этомъ отношеніи значатъ личныя качества гг. промышленниковъ, видно изъ того, что одни заводы, при сравнительно скромномъ бюджетѣ, дѣлаютъ для рабочихъ все возможное, другіе, при огромныхъ оборотахъ, не дѣлаютъ ровно ничего.

Напримѣръ, на Островецкихъ заводахъ, съ 1,300 рабочими, изготовляющихъ ежегодно 750 тыс. пуд. чугуна и около 1 мил. мартеновой стали, нѣтъ ни больницы, ни пріемнаго покоя, ни даже фельдшера, причѣмъ съ рабочихъ взимается довольно высокая плата за плохія квартиры. На соедѣнныхъ заводахъ Страховицкаго общества, съ вдвое меньшею производительностью, на врачебныя нужды тратится въ 10 разъ болѣе и рабочимъ даются бесплатно хорошія помѣщенія. Д-ръ Бертенсонъ отмѣчаетъ сердечное отношеніе къ рабочимъ гг. Котковскихъ, владѣльцевъ маленькихъ Бодзеховскихъ заводовъ, гдѣ не только есть врачъ и фельдшеръ, но рабочіе застрахованы на случай несчастій на счетъ заводовладѣльцевъ въ суммѣ 688,300 руб.

Чтобы покончить съ картинами тяжелаго труда въ области добывающей промышленности, скажемъ еще нѣсколько словъ о рабочихъ на соляныхъ копяхъ. Для иллюстраціи возьмемъ знаменитыя и довольно благоустроенныя ломки каменной соли въ Величкѣ (Австрія, Галиція). Обширное соляное подземелье представляетъ собою цѣлый городъ съ площадями, улицами, домами, населенными рабочими, которые здѣсь родились и здѣсь проводятъ

всю свою жизнь. Жилища рабочихъ, галлерей, часовни освѣщены множествомъ переливающихся, искрящихся огней. По стѣнамъ вьются легкія лѣстницы, по которымъ быстро вбѣгаютъ и спускаются рабочіе. Вдали видѣются надъ бездною движущіяся живыя существа,—это рабочіе съ фонарями въ рукахъ, готовые каждую минуту поскользнуться и свалиться въ эту бездну.

Подземныя работы въ холодной сырости и тьмѣ кладутъ особенную печать на весь характеръ рабочаго. На блѣдныхъ, серьезныхъ лицахъ печать грусти и сосредоточенности, въ задумчивыхъ глазахъ отражается тихая покорность судьбѣ. Всѣ они молчаливы и только изрѣдка своды подземелья оглашаются ихъ заунывными, щемящими сердце пѣснями.

Намъ слѣдовало бы еще коснуться нѣкоторыхъ другихъ производствъ и промысловъ (наприм., работъ въ каменоломняхъ, на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ), но, въ виду того, что они не могутъ дать ничего новаго по сравненіи съ рассмотрѣнными уже нами, мы не будемъ о нихъ говорить, чтобы не повторять того, что уже сказано. Ограничимся только указаніемъ на огнеопасность нефти и разныхъ продуктовъ, изъ нея добываемыхъ (бензинъ, керосинъ). Пожары и ожоги здѣсь очень часты.

Пожары на нефтяныхъ промыслахъ, истребляя сотни тысячъ пудовъ нефти, представляютъ единственное въ своемъ родѣ явленіе бушующей огненной стихіи, съ которою нѣтъ почти возможности бороться.

На заводахъ бывають такіе, наприм., эпизоды. Рабочій вымылъ свою рубаху въ бензинѣ и, высушивъ ее, надѣлъ и пошелъ работать. Но только что подошелъ къ печи, гдѣ перегонялась нефть, какъ рубаха отъ оставшагося въ ней бензина вспыхнула и рабочій сгорѣлъ въ виду своимъ товарищей.

Вообще нужно замѣтить, что пожарная безопасность промышленныхъ заведеній представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ въ улучшеніи быта рабочихъ. Пожары даютъ много несчастныхъ случаевъ.

К. Тумскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Леонъ-Баттиста Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству *)

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что послѣ паденія Элады искусство никогда не играло такой роли въ жизни и художники никогда не занимали такого мѣста въ обществѣ, какъ въ эпоху Возрожденія. Этому широкому и глубокому вліянію искусства соотвѣтствовало и художественное значеніе его произведеній. Если новѣйшая живопись по широтѣ и разнообразію сюжета, по глубинѣ и оригинальности замысла и превосходитъ картины великихъ итальянцевъ гуманистической эпохи, то въ изображеніи души человѣка и въ особенности его духовной красоты итальянскіе художники Ренесанса не встрѣчаютъ соперниковъ. Сикстинская мадонна обладаетъ такимъ же недосыгаемымъ совершенствомъ въ своемъ родѣ, какъ Афродита Книдская въ области греческой скульптуры, и великаго Рафаэля такъ же не затмили позднѣйшіе художники, какъ не потерялъ художественной цѣны Пракситель при всѣхъ успѣхахъ новой скульптуры.

Причины необыкновеннаго подъема итальянскаго художественнаго творчества въ XV—XVI столѣтіяхъ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ исторіи искусства; но ихъ всестороннее и полное выясненіе едва ли возможно при современномъ состояніи этой науки вообще и нашихъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія въ частности. Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ обратить вниманіе компетентнаго собранія на интересную особенность художниковъ того времени, которая, по моему убѣжденію, составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ необыкновеннаго развитія гуманистическаго искусства. Эта особенность заключалась въ томъ, что тогда даже второстепенные художники стояли на высшемъ уровнѣ современной имъ культуры, а наиболѣе крупные занимали видное мѣсто среди вождей тогдашняго общества. Чтобы иллюстрировать духовныя стремленія этихъ художниковъ-гуманистовъ, я остановлюсь на Л.-Б. Альберти (1404—1472).

Альберти былъ живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, но произведенія его рѣзца и кисти до насъ не дошли. Точно также проектированный

*) Рефератъ, читанный на первомъ съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ.

имъ храмъ св. Франческо въ Римини остался только въ изображеніи на одной медали, а его планъ перестройки св. Петра въ Римѣ извѣстенъ лишь по описаніямъ. Единственный дошедшій до насъ постройка Альберти, это— дворецъ Руччелли и фасадъ церкви Santa Maria Novella во Флоренціи. Но интересъ и значеніе Альберти заключается въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя даютъ превосходную характеристику міросозерцанія итальянскихъ художниковъ Возрожденія. Альберти писалъ почти по всѣмъ вопросамъ общественной жизни: отъ него остались сочиненія религіознаго, философскаго и политическаго содержанія, а также трактаты и діалоги о любви, о семьѣ и о воспитаніи, ученые статьи по математикѣ, физикѣ, исторіи и метрицѣ, цѣлый рядъ произведеній по теоріи живописи, скульптуры и архитектуры и, наконецъ, комедіи и другія поэтическія произведенія. Это былъ одинъ изъ наиболѣе разностороннихъ писателей своей эпохи, и почти всѣ его произведенія проникнуты однимъ духомъ, составляютъ проявленіе законченнаго міросозерцанія.

Краеугольный камень міровоззрѣнія Альберти и исходный пунктъ почти всѣхъ его трактатовъ составляетъ, во-первыхъ, пламенная любовь къ природѣ и широкій интересъ къ внѣшнему міру и, во-вторыхъ, глубокое убѣжденіе въ высокому достоинствѣ человѣка и въ его способности къ безконечному совершенствованію. Въ трактатѣ *О семьѣ* онъ доказываетъ, что мы рождены для угожденія Богу и прославленія Его, а то и другое вполне возможно только при познаніи внѣшняго міра, при пониманіи безконечной красоты его. Въ этомъ же сочиненіи Альберти такъ формулируетъ свой взглядъ на человѣка. «Природа, т.-е. Богъ, вложила въ человѣка элементъ небесный и божественный, несравненно болѣе прекрасный и благородный, чѣмъ что-либо смертное. Она дала ему форму и члены, весьма приспособленные ко всякому движенію. Она дала ему талантъ, способность къ обученію, разумъ, свойства божественныя, благодаря которымъ онъ можетъ изслѣдовать, различать и познавать, чего должно избѣгать и чему слѣдовать для того, чтобы хорошо сохранять самого себя. Къ этимъ великимъ и безцѣннымъ дарамъ Богъ вложилъ еще въ душу человѣка умѣренность, сдержку противъ страстей и чрезмѣрныхъ желаній, а также стыдъ, скромность и стремленіе заслужить похвалу. Кромѣ того, Богъ видѣрилъ въ людей потребность въ твердой взаимной связи, которая поддерживаетъ общежитіе, правосудіе, справедливость, щедрость и любовь, а всѣмъ этимъ человѣкъ можетъ заслужить у людей благодарность и похвалу, а у своего Творца— благоволеніе и милосердіе. Богъ вложилъ еще въ грудь человѣка способность выдерживать всякій трудъ, всякое несчастіе, всякій ударъ судьбы, преодолевать всяческія затрудненія, побѣждать скорбь, не бояться смерти. Онъ далъ человѣку крѣпость, стойкость, твердость, силу, презрѣніе къ ничтожнымъ мелочамъ, и посредствомъ всѣхъ этихъ добродѣтелей мы можемъ, какъ должно, почитать Бога и служить Ему справедливостью, любовью, умѣренностью и всякими другими совершенными и похвальными дѣйствіями. Поэтому будь убѣжденъ, что человѣкъ рождается не для того,

чтобы влечить печальное существованіе въ бездѣйствіи, но чтобы работать надъ великимъ и грандіознымъ дѣломъ. Этимъ онъ можетъ, во-первыхъ, угодить Бѣгу и почитать Его, и, во-вторыхъ, приобрести для самого себя совершеннѣйшія добродѣтели и полное счастье» *).

И такъ, нравственный долгъ человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію, заключается, по мнѣнію Альберти, въ познаніи внѣшняго міра и въ развитіи лучшихъ свойствъ своей природы, а приложеніе этихъ свойствъ къ дѣлу составляетъ не только наилучшее исполненіе общественныхъ обязанностей, не только источникъ личнаго счастья на землѣ, но и вѣрный путь къ загробному блаженству. Въ собственной жизни Альберти твердо держится этихъ принциповъ: онъ не только разносторонній художникъ, не только писатель съ самыми разнообразными интересами, но и первостепенный гимнастъ, неутомимый ходокъ, превосходный стрѣлокъ и отличный наѣздникъ. Это страстное желаніе довести до совершенства свои личные свойства, чтобы широко пользоваться всѣми дарами природы и жизни для личнаго счастья и на общее благо, составляетъ психическую основу, всей писательской дѣятельности Альберти. Глубокое убѣжденіе въ могущество знанія и горячая проповѣдь образованія красною нитью проходятъ черезъ всѣ его сочиненія. Въ трактатѣ *О спокойствіи духа* онъ доказываетъ, что могущество человѣка почти безгранично, если только онъ познаетъ самого себя и внѣшній міръ; въ діалогъ *Теодженіо* онъ проводитъ ту мысль, что счастье зависитъ не отъ фортуны, а отъ самого человѣка; но для этого онъ долженъ приобрести неотъемлемыя духовныя блага и широко развить свои общественные и научные интересы. «Печальная судьба не съ неба сваливается, а рождается отъ человѣческой глупости»,—говоритъ Альберти въ другомъ сочиненіи и объявляетъ невѣжество величайшимъ изъ пороковъ. Тѣмъ же духомъ проникнуты и политическіе трактаты Альберти. Онъ исходитъ изъ той мысли, что разумное и плодотворное служеніе государству возможно только при правильномъ пониманіи его цѣлей и при умѣннн найти надлежащія средства для ихъ достиженія. То и другое дается образованіемъ, которое является поэтому дѣломъ огромной важности для государства. Кромѣ того, образованный человѣкъ можетъ служить своей родинѣ и не принимая непосредственнаго участія въ политической практикѣ, не живя даже въ предѣлахъ своей страны. Онъ будетъ истиннымъ патриотомъ, если «въ своихъ сочиненіяхъ изложить согражданамъ то, что для нихъ полезно и что можетъ возвысить значеніе и достоинство государства». Та же самая мысль положена въ основаніе трактатовъ Альберти о семьѣ и о воспитаніи. Авторъ настаиваетъ, прежде всего, на томъ, что родители должны тщательно изучать способности и наклонности своихъ дѣтей и на этомъ изученіи строить педагогическую систему. Но особенности характера должны имѣть рѣшающее значеніе только для выбора спе-

*) Итальянскіе трактаты Альберти я цитирую по изданію *Vonucci: „Opere volgari de Leon Batt. Alberti“*. Tomi 1—6. Firenze, 1843—49. Латинскіе по изданію *Manzoni: „L. B. Alberti opera inedita et pauca separatim impressa“*. Florentiae, 1890

ціальности и для приемовъ обученія. Что же касается общечеловѣческаго образованія путемъ всесторонняго развитія, то оно обязательно для всякаго характера и при всѣхъ наклонностяхъ. Альберти прерываетъ изложеніе одного трактата длиннымъ панегирикомъ наукѣ, въ которомъ мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ такими мыслями: «Если существуетъ что-нибудь,—говоритъ авторъ,—что болѣе всего подходитъ къ знатности, что составляетъ величайшее украшеніе человѣческой добродѣтели, что создаетъ авторитетъ и репутацію семьѣ, то это, конечно, науки, безъ которыхъ ни въ комъ не можетъ быть истиннаго благородства, безъ которыхъ ничья жизнь не можетъ быть признана счастливой и никакая семья не можетъ считаться совершенной и твердой» *).

Проповѣдая необходимость всесторонняго духовнаго развитія, Альберти составилъ себѣ довольно стройное и послѣдовательное міросозерпаніе, выработавъ опредѣленные взгляды по всѣмъ главнымъ вопросамъ личной и общественной жизни. Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на его религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ воззрѣніяхъ, такъ какъ они имѣютъ больше интереса для исторіи культуры, нежели для искусства. Для насъ достаточно разсмотрѣть, какимъ образомъ прилагалъ онъ свои основныя воззрѣнія къ художественной дѣятельности. Какъ художникъ, Альберти считаетъ необходимымъ, кромѣ широкаго общаго образованія, болѣе специальное изученіе тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ непосредственное приложеніе къ художественной технику, т.-е. математики, физики и нѣкоторыхъ отдѣловъ естествознанія. Кромѣ того, онъ первый въ новое время настаиваетъ на необходимости теоретическаго изслѣдованія основъ, задачъ и приемовъ всѣхъ видовъ образовательнаго искусства. Результатомъ этого былъ цѣлый рядъ его сочиненій преимущественно по математикѣ, съ одной стороны, и первыя произведенія по теоріи архитектуры, скульптуры и живописи—съ другой. Физико-математическіе трактаты Альберти не всѣ сохранились до настоящаго времени. Такъ, его *Математическіе комментаріи* (*Commentari delle cose matematiche*), сочиненіе *О движеніи тяжести* (*Sui movimenti del peso*), трактатъ о кораблестроеніи (*Navis*) извѣстны только по заглавіямъ; нѣкоторыя другія работы, какъ, наприм., *De' pondi e leve di alcuna rota*, дошли въ крайне испорченномъ видѣ. Но и сохранившагося вполне достаточно, чтобы составить себѣ представленіе объ уровнѣ физико-математическихъ свѣдѣній Альберти и о степени ихъ глубины и основательности. Въ небольшомъ трактатѣ, озаглавленномъ *Математическія забавы* (*Ludi matematici*), онъ описываетъ способы измѣренія недоступныхъ мѣстностей, опредѣленія времени по звѣздамъ, опредѣленія недоступной для лота морской глубины, предлагаетъ болѣе упрощенный механизмъ водяныхъ часовъ, описываетъ нѣкоторые физическіе инструменты, между прочимъ, разные виды одометровъ и астролябій, а также прототипъ современныхъ десятичныхъ вѣсовъ

*) *Вописси*, II, p. 104—105.

и т. д. Словомъ, маленькій трактатъ свидѣтельствуесть, что его авторъ стоялъ на высотѣ современнаго ему знанія въ этой области, вполне усвоилъ все, сдѣланное античною наукой и позднѣйшими изслѣдователями. Но Альберти не довольствуется пассивнымъ усвоеніемъ научныхъ свѣдѣній. Онъ стремится усовершенствовать результаты чужой работы и приложить къ практикѣ эти усовершенствованія. Такъ, онъ измѣнилъ заимствованный у Савосарды способъ измѣренія морской глубины, приложилъ улучшенные имъ инструменты къ извлеченію стариннаго корабля со дна озера Неми, измѣрилъ собственными приѣмами территорію Рима и отдѣльныя части города, собственноручно сдѣлалъ карманные часы и т. д. Усвоивши современную ему науку, Альберти стремится двинуть ее впередъ, внести въ нее результаты своего творческаго генія, и ему принадлежать, между прочимъ, два крупныхъ изобрѣтенія: гигрометръ, который приписывается Леонардо да-Винчи, и камеръ-обскура, сослужившая весьма важную службу живописи.

Совершенно естественно, что свои обширныя физико-математическія познанія Альберти съ особеннымъ усердіемъ прилагалъ къ искусству. Такъ, онъ написалъ специальное изслѣдованіе о перспективѣ, которое, по всей вѣроятности, до насъ не дошло *), и цѣлый рядъ трактатовъ по всѣмъ видамъ образовательныхъ искусствъ. Уже самая потребность въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ по искусству весьма характерна. Широкое научное образованіе пріучало искать законовъ изящнаго и такимъ путемъ давало правильное направленіе художественному творчеству. Художникъ сливался съ мыслителемъ, и уметственное развитіе облагораживало фантазію, придавало болѣе глубокой смыслъ ея изящнымъ образамъ. Особенно наглядно проявляется благотворная связь науки съ искусствомъ на обширномъ трактатѣ Альберти *О строительномъ дѣлѣ (De re aedificatoria)*. Это сочиненіе, выдержавшее много изданій и переведенное почти на всѣ европейскіе языки **), доставило автору почетный титулъ «отца новыхъ архитекторовъ» и справедливо пользовалось большимъ авторитетомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Его содержаніе даетъ отвѣтъ почти на всѣ запросы строительнаго дѣла. Альберти изображаетъ идеальнаго архитектора, выясняетъ его задачи, опредѣляетъ наиболѣе удобное мѣсто и время для постройки, описываетъ свойства строительныхъ матеріаловъ, условія красоты и устойчивости зданія и даетъ обстоятельныя правила для всевозможныхъ построекъ, начиная отъ храмовъ и кончая гидравлическими и ирригаціонными сооруженіями. Не останавливаясь на техническихъ подробностяхъ этого руководства для многихъ поколѣній архитекторовъ, я ограничусь только изложеніемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ авторъ къ строителю-специалисту. «Архитектура—великое дѣло,—говоритъ Альберти,—и не всякому слѣдуетъ за нее браться. Чтобъ осмѣлиться считать

*) Приписываемый ему анонимный трактатъ на эту тему считаютъ подложнымъ по весьма вѣскимъ причинамъ.

**) Я цитирую по изданію XV вѣка *De Architectura seu de re aedificatoria. Libri X. Florentiae, 1485.*

себя архитекторомъ, нуженъ большой талантъ, упорная работа, превосходное образованіе, продолжительная практика, развитой вкусъ, зрѣлое сужденіе». Главнымъ источникомъ архитектурнаго образованія авторъ считаетъ тщательное изученіе памятниковъ и преимущественно античныхъ. «Не существовало ни одного стариннаго зданія, гдѣ блистала изяществомъ какая-нибудь часть, изъ котораго бы я не попытался чему-нибудь научиться,—говоритъ авторъ.—Ради этого я не переставалъ изслѣдовать, разсматривать, измѣрять и рисовать его до тѣхъ поръ, пока не изучалъ его основательно и не постигалъ, въ чемъ проявляется здѣсь талантъ или искусство» *). Тотъ же самый приемъ рекомендуетъ онъ всякому архитектору: «Пусть онъ съ величайшимъ стараніемъ разсмотритъ тѣ постройки,—говоритъ Альберти,—которыя пользуются всеобщою извѣстностью и славой, пусть онъ нарисуетъ, измѣритъ по частямъ, сдѣлаетъ модели, дастъ себѣ ясный отчетъ о нихъ и объяснитъ себѣ ихъ устройство... Пусть онъ подражаетъ имъ въ томъ, что найдетъ въ нихъ хорошаго; если же найдетъ возможнымъ что-либо улучшить, то пусть исправитъ это и видоизмѣнитъ обдуманно и художественно». Вообще Альберти не требуетъ слѣпонаго подражанія въ архитектурѣ и съ сочувствіемъ относится къ оригинальности и художественному творчеству. «Я вполне одобряю,—говоритъ онъ,—если архитекторъ къ наилучшимъ созданіямъ древнихъ присоединитъ новыя изобрѣтенія, талантливо совершенствующія постройку» **). Но для оригинальнаго творчества въ замыслѣ и исполненіи зданія нужно эстетическое развитіе и научное образованіе. Всякое сооруженіе вызывается практическими потребностями, но оно должно заключать въ себѣ красоту. Авторъ указываетъ только самыя общія эстетическія требованія по отношенію къ архитектурѣ: пропорціональность частей зданія, его внутреннее единство и украшенія. Но украшенія должны подчиняться законамъ и правиламъ архитектуры, и постройка должна быть исполнена такъ, чтобы въ ней нельзя было сдѣлать ни дополненій, ни измѣненій безъ вреда для цѣлага. Альберти не считаетъ возможнымъ дать точныя предписанія, какъ достигнуть такого результата въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ какъ это—дѣло индивидуальныхъ особенностей каждаго архитектора. Но онъ указываетъ способы подготовки къ наилучшему рѣшенію такой задачи. «Для архитектора полезны и даже необходимы живопись и математика»,—говоритъ Альберти и совѣтуетъ, кромѣ того, заниматься музыкой, чтобы лучше развитъ въ себѣ чувство гармоніи.

Но одного эстетическаго развитія далеко недостаточно для архитектора. Удачный выборъ подходящаго матеріала зависитъ отъ естественно-историческихъ свѣдѣній строителя, для устойчивости постройки ему необходимы физико-математическія познанія и т. д. Но это еще не все. Потреб-

*) *De re aed.* l. IX, с. 9. Результаты своихъ наблюденій надъ памятниками античной архитектуры и изученія Витрувія Альберти изложилъ въ трактатѣ *Icinque ordini architettonici*.

**) *Ibid.*, l. VI, с. 1.

ности, которымъ удовлетворяетъ архитектура, чрезвычайно разнообразны. Постройки вызываются религіознымъ чувствомъ, политическими соображеніями, нуждами просвѣщенія, торговли, промышленности, земледѣлія, и архитекторъ долженъ хорошо знать и тонко понимать всѣ эти потребности, чтобы дать имъ наилучшее удовлетвореніе. Болѣе того, архитекторъ, по мнѣнію Альберти, долженъ не только изучать эти потребности, но и облагораживать ихъ, и въ этомъ заключается культурная заслуга художника передъ обществомъ. Такъ, наприм., при постройкѣ храма архитекторъ долженъ принимать всѣ мѣры, чтобы усилить и возвысить религіозное настроеніе. Поэтому Альберти возстааетъ противъ обилія развлекающихъ украшеній, противъ многочисленности алтарей, такъ какъ она понижаетъ сознание важности этого пункта въ храмѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ настаиваетъ, чтобы кладбища устраивались за городской чертой, такъ какъ внутри города они являются источникомъ болѣзней, и ратуетъ даже за сожженіе труповъ. Касаясь вопроса о тюрьмахъ, Альберти говоритъ: «Если кто-нибудь выроетъ подземную тюрьму, похожую на пещеру или на ужасную могилу, тотъ накажетъ виновнаго болѣе, чѣмъ позволяютъ нравственные законы и человѣческая природа. Хотя злодѣи заслуживаютъ крайнихъ наказаній за ихъ негодность, тѣмъ не менѣе, долгъ республикъ и государей не оскорблять гуманности». И такъ, архитекторъ долженъ быть не только эстетически высокоразвитымъ художникомъ, но и проводникомъ въ общество истиннаго благочестія, гуманности и здравыхъ гигиеническихъ понятій. Поэтому чѣмъ шире его художественное воспитаніе, чѣмъ разностороннѣе и основательнѣе его знаніе науки и жизни, тѣмъ лучше можетъ исполнить онъ обѣ свои задачи—и специально-архитектурную, и общественную.

Трактатъ Альберти *De Statua* — первое произведеніе по теоріи искусства въ новое время; совершенно естественно, что авторъ обращаетъ вниманіе, прежде всего, на технику, и главное содержаніе его трактата составляетъ описаніе способовъ измѣренія человѣческаго тѣла посредствомъ особаго изобрѣтеннаго имъ снаряда, а также изображеніе результатовъ такого измѣренія въ видѣ цѣлаго ряда таблицъ. Но этому этюду по скульптурной техникѣ Альберти предпосылаетъ небольшое введеніе, которое заключаетъ въ себѣ цѣлую эстетическую теорію. Онъ требуетъ, чтобы скульпторъ изучалъ человѣческое тѣло и подражалъ природѣ; но это не значитъ, что онъ долженъ рабски копировать первую попавшуюся натуру. Художникъ для скульптурнаго изображенія идеальнаго образа долженъ создать типическія формы человѣческаго тѣла, потому что въ этомъ типѣ заключается, по выраженію Альберти, «совершенная красота, которую природа дала въ даръ человѣку, распредѣливъ ее въ извѣстномъ количествѣ во многихъ отдѣльных тѣлахъ» *). Правда, мысль Альберти не вполне оригинальна; уже Поликлетъ, по словамъ Плинія, создалъ такую статую съ канониче-

*) *Вописсі*, IV, p. 180.

скими пропорціями человѣческаго тѣла. Но гуманисты заимствовали у древнихъ только то, что соотвѣтствовало ихъ стремленіямъ, и Альберти вполнѣ раздѣлялъ мысль древнихъ грековъ, что задача художника-скульптора при изображеніи человѣческаго тѣла заключается въ воспроизведеніи полной красоты, свойственной его типу.

Гораздо обстоятельнѣе трактаты Альберти, посвященные живописи, и въ особенности главный изъ нихъ—*Della pittura* *). Это сочиненіе раздѣлено на 3 части: въ первой изложены необходимыя для художника свѣдѣнія изъ математики и физики **), во второй идетъ рѣчь о самой живописи,— о рисункѣ, о композиціи, о колоритѣ; въ третьей— о свойствахъ истиннаго художника. Не касаясь подробностей трактата, я останавлиюсь только на двухъ наиболѣе важныхъ вопросахъ: во-первыхъ, въ чемъ видятъ Альберти цѣль живописи, и, во-вторыхъ, какія требованія предъявляетъ онъ художнику.

Авторъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о живописи. Въ этомъ искусствѣ, по его выраженію, скрывается «истинно божественная сила». Живопись сохраняетъ воспоминаніе объ отсутствующихъ, оживляетъ мертвыхъ, доставляетъ безсмертіе въ потомствѣ, возвышаетъ и усиливаетъ религиозное чувство, нравственно улучшаетъ зрителя, заставляя его страдать чужимъ горемъ и радоваться чужою радостью. Но всѣхъ этихъ результатовъ она достигаетъ только при томъ условіи, если ставить своею задачей воспроизведеніе красоты. Такимъ образомъ, красота является конечною цѣлью живописи и высшимъ критеріемъ для ея произведеній. Альберти не даетъ опредѣленія, въ чемъ заключается сущность красоты, но выясняетъ ея отдѣльныя проявленія и указываетъ способы ея воспроизведенія. Прежде всего, эстетическое впечатлѣніе достигается и здѣсь, какъ въ скульптурѣ, вѣрностью природѣ, но не слѣпымъ ей подражаніемъ. Красота разлита въ отдѣльныхъ предметахъ, и картина должна собрать ее въ одно цѣлое, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Чтобъ иллюстрировать свою мысль, Альберти приводитъ въ примѣръ Зевксиса, который для изображенія Елены выбралъ для модели пять самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ Кротонѣ и воспроизвелъ на своей картинѣ наилучшія формы каждой изъ нихъ. Далѣе, для живописи, какъ для архитектуры, обязательна *conspicuitas*, т.-е. гармоническая пропорціальность отдѣльныхъ частей. Затѣмъ для эстетическаго впечатлѣнія необходимо строгое соотвѣтствіе между формою и содержаніемъ. Если, наприм., изображено живое тѣло, то дышать жизнью должна каждая его часть и т. д. Альберти предоставляетъ художнику широкую свободу въ выборѣ сюжета и особенно высоко ставитъ тѣ картины, которыя изображаютъ какую-нибудь «исторію», по его выраженію, т.-е. жанръ, по нашей терминологіи. Но онъ требуетъ, въ то же время, чтобы такая картина

*) Издана Janitschek'омъ въ *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance v. R. Eitelberger von Edelberg*.

***) Этимъ вопросамъ посвящено еще небольшое сочиненіе Альберти *Elementa picturae* (Crotona, 1864).

ниѣла художественный центръ, основную идею, которая бы объединяла все богатое разнообразіе сюжета въ органическое цѣлое. Кромѣ того, и здѣсь необходимо самое тонкое изученіе дѣйствительности. Внутреннія чувства изображенныхъ на картинѣ лицъ выражаются, главнымъ образомъ, внѣшними движеніями, и Альберти даетъ весьма обстоятельное описаніе видовъ движенія и способовъ ихъ изученія и изображенія. Но каковъ бы ни былъ сюжетъ, живопись не должна воспроизводить ничего непристойнаго и, по возможности, избѣгать уродливаго и безобразнаго, не нарушая, однако, вѣрности природѣ. Такъ, Альберти одобряетъ художниковъ, изображавшихъ Перикла въ шлемѣ, такъ какъ такое изображеніе, маскируя недостатки формы головы, не мѣшало сходству портрета.

Опредѣливъ цѣль живописи и главнѣйшіе способы ея достиженія, Альберти выясняетъ свойства, необходимыя для истиннаго и совершеннаго художника. Какъ истый гуманистъ, авторъ требуетъ отъ художника всесторонняго духовнаго развитія и аргументируетъ это требованіе двоякимъ образомъ. Прежде всего, художникъ долженъ стремиться, чтобы современники уважали его, какъ человѣка, а для этого одного таланта недостаточно, необходимо еще умственное и нравственное развитіе. Кромѣ того, такое же развитіе необходимо ему и для совершенства въ своей специальности. Въ искусствѣ отражается вся душа художника, отразятся поэтому и всѣ ея недостатки. Такъ, недостатокъ научныхъ свѣдѣній скажется, прежде всего, на техникахъ. Доказавши необходимость для живописи познаній въ математику и физикѣ, Альберти требуетъ самаго тщательнаго изученія природы, какъ необходимой подготовки къ художественной дѣятельности, такъ какъ только оно пріучаетъ къ наблюдательности. Далѣе, отъ изученія дѣйствительности зависитъ и выборъ сюжета, и его обработка. Чѣмъ шире знаетъ жизнь художникъ и чѣмъ лучше ее понимаетъ, тѣмъ болѣе у него простора при выборѣ сюжета и тѣмъ болѣею глубиной будетъ отличаться обработка темы. Для достиженія первой цѣли Альберти рекомендуетъ поэзію, для второй—науку въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но цѣль живописи—воспроизведеніе красоты при вѣрности природѣ, поэтому недостаточно знать и понимать дѣйствительность; нужно умѣть еще находить въ ней красоту. Отсюда необходимость эстетическаго развитія. Эстетическое чувство дается, конечно, природой, но оно развивается, во-первыхъ, изученіемъ искусствъ, и не только пластическихъ, но также музыки, поэзіи и краснорѣчія, и, во-вторыхъ, оно воспитывается наукой, которая даетъ умѣнье сохранять вѣрность природѣ и такимъ образомъ направляетъ на вѣрный путь художественную фантазію. Альберти идетъ дальше и самое чувство красоты ставитъ въ связь съ изученіемъ дѣйствительности. «Отъ неопытныхъ талантовъ,—говоритъ онъ,—ускользаетъ идея красоты, которую съ трудомъ познаютъ и наиболѣе опытные».

И такъ, цѣль искусства, по Альберти, воспроизведеніе красоты, которая заключается во внѣшнемъ мірѣ и въ человѣческой природѣ; средство

для ея достиженія — воспитаніе таланта путемъ образованія и преимущественно посредствомъ изученія природы и жизни; идеаль художника — все-сторонне развитая личность. Въ основѣ этихъ воззрѣній лежитъ любовь къ внѣшнему міру, признаніе высокой цѣнности жизни и уваженіе къ человеческой природѣ, т.-е. то міровоззрѣніе, которое составляетъ характерную особенность гуманистической эпохи. Въ силу этого, трактаты Альберти представляютъ собою приложение господствующихъ воззрѣній къ искусству, являются нагляднымъ изображеніемъ связи между міросозерцаніемъ извѣстной эпохи и ея художественными идеалами. Съ другой стороны, мы знаемъ, что требованія Альберти не были празднымъ измышленіемъ не понимающаго жизни теоретика. Достаточно припомнить личность Леонардо да-Винчи, чтобы признать, что идеи Альберти раздѣлялись не одними только его ближайшими друзьями, какъ Донателло или Брунелески.

Въ этой связи культуры съ искусствомъ заключается главнѣйшая причина и необыкновеннаго подъема художественнаго творчества, и небывалой высоты общественнаго положенія и вліянія художниковъ. Гуманистическая культура, съ ея страстнымъ исканіемъ добра, правды и красоты здѣсь, на землѣ, была благоприятна для художественнаго развитія, и художникъ, усвоивая ее посредствомъ образованія, пріобрѣталъ не только стройное міросозерцаніе, но и эстетическое направленіе. Съ другой стороны, широкое образованіе художниковъ усиливало дѣйствіе ихъ таланта на общество. Стремясь воспроизводить красоту, они, стоя на уровнѣ современнаго просвѣщенія, ищутъ ее и умѣютъ находить также и въ тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя составляютъ предметъ особаго общественнаго интереса. Такое отношеніе между искусствомъ и культурой въ эпоху Возрожденія было весьма плодотворно для обѣихъ сторонъ. Оно не только направляло на вѣрные пути художественное творчество, но и дало художнику высокое мѣсто въ обществѣ, а то и другое возвышало уваженіе къ искусству и содѣйствовало эстетическому воспитанію публики. Въ средніе вѣка художникъ сливался съ ремесленникомъ, въ XVI столѣтіи Леонардо да-Винчи живетъ, какъ магнатъ; Браманте строитъ себѣ княжескій дворецъ; Рафаэль конкурируетъ въ великодушной щедрости съ банкиромъ Киджи; Микель-Анджело диктуетъ свои условія папѣ, а представители высшихъ слоевъ общества не только въ Италіи, но и за Альпами, какъ французскій король и нѣмецкій императоръ, считаютъ за честь получить въ подарокъ отъ итальянскаго художника картину или статую. Такая связь между просвѣщеніемъ и искусствомъ, какую мы отмѣтили въ гуманистическую эпоху въ Италіи, мнѣ представляется нормальной и желательной для всякаго времени. Правда, позднѣйшая культура, можетъ быть, не такъ благоприятна для эстетическаго развитія, какъ итальянское Возрожденіе, но это не уничтожаетъ существенной необходимости высокаго образованія для художника. Каждый художникъ подчиняется вліянію того или другаго слоя общества, и временныя и не глубокія общественныя вѣянія, небла-

гопріятныя для искусства или искажающія его задачи, особенно опасны для малообразованныхъ талантовъ. Высоко-развитой художникъ не увлечется мимолетными и случайными теченіями, хорошо понимая, что здоровыя эстетическія стремленія никогда не могутъ исчезнуть въ обществѣ, потому что они составляютъ существенную потребность человѣческаго духа. Только такой художникъ можетъ найти и воспроизвести красоту самыхъ сложныхъ и самыхъ глубокихъ проявленій духовной жизни и такимъ путемъ стать могущественнымъ проводникомъ художественныхъ интересовъ въ общество, эстетическимъ воспитателемъ современниковъ и потомства. Но для полнаго достиженія этой высокой цѣли онъ долженъ стоять на уровнѣ современнаго просвѣщенія.

М. Корелинъ.

Нѣсколько замѣчаній о натурализмѣ въ искусствѣ *).

Есть число наиболее употребительныхъ и наиболее понятныхъ словъ, которыми пользуются въ сочиненіяхъ и въ бесѣдахъ объ искусствѣ, относится и слово *натурализмъ*. Имъ обозначается опредѣленное направленіе въ искусствѣ, которое имѣетъ многочисленныхъ теоретическихъ защитниковъ и убѣжденныхъ послѣдователей между художниками. И, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, за этимъ названіемъ не установлено вполне точнаго содержанія,—подъ натурализмомъ и сторонники, и противники его разумѣютъ иногда, по крайней мѣрѣ, не одно и то же.

Натурально, естественно, въ искусствѣ то, что соотвѣтствуетъ природѣ, похоже на природу. Отсюда задачею искусства для натуралистической школы и становится подражаніе природѣ, воспроизведеніе въ словѣ, въ краскахъ, въ звукѣ или мраморѣ ея явленій. Повидимому, просто и ясно; но просто и ясно ли это на самомъ дѣлѣ?

И, прежде всего, всякія ли явленія природы, относя сюда и человѣческую душу, и явленія жизни общественной, можетъ и должно изображать искусство? Затѣмъ, всегда ли возможно удачное подражаніе природѣ? Неужели, наконецъ, у искусства нѣтъ другихъ задачъ?

Многіе художники на первый вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Искусство можетъ и, по ихъ мнѣнію, должно изображать все, на что упадетъ взглядъ человѣка. Дѣло состоитъ лишь въ томъ, какъ исполнено художественное произведеніе, виртуозно ли оно, совершенно ли въ техническомъ отношеніи. Этому направленію мы обязаны множествомъ рассказовъ и стихотвореній, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла, множествомъ картинъ, на которыхъ нарисовано, какъ сушатъ бѣлье на заднемъ дворѣ, какъ снимаютъ это бѣлье, какъ роетъ землю свинья и т. п. Но, конечно, когда дѣло идетъ о школѣ, о серьезномъ направленіи въ области художественнаго творчества, не слѣдуетъ останавливаться на односторонностяхъ и крайностяхъ такой школы, и натурализмъ занимаетъ, разумѣется, несравненно болѣе выгодную позицію, когда теоретикомъ его является, наприм.,

*) Рефератъ, читанный на первомъ съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ.

Тѣнь или Золя. Задачею натурализма ставится тогда изображеніе не случайныхъ, а типическихъ явленій; художникъ не только подражаетъ природѣ, но изучаетъ, анализируетъ и обобщаетъ ея явленія. Эта теорія вовсе не такъ далека отъ идеализма, какъ думаютъ ея представители. И ея противники допускаютъ, что «превращеніе отвлеченнаго понятія въ образъ и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, превращеніе разсужденія въ разсказъ,— вотъ въ чемъ заключается весь секретъ поэзіи. Она по преимуществу—искусство повѣствовательное, чѣмъ и отличается отъ другихъ» *). Когда Эмиль Золя въ своей серіи романовъ изображаетъ наслѣдственную передачу и развитіе пороковъ и способностей, онъ именно превращаетъ разсужденіе въ разсказъ, отвлеченное понятіе въ живой образъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно замѣчаніе: «существуютъ такіе факты органической жизни, которымъ никакое изображеніе не можетъ придать эстетическаго достоинства, которые положительно не годятся для живописи или поэзіи» **).

Съ такими ограниченіями натурализма нельзя не признать, хотя его область, съ одной стороны, не покрываетъ природы, а съ другой—не покрываетъ всего объема искусства. Шербиолье приводитъ въ своей книгѣ слова знаменитаго Делакруа, который иногда клалъ возлѣ себя розу и говаривалъ: «Этотъ цвѣтокъ и вдохновляетъ меня, и приводитъ въ отчаяніе». «Ну, какъ намъ соперничать съ природой?—прибавляетъ Шербиолье.—Она дѣйствуетъ разомъ на всѣ наши чувства: зрѣніе, слухъ, обоняніе, и возбуждаетъ смѣшанныя, сложныя ощущенія. Вы рисуете весну. Но что это за весна безъ ароматовъ?»

Если, съ одной стороны, искусство, не имѣя возможности воспроизвести всего богатства и разнообразія ея красокъ, ниже природы, дѣйствительности, то, съ другой стороны, оно выше природы, по сколько въ художественное созданіе входитъ духъ человѣка, его пониманіе и истолкованіе дѣйствительности. Натурализмъ часто игнорируетъ это значеніе искусства, вызывая этимъ реакцію, которая въ свою очередь ударяется въ крайность. О главныхъ теченіяхъ во французскомъ искусствѣ и критикѣ въ русской литературѣ существуетъ достаточно указаній. Менѣе извѣстно состояніе искусства и критики нѣмецкой, почему я и сообщу объ этомъ нѣкоторыя интересныя, по моему мнѣнію, свѣдѣнія.

Противъ натурализма выступаетъ, напримѣръ, въ своихъ эстетическихъ изслѣдованіяхъ Карлъ Гольдманъ ***). Онъ указываетъ на то, что нѣтъ полной исторіи натурализма, которая должна была бы изобразить мѣняющіяся отношенія между искусствомъ и природою. Художественный натурализмъ существовалъ всегда, но въ наши дни онъ выступаетъ въ узкой, догматической формѣ, требуя изображенія жизни въ ея мелкихъ и грязныхъ проявленіяхъ, сводя задачи искусства къ подражанію дѣйствительности. Ве-

*) Шербиолье: „Искусство и природа“, стр. 162.

**) Проф. Смирновъ: „Эстетика“, стр. 53.

***) Karl Goldmann: „Die Sünden des Naturalismus“.

ликіе художники—натуралисты: таковъ, напримѣръ, Гёте; но у нихъ природа просвѣтляется, въ ихъ произведеніяхъ она подымается до поэзіи. Современному натурализму недостаетъ критерія существеннаго и несущественнаго.

Гольдманъ разсматриваетъ особенности французскаго и русскаго натурализма и отдаетъ предпочтеніе послѣднему (и норвежскому). Французскій натуралистъ является пессимистомъ, для него добродѣтель, самоотверженность, благородное чувство — обманчивые призраки, и человѣкъ въ его глазахъ служитъ вмѣстительствомъ только животныхъ побужденій и грубаго эгоизма. У русскихъ натуралистовъ красною нитью проходитъ глубокое сочувствіе человѣку, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ и преступенъ.

Гольдманъ ставитъ преобладаніе натурализма въ современномъ искусствѣ въ зависимость съ господствомъ естествознанія и вооружается противъ мнѣнія, по которому искусство должно пользоваться методомъ и приемами естественныхъ наукъ. Наблюденіе художника, — говоритъ онъ, — отличается субъективностью, онъ по-своему чувствуетъ явленія природы и въ ихъ изображеніе вноситъ свое настроеніе, свою индивидуальность. Само собою разумѣется, что изъ этого нельзя заключать, что художникъ не долженъ быть образованнымъ человѣкомъ и что ему не нужно знать анатоміи, фізіологіи и другихъ естественныхъ наукъ.

Особенно возмущаетъ Гольдмана натуралистическое изображеніе любви, при которыхъ господствуютъ одни животныя влеченія. На этомъ я не буду останавливаться, какъ и на разсужденіяхъ о русскомъ искусствѣ, гдѣ, по мнѣнію нѣмецкаго критика, отсутствуетъ идеально-прекрасное, человѣчески-доброе, гдѣ побѣдили социальныя и политическія тенденціи *).

Трудно установить, — замѣчаетъ Гольдманъ, — границу между искусствомъ и філософіей, между понятіями о прекрасномъ и нравственно-добромъ. Хорошій поступокъ мы называемъ прекраснымъ поступкомъ, и Гербартъ разсматриваетъ ученіе о нравственности, этику, какъ часть эстетики. Вооружаясь во имя идеализма противъ натурализма, нѣмецкій писатель доходитъ до утвержденія, что натурализмъ равнозначущъ съ нигилизмомъ, что онъ проникнуть разрушительнымъ духомъ.

Интересно сопоставить съ этими сужденіями взгляды на природу и искусство одного изъ представителей германскаго натурализма, Конрада Альберти **).

Царству абсолютизма, говоритъ онъ, положенъ конецъ и въ искусствѣ. Новая эстетика должна изучать факты эстетическаго сознанія, выводить изъ этого изученія законы художественныхъ ощущеній и правила художественнаго созданія. Эстетическія стремленія и пониманіе развиваются въ исторіи, прекрасное не можетъ быть опредѣлено метафизическимъ путемъ. Натурализмъ, по мнѣнію Альберти, есть индивидуализмъ, тогда какъ ху-

*) Гольдманъ ссылается при этомъ на Эдвина Бауера.

***) *Conrad Alberti: „Natur und Kunst, Beiträge zur Untersuchung ihres gegenseitigen Verhältnisses“.*

дожникъ-идеалистъ создаетъ типы. Выше этихъ родовъ искусства стоитъ реализмъ, воплощающій то, что живеть въ человѣкѣ всегда и вездѣ, живеть у каждаго народа на всѣхъ ступеняхъ развитія. Для этого реализма природа является божествомъ, истина—идеаломъ, онъ предъявляетъ два требованія: знаніе и сознательную работу во имя определенной цѣли. Альберти считаетъ такой реализмъ міропониманіемъ будущаго, необходимымъ плодомъ эволюціоннаго оптимизма. Только онъ способенъ поднять человѣчество умственно, нравственно, художественно. Реализмъ выражаетъ истину въ дѣйствительности, изображаетъ естественные законы въ живыхъ воплощеніяхъ. Въ отличіе отъ реализма натурализмъ подражаетъ отдѣльнымъ состояніямъ, отдѣльнымъ предметамъ, не осмысливая ихъ, не отыскивая въ нихъ существеннаго. Но, подобно натурализму, реализмъ изгоняетъ изъ искусства все фантастическое. Альберти не осуждаетъ Гёте за *Фауста* лишь потому, что онъ написанъ въ формѣ средневѣковой мистеріи (?), какъ бы въ то время, когда еще вѣрили въ существованіе Мефистофеля.

Реализмъ Альберти (къ его представителямъ онъ причисляетъ Блейбтреу, Конрада, Кретцера) признаетъ законность въ искусствѣ тенденціи. Она является *солью искусства*. Въ нѣмецкой живописи представителями этого направленія признаются Уде и Либерманнъ. Старая эстетика ошибалась, признавая существеннымъ признакомъ эстетическаго чувства его безкорыстность, полагаетъ Альберти. Эта ошибочная точка зрѣнія привела къ тому, что въ метафизической эстетикѣ Гартмана подражатель голосу животныхъ въ циркѣ долженъ быть признанъ, какъ художникъ, выше строителя страсбургскаго собора: соборъ или палаццо Питти, напримѣръ, служатъ практическимъ цѣлямъ, тогда какъ поющій пѣтухомъ клоунъ возбуждаетъ вполнѣ безкорыстное удовольствіе. Альберти доказываетъ, что искусство возникло изъ практическихъ потребностей, что тенденція лежитъ въ его основѣ. Эсхиль былъ бы на половину непонятнымъ, еслибъ упустить изъ виду его стремленіе возвеличить аѳинскую аристократію и укрѣпить ареопагъ, на который тогда производились сильныя нападенія. Тиртей и Архилогъ, прежде всего, политическіе пѣвцы, Аристофанъ и Сервантесъ имѣли опредѣленныя цѣли въ своихъ произведеніяхъ и т. д. Открытіе закона равенства по существу и неразрывности жизни и искусства, какъ высшаго эстетическаго закона, Альберти приписываетъ Лудольфу Винбаргу (*Die ästhetischen Feldzüge*).

Современное паденіе искусства, —говоритъ Альберти,—не случайно: оно является общественно необходимымъ, оно лежитъ въ существѣ буржуазнаго строя, который все развращаетъ и отравляетъ. Мелочность, поверхностность, лживость, плоскость и пошлость — вотъ что накладываетъ буржуазія на произведенія искусства *).

*) Интересно мнѣніе Альберти о русскихъ художникахъ. „Французъ, —говоритъ онъ,— практическій рудокопъ, нѣмецъ — геологъ, русскій — палеонтологъ“. Въ техническомъ отношеніи выше всѣхъ стоятъ художникъ-французъ, какъ мыслитель, глубже всѣхъ — русскій художникъ.

Искусство—неразрывная часть культуры, родная сестра политики, техники, науки, философіи. На самыхъ высшихъ ступеняхъ своего развитія оно тѣсно связано съ общою культурой, никогда не достигаетъ исключительно эстетическихъ цѣлей и находится въ вѣчномъ процессѣ развитія.

Такъ понимаетъ реализмъ Альберти. Очевидно, что его реализмъ есть видъ натурализма, представителемъ котораго является Тэнъ и многіе другіе. Такихъ реалистовъ характеризуетъ въ своей книгѣ Шербиолье слѣдующимъ образомъ: «Отъ реалистовъ пахнетъ народомъ, и они ищутъ въ природѣ и въ человѣкѣ самаго непосредственного, примитивнаго, кореннаго. Они оказали большую услугу искусству, открывъ для поэзии и живописи новыя области, цѣлинныя мѣста, такія стороны природы и человѣка, какими пренебрегали идеалисты. Люди незамѣтные, смиренные сдѣлались героями». Реализмъ проявляется не только въ выборѣ сюжетовъ, но и въ приѣмахъ, въ методѣ художника. Методъ этотъ — естественный, простой и точный. Первая задача реалиста—показать характеръ предмета въ зависимости отъ данной среды.

Идеализмъ, по мнѣнію Шербиолье, есть наклонность къ созерцанію только выдающихся, яркихъ явленій природы и жизни. Оба направленія законны въ искусствѣ и нерѣдко сочетаются другъ съ другомъ. Каждое изящное искусство не только подражаетъ природѣ, но и протестуетъ противъ нея. «Въ художественномъ произведеніи мы желаемъ видѣть жизнь и покой, дѣйствительность и скрывающуюся за нею мысль, правду и мечту, серьезный трудъ и свободную игру: иначе оно не удовлетворитъ насъ вполне».

Въ этихъ словахъ заключается, по моему мнѣнію, указаніе на существенный недостатокъ натурализма или реализма въ искусствѣ: онъ выдаетъ часть за цѣлое, полагая, что въ области искусства нѣтъ и не должно быть мѣста воображенію, мечтѣ, идеализаціи. А, между тѣмъ, это—естественныя способности и стремленія человѣческаго духа. Если я увижу что-либо ненормальное, неправильное въ томъ или другомъ отношеніи, я могу довести это явленіе до карикатуры. Если я вижу въ жизни или въ исторіи сильнаго, великодушнаго человѣка, я могу мысленно увеличить размеры его умственнаго и нравственнаго достоинства, я создамъ *идеаль*. Странное и комическое, по нынѣшнимъ временамъ, слово, а, между тѣмъ, жизнь красна именно здоровою идеализаціей, именно стремленіями замѣнить слѣпую случайность, стихійную причинность сознательною борьбой за то, что считаешь правдой и красотой.

Если у художника нѣтъ за душою ни личныхъ, ни общественныхъ идеаловъ, если онъ доволенъ и собою, и дѣйствительностью, то все же, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи къ искусству, ему надо подумать о содержаніи своихъ натуралистическихъ произведеній, о выборѣ сюжета. Слѣдуетъ выбирать, въ мѣру таланта, значительное, существенно важное. Гдѣ же критерій для такого сужденія? Неужели возможно положиться въ этомъ отношеніи только на художественное чутье, на бессознательный

эстетическій тактъ? Неужели даровитый художникъ можетъ жить и говорить, не интересуясь жизнью своего народа, философскою, научною и политическою мыслью? Впрочемъ, *возможности* существованія такихъ художниковъ нельзя не допустить: исторія уважаетъ намъ на примѣры такого отношенія къ жизни и мысли. Но та же исторія не уважаетъ, я думаю, ни одного гениальнаго художника, ни одного великаго творца, который не былъ бы *властителемъ* думъ своего времени и, въ исключительныхъ случаяхъ, всего человѣчества.

Критики, которые не признаютъ ни крайностей натурализма, ни ложныхъ метафизическихъ притязаній идеализма, составляютъ покуда меньшинство въ литературѣ и въ искусствѣ вообще. Они не согласны ни съ тѣми, кто требуетъ непремѣнно идей и тенденцій отъ художника, ни съ тѣми, кто стоитъ за беспечальную случайность творчества, которое сегодня обращено на Гарибальди, завтра на Франческо. Такая точка зрѣнія вовсе не компромиссъ, а правильное различеніе того, что существуетъ, отъ того, что слѣдуетъ предпочитать. Мы, прежде всего, наблюдаемъ факты, знакомимся съ исторіей искусства, съ его произведеніями старыхъ и современныхъ мастеровъ. Мы видимъ, что художникъ являлся нерѣдко гражданиномъ, что онъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ добро, свобода и красота были неразрывно связанными элементами человѣчески-достойной жизни. Замѣчаемъ мы и другое явленіе: художникъ бывалъ льстецомъ сильныхъ міра сего или олимпійски созерцалъ радости и горе воспитавшаго его общества. Мы знаемъ, что художники первой группы составляютъ славу и гордость страны, что ими разцвѣтаетъ искусство, что они ставятъ для него идеалы и пролагаютъ новые пути; тогда какъ художники второй группы—виртуозы, поражающіе, въ лучшемъ случаѣ, лишь техническимъ совершенствомъ и внѣшними эффектами. Нельзя глубоко взглянуть въ природу и изобразить ее, не подумавши глубоко, а чтобы дѣйствительно глубоко подумать, художнику надо стоять на уровнѣ вѣка, впереди избраннаго меньшинства, на ряду съ философомъ, ученымъ и гражданиномъ.

Почему сажень сосновыхъ дровъ, напримѣръ, художественный сюжетъ, а *Прикованный Прометей* изгоняется изъ искусства? Почему смѣлая мечта нормальнаго, но богато одареннаго человѣка не заслуживаетъ воплощенія въ прекрасномъ образѣ? Признавая поэтому необходимость для искусства изученія человѣка и природы, полнѣйшую цѣлесообразность воспроизведенія типическихъ явленій природы, мы признаемъ, что этимъ задачи творчества не исчерпываются, что есть другая, съ нашей точки зрѣнія даже высшая, область художественной дѣятельности: въ этой области создаются новыя комбинаціи элементовъ дѣйствительности, типическимъ фактамъ ея дается новое освѣщеніе, обнаруживается возвратное вліяніе человѣческаго духа на природу, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Художники могутъ, конечно, уклоняться отъ этой, лично ни для кого не обязательной миссіи, но эта миссія обязательна для искусства, составляетъ

его наиболѣе важное, наиболѣе гуманное содержаніе. Величайшія художественныя созданія дарятъ міру лишь тѣ люди, въ лицѣ которыхъ дружно соединяются художникъ, мыслитель и гражданинъ.

Русское искусство страдало и радовалось съ русскимъ обществомъ, съ русскимъ народомъ. Въ нашей суровой природѣ, въ нашихъ трудныхъ историческихъ условіяхъ, оно являлось великимъ нравственнымъ утѣшеніемъ для каждаго образованнаго человѣка. Музыка Чайковскаго, какъ картина Рѣпина, будила у многихъ изъ насъ засыпавшую общественную чуткость, подымала изъ сѣренькой сутолоки въ свѣтлозарную область чистыхъ помысловъ и возвышенныхъ стремленій. Когда мы, любители, смотримъ на шишкинскій лѣсъ, на киселевское изображеніе Кавказа, когда мы жадно вглядываемся въ созданный Полѣновымъ образъ Христа, въ чудные пейзажи Волкова,—мы не можемъ вѣрить, чтобъ эти художники были чужды тѣмъ гуманнѣйшимъ завѣтамъ, отъ которыхъ горячо бьется сердце юноши, отъ которыхъ мужественно подымается крѣпкая воля человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Искусство есть жизнь, есть ея прекрасное пониманіе и преобразованіе, оно не можетъ разъединять того, что неразрывно связано въ душѣ живого человѣка, въ живомъ обществѣ, полномъ великихъ историческихъ надеждъ. Правда не должна быть безобразіемъ, красота не должна быть неправдою. Скромная и вдумчивая простота, которая отличаетъ русское искусство, отнюдь не свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ тѣхъ идеаловъ, которыми проникнуты наши лучшіе художники. Крамской говорилъ, что Маковскій и Прянишниковъ «обладаютъ изумительнымъ искусствомъ тенденціозную картину сдѣлать нетенденціозною». Всѣ наши большіе писатели,—писалъ Крамской г. Суворину,—тенденціозны и всѣ художники тоже. И нечего бояться этой тенденціозности, когда она искренна и глубока, когда у художника есть талантъ,—вѣдь, не любовь же къ справедливости и гуманности помѣшаетъ разцвѣту этого таланта. И еслибъ когда-нибудь, по горькой случайности, русскій художникъ забылъ о своемъ высокомъ назначеніи, мы имѣли бы право обратиться къ нему съ лермонтовскимъ вопросомъ:

„Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой кинжалъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?“

Но, думается мнѣ, такого вопроса не придется никогда задавать, и русскій художникъ всегда повторитъ мольбу поэта-гражданина Ивана Сергѣевича Аксакова:

„Пошли мнѣ бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,
Но отъ преступнаго безстрастья,
Но отъ покоя сохрани!“

Викторъ Гольцевъ.

Крестьянское хозяйство и переселеніе *).

(Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе).

У.

Приступая къ разсмотрѣнію результатовъ вселенія въ Азіатской Россіи и начиная съ вопроса о томъ, съ какими шансами на хозяйственное обзаведеніе приходятъ сюда переселенцы, т.-е. сколько средствъ они приносятъ съ собой, мы на первый разъ должны бы придти къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ о судьбѣ ихъ, здѣсь ожидающей.

Всѣ извѣстные мнѣ по данному вопросу авторы (Григорьевъ, Исаевъ, Чудновскій, Ядринцевъ, Чарушинъ, Дуровъ, Остафьевъ и др.) опредѣляютъ минимумъ расходовъ, необходимыхъ для самаго перваго обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ, въ предѣлахъ отъ 150 до 200 руб. на семью. Доносятъ ли новоселы эту сумму съ собой? Какъ резюме всѣхъ имѣющихся для отвѣта на этотъ вопросъ многочисленныхъ данныхъ, которыя всѣ, какъ собранныя въ мѣстахъ выседеія и отъ переселенцевъ въ пути, такъ и полученныя отъ уже водворившихся, даютъ почти одинаковыя цифры; какъ резюме всѣхъ этихъ взаимно провѣренныхъ и оказавшихся вполне точными данныхъ **), привожу слѣдующую таблицу, составленную мной изъ цифръ, приведенныхъ въ *Вѣдомостяхъ о движеніи переселенія черезъ Томскую губернію* за 88, 90, 91 и 92 годы. Изъ опрошенныхъ за эти годы переселенцевъ имѣли съ собой по приходѣ въ Томскъ:

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) Изъ имѣвшихся у меня данныхъ такого рода главнѣйшія суть слѣдующія: таблицы г. Григорьева о средствахъ, взятыхъ съ родины 1,901 рязанскимъ переселенцемъ (по показаніямъ оставшихся), приводимыя ниже данныя о 2-хъ почти тысячахъ семей уже прожившихъ въ некоторое время въ Акмолинской области и данныя г. Чудновскаго (см. его книгу *Переселенческое дѣло на Алтаѣ*), который 1,089 семей алтайскихъ новоселовъ опросилъ о размѣрахъ взятыхъ съ родины средствъ и 750 семей—о суммахъ, донесенныхъ на новыя мѣста. Кромѣ того, имѣются еще показанія переселенцевъ въ пути за 87 годъ и безчисленное множество другихъ, болѣе мелкихъ данныхъ, говорящихъ всѣ одно и то же.

Общее число семей.	имѣвшихъ отъ 0 до 10 р.	отъ 10 до 50 руб.	отъ 50 до 100 руб.	отъ 100 до 300 руб.	болѣе 300 руб.
12,908	7,734 семьи, т.-е. 60%	3,286 семей, т.-е. 25,4%	982 семьи, т.-е. 7,6%	728 семей, т.-е. 5,6%	174 семьи, т.-е. 1,4%

Какъ видимъ, развѣ только 7% (имѣвшихъ болѣе 100 р.) азиатскихъ новоселовъ приносятъ съ собой почти достаточныя для обзаведенія средства; 7,6% имѣютъ лишь треть или половину этихъ средствъ, а 85,4% (имѣвшихъ отъ 0 до 50 руб.) вовсе не имѣютъ средствъ для обзаведенія (такъ какъ ничтожныя ихъ деньги уйдутъ почти цѣликомъ на путь отъ Томска до мѣста поселенія). И такъ, и азиатскіе новоселы, какъ и уфимскіе и кубанскіе бѣдняки, приступаютъ на новоселья къ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность съ голыми почти руками, «съ однимъ топоромъ на семь семей», какъ они выражаются, и, стало быть, съ собой приносятъ такіе же печальные шансы на побѣду въ этой борьбѣ, какъ и тѣ неудачники.

Но совсѣмъ другія условія встрѣчаютъ они на мѣстѣ поселенія, а потому, какъ ниже увидимъ, и достигаютъ совершенно иныхъ, только при данныхъ условіяхъ и мыслимыхъ, результатовъ.

Мы видѣли, что въ восточныхъ и южныхъ степяхъ Европейской Россіи лишь 1½ — 2% переселенцевъ успѣвали попасть на казенныя земли: остальные, т.-е. почти все, должны были приобрести землю за деньги (въ аренду или въ собственность, у инородцевъ, козаковъ или частныхъ лицъ). Въ Азиатской Россіи случаевъ покупки земли переселенцами у частныхъ лицъ почти не было, у инородцевъ и козаковъ земля снимается здѣсь ими въ аренду также очень рѣдко, а почти все они поселились на казенной землѣ (на вѣчно-оброчномъ правѣ или арендномъ, также упрочи-вающимъ ихъ положеніе и не имѣющимъ ни малѣйшаго подобія вышеописаннымъ условіямъ аренды въ степяхъ Евр. Россіи), т.-е. почти все заняли землю, не покупая ея (оброкъ здѣсь за землю, сравнительно съ доходомъ, самый незначительный). И такъ, въ степяхъ Европейской Россіи задача обзаведенія самостоятельнымъ хозяйствомъ состоитъ для новосела изъ двухъ частей: покупки земли и покупки инвентаря, а въ Азиатской Россіи она состоитъ лишь въ покупкѣ инвентаря *).

Стало быть, насколько земля и инвентарь дороже одного инвентаря, настолько легче добиться хозяйственной самостоятельности азиатскому, нежели европейскому новоселу. На самомъ же дѣлѣ разница между условіями обзаведенія того и другого еще болѣе велика, ибо новоселу Азиатской Россіи, кромѣ того, гораздо легче приобрести и инвентарь.

Во-первыхъ, инвентарь здѣсь очень дешевъ: благодаря обилію дѣса, дешево стоятъ постройки; вслѣдствіе обширности дѣлшаго скотоводства, дешевъ скотъ, а при достаточномъ развитіи промысловъ, заносимыхъ сюда самими же переселенцами, не дороги все принадлежности полевого и до-

*) Правда, и здѣсь уплату за пріемный приговоръ старожиламъ можно рассматривать какъ уплату за землю, но эти суммы незначительны по сравненію съ условіями покупки и аренды земли въ степяхъ Евр. Россіи.

машинного хозяйства. Во-вторых, — и это главное, — именно потому, что здесь новоселъ сразу и безъ единовременной затраты приобретаетъ землю; ему становится гораздо легче приобрести и инвентарь, ибо онъ сразу же добываетъ средства не только батраческимъ заработкомъ, а и доходомъ съ надѣла. Онъ сдаетъ его въ аренду подь посѣвъ или подь пастьбу, или сдаетъ сѣнокошный лугъ, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ самъ скашиваетъ сѣно на продажу и этимъ иногда въ первый же годъ по приходѣ выручаетъ замѣтную сумму *). Наконецъ, онъ сразу имѣетъ доходъ отъ посѣва: за свой батраческій трудъ онъ беретъ здѣсь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, плату натурой — сѣменами для посѣва, инвентаремъ во временное пользованіе или просто $\frac{1}{2}$ — 1 десятиной засѣяннаго старожиломъ поля, которое онъ потомъ самъ лишь убираетъ. Такая господствующая здѣсь патріархальная и крайне выгодная для новосела форма платы за трудъ имѣетъ послѣдствіемъ замѣчательное явленіе: здѣсь бездомовыхъ семей среди переселенцевъ гораздо больше, чѣмъ безпосѣвныхъ, — иными словами, здѣсь переселенецъ посѣвомъ обзаводится раньше, чѣмъ домомъ, имѣетъ жатву раньше, чѣмъ жилище. Благодаря всему этому и болѣе мелкимъ преимуществамъ, новоселъ Азіатской Россіи не только выполняетъ лишь меньшую часть задачи, стоящей предъ переселенцами степей Европейской Россіи, — вмѣсто покупки земли и инвентаря, покупаетъ лишь одинъ инвентарь, — но, по этому самому, и инвентарь этотъ достается ему съ гораздо меньшими усиліями и въ гораздо болѣе короткій срокъ.

Послѣ этихъ краткихъ апіорныхъ соображеній читателю уже не должны показаться удивительными и неожиданными тѣ яркія картины успѣховъ вселенія въ Азіатской Россіи, которыя рисуются всѣми наблюдателями и подтверждаются, какъ ниже увидимъ, всѣми точными цифрами, къ которымъ я и перехожу теперь.

Изъ множества собранныхъ мною общихъ отзывовъ и описаній различныхъ наблюдателей, такъ сказать, глазомѣрно опредѣляющихъ результаты вселенія въ Азіатской Россіи и приходящихъ единогласно къ болѣе или менѣе оптимистическимъ заключеніямъ, я, за недостаткомъ мѣста, могу здѣсь привести только одно такое описаніе, наилучше резюмирующее остальные и рисуемое коротко, просто и точно весь ходъ борьбы новоселовъ за хозяйственную самостоятельность въ мѣстности, принявшей болѣе или менѣе половину новоселовъ Азіатской Россіи и служащей ей наиболѣе типичнымъ въ данномъ отношеніи райономъ. Описаніе это я, впрочемъ, по-полно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколькими болѣе точными данными.

*) „Самый главный и существенный заработокъ для переселенца въ моментъ прибытія, это — сѣно: косятъ столько, сколько пожелаютъ, — гулаи коса по всему участку, иногда 10,000 десятинъ. На косовицу выѣзжаютъ положительно все мужики, парни и дѣвки. Сѣно — самый дорогой и ходкій обмѣнный товаръ. Собственникъ-крестьянинъ всегда держитъ много скота и, несмотря на громадные сѣнокошные пространства, часто нуждается въ сѣнѣ“ (см. Остафьевъ, *Юридическ. Вѣстн.* 1891 г., кн. 5—6).

Вот что читаемъ мы въ *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1882 годъ (№ 28):

«Переселенцы, прибывшіе въ Сибирь бѣдняками, истратясь дорогой и распродавъ все, должны жить на первое время личнымъ трудомъ. Избравъ село или деревню, они выпрашиваются къ кому-нибудь изъ старожиловъ за малую плату *), а иногда вовсе даромъ—ради Христа, на квартиру и помѣщаются обыкновенно въ какой-нибудь убогой, полуразрушившейся избушкѣ, оказавшейся у хозяина излишней, а иногда и сами плетутъ себѣ изъ хвороста лачугу, забиваютъ ее глиной, и въ такихъ жилищахъ проводятъ первое лѣто. Устроивъ свое первое жилище, семья переселенцевъ начинаетъ жить заработками. Въ первое же лѣто мужчины и женщины, старый и малый,—однимъ словомъ, всякій, кто только въ состояніи и силѣ,—стараятся зарабатывать и пріобрѣтать...» Последнія слова слѣдуетъ понимать буквально. Взрослые члены семьи нанимаются на полевые работы, частью въ годовые рабочіе за нѣсколько десятковъ рублей или за одежду, или иногда—лошадь, или за посѣвъ хлѣба и т. д. «*Малолѣтковъ* отъ 12—13 лѣтъ отдають въ лѣто за 8—10 руб., зиму 3—4 рубля или просто изъ-за хлѣба; дѣвочекъ *тоже на зиму раздають съ няньки*, взрослыхъ за 2—3 руб., а *малолѣтнихъ*—изъ хлѣба».

Такого крайняго напряженія требуетъ отъ переселенцевъ первый моментъ борьбы «за хозяйственную самостоятельность и даже за самое существованіе». По словамъ переселенческаго чиновника г. Чарушина, «переселенцы не обзавелись еще ни хатой, ни сохой, ни лошадыю, не имѣютъ и десятины засѣяннаго хлѣба, а платить подати надо **), надо ставить и срубъ для жилья и подумать о пашиѣ...» При такихъ условіяхъ немудрено, что рѣдкій переселенческій поселокъ и въ Азіатской Россіи избѣгаетъ голоднаго тифа въ первый годъ по поселеніи.

Но не долго сравнительно длится для азіатскаго новосела этотъ первый тяжелый искусь. Часто уже на первый, второй годъ онъ успѣваетъ стать на ноги.

«При крайне короткомъ времени страды въ Сибири, рабочія цѣны доходятъ иногда до баснословныхъ размѣровъ... Часто,—пишетъ г. Голубевъ (см. *Юридич. Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5—6),—старожилы нарочно ѣдутъ въ Томскъ, Барнаулъ съ какимъ-либо извозомъ, чтобы оттуда захватить себѣ на полевые работы семью или нѣсколько семей бѣдныхъ переселенцевъ, соблазняютъ ихъ дешевой провоза къ мѣсту» и т. д. «За житво десятины ровной густой пшеницы переселенцы берутъ въ урожайные годы отъ 75 коп. до 1 р. 20 к.; харчи по условію, напримѣръ, три раза чай съ пшеничнымъ («съ приеуской»), обѣдъ и ужинъ изъ 3—4 блюдъ,

*) За квартиру новоселы платятъ отъ 25 коп. до 1 руб. 50 к. въ мѣсяцъ.

**) Правда, по новому закону (89 г.), переселенцы пользуются отсрочкой платежей,—но только тѣ, которые переселились съ разрѣшенія начальства, всѣ же „самовольные“, которыхъ ни въ одномъ послѣднемъ году не было меньше $\frac{1}{3}$ всего числа переселенцевъ, не пользуются этою льготой.

щи съ мясомъ или похлебка, мясо жареное, каша съ масломъ, молочная яичница, пироги и т. п.; все это обязательно сопровождается известнымъ количествомъ стакановъ водки, напимѣръ, за обѣдомъ и ужиномъ. На работу наниматель привозитъ и отвозитъ обратно» (Остафьевъ, *Юридическ. Вѣстникъ* 1891 г., кн. 5—6). Такъ что иногда во время страды каждый хорошій рабочій въ два съ половиной, три мѣсяца смѣло можетъ заработать отъ 80 до 100 руб., вдвоемъ же съ бабой—отъ 120 до 150 р. (Остафьевъ, *ibid.*), т.-е. сразу почти всю ту сумму, которая, какъ сказано выше, необходима для перваго обзаведенія.

Въ неурожайный годъ обзаведеніе, конечно, сильно замедляется; громадное большинство обратныхъ переселенцевъ именно и уходятъ вслѣдствіе того, что попадаютъ въ неурожайный годъ. Вообще же дальнѣйшій ходъ борьбы новосела за хозяйственную самостоятельность рисуется слѣдующими чертами (продолжаемъ цитату изъ *Томскихъ Вѣдомостей*):

«Переселенцы спѣшатъ работать въ будни и праздники. Проработавъ два, три мѣсяца, семья переселенца имѣетъ возможность сбить немного денегъ, необходимыхъ для покупки къ зимѣ своей избы, а также, при общей дешевизнѣ цѣнъ, одну, двѣ, а иногда и три лошади, если семья по числу рабочихъ рукъ находится въ хорошихъ условіяхъ. Проходитъ зима, а при худыхъ условіяхъ и слѣдующее лѣто, употребленное еще на заработки,—и хозяинъ покупаетъ еще одну, двѣ лошади, корову, и съ наступленіемъ лѣта бѣднякъ-переселенецъ имѣетъ возможность начать жить собственнымъ хозяйствомъ, заводить свою пашню, вспахиваетъ 2—4 десятины, обзаводится осѣдлостью и живетъ полнымъ хозяиномъ. Пройдетъ 3—4 года, и устроившійся переселенецъ пишетъ на родину, что ему хорошо и зоветъ своихъ односельчанъ въ *богатый землею край*. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ и трудныхъ путешествій переселенцы достигаютъ своей цѣли: *они отдыхаютъ при здѣшнихъ свободныхъ условіяхъ пользования землей*».

Такъ рисуется вселеніе къ 1882 году. Въ 1889 году оно характеризуется въ отзывахъ волостныхъ правленій Алтайскаго горнаго округа совершенно тѣми же чертами: «Едва не всѣ волостныя правленія сроку для устройства самостоятельнаго хозяйства *бѣднями или советъ немощными* переселенцами опредѣляютъ въ 2—3 или 3—5 лѣтъ» (Голубевъ, *Юридич. Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5—6).

Вся имѣющаяся у меня общія описанія, — «глазомѣрныя» опредѣленія результатовъ вселенія въ различныхъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи, — всѣ единогласно повторяютъ то же самое, т.-е. что въ 3—5 лѣтъ громадное большинство новоселовъ успѣваетъ здѣсь добиться хозяйственной самостоятельности.

Но не удовольствуемся такими опредѣленіями, хотя, — необходимо замѣтить, — они уже сами по себѣ имѣютъ громадную цѣну, когда единогласны. Обратимся къ конкретнымъ фактамъ.

Здѣсь мы, прежде всего, находимъ довольно много *примѣровъ*, т.-е.

описаній среднихъ переселенческихъ семей или среднихъ переселенческихъ поселковъ, на которыхъ съ полною наглядностью можно прослѣдить, какъ правильны, въ общемъ, вышеприведенныя глазомѣрныя опредѣленія. Но этихъ отдѣльныхъ примѣровъ, хотя они часто очень краснорѣчивы, я, за недостаткомъ мѣста, не буду приводить здѣсь, а обращусь прямо къ нѣсколькимъ вполне точнымъ общимъ цифрамъ, охватывающимъ или сразу по нѣскольку типичныхъ переселенческихъ селеній данной мѣстности, или даже цѣлые районы вселенія.

Всѣ имѣющіяся у меня данныя такого рода характеризуютъ въ главныхъ признакахъ хозяйственное положеніе отъ 30 до 35 тысячъ душъ переселенцевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, послужившихъ главными пріемниками переселенческаго движенія.

На первомъ планѣ среди этихъ данныхъ нужно, какъ по точности изслѣдованія, такъ и по количеству изслѣдованныхъ, поставить статистическія работы, произведенныя въ Акмолинской области (см. *Объяснительную записку къ работамъ по поземельному устройству крестьянъ-переселенцевъ въ уѣздахъ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ г. Фролбагрѣва*). Въ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ, вмѣстившихъ большую часть переселенцевъ Акмолинской области, была произведена въ 1891 г. подворная перепись всѣхъ переселенческихъ селеній по вполне достаточной программѣ, заключавшей, между прочимъ, свѣдѣнія какъ о времени прибытія каждой семьи, такъ и о всѣхъ главнѣйшихъ признакахъ ея хозяйственнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ получить точную картину борьбы акмолинскаго новосела за хозяйственную самостоятельность, нужно разбить ихъ на группы по годамъ ихъ поселенія: на прожившихъ 1 годъ, 2 г., 3 г. и т. д. и, затѣмъ, сравнить благопріятные и неблагопріятные хозяйственные признаки этихъ группъ. Такой работы, требовавшей много труда и времени, я, однако, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ сдѣлать, а удовлетворился другимъ способомъ вычисленія, потребовавшимъ меньше труда и, однако, давшимъ очень рельефные и, навѣрное, не преувеличенные выводы. А именно, я взялъ изъ работы г. Фролбагрѣва готовые поселенные итоги, и такъ какъ 19 (изъ 21) селеній оказались по преимуществу или исключительно заселенными переселенцами одного какого-нибудь года, то я и принялъ эти поселенныя группы за группы переселенцевъ по періодамъ ихъ поселенія. При такомъ пріемѣ получилась неточность, но неточность, увеличивающая силу выводовъ, получившихся несмотря на нее: въ селеніяхъ ранѣе заселившихся меньшинство позже пришедшихъ понижало признаки благосостоянія въ поселенныхъ итогахъ, приближая ихъ къ среднему, а въ селеніяхъ съ позже пришедшими новоселами меньшинство ранѣе поселившихся повышало поселенные выводы, тоже придвигая ихъ къ среднему; и если, даже и при такомъ ступеневывающемъ признакахъ пріемѣ разница между ранѣе и позже пришедшими получилась, все-таки, крайне рѣзкая, то, оче-

видно, при вполнѣ точномъ сравненіи, она была бы еще значительнѣе. И такъ, при разсмотрѣніи нижеслѣдующей таблицы нужно помнить, что она значительно скрадываетъ разницу между ранѣе и позже поселившимися новоселами и такимъ образомъ показываетъ успѣшность вселенія въ Акмолинскую область ниже дѣйствительной.

Наиболѣе удобно всѣ 19 селеній (2 селенія я опустил, какъ слишкомъ смѣшанныя по времени прибытія въ нихъ переселенцевъ) дѣлятся на три группы: 1) 11 селеній, состоящихъ по преимуществу изъ переселенцевъ, пробывшихъ на новыхъ мѣстахъ до 3-хъ лѣтъ, 2) 3 селенія, населенныя переселенцами, въ большинствѣ прожившими отъ 3 до 7 лѣтъ, и 3) 5 селеній съ новоселами, проживающими уже болѣе 7 лѣтъ. Благо-состояніе этихъ трехъ группъ выражается слѣдующими цифрами:

КАТЕГОРИИ СЕМЕЙ.	На 1 семью приходилось.										% с е м е й .				
	Стоимость построекъ (въ руб.)	Лошадей.	Коровъ.	Мелкаго скота.	Всего скота въ крупномъ.	Телятъ.	Сохъ.	Десят. посѣва.	Бездомовыхъ.	Безъ скота.	Безъ земл. оруд.	Безъ посѣва.	Занимающихся багачествомъ.	Просиш. милост.	Число семей приход. на 1 промышл. зав.
У 2,325 семей, прож.															
до 3 лѣтъ	13,6	1,2	1,1	0,5	2,3	1,3	0,5	2,2	27,3	21,1	27	10	11,7	0,6	581
У 473 семей, прожив.															
отъ 3 до 7 л.	56	2,2	3	5,1	5,7	1,7	0,7	5,4	19	15,0	17,8	10	5,5	0,2	21
У 866 семей, прожив.															
болѣе 7 лѣтъ.	78,3	2,5	5,5	6,3	8,6	2	1	9,3	14,2	11,1	15,8	5,7	7,9	0	19

Въ приведенной таблицѣ возрастаніе благопріятныхъ и пониженіе неблагопріятныхъ признаковъ у группъ раньше поселившихся по сравненію съ группами позже пришедшихъ происходятъ съ такою правильностью, которая дѣлаетъ излишними всякія поясненія и можетъ привести читателя и безъ моей формулировки къ одному только выводу.

Чтобы покончить съ результатами вселенія въ Акмолинской области, приведемъ еще одну таблицу о части тѣхъ же кокчетавскихъ и петропавловскихъ новоселовъ, рисующую уже съ полною точностью, а потому и съ гораздо болѣею яркостью замѣчательный ростъ ихъ благосостоянія.

У однѣхъ и тѣхъ же семей приходилось на 1 семью:

Поселки:	Стоимость построекъ въ рубляхъ		Число головъ крупнаго скота		Десятинъ посѣва		На поселокъ приходилось казеннаго долга, руб.	
	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.	въ 84 г.	въ 91 г.
1. Викторовскій (97 сем.). . .	44	77	2,4	7,5	3,5	7,1	неизвѣстно.	
2. Балкашинскій (56 сем.). . .	61	159	3,3	12,3	4,2	13,1	3,138	643
3. Владиміровскій (35 сем.). . .	17	76	4,6	12,1	4,1	12,1	950	52

4. Михайловскій (82 сем.). . .	17	34,8	2	5,3	3,4	5,1	неизвѣстно.		
5. Алексѣевскій (25 сем.). . .	23	91	1,7	9	1,6	11,5	1,137	5	
6. Александровскій (96 сем.). . .	26	57,8	2,3	7,9	2,4	8,5	1,859	541	
7. Дороеевскій (около 100 с.).	24	113	4,4	8,6	6,1	10,2	2,824	356	
8. Петровскій (неизвѣстно). .	«всѣ эти признаки съ 84 г. къ 91 г. возросли втрое»							1,350	200

Итого у 491 семей
первыхъ 7 поселк. 30,8 83 3 8,4 3,6 9 11,258 1,797

Эта послѣдняя таблица, столь ярко рисующая возрастаніе хозяйственнаго благосостоянія новоселовъ, цѣнна особенно тѣмъ, что она сравниваетъ однѣ и тѣ же семьи: она беретъ ихъ наудачу (о какихъ есть свѣдѣнія) въ данный моментъ и послѣ этого момента черезъ 7 лѣтъ, и оказывается, что за эти 7 лѣтъ благосостояніе ихъ по всѣмъ признакамъ увеличилось почти втрое, а долгъ уменьшился въ 6 разъ. Эта таблица, охватывающая болѣе 3,000 душъ случайно взятыхъ въ разныхъ селахъ переселенцевъ, окончательно устраняетъ сомнѣнія въ быстротѣ и прочности роста благосостоянія новоселовъ Акмолинской области.

Между тѣмъ, результаты вселенія въ Акмолинской области замѣтно менѣе благоприятны, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи, о какихъ только имѣются мало-мальски точныя свѣдѣнія.

Даже въ Тобольской губерніи, которая почти перестала привлекать къ себѣ «самоходовъ» и сама высылаетъ значительное число переселенцевъ, новоселы, селящіеся здѣсь, устраиваются, повидимому, лучше, чѣмъ въ Акмолинской области. Это показываютъ слѣдующія цифры объ устроенныхъ здѣсь въ 1887 году переселенцахъ (привожу эти данныя рядомъ съ соотвѣтствующими изъ вышеприведенной таблицы объ акмол. перес.):

КАТЕГОРИИ СЕМЕЙ.	Приходилось на 1 семью.				%. Безъ земл. орудій.		
	Стоимость построекъ.	Число лошадей.	Число коровъ.	Десятинъ посѣва.	Безъ комъ.	Безъ скота.	Безъ земл. орудій.
У 419 семей, прожившихъ немного болѣе 1 года въ Тобольской губ. *) . .	28 руб.	2,6 шт.	1,6 шт.	2,3 д.	20	20	20
У 2,325 семей, прожившихъ до 3 лѣтъ въ Акмолинской области . . .	13,6 р.	1,2 »	1,1 »	2,2 »	27,3	21,1	27

*) См. Восточное Обозрѣніе 1888 г., № 8, статья: Переселенческіе отряды. Тамъ

Какъ видимъ, тобольскіе новоселы, несмотря на то, что прожили на новыхъ мѣстахъ меньше акмолинскихъ (не надо, притомъ, забывать, что среди акмолинцевъ нѣкоторую часть составляютъ и совсѣмъ давно поселившіеся), все-таки, успѣли во всѣхъ безъ исключенія признакахъ стать выше послѣднихъ.

Но, безспорно, еще гораздо болѣе успѣшнымъ было вселеніе въ Алтайскій горный округъ Томской губерніи. Благодатныя природныя условія, счастливо совпавшія съ особенно льготнымъ и свободнымъ порядкомъ завладѣнія землей на занимающихъ три лучшихъ округа Томской губерніи владѣніяхъ Кабинета, — два главныхъ фактора успѣшности вселенія, — позволяли бы уже а priori сдѣлать самыя благоприятныя предсказанія. А тотъ фактъ, что сюда прошло не менѣе 300,000 новоселовъ, т.-е. половина новоселовъ Азіатской Россіи, уже окончательно позволяетъ не сомнѣваться въ томъ, что не даромъ эта мѣстность пользуется славой «переселенческаго Эльдорадо». Но, не довольствуясь опять такимъ общимъ признаніемъ и апріорными соображеніями, обратимся къ цифрамъ.

Г. Чудновскій въ своей книжкѣ *Переселенческое дѣло на Алтай* приводитъ данныя о пяти большихъ селеніяхъ, гдѣ новоселы живутъ рядомъ со старожилами; данныя эти, добытыя подворною переписью, характеризуютъ главными признаками хозяйственнаго достатка хозяйства болѣе 1,200 дворовъ новоселовъ и болѣе 500 сем. старожиловъ; взятыя въ среднихъ типичныхъ селеніяхъ разныхъ мѣстностей данныя эти, несомнѣнно, годятся для общихъ выводовъ.

Хозяйственное положеніе этихъ алтайскихъ новоселовъ я сравню, во-первыхъ, съ положеніемъ акмолинскихъ переселенцевъ; во-вторыхъ, съ хозяйственнымъ уровнемъ алтайскихъ старожиловъ и, наконецъ, съ тѣмъ хозяйственнымъ благосостояніемъ, каковымъ эти самыя новоселы пользовались у себя на родинѣ.

Приходилось на 1 семью.

Лошадей.	Рогатаго скота.	Десятинъ посѣва.
----------	-----------------	------------------

† У 1,226 семей алтайскихъ новоселовъ (въ томъ числѣ и неприсчисленные, т.-е., въ громадномъ большинствѣ, только что пришедшіе).	6,3 гол.	7 гол.	9,2
У 839 сем. акмолин. перес., прожившихъ въ большинствѣ не менѣе 3 лѣтъ	2,3 »	4,1 »	7,1

Эти простыя цифры съ полною очевидностью показываютъ намъ, что вышеприведенныя таблицы объ Акмолинской области дѣйствительно рисуютъ лишь минимумъ успѣшности вселенія въ Азіатской Россіи, — минимумъ, который значительно превзойденъ половиной новоселовъ Азіатской Россіи, поселившейся въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

И такъ, мы видѣли цифры, которыми характеризуются успѣхи не менѣе

ханы не вполне точныя цифры, а лишь приблизительныя высшія, среднія и низшія нормы новосельскихъ хозяйствъ; я и ввѣлъ для сравненія среднія.

400 тыс. душъ азиатскихъ новоселовъ. Читатель видѣлъ, что новоселы достигаютъ здѣсь хозяйственной самостоятельности съ неуклонною правильностью и что хозяйственный ихъ уровень характеризуется чрезвычайно благоприятными цифрами. Пора теперь вполне точно опредѣлить значеніе этихъ цифръ; это можно сдѣлать сравненіемъ ихъ съ тѣмъ, что новоселы имѣли на родинѣ и что старожилы имѣютъ въ Сибири; тогда мы и поймемъ, насколько они разбогатѣли, и увидимъ, догнали ли они знаменитыхъ сибирскихъ богатѣевъ.

Изъ подробныхъ цифръ г. Чудновскаго беру лишь вѣскольکو главныхъ *):

У однихъ и тѣхъ же семей.	Приходилось на 1 семью.			%. Безлошадныхъ.
	Лошадей.	Рогатаго скота.		
Въ Россіи	2,3 гол.	1,3 гол.	до 6 дес. <i>надѣла</i>	5,2
На новоселыя	4,4 »	5,2 »	» 6,9 д. <i>посѣва</i>	1,6

Мы видимъ, насколько алтайскіе новоселы разбогатѣли: они имѣютъ на новомъ мѣстѣ больше посѣвной земли, чѣмъ на родинѣ имѣли всей надѣльной.

Догнали ли они старожиловъ?

	Приходилось на 1 семью.		
	Лошадей.	Рогатаго скота.	Десятинъ посѣва.
У 1,226 семей новоселовъ, причисленныхъ и непречисленныхъ	6,3	7	9,2
Изъ нихъ у 1,001 семьи однихъ причисл.	6,9	7,6	10,5
У 528 сем. старожиловъ	7	8,4	9

Изъ этой таблички ясно, что прожившіе нѣкоторое время (болѣе 3 и до 5 лѣтъ, когда еще тянутся хлопоты о перечисленіи) новоселы по количеству скота почти сравниваются со старожилами, а размѣрами посѣва даже оставляютъ ихъ за собой. Меньше у новоселовъ и семей безлошадныхъ и безъ скота: такъ, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ селѣ Смоленскомъ (гдѣ старожиловъ 167 сем., а новоселовъ 515 сем.) у старожиловъ 14,3% безлошадныхъ, а у новоселовъ 10,8%; семей безъ скота у первыхъ 13,1%, а у вторыхъ 10,9%.

И такъ, мы видимъ, что успѣхи аемолинскихъ новоселовъ, обрисованные вышеприведенными таблицами, составляютъ минимумъ по сравненію съ еще болѣе благоприятными результатами вселенія въ районѣ, принявшемъ главное ядро переселенческой массы. Въ другихъ привольныхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ Азиатской Россіи эти результаты были, повидимому, еще болѣе успѣшны.

Не буду останавливаться на вселеніи въ Восточную Сибирь, такъ какъ сейчасъ говорю лишь о мѣстностяхъ, о которыхъ имѣются хоть какія-нибудь

*) Цифры о числѣ лошадей и безлошадныхъ выведены изъ опроса 616 семей, остальные — изъ данныхъ о 514 сем. (см. Чудновскій: „Переселенческое дѣло на Алтай“).

цифровыя данныя, о переселеніи же въ Восточную Сибирь имѣются только общія описанія разныхъ наблюдателей, и всѣ они рисуютъ тѣ же картины успѣха и благосостоянія, граничащаго съ избыткомъ. Сюда и идутъ по большей части зажиточныя семьи, ищущія приволья и богатства; много здѣсь поселилось малороссовъ, выручающихъ даже за свои малые надѣлы въ плодородныхъ и перенаселенныхъ губерніяхъ по 500 и болѣе рублей; они селятся въ Минусинскомъ округѣ, ѣдутъ моремъ на Амуръ и т. д.; въ этомъ пустынномъ краѣ появляются пока только первые пионеры крестьянскаго переселенія.

Такъ же благоприятны и, притомъ, лучше обследованы результаты вселенія въ южную часть степного края — въ Семирѣченскую область. Здѣсь мнѣ удалось воспользоваться ненапечатанною работою г. Селицкаго *Экономическій бытъ русскихъ поселенцевъ Иссыкь-кульскаю и Токмакская уездовъ*. Хотя выборка и сводка безсистемно разбѣянныхъ въ этой работѣ данныхъ о 10 переселенческихъ поселкахъ (съ 610 семьями) потребовали много труда, но за то нижеприводимая таблица рисуетъ уже съ полною точностью, а, потому и съ болѣею яркостью хозяйственныя успѣхи семирѣченскихъ новоселовъ.

Сказанныя данныя характеризуютъ ходъ вселенія съ 1866 по 1876 г. и удобнѣе всего группируются въ слѣдующую таблицу:

Сколько прожили.	Сколько семей.	Сколько имѣли (на 1 семью) въ 1876 году:	
		десятины посѣва.	крупнаго скота.
Менѣе 1 года.	5 с.	2	3,8
Болѣе 1 года.	13 »	3,5	4,7
2 и 3 года	19 »	5,3	10,3
4 года	146 »	5,7	12,6
5 и 6 лѣтъ	164 »	6,2	14,4
7 и болѣе лѣтъ.	91 »	7,4	19,2

Въ комментаріяхъ эта таблица не нуждается. Она рисуетъ картину такого высокаго благосостоянія новоселовъ, что мы должны признать значительное реальное основаніе для тѣхъ, въ большинствѣ случаевъ, восторженныхъ разсказовъ объ Азіатской Россіи, обращенія которыхъ изъ писемъ переселенцевъ и отзывовъ ходяковъ можно видѣть въ выноскѣ *). Дѣйстви-

*) Вотъ какія заманчивыя картины, слегка украшенныя иногда цвѣтами фантазій, рисуютъ въ своихъ письмахъ новоселы и ходяки, побывавшіе въ Сибири (и вообще въ Азіатской Россіи): „Тысячу верстъ вдоль, тысячу верстъ поперекъ... Николи никто тамъ не сѣялъ... благодать разная на деревьяхъ растетъ, по шести коровъ держать (правда!)... двухъ теленокъ въ казну отбираютъ (фантазія). И сытость такъ безпримѣрная (для Европейской Россіи дѣйствительно безпримѣрная). Сѣять не надо: разъ посѣешь—лѣтъ 10 падалицей кормятся (?). Удовольствіе—какое сѣно... Черноземъ — два сажени. Лѣсъ — не охватишь, дикіе кабаны ходятъ... Обѣздчиковъ не встрѣтишь,—руби, сколько силъ хватить... Начальства нѣтъ (очевидное преувеличеніе). Помѣщиковъ ни одного нѣтъ. Земля въ тѣхъ мѣстахъ давно отъ баръ отошла: при Екатеринѣ Ермакъ съ Суворовымъ всѣхъ уничтожили...“ (см. Пономаревъ,

тельно, точныя цифры рисуютъ намъ такое блестящее положеніе новоселовъ, которое ихъ роднымъ и знакомымъ во внутренней Россіи должно представляться истиннымъ мужицкимъ раемъ, стоящимъ того, чтобы рискнуть изъ-за него на всѣ мытарства этого чистилища «переселенческой эпопеи».

Когда переселенцевъ спрашиваютъ, отчего они переселяются, они отвѣчаютъ: «Тѣсно стало». «Надѣла мало». «Земная тѣснота». «Дома телку привязать негдѣ было». «Иди куда хочешь, а дома, видимое дѣло, дѣваться некуда». «Нечѣмъ стало жить». «Прокормиться нельзя было». «Ѣсть хочется». «Намъ хотѣ хлѣба наѣсться». «Доживешься до того, что нечего станетъ ѣсть,—вотъ и идешь на сторону». «На родинѣ совсѣмъ житья не стало, все равно помирать надо». «Жить невоготу стало». «Жить никакъ нельзя». «Хуже не будетъ»... и т. д.

Чѣмъ, какъ не раемъ мужицкимъ, должны казаться этимъ переселенцамъ, отчаявшимся не только выбиться изъ нищеты, но прямо-таки просуществовать на родинѣ, эти 5—7 десятинъ посѣва, эти 15—20 головъ скота, которыми обзаводятся черезъ 5—7 лѣтъ семирѣченскіе новоселы?

Или вотъ приходитъ этотъ нищій-переселенецъ въ Семипалатинскую область. Здѣсь онъ записывается по большей части въ мѣщане (налоговъ съ мѣщанъ гораздо меньше) и отправляется, въ большинствѣ случаевъ, арендовать кабинетскія земли Бель-Агагской степи (одного изъ плодороднѣйшихъ уголковъ области). *Благодаря сравнительной свободѣ пользованія землей* (легкости приобрѣтенія ея на арендномъ правѣ, обилію земли, ничтожности налога и пр.), каждый пришелецъ на Бель-Агагъ, *хотя бы онъ былъ совершенно неумищій*, при извѣстной степени энергіи, труда и бережливости, можетъ сдѣлаться *собственникомъ-рабочимъ*, т.-е. обзавестись своимъ хозяйствомъ и работать, главнымъ образомъ, на себя *) . Вотъ, напримѣръ, поселокъ Зимовье съ 40 семьями (235 душъ об. п.), которые въ 1888 году прибыли сюда «безъ копѣйки за душой, а нынѣ каждая семья имѣетъ: 1) прочную собственную «заимку» (усадьбу); 2) среднимъ числомъ подъ хлѣбомъ—17½ казен. десятинъ; 3) подъ сѣнокосомъ—2,8 казен. дес., 4) подъ усадьбой—1 дес. каз., всего 23,3 каз. дес.; 5) скота: лошадей—7,2 шт., коровъ—1,7, барановъ и козъ—27 шт., итого 11 штукъ крупнаго скота»... «Зимовьевцы достигли бы еще большаго благосостоянія, если бы вели ту же трудовую до невозможности жизнь, какую имъ приходилось вести на родинѣ, а то теперь «они даютъ себѣ послабленіе»: «Мы,—говорятъ зимовьевцы,—теперь живемъ помаленьку... себя не утруждаемъ». На работу зимовьевецъ выходитъ въ 6—7 часовъ, возвращается

Вѣстн. Евр. 1886 г., кн. 9). Однимъ словомъ: „Хоть въ одной рубашкѣ пріѣзжай,—Сибирь оправитъ!“ „У васъ—помереть, здѣсь—изъ гроба встать!“ „У васъ—помереть, здѣсь—воскреснуть!“ Читатель видитъ, что эти восторженные отзывы, въ сущности, во всемъ существенномъ ни малѣйше не преувеличены.

*) См. Якимовъ, *Юридич. Вѣстникъ*: „Экономическія условія жизни на Бель-Агагъ, въ Средней Азіи“.

засвѣтло; со стола мясо, чай, да «горячая прикуска» (всякія печенья на маслѣ) изъ пшеничной муки не сходятъ; лапти сохранились только въ воспомнаніи».

Этими послѣдними словами, какъ видитъ читатель, мы можемъ резюмировать и общіе результаты вселенія въ Азіатскую Россію. Въ то время, какъ переселенцы колонизаціонной окраины Европейской Россіи, благодаря отсутствію свободныхъ земель, пришли, по выраженію Глѣба Успенскаго, къ «разбитому корыту», къ потерѣ хозяйственной самостоятельности, здѣсь у большинства изъ нихъ это «разбитое корыто» и нищенскія ихъ лапти сохранились лишь въ воспомнаніи.

Такое общее правило, настолько выше мною доказанное, насколько то позволили существующія данныя. Намъ остается теперь разсмотрѣть исключенія, его подтверждающія,—тѣ отдѣльные эпизоды вселенія, когда переселенецъ и въ Азіатской Россіи не успѣвалъ завладѣть землей, а потому не успѣвалъ и устроиться. Опредѣливъ % этихъ неудачныхъ случаевъ переселенія, мы тѣмъ самымъ точнѣе опредѣлимъ и размѣры переселенческаго большинства, успѣваго въ Азіатской Россіи добиться хозяйственной самостоятельности.

Спрашивается, какихъ именно изъ переселенцевъ мы должны признать потерпѣвшими неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи? Изъ предшествующаго уже изложенія очевидно, что такими нельзя считать безхозяйныхъ и бездомовыхъ: мы тамъ уже видѣли, что громадное большинство ихъ состоятъ изъ прожившихъ менѣе года или 1—2 года новоселовъ, которые, конечно, физически еще не могли успѣть устроиться, а что потому они обзаводятся хозяйствомъ, это, между прочимъ, вполне доказывается слѣдующими цифрами объ обратныхъ. Если бы послѣ 3—5 лѣтъ новоселы не успѣвали устроиться, то среди обратныхъ должно бы было быть ихъ (прожившихъ болѣе 3-хъ лѣтъ) никакъ не менѣе, а почти навѣрное болѣе, чѣмъ только что пришедшихъ. Въ дѣйствительности же, наоборотъ, среди обратныхъ всего лишь 14,1% насчитывалось прожившихъ отъ 1 до 3 лѣтъ, а ужъ послѣ 3-хъ и особенно 5 лѣтъ новоселы и вовсе почти перестаютъ уходить на родину: прожившихъ отъ 3 до 5 лѣтъ было среди обратныхъ 4,7%, прожившихъ болѣе 5 лѣтъ всего 3%, остальные 78,1% обратныхъ успѣли пробыть на новомъ мѣстѣ менѣе 1 года, а если переселенцы перестаютъ уходить обратно, значить успѣваютъ устроиться.

И такъ, изъ сказаннаго вполне очевидно, что бездомовые и безхозяйные среди новоселовъ Азіатской Россіи суть только что пришедшіе, а не неудачники. Стало быть, число неудачниковъ можетъ выражаться однимъ только числомъ обратныхъ переселенцевъ.

Каково это число?

Переселенческая контора въ Батракахъ отмѣтила за 81—85 гг. 1,760 душъ обратныхъ на 52,213 душъ прошедшихъ впередъ переселенцевъ; такимъ образомъ, тутъ обратные составляли 3,4%. По вычисленію г Исая

ва, въ 87, 88 и 89 гг., вмѣстѣ взятыхъ, обратные составляли 3,6% по отношенію ко всему числу переселенцевъ, водворившихся въ Томской губ. Последний расчетъ врядъ ли правиленъ: обратнымъ переселенцамъ съ кабинетскихъ земель Алтайскаго горнаго округа нѣтъ расчета идти на родину черезъ Томскъ, а потому хотя обратное переселеніе съ Алтая и очень, сравнительно, незначительно, но будетъ осторожнѣе сдѣлать расчетъ обратныхъ къ однимъ лишь прошедшимъ въ Восточную Сибирь и на казенныя земли Томской губерніи. За 89, 90, 91 и 92 гг. такихъ черезъ Томскъ прошло впередъ 6,784 семьи, а обратно на родину 361 сем., т.-е. 5,3% *). На основаніи этихъ цифръ я принимаю, что изъ переселенцевъ Азіатской Россіи обратно уходило не болѣе 6%.

Такой % обратныхъ, выражающій число неудачниковъ среди новоселовъ Азіатской Россіи, нужно признать чрезвычайно благоприятнымъ.

Это вполнѣ намъ станетъ ясно, если мы замѣтимъ, что бѣльшая доля обратныхъ переселеній вовсе и не вызывается экономическою необходимостью. Мы уже видѣли выше, что $\frac{1}{2}$ обратныхъ не прожили и 1 года на новыхъ мѣстахъ, т.-е., очевидно, вовсе и не успѣли еще приняться за хозяйственное обзаведеніе. И дѣйствительно, именно $\frac{1}{2}$ изъ нихъ, 78,3%, прямо и мотивировали обратный уходъ на родину «непривычнымъ климатомъ и неурожаемъ» (71,3%), «случайными причинами» и «рознью религіозной и бытовой» (7%), и только 21,7% изъ нихъ рѣшились сослаться на невозможность хозяйственнаго устройства, какъ на причину обратнаго переселенія. И мы, конечно, не можемъ имъ не вѣрить. Ибо, вѣдь, извѣстный % обратныхъ переселеній совершенно неизбѣженъ при какихъ угодно идеальныхъ условіяхъ вселенія, такъ какъ среди всякой толпы переселенцевъ найдется извѣстный % такихъ, которые не успѣютъ приспособиться къ новымъ, хотя бы и очень благоприятнымъ, условіямъ жизни. И у мужаика, вѣдь, есть извѣстныя потребности, привычки, вкусы, наклонности, привязанности, и его можетъ пугать непривычная природа, чуждый складъ жизни, одиночество, и его можетъ гнать домой тоска по роднымъ и по родинѣ, и его можетъ подавить стеченіе стихійныхъ бѣдствій (неурожай, падежъ скота, пожаръ и т. д.) и личныхъ несчастій (многія семьи, напримѣръ, теряютъ своихъ большаковъ или вообще рабочихъ членовъ: въ два мѣсяца пути умираетъ 1,5% переселенцевъ).

Но надо вспомнить, что современныя условія вселенія еще очень далеки отъ идеальныхъ и въ Азіатской Россіи. Незнаніе переселенцевъ и ошибки чиновниковъ среди громадныхъ, плодородныхъ и крайне разнообразныхъ районовъ, могущихъ угодить выходцу изъ любой мѣстности Европейской Россіи, приводятъ часто степняка-малоросса въ тайгу, болота или горы, а жителя лѣсныхъ губерній — въ степи, куриянина — въ пустыни Амура, переселенца изъ болотъ сѣвера — къ аркамъ Семирѣчья, — водворяютъ ихъ

*) См. *Вѣдомости о движеніи переселенія по Томской губерніи за 89, 90, 91*

на участкѣ безводномъ, безлѣсномъ, бесплодно-песчаномъ, болотистомъ или по другой какой-либо причинѣ непригодномъ для поселенія. Немудрено, что переселенцы пугаются и бѣгутъ. Удивительно, что ихъ бѣжить такъ мало.

Послѣ всего сказаннаго, приходится заключить, что и число обратныхъ, такъ же, какъ и число бездомовыхъ и безхозяйныхъ среди новоселовъ, не даетъ намъ вполне точнаго числа переселенцевъ Азіатской Россіи, потерпѣвшихъ неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи. Съ одной стороны, и кромѣ обратныхъ переселенцевъ, навѣрное, есть извѣстное число переселенцевъ-неудачниковъ, оставшихся и на новыхъ мѣстахъ почти или вовсе безхозяйными: я старался выше показать, что число такихъ можетъ быть лишь совершенно ничтожнымъ. Съ другой стороны, среди обратныхъ переселенцевъ существуетъ нѣкоторый %, а именно до $\frac{1}{3}$, такихъ, которые ушли обратно не по экономической необходимости и потому не могутъ быть поставлены въ разрядъ потерпѣвшихъ неудачу въ хозяйственномъ обзаведеніи.

Поэтому и на основаніи этихъ цифръ объ обратномъ переселеніи я не рѣшаюсь опредѣлить вполне точною цифрой размѣры удачнаго и неудачнаго переселенія въ Азіатскую Россію. Мнѣ кажется, что окончательныхъ неудачниковъ здѣсь, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть многимъ больше, чѣмъ обратныхъ переселенцевъ, которыхъ, какъ мы видѣли, никакъ не болѣе 6%, а, стало быть, успѣвшихъ устроиться нужно считать болѣе 90% *). На этой цифрѣ, на основаніи однихъ имѣющихся пока данныхъ, еще нельзя, конечно, настаивать. Но послѣ всего вышесказаннаго я считаю, по крайней мѣрѣ, вполне доказаннымъ то, что, во всякомъ случаѣ, громадное большинство новоселовъ Азіатской Россіи побѣдило въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность.

Чтобы закончить эту главу, я въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь показать результаты этой не только экономической, но и культурной побѣды новоселовъ Азіатской Россіи для пріютившей ихъ страны.

Вотъ какъ рисуются послѣдствія вселенія на Алтаѣ:

«Культурная роль и экономическое значеніе переселеній для края—огромны. Нѣтъ вустарнаго и ремесленнаго производства на Алтаѣ, которое не было бы улучшено переселенцами, а многія только съ ихъ приходомъ здѣсь и появились. Шубники, пимокаты, столяры, слесаря, швецы, штукатуры, даже плотники по городамъ и селамъ въ подавляющемъ большинствѣ—новоселы. Всецѣло имъ обязанъ край земледѣльческими машинами и

*) Г. Исаевъ пытается такимъ образомъ вычислить число успѣвшихъ устроиться. Неудачниками онъ считаетъ обратныхъ новоселовъ и просившихъ о ссудѣ. Обратныхъ онъ принимаетъ 3,6%, а изъ водворившихся въ Томской губерніи 1888—1889 гг. 32,739 душъ переселенцевъ о ссудахъ деньгами и клѣбомъ на продовольствіе и обмѣненіе просили 4,344 душ., т.-е. 12,3% всѣхъ поселившихся. Такъ что обратныхъ и просившихъ о ссудѣ г. Исаевъ принимаетъ за 15,9% всѣхъ поселившихся и, такимъ образомъ, количество уже вполне и навѣрное устроившихся новоселовъ онъ опредѣляетъ въ 84,1%. Г. Исаевъ и самъ говоритъ, что считать просившихъ о ссудѣ неудачниками невозможно и что въ дѣйствительности число безспорно и вполне обзаведшихся должно быть гораздо выше этихъ 84%.

орудіями. Мѣстная соха вытѣняется російскимъ плугомъ; вѣялки и сортировки въ Бійскомъ округѣ есть почти въ каждой деревнѣ; во всѣхъ волостяхъ Бійскаго и въ нѣкоторыхъ Барнаульскаго округовъ работаютъ по 2 — 4 молотилки. Кромѣ городовъ, появляются такіе кустарные переселенческіе центры, какъ село Загайново: здѣсь, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, дѣлаются шерстобитныя машины, точатся самопрялки, деревянная посуда и т. п. Переселенцы завели въ Бійскомъ округѣ маслобойни; до этого постнаго масла совсѣмъ не было въ алтайскихъ деревняхъ. Они же въ большинствѣ строятъ водяныя мельницы и совсѣмъ измѣнили мѣстную конструкцію вѣтряныхъ. Мѣстныя породы скота улучшаются скрещиваніемъ съ породами, вывезенными изъ Россіи, а также разводятся новыя породы и въ чистомъ видѣ: таковы орловскіе рысаки, «чухонскія» свиньи, длинношерстныя овцы, крупный рогатый скотъ и пр. Переселенцамъ же принадлежитъ починъ и главная роль въ дѣлѣ улучшенія сѣмянъ и введенія въ культуру на Алтаѣ новыхъ сортовъ хлѣба: преимущественно ими сѣются китайская рожь («веснянка»), черный овесъ, пшеница-бѣлоторка, синесуска и пр.; просо вошло въ составъ постоянной пищи алтайскаго крестьянина только съ развитіемъ переселеній, гречу же въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ до сихъ поръ сѣютъ и ѣдятъ одни новоселы, а изъ старожиловъ многіе незнакомы съ ней даже по виду». (См. сборникъ *Алтай*, статья г. Овсянкина о переселеніи, стр. 355).

Въ переходѣ отъ скотоводческаго къ земледѣльческому хозяйству несомнѣнно рѣшающую роль, по заявленію самихъ старожиловъ, сыграли переселенцы; одно, наприм., алтайское волостное правленіе пишетъ: «Хлѣбопашество существуетъ (въ волости) не съ давняго времени, а именно оно укоренилось лишь со времени наплыва переселенцевъ изъ другихъ губерній, которые и послужили примѣромъ къ трудолюбію» (см. Голубевъ, *Юридическій Вѣстникъ* 1892 г., кн. 5 — 6). Г. Овсянкинъ пишетъ, что знаетъ деревни, гдѣ «до прихода переселенцевъ не было ни одного пахаря, а теперь рѣдкій старожилъ не засѣваетъ 1 — 5 десятинъ» (см. сборникъ *Алтай*). Иныя волостныя правленія указываютъ, что иногда старожилы прямо учатся у переселенцевъ земледѣлію: «Старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знанію переселенцевъ по земледѣльческимъ и хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ», — пишетъ Зыряновское волостное правленіе. Таковы же были результаты вселенія всюду, гдѣ оно принимало мало-мальски замѣтные размѣры; всюду, гдѣ переселенцы находили скотоводческое хозяйство еще преобладающимъ, они быстро перемѣщали центръ тяжести производства въ земледѣліе, за ними понемногу слѣдовали и крестьяне-старожилы, и козаки, и даже инородцы. «Земледѣліе проникаетъ въ такія мѣстности, которыя никогда не мечтали имѣть свой, а не привозный хлѣбъ. Пыльшій годъ, — пишутъ изъ Атбасара, Акмолинской области (въ 1885 г. см. *Петерб. Газ.*, № 46), — составилъ у насъ какъ бы переломъ въ общемъ характерѣ занятій населенія: рѣдкій козакъ не посѣялъ хоть сколько-нибудь. Биргизы, и тѣ, благодаря російскимъ переселенцамъ, занялись хлѣбо-

пашествомъ» (см. выше цитированную статью г. Якимова въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*).

«Еще недавно въ Акмолинскую область везли хлѣбъ изъ Тобольской губерніи, нынѣ же изъ области везутъ хлѣбъ въ Тобольскую губернію. Лѣтъ 20 назадъ въ Акмолинскѣ ржаная мука стоила 2—3 руб. за пудъ, а теперь пшеничная мука стоитъ 40—50 коп. пудъ» (*Вост. Об.* 1887 г., № 34). Прежде изъ Сибири хлѣбъ вовсе не вывозился; имъ едва удовлетворялась собственная потребность въ хлѣбѣ. Въ 1887 же, наприм., году съ одѣхъ алтайскихъ пристаней р. Оби отправлено съ одного Алтая до 2½ миллионѣвъ пудовъ хлѣба. Послѣ же 1891 года, неурожайнаго въ Европейской Россіи и урожайнаго для Сибири, отправка хлѣба по Оби изъ Томской губ. и Иртышу изъ Степного края достигла уже весьма значительныхъ размѣровъ, перешагнувъ, повидимому, за десятокъ миллионѣвъ пудовъ (въ одномъ Семипалатинскѣ скопилось къ 1893 году до 6 милл. пудовъ). Хлѣбною промышленностью почти исключительно создано пароходство по Оби и Иртышу: почти всѣ пароходоладѣльцы—собственно хлѣбные торговцы, вынужденные, для расширенія торговли и для избѣжанія эксплуатаціи немногими пароходчиками, завести собственные пароходы. Послѣ урожая 1891 года, въ 1892 и 1893 годахъ спущено нѣсколько десятковъ новыхъ пароходовъ.

Описаніе культурно-экономическихъ успѣховъ Азіатской Россіи, которыми обязана она, главнымъ образомъ, своимъ 600,000 переселенцевъ, мы закончимъ слѣдующею картиной промышленно-торговаго развитія Тургайской степи, о результатахъ вселенія въ которой мы, встати, еще ничего не говорили. Здѣсь особенно интересно появленіе, ростъ и развитіе города Кустаная. Еще въ 1880 году на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ возникъ, стоялъ лишь столбъ съ надписью: «Урочище Кустанай»; въ 1886 году тамъ уже былъ городъ съ 10,000 жителей, теперь же въ немъ уже до 20,000 жителей. «Всѣ губерніи Европейской Россіи найдутъ здѣсь своихъ представителей, которые пришли сюда въ лаптяхъ, ободранныхъ зипунахъ, съ грошами денегъ, но съ привычными къ труду руками... Наступили урожайные годы. Почва, никогда не выдававшая плуга, давала до 200—300 пудовъ съ десятины...» Теперь въ Кустанаѣ «каменные двухъ-этажные дома, магазины, лавки, церкви, училища,— все это съ непонятною для насъ быстротою выросло одно за другимъ». Переселилась сюда изъ Троицка, Оренбургской губ., и мѣстная администрація, оканчивается постройка телеграфа къ Троицку. «Въ торговомъ отношеніи Кустанай далеко уже опередилъ Троицкъ: его обороты достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рублей въ годъ. Сюда весь сѣверъ Тургайской области гонитъ свой скотъ и везетъ во множествѣ животныя продукты, сюда стекается просо и пшеница для обмѣна на европейскіе товары,— словомъ, торговое вліяніе Кустаная простирается на тысячи верстъ въ глубь степи, и съ каждымъ годомъ районъ его торговыхъ операцій все больше и больше расширяется» (см. *Русскія Вѣдомости* 1892 г., № 264).

Подобных ярких примѣровъ и краснорѣчивыхъ описаній культурно-хозяйственныхъ успѣховъ Азіатской Россіи послѣ прихода въ нее переселенцевъ можно бы привести еще много. Но и приведенныхъ, полагаю, достаточно, чтобы еще разъ косвенно иллюстрировать результаты побѣды, одержанной здѣсь большинствомъ переселенцевъ въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность, и чтобы показать, чего можетъ достигнуть русскій мужикъ, когда «дорвется» до «вольной земли».

З а к л ю ч е н і е.

Интересъ и значеніе приведенныхъ выше цифръ и фактовъ и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ, мнѣ кажется, достаточно очевидны. Надъ ближайшимъ будущимъ Россіи виситъ громадный вопросъ: разрушится или возстановится крестьянское хозяйство, донинѣ разрушавшееся? Рѣшеніемъ этого вопроса рѣшается, съ одной, по крайней мѣрѣ, стороны, и другой сливающийся съ нимъ вопросъ: сохранится ли крестьянская община, которая можетъ сохраниться только при возстановленіи крестьянскаго хозяйства? А рѣшеніемъ этихъ самыхъ главныхъ для Россіи настоящаго времени вопросовъ цѣликомъ опредѣляется если не самый конечный пунктъ ея общественно-экономическаго развитія, общій для Россіи и для другихъ цивилизованныхъ странъ, то всѣ главнѣйшіе этапы пути по этому направленію, который для Россіи могъ бы быть и инымъ, нежели путь, пройденный и проходимый другими цивилизованными странами.

Въ первой главѣ я старался показать, что разрушеніе крестьянскаго хозяйства сдѣлало уже такіе успѣхи (выражающіеся въ земельномъ дефицитѣ для 12 милліоновъ душъ крестьянъ и въ 15 милліонахъ душъ безхозяйныхъ), что остановить его и возстановить крестьянское хозяйство если еще могло бы что-либо, то только одно переселеніе, развившееся до достаточныхъ размѣровъ, происходящее при извѣстныхъ условіяхъ и сопровождаемое другими вспомогательными факторами. Понятна послѣ этого важность вытекающаго изъ этого вывода вопроса: можетъ ли и самое переселеніе осуществить эту громадную задачу? Для рѣшенія этого вопроса мы обратились къ разсмотрѣнію размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за послѣднее 30-лѣтіе.

Во второй главѣ мы опредѣлили приблизительные размѣры его: мы нашли, какъ и а priori было ясно, что они были слишкомъ незначительными по сравненію съ потребностью и задачею, стоявшими предъ ними, и, потому, не могли, конечно, оказать замѣтнаго задерживающаго вліянія на процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства. Но было ли это переселеніе 1 милліона слишкомъ душъ крестьянъ и по самымъ результатамъ своимъ полезнымъ или вреднымъ для крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства? Въ 3-ей, 4-ой и 5-ой главахъ мы разсмотрѣли этотъ вопросъ. Мы нашли, что результаты выселенія для хозяйства остающихся на родинѣ, насколько пока можно судить, были дѣйствительно благоприятны: выселеніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно уменьшало зе-

мельный дефицитъ, облегчало безхозяйнымъ и маломочнымъ крестьянамъ вѣнадцатилѣтныя формы борьбы за хозяйственную самостоятельность, — вообще, дѣйствительно противодѣйствовало разрушенію крестьянскаго хозяйства. Въ 4-ой и 5-ой главахъ мы подвели итоги результатамъ переселенія для 1 милліона, — 1.300,000 душъ, — самихъ переселившихся. Для бѣльшей половины ихъ эти результаты были, въ большинствѣ случаевъ, очень печальны: изъ 700 тыс. душъ переселенцевъ колонизаціонной окраины Европейской Россіи не менѣе $\frac{3}{4}$, т.-е. болѣе 500 тыс. душъ, не успѣли стать самостоятельными хозяевами; изъ остальныхъ же 600 тыс. душъ, поселившихся въ Азіатской Россіи, навѣрное, болѣе $\frac{3}{4}$ успѣли обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ. Т.-е. результаты переселенія были диаметрально противоположны для двухъ, почти равныхъ частей переселиваемаго милліона слишкомъ душъ переселенцевъ: одна часть изъ нихъ побѣждена, а другая побѣдила въ борьбѣ за хозяйственную самостоятельность.

Полагаю, что выше достаточно была мною выяснена и доказана и а priori очевидная зависимость этого диаметрально-противуположнаго результата вселенія отъ такой же противуположности въ экономическихъ, главнымъ образомъ, земельныхъ условіяхъ двухъ районовъ вселенія, давшихъ эти противуположные результаты.

Переходя отъ этихъ итоговъ прошлаго къ выводамъ, вытекающимъ изъ нихъ для будущаго, что должны мы отвѣтить на поставленный выше вопросъ: можетъ ли и самое переселеніе остановить разрушеніе крестьянскаго хозяйства? Отвѣтъ можетъ быть одинъ. Если результаты выселенія были до сихъ поръ благоприятны, а результаты вселенія опредѣлялись условіями мѣстностей вселенія и были вообще настолько благоприятны, насколько то позволяли сказанныя условія, то мы должны заключить, что и въ будущемъ, если бы переселеніе стало совершаться въ этихъ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ и при содѣйствіи другихъ вспомогательныхъ факторовъ (главнымъ образомъ, уменьшенія налоговъ и повышенія земледѣльческой культуры) и, кромѣ того, возросло до размѣровъ, соотвѣтствующихъ стоящей передъ нимъ задачѣ, то задача эта — возстановленіе разрушающагося крестьянскаго хозяйства — дѣйствительно могла бы быть рѣшена переселеніемъ.

И такъ, мы можемъ сконцентрировать одну, но главную сторону этихъ самыхъ важныхъ для настоящаго времени вопросовъ: разрушится ли крестьянское хозяйство, распадется ли община? — въ одномъ вопросѣ: разовьется ли переселеніе въ благоприятныхъ для возстановленія крестьянскаго хозяйства формахъ и въ достаточныхъ для того размѣрахъ?

Относительно размѣровъ переселенческаго движенія можно смѣло предсказать на основаніи многихъ фактовъ и соображеній, что число переселенцевъ будетъ — въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ — расти быстро и непрерывно. Но когда это число хотя бы сравняется съ естественнымъ приростомъ въ нѣсколькихъ районахъ усиленнаго выселенія и, особенно, когда оно перевѣситъ этотъ приростъ и увеличитъ, такимъ образомъ,

средній размѣръ крестьянскаго надѣла, — когда переселеніе разовьется настолько и разовьется ли, — это слишкомъ трудно сейчасъ сказать. Можно лишь утверждать, что еслибъ правительствомъ была предоставлена полная свобода переселенческому движенію, а особенно, еслибъ ему была оказана помощь хотя такими ничтожными средствами, какія безплодно и даже не безъ вреда были затрачены въ «крестьянскій» банкъ, то размѣры переселенія сразу, по крайней мѣрѣ, удесятились бы и оно могло бы, пожалуй, дѣйствительно остановить столь быстро развивающійся процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства и распаденія общины.

То же нужно сказать и о самомъ характерѣ результатовъ какъ выселенія, такъ и вселенія. Выселеніе можетъ помочь крестьянскому хозяйству только тогда, если земля выселяющихся поступаетъ въ общину, ибо при продажѣ ея отдѣльнымъ крестьянамъ она попадаетъ богатому ихъ слою и навсегда ускользаетъ отъ маломочныхъ и безземельныхъ, чѣмъ именно и ускоряется, а не замедляется процессъ «экспроприаціи» земли у одной части крестьянства и концентраціи ея у другой. Стало быть, при существованіи условій, затрудняющихъ немедленное и дѣйствительное поступленіе участковъ выселяющихся въ общину и вообще тормозящихъ и разстраивающихъ дѣйствіе общиннаго механизма, — выселеніе, очевидно, можетъ лишь ускорить, а не задержать разложеніе крестьянскаго хозяйства и разложеніе общины.

Будущіе результаты вселенія также всецѣло зависятъ отъ условій, въ какихъ оно будетъ продолжаться. Эти условія и въ благодатной для новоселовъ Азіатской Россіи не только могутъ измѣниться, но уже и теперь замѣтно измѣняются къ худшему. Тяжкія трудности, самыя крайнія бѣдствія въ пути нисколько не уменьшаются, ибо помощь отъ общества растетъ медленнѣе, нежели число бѣдствующихъ, а правительственныя ассигновки были даже уменьшены въ наиболѣе тяжелый 1892 годъ, когда не удалась попытка совершенно прекратить движеніе въ этомъ году. А условія поселенія ухудшаются: приписываться къ обществамъ, вообще завладѣвать прочно земельнымъ надѣломъ становится, съ наплывомъ переселенцевъ, все труднѣе и въ Азіатской Россіи; благодаря тому же наплыву, трудъ переселенческой дешевѣетъ, заработокъ падаетъ, — съ теченіемъ времени, стало быть, все труднѣе будетъ новоселамъ Азіатской Россіи завладѣвать обоими факторами производства — и землей, и инвентаремъ. И въ Сибири все чаще раздаются пессимистическіе голоса, говорящіе о замѣтномъ, будто бы, возрастаніи числа обратныхъ въ послѣдніе годы. Иные же наблюдатели заходятъ далѣе, — сомнѣваются въ будущности даже успѣвшихъ уже устроиться новоселовъ.

К. А. Вернеръ говорилъ мнѣ, что личныя его наблюденія идутъ въ разрѣзъ съ вышеприведенными, напримѣръ, чрезвычайно благоприятными таблицами о семирѣченскихъ новоселахъ: онъ утверждаетъ, что тамъ послѣ періода роста (въ 70-хъ годахъ) наступилъ упадокъ (къ концу 80-хъ годовъ), и что этотъ упадокъ можетъ развиваться еще далѣе въ будущемъ.

Петропавловскій (Каронинъ) также заканчиваетъ свои очерки южной части Тобольской губ. *) пессимистическими ожиданиями; онъ констатируетъ, что пора избытка уже миновала для этого края и нужда уже появилась; онъ опасается, что развитіе промышленности (съ проведеніемъ желѣзной дороги), приходъ капитала быстро истощатъ естественныя богатства страны и что «тяжелъ будетъ этотъ кризисъ крестьянству»... Весьма возможно, что такія ожиданія уже слишкомъ пессимистично рисуютъ будущую судьбу крестьянскаго хозяйства въ Азіатской Россіи. Но несомнѣнно, что его ожидаютъ тяжелыя испытанія. Оно лишь при общинномъ землевладѣніи можетъ быть устойчивымъ, сохраниться нѣкоторое время, чтобы затѣмъ прямо перейти въ болѣе цѣлесообразную общественно-экономическую форму. Между тѣмъ, нынѣ въ Азіатской Россіи господствуетъ, по крайней мѣрѣ, по вѣншности, индивидуалистическій порядокъ: порядокъ «захвата». «Вольный захватъ» сибиряка, бросающаго землю, высосавъ изъ нея первые свѣжіе соки и владѣющаго сотнями десятинъ и головъ скота, рядомъ съ безхозяйными почти сосѣдями, — этотъ первобытный «захватъ» получаетъ себѣ теперь цивилизованную союзницу въ лицѣ «свободной конкуренціи», движущей торговымъ и промышленнымъ капиталомъ и нынѣ быстро устремившей его въ Сибирь строящимся желѣзнымъ путемъ. Правильная организація общиннаго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ ней и прочно организованное крестьянское хозяйство медленно и съ трудомъ вырастаютъ изъ «вольнаго захвата» и могутъ быть въ зародышѣ убиты «освобождающей отъ средствъ производства свободной конкуренціей»...

Я полагаю, что и въ этомъ случаѣ правительство могло бы замѣтно измѣнить въ томъ или иномъ смыслѣ направленіе экономической эволюціи.

Н. Начоровскій.

*) См. его *По Ишиму и Тоболу въ Запискахъ Зап.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общества* 86 г., кн. VIII, вып. I.

Историческій методъ въ биологіи *).

IV. Естественно-историческій видъ — отвлеченное понятіе или реальный фактъ?

Въ предшествовавшемъ изложеніи мы видѣли, какъ постоянно выяснялась и опредѣлялась задача исторической биологіи. Мы видѣли, что способствовало ея успѣхамъ и что тормазило ихъ. Способствовало имъ торжество идей, такъ краснорѣчиво высказанныхъ Ламаркомъ, но поставленныхъ внѣ сомнѣнія только Ляйелемъ, — идей, совершенно измѣнившихъ хронологическій масштабъ, прилагавшійся ранѣе ко всемъ сужденіямъ о продолжительности существованія органическаго міра. Ляйель весьма наглядно сравнивалъ прежнее положеніе геолога съ положеніемъ историка, который, приступивъ къ изученію египетскихъ памятниковъ, былъ бы стѣсненъ въ своихъ объясненіяхъ категорическимъ заявленіемъ, что исторія Египта обнимаетъ періодъ всего въ два-три вѣка, предшествовавшихъ современной намъ эпохѣ. Конечно, ему пришлось бы допустить вмѣшательство факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми, которые управляются современною дѣятельностью человѣка, или, говоря другими словами, допустить вторженіе элементовъ чудеснаго. Такъ и биологъ, только благодаря предоставленному въ его распоряженіе могущественному фактору—времени, получилъ въ первый разъ возможность въ своихъ объясненіяхъ обходиться безъ предположенія, что въ прошломъ извѣстный намъ естественный порядокъ явленій былъ нарушенъ.

Но эту возможность естественнаго объясненія биологическихъ явленій наука не могла воспользоваться, пока поперекъ ея дороги становился призракъ постояннаго, вѣчно неизмѣннаго *вида*. Требовалось не пошатнуть только этотъ научный догматъ, что уже успѣшно осуществилъ Ламаркъ, но окончательно подорвать его. Для этого представляется два пути. Во-первыхъ, въ самыхъ свойствахъ представителей видовыхъ формъ нужно найти указанія на подвижность, на текучесть этихъ формъ, уловить признаки какъ бы застывшаго движенія, какъ это, наприм., мы видимъ въ моментальныхъ фотографіяхъ. Во-вторыхъ, необходимо было подыскать

*) Русская Мысль 1893 г., кн. VIII.

несомнѣнные, очевидные примѣры наблюдаемаго движенія формъ, т.-е. ихъ измѣненія за память исторіи.

Такимъ образомъ, мы или сопоставляемъ различныя формы, захваченныя въ различныя моменты движенія: это — доводъ, такъ сказать, статическій; или стараемся уловить самый процессъ движенія, т.-е. измѣненія формъ: этотъ доводъ назовемъ динамическимъ.

Остановимся сначала на доводахъ первой категоріи и, прежде всего, на разсмотрѣннн вопроса: точно ли виды *всегда* представляютъ обособленныя, разорванныя звенья органической цѣпи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается несомнѣнно отрицательный. Чѣмъ болѣе разрастаются наши свѣдѣнія объ органическихъ формахъ, тѣмъ болѣе увеличивается число случаевъ, подобныхъ тѣмъ, на которые ссылался уже Ламаркъ, т.-е. такихъ видовъ, между которыми, по мѣрѣ включенія вновь изслѣдованныхъ видовъ, становится труднѣе и труднѣе провести строгія границы. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Осока, ива, ежевика, ястребинникъ остаются, какъ и во времена Ламарка, камнемъ преткновенія ботаниковъ. Въ родѣ *Niegasium*—ястребинникъ—одни насчитываютъ 300 видовъ, другіе—всего 52 или даже 20. Объ ивахъ уже Эндлихеръ выражался, что онѣ составляютъ *sux et scandalum botanicorum*. Съ осоками дѣло обстоитъ не лучше: одинъ нѣмецкій ботаникъ, десятки лѣтъ, не могъ разобратъся съ однѣми «осоками королевскаго берлинскаго гербарія», вызвавъ тѣмъ саркастическія замѣчанія одного изъ авторитетнѣйшихъ знатоковъ растительнаго царства—Бентама. Другой, не менѣе крупный авторитетъ въ этой области, недавно умершій Альфонсъ де-Кандоль, въ результатъ своего монографическаго изслѣдованія дуба, приходитъ къ заключенію: «Ошибаются тѣ, кто продолжаютъ повторять, что большая часть нашихъ видовъ ясно разграничена и что виды сомнительные составляютъ слабое меньшинство. Это казалось вѣрнымъ, пока роды были недостаточно извѣстны, а ихъ виды установлены на основаніи недостаточнаго числа образцовъ, т.-е. пока виды были только временными. Чѣмъ болѣе мы приобретаемъ фактовъ, тѣмъ болѣе выступаетъ промежуточныхъ формъ и возрастаютъ сомнѣнія относительно видовыхъ границъ». Такимъ образомъ, самый строгій, самый авторитетный классификаторъ, болѣе чѣмъ черезъ полвѣка, почти буквально повторяетъ слова и предсказанія фантазера Ламарка, какъ его любили величать его противники. Животное царство представляетъ примѣры не менѣе убѣдительные. Такъ, по отношенію къ фораминиферамъ, о которыхъ Карпентеръ говоритъ, что «едва ли гдѣ виды растеній или животныхъ были установлены на основаніи такого громаднаго числа образцовъ, какъ въ этой группѣ»,—этотъ знатокъ приходитъ къ заключенію, что «предѣлы варіаціи формъ такъ значительны, что захватываютъ не только тѣ признаки, которые считались *видовыми*, но и тѣ, которые служили для установленія *родовъ*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *семействъ*». Нѣкоторые прѣсноводные моллюски представляютъ еще болѣе разительные примѣры. Обширный родъ *Helix*, куда относятся обыкновенныя виноградныя улитки, разбитъ зоо-

логами на нѣсколько подродовъ. Сюда относится *Iberus*, представленный нѣсколькими видами, обитающими опредѣленныя мѣстности Сициліи. Кобельтъ, подробно изучившій эти виды, пришелъ къ заключенію, что ихъ типическіе представители встрѣчаются только въ центрахъ ихъ распространенія, а въ пограничныхъ полосахъ виды эти соединены нечувствительными переходами, образующими изъ этихъ типическихъ представителей, несмотря на ихъ глубокое различіе, одно неразрывное цѣлое. Сходный случай былъ изученъ Гюликомъ надъ однимъ семействомъ прѣсноводныхъ моллюсковъ на Оаху, одномъ изъ Сандвичевыхъ острововъ. Многочисленныя глубокія долины, которыми изрѣзана горная лѣсистая мѣстность этого острова, имѣютъ свои типическіе виды, связанные съ сосѣдними типами полнѣйшими переходами.

И такъ, значительное число сомнительныхъ видовъ, необходимость нерѣдко отказываться даже отъ «хорошихъ» видовъ, по мѣрѣ накопленія свѣдѣній о нихъ, — все это убѣждаетъ въ томъ, что, фактически, то, что признается за видъ, не представляетъ *всегда* вполне опредѣленной, замкнутой, во всѣхъ случаяхъ равнозначущей группы существъ.

Но еще болѣе утверждаетъ въ этомъ сомнѣніи критическое отношеніе къ факту, никогда не отрицавшемуся самыми стойкими защитниками постоянства видовъ. Фактъ этотъ — неполное тождество всѣхъ представителей вида, т.-е. существованіе *разновидностей*. Видовыя формы измѣнчивы, — въ этомъ согласны всѣ безъ исключенія натуралисты, — но, по однимъ, эта измѣнчивость имѣетъ предѣлъ, по другимъ — она безпредѣльна, т.-е. можетъ достигать такихъ размѣровъ, что выдѣлившіяся разновидности ничѣмъ не будутъ отличаться отъ самостоятельныхъ видовъ. Прибѣгая къ сравненію, мы можемъ сказать, что, по однимъ, колонія всегда остается колоніей, по другимъ — она можетъ разростись до размѣровъ метрополи, даже перерости ее, стать, въ свою очередь, самостоятельнымъ центромъ.

Въ чемъ же заключаются, съ точки зрѣнія защитниковъ постоянства видовъ, эти коренныя различія между видомъ и разновидностью? Критеріумовъ этого различія предлагалось два: одинъ изъ нихъ — морфологическій, другой — физиологическій. Морфологическій признакъ вида полагали видѣть въ степени различія и въ отсутствіи связующихъ звеньевъ, физиологическій — въ безплодіи помѣсей между видами и плодовитости помѣсей между разновидностями. Одни ученые склонялись предпочтительно въ сторону морфологическаго, другіе — въ сторону физиологическаго разграниченія вида и разновидности. Этотъ выборъ былъ до нѣкоторой степени даже вынужденный, такъ какъ обѣ точки зрѣнія порой находились въ непримиримомъ противорѣчii, какъ мы вскорѣ увидимъ это на примѣрѣ собакъ. Разсмотримъ послѣдовательно эти попытки строгаго разграниченія между видомъ и разновидностью.

Что касается морфологическаго критеріума, основаннаго на *степени* различія, то онъ, конечно, не долго могъ выдержать критику. Очевидна невозможность опредѣлить *объективную* мѣру той степени различія, которая давала бы право двѣ несходныя формы признавать за два вида или

только за двѣ разновидности того же вида. Отсюда понятенъ тотъ элементъ субъективности, въ формѣ таланта, «такта» и т. д., который всегда признавался необходимымъ атрибутомъ искуснаго классификатора; отсюда возможность существованія такого громаднаго числа «сомнительныхъ», спорныхъ видовъ и возникновенія термина «хорошіе» виды; отсюда дѣленіе видовъ на «большіе» и «малые» и возможность возникновенія цѣлой школы классификаторовъ «жорданистовъ», по примѣру этого ботаника, проводящихъ дробленіе обыкновенныхъ видовыхъ группъ до того, что они усматриваютъ сотни видовъ тамъ, гдѣ большинство ботаниковъ допускаетъ только одинъ, какъ, наприм., у *Daba verpa*, у которой Жорданъ насчитываетъ до 200 постоянныхъ формъ, возводимыхъ имъ на степень видовъ.

Болѣе удачнымъ можетъ показаться, на первый взглядъ, другой морфологическій признакъ, основанный на отсутствіи переходовъ, какъ очевидно, будто бы, доказательствѣ обособленности видовыхъ группъ, въ отличіе отъ связанныхъ между собою переходами разновидностей одного вида. Но не трудно убѣдиться, что этотъ критеріумъ еще менѣе удаченъ, такъ какъ легко приводитъ къ ложному кругу. Признавъ за отличительный признакъ вида отсутствіе переходныхъ формъ, мы, конечно, тѣмъ самымъ впередъ заручаемся согласіемъ его съ природой, такъ какъ отъ насъ же будетъ зависѣть даже значительно между собою различающіяся, но связанные между собою видовыя формы признать за разновидности одного, болѣе широко понимаемаго вида. Но если эти оба признака въ отдѣльности не могутъ сослужить дѣйствительной службы защитникамъ постоянства видовъ, то сопоставленіе ихъ можетъ часто послужить въ пользу противникамъ этого ученія. Для этихъ послѣднихъ особенно цѣнны тѣ нерѣдкіе случаи, когда оба морфологическіе критеріума взаимно противорѣчатъ: на основаніи степени различія, равной степени различія «хорошихъ» видовъ, мы должны бы признать двѣ формы за самостоятельные виды, а наличность переходныхъ формъ принуждаетъ видѣть въ нихъ разновидности. Это особенно убѣдительно въ тѣхъ случаяхъ, когда переходы открывались позже установленія видовъ. Но и здѣсь, конечно, защитники постоянства видовъ могутъ отговориться тѣмъ, что пресловутый «тактъ» въ установленіи видовъ на этотъ разъ измѣнилъ имъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что новѣйшіе защитники догмата постоянства видовъ, убѣдясь въ несостоятельности морфологическаго критеріума, пытаются свести свою защиту исключительно на физиологическую почву. Однимъ изъ послѣднихъ мигрантовъ этого направленія можно считать Катрфажа, который всѣ свои возраженія противъ господствующаго теченія мысли въ этомъ направленіи пытается оправдать физиологическими соображеніями. Ознакомимся съ его возрѣніями, какъ съ самою позднѣйшею попыткой этого рода *), — попыткой, въ то же время, показывающей, какъ много ученые этого лагеря должны были уступить со времени Кювье, какъ существенно измѣнилась ихъ тактика со времени

*) *De Quatrefages: „Darwin et ses precurseurs“, 1892.*

появленія книги Дарвина и какъ безнадежна ихъ попытка отстоять неподвижность видовъ, выражающуюся, будто бы, въ категорическомъ ихъ отличіи отъ разновидностей. Въ чемъ заключалось это коренное, будто бы, физиологическое различіе между самостоятельными видовыми формами и разновидностями въ предѣлахъ одного вида? Виды, — утверждали прежде защитники этого взгляда, — не могутъ давать между собою помѣсей; скрещиванія между видами или остаются вовсе безъ результатовъ, или происшедшія отъ того помѣси обречены на бесплодіе. Наоборотъ, скрещиванія между собою разновидности одного вида всегда плодовиты какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Этотъ фактъ пытались закрѣпить и особую терминологію, называя продукты скрещиванія видовъ *ибридами*, а продукты скрещиванія между разновидностями *метисами*. Положеніе это, въ теченіе долгихъ лѣтъ выдаваемое за строгое выраженіе факта, становилось непреодолимою преградой въ допущенію, что разновидности ничѣмъ существенно не отличаются отъ видовъ, — допущенію, безъ котораго, понятно, не мыслима никакая теорія историческаго происхожденія органическихъ формъ путемъ медленнаго ихъ перерожденія. Но въ настоящее время даже самые смѣлые защитники коренного различія между видомъ и разновидностью не рѣшаются формулировать это положеніе въ такой определенной формѣ. Если, какъ общее правило, помѣси между видами получаются не такъ часто и не такъ успѣшно, какъ между разновидностями одного вида, то число ставшихъ извѣстными исключеній изъ этого правила и постепенность въ его проявленіи дѣлаютъ его окончательно непригоднымъ, въ качествѣ категорическаго различія между видомъ и разновидностью, для установленія между ними грани, которую природа, будто бы, не въ силахъ перешагнуть въ своемъ поступательномъ историческомъ движеніи.

Что съ возрастаніемъ систематическаго различія между организмами должна, наконецъ, наступить невозможность полученія среднихъ между ними существъ, само по себѣ очевидно. «Ни Реомюръ, наблюдавшій странную связь между курицей и кроликомъ, не надѣялся, конечно, увидать куръ, покрытыхъ шерстью, или кроликовъ, одѣтыхъ въ перья, ни я самъ», — говоритъ Катрфажъ, «сдѣлавшій такое же наблюденіе надъ кошкой и собакой, не ожидалъ получить полукошку, полусобаку». Но вопросъ заключается въ томъ, всегда ли эта невозможность полученія промежуточнаго существа совпадаетъ съ видовымъ различіемъ или она можетъ обнаружиться ранѣе или позднѣе достиженія этой систематической грани? Несмотря на все желаніе отстоять эту физиологическую особенность вида, Катрфажъ долженъ сознаться, что помѣси между видами возможны, — мало того, даже, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, онѣ возможны между видами, относящимися къ различнымъ родамъ. Слѣдовательно, въ качествѣ *категорическаго*, абсолютнаго признака видовъ, въ отличіе отъ разновидностей, бесплодіе помѣсей уже не можетъ быть допущено. Но какъ различіе въ степени, различіе количественное, оно вѣрно и, конечно, можетъ служить только новымъ аргумен-

томъ въ пользу измѣняемости видовъ. Еслибъ было только доказано, что нѣкоторые виды могутъ давать помѣси такъ же легко, какъ и разновидности, то ничто не помѣшало бы защитникамъ постоянства видовъ прибѣгнуть къ той же тактикѣ, къ какой они прибѣгали по отношенію къ признакамъ морфологическимъ, т.-е. пожертвовать этими нѣсколькими видами, признавъ, что ошиблись въ ихъ установленіи. Въ дѣйствительности же, даже при успѣшномъ скрещиваніи видовъ, способность къ образованію плодovitаго потомства оказывается сильно измѣненной, ослабленной, но не уничтоженной. Слѣдующій примѣръ, подробно изученный, однимъ изъ наиболѣе тщательныхъ изслѣдователей этихъ явленій, Ноденомъ, наглядно показываетъ особенности этого процесса. Ноденъ предпринялъ перекрестное оплодотвореніе двухъ видовъ датуры (*D. stramonium* и *D. ceratocaula*), видовъ, изъ всѣхъ представителей этого рода, наиболѣе между собою различныхъ. Опыту подверглись десять экземпляровъ. Они дали десять плодовъ, менѣе крупныхъ, чѣмъ нормальные. Большая часть сѣмянъ совсѣмъ не развилась, другіе достигли обычныхъ размѣровъ, но не заключали зародышей. Въ итогѣ, вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ сѣмянъ, получилось всего 60; изъ нихъ возшло всего три, а выросло всего два растенія. Но эти два растенія превзошли по развитію своихъ родителей. Однако, ихъ производительность была поражена, многіе цвѣты не развились; за то тѣ, которые развились, дали плоды и сѣмена вполне нормальные, произведшіе въ результатъ болѣе ста растеній. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, что перекрестное оплодотвореніе между видами, даже при неблагопріятномъ исходѣ, вызывая глубокое потрясеніе въ воспроизводительной системѣ, не устраняетъ вполне возможности оплодотворенія и полученія плодovitаго потомства.

Впрочемъ, нѣкоторые ученые идутъ еще далѣе и утверждаютъ, что образованіе помѣсей между видами совершается гораздо легче, чѣмъ принято думать, и широко распространено въ природѣ. Къ числу этихъ ученыхъ слѣдуетъ отнести извѣстнаго ботаника Кернера, по его заявленію, въ теченіе сорока лѣтъ систематически изслѣдовавшаго этотъ вопросъ *). Онъ рѣшительно высказываетъ мнѣніе, что помѣси между видами ничѣмъ не отличаются отъ помѣсей между разновидностями и что совершенно излишне обозначать ихъ различными терминами. По его мнѣнію, въ одной европейской флорѣ за послѣднія сорокъ лѣтъ найдено свыше тысячи гибридовъ, т.-е. помѣсей между несомнѣнными видами растеній, принадлежащихъ ко всѣмъ отдѣламъ цвѣтковыхъ растеній. Изъ многочисленныхъ, приводимыхъ имъ, примѣровъ укажемъ на помѣси между серебристымъ тополемъ и осиною, между черникой и брусникой, между апельсиномъ и лимономъ. Эта послѣдняя представляетъ полосатые плоды, съ участками, представляющими свойства лимона и другими—со свойствами апельсина. Особенно интересны сообщаемыя Кернеромъ данныя относительно помѣси между двумя видами люцерны—люцерной посѣвной (*Medicago Sativa*) и желтой (*M. falcata* **).

*) *Kerner: „Pflanzenleben“, 1891.*

**) Мнѣ случилось наблюдать эту интересную помѣсь двадцать слишкомъ лѣтъ

У первой цвѣты сине-фіолетовыя, а бобы скручены винтомъ въ нѣсколько тѣсныхъ оборотовъ; у второй цвѣты желтыя, а бобы изогнуты серпомъ. У помѣси *Medicago media* цвѣты представляютъ оригинальную и рѣдкую среднюю окраску, зеленую, а бобы имѣютъ форму среднюю между двумя первыми, т.-е. въ видѣ пробочника, съ небольшимъ числомъ раскрученныхъ оборотовъ. Эта помѣсь, по свидѣтельству Кернера, является нагляднымъ опроверженіемъ упорно сохраняющагося предрасудка, будто помѣси при самооплодотвореніи бесплодны и нуждаются, для сохраненія плодовитости, въ скрещеніи съ однимъ изъ родителей. Желтая люцерна, оплодотворенная собственною пыльцею, оказывается менѣе плодovитой, чѣмъ оплодотворенная пыльцею люцерны посѣвной, а полученная помѣсь *M. media* гораздо плодовитѣе при оплодотвореніи собственною пыльцею, чѣмъ при оплодотвореніи пыльцею желтой люцерны. Словомъ, эта несомнѣнная помѣсь между двумя видами представляетъ явленіе прямо противорѣчащее ходячему мнѣнію о бесплодіи и непостоянствѣ гибридовъ.

Нужно ли еще добавлять, что и въ животномъ царствѣ законъ бесплодія помѣсей между видами представляетъ многочисленныя исключенія. Катрфажъ долженъ признать несомнѣнное существованіе овцекозъ, *Chabins*, какъ ихъ зовутъ на югѣ Франціи, лепоридовъ, т.-е. помѣсей зайца и кролика. Извѣстна помѣсь между глухаремъ и тетерью, между двумя видами шелкопряда и т. д.

Сознавая, что отстаивать, въ его первоначальной абсолютной формѣ, этотъ законъ фізіологическаго различія между видомъ и разновидностью уже невозможно, Катрфажъ пытается спасти его, давъ ему гораздо болѣе скромную и сложную формулировку, но и она, какъ не трудно убѣдиться, не выдерживаетъ критики. Онъ утверждаетъ, что продукты скрещиванія между видами если и не отличаются отъ продуктовъ скрещиванія разновидностей предполагавшимся бесплодіемъ, то представляютъ ту существенную особенность, что неудержимо стремятся возвратиться къ типу одного изъ видовъ родителей,—его будто бы не замѣчается у помѣсей между разновидностями. Кернеръ, наоборотъ, рѣшительно высказывается противъ такого воззрѣнія на гибридовъ; онъ говоритъ: *«мнѣніе будто они, на основаніи внутренней необходимости возвращаются къ породившимъ ихъ видовымъ формамъ, должно быть отнесено къ числу басенъ»*. Но даже допустивъ, что явленіе возвращенія къ типу одного изъ родителей встрѣчается чаще, чѣмъ предполагаетъ Кернеръ *), нѣтъ никакого повода видѣть въ этомъ явленіи какое-нибудь коренное, качественное различіе вида, отличающее его отъ разновидности. Катрфажъ пытается объяснить это неизбѣжное будто бы возвращеніе къ типу родителей и прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію. Когда химикъ желаетъ раздѣлить смѣсь двухъ солей, кристаллизиру-

тому назадъ въ Симбирской губерніи. Я тогда уже обращалъ на нее вниманіе, какъ на растеніе, изъ котораго могли бы извлечь пользу наши сельскіе хозяева.

*) Какъ это дѣйствительно обнаруживается въ нѣкоторыхъ опытаxъ Нодена, въ томъ числѣ и въ приведенномъ выше опытѣ съ датурой.

ющихся не одинаково легко, онъ прибѣгаетъ къ повторнымъ кристаллизациямъ и въ результатѣ получаетъ почти чистою ту соль, которая кристаллизуется легче. «Стоить допустить, — говоритъ онъ, — что одинъ изъ типовъ реализуется легче, чѣмъ другой, для того, чтобы онъ одержалъ надъ нимъ верхъ». Но, прибѣгая къ сходному сравненію, мы такъ же картинно можемъ себѣ представить, почему это стремленіе къ выдѣленію одного изъ родительскихъ типовъ должно выражаться рѣзче при скрещиваніи видовъ, чѣмъ при скрещиваніи разновидностей, ни мало не допуская коренного между ними различія. Представимъ себѣ двѣ порціи одной и той же жидкости, наприм., спирта: если мы сольемъ ихъ вмѣстѣ, онѣ образуютъ однородную жидкость, но будемъ къ одной приливать воды, а къ другой ээира, и мы получимъ, наконецъ, жидкости, которыя хотя и будутъ смѣшиваться при взбалтываніи, но уже будутъ стремиться раздѣлиться, и тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ болѣе одна будетъ приближаться къ ээиру, а другая—къ водѣ. Такъ и при скрещиваніи мало отличающихся разновидностей, очевидно, даны условія для образованія болѣе устойчиваго, болѣе однороднаго смѣшаннаго типа: при скрещиваніи болѣе широко разошедшихся видовыхъ формъ помѣси будутъ менѣе устойчивыя, легче распадающіяся на составляющіе ихъ элементы. Но ни въ какомъ случаѣ въ этой особенности видовъ, даже допустивъ болѣе широкое ея распространеніе, не въ правѣ мы видѣть какое-нибудь исключительное, внезапное свойство, не связанное закономъ непрерывности со свойствами разновидностей. Безуспѣшность попытки послѣдняго и самаго стойкаго защитника ученія о неподвижности видовъ основать его на объективномъ физиологическомъ признакѣ, хотя совершенно отличномъ отъ того, который предъявлялся ранѣе, только еще убѣдительно доказываетъ необходимость отказаться отъ этого научнаго предразсудка, такъ долго тормазившаго успѣхи идеи историческаго развитія органическихъ формъ *).

И такъ, ни въ степени различія, ни въ наличности или отсутствіи переходовъ, ни въ физиологическихъ особенностяхъ, основанныхъ на бесплодіи или непостоянствѣ продуктовъ скрещиванія, не находятъ естествоиспытатель критеріума для различенія вида отъ разновидности: это различіе только въ степени; это два понятія, нечувствительно переходящія одно въ другое. Слѣдовательно, самый фактъ существованія разновидностей долженъ быть признанъ за выраженіе измѣнчивости, подвижности видовыхъ формъ.

*) Едва ли слѣдуетъ останавливаться на еще болѣе сложной попыткѣ Катрфажа видѣть другую будто бы особенность видовъ въ томъ, что гибриды, однажды вернувшіяся къ типу одного изъ родителей, не представляютъ явленій *атавизма*, въ смыслѣ случайнаго возвращенія къ типу другого родителя. Во-первыхъ, это явленіе прямо вытекаетъ изъ сущности явленій атаквизма, т.-е. вліянія диннаго ряда предковъ, а, во-вторыхъ, вѣтъ повода предполагать, чтобы, въ соотвѣтственной мѣрѣ, это правило не примѣнялось къ помѣсямъ между разновидностями. Во всякомъ случаѣ, необходимость изобрѣтать новые все болѣе и болѣе запутанные признаки различія между видами и разновидностями доказываетъ только беззадежность защищаемаго дѣла.

Никто, ранѣе Дарвина, не представлялъ этого логическаго вывода съ такою неотразимою силой, оставивъ его массой фактическихъ документовъ и формулируя въ положенiи: «разновидность есть зачинающійся видъ, видъ—рѣзкая разновидность». При этомъ онъ выражалъ надежду, что этимъ путемъ «мы будемъ, наконецъ, избавлены отъ бесплодныхъ поисковъ за неуловленною до сихъ поръ и неуловимою сущностью понятiя—видъ». Дарвинъ предложилъ далѣе попытку *статистической* провѣрки этого положенiя. Вотъ одна изъ формъ этой провѣрки. Если образованiе разновидностей и новыхъ видовъ—только двѣ стадiи одного и того же процесса дифференцированiя, первоначально однородной, видовой группы, то мы въ правѣ ожидать, что они будутъ совпадать, т.-е. что въ тѣхъ родахъ, въ которыхъ это стремленiе уже успѣло выразиться въ образованiи видовъ, оно будетъ продолжаться выражаться и въ образованiи видовъ зачаточныхъ, т.-е. разновидностей, такъ какъ очевидно, что въ условiяхъ существованiя и въ пластичности самыхъ формъ заключается нѣчто благопрiятствовавшее и продолжающее благопрiятствовать образованiю новыхъ видовъ. Статистическая провѣрка подтвердила вѣрность этого предположенiя. Роды обширные, т.-е. содержащiе много видовъ, заключали болѣе видовъ, представлявшихъ разновидности, и, притомъ, эти виды были, среднимъ числомъ, богаче разновидностями, чѣмъ виды родовъ мелкихъ.

Сопоставляя все намъ извѣстное о видахъ, какъ «хорошихъ», такъ и сомнительныхъ, и разновидностяхъ, какъ мало обозначившихся, такъ и достигшихъ почти видоваго различiя, встрѣчая всѣ свойства, прежде приписываемыя исключительно или тѣмъ или другимъ, представленными въ большей или меньшей степени и въ тѣхъ, и въ другихъ, мы, очевидно, должны отказаться отъ мысли о неизмѣнчивости видовъ. Продолжая сдѣланное выше сравненiе съ моментальною фотографiей, мы можемъ сказать, что, охватывая однимъ общимъ взглядомъ всевозможныя видовыя формы, отъ только что зачинающагося до вполне обособившагося вида, мы выносимъ общее впечатлѣнiе текучести, подвижности этихъ формъ, точно такъ же, какъ въ стробоскопѣ, соединяя въ одно изображенiе формы, застывшiя въ различныхъ фазахъ движенiя, мы получаемъ непосредственное впечатлѣнiе этого движенiя.

Такова сущность тѣхъ аргументовъ, которые мы въ началѣ главы назвали статическими.

Переходимъ теперь къ тому способу доказательства подвижности видовыхъ формъ, который мы назвали, въ отлчiе отъ перваго, динамическимъ, т.-е. къ непосредственному свидѣтельству о томъ, что видовыя формы дѣйствительно измѣнялись. Здѣсь естественныя формы не могутъ доставить удобнаго матеріала, такъ какъ мы не имѣемъ точнаго историческаго о нихъ свидѣтельства, да и самый процессъ совершался съ медленностью, въ сравненiи съ которой періоды, обнимаемыя исторiей, ничтожны. Гораздо болѣе цѣнный матеріалъ въ томъ и другомъ отношенiи доставляютъ намъ формы,

измѣнившіяся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ чловѣка,—воздѣлы-
 ваемыя имъ растенія и прирученныя животныя. Одинъ взглядъ на изда-
 ваемый каждый годъ каталогъ садовыхъ и огородныхъ растеній достаточно
 убѣждаетъ въ глубокой измѣчивости этихъ формъ; выставки скотоводства
 доказываютъ то же по отношенію къ домашнимъ животнымъ. Но и здѣсь,
 очевидно, дѣло сводится къ оцѣнкѣ степени различія, къ разрѣшенію во-
 проса, достигаетъ ли она тѣхъ размѣровъ, которые соответствуютъ несо-
 мнѣнной видовой грани. По отношенію къ цѣлому ряду формъ домашнихъ
 животныхъ этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ
 смыслѣ,—степень измѣненія не только достигаетъ видowego различія, но даже
 значительно превосходить его, но гораздо труднѣе, во многихъ случаяхъ,
 бываетъ доказать другое положеніе, именно несомнѣнность происхожденія
 этихъ породъ отъ одного вида. Въ этомъ отношеніи особенно останавли-
 ваютъ на себѣ вниманіе породы собакъ. Степени ихъ различія, будь онѣ
 найдены въ естественномъ состояніи, дали бы намъ право видѣть въ нихъ
 не только различные виды, но и различные роды и, слѣдовательно, пред-
 ставили бы убѣдительный аргументъ противъ постоянства вида. Тѣмъ не
 менѣе, взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ, Дарвинъ не рѣшился признать
 ихъ за потомство одного вида. Но за то къ этому выводу приходитъ его,
 какъ мы видимъ, упорный противникъ Катрфажъ, и это странное противорѣ-
 чіе доказываетъ, что существованіе породъ собакъ, такъ или иначе, яв-
 ляется роковымъ только для сторонниковъ неподвижности видовыхъ формъ.
 Дѣло въ томъ, что всѣ породы собакъ, какъ бы ни было глубоко ихъ
 морфологическое различіе, даютъ плодовитыя помѣси и, слѣдовательно, для
 сторонниковъ исключительно фізіологической характеристики видовъ пред-
 ставляютъ одинъ видъ. Но, допуская это, представители этого воззрѣнія тѣмъ
 самымъ вынуждены признать, что въ предѣлахъ одного вида различія мо-
 гутъ достигать размѣровъ различій родовыхъ, т.-е. должны совершенно
 отказаться отъ критеріума морфологическаго,—того, на почвѣ котораго слѣ-
 жилось самое представленіе о видѣ и которымъ, на дѣлѣ, исключительно
 руководятся классификаторы. Слѣдовательно, породы собакъ, во всякомъ
 случаѣ, цѣнны въ томъ смыслѣ, что приводятъ обѣ попытки прочно обо-
 сновать понятіе о видѣ къ непримиримому противорѣчію.

Болѣе опредѣленный выводъ, какъ извѣстно, дало Дарвину его классическое
 изслѣдованіе голубиныхъ породъ. Здѣсь различія почти такъ же глубоки,—
 ихъ было бы достаточно для установленія отдѣльныхъ родовъ; нѣкоторые при-
 знаки служатъ даже для характеристики семействъ того отряда, къ которому
 относится семейство голубей. И, въ то же время, доказательство ихъ при-
 принадлежности къ одному виду не подлежитъ сомнѣнію. За тридцать слиш-
 комъ лѣтъ со времени появленія книги Дарвина, эта строго фактическая
 сторона его изслѣдованія встрѣчала только полное одобреніе и, притомъ,
 странно сказать, чаще въ рядахъ его враговъ, чѣмъ въ рядахъ сторонни-
 ковъ. Слѣдовательно, фактъ возможности морфологической дифференцировки
 вида, доходящей до образованія не только новыхъ видовыхъ, но даже ро-

довыхъ различій поставленъ этими изслѣдованіями внѣ сомнѣнія. Такъ ли же обстоитъ дѣло по отношенію къ различію физиологическому? Возможно ли привести примѣры породъ настолько обособившихся, чтобы представлять и эту предполагаемую физиологическую характеристику видовъ — бесплодіе при скрещиваніи? Въ отвѣтъ на это, прежде всего, припомнимъ только что сказанное относительно несостоятельности этой характеристики, какъ *абсолютнаго критеріума* вида. Хотя мы видѣли, что не можетъ быть и рѣчи объ этомъ бесплодіи, какъ неизмѣнномъ свойствѣ вида, но, тѣмъ не менѣе, конечно, было бы вдвойнѣ убѣдительно еслибы можно было привести и обратное доказательство, т.-е. показать, что несомнѣнныя разновидности могутъ пріобрѣтать и этотъ характеристическій признакъ, если далеко не всѣхъ, то многихъ «хорошихъ» видовъ. По отношенію къ растенію существуетъ нѣсколько подобныхъ фактовъ. Такъ, Кельрейтеръ убѣдился, что двѣ разновидности Манса не давали помѣси, или,—что, какъ мы замѣтили выше, еще убѣдительнѣе,—давали нѣсколько зеренъ съ такимъ же трудомъ, какъ и гибриды датуры у Нодена. Нѣкоторыя разновидности *Verbascum*—коровяка—также не давали помѣси. Въ животномъ царствѣ примѣры менѣе обстоятельны, но и тамъ ссылаются на парагвайскую кошку, натурализованную изъ Европы и будто бы не дающую болѣе помѣси съ своимъ европейскимъ родичемъ, на кроликовъ, еще въ XV вѣкѣ натурализовавшихся на сосѣднемъ съ Мадерой островѣ Порто-Санто и болѣе не спаривающихся съ кроликомъ европейскимъ, на морскихъ свинокъ европейскихъ и бразильскихъ и т. д. Впрочемъ, малочисленность достовѣрныхъ примѣровъ проявленія этого физиологическаго различія, въ сравненіи съ примѣрами осуществленія глубокаго морфологическаго различія, едва ли представляетъ что-либо неожиданное и странное. Всѣ свои заботы при выводѣ новыхъ породъ человѣкъ, конечно, сосредоточивалъ на признакахъ морфологическихъ и едва ли когда-либо задавался цѣлью получить двѣ формы, отличающіяся бесплодіемъ при скрещеніи. Сохраненіе чистоты породы, которая этимъ, правда, достигалась бы гораздо проще, осуществляется изольціей. И, конечно, еслибы онъ задался этою цѣлью, то природа доставила бы ему матеріалъ не менѣе обильный, чѣмъ въ сферѣ измѣненій морфологическихъ. Дарвинъ, Роменсъ и другіе изслѣдователи этого вопроса ссылаются на многочисленные случаи «малой плодовитости или полнаго бесплодія между двумя недѣльными, несмотря на то, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности вполне плодовитъ съ другими недѣльными». Едва ли есть поводъ сомнѣваться въ томъ, что, обративъ такое же вниманіе на эти физиологическія индивидуальныя особенности въ представителяхъ различныхъ разновидностей, человѣкъ успѣлъ бы закрѣпить и усилить и этотъ физиологическій признакъ, какъ успѣлъ закрѣпить и усилить столько признаковъ морфологическихъ.

Какъ бы то ни было, но, въ виду многочисленныхъ доказательствъ, что бесплодіе помѣсей не совпадаетъ съ видовымъ различіемъ, нѣтъ основанія придавать исключительное значеніе обратному доказательству того же

положенія, т.-е. доказательству, что и помѣси между разновидностями могутъ быть безплодны.

И такъ, будемъ ли мы аргументировать на основаніи фактовъ статическихкихъ, т.-е. на основаніи сопоставленія безчисленныхъ органическихкихъ формъ, застигнутыхъ нами на различныхъ ступеняхъ непрерывной лѣстницы между едва намѣченною разновидностью и вполне обозначившимся видомъ, обратимся ли мы къ фактамъ динамическимъ, т.-е. къ разсмотрѣнію случаевъ несомнѣннаго измѣненія извѣстныхъ формъ, выводъ будетъ одинъ и тотъ же: защитники ограниченной измѣнчивости вида не дали и не могутъ дать критериума для абсолютнаго отличія вида отъ разновидности, слѣдовательно, самый фактъ существованія разновидностей всѣхъ степеней въ пространствѣ и ихъ несомнѣннаго возникновенія во времени доказываетъ совершенно обратное, т.-е. возможность возникновенія новыхъ видовъ путемъ дифференцировки старыхъ. А этимъ устраняется главное препятствіе къ допущенію историческаго процесса образованія органическихкихъ формъ.

Но если видъ представляется чѣмъ-то текучимъ, измѣняющимся въ пространствѣ и во времени, если самое понятіе о немъ является неопредѣленнымъ, неуловимымъ, то, съ другой стороны, какъ же согласить это съ фактомъ, что въ установленіи значительнаго большинства видовъ мнѣнія натуралистовъ вполне согласны? Какъ объяснить себѣ, наконецъ, возникновеніе этого понятія въ человѣческомъ умѣ?

Не разъ высказывалась мысль, что происхожденіе спора о естественно-историческомъ видѣ кроется въ логической ошибкѣ, корень которой должно искать еще въ схоластическихкихъ спорахъ объ «универсалахъ», что это только позднѣйшій отголосокъ многовѣковой распри «реалистовъ» и «номиналистовъ». Шлейденъ, остановившись на неудовлетворительности всѣхъ попытокъ дать точное опредѣленіе вида показавъ несостоятельность его практическаго примѣненія къ дѣйствительности, проявляющуюся въ томъ, что порою тамъ, гдѣ одинъ ученый видитъ 70 видовъ, другой видитъ всего 7—8, приходитъ къ заключенію, что выбраться изъ этого противорѣчія можно только прослѣдивъ психологическій процессъ образованія того понятія, которое мы называемъ видомъ. Указавъ на умственный процессъ, при помощи котораго, отвлекаясь отъ частныхъ отдѣльныхъ наблюденій, мы отъ конкретныхъ фактовъ восходимъ къ болѣе и болѣе обобщеннымъ отвлеченнымъ понятіямъ, сославшись на то, какъ представители схоластическаго «реализма», поощряемые богословами, долго отстаивали свое ученіе, по которому всякому понятію должна соответствовать реальная дѣйствительность,—ученіе, въ первый разъ пошатнувшееся подъ ударомъ францисканца Вильгельма фонъ-Обкама, а позднѣе окончательно потрясенное благодаря успѣхамъ точнаго знанія, Шлейденъ приходитъ къ заключенію, что послѣднимъ убѣжищемъ «реализма», послѣднимъ слѣдомъ его переживанія, явилось ученіе объ естественно-историческомъ видѣ. Онъ

прямо обвиняетъ Канта, Фриса, Апелъта и др. въ томъ, что эти строгіе мыслители, очистивъ, согласно съ духомъ точнаго естествознанія, другія области знанія отъ послѣднихъ слѣдовъ ученія «реалистовъ», отстаивали мысль, что въ примѣненіи къ органической природѣ «видовое понятіе имѣетъ реальное, объективное бытіе, а потому и право на значеніе болѣе прочное, чѣмъ измѣнчивыя по своей природѣ субъективныя воззрѣнія того или другаго ученаго». Они пытались даже создать полуметафизическій законъ спецификаціи, по которому субъективному процессу образованія понятія должно соответствовать въ природѣ нѣчто вполне объективное, такъ что возникшему къ человѣческому умѣ понятію «лошадь» и въ природѣ соответствуетъ дѣйствительная лошадь. Шлейденъ замѣчаетъ по этому поводу: «Ошибочность этого заключенія очевидна уже изъ того, что въ природѣ всякая лошадь должна быть извѣстной масти, «лошадь» же, какъ понятіе, не можетъ имѣть масти, иначе всякая лошадь иной масти была бы исключена изъ этого понятія». Едва ли, однако, мысль, высказываемая Шлейденомъ, вполне вѣрна, едва ли безъ извѣстной степени односторонности можно видѣть въ естественно-историческомъ видѣ только нѣчто аналогичное «универсаламъ» схоластическаго реализма, едва ли мы не должны скорѣе признать, что Кантъ и другіе упомянутые писатели правы, утверждая, что естественно-историческій видъ не простое отвлеченное понятіе, что въ немъ есть еще присущій ему элементъ и что этотъ-то элементъ имѣетъ объективное существованіе. Слово видъ, въ примѣненіи къ организмамъ, имѣетъ, очевидно, два значенія и отъ неяснаго различенія двойственности этой точки зрѣнія происходятъ безконечныя недоразумѣнія и разногласія ученыхъ. Въ одномъ смыслѣ, видъ, очевидно, только отвлеченное понятіе, въ другомъ онъ — реальный фактъ. Мы, очевидно, то противупологаемъ видъ разновидности, то противупологаемъ его другимъ видамъ. *Видъ* противупологаемый разновидности, есть, конечно, отвлеченное понятіе, но *виды*, цѣлый рядъ видовъ, противупологаемыхъ другъ другу, представляютъ несомнѣнный объективный фактъ, и отъ этого-то объективнаго факта, а не отъ отвлеченнаго понятія, отправлялись первые классификаторы, установившіе ученіе о видѣ.

Соединеніе разновидностей въ видовыя группы, точно также какъ и соединеніе видовъ въ роды, родовъ въ семейства, конечно, достигается путемъ отвлеченія, но положеніе, что виды, изъ которыхъ слагаются коллективныя единицы высшаго порядка, въ большемъ числѣ случаевъ не связаны въ одно непрерывное цѣлое, а представляютъ между собою отдѣльныя звенья разорванной цѣпи, есть простое заявленіе наблюдаемаго факта и никакимъ образомъ не вытекаетъ изъ психологическаго процесса образованія отвлеченныхъ понятій. Шлейденъ правъ, говоря, что «лошадь», вообще, не существуетъ иначе, какъ въ нашемъ представленіи, потому что отвлеченная лошадь не имѣетъ масти. Это вѣрно по отношенію къ вариациі въ предѣлахъ этого понятія. Но отвлеченность общаго понятія «лошадь» по отношенію къ обнимаемымъ имъ конкретнымъ частнымъ случаямъ не уничтожаетъ реальности того факта, что лошадь, какъ группа сходныхъ

существовъ, т.-е. всѣ лошади, рѣзко отличается отъ другихъ группъ сходныхъ между собою существъ, каковы осель, зебра, квагга и т. д. Эти грани, эти разорванные звенья органической цѣпи не внесены человѣкомъ въ природу, а навязаны ему самою природою. Этотъ реальный фактъ требуетъ реального же объясненія.

Мы могли доказать существованіе измѣнчивости, вполне достаточной для объясненія возникновенія новыхъ видовъ, мы видѣли, что многіе виды мы застаемъ какъ бы въ процессѣ созиданія, но почему же большая часть видовъ, достигшихъ полного развитія, не сохраняетъ между собою непосредственной связи? Что эта связь могла существовать и исчезнуть, конечно, вполне естественно; палеонтологія свидѣтельствуетъ, какъ много исчезло съ лица земли органическихъ формъ. Но вопросъ въ томъ, почему этотъ процессъ исчезновенія шелъ такимъ путемъ, что выхватывалъ не цѣлыя сплошныя группы существъ, оставляя нетронутыми другія, такія же сплошныя группы, а вырывалъ изъ рядовъ, прорѣжая ихъ, сохраняя только общую картину цѣпи или сѣти, но порывая вездѣ непосредственныя связи? Никто изъ предшественниковъ Дарвина не только не далъ отвѣта на этотъ вопросъ, но даже и не пытался искать его. Правда, Ламаркъ, какъ мы видѣли, сознавалъ всю важность этого на каждомъ шагу бросающагося въ глаза факта, но безъ успѣха пытался скорѣе отдѣлаться отъ него, чѣмъ объяснить его предположеніемъ, что эта разрозненность органическихъ формъ, безъ которой невозможна была бы ихъ *естественная* классификація, происходитъ отъ счастливой случайности, благодаря которой многочисленныя формы остались намъ неизвѣстными. Но понятно, что это не объясненіе. Фактъ этотъ можно было бы почесть объясненнымъ только тогда, когда удалось бы понять его необходимость, вывести его какъ неизбежный результатъ извѣстныхъ намъ естественныхъ факторовъ, и Дарвинъ, какъ увидимъ, вполне успѣлъ въ этомъ. Это громадное преимущество его теоріи передъ всѣми однородными попытками обыкновенно не достаточно цѣнится, но самъ Дарвинъ, какъ увидимъ, придавалъ ему особенное значеніе.

И такъ, на вопросъ, поставленный нами въ заголовкѣ: естественно-историческій видъ—отвлеченное понятіе или реальный фактъ?—мы должны отвѣтить двояко, соответственно двоякому смыслу, который, очевидно, связанъ съ этимъ словомъ. *Видъ*, какъ категорія, строго опредѣленной, всегда себѣ равной и неизмѣнной, въ природѣ *не существуетъ*; утверждать обратное значило бы дѣйствительно повторять старую ошибку схоластиковъ—«реалистовъ». Но рядомъ съ этимъ, и совершенно независимо отъ этого вывода, мы должны признать, что *виды—въ наблюдаемый нами моментъ—имѣютъ реальное существованіе* и это—фактъ, ожидающій объясненія.

Такимъ образомъ, задача натуралиста въ этомъ сложномъ вопросѣ оказывается двоякою: требуется опровергнуть то, что было невѣрно въ ходячемъ представленіи о видѣ, и найти объясненіе для того, что въ немъ дѣй-

ствительно согласно съ природой. Какъ выполнилъ Дарвинъ первую половину задачи, мы уже знаемъ, — намъ предстоитъ узнать, какъ разрѣшилъ онъ и вторую.

Мы наблюдаемъ въ современной природѣ слѣды двухъ процессовъ: одного основного — процесса измѣненія и образованія новыхъ органическихъ формъ, связующаго ихъ воедино, и другаго — вторичнаго, порывающаго эту связь, вызывающаго разчлененіе органическаго міра на обособленныя группы формъ. Эти процессы могли бы быть, конечно, совершенно независимы одинъ отъ другаго, т.-е. быть вызваны различными причинами, но Дарвинъ открылъ въ природѣ такой именно историческій процессъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ котораго являются обѣ эти коренныя черты наблюдаемаго нами строя органическаго міра.

Устранивъ все, что такъ долго мѣшало допустить существованіе историческаго процесса измѣненія органическихъ формъ, переходимъ, наконецъ, къ его изученію.

К. Тимирязевъ.

Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма *).

Выступая съ книгой, посвященной исторіи политическихъ и церковныхъ теорій эпохи реформаціи въ связи съ развитіемъ одновременныхъ политическихъ и церковныхъ формъ, я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить, какъ понималъ я свою задачу, какихъ приѣмовъ держался въ своемъ изслѣдованіи и къ какимъ главнымъ выводамъ я пришелъ.

Существующія работы въ области исторіи политическихъ идей отличаются по большей части одностороннимъ характеромъ: въ нихъ обыкновенно изученіе ограничивается главными представителями или родоначальниками оригинальныхъ теорій, причѣмъ остаются въ пренебреженіи промежуточные и подготовительныя эпохи, а, съ другой стороны, теоріи часто отрываются отъ почвы, на которой онѣ развивались, отъ условій, которыя ихъ опредѣляли, какъ будто бы движеніе теоріи совершалось въ умственной средѣ, отвлеченной отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. При такой постановкѣ изученія изслѣдователь естественно склоненъ разсматривать политическія идеи не столько какъ продуктъ настроенія, потребностей извѣстнаго общества, сколько какъ созидающій или разлагающій факторъ, цѣликомъ опредѣлившій новыя формы жизни. Какъ ни законенъ самъ по себѣ вопросъ о вліяніи идей въ качествѣ дѣятельнаго фактора, но разъ остается неизвѣстной воспринимаящая среда или разъ она предполагается только въ видѣ организуемаго матеріала, никогда нельзя опредѣлить ни дѣйствительной силы извѣстнаго направленія политической мысли, ни причинъ его видоизмѣненія.

Этими соображеніями руководился я въ выборѣ темы своей работы и въ обработкѣ ея. Кальвинъ и кальвинизмъ XVI в., какъ и вообще реформація въ теченіе перваго своего столѣтія, не выдвинули оригинальныхъ политическихъ принциповъ. Крупные новаторы въ области политическихъ теорій стоятъ раньше или позже этой эпохи: Марсилій Падуанскій, Макиавель, съ одной стороны, съ другой—Боденъ, Альтгүзій, Гуго Гроцій, Миль-

*) Вступительная рѣчь передъ диспутомъ въ Московскомъ университетѣ.

тонъ. Ни идея народовластія, ни теорія договора и вытекающихъ изъ него конституціонныхъ ограниченій, ни ученіе о раздѣленіи церкви и государства, которыя ложатся въ основу новыхъ государственно-правовыхъ системъ съ XVII в., не возникли въ XVI в., а относятся къ временамъ болѣе раннимъ, предшествующимъ реформаци. Въ своихъ официальныхъ, такъ сказать, положеніяхъ кальвинизмъ вначалѣ даже отступаетъ отъ болѣе радикальныхъ политическихъ принциповъ, выставившихся ранѣе. Но настойчивость его церковной программы, въ связи съ условіями борьбы, выработала въ немъ такую послѣдовательность сопротивленія, его политическая боевая организація, копируя церковную, настолько прониклась началами самоуправленія, общественнаго контроля, представительства интересовъ, что эта практическая традиція, производившая сильное впечатлѣніе на общество, послужила несомнѣнною и вѣрною основой для послѣдующихъ теорій. Поэтому ученіе и организація кальвинизма XVI в., достигающія своего наиболѣе яркаго выраженія въ школахъ такъ называемыхъ «монархомаховъ», т. е. борцовъ противъ монархін въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи, является важною подготовительною ступенью къ демократическимъ, конституціоннымъ, федеративнымъ теоріямъ и практическимъ попыткамъ XVII и XVIII вв.

Изучить эту промежуточную пору, когда политическая жизнь и мысль изъ круга господства церковнаго абсолютизма переходить въ рамки политическаго абсолютизма, изучить характеръ и развитіе того элемента, который представлялъ собою въ значительной мѣрѣ продолженіе средневѣковыхъ церковныхъ тенденцій, но, вслѣдствіе столкновения съ притязаніями растущей свѣтской власти, сталъ однимъ изъ важныхъ рычаговъ освободительнаго движенія, выдвинувши постепенно права личности и права народа, — вотъ общая цѣль, какую я себѣ ставилъ.

Въ моей работѣ заключается первая, такъ сказать, большая глава, разсматривающая кальвинизмъ XVI вѣка въ Женевѣ, кальвинизмъ на его первоначальной почвѣ, сравнительно очень узкой, но получающей огромное значеніе въ виду той пропаганды, которая направлялась отсюда, въ виду образцоваго характера, который приобрѣла женевская община. Здѣсь уже дебатируются и рѣшаются важные церковно-политическіе вопросы, хотя имъ и не всегда придается широкій принципиальный характеръ.

При изученіи женевскаго кальвинизма выдвигается вопросъ объ отношеніи церкви и государства, какъ наиболѣе существенный. Это заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ теоріи церкви Кальвина и къ церковной организаціи въ Женевѣ. Съ другой стороны, въ Женевѣ интересно наблюдать первые политическіе шаги кальвинизма, его отношеніе къ различнымъ формамъ и приемамъ свѣтской политики. Въ результатъ изученія для меня опредѣлились ясно два основныя факта: 1) что кальвинизмъ не былъ церковною и политическою системою, принесенною въ Женеву въ законченномъ видѣ извнѣ, что онъ началъ опредѣленно формироваться именно на женевской почвѣ подъ вліяніемъ какъ благоприятныхъ,

такъ и враждебныхъ условій; 2) что воздѣйствіе его на церковные и политическіе порядки Женевы не было безусловнымъ, поглощающимъ.

Эти слишкомъ общіе выводы я намѣренъ иллюстрировать рядомъ болѣе детальныя замѣчаній.

Въ мнѣніяхъ о личности Кальвина никогда не было значительныхъ разногласій, и характеръ этотъ, крупный, но не сложный, былъ рано разгаданъ и опредѣленъ. Но впечатлѣніе, получающееся отъ этой простоты и цѣльности личнаго характера, вліяло сильно на представленія о характерѣ воззрѣній, программы Кальвина. Его ученіе, введенную подъ его вліяніемъ организацію представляли обыкновенно какъ нѣчто сразу очень рано и очень опредѣленно вылившееся, проникнутое одною господствующею идеей, неумолимо-логично развитою, какъ систему, проводимую безъ уступокъ и измѣненій. Изученіе ранней біографіи Кальвина, изученіе исторіи его произведеній, особенно главнаго изъ нихъ—*Наставленія въ христіанской вѣрѣ*, привело меня къ другимъ выводамъ. Идеи Кальвина прошли интересное и крупное развитіе. До пріѣзда въ Женеву въ 1536 г., т.-е. до 28 года своей жизни, Кальвинъ, отдаваясь вполнѣ карьерѣ и мечтамъ ученаго, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ католицизму, не имѣлъ вовсе церковной программы. Въ первомъ изданіи его *Institutionis religionis christianae*, вышедшемъ въ 1536 г., совершенно отсутствуетъ представленіе о томъ, какъ должно устроить очищенную или оторванную отъ заблужденій церковь. Одна основная мысль, однако, выражена здѣсь крайне опредѣленно, и въ ней уже намѣчается противоположность романской и германской реформаціи: протестантизмъ французскій, не имѣя никакой опоры въ политическихъ элементахъ страны, съ самаго начала—и устами Кальвина особенно отчетливо—провелъ черту, отдѣляющую церковь отъ государства, и, въ то же время, поднялъ высоко притязанія церкви: послѣднее выразилось въ требованіи церковнаго отлученія и въ понятіи, что проповѣднику слова Божія подобаешь «безобязанно дерзать на все, заставлятъ всѣхъ сильныхъ, гордыхъ и славныхъ міра сего преклониться предъ величіемъ Божиимъ, громить и метать молніи на мятежниковъ». Въ работѣ Кальвина не было практическихъ указаній, но ясно чувствовалось, что новая церковь намѣрена вступить въ наслѣдіе старой, что она претендуетъ и на самостоятельность въ извѣстной сферѣ, и на общее руководство во всей жизни.

Уже въ слѣдующемъ году Кальвину пришлось отъ кабинетныхъ занятій перейти къ трудному дѣлу устроенія новой церкви въ едва сложившейся женевской республикѣ. Условія казались благоприятны: женевскій магистратъ обнаруживалъ необыкновенную ревность въ дѣлѣ изгнанія остатковъ католицизма; горячо принялся онъ за реформу нравовъ по образцу швейцарскихъ общинъ, организованныхъ цвинглианцами, и за постановку новаго религіознаго обученія. Несмотря на это, главныя настоянія проповѣдниковъ, впереди которыхъ шелъ Кальвинъ, были отвергнуты, между ними отлученіе, этотъ знакъ и оружіе властной церкви. Думаю, что мнѣ

удалось показать въ моей книгѣ, что не реакціонная партія свергла Кальвина и Фареля, — проповѣдники разошлись вообще съ магистратомъ и большинствомъ населенія, разошлись со свѣтскою точкой зрѣнія, въ силу которой вся полнота прежняго церковнаго авторитета должна была перейти къ государственной власти.

Три года, проведенные въ изгнаніи въ Страсбургѣ и на большихъ религіозныхъ съѣздахъ въ Германіи, сыграли въ развитіи Кальвина рѣшающую роль. Лишь теперь появляются въ кругѣ его идей, въ его программѣ общецерковные планы, появляется космополитическая черта, характеризующая потомъ кальвинизмъ въ сравненіи съ другими церковными типами. Самостоятельная работа въ скромной общинѣ эмигрантовъ въ Страсбургѣ заинтересовала Кальвина въ проведеніи бытовой реформы, реформы правовъ, требовавшей неотступной, мелочной, будничной заботы. Наконецъ, защита крупныхъ принциповъ на европейской аренѣ реформаціи, работа мысли надъ пережитымъ въ Женевѣ опытомъ, поддерживаемая живою полемикой и перепиской съ «вѣрными», двинули впередъ теорію Кальвина. Къ началу 40-хъ годовъ, къ моменту возвращенія Кальвина въ Женеву, относятся два крупныя явленія: 1) изданіе церковныхъ ордонансовъ 1541 г., выработанныхъ по соглашенію съ магистратомъ, и 2) новая переработка *Наставленія въ христіанской вѣрѣ* 1543 г. Сравнить эти два документа крайне интересно: во второмъ изложенъ окончательно сформировавшійся идеалъ, первое — компромиссъ, опредѣляющій *modus vivendi* новой церкви съ государствомъ и направляющій церковь постепенно въ чуждое ей русло. Въ силу перваго церковь, вполнѣ самобытная, опирается на демократическую основу, являясь сама учрежденіемъ аристократическимъ: при народномъ контролѣ и съ согласія народа кооптируются проповѣдниками и старѣйшинами ихъ товарищи; въ важныхъ церковныхъ актахъ присутствіе народа обязательно; надъ каждою церковною общиной поднимается съ безусловнымъ авторитетомъ, какъ «сенатъ церкви», церковный судъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всю дисциплину правовъ, распоряжается имуществами, школьнымъ дѣломъ, обличаетъ, налагаетъ отлученіе, удаляетъ изъ церкви и т. д.; сама свѣтская власть, отстраняемая отъ вмѣшательства въ церковную сферу, подпадаетъ критикѣ и внушенію со стороны представителей церкви.

Совершенно иную картину представляетъ актъ соглашенія между магистратомъ и проповѣдниками. Пасторы должны быть назначаемы магистратомъ по рекомендаціи товарищей и лишь представляются народу. О самостоятельности церковнаго суда нѣтъ и рѣчи. Подъ именемъ консисторіи, — названіе, котораго избѣгалъ Кальвинъ, — организуется судъ по религіознымъ и нравственнымъ проступкамъ, судъ, на половину состоящій изъ делегатовъ отъ магистрата и подчиненный ему. Одно удастся провести Кальвину, но и то безъ формальнаго утвержденія, это — право духовнаго суда налагать отлученіе. Внутренняя жизнь церковной общины, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ цвингліанскихъ городахъ, подчиняется вѣдѣнію свѣтской власти.

Консисторія выслѣживаеъ виновныхъ, дѣлаеъ имъ выговоры, но затѣмъ они передаются магистрату, который можетъ пересмотрѣть дѣло; съ нею соперничаетъ представитель судебно-полицейской власти въ городѣ. Но церковь, и независимо отъ прямого давленія со стороны свѣтской власти, сходитъ скоро со своей идеальной высоты. Не будучи въ состояннн сохранить самостоятельную роль церкви въ воспитаннн общины, Кальвинъ и его сподвижники готовы были допустить любые приемы и средства, чтобы достигнуть, по крайней мѣрѣ, главной цѣли—перевоспитаннн общины, ея нравственнаго совершенства, хотя бы эти средства, въ то же время, расширяли компетенцію и авторитетъ магистрата. Подчиняясь условннмъ городского быта, влннню городскихъ традицнй, церковь, въ своемъ стремленнн къ созданню «совершенной общины», спускалась, такъ сказать, на улицу, запутывала себя въ мелочи полицейскаго надзора, принимала несимпатичныя формы доноса, шпнннства, подглядываннн. Безъ конца идутъ жалобы и доклады пасторовъ передъ магистратомъ, крайне раздражающне населенне. Въ этомъ порядкѣ нѣтъ ни предполагавшейся нѣкоторыми изслѣдователями теократнн, ни проектированнаго Кальвиномъ раздѣленнн, двойственности властей. Государство усваиваетъ себѣ религиозныя формулы, ставитъ своею высшею задачей прославленне имени Божнн, магистратъ проникается все болѣе религиозною ревностью, но съ его точки зрѣннн пасторы, все-таки, лишь свѣдущне люди, полезные совѣтчики, подчиненныя органы. Однако, женевская церковь не опускается до роли простаго оруднн магистрата, не стирается въ безличное учрежденне. У нея есть самостоятельная мнссн—пропаганда протестантизма извнѣ, мнссн, которая возвышаетъ Женеву, составляя самую основу существованнн республики; у нея есть свои кадры, вербуемыя независимо отъ магистрата; всѣ члены коллегнн пасторовъ—иностранцы, ея главная опора—масса религиозныхъ эмигрантовъ, особенно изъ Францнн. Вотъ что даетъ пасторамъ возможность, смѣшивая политическую и церковную сферы, громко заявлять свои требованнн, выступать въ извѣстныхъ случаяхъ параллельно съ магистратомъ, давать ему настойчивыя совѣты и указаннн и подвергать правительство публичной критикѣ. Такое соперничество крайне интересно наблюдать, наприм., въ знаменитомъ процессѣ Сервета. Для подсудимаго, разумѣется, оно не имѣло значеннн: ему все равно предстояло быть казненнымъ, въ качествѣ ли еретика и отщепенца отъ церкви, какъ хотѣлъ Кальвинъ, или въ качествѣ богохульника и мятежника, какъ требовалъ магистратъ. Но для его судей, для современниковъ, заинтересованныхъ дѣломъ, это былъ вопросъ существенный. Исходъ процесса рѣшалъ многое и для положеннн церкви въ Женевѣ; съ нимъ связана была отчасти судьба вопроса объ отлученнн, которое болѣе настойчивыя сторонники свѣтской точки зрѣннн хотѣли отнять у церкви.

Позднѣ, когда учрежденнн закрѣпились, лагери въ реформацнонной борьбѣ точно отграничились, протесты единичныхъ, неподатливыхъ умовъ замолкли, тенденцнн церковныхъ представителей въ Женевѣ приняли болѣе симпатичное въ нашихъ глазахъ направленне. Проникновенне пасторовъ въ интим-

ную жизнь членовъ общины, постоянное общеніе съ ними посредствомъ обходовъ, визитацій, катехизаціи и т. д. имѣло свою благотворную сторону въ политическомъ отношеніи. Проповѣдники не только узнавали о нуждахъ и жалобахъ населенія, о различныхъ злоупотребленіяхъ со стороны властныхъ или вліятельныхъ лицъ въ городѣ, о безпорядкахъ въ различныхъ учрежденіяхъ; ихъ положеніе какъ бы обязывало ихъ выступать передъ магистратомъ въ качествѣ ходатаевъ, защитниковъ, обличителей. Ихъ долгомъ стало выражать общественное мнѣніе и настаивать на исправленіи общественныхъ недостатковъ. Передъ нами проходятъ непрерывные ряды подробныхъ, обширныхъ, всесторонне захватывающихъ городскую жизнь представленій со стороны пасторовъ: болѣе всего занимаетъ ихъ постановка суда, его строгость и безпристрастіе; въ ихъ глазахъ, судъ — «лучшій перлъ Женевы». Далѣе пасторы неутомимы въ борьбѣ съ различными проявленіями экономической эксплуатаціи: ростовщическій процентъ, притѣсненіе бѣдныхъ должниковъ, наживательство при продажѣ предметовъ первой необходимости — вотъ главные пункты ихъ нападокъ и жалобъ, причемъ они не различаютъ простыхъ гражданъ и членовъ магистрата. Но протестъ или жалоба не ограничивается одними заявленіями въ стѣнахъ сеньерин: пасторы всходятъ часто на каедры и, по ихъ выраженію, «кричатъ» въ церкви, обличаютъ магистратъ въ небрежности или бичуютъ его злую волю, грозятъ ему гнѣвомъ Божиимъ за допущеніе неправды. Право публичной критики и публичнаго осужденія магистрата въ церкви — не случайность бурныхъ, революціонныхъ моментовъ; оно формально признается за пасторами, хотя и съ извѣстными ограниченіями, которыхъ они, впрочемъ, не принимаютъ.

Любопытная сторона въ дѣятельности церкви, о которой я сейчасъ упомянулъ, заходить уже въ сферу чисто-политическихъ отношеній. Вообще говоря, вліяніе на политическую жизнь кальвинизма было весьма своеобразное, но отыскивать *государство Кальвина* въ Женевѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, во всякомъ случаѣ, нельзя. Политическій строй Женевы XVI в. опредѣлился до появленія кальвинистской церкви въ новой республикѣ. Городъ, вообще запоздавшій и въ культурномъ развитіи, и въ политическомъ, переживалъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. переворотъ, который давно закончился въ ближнихъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ городахъ. Буржуазныя семьи, купеческій и ремесленный слой, дружившій со швейцарскими городами, вытѣсняетъ здѣсь старое савойское дворянство, а это затягиваетъ городъ и въ борьбу съ двумя властителями, опиравшимися на вытѣсняемый общественный элементъ, съ герцогомъ и епископомъ. Освободительная партія, республиканцы на швейцарскій ладъ, на что указываетъ и ихъ названіе, Eidgenots отъ Eidgenossen, конфедераты, выходя изъ народной среды, организуютъ демократію во время борьбы; но та же самая борьба выдвигаетъ въ ихъ рядахъ группу семей, заслуженныхъ и вліятельныхъ, которыя укрѣпляются въ магистратѣ. Проведеніе церковной реформы еще болѣе поднимаетъ авторитетъ едва сложив-

шаеся городского правительства. Получается рядъ условий, благоприятныхъ для образованія олигархіи. Правда, долго еще борются между собою фракціи и союзы въ средѣ вліятельнаго слоя, по временамъ оппозиція пускается въ демагогію и поднимаетъ за собою вѣче, отстраняемое въ спокойное время, но основной фактъ надвигается неудержимо. Во второй половинѣ XVI в. въ правительственномъ совѣтѣ сидятъ настоящіи династіи, породнившіяся между собою. Созданный для контроля совѣтъ 200 заполняется младшими родственниками или сторонниками правителей; вѣче нисходитъ на степень народнаго учрежденія. Управление облекается въ формы тайны, приобретаетъ авторитарный характеръ.

Какова здѣсь роль Кальвина и другихъ представителей церкви? Въ составленіи двухъ конституціонныхъ кодексовъ Женевы въ XVI вѣкѣ они, правда, принимаютъ участіе, но оно сводится къ редакціонной работѣ. Содѣйствія закрѣпленію олигархическихъ формъ со стороны ихъ мы не видимъ. Наоборотъ, — и это обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза при изученіи исторіи Женевы въ XVI вѣкѣ, — пасторы съ самаго начала относились недовѣрчиво къ извѣстнымъ приемамъ олигархіи, и это недовѣріе съ теченіемъ времени растетъ, обращается въ попытки парализовать, ослабить безконтрольный характеръ управленія и выдвинуть интересы управляемыхъ. Кальвинъ уже въ началѣ своей дѣятельности въ Женевѣ побудилъ одного изъ своихъ горячихъ сторонниковъ открыть народу на вѣчѣ финансовыя тайны правительства. Другу своему Вире онъ писалъ, что олигархическіе порядки города ему крайне не нравятся. Политическій идеалъ Кальвина подъ конецъ опредѣлился очень ясно: онъ всегда былъ противникомъ абсолютной монархіи и приверженцемъ конституціонныхъ ограниченій, но позднѣе у него прямо выработалось сочувствіе къ республиканской формѣ, къ малымъ государствамъ, далекимъ отъ завоевательныхъ цѣлей, скромнымъ и дѣльнымъ по своей внутренней сущности. Эти общины, по его мнѣнію, наилучше управляются избранными людьми, цвѣтомъ общества, но при условіи публичности, довѣрія къ народу. *Aristocratia politiae vicina*, по терминологіи Аристотеля, выхваляется имъ, какъ наилучшее устройство; оно было дано евреямъ, когда Богъ хотѣлъ благословить ихъ идеальными формами. Толкованіе Кальвина на книгу Самуила, появившееся въ послѣдніе годы его жизни, — восторженный панегирикъ республикѣ, сопровождаемый рѣзкими нападка-ми на тиранию, лживость и лесть, господствующія при дворахъ, алчность слугъ монархіи и т. п. Глубоко проникнуты такимъ республиканизмомъ и преисполнены духомъ Кальвина. Во внутренней жизни города они выступаютъ сторонниками простоты, возстаютъ противъ чиновничества, угодливости передъ правительственными семьями. Но, что самое главное, они громко поднимаютъ свой голосъ противъ отстраненія народной массы, невниманія къ ея законнымъ нуждамъ. Въ моменты общественнаго недовольства или волненій ихъ роль ясна: они поднимаются въ качествѣ своего рода трибуновъ, какъ они сами выражаются, «лаютъ, какъ стороже-

вые псы». Они берутъ на себя посредническую роль, высказываютъ жалобы народа, становятся органомъ осужденія правительства, причемъ добросовѣстно соблюдаютъ тайну своихъ довѣрителей и не выдаютъ ихъ магистрату. Ихъ рѣчи во время народнаго движенія, въ началѣ XVII в., полны высокаго сознанія свой роли: они напоминаютъ правителямъ ихъ обязанности передъ народомъ, ссылаются на историческій опытъ, показываютъ, какъ падали зазнавшіяся правительства, отстраняютъ угодливость магистрата, который добивается, чтобы они подѣйствовали на народъ и внушили ему повиновеніе. Любопытное теоретическое оправданіе этой важной роли пасторовъ въ политической жизни отыскивается уже въ ученіи Кальвина: это—принципъ ограниченія высшей власти властями низшими, *inferiores или populus magistratus*, призванными защищать интересы народа и возвращать забывшихся правителей къ ихъ долгу. Есть и другая аналогія, часто призываемая, аналогія съ ветхозавѣтными пророками. Идеи эти были и у Меланхтона, и у Цвинглия; но лишь въ кальвиновской общинѣ онѣ получаютъ практическое осуществленіе. Лишь въ ней пріобрѣтаетъ реальную силу общій принципъ всѣхъ реформаціонныхъ ученій, что выше повиновенія магистрату стоитъ повиновеніе Богу, что во имя требованій совѣсти можетъ быть оказано сопротивленіе властямъ.

Заканчивая на этомъ явленіи свой общій обзоръ, я формулирую лишь общій результатъ, который представился мнѣ при перекрестномъ изученіи теорій, практическихъ формъ и попытокъ, выразившихъ тенденціи церкви и государства. Когда рушилось господство католической церкви, въ устахъ противниковъ лозунгомъ было раздѣленіе двухъ сферъ, политической и духовной. Но границъ, въ сущности, не находили, и фактически обѣ стороны, новое государство и новая церковь, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболѣе энергичной формѣ, въ кальвинизмѣ, пытались захватить цѣликомъ оставшееся наслѣдство. Государство было сильнѣе, и церковь, разъ она не желала вполне подчиниться, какъ въ лютеранствѣ, сходила на роль оппозиціи. Въ оппозиціи,—а для Женевы я бы именно такъ отмѣтилъ особенно положеніе преемниковъ Кальвина,—церковь поневолѣ становилась болѣе популярной; она дѣлалась въ политическомъ отношеніи полезнымъ противовѣсомъ всепоглощающей государственной власти, авторитетному правительству, которое въ маленькихъ республикахъ того времени усваивало тѣ же приемы, что въ большихъ монархіяхъ. Такимъ образомъ, въ кальвиновской общинѣ передъ нами въ новой формѣ возрождается соперничество властей, которое составляетъ счастливую особенность западной исторіи, содѣйствуя развитію правъ личности.

Р. Випперъ.

Романы и повѣсти Элизы Ожешковой *)

v.

Почти въ каждомъ произведеніи Ожешковой выступаетъ черта общественной психологій — польскій гоноръ, магнатскій, шляхетскій или рабье благоговѣніе «черной кости» передъ панами. Гоноръ этотъ не то, что слѣсъ русскаго барича.

Въ практическихъ слѣдахъ того и другого въ жизни много общаго, но букетъ перваго несравненно острѣе и онъ врѣзался въ почву болѣе глубокими и цѣпкими корнями. Это наслѣдіе той поры, когда магнаты вершили судьбы отечества, смѣняли королей, вели переговоры съ Европой. Феодалные идеалы рыцарства, которые въ лучшихъ сторонахъ своихъ несли возвышенную, благородную струю, миновали насъ и мы только объективно можемъ понимать глубокую убѣжденность *падамъ до ногъ* шляхты передъ магнатами и народа, «быдла», передъ шляхтой. Здѣсь меньшая братія повергается ницъ передъ высшей не оттого только, что та держитъ ея жизнь въ своихъ рукахъ, но въ силу присущей всему низшему потребности благоговѣть передъ высшимъ. Такое чувство жило въ сердцахъ преданныхъ и вѣрныхъ дворовыхъ, которые были непоколебимо убѣждены въ томъ, что «бѣлая кость» не то, что «черная». Сосѣдство съ Европой принесло бѣлой кости цивилизацію и между ею и черной создалась глубокая культурная рознь въ то время, когда бояре наши отличались отъ народа только болѣе богатою одеждою, пищею, утварью да начатками грамотности, и то это были исключенія. Культъ панства вѣлся въ нравы; у насъ восточный демократическій обычай присоединять къ имени имя отца, т.-е. отчество, у поляковъ—европейскій, аристократическій: панъ, пани и пр., Историческія условія должны были выработать и соответствующія психологическія особенности панскаго гонора: съ одной стороны, большую чуткость къ сословной чести, болѣе или менѣе показную; съ другой—большую приниженность, которая ведетъ за собой поправіе челоуѣческой личности. Русскій баричъ, dorosшій до идеаловъ Торжица той поры, когда онъ училъ

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

Кенпу, женился бы на дѣвушкѣ изъ народа или казнилъ бы себя за оболъщеніе. Оболъщенная Розалія, рассказывающая о своей бѣдѣ, и слушающая ее Лукашевичева—обѣ глубоко проникнуты сознаниемъ, что бракъ съ Торжицемъ Розальки невозможенъ, и не считаютъ его за это подлѣцомъ. Багревичъ, родомъ изъ «быдла»,— характерное слово (такого *спеціально* слова не выработала русская жизнь, несмотря на крѣпостничество),—приходя требовать у мелкаго адвоката, прощальги и пѣвицы, отчета за оболъщеніе дочери, подавленъ не одною городскою обстановкою, не однимъ законовѣдѣніемъ и связями, но болѣе всего—шляхетствомъ Копровича. Онъ самъ сдѣлалъ худшее: прогналъ съ двумя своими сыновьями любившую его крестьянку Христину, отгонялъ жениховъ ея, пока она была нужна ему. Упрекъ Копровича, сравнившего дочь его съ Христиной, только на мигъ смущаетъ его совѣсть; его давитъ шляхетство и, сознавая свое безсиліе, онъ комически грозитъ: «Мадзя прѣдетъ». И вовсе не сознание нравственной и физической энергіи подчующей его кулаками Мадзи внушило ему этотъ крикъ; но Мадзя не «быдло» родомъ, она шляхтянка и можетъ считаться съ оболъстителемъ за позоръ дочери. Герой *Дикарки*,—человѣкъ, которому доступны идеальные помыслы, понимающій высшія задачи вѣка,—удивляется, слыша, какъ Богурскій, сынъ кормилицы пана Здроіовскаго, воспоминаетъ просто, потому что къ слову пришлось, о томъ, что воспитаниемъ и университетомъ обязанъ пану. Дѣйствительно ли Богурскому пріятны такія воспоминанія, или онъ только ловко притворяется, чтобы никто не могъ подозрѣвать его неудовольствія,—такъ размышляетъ герой о такомъ простомъ фактѣ и дѣлаетъ такой выводъ: «Вѣдь, можно быть демократомъ по убѣжденію, можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что люди равны между собой, и все же мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы такого рода убѣжденія и рассказы, особенно въ присутствіи незнакомыхъ людей, не были весьма основательною причиною неудовольствія». Ни одинъ человѣкъ, которому доступны высшія задачи вѣка, не придетъ къ такому выводу, если не взросъ въ презрѣніи къ «быдлу».

Проникая во всѣ сословія, этотъ шляхетскій гоноръ коверкаетъ жизнь. Горничная Франка хвалится шляхетскою родней и глубоко унижена замужствомъ съ «хамомъ». Когда мужъ, видя, что любовь, ласковыя убѣжденія, молитва и трудъ не образумили ее, по совѣту уважаемой старухи, оракула мудрости сосѣдства, побилъ ее: она унижена не побоями,—били же ее любовники,—она унижена тѣмъ, что по ея спинѣ гуляли хамскіе кулаки; это послѣдняя капля, переполняющая чашу злобы, и Франка отравляетъ мужа. Въ романѣ *Надъ Нѣманомъ* съ теплымъ юморомъ и мѣстами съ печальною патетичностью описана старая дѣва Марта, любящая, прямая, горячая, неутомимая работница въ семьѣ брата; она и Франка—антиподы нравственнаго міра, и, тѣмъ не менѣе, въ обѣихъ общая черта—шляхетскій гоноръ. Въ пору, когда паны, кто искренно «носился съ народомъ», зова его на участіе въ героической драмѣ ради отчизны, кто подъ красивыми фразами отводя ему въ комедіи исторіи старую роль кошки, таскающей ва-

штаны изъ горячей золы, Марта полюбила Ансельма Богатыровича, не *хама*, т.-е. не крестьянскаго рода, а захудавшаго шляхетскаго, однодворца-землепашца. Она—бѣдная, необразованная дѣвушка, взрослая изъ милости у родныхъ; розни умственной не было. Ансельмъ былъ грамотный, читалъ Мицкевича. Остановилъ ее мужицкій трудъ. Подъ старость, высохшая отъ тоски, она съ ироніей отчаянія говоритъ о томъ, какъ ей за годы тоски, за то, что она никогда ни одного ребенка не называла своимъ, за то, что она стала такою *холерой*,— за все это ей заплатило сознание, что она не унизилась до мужицкаго труда, до брака съ земледѣльцемъ, не сажала, не поливала, коровъ не доила. Когда Юстина, такая же бѣдная родственница, выходитъ замужъ за Яна, племянника Ансельма, то кузень ея, Зигмундъ Корчинскій, увлекавшійся ею, женившійся на другой и теперь предлагающій ей «французскій бракъ en trois», убѣжденъ, что она выходитъ замужъ только съ отчаянія, спасая себя отъ паденія, и когда она ему отвѣчаетъ взрывомъ невольнаго и неудержимаго хохота, онъ, какъ высшее оскорбленіе, кидаетъ ей слово «мужицка».

Культъ дворянскаго гонора доходитъ до своеобразнаго героизма. Бѣдная старуха Лапотницкая отдаетъ послѣднія крохи очаровательному негодню и моту Стасю, не потому только, что Стасъ цѣлуетъ ея ручки и вноситъ оживленіе въ темный уголь, гдѣ доживаютъ свой сѣренькій вѣкъ захудалыя шляхтянки, но болѣе всего по принципу. Она говоритъ: «Чернь теперь беретъ верхъ, сударыня, чернь. А намъ приходится сидѣть въ такихъ трущобахъ, да смотрѣть, какъ проходимцы пользуются нашимъ добромъ». Она считаетъ долгомъ спасти Стася отъ «проходимцевъ», поддержать въ лицѣ его родовой гоноръ. Ограбленная Стасемъ, уѣхавшимъ съ ея крохами, она говоритъ дочери: «Мы теперь бѣдны, но Боже сохрани тебя пожаловаться или говорить о немъ дурно. Жаловаться, плакать—неприлично, а говорить о немъ дурно—*грѣхъ*. Каковъ бы онъ ни былъ, онъ *нашъ*, одного съ нами происхожденія. Не дадимъ черни этого удовольствіенія, она не должна видѣть, какъ мы другъ на друга жалуемся». Стоицизмъ чуть не римлянки, приложенный къ дворянскому гонору. Бѣдная старуха наивно вѣритъ, что ея братія оцѣнятъ подвигъ этотъ и за то, что она не захотѣла таскать дворянское имя по судамъ, сложатся и уплатятъ пропавшія за Стасемъ крохи,— и получаетъ когда мелкую ассигнацію, когда мѣшокъ картофеля и муки.

Во имя дворянскаго культа лишаютъ себя радостей матери или губятъ дѣтей. Бездѣтная Житницкая, «золотое сердце», очень живо и симпатично обрисованная хлопотунья, съ ея выпышками и готовностью летѣть на помощь каждой бѣдѣ, взяла на воспитаніе крестьянскаго ребенка; бездѣтность—горе ея жизни. Мужъ говоритъ: «И тебѣ не стыдно, что хамское отродье будетъ называть тебя матерью?» Тогда Житницкая поняла, что ей самой мѣшало сохранить названіе, которое такъ чудно ласкало ея слухъ. Это черта тонкая и глубокая. Для женщины, которая лечила больныхъ, сердце которой было полно любовью, на ребенка изъ «быдла» лежала печать

отверженія. У любящей женщины хватило любви только для своей кости, и натура ребенка, лишенная тепла материнской любви, засохла, и Житницкой пришлось плакаться на его желчныя выходки противъ «благодѣтельница». Мать «Милорда», жена гончара, талантливаго, искуснаго работника, который дорожилъ унаслѣдованною отъ дѣдовъ честью работника, воспитала сына, какъ барича, «князя»,—она иначе не зоветъ его, какъ мой князь; красавецъ Ромуальдъ долженъ жить въ барскомъ кругу, блистать, взять богатую невѣсту. Эта жизнь для нея идеаль лучшаго, шляхетство—это ея святыня. Сынъ вышелъ мотомъ, и мы видимъ его на порогѣ нищеты у тѣла матери, умершей ради него отъ голода. И не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что сдѣлаетъ нищета изъ празднаго шалопая.

Есть еще образъ матери, стувившей сына во имя героическаго дворянскаго вѣвта. Гордая идеалистка, вдова Андрея Корчинскаго, вождя и учителя, вознегодовала бы глубоко, если бы ей сказали, что между нею и вдовою гончара есть общія черты, несмотря на пропасть между міровозрѣніями обѣихъ. Вдова гончара ставитъ идеаломъ внѣшній блескъ панства, вдова героя понимаетъ лучшую сторону «бѣлой кости»; старшая братія должна быть первою, какъ умственная и нравственная сила, просвѣщающая меньшую. Она раститъ не прожигателя жизни, а достойнаго преемника дѣла, завѣщаннаго отцомъ. И обѣ употребили одинъ и тотъ же приѣмъ, прятали подъ стеклянный колпакъ сыновей отъ прикосновенія грубой жизни, и обѣ достигли одинаковаго результата, воспитали пустыхъ, бездушныхъ эгоистовъ. Сознаніе превосходства родовитости такъ крѣпко вѣлось въ гордую и сильную натуру, что даже любовь къ Андрею, памяти которой она осталась вѣрна всю жизнь, не могла вытравить кастовыхъ предразсудковъ. Когда герой ея братался съ народомъ не потому только, что нужны были руки и кровь народа, но искренно, по глубокому убѣжденію, что возрожденіе общества возможно только при братскомъ единеніи черной и бѣлой кости, жена его понимала только роль благодѣтельнаго генія. И она благодѣтельствовала свысока, затаивая глубоко отвращеніе къ черной кости—олицетворенію невѣжества, грубости, низости для нея,—и сына увезла воспитывать за границу, чтобы сохранить его отъ соприкосновенія съ черною костью. У Достоевскаго въ *Мертвомъ домѣ* есть одинъ майоръ, который держался майоромъ и начальникомъ въ отношеніи арестантовъ, въ недобрую минуту давалъ зуботычины и розги; но, не переросшіе поговорку: русскій человекъ за тычкомъ не гоняется,—арестанты любили его за то, что онъ попросту бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ о родныхъ, о житьѣ за родной стороной, и это съ искреннимъ интересомъ, потому что «ему въ амомъ дѣлѣ надо было это знать». Если разбирать психологію майорской души, то розги и зуботычины были результатомъ внѣшнихъ условій всего строя общества. Никакой принципъ бѣлой и черной кости не лежалъ въ основѣ розогъ и зуботычанъ, майору не надо было затаивать никакого отвращенія къ арестантамъ, Майоръ интересовался арестантами въ силу непосредственной и несознанной имъ самимъ симпатіи, братавшей его съ

ними. И арестанты, очень немного выигравшіе отъ такого платоническаго чувства, все-таки, любили майора, потому что сердце сердцу подастъ вѣсть. Оно было въ майорской душѣ микроскопическимъ самородкомъ золота, скрытымъ подъ толстою корою невѣжества, дикости, служебной формалистики. У идеально-чистой, высокообразованной пани Корчинской не было этой крупинки, которую можно сравнить съ вѣточкой, носящей въ себѣ силу, при благоприятныхъ условіяхъ, развиться въ живой организмъ. Съ той точки, на которой стояла вдова Андрея, народъ былъ для нея сѣрою массой, пригодною лишь на то, чтобы служить пьедесталомъ для геройства избранныхъ. Она могла вязать чулки для бѣдныхъ или, усадивъ у ногъ своихъ на скамеечкѣ дѣвочку, учить ее грамотѣ, но все это только ради принципа *poblesse oblige* и въ память Андрея, все время сознавая, что она и сынъ ея созданы изъ другой глины. Она много говорила сыну о любви, готова его въ роли героя, но слова—плохой посѣвъ. И она съ отчаяніемъ говоритъ: «моя вина», когда увидѣла, что Зигмунтъ ея ждетъ только смерти матери, чтобы, продавъ родныя Осовицы, уѣхать увеличить собой толпу праздношатающихся по Европѣ абсентеистовъ.

У гордой пани Корчинской есть еще черта, общая съ женою гончара. Первая способна благодѣтельствовать народу только ради устройства пьедестала для героевъ-пановъ; вторая способна понимать только такое отношеніе бѣлой кости къ черной. Андрей Рембка, сохранившій въ себѣ Божью искру среди измѣны окружавшихъ его, учить дѣтей крестьянъ и мѣщанъ. «Ай, ай, баринь, вы либо святой, либо помѣшанный»,—говоритъ она ему. И такъ какъ она, въ качествѣ вѣрной католички, можетъ признавать только канонизированныхъ святыхъ, то, конечно, она видитъ въ немъ сумасшедшаго. И въ ней говорить вовсе не то чувство вѣкового недоверія, которое заставляло освобожденныхъ крѣпостныхъ говорить о нашихъ дворянахъ, что они за обученіе грамотѣ и леченіе получаютъ отъ царя жалованье или спасаютъ свои души. Слова ея вызваны непоколебимымъ убѣжденіемъ въ существованіи глубокой пропасти между панами и «быдломъ», въ невозможности того, чтобы она наполнилась и первые и вторые протянули другъ другу братски руки.

VI.

Безпринципность — вотъ язва общественная, которая раскрывается въ созданіяхъ Элизы Ожешковой и наиболѣе рѣзкая форма ея—абсентизмъ. Шляхтичъ Коссовичъ, который такъ комически говоритъ всею фигурокъ своей: «Смотрите, язва жень, я серьезень!»—самый дюжинный типъ абсентеиста, наживающаго деньги и преуспѣвающаго въ чинахъ; болѣе блестящій въ той же повѣсти *Новички* панъ Поменѣцкій, онъ, какъ его называютъ въ сосѣдствѣ, когда онъ наѣзжаетъ собирать доходы съ родовыхъ имѣній. Онъ, какъ природный панъ, гордо отказался отъ графскаго титула, который ему предлагали при германскомъ дворѣ. Пани Цецилія, наслаж-

дающая жизнь въ центрахъ цивилизаціи за границей и возящая за собой то интереснаго германскаго князя, то какого-то красавца неопредѣленной національности, наѣзжая на родину за деньгами, такъ поучаетъ дочь: «Римъ — родина нашихъ душъ, но это не мѣшаетъ, однако, что мы должны радоваться тому, что дышимъ роднымъ воздухомъ, видимъ это небо, эту землю, эти деревья, этотъ вѣтеръ». Искусственностью и дѣланностью дышетъ это поученіе о патриотизмѣ и естественно вызываетъ у умной дѣвушки отвѣтъ: «Сомнѣваюсь, не понимаю, не чувствую». И мать для поученія даетъ ей урокъ изъ польской исторіи, т.-е. дѣлаетъ перекличку именъ королей и хронологическихъ цифръ. Та же пани Цецилія отказывается года три получать менѣе доходовъ при вѣрномъ расчетѣ послѣ увеличить свои доходы, по-дамски не понимая дѣла, а патриотизмъ ея не могъ пойти на расходъ нѣсколькихъ тысячъ для улучшения почвы родной земли. Этотъ отказъ послѣ сентиментальнаго поученія о радости дышать роднымъ воздухомъ — черта тонкая и много освѣщающая жизнь. Пани Цецилія съ подругами своими сожалеетъ о несчастіи ея, графа Поменѣцкаго, въ первомъ бракѣ. Жена оставила его, не поѣхала за нимъ къ германскому двору, была не способна поддержать то положеніе, какое онъ занималъ въ свѣтѣ, и это потому, что «у нея были *принципы*». О, конечно, принципы такая вещь, которую надо уважать, рѣшаютъ очаровательныя поклонницы пана, но не доводятъ до такихъ крайностей, жить въ деревнѣ и разстаться съ мужемъ въ ту минуту, когда его сдѣлали камергеромъ, и прелестныя дамы произносятъ такой приговоръ: «C'était une *idiotie*».

Въ нихъ вытравлено то растительное чувство любви къ родной сторонѣ, которое такъ сильно въ *Хамъ*, которое подъ вліяніемъ Андрея Корчинскаго выросло въ крѣпкую любовь къ отчизнѣ въ Ансельмѣ Богатыровичѣ; но онѣ знаютъ, что такъ принято любить отчизну. Вдова Андрея Корчинскаго несомнѣнно женщина съ принципами. Въ ней сильна и растительная связь, приковывающая человѣка къ родной почвѣ; какую страстную позвѣй дышетъ ея негодующая отповѣдь сыну, когда тотъ говоритъ, что онъ не видитъ красоты, которая бы могла вдохновить его талантъ живописца! Она глубоко проникнута героическимъ патриотизмомъ и была достойною женою Андрея Корчинскаго; но то широкое чувство, которое обнимаетъ родной народъ, которое одно ручается за лучшія судьбы человѣчества, было ей чуждо. А его именно требуютъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ задачи вѣка, и оттого она могла воспитать только жалкаго фразера и эгоиста. Живая связь съ родною страной въ томъ, что тамъ только человѣкъ имѣетъ наибольшую возможность дѣйствовать и творить, потому что родной народъ — поле, на которомъ жатвы много, а дѣлателей мало. Этой связи не могла дать вдова Андрея Корчинскаго сыну, она могла только словами растить его для своей честолюбивой мечты быть матерью героя.

Замѣчательно тонко и вѣрно проведена сцена объясненія между матерью и сыномъ; сцена длинна, но въ ней затронута такъ много сто-

ронъ, открывающихъ несчастной матери полную несостоятельность ея сына. Приведемъ нѣкоторые отрывки. Зигмунтъ, захандрившій послѣ отказа Юстины, просить мать продать Осовицы и поселиться за-границей. «Я не могу остаться привязаннымъ къ этому клочку земли... амбары, коровы, *que suis-je*». Мать говоритъ ему о борьбѣ, о горѣ, страданіи.— «Мы всѣ несчастливы». — «Но надѣюсь, вы не желаете, чтобы я-то увеличилъ число несчастныхъ?» Пани Корчинская съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ отвѣчала: «Нѣтъ на свѣтѣ матери, которая пожелала бы несчастья родному ребенку. Но я для тебя, при выборѣ между пошлымъ счастьемъ и возвышеннымъ несчастьемъ, пожелала бы послѣдняго. Ты родился здѣсь, здѣсь и твои обязанности, здѣсь ты долженъ жить». — «Почему?» — Пани Корчинская подняла на него свои глубокіе глаза.— «Потому, чтобы твоя меланхолія осталась при тебѣ»... (Она идеализировала хандру празднаго эгоиста, вызванную неудавшеюся любовною интригой). — «Но, вѣдь, это глуп... *raison*, крайній идеализмъ. Вы обрекаете меня на вѣчную тоску. Вы приростаете къ одному мѣсту, какъ грибокъ, потому что и другіе грибы должны расти на немъ», — она прямо взглянула ему въ глаза и спросила: — «А ты, Зигмунтъ, не идеалистъ?» Ее мучить сомнѣніе, не испортила ли она жизнь сына, помѣшавъ его браку съ Юстиной, — любовь подняла бы его до героизма, — и убѣждается, что любить онъ не способенъ. Юстина для него теперь холодное созданіе, пропитанное предрассудками; онъ теперь замѣтилъ, какія у нея красныя руки. И мать поняла, что онъ любить не способенъ, что у него холодное сердце, и ее, какъ женщину, ударъ этотъ билъ больнѣе. Она кается, что не установила связи между сыномъ и родною землей и народомъ. Напоминаетъ объ отцѣ, «который умѣлъ жить съ нимъ, поднимать, утѣшать, просвѣщать». Вдругъ она смолкла. Въ сумракѣ, который уже начиналъ наполнять комнату, она услышала насмѣшливый и презрительный голосъ, который произнесъ только одно слово: «Скоты». Зигмунтъ излагаетъ матери свое міровоззрѣніе. Онъ говоритъ тѣмъ тономъ лѣтговѣской ироніи, какой принимаютъ всѣ пошляки, когда имъ напоминаютъ объ идеалѣ и долгѣ служить ему, и еще съ тѣмъ особеннымъ отгѣнкомъ, который является, когда о томъ напоминаетъ женщина. Возмутительную безчеловѣчность такого тона по отношенію къ матери художникъ смягчаетъ, упоминая, что въ сумеркахъ сынъ не могъ разглядѣть лицо матери: «Соки земли, страданія народа и т. п. Я никогда не хотѣлъ говорить съ вами объ этомъ, чтобы не огорчать и не сердить васъ. Я вообще уважаю чужія чувства и убѣжденія, въ особенности безкорыстныхъ, какъ ваши, но теперь замѣчаю, что этотъ предметъ требуетъ обсуждения. Мнѣ очень грустно, *j'en suis desolé*, но я этихъ чувствъ и убѣжденій не раздѣляю. Только сумасшедшіе и абсолютные идеалисты до послѣднихъ силъ защищаютъ абсолютно проигранныя дѣла. И я также идеалистъ, но умѣю трезво смотрѣть, и у меня нѣтъ никакихъ иллюзій. И такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ иллюзій, то мнѣ вовсе не хочется принести себя въ жертву на алтарь несуществующаго божества. Простите, если я чѣмъ-ни-

будь оскорбилъ ваши чувства; я понимаю очень хорошо, что люди стараго поколѣнія могутъ оставаться подѣ влияніемъ старыхъ традицій, воспоминаній etc. Мы же, расплывающіеся за чужія иллюзіи, своихъ не имѣемъ. Когда банкъ сорванъ, я иду играть къ другому столу, а этимъ другимъ столомъ служить для насъ общечеловѣческая цивилизація. Я, по крайней мѣрѣ, считаю себя за сына этой цивилизаціи, сжилъ съ нею. Нѣтъ ничего удивительнаго, что я не могу жить безъ нея и что здѣшніе соки только пытаются мое грѣшное тѣло (что, между прочимъ, приводитъ меня въ ужасъ), но духовнымъ потребностямъ моимъ удовлетворить не могутъ». И въ заключеніе онъ наноситъ матери послѣдній ударъ: «Мой отецъ былъ безуменъ. Да, мама, простите меня, я имѣю право сказать это, лишенный возможности занять мѣсто, принадлежащее мнѣ по праву, я, носившій въ чужихъ странахъ на своемъ лбу пятно позора. Я чуть не нищій, благодаря тому, что мой отецъ и подобные ему...» Мать, собирая послѣднія силы, крикнула ему: «Уйди, уйди!» И онъ заканчиваетъ: «Уйду, уйду! Я вижу, что съ вами о такихъ вещахъ разговаривать невозможно. Могила! Проклятія! Трагедія! Что тутъ только творится, что говорится? И за что, зачѣмъ, почему? Если это рассказать, никто не повѣритъ».

За Зигмунтомъ тянется вереница абсентеистовъ разныхъ пошибовъ: панъ Ружицъ, промотавшій миллионъ и здоровье и возбуждающій удивленіе сентиментальныхъ барынь промотаннымъ миллиономъ и морфинизмомъ, какъ признакомъ поэтической натуры, съ его девизомъ *tout passe, tout lasse*, панъ Дажецкій, мѣтко обрисованный нѣсколькими штрихами, и свѣтская молодежь, которая думаютъ только о томъ, какъ бы выбрать побольше золотыхъ изъ соковъ земли на удовлетвореніе «высшихъ потребностей» культурныхъ людей. Имъ смѣшна горячая рѣчь Витольда Корчинскаго: «Вы всѣ, господа, должны отдать свои силы народу и землѣ». Все это люди поконченные и, въ то же время, живые люди. Гражданская скорбь и негодование автора не увлекаютъ до забвенія мѣры, до черезъ-чуръ темныхъ красокъ. Ружицъ въ иномъ симпатиченъ, какъ человѣкъ; онъ глубоко привязанъ къ кузинѣ, пани Кишло, образцовой матери, которую безпутство мужа заставило взяться за хозяйство и биться какъ рыба объ ледъ, поднимая дѣтей.

Герой послѣдняго произведенія Элизы Ожешковой *Дикарка*, Здиславъ Грановскій, тоже человѣкъ поконченный, но онъ образецъ типа, который выше Ружица и Зигмунта. Онъ не говоритъ: идеалы—безуміе, онъ преклоняется передъ ними, но силъ нѣтъ жить для нихъ у избалованнаго барича съ нервами, развинченными до того, что гримаса носа лакея приводитъ его въ дурное расположеніе духа и онъ за нее готовъ прогнать вѣрнаго слугу. Повѣсть, несмотря на нѣкоторыя длинноты и повторенія мелочныхъ чертъ, вещь замѣчательная по анализу той полосы общественнаго настроенія, которое назвали пространіемъ. Разсказъ ведется отъ лица героя, и это исповѣдь тѣхъ людей, которые, по пословицѣ: ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга,—для художника всего труднѣе обрисовка такихъ безличныхъ фи-

зіonomій, которыя выработались въ пору восьмидесятихъ годовъ. Грановскій, какъ и Зигмунтъ, диллетантъ и два года переводить байроновскаго Каина; онъ не скажетъ, какъ Зигмунтъ: мой отецъ былъ безумецъ. Здиславъ понимаетъ идеалы здороваго народничества, жрицей котораго служитъ Северина. Онъ повторяетъ строки байроновскаго Каина, который на вопросъ ангела: хочешь сдѣлаться на меня похожимъ?—отвѣчаетъ: «Вижу могущество твое, вижу твою красоту, но ты приказываешь мнѣ нѣчто превосходящее мои силы, но не превосходящее мои понятія». Здиславъ въ слѣдующихъ строкахъ исповѣдуетъ общественныя чувства молодежи своей полосы: «Мы бы желали, конечно, чтобы погода была свѣтлѣе, мы даже охотно согласились бы, ради исправленія ея, понести тяжелю, да, пожалуй, и геройскую жертву, если бы нашъ энтузіазмъ былъ возбужденъ чѣмъ-нибудь въ этомъ направленіи... Не позволю себѣ и никому сомнѣваться въ томъ, что мы обладали унаслѣдованною кровью предковъ, способностью на героическія жертвы энтузіазму». Это поколѣніе «большихъ знатоковъ китайскихъ и японскихъ бездѣлушекъ, флирта, кокотокъ, стараго фарфора, спорта, винъ, желчныхъ камней и катарровъ всякаго рода *fin du siècle*, нигилизма и теоріи всеобщаго уничтоженія человѣчества». Въ пароксизмѣ скуки, связанной съ сквернымъ чувствомъ похмѣлья, они помечтають о дѣлѣ, напимѣръ, основаніи газеты, художественнаго музея, но на этомъ и испарится все, что есть въ нихъ здоровыхъ поползновеній. Всѣ они похожи другъ на друга, несмотря на различную наружность, всѣ они представители порядочной молодежи, цвѣта общества. У нихъ много общаго съ барининомъ, котораго рисуетъ г. Чеховъ въ *Разсказъ неизвѣстнаго челоука*, они въ извѣстной степени тоже «азіаты, которые цѣлый день курятъ кальянъ». Утонченность европейской цивилизаціи для нихъ гашишъ, они съ ироніей относятся ко всему и, какъ этотъ баринъ, хорошо понимаютъ, что принадлежать къ поколѣнію, «ветушившему въ жизнь въ тяжелый день».

Жизнь, въ лицѣ «дикарки» Северины, предъявила запросъ, для удовлетворенія котораго имъ надо переродиться, а Здиславъ говоритъ: «Намъ и въ голову не приходило, чтобъ обстоятельства и тяжелый день, и чувство жалости могли такъ или иначе воздѣйствовать на личныя наши дѣла, чтобъ они возлагали на насъ обязанности какой бы то ни было внутренней переработки. Если бы кто сказалъ намъ, что мы обязаны быть другими, то мы бы искренно разсмѣялись».

Герой не Гамлетъ, онъ не колеблется между двумя правдами, отживающей и рождающейся; онъ не стоитъ ни на какомъ распутіи и не знаетъ болеваго процесса борьбы, въ которой вырастаетъ личность. Онъ только способенъ понимать всю прелесть, все величіе идеала и смиренно сознавать свою неспособность. Въ немъ та двойственность сознанія, которая есть одинъ изъ признаковъ вырожденія и которая пробудилась при встрѣчѣ съ Севериной, точно живутъ въ душѣ его два челоука, изъ которыхъ одинъ говоритъ и дѣйствуетъ по привычкѣ культа условности, замѣчаетъ каждое нарушеніе свѣтскихъ приличій Севериною, охлаждается, когда она

кажется ему неизящной; другой, который со стыдомъ слышитъ ея слова о томъ, что жизнь не мыслима безъ великой цѣли, на негодующій укоръ ея искренно говоритъ: *mea culpa, mea maxima culpa*. Но это только красивый порывъ, ни къ чему не обязывающій. Когда Северина уѣзжаетъ, чтобы порвать начинающуюся любовь, отъ которой она счастья не ждетъ, потому что вполне оцѣнила его, онъ ѣдетъ за ней, очень хорошо сознавая, что еслибъ онъ никогда не увидалъ ее, то не повончилъ бы съ собою. Въ жизни его не было чувства сильнѣе этой любви, никакія вышія цѣли, ни обязанности не привязывали его къ жизни; просто его дряблая душонка не способна была испытать ту страшную глубину чувства, тѣ нестерпимыя муки, которыя и людей, живущихъ для такихъ цѣлей и несущихъ такія обязанности, толкаютъ на этотъ роковой мигъ, отъ котораго ихъ удержать только одна ихъ завѣтная святыня.

Характерно объясненіе между Здиславомъ и Севериной, которое заставило Северину уѣхать. Когда она говоритъ о томъ, что есть суть ея душевнаго міра, онъ съ дешевенькою ироніей пошляковъ, которою они вымещаютъ свое раздраженіе, когда имъ говорятъ объ идеямъ, перечисляетъ: «Обязанности, трудъ, добродѣтель, самопожертвованіе». «Если вамъ все это извѣстно, то почему вы все это отвергаете?»—спрашиваетъ Северина.—«Потому,—отвѣчаетъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, которому старается придать оттѣнокъ равнодушія,—просто-на-просто потому, *parce que cela me déplaît*». Все въ жизни сводится у него къ этому—нравится и не нравится. Въ деревнѣ Северины рознь сказывается еще рѣзче. На настроеніе героя вліяетъ каждая мелочь: бессонная ночь отъ снѣжной бури, вой волковъ, старинная мебель съ прямыми спинками, не располагающая къ любовнымъ признаніямъ, какъ будуарные козетки и пуфы, на которыхъ сильфидамъ удобно принимать граціозныя позы, а поклонникамъ сидѣть у ногъ ихъ. Каждая мелочь дѣйствуетъ на его чувство, которое сильно для такой дряблой натуры, но само по себѣ мелко, потому что, разгораясь при каждомъ фактѣ, доказывающемъ душевную прелесть Северины, при видѣ каждой незамѣченной еще имъ черты ея красоты, оно тускнѣетъ и отъ мелочей обстановки, и отъ мелочей, которыми Северина такъ рѣзко отличается отъ сильфидъ.

Въ деревнѣ рознь обостряется. Онъ хочетъ «пробудить спящую королеву», т. е. посвятить ее во вѣѣ прелести свѣтской жизни, гдѣ ее съ ея красотой, богатствомъ и замѣчательнымъ талантомъ гнѣнія ждетъ блестящая роль царицы среди сильфидъ, и приступаетъ къ дѣлу по вѣѣмъ правиламъ флирта. Она со слезами говоритъ: «Мы никогда не поймемъ другъ друга». Она ясно видитъ и рознь между ними. Ему надоѣдаютъ рассказы старика, дѣда ея, наполеоновскаго солдата, съ его культомъ Франція и идей свободы, которыя разнесли по Европѣ наполеоновскія войска. Для человѣка, у котораго есть идейная связь съ прошлымъ, которое олицетворялось въ Адамѣ, дѣдѣ Северины, старческіе рассказы не показались бы такъ скучными, тѣмъ болѣе для молодого; молодежь—рекруты идеи—всегда

съ удовольствіемъ слушаютъ ветерановъ. Пѣніе рабочихъ раздражаетъ его нервы. Обычай работниковъ усадьбы собираться по вечерамъ для бесѣдъ и чтеній кажется ему страннымъ. Северина объясняетъ:

«Въ этомъ обычаѣ много хорошаго, его можно эксплуатировать съ цѣлью взаимнаго знакомства, возможности дѣлиться съ ними тѣмъ, что сама знаю. Это не Богъ вѣсть что, но капля, которая проникаетъ въ море...» — «Общаго счастья, не правда ли?—сказалъ я, изумленный до полнаго непониманія». Онъ предлагаетъ ей отдать все ея состояніе на ея цѣли и ѣхать съ нимъ въ городъ на жизнь сльфида и слышитъ, что она не можетъ жить другою жизнью. Дѣвушка, дышащая живою вѣрой, великою любовью, онъ не могъ принести ничего, кромѣ жалкаго ироническаго признанія: «Я ничтожный, жалкій человекъ и не могу пребывать въ возвышенныхъ областяхъ». — «Почему?» — «Почему одна роза красная, а другая бѣлая?» Свою безпринципность онъ сводитъ къ какому-то роковому закону.

Изъ этого приличнаго и поэтическаго Здслава, если бы отецъ его не былъ порядочнымъ человекомъ и заботливымъ семьяниномъ и его не воспитала сестра, хорошая женщина, вышелъ бы погибшій еще худшаго типа, чѣмъ Романъ Калининскій, герой разсказа *Погибшій*. Калининскій выросъ въ семьѣ помѣщиковъ средней руки, заброшенный, потому что отецъ былъ вѣчно на охотѣ, мать и сестры въ гостяхъ. Дома скука, сестры вѣчно ссорятся и онъ рано началъ кутить. Обыкновенная исторія: изгнаніе изъ училища, долги, отказъ отца платить, онъ спустился до притоновъ низшаго сорта, убилъ въ запальчивости и обвиненъ въ воровствѣ съ цѣлью грабежа. Семья не хочетъ спасти его, потому что родители невѣсты примѣрнаго старшаго сына поставили условіемъ, чтобы Калининскіе отреклись отъ сына, опозорившаго дворянскій родъ. Бездушіе и пошлость семьи, все, погубившее Романа, ярко выступаетъ въ нѣсколькихъ сценахъ, когда Калининскій разсказываетъ свою жизнь адвокату, и адвокатъ убѣждаетъ семью вступиться и заставить свидѣльницу взять назадъ ложное показаніе. Въ Романѣ Калининскомъ есть энергія, страсть, которой не было въ Здславѣ, герой *Дикарки*. Онъ самъ не сознавалъ, отчего ему тѣсно было въ семьѣ, онъ часто подросткомъ бросался на землю и плакалъ отъ тоски, не зная, о чемъ плачетъ. Онъ говорилъ: «Мнѣ казалось, что есть гдѣ-то далеко за горами какой-то міръ, прекрасный, свѣтлый, широкій, котораго я не знаю, гдѣ лучше живется». Младшая сестра прочла ему про какого-то генерала, — онъ даже имени Гарибальди не зналъ, — онъ ночь не спалъ отъ волненія. Онъ зоветъ счастливецомъ адвоката за то, что тотъ ходитъ по тюрьмамъ, утѣшаетъ; онъ не скучаетъ, какъ не скучалъ тотъ генераль. При вопросѣ адвоката: неужели онъ не зналъ, что въ его дѣятельности нуждается отечество? — въ его глазахъ мелькаетъ недоумѣніе. Въ немъ только инстинкты и смутно бродящія силы. Онъ умѣлъ приобрести вліяніе въ мірѣ арестантовъ, его слушаются. Эта черта — преувеличеніе, потому что, судя по *Мертвому дому* и отзывамъ лицъ, жившихъ его жизнью, арестанты не-дворяне держатся особнякомъ отъ дворянъ; и тамъ сказывается вѣковая рознь и сомнительно,

чтобы они подчинились авторитету дворянина, да еще недоросля. Но черты, которыми авторъ рисуе Калинскаго въ судѣ, говорятъ о сильной и любящей душѣ. «Руки скрещены, на лицѣ не видно ни отчаянія, ни злобы, ни тревоги, ни приниженности, ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя вообще люди выказываютъ въ его положеніи. Казалось, онъ глубоко задумался, судя по морщинамъ на лбу, по печальному очертанію блѣдныхъ губъ. Я былъ почти увѣренъ (разсказъ ведется отъ лица адвоката), что мысли его были въ эту минуту на родинѣ, и онъ прощался съ нею навѣки, подсчитывать всѣ раны и заблужденія и невольно спрашивалъ себя: почему жизнь его сложилась такъ, а не иначе?» Его обвинили и адвокат слѣдить за нимъ, когда его уводятъ въ тюрьму. «Фигура его выражала какую-то странную рѣшимость. Онъ взглянулъ вокругъ вызывающимъ взглядомъ, глубоко вздохнулъ и звонкимъ голосомъ затянулъ разгульную пѣсню. Онъ шелъ нахально и звуки разгульной пѣсни постепенно стихали. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ подъ низкій сводъ другихъ воротъ и затѣмъ погрузился во мракъ второго двора. Но изъ этого мрака все еще доносились до меня звуки разгульной пѣсни. Въ нихъ уже не слышалось пьяное веселье и нахальство. Среди этихъ мрачныхъ стѣнъ они казались громкимъ рыданьемъ, провозительнымъ и звонкимъ, какъ колокольчикъ церковнаго сторожа у смертнаго ложа. Это былъ брошенный міру крикъ погибшаго». Великая общественная несправедливость убила все, что было живого въ душѣ, что при иныхъ условіяхъ создало бы честнаго человѣка. Его сгубила неразвитость, а не испорченность. Доброе, полное участія слово адвоката раскрыло его душу и приговоръ несчастному, произнесенный адвокатомъ, вѣренъ: «Непочатая сокровища чувства и мыслей дремали въ его груди; въ хаотической натурѣ звучала иногда струя живой поэзіи. Это была бесплодная и горькая поэзія, издававшая иногда невѣрные и даже фальшивые звуки, но какой психологъ можетъ поручиться, что еслибы это чувство было облагорожено знаніемъ, оно не подарило бы міру высокими словомъ или подвигомъ?» И это не идеализація преступника, — много мелкихъ чертъ говорятъ о его любящей натурѣ, о смутной жаждѣ лучшаго. Несчастный погибъ оттого, что въ его жизни не было путеводнаго свѣточа.

Есть образы другихъ погибшихъ, которые не носятъ официального клейма. Это тѣ, которые изъ трусости не пошли по пути, указанному свѣточемъ; они цѣлую жизнь носятъ въ самихъ себѣ свою казнь. Таковъ мастерски очерченный Бейеръ, зять Мейера Юзефовича, въ романѣ того же имени. Онъ уменъ, онъ переросъ суевѣрія талмудизма, который сковываетъ умы его братій; въ молодости онъ мечталъ о борьбѣ съ мракомъ, объ освобожденіи отъ власти раввиновъ и кагала. Но онъ не герой, а простой смертный. И, затаивъ въ душѣ свои порывы, свои думы, онъ по наружности живетъ одною жизнью съ темною братіей. Онъ почетный, богатый купецъ, одинъ изъ воротилъ городка — еврейской Мекки, хорошій семьянинъ и, повидимому, жизнь улыбается ему. Вотъ его портретъ, написанный тонкими штрихами: «Онъ казался лѣнивымъ и сонливымъ, но полъ

кажущимся равнодушіемъ внимательный взглядъ могъ подмѣтить глубоко затаенныя сильныя ощущенія и стойкій характеръ, что-то мечтательное и страдающее вмѣстѣ выразалось въ большихъ, широко раскрытыхъ бѣлесоватыхъ глазахъ его, покрытыхъ какъ бы стеклянною оболочкой; скрытая въ глубинѣ души его тоска видна была въ чертахъ его тонкихъ губъ, положившихъ на себя печать каменной покорности. Видно было, что въ прошедшемъ этого человѣка разыгралась когда-то тихая драма, никому въ подробностяхъ неизвѣстная, но развязка которой погрузила въ сонливость его разумъ и волю и оставила въ его груди замерзшее и вѣчно отражавшееся эхомъ впечатлѣніе. Была пора, когда онъ бился, вырывался изъ мрака, кричалъ: «спасите!» Въ братѣ жены своей, Мейерѣ Юзефовичѣ, онъ видитъ свою молодость. Онъ также стремился, негодовалъ, возмущался, потомъ смирился передъ силой, съ которою борьба всего труднѣе, мучительнѣе,—силой общества, невѣжественнаго и суевѣрнаго. Онъ, сознающій свѣтъ, живеть среди мрака, сознающій достоинство человѣка видитъ рабство среди народа передъ раввинами, любящій гуманный человѣкъ видитъ изо дня въ день гибель жертвъ изуверства. И онъ обрекъ себя на пытку сносить все молча, быть молчаніемъ своимъ невольнымъ участникомъ всего, что возмущаетъ его, заставляетъ сердце обливаться кровью, длить тотъ мракъ, въ которомъ задыхается, и растить дѣтей своихъ на тотъ же мракъ,—это пытка, страшнѣе которой нѣтъ пытки. Не даромъ Бейеръ хватается за грудь, когда говоритъ о раввинѣ и талмудѣ съ Мейеромъ. Это пытка цѣлой жизни безъ передышки, потому что отъ себя, отъ своей совѣсти не уйдешь нигуда. Идеалы, которымъ служишь, какъ рабъ невѣрный и лукавый, страшно мстятъ за себя; не даромъ мастерской образъ Бейера—образъ живого мертвеца; высшій стимулъ жизни задавленъ. Отнимите у Бейера его еврейство, останутся глубоко-человѣчныя основы его типа. Во всѣ эпохи царящаго мрака, у всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни есть свои Бейеры.

Такой же Бейеръ и Бенедиктъ Корчинскій; сильный и здоровый темпераментъ, преданіе и кровь дворянина вмѣстѣ съ трудомъ и заботами помѣщика,—все это только форма, въ которую отлились тѣ же психологическіе мотивы. У него есть преданія, обязывающія, какъ преданія о сеньорѣ Юзефовичѣ, который при Сигизмундѣ хотѣлъ сломать стѣну, отдѣляющую евреевъ отъ христіанъ. Дѣдъ Бенедикта былъ наполеоновскимъ солдатомъ, отецъ его принадлежалъ къ «маленькой горсточкѣ, которая сопротивлялась миазмамъ отупѣнія, безсмысленности и апатіи, созданнымъ на почвѣ барщины, подъ каменными сводами, стѣняющими кругозоръ». Онъ, къ немалому изумленію сосѣдей, далъ сыновьямъ своимъ высшее образованіе и научилъ зарабатывать деньги. Бенедиктъ не видѣлъ «гнилыхъ испареній разврата и тираніи въ крѣпостномъ мірѣ, освѣщенномъ если не солнцемъ, то звѣздой человѣчности». Дѣтство и юность его были свѣтлѣе, чѣмъ дѣтство и юность Бейера, забытыя въ еврейской школѣ, въ конторѣ и бракѣ по приказанію отца. Въ молодости Бенедикта «мелькнуло

что-то такое, что придало жизни смыслъ и значеніе, заговорила кровь дѣда, наполеоновскаго солдата. Послѣ, когда одинъ братъ легъ въ могилу, другой ушелъ въ карьеру, Бенедиктъ взялъ обремененный долгами Корчинъ и зажилъ помѣщикомъ, «собачьею жизнью», какъ онъ самъ говоритъ, сознавая, что всѣ его труды и заботы не спасутъ отъ разоренія, что мѣняеть душу на мелочи, стычки и ссоры съ сосѣдями-земледѣльцами за поправы. Когда жена его, пустая романтическая барыня, упрекаетъ его за то, что въ немъ нѣтъ поэзіи, т.-е., въ сущности, за то, что ему некогда вздыхать у ногъ ея и быть безсмѣннымъ *cavalier servante*, онъ говоритъ съ глубокою горечью: «И я не былъ чуждъ высокихъ помысловъ и отказался отъ нихъ не ради попооекъ и любовницъ, но въ силу крайней необходимости»; онъ очерствѣлъ съ годами и на горячія рѣчи сына объ иныхъ, лучшихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и рабочимъ съ презрительною усмѣшкой отвѣчаетъ: идилия, пророча, что и сынъ, ставъ хозяиномъ, будетъ такимъ же: «Всякому смолоду кажется, что если онъ не станетъ хватать звѣзды съ неба, то, кромѣ пули, ему ничего не остается, а тамъ—глядишь—довольствуется и сальной свѣчкой».

Не легко дается человѣку довольство, которое онъ сравниваетъ съ сальной свѣчкой. Въ душѣ человѣка, сознающаго это, нѣтъ того душевнаго мира, которой даетъ силу нести всѣ тревоги и заботы житейскія. Не одні заботы объ уплатѣ въ срокъ процентовъ, не одно семейное горе—женасильфида, состарили его такъ рано и провели такія рѣзкія морщины на лицѣ. Была минута, когда онъ думалъ бросить все и уйти на выгодное мѣсто, которое предлагалъ ему братъ, достигшій довольно высокихъ чиновъ. Его удержала только растительная связь съ родною почвой и чувство отца,—сынъ любилъ Корчинъ. Сцена съ сыномъ вызвала наружу черты Бенедикта, общія съ Бейеромъ. Витольдъ горячо возражаетъ отцу, что есть люди, которые гибнутъ за свою звѣзду, чтобы не чувствовать смрада сальной свѣчи. «Ты хорошо знаешь, бывали примѣры». — «Не знаю и знать не хочу», — рѣзко сказалъ Бенедиктъ. — «Дядя Андрей...—дрожащими губами началъ Витольдъ. Отецъ въ тревогѣ оглянулся. На губахъ Витольда показалась болѣзненная усмѣшка. — Не бойся, отецъ,—медленно проговорилъ онъ,—никто не слышалъ, что я съ уваженіемъ упомянулъ имя твоего брата». Лицо Бенедикта отъ сѣдыхъ волосъ до ворота рубахи вспыхнуло густымъ румянцемъ». Онъ вынесъ казнь—краснѣть передъ сыномъ. И только когда сынъ хватается за ружье, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ, изъ-подъ наслоеній «сальной свѣчки» пробуждается все завѣтное, задавленное и онъ сдается на мольбы сына жить въ лучшихъ отношеніяхъ къ народу и идти на могилу брата. Любовь къ сыну, вмѣсто сальной свѣчи, освѣтила ему жизнь крохотною звѣздочкой. Онъ простилъ судебныя издержки крестьянамъ, несправедливо тягавшимся съ нимъ за влочокъ земли, и согласился отдавать имъ землю въ аренду на льготныхъ условіяхъ. Жертва была не велика, потому что онъ не могъ справиться съ землей по недостатку капитала, а нравственное возрожденіе ознаменовалось только тѣмъ, что онъ страхнулъ позорную трусость

VII.

Въ произведеніяхъ Э. Ожешковой мы видимъ цѣлую галерею женскихъ образовъ, которые дѣлятся на два типа: преобладающій—это цвѣтки, цвѣтушіе или увядшіе, возвращенные для украшенія жизни и непоколебимо убѣжденные, что украшеніе это въ томъ, чтобъ онѣ были центромъ жизни, къ которому бы все остальное тяготѣло; другой, не менѣе многочисленный,—наседки и хозяйки, для которыхъ «сальные свѣчки»—солнце міра. Скромныя труженицы, съ неустанною любовью идущія по своему сѣренному пути, и, наконецъ, женщины съ задатками Эгерин, понимающія задачи вѣка и несущія свѣточъ идеаловъ грядущаго, встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ и въ дѣйствительной жизни.

Основные черты типа цвѣтковъ, украшающихъ жизнь, *сильфидъ*, какъ называетъ авторъ этотъ типъ, эгоизмъ и бездушіе на подкладкѣ развинченности нервовъ, которую зачитавшіяся романовъ сильфиды приписываютъ поэтической впечатлительности высшей природы. Прелестныя, воздушныя созданія, какъ Эмилія Корчинская или Елена Ширская въ *Кладбищенскомъ Сильвестѣ*, утратившая всю прелесть свою въ нищетѣ, пришли бы въ ужасъ, если бы ихъ поставили рядомъ съ панной Копровичъ, вѣрною женой, которая, когда найдетъ на нее стихъ, колотитъ мужа и дѣтей, или съ Франкой, развратною женой Хама, которая въ аффектъ отравляетъ мужа. Рознь въ темпераментѣ, въ воспитаніи и средѣ, психологическая основа та же—эгоизмъ, и безпринципность, и распущенность. Идеаль жизни у всѣхъ—одно наслажденіе, у каждой по ея понятіямъ и вкусамъ, и ни капли сознанія своего долга, своей отвѣтственности. У Франки были минуты пробужденія совѣсти, потому что ея нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ были слишкомъ вопіющи; но еслибъ она выросла на мѣстѣ изящной и поэтической Эмиліи и природа одарила ее менѣе пылкимъ темпераментомъ, то она была бы такимъ же точно цвѣткомъ—тяжелымъ бременемъ для семьи. У этихъ женщинъ, изнываютъ ли онѣ въ поэтическихъ мечтаніяхъ, или мечутся въ дикихъ порывахъ чувственности, равно трудно найти здоровую струну въ душѣ. Даже материнская любовь, чувство, по ходячему выраженію, открывающее женщинѣ новый міръ, и то едва ли звучитъ въ ихъ душахъ, или звучитъ слабо, искаженно. Въ праздничные дни жизни тяжелое бремя этихъ цвѣтковъ ощущается слабѣе; но въ трудовые будни, а еще болѣе въ черные дни житейской невзгоды, когда нужны энергія, бодрость, вдохновляющая любовь женщины, бремя становится невыносимымъ, рѣжетъ плечи, гнететъ къ землѣ.

Мужъ Елены, Ширскій, «жертва великой несправедливости», лишился мѣста и перебивался заработкомъ мелкаго адвоката. Съ другою женой онъ остался бы человѣкомъ; съ нею онъ спился, не вынеся попрековъ, неурядицы въ домѣ. Жена его не можетъ унизиться до стряпни и надзора за дѣтьми; когда нѣтъ гроша на хлѣбъ, она тратится на абонементъ романовъ. Она равнодушно слышитъ, что ея любимица Кларка до поздней но-

чи сидить у дверей кабака, поджидая отца, и оживляется, замѣчая наслѣдственное отъ нея обаяніе крошки и привязанность къ Кларкѣ Сильвека. Она возненавидѣла мужа еще до его пьянства: онъ не похожъ на очаровательныхъ Раулей и Октавовъ, любовными похождениями которыхъ она зачитывается; она не любитъ сыновей за ихъ сходство съ отцомъ. Когда помогающая ей сосѣдка совѣтуетъ не читать глупыхъ книгъ и заняться хозяйствомъ и семьей, она возмущается: «Странное дѣло, всѣ имѣютъ право дѣлать что имъ угодно, я одна — нѣтъ. Сколько женщинъ въ моемъ положеніи стали бы искать счастья, цѣной позора, а я осталась вѣрною женой, да какого мужа! Я заживо погребена». Но она сказала бы ту же самую фразу о погребеніи заживо, если бы Ширскій былъ трезвымъ работникомъ, они жили бы зажиточно и дѣти учились не у слесаря, а въ гимназій. Ей даже легче, когда мужъ въ кабакѣ, а дѣти на улицѣ,—ничто не мѣшаетъ ей зачитываться романами. Мужъ имѣетъ право сказать ей: «Я въ водкѣ ищу забвенія, а ты въ книжкахъ вымышленнаго разврата. Мы одного поля ягоды... А, впрочемъ, отчего ты разлюбила меня, отчего я выносить тебя не могу? Потому что не будь ты такая, и я былъ бы инымъ, и я бы не пилъ. А, можетъ быть, еслибъ я былъ инымъ, натурально, еслибъ я былъ богатымъ и красивымъ, ты любила бы меня, будь я въ тысячу разъ хуже, чѣмъ я теперь. Знаю я тебя. Ты была бы добра къ самому ужасному и подлому злодѣю, еслибъ онъ походилъ на героя романовъ и сдѣлалъ тебя важною барыней, и дѣтей своихъ любила бы, будь они паничами и пани». Ширскій вложилъ перстъ въ глубокую нравственную язву — въ типъ прелестныхъ сильфидъ. У этихъ воздушныхъ созданий, счастливыхъ или несчастныхъ, нечего искать никакихъ здоровыхъ кровныхъ связей съ человѣчествомъ. Несчастія ихъ очень легко устранить; онѣ не предъявятъ жизни никакихъ запросовъ воистину идеальныхъ, для счастья ихъ не надобно, чтобы міръ перевернулся,—красивый поклонникъ и выигрышь въ двѣсти тысячъ превратятъ въ счастливицу несчастнѣйшую женщину.

Барышня-сильфида, избалованная поклонниками, воображаетъ, что за счастье получить ея руку чловѣкъ обязанъ быть ея рабомъ. Воображеніе раздражено чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ и игрою въ любовь. Отъ нея требуютъ долю ея труда въ семью, она разочаруется и въ прекраснѣйшемъ чловѣкѣ, и если въ ней уцѣлѣли понятія о женской чести, то она удовлетворяется адюльтерами съ вычитанными въ романахъ Раулями и Октавами. Золя напрасно обвинялъ Жоржъ Зандъ, какъ искусительницу, увлекающую къ адюльтерамъ. Вся философія Жоржъ Зандъ и гуманные идеалы ея пропадали для сильфидъ; пропуская эти страницы, онѣ останавливались только на любовныхъ сценахъ, и въ этомъ отношеніи Поль Феваль и Арсенъ Гуссе получали пальму превосходства. И онѣ въ мечтахъ упиваются запретнымъ счастьемъ и вымещаютъ на мужъ свое добродѣтельное воздержаніе отъ такого счастья. Любви сердца онѣ не понимаютъ; любовь ихъ—физиологическое влеченіе на подкладѣ тщеславія и сообра-

женій о пристройствѣ. Другого исхода быть не можетъ, кромѣ недовольства своимъ положеніемъ и домашняго ада. Магда Багровичиха отравляетъ жизнь мужа попреками, что она, шляхтянка и помѣщицья дочка, вышла за хама управляющаго, а помѣстье отца, по словамъ мужа, было такъ велико, что когда собака поперець ляжетъ, то хвостъ на чужой землѣ. Въ истеричную минуту она поколачиваетъ мужа и дочерей. Нѣжныя созданія, какъ Эмилія Корчинская, устраиваютъ адъ приличный, тонкой, непрестанной пытки. Бенедиктъ плѣнилъ ее красотой и ореоломъ героизма, какъ братъ Андрея, едва ли не погибшій съ нимъ. Но это влеченіе къ героизму только маска тщеславія; инныя сѣльфиды такъ высоко цѣнятъ себя, что считаютъ однихъ героевъ достойными своей руки и, въ то же время, сами неспособны и къ самому скромному проявленію героизма, потому что оно невозможно безъ самоотреченія.

Разочаровавшись въ мужъ, Эмилія напустила на себя разочарованность во всемъ и сантиментальное страданіе. Это не обдуманная симуляція, это распушенность и баловство праздныхъ барынь, въ конецъ развинчивающія дряблыя нервы и признаваемые за свойства утонченныхъ и поэтическихъ натуръ, которымъ каждая мелочь, нечувствительная для грубыхъ прозаическихъ натуръ, несетъ «неслыханныя страданія». Сынь просить отпустить маленькую сестру на крестьянскую свадьбу, и у матери отъ такой «неслыханной просьбы» разбивается голова, темнѣетъ въ глазахъ, бьется сердце, она близка къ обмороку, и это не преувеличеніе автора, это вполне естественная черта.

Постоянно носясь только съ собой, слѣдя за мельчайшимъ ощущеніемъ своимъ, трепеща каждый мигъ за свое драгоценное здоровье, можно развить натуру свою до такого совершенства самогипнотизма, чтобы заболѣвать по востребованію каприза. Стоять явиться гостямъ — и болѣзнь всѣ сниметъ, какъ рукой. Авторъ не поспешилъ на комическія черты этого типа извращенности самыхъ элементарныхъ понятій человѣческой порядочности. Панъ Ружицъ говоритъ о морфинѣ: «Средство отъ скуки, которое хотя и ведетъ къ смерти, но даетъ средство забыть... позабыть все...» — «О, что-жъ это такое?» — восклицаетъ пани Эмилія, молитвенно складывая руки. — «Морфинъ». — «Нѣтъ, — такъ же тихо заговорила пани Эмилія, — мнѣ кажется, что единственнымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ было бы удовлетвореніе всѣхъ высшихъ потребностей духа, воображенія, нашихъ тонкихъ вкусовъ. Но, увы, кто же такъ счастливъ, что могъ бы осуществить свои мечты?» Пани Эмилія признаетъ морфиноманію возвышенною слабостью, а скучающаго отъ пресыщенія и растратившаго здоровье Ружица — поэтическою натурой.

И при этихъ безконечныхъ толкахъ о поэтическомъ въ жизни полнѣешее непониманіе здоровой поэзіи и жизни человѣческой души. Ей скучно съ хорошими людьми и нравится общество пошляка пана Кирло, оттого что онъ льститъ ей комедіей ухаживанья, которую она, все-таки, понимаетъ. Ей нужно видѣть около себя только рабскія души, и это по весьма

прозаической причинѣ: только рабы не препятствуютъ «нраву», а малѣйшее препятствіе есть непониманіе поэтически-возвышенной души. Дѣти ей въ тягость и мучители ея: они должны говорить въ полголоса, за двѣ комнаты отъ ея будуара; они постоянно въ томъ подавленномъ состояніи, какое водворяется, когда въ домѣ умирающій; малѣйшее естественное желаніе дѣтства и юности вызываетъ тревогу: какъ мамѣ понравится, что она скажетъ. Всѣ должны жить постоянно на-чеку, ожидая нервныхъ вспышекъ, плача и всякихъ припадковъ и не зная, что именно вызоветъ и что отворотитъ ихъ.

Характерна сцена ея объясненія съ мужемъ, въ которомъ она разочаровалась оттого, что руки его погрубѣли отъ работы, лицо загорѣло и покрылось ранними морщинами и ему нѣбогда сидѣть у ногъ ея и вздыхать отъ любви. Ей говорятъ, что ростовщики могутъ оставить семью безъ хлѣба, а она плачется: «Я не забочусь о сытномъ обѣдѣ, но мнѣ надо видѣть вокругъ себя немного поэзіи. Твоя душа,—упрекаетъ она мужа,—не такъ возвышенна, не такъ горяча, чтобы ты могъ любить меня, какъ я того заслуживаю». Затѣмъ идетъ пространное объясненіе того, какъ она заслуживаетъ быть любимой, и того, какъ ей необходимо для утѣшенія устроить себѣ красивый, изящный уголокъ. Все это заключается требованіемъ уплачивать ей восемь процентовъ съ ея капитала, причѣмъ она замѣчаетъ, что ростовщикамъ теперь даютъ десять и двѣнадцать. У непонятыхъ возвышенныхъ натуръ, вродѣ пани Эмили, всегда есть и способность къ практическому расчету. Когда дѣло о процентахъ улажено, Бенедиктъ кончаетъ переговоры рыцарски вѣжливымъ поклономъ, какъ поклонился бы чужой женщинѣ; въ эту минуту, когда онъ разрывается внести къ сроку проценты за землю, жена, какъ чужая, требуетъ свое на прихоти. И этотъ поклонъ, который каждой женщинѣ съ сердцемъ сказалъ бы о выросшей стѣнѣ между нею и мужемъ, очаровалъ пани Эмилию до того, что она вспомнила прежняго Бенедикта и, въ внезапномъ порывѣ, протянула ему обѣ руки. Еслибъ Бенедиктъ вспомнилъ прошлое, то отношенія ихъ склеились бы снова,—замѣчаетъ авторъ.

Пани Жиркевичъ—сильфида, героиня разсказа того же названія, это та же Эмилиа, только взятая съ другихъ сторонъ, которыя обнаружены старостью и разореніемъ. Въ сорокъ лѣтъ ей можно дать было двадцать пять; она порхала, блестя, пряча взрослую дочь и не думая о будущемъ. По смерти мужа ее пришибла бѣдность, дочь стиркой зарабатываетъ гроши, которые маменька тратитъ на розовые галстуки и конфеты для угощенія Стаса, очаровательнаго шалопая, который цѣлуетъ ея ручки, напоминая ей флирты молодости. «Души наши родныя,—изливается она передъ Стасемъ,—ты понимаешь ту неопредѣленную тоску, тѣ смутныя страданія»... И какъ рѣзкій контрастъ съ этими псевдо-поэтическими изліяніями сильфиды, авторъ написалъ прочувствованную сцену сватовства простого человѣка, который любитъ Бригитту, дочь сильфиды, здоровую работницу, плѣнившую его работой. Въ этой небольшой сценкѣ много истин-

ной поэзии, какъ въ народныхъ пѣсняхъ о любви, которыя поютъ возвращающіеся со свадьбы гости, мѣшая возвышеннымъ бесѣдамъ пани Эмили съ наперсницей Терезой о томъ, могутъ ли эскимосы любить такъ поэтически и страстно, какъ любили при дворѣ Людовика XIV. Бригитта, ползая на колѣняхъ передъ матерью, умоляетъ ее о согласіи, напоминаетъ о долгихъ годахъ, когда она работала, общается покоить ея старость, говорить, что хочетъ счастья быть женой, имѣть своихъ дѣтей. Сильфида негодуетъ: какъ дѣвухѣ думать объ этомъ?—и отказывается, грозя проклятіемъ. И въ эту минуту, разбивая счастье дочери, произнося слова, которыя страшны для католички, она рисуется, думаетъ о томъ, какъ она эффектна. Сцена эта выходитъ изъ тусклой обыденности, имѣть романтическій интересъ; въ воображеніи мелькаетъ образъ актрисы въ сценѣ проклятія. «Она не могла вспомнить самаго проклятія, но передъ нею живо рисовалась патетическая поза актрисы. Она встала посреди комнаты, протянула руку къ дочери и воскликнула: «Проклинаю!» Для наивной души Бригитты проклятіе имѣло таинственную силу, и жизнь дѣвухи была разбита. Пани Жиркевичъ пришлось ходить съ бумагой, прося на бѣдность, и столько же, какъ и подаваемые гроши, ее влекла барская обстановка домовъ, пороги которыхъ она обивала. Она садилась за рояль тамъ, гдѣ ее вѣжливо принимали, и пѣла по адресу ограбившаго ее Стаса романсъ: «Oh dites lui, qu'une invisible chaine lie á ses jours mes jours infortunés», пока ее не выпроваживали вѣжливо.

Въ счастья сильфиды—это Даля изъ *Дикарки*, которая не мучается нервами потому, что въ качествѣ вдовы свободна флиртовать, богата и можетъ тратить свои деньги, не спрашивая ни у кого позволенія, живетъ въ городѣ, а не въ деревнѣ, и еще потому, что молода. Пророчествомъ того, чѣмъ будетъ Даля подъ старость, служитъ Леонтина Брожекъ, промотавшаяся красавица, живущая у Северины. Она пудрится, сохранила всѣ улыбочки и граціозныя ужимки, напоминающія «цвѣтокъ на развалинахъ». Нервы у нея не распушены, потому что распускать ихъ можно только въ своемъ домѣ, а въ домѣ Северины, гдѣ каждый былъ занятъ дѣломъ «прозаическимъ», былъ бы уходить только для прозаическихъ болѣзней. Къ довершенію несчастія, весь опытъ блестящей жизни ея, къ которому бы съ такимъ почтеніемъ отнеслась племянница-сильфида, не нуженъ для Северины, и бѣдной Леонтинѣ приходится плакаться о томъ, что племянница болѣе уважаетъ няню Богурскую, чѣмъ тетку.

Сильфиды умѣютъ только губить молодое поколѣніе и не сознавать, что погубили. Мать Романа Калинскаго говоритъ адвокату, убѣждающему вступить за сына: «Если помѣщичій сынъ—и далеко не изъ перваго встрѣчнаго семейства—попалъ въ тюрьму, то, разумѣется, потому только, что родня не противится этому». Адвокату удается разжалобить ее, но въ этой жалости сердце играетъ крохотную роль, а остальное—нервное волненіе, вызванное патетическими словами адвоката, немного болѣе глубокое, чѣмъ волненіе при патетическихъ сценахъ въ театрѣ. Камень, который

маменьки - сильфиды даютъ дѣтямъ, вмѣсто хлѣба, сгубилъ Адольфину Обропольскую, героиню повѣсти *Новички*. Молодая дѣвушка была изъ числа тѣхъ новичковъ идей отрицанія стараго міра и гуманности новаго, которые, какъ молодые всходы зерна, захваченные морозомъ, гибнуть, чуть-чуть поднявшись надъ сухою землею. Приведенная выше выписка о томъ раннемъ разладѣ съ окружающимъ и ранней чуткости къ живости міра, создающаго сильфидъ, говоритъ о пытливомъ умѣ, о любящемъ сердцѣ, которые просятъ здороваго хлѣба. Обрядность Рима, «родины душъ», не могла заковать ни умъ, ни сердце молодой дѣвушки, а христіанскій смыслъ вѣры, ведущій людей на служеніе человѣчеству и на Голгоу, былъ ей чуждъ. Положительное въ проповѣди Скибы-фразера не могло не быть туманнымъ; онъ ничего не изучилъ основательно, не могъ облечь ничего въ осязательную форму и только отрицаніе его было ясно. «Однако, она хваталась за эти тусклые огни, какъ за ясныя звѣзды,—говоритъ авторъ,—и изъ нихъ выработывала идеалы вѣры и любви». Она задумала быть сестрой милосердія. Скиба доказываетъ ей, что только черви могутъ ползать въ пыли, а кому природа дала соколиныя крылья, тому нуженъ просторъ, что смыслъ жизни—въ любви двухъ молодыхъ созданій. «Уйти далеко отъ людей, дѣлиться каждымъ чувствомъ», каждою мыслью,—вставляетъ Адольфина. Скиба—ея учитель—ушелъ въ наживу и она выходитъ за Поменѣцкаго. Полна поэзіи сцена, когда Адольфина ходитъ по залѣ, останавливаясь передъ портретами предковъ и напрасно допрашивается у нихъ отвѣта о смыслѣ жизни. Но авторъ не совсѣмъ справился съ образомъ молодой силы, загубленной пустотой; онъ слишкомъ идеализировалъ Адольфину и оттого паденіе ея — бракъ съ Поменѣцкимъ — плохо вяжется съ слѣдующею характеристикой героини: «Скрытыя, никѣмъ не замѣченныя, не всегда ясныя для нея самой, жили въ въ ней тѣ силы мысли, воображенія, страсти, которыя отъ времени до времени выводили на историческій путь фигуры величавыхъ или кровавыхъ, мистическихъ или трагическихъ жрицъ любви или идей. Нѣсколько вѣковъ раньше такія жрицы горѣли неземною любовью, она нашла бы кровавые знаки мистическаго обрученія съ замученнымъ богомъ. А еслибъ она выросла на почвѣ вспоенной другимъ, болѣе земнымъ чувствомъ?...

„Отчизни любовь, лучезарное солнце,
Для тѣхъ, кто душой одинокой и гордой
Лишь чувствамъ святымъ благородно отдался“..

Если бы? Конечно, Адольфина была бы другою, еслибъ утолить ея жажду вѣрить и почитать; но сомнительно, чтобъ изъ нея выработалась величавая фигура жрицы любви или идеи, иначе она не вышла бы за Поменѣцкаго. Въ молодой натурѣ, сильной мыслью, послѣ вынесенной бури—разочарованія въ любимомъ человѣкѣ и учителѣ—явилась бы мысль, что не весь же міръ клиномъ сошелся на Скибѣ и маменькѣ-сильфидѣ. Молодости свойственна идеализація, и чѣмъ темнѣе окружающая ее сфера, тѣмъ больше видитъ она въ близкихъ лжи и обмана, тѣмъ страстнѣе вѣрить

она, что не вся же жизнь въ ея темномъ углу, что за предѣлами его есть широкій міръ съ истинными учителями, героями, мучениками. Объ этомъ мірѣ должны были ей говорить и книги, которыя ей носилъ Скиба и которыя она пожирала. Если, по выраженію Герцена, «изуродованныя китайскими башмаками ноги» могутъ только ковылять, то падать въ пропасть можно только при слабости зрѣнія. Самые проницательные отзывы сильфидъ о первой женѣ Поменѣцкаго должны были указать ей осязаемый, близкій идеалъ. Дѣвушка съ задатками жрицы идей отчизны непременно стала бы разспрашивать о женщинѣ, которая не захотѣла быть женой камергера и погребла себя съ своими идеями въ деревнѣ. Въ 18 лѣтъ Адольфина, не понимавшая ту роль, какую въ жизни матери играли интересные князья и графы, могла не понять во всей полнотѣ его безобразіе брака съ нелюбимымъ человѣкомъ, но здоровое дѣвическое чувство, присущее еще сильнѣе недюжинной натурѣ, должно было удержатъ ее. Она слишкомъ легко повѣрила, что идеалы—«лазурь», какъ говоритъ сильфида-маменька, «астракція», какъ говоритъ воспитательница Скибы, пани Житницкая, и прибавила къ этимъ терминамъ свой—«паутина». Она соглашается не ради пошлой мести, узнавъ о связи Скиба съ ея горничной, чтобы показать свое равнодушіе измѣннику; въ минуту, когда ей «всѣ жребія равны», она сдается на слезы матери. Но это согласіе не вяжется съ задатками «величавой жрицы любви», если подъ этимъ словомъ понимать не амурь ея маменьки съ интересными князьями, но любовь Элоизы къ Абеяру; эти задатки оттолкнуть чистую дѣвушку отъ такого брака. Есть еще черточка, которая общаетъ въ этой «жрицѣ любви» повтореніе амуровъ маменьки-сильфиды. Съ еще не высохшими слезами на глазахъ она улыбается комплимен-тамъ графа Принея, члена общества парижскихъ порнографовъ, который, цинично любясь ея красотой, высказываетъ скрытый намекъ на то, что онъ готовъ играть при ней роль поклонника. Эта улыбочка говоритъ многое. Въ каждой чистой дѣвушкѣ, будь она наивна, какъ ребенокъ, чело-вѣкъ вродѣ кавалера ордена Золотой свинки можетъ вызвать только инстинктивное отвращеніе. Адольфина не отравитъ Поменѣцкому жизнь, какъ отравила первая жена, «годившаяся въ жены Цинцинату». Она была не болѣе, какъ мушкой, значительно покрупнѣе сильфидъ, и потому могла не надолго запутаться въ томъ, что она зоветъ «паутиной». *Новички*—одно изъ первыхъ произведеній Э. Ожешковой и потому понятно, что авторъ не совѣмъ справился съ своею задачей; но поваѣсть Адольфина единствен-ственный женскій образъ силъ, общавшихъ лучшее, загубленный силъ-фидами.

Самый яркій образъ, въ которомъ сконцентрировано все, что есть урод-ливаго въ натурѣ сильфидъ, это — Франка, жена Хама. Главный нервъ жизни у горничной, жены рыбака, тотъ же, что и у очаровательной пани Изабеллы, — любовники и поклонники. Разница во внѣшнихъ условіяхъ, въ томъ, что Франка не прошла школу приличій и лицемѣрія. Франка заброшена съ дѣтства, отецъ пьяница, мать проживала его заработокъ съ

кавалерами и бросила его и дочь, которая получила воспитаніе улицы; ее ребенкомъ развратили мальчишки, соблазняя гостинцами. Состарѣвшаяся мать вернулась и привязалась къ дочери, но Франка не цѣнить эту любовь; она ненавидитъ мать за свою гибель и говоритъ: «Если бы кто ее поманилъ пальцемъ, опять бы побѣжала».

Исторія Франки обычная. Брошенная первымъ любовникомъ, котораго полюбила сердцемъ, она пошла по рукамъ; искушеній много, съ горничными не перемяются. Женихамъ отказывала, потому что не были ей по сердцу, и это глубоко честная черта, до какой не доросли сальфиды, вродѣ пани Цециліи Обропольской, которая выдаетъ дочь за старика. Франка встрѣчаетъ Хама, сорокалѣтняго человѣка, глубоко религіознаго и любящаго. Онъ одинъ къ ней отнесся по-человѣчески, съ искреннимъ состраданіемъ, затронулъ въ ней задвленные лучшія струны души. Въ минуту утомленія и тоски отъ прошлаго она кидается къ нему на шею; ее влечетъ и благодарность, и новизна. Онъ отталкиваетъ ее, онъ хочетъ честной жизни, и подъ впечатлѣніемъ его поученій она кается въ прежней жизни и даетъ клятву быть честною женой. Покаянный порывъ ея искрененъ; она кается не какъ старая грѣшница въ романѣ Флобера, чтобы цинично наслаждаться воспоминаніями. Она убѣждена, что покончила съ прошлымъ, и порывъ покаяннаго плача смѣняетъ необузданная радость. Старое, намучившее, исчезло, впереди новое, чистое, свѣтлое. Только у дѣтей нормальны такіе переходы отъ слезъ къ радостному смѣху; у здороваго взрослого переходы постепенны, въ различной мѣрѣ. Рѣзкіе переходы Франки отъ самобичеванія къ гордости, отъ стыда къ мѣдлобости говорятъ объ истеричности изломанной натуры. Исповѣдь ея, въ сущности, не сознательный подвигъ покаянія, а истеричное причитанье, разрывающее напряженные нервы. Объ этомъ говоритъ и ея портретъ: «Мелкія, красивыя черты лица, нездоровый цвѣтъ лица, черные глаза, блиставшіе страннымъ огнемъ; много жизненности и гибкости въ фигурѣ, огня въ глазахъ и въ улыбкѣ. Было въ ней странное соединеніе совершенно противоположныхъ чертъ: присутствіе затаенной силы и отпечатокъ слабости, не знающая удержу разнузданность и затаенное страданіе. Когда она упорно закусывала тонкія губы и глаза ея принимали угрюмое выраженіе, можно было подумать, что ею всецѣло овладѣвалъ пароксизмъ боли или бѣшеной злости». Сила ея—это сила порыва, при полномъ неразвитіи задерживающихъ центровъ. Не изъ такихъ грѣшницъ выходятъ Магдалины, проповѣдующія благовѣстіе міру. Она искренно говоритъ, повѣнчавшись съ Павломъ и видя его уваженіе къ ней, какъ къ женѣ, что она точно на свѣтъ родилась; и, въ то же время, надѣвъ крестьянскую одежду, она чувствуетъ, что заживо похоронила себя. Она—дикарка, созданная городскимъ пролетаріатомъ съ его порчей и своеобразною цивилизаціей подонковъ. Мужъ опостылилъ ей тѣмъ, что не умѣетъ говорить съ ней, «какъ городскіе кавалеры»,—претензія, равняющая ее съ политическою непонятою Эмилией Корчинской. Ея понятія о религіи—хаосъ,

а не съѣсъ простодушнаго фетишизма съ идеальной стороной, общей вѣсьмъ религіямъ, какъ у Хама. Она клянется передъ образомъ жить честно и говорить, тѣмъ не менѣе: кабая тамъ душа,—черви съѣдятъ. Это не сознательное отрицаніе старухи-крестьянки изъ *Деревенскихъ разсказовъ* Ауэрбаха, идеализированной деревенской матроны и дѣкарки, это—шальное отрицаніе необузданной природы того, что ей ставить уздой. Бросивъ мужа для лакея и вернувшись съ сыномъ послѣ трехлѣтнихъ мытарствъ, которыя доводили ее до самоубійства, она снова оживаетъ послѣ его прощенія, и встрѣчается съ его родней, какъ будто вернулась изъ увеселительной экскурсіи, и отдается снова своимъ инстинктамъ. Она жалуется нищенкѣ Марцеллѣ, плутоватой старухѣ, служащей ей сводней ради подачекъ: «Заведеть онъ (мужъ) о Богѣ и дьяволѣ и разныхъ тамъ вещахъ: Раба я его и тѣломъ и душой раба». Не одно то, что Франкъ, больной, съ ребенкомъ, нѣтъ нигдѣ приюта, кромѣ хаты Хама, дѣлаетъ ее рабой; она не продажная, не корыстолюбивая, готовая все раздать; не матеріальная, а нравственная узда нестерпима ей; ей ненавистно нравственное превосходство человѣка, заставляющее подтягивать разнузданные инстинкты, и это тѣмъ болѣе, что въ глазахъ ея онъ—хамъ, хотя и добрый, но хамъ, да еще «старый, старый». То, что человѣкъ постарѣлъ отъ душевныхъ мукъ, которыхъ она же виной, не приходитъ на умъ женщинамъ этого типа; она сознаетъ одно, что ей 35 лѣтъ, что она хочетъ жить, веселиться, хотеть, чтобы за нею ухаживали. Когда открылась связь ея съ Данилкой, деверемъ мужниной сестры,—связь, которая въ глазахъ деревни—кровосмѣшеніе, она подавлена стыдомъ. «Она стояла скорчившись, прижавъ къ груди руки, съ разгорѣвшимися щеками, съ глазами, опущенными въ землю. Тотъ стыдъ, который она испытывала, возвращаясь сюда послѣ трехлѣтнихъ скитаній по бѣлу свѣту, казался ей вздорнымъ въ сравненіи съ тѣмъ овладѣвшимъ ею сейчасъ жгучимъ и тяжелымъ стыдомъ. И она въ первый разъ въ жизни солгала: «не вѣрь, не вѣрь!» По совѣту старухи, оракула деревни, мужъ бьетъ ее,—не за измѣну,—за побой ея ребенку сыну. Она мститъ отравой. Она всыпаетъ ядъ совершенно спокойно, подъ вліяніемъ неотступной мысли и чувства, «которыя придаютъ ей силы и ловкости»; когда она варила похлебку, то, казалось, думала только о томъ, чтобы сварить похлебку повкуснѣе. Она шептала: «Вотъ ты покушаешь и сытъ будешь,—такъ сытъ, что никогда ѣсть не захочешь, и бить меня не захочешь. Когда ты издыхать будешь, то узнаешь, каково меня бить». Но по временамъ злобно-торжественный шепотъ переходилъ въ унылый, почти отчаянный вопль. «Господи, наказаль меня Богъ за то, что я уважать себя не умѣла, въ мужичью хату залѣзла!» Эта мужичья хата для нея верхъ позора.

Мужъ, подаривъ урядника, вернулъ ее въ эту хату, простилъ, сказалъ, чтобы она попрежнему жила хозяйкой. «Убилъ меня своею добротой,—жалуется Франка Марцеллѣ,—сдѣлалъ то, что я больше жить не могу на свѣтѣ». Истеричность переходить въ помѣшательство и страницы психологическаго анализа души больной дѣлаютъ образъ Франки документомъ

жизни—диагнозомъ психіатра. Ей мерещится ея двойникъ и она говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Это раздвоеніе личности—характерный симптомъ. Франка съ ненавистью и страхомъ говорить: «Стоитъ она такая страшная, убила бы я ее, какъ собаку... Ужь я знаю, когда она трезва, она хороша, а какъ напьется, то снова что-нибудь сдѣлаетъ... Она какъ пьяница». Она, не пившая никогда, объясняетъ свой аффектъ опьяненіемъ. Она уходитъ повѣситься такъ же, повидимому, спокойно, какъ и всыпала ядъ. Она низко поклонилась мужу уходя и сказала: Береги Октавьяна». Она не забыла одѣться почище для своей казни. Образъ Франки такъ ярокъ и ясенъ, что излишни объяснительныя слова автора. «Болѣзненная закваска таинственной болѣзни, которая рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ и пропала бы въ чистой атмосферѣ, въ затхлой атмосферѣ нужды, грѣха»... и пр. И безъ нихъ ясно, что Франку сгубила мораль сильфидъ на подкладкѣ нищеты.

М. Цебрикова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мораль у разныхъ народовъ *)

Личная мораль.

Нравственныя понятія и чувства находятся всегда и вездѣ въ зависимости отъ характера народа, его социальнаго прошлаго и современныхъ условій жизни. Намъ остается только отдѣлить частное и преходящее отъ общаго и постояннаго. Какъ было замѣчено выше, — говоритъ Спенсеръ, — общеупотребительная терминологія въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ до такой степени пропиталась господствующими взглядами эпохи, что нашей мысли трудно освободиться отъ этого традиціоннаго наслѣдства, потому-то термины, употребляемые нами, создаютъ часто *peticio principii*; наприм., термины «долгъ», «обязанность», связанные съ идеей подчиненія извѣстному авторитету, выражаютъ, что наше поведеніе хорошо или дурно не само по себѣ, а въ силу какихъ-то внѣшнихъ вѣлній. Намъ придется изучать нравственныя идеи и чувства, — замѣчаетъ авторъ, — въ зависимости отъ общаго строя жизни разсматривать человѣка, общество и нравственныя явленія, какъ продуктъ общей эволюціи. Эволюціонная мораль не только не понижаетъ прежняго нравственнаго уровня, — наоборотъ, она идетъ гораздо дальше и осуждаетъ цѣлый рядъ дѣйствій безразличныхъ или невинныхъ съ точки зрѣнія вѣковой морали. Интеграція — основной процессъ эволюціи и, благодаря этому, мы можемъ разсчитывать, что агрегатъ нравственныхъ понятій, составляющихъ этику, будетъ возрастать по мѣрѣ того, какъ его составные элементы пріобрѣтутъ большую разнородность, опредѣленность и систематическую связность. Вотъ почему этическая юрисдикція начинаетъ распространяться мало-по-малу на категорію прежде безразличныхъ дѣйствій и захватываетъ все больше и больше поступки чисто-индивидуальнаго характера, которые касаются непосредственно только дѣйствующаго лица и лишь косвенно отражаются на другихъ. Большинство не проводитъ границы между поступками, безразличными по самому существу своему, и тѣми дѣйствіями, которые могутъ быть полезны или вредны намъ, и одинаково исключаетъ какъ ту, такъ и другую категорію изъ сферы нравственнаго

*) Русская Мысль, кн. V.

закона. Не трудно, однако, видѣть неаѣпность такой теоріи добра и зла, которая обходитъ молчаніе девять десятыхъ жизненныхъ фактовъ, изъ которыхъ слагается нравственное поведеніе. Одно изъ двухъ: жизнь въ своемъ цѣломъ есть или нѣчто желательное, или, наоборотъ, нежелательное. Въ первомъ случаѣ нравственность должна санкціонировать все, что обезпечиваетъ полное развитіе жизни; во второмъ же нѣтъ и самой проблемы, такъ какъ разъ не стѣитъ жить, то вмѣстѣ съ жизнью исчезаютъ и всѣ связанные съ нею вопросы. Съ вульгарной точки зрѣнія нравственность только и дѣлаетъ, что запрещаетъ соблазнительныя для людей дѣйствія и предписываетъ другія, отъ которыхъ всякій былъ бы радъ отказаться. Къ большинству же дѣйствій она относится вполне равнодушно, словно имъ не нужна ея санкція. Вліяніе этой традиціонной морали настолько велико,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что большинство моихъ читателей, вѣроятно, не въ состояніи допустить, чтобы нравственность могла предписывать наслажденіе. Къ ней часто взываютъ, осуждая злоупотребленіе чувственными удовольствіями, какъ, напримѣръ, пьянство, за его вредныя послѣдствія и для самого индивидуума, и для общества; но почему же тогда и личная выгода (разумѣется, безъ ущерба для другихъ и въ будущемъ для себя) не имѣетъ права на этическую санкцію? Хотя человекъ и выше другихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе, онъ подчиненъ общимъ біологическимъ законамъ.

Для него, какъ и для всякаго живого существа, забота о самосохраненіи—вопросъ первой важности, такъ какъ иначе онъ не въ состояніи выполнить другихъ своихъ обязанностей по отношенію къ обществу и къ себѣ. Самосохраненіе же возможно лишь тогда, когда дѣйствія человека соотвѣтствуютъ его внутреннимъ желаніямъ. Удовлетвореніе желаній—необходимое условіе полной жизни. Излишне доказывать, что нужно удовлетворять потребности дышать, пить, ѣсть, укрыться отъ жара или холода: игнорированіе этихъ потребностей влечетъ за собою страданіе и смерть, тогда какъ ихъ удовлетвореніе доставляетъ наслажденіе. Преслѣдованіе этихъ элементарныхъ удовольствій, какъ и удовольствій высшаго порядка, развиваетъ нашу жизненную энергію, съ тою только разницей, что первое вліяетъ непосредственно на ея развитіе, а второе—косвенно. Этика предписываетъ въ сферѣ личной жизни всѣ нормальныя дѣйствія и запрещаетъ ненормальныя. Это общее предписаніе эволюціонной морали и гедонизма гармонируетъ со всеми остальными предписаніями нравственности. Многие представляютъ себѣ послѣднюю въ видѣ суроваго кодекса, отвергающаго нѣкоторые виды удовольствій и не поощряющаго ни одного изъ нихъ. Но на самомъ дѣлѣ этотъ кодексъ вовсе не утверждаетъ, что всякое удовольствіе заслуживаетъ порицанія; онъ только запрещаетъ нѣкоторые изъ нихъ, а другія обходитъ молчаніемъ, и, благодаря этому, получается такое впечатлѣніе, что они недостойны его санкціи. Этотъ узкій взглядъ затемняетъ разсудокъ людей и мѣшаетъ имъ усвоить нравственныя правила. И въ самомъ дѣлѣ, если бы цѣлью жизни было жалкое прозябаніе,—говоритъ Спен-

серь,—небытіе имѣло бы большую цѣну, чѣмъ бытіе. И такъ, мы должны допустить, что цѣлью жизни является наибольшая сумма счастья; отсюда слѣдуетъ выводъ, что преслѣдованіе личнаго счастья—цѣль вполне достойная похвалы. Счастье одного человѣка увеличиваетъ общую сумму счастья, и если онъ не вправѣ искать его для себя, то почему же онъ долженъ стараться для другихъ? Многія изъ нашихъ удовольствій органически связаны съ выполненіемъ нѣкоторыхъ функцій, необходимыхъ для физическаго здоровья. Лишеніе этихъ удовольствій повлекло бы за собой ослабленіе жизненной энергии и пониженіе нашей дѣеспособности. Отсюда вытекаетъ обязанность заботиться о себѣ. Этотъ вопросъ затрагиваетъ не только интересы индивидуума, но и интересы потомства. Пренебреженіе къ личному благу равносильно пренебреженію къ благу будущихъ поколѣній. Больные родители не въ состояніи обезпечить жизни и счастья своихъ дѣтей. Личное благо обязательно во имя сохраненія расы. Этотъ законный эгоизмъ сообщаетъ человѣку новыя силы, даетъ ему энергию для жизненной борьбы и обезпечиваетъ средства къ жизни. Забота о себѣ необходима еще въ виду воспитанія дѣтей. Пошатнувшееся здоровье родителей дѣлаетъ изъ нихъ дурныхъ воспитателей, оно ведетъ къ раздражительности и сухости, которыя пагубно отражаются на дѣтяхъ.

Да и наследственность играетъ здѣсь немалую роль. Пренебреженіе къ своему физическому или интеллектуальному здоровью вредно вліяетъ на потомство. Такъ какъ нельзя предположить, что у больныхъ и глухихъ родителей будутъ здоровыя и умныя дѣти, нужно признать тотъ фактъ, что жизненный режимъ, благопріятствующій физическому и духовному развитію индивидуума, содѣйствуетъ благополучію юнаго поколѣнія, и, наоборотъ, режимъ, подрывающій физическія и духовныя силы родителей, понижаетъ общую жизнеспособность потомства. Въ извѣстныхъ случаяхъ допускаютъ, что болѣзни дѣтей имѣютъ въ основѣ неблагоразуміе родителей. Многіе готовы обвинить ихъ за то, что они передали своимъ дѣтямъ организмъ, зараженный болѣзью, который составляетъ несчастье всей ихъ жизни, но сами виновники придаютъ слишкомъ мало значенія своей винѣ. Сознаніе отвѣтственности за будущность дѣтей еще слабо развито въ нашемъ обществѣ. Правда, человѣкъ воздерживается иногда отъ женитьбы, если у него въ семьѣ есть помѣшанные. Но чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненные явленія не такъ ярко выражены, люди съ легкимъ сердцемъ идутъ подъ вѣнецъ и передаютъ потомству свои немощи. Не сознаютъ еще того, что физическое и умственное переутомленіе родителей вредно отражается на дѣтяхъ. Человѣкъ долженъ пользоваться жизнью, не подрывая нормальныхъ силъ своего организма. Онъ обязанъ смотрѣть на свое здоровье, какъ на временную собственность, которую онъ долженъ вернуть въ томъ же видѣ, въ какомъ она была имъ получена.

Этотъ законный эгоизмъ необходимъ во имя альтруизма. Вниманіе къ другимъ побуждаетъ насъ беречь себя, чтобы никому не быть въ тягость.

Дѣтельность.

Человѣческая жизнь представляетъ собою рядъ дѣйствій. Сперва эти дѣйствія слабы, затѣмъ они становятся сильнѣе, достигаютъ шайшум'а и наконецъ ослабѣваютъ, прекращаясь со смертью. Дѣтельность—это жизнь, бездѣйствіе—смерть.

А такъ какъ тотъ видъ поведенія, который обезпечиваетъ наиболѣе полную жизнь, считается самымъ высшимъ, то и дѣтельность должна пользоваться санкціей морали, а бездѣйствіе подвергаться нравственному осужденію. Этотъ взглядъ не встрѣчаетъ возраженій: всѣ одинаково порицаютъ бездѣйствіе въ той или другой сферѣ.

На первомъ планѣ стоитъ дѣтельность, направленная къ поддержанію собственной жизни и жизни семьи. Она—законъ природы. Среди животныхъ выживаютъ только тѣ особи, которыя надѣлены способностью къ такой дѣтельности, остальные вымираютъ. На первыхъ стадіяхъ социальной жизни люди, какъ и животныя, одинаково подчиняются этому закону: до появленія рабства трудъ былъ обязателенъ для каждой семьи, такъ какъ степень ея благосостоянія зависѣла отъ производительности ея труда. Но впоследствии встрѣчались не разъ попытки избавиться отъ труда и обезпечить себѣ жизненные средства безъ всякихъ усилій. Имѣя въ виду общій законъ жизни, можно заранѣе сказать, что подобныя попытки подвергались всегда большому или меньшему осужденію. Но мы не будемъ останавливаться на нихъ,—говоритъ Спенсеръ, а займемся главнымъ образомъ моралью личной жизни. Въ этой сферѣ насъ прежде всего интересуетъ вопросъ, какъ смотритъ нравственность на трудъ въ связи съ доставляемымъ имъ удовольствіемъ или страданіемъ. Абсолютная мораль поощряетъ только тѣ дѣйствія, которыя ведутъ къ личному или общему благу и въ то же время доставляютъ непосредственное наслажденіе. Какъ же смотрѣть на трудъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ необходимъ, но связанъ съ неприятными ощущеніями? Относительная мораль, занимающаяся не абсолютнымъ благомъ, санкціонируетъ или, вѣрнѣе, предписываетъ его. Она считаетъ необходимымъ въ наше переходное время подчиненіе неприятнымъ ощущеніямъ, связаннымъ съ трудомъ, такъ какъ видятъ въ этомъ средство избѣжать еще болѣе неприятныхъ ощущеній и обезпечить себѣ въ будущемъ наслажденіе. Наша несовершенная приспособленность къ условіямъ социальной жизни вынуждаетъ насъ на этотъ компромиссъ. Переходъ отъ нерегулярной дѣтельности дикаря къ регулярной дѣтельности цивилизованнаго человѣка требуетъ переприспособленія, т.-е. подавленія старыхъ способностей и развитія новыхъ. Это переприспособленіе сопровождается извѣстными неприятными ощущеніями и даже страданіемъ. Но не для всѣхъ трудъ одинаково тяжелъ: что однимъ трудно, то другимъ легко. Мораль въ своихъ сужденіяхъ не должна упускать этого изъ виду. Здѣсь возникаетъ вопросъ: приспособится ли когда-нибудь человѣческая натура къ условіямъ социальной жизни до такой степени, что трудъ ста-

нетъ источникомъ наслажденія? Утвердительный отвѣтъ покажется многимъ крайне нелѣпымъ,—замѣчаетъ Спенсеръ. Имѣя въ виду только окружающіе примѣры или факты изъ исторіи цивилизованныхъ націй, они не вѣрятъ въ перерожденіе человѣческой природы. Ихъ не убѣждаютъ примѣры, приведенные въ первой части этого труда (§§ 63—67), которые такъ громко подтверждаютъ, что удовольствія и страданія зависятъ отъ физической организаціи человѣка и что, въ силу безграничной гибкости послѣдней, дѣйствія, прежде тягостныя, могутъ обратиться впоследствии въ пріятныя. Случается, что люди иногда тратятъ огромный запасъ энергии, предаваясь съ неослабѣваемымъ жаромъ физическимъ упражненіямъ или умственнымъ занятіямъ. Но не слѣдуетъ думать, однако, что трудъ долженъ поглощать все время человѣка: онъ обязателенъ только до извѣстныхъ предѣловъ.

Въ нашемъ обществѣ сложился такой взглядъ, что чѣмъ больше человѣкъ трудится, тѣмъ выше его заслуга; но этика не санкціонируетъ такой взглядъ. Нравственность предписываетъ только извѣстное количество труда, необходимое для собственнаго поддержанія и поддержанія своей семьи. У всѣхъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ существъ, основная цѣль ихъ дѣятельности—стремленіе прожить. Хотя съ теченіемъ времени и сама дѣятельность, и чувства, связанныя съ нею, обращаются въ новую цѣль, но, тѣмъ не менѣе, они останутся навсегда второстепенными цѣлями и не должны быть осуществляемы въ ущербъ главной цѣли—обезпеченію самой полной и широкой жизни. Гедонизмъ, составляющій часть эволюціонной морали, санкціонируетъ только тотъ образъ дѣйствій, который доставляетъ наибольшее счастье себѣ и другимъ, и весьма понятно, что онъ отказывается въ своей санкціи тамъ, гдѣ трудъ переходитъ за свои нормальныя границы и истощаетъ человѣка. Если приспособленіе къ социальнымъ условіямъ преобразитъ со временемъ настолько человѣческую природу, что обязательный трудъ станетъ источникомъ наслажденія, то и самое трудолюбіе приспособится къ этой границѣ. Всякій излишекъ труда будетъ ненормальнымъ явленіемъ, достойнымъ порицанія.

Личная мораль не можетъ быть вполне отдѣлена отъ общественной; всѣ поступки человѣка тѣсно переплетаются съ интересами другихъ людей. Образъ дѣйствій чисто-личнаго характера, часто косвенно отражается на обществѣ. Нужно всегда принимать въ расчетъ конечные результаты нашихъ поступковъ даже тогда, когда они касаются непосредственно только насъ. Едва ли нужно напоминать, что обязанность работать, вытекающая изъ законовъ личной жизни, усиливается еще вслѣдствіе нашихъ социальныхъ обязанностей. Въ первобытныхъ общинахъ индивидуумъ несъ одинъ отвѣтственность за свою лѣнь; но въ болѣе развитомъ обществѣ, гдѣ члены проникнуты альтруистическими чувствами, никто не допуститъ, чтобы праздный человѣкъ, а тѣмъ болѣе его дѣти—испытали всѣ послѣдствія этой праздности. Если бы даже сограждане и рѣшили бросить такого члена на произволъ судьбы, они сдѣлали бы это не безъ чувства горечи,

и индивидуумъ, и общество страдали бы одинаково. Вотъ еще одно основаніе порицать праздность съ нравственной точки зрѣнія. Но и противоположный образъ дѣйствій, трудъ до изнеможенія, заслуживаетъ не меньшаго порицанія со стороны нравственной, такъ какъ и онъ причиняетъ заботы и страданія ближнимъ. Альтруизмъ идетъ объ руку съ эгоизмомъ, предписывая трудъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ.

О т д ы х ъ .

Разъ мораль ставитъ извѣстную границу обязательной дѣятельности, то она тѣмъ самымъ санкционируетъ отдыхъ. Функционированіе каждаго органа сопровождается тратой силъ на ихъ возстановленіе. За каждымъ сокращеніемъ сердца и расширеніемъ легкихъ слѣдуетъ временное ослабленіе двигательныхъ мускуловъ. Законъ, управляющій каждымъ органомъ въ отдѣльности, управляетъ и всѣмъ организмомъ. Никто не можетъ безнаказанно напрягать свои силы въ одномъ направленіи. Потраченная мускульная энергія пополняется не сразу, — она должна быть возстановлена отдыхомъ. Спазмъ писателей и атрофія переутомленныхъ мускуловъ могутъ служить намъ примѣромъ. Чрезмѣрное умственное напряженіе такъ же вредно, какъ и физическое. Переутомленіе вниманія ведетъ къ нервному разстройству, которое дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ труду. Въ Соединенныхъ Штатахъ служащіе на одноклейныхъ желѣзныхъ дорогахъ, которые обязаны внимательно слѣдить за движеніемъ поѣздовъ, до такой степени переутомляютъ свое вниманіе, что черезъ нѣсколько лѣтъ становятся неспособными къ службѣ.

Всякое чрезмѣрное напряженіе физическое или умственное сопровождается чувствомъ усталости. Ощущенія протестуютъ противъ излишка труда и игнорированіе этого протеста не проходитъ безнаказанно. Излишне настаивать на необходимости абсолютнаго отдыха, который мы называемъ сномъ, — замѣчаетъ авторъ, но слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ его продолжительности. Необходимое время для сна опредѣляется индивидуальными особенностями: одни спятъ много, другіе — мало. Здѣсь одинаково играютъ роль и требованія человѣческаго организма, и привычки, которыя съ нашей точки зрѣнія подлежатъ нравственной оцѣнкѣ.

Разница между бодрствованіемъ и сномъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ первомъ случаѣ трата превышаетъ возстановленіе, во второмъ — возстановленіе трату. Процессъ возстановленія идетъ непрерывно, но его интенсивность неодинакова. Мы это можемъ видѣть на примѣрѣ, зрительныхъ впечатлѣній. Въ молодости, когда кровообращеніе совершается быстро, измѣненіе нервной ткани, являющееся результатомъ каждаго зрительнаго впечатлѣнія, быстро возстанавливается и глазъ въ состояніи воспринимать такъ же отчетливо новыя впечатлѣнія. Но съ годами, когда жизненная сила слабѣетъ, нуженъ болѣе длинный промежутокъ времени для возстановленія чувствительности сѣтчатой оболочки и зрительныхъ нервовъ. Новое впечатлѣніе сливается съ предъидущимъ и въ результатѣ получается

известная неясность очертаний. Быстрота восстановления различна въ юности и старости у одного и того же индивидуума, а тѣмъ болѣе она различна у разныхъ индивидуумовъ. То же мы видимъ и относительно сна. У здороваго челоука процессъ восстановления совершается въ состояніи бодрствованія и почти покрываетъ всѣ траты организма. Вслѣдствіе этого и во время сна онъ идетъ быстрѣе. Болѣзненные же люди утомляются скорѣе и имъ нуженъ болѣе продолжительный отдыхъ для восстановления изъ ослабѣвшихъ органовъ. Часто обвиняютъ въ лѣности тѣхъ людей, которые спятъ много, разумно слѣдуя законному требованію своихъ ощущеній. Но, конечно, на-ряду съ этимъ бываютъ и случаи злоупотребленія сномъ. Разумѣется, это вредно. Излишекъ сна не подрѣпляетъ, а расслабляетъ челоука. Последнее какъ бы противорѣчить общему закону, что ощущенія—лучшіе хранители здоровья. Такое противорѣчіе—результатъ нашей неприспособленности къ условіямъ окружающей среды. Благодаря этому, обыденная жизнь для насъ мало привлекательна, такъ что перспектива предаться ей снова не побуждаетъ вскочить насъ съ кровати. Но всѣ, вѣроятно, испытали, какъ легко проснуться рано, если насъ ждетъ впереди пріятная прогулка. Весьма возможно,—говоритъ Спенсеръ,—что болѣе полное приспособленіе къ социальнымъ условіямъ и нашимъ обычнымъ занятіямъ поведетъ къ сокращенію времени сна.

Кромѣ сна необходимъ и другой отдыхъ. Всякое однообразіе, каково бы оно ни было, вредно отражается на здоровьи. Однообразная дѣятельность изо дня въ день слишкомъ утомляетъ челоука и требуетъ перерыва. Утомленіе, накопившееся за нѣсколько дней, нуждается въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ. Ежедневныя занятія слишкомъ напрягаютъ какой-нибудь одинъ органъ, и сонъ, достаточный для общаго подрѣпленія, недостаточенъ для восстановления этого органа.

Излишне останавливаться на еще болѣе продолжительномъ перерывѣ занятій, слѣдующемъ въ концѣ каждаго года. Каникулы и отпуски обновляютъ челоука, даютъ ему свѣжія силы для труда, и этого достаточно для того, чтобы мораль санкціонировала и даже предписывала ихъ. Съ альтруистической точки зрѣнія отдыхъ не менѣе обязателенъ. Обязанности по отношенію къ ближнимъ запрещаютъ намъ переутомляться. Люди, считающіеся на потомство, должны объ этомъ серьезно подумать. Физическое и духовное истощеніе родителей пагубно отражается на дѣтяхъ.

П и т а н і е.

Хотя многіе изъ насъ порицаютъ обжорство и обжоръ, тѣмъ не менѣе, они будутъ крайне удивлены,—замѣчаетъ Спенсеръ, что вопросъ питанія разсматривается нами съ этической точки зрѣнія. Но разъ ѣда можетъ вызывать осужденіе,—то почему же она не имѣетъ права на похвалу? Правда, общественное мнѣніе не связываетъ понятія добра и зла съ обы-

денными дѣйствіями, если они не уклоняются слишкомъ явно отъ общепринятой нормы. Общество смотритъ на вопросы питанія, какъ на давно рѣшенные вопросы. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны остановиться на нихъ, — говоритъ авторъ, — такъ какъ они слишкомъ тѣсно связаны съ основами человѣческаго благополучія. Зablужденія въ этой сферѣ весьма поучительны для насъ. Процессъ приспособленія, совершающійся какъ въ средѣ животныхъ, такъ и въ средѣ людей, имѣетъ тенденцію, между прочимъ, приравнять аппетитъ къ безусловно необходимому количеству пищи. Несоответствіе въ этомъ отношеніи губительно отражается на индивидуумѣ. Въ обществѣ, между аппетитомъ и необходимымъ количествомъ пищи существуетъ извѣстное соответствіе, такъ какъ аномальныя явленія встрѣчаются сравнительно рѣдко. Всѣмъ извѣстны вредныя послѣдствія излишества въ ѣдѣ, но рѣдко кто сознаетъ, какъ пагубно отражается недостатокъ питанія на нашемъ организмѣ. Аскетическій предразсудокъ, навязанный намъ съ дѣтства воспитаніемъ, успѣлъ привить тотъ взглядъ, что умѣренность въ ѣдѣ — заслуга. Но недостатокъ пищи, въ особенности въ періодъ физическаго развитія, является причиной слабости и малорослости. Наука и здравый смыслъ единодушно признаютъ, что сила и ростъ человѣка зависятъ отъ хорошаго питанія.

А послѣднее обуславливается полнымъ удовлетвореніемъ аппетита. Если же потребляемое количество пищи не соответствуетъ нашему аппетиту, это отражается крайне вредно на всемъ организмѣ. Мораль санкціонируетъ полное удовлетвореніе аппетита, такъ какъ, во-первыхъ, оно является однимъ изъ естественныхъ удовольствій и, во-вторыхъ, даетъ намъ здоровье и позволяетъ, такимъ образомъ, расквитаться со своими обязанностями. Остается вопросъ: хорошо или дурно слѣдовать своему желанію разнообразить пищу? Спенсеръ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. Стремленіе къ разнообразію, говоритъ онъ, должно быть удовлетворено: оно имѣетъ право на такую же санкцію, какъ и желаніе удовлетворить свой голодъ. Приятныя ощущенія повышаютъ жизненную энергію, тогда какъ непріятныя понижаютъ ее; вкусовыя же наслажденія принадлежать къ категоріи приятныхъ. Пищевареніе совершается лучше, если мы воспринимаемъ пищу съ удовольствіемъ. Отъ пищеваренія, въ свою очередь, зависитъ хорошее питаніе, а отъ хорошаго питанія — интенсивность и успѣхъ въ трудѣ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ нравственность санкціонируетъ удовлетвореніе нашихъ вкусовъ. Конечно, случается, что люди злоупотребляютъ разнообразіемъ въ пищѣ и излишествомъ въ ѣдѣ, но случаи злоупотребленія не служатъ вовсе аргументомъ ни противъ разумнаго разнообразія въ пищѣ, ни противъ удовлетворенія аппетита. Какъ обжорство, такъ и жизнь впроголодь заслуживаютъ порицанія не только съ эгоистической, но и альтруистической точки зрѣнія. Злоупотребленіе ѣдой косвенно отражается на другихъ: оно портитъ настроеніе человѣка, дѣлаетъ его угрюмымъ и раздражительнымъ; когда же излишество въ ѣдѣ становится общимъ явленіемъ, тогда оно прямо вредно для общества. Если количество

жизненных припасовъ въ данной общинѣ ограничено, а ея члены потребляютъ больше, чѣмъ нужно для ихъ пропитанія, они сокращаютъ, такимъ образомъ, число другихъ человѣческихъ жизней, которыя могли бы существовать бокъ-о-бокъ съ ними. Исходя изъ того взгляда, что жизнь представляетъ желательную вещь (*desideratum*), безсовѣстно способствовать уменьшенію населенія. Хотя нравственная отвѣтственность каждаго отдѣльнаго индивидуума въ данномъ случаѣ и незначительна, но въ суммѣ вредъ, причиненный обществу, весьма ощутителенъ.

Возбуждающіе напитки.

Посвящая нѣсколько главъ личной морали, говорить авторъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о возбуждающихъ напиткахъ и наркотикахъ. Хотя въ большинствѣ случаевъ и воздерживаются отъ нравственной оцѣнки различныхъ поступковъ личной жизни, тѣмъ не менѣе, злоупотребленіе виномъ или водкой часто вызываетъ громкое осужденіе, и эта категорія дѣйствій считается доступной нравственной оцѣнкѣ. Абсолютная мораль отрицаетъ необходимость возбуждающихъ напитковъ, въ особенности ихъ ежедневное употребленіе. Весьма немногіе, если только таковыя найдутся, станутъ утверждать, что эти напитки играютъ важную роль въ жизни. Алкоголь не является ни факторомъ питанія, ни источникомъ теплоты или силы. Онъ только способствуетъ быстротѣ молекулярнаго обмѣна и въ маломъ количествѣ ускоряетъ его, а въ большомъ—замедляетъ. Вещества, бесполезныя для образованія органовъ или скопленія энергіи, не увеличиваютъ суммы жизненныхъ проявленій, а лишь вліяютъ на ея распределеніе. У животнаго, приспособленнаго къ условіямъ своей жизни, функціи организма также приспособлены къ нимъ, такъ что нѣтъ нужды нарушать установленное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія кофе и чай не менѣе бесполезны, чѣмъ алкоголь, такъ какъ эти растительныя алколонды играютъ такую же роль, какъ и послѣдній.

И такъ, абсолютная мораль отвергаетъ всякіе возбуждающіе напитки. Что же касается нравственности относительной, то, при несовершенствѣ нашего приспособленія къ социальнымъ условіямъ, она по-неволѣ мирится съ ними. Весь міръ употреблялъ, да и теперь употребляетъ, различные возбуждающіе напитки и наркотики. Общераспространенность этого явленія, конечно, не можетъ служить его оправданіемъ, но она невольно наводитъ насъ на мысль, что между употребленіемъ возбуждающихъ напитковъ и условіями жизни, то слишкомъ однообразными, то слишкомъ тяжелыми, существуетъ извѣстная зависимость. Весьма вѣроятно, что употребленіе этихъ средствъ давало возможность переносить жизнь, которая иначе была бы невыносима или, по крайней мѣрѣ, давала извѣстное успокоеніе физическимъ и нравственнымъ страданіямъ. Даже самые заклятые сторонники полнаго воздержанія признаютъ употребленіе алкоголя въ медицинѣ. Эта уступка ведетъ логически къ тому выводу, что возбуждающія средства и наркотики могутъ быть

употребляемы не только при тяжелой болѣзни, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда люди неспособны переносить жестокіе удары жизни. Если явное отклоненіе отъ нормальнаго состоянія здоровья можетъ быть поправлено виномъ или водкой, то почему же не примѣнить эти средства и къ менѣе рѣзкому, но за то часто повторяемому отклоненію? Въ случаяхъ врожденнаго или старческаго безсилія, какъ и въ случаяхъ болѣзненной слабости, организмъ нуждается въ облегченіи своихъ естественныхъ функцій. Этотъ аргументъ допускаетъ употребленіе возбуждающихъ средствъ и наркотиковъ только въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ для физиологическихъ отравленій. Вино же во время обѣда или подкожныя впрыскиванія морфія производятъ лишь временный подъемъ силъ, но не имѣютъ цѣлебнаго свойства и потому заслуживаютъ скорѣе порицанія, чѣмъ поощренія. Удовольствія, которыя являются результатомъ ненормальныхъ явленій, не имѣютъ права на этическую санкцію. Есть только одно исключеніе: на общественныхъ собраніяхъ въ праздничные дни, которые нарушаютъ однообразіе будничной жизни, недурно прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ. Ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же занятій сильно напрягаетъ тѣ или другія части нашего организма. Необходимо нарушить это однообразіе и помочь организму возстановить свое прежнее равновѣсіе. Вотъ почему общественныя собранія съ обильными угощеніями и запасомъ вина весьма полезная вещь: они обновляютъ нашъ организмъ и даютъ намъ свѣжія силы для труда. Разумѣется, къ этимъ средствамъ нужно прибѣгать въ рѣдкихъ случаяхъ: повторяясь слишкомъ часто, они уничтожаютъ сами себя.

Личное совершенствованіе.

Въ самомъ широкомъ смыслѣ слова личное совершенствованіе есть общая подготовка къ наиболѣе полной жизни. Сюда входятъ, во-первыхъ, воспитаніе и знаніе, безусловно необходимыя для поддержанія своей жизни и жизни семьи, а во-вторыхъ — развитіе тѣхъ способностей, которыя открываютъ человѣку всѣ источники наслажденія, какія только могутъ ему дать природа и человѣчество. Первая часть личнаго совершенствованія не только санкціонирована, но и предписана нравственнымъ закономъ. Приобрѣтеніе сноровки въ трудѣ — самая священная обязанность человѣка по отношенію къ себѣ и ближнимъ. Такъ какъ эта сноровка предполагаетъ извѣстную ловкость и знаніе, то безъ нихъ невозможно обезпечить себѣ средства къ жизни (разумѣется, если человѣкъ не имѣетъ состоянія). Тотъ, въ комъ неразвита способность къ труду, ложится бременемъ на общество.

Вторая часть личнаго совершенствованія не носитъ такого обязательнаго характера. Приверженцы аскетизма вовсе не нуждаются въ развитіи своихъ высшихъ способностей для болѣе тонкихъ наслажденій, такъ какъ они отрицаютъ и самое наслажденіе. Секта квакеровъ совсѣмъ вычеркиваетъ эту часть воспитанія. Только адепты гедонизма требуютъ высшаго разви-

тія ума и чувствъ во имя разнообразія и высоты наслажденій. Они смотрятъ на совершенствованіе этихъ способностей какъ на подготовку къ наиболее полной жизни и въ силу этого оно получаетъ нравственную санкцію.

Отъ общихъ взглядовъ на личное совершенствованіе Спенсеръ переходитъ къ его отдѣльнымъ вѣтвямъ, на которыя оно подраздѣляется. Развитіе физической ловкости, въ особенности ловкости въ рукахъ,—одна изъ вѣтвей личнаго совершенствованія, которая обыкновенно игнорируется, а между тѣмъ на нее слѣдовало бы обратить побольше вниманія.

Никто не отрицаетъ, что эта ловкость необходима для людей, занимающихся ремесленнымъ трудомъ, но не сознаютъ еще того, что и людямъ съ болѣе высокою карьерой впереди не мѣшало бы позаботиться о развитіи своей физической ловкости. Неповоротливость и неумѣнье владѣть своими членами ведетъ къ печальнымъ случаямъ, тогда какъ ловкость способствуетъ личному благополучію и благополучію окружающихъ лицъ. Ловкій человѣкъ, умѣющій управлять своими мускулами и внѣшними чувствами, подвергается меньшимъ случайностямъ, чѣмъ неловкій, и не терается никогда въ трудную минуту. Назначеніе внѣшнихъ органовъ и чувствъ сводится къ приспособленію человѣческихъ дѣйствій къ условіямъ окружающей среды и въ виду этой цѣли необходимо развивать въ нихъ ловкость. Пусть не подумаютъ,—говоритъ Спенсеръ,—что я настаиваю на *формалистикѣ*,—нисколько; наоборотъ, ошибка нашего времени состоитъ въ томъ, что все у насъ преподаютъ въ формѣ урока. Ловкость въ рукахъ, какъ и всякая другая ловкость, можетъ быть достигнута при преслѣдованіи уже намѣченныхъ цѣлей. Рациональная система воспитанія дастъ массу случаевъ для упражненія тѣхъ способностей, которыя необходимы каждому человѣку. Умственная культура въ своемъ первоначальномъ видѣ находится въ извѣстной связи съ физическимъ развитіемъ. Какъ упражненіе внѣшнихъ органовъ и чувствъ подготавливаетъ насъ къ непосредственному воздѣйствію на окружающіе предметы, такъ и разумъ руководитъ нами въ нашихъ отношеніяхъ къ тѣмъ же вещамъ. Высшія изобрѣтенія ума до того удалились теперь отъ сферы практической жизни, что трудно уловить между ними какую-нибудь связь; но достаточно вспомнить, что палка, поднимающая камень и колесо парохода — примѣненіе одного и того же рычага, что заостренная форма стрѣлы предполагала извѣстное пониманіе законовъ динамики, что первоначальныя туманныя знанія развились въ широкія математическія и астрономическія обобщенія,—достаточно вспомнить все это для того, чтобы признать, что наука выросла постепенно изъ зачаточныхъ свѣдѣній дикаря. Какъ элементарныя свѣдѣнія послѣдняго руководили его дѣйствіями въ добываніи средствъ къ жизни, такъ и высшія человѣческія знанія руководятъ нами теперь во всѣхъ сферахъ практической жизни. Способность воздѣйствовать на внѣшній міръ и удовлетворять, такимъ образомъ, свои нужды дается умственнымъ развитіемъ. Последнее не должно быть ограничено однимъ профессиональнымъ образованіемъ, такъ какъ всякая группа явленій находится въ связи съ другою

и ея основательное изученіе невозможно внѣ этой связи. Каждый предметъ, каждый актъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ явленій физическихъ, химическихъ и біологическихъ. Эти явленія переплетаются такъ тѣсно, что полное изученіе одной группы непременно предполагаетъ частичное знаніе другихъ. Такая широта умственного развитія мажетъ показаться недостижимой, — говоритъ авторь, — но это не такъ; хорошо поставленное образованіе дало бы намъ возможность постигнуть основныя истины всѣхъ наукъ, оставляя въ сторонѣ частности. Знаніе этихъ истинъ и ихъ слѣдствій повело бы къ ясному пониманію каждой группы явленій и вполне подготовило бы чело-вѣка къ спеціальнымъ занятіямъ. Кромѣ общественной санкціи, которою пользуется умственное развитіе какъ средство пропитанія, оно имѣетъ еще другую санкцію, лишенную всякихъ практическихъ соображеній. Люди съ неразвитымъ или спеціализованнымъ умомъ не въ состояніи охватить своимъ умственнымъ взоромъ чудную панораму міровой жизни, развертывающуюся передъ нами; они видятъ часть, но не видятъ цѣлаго. Представьте себѣ, — говоритъ Спенсеръ, — зажженную свѣчу въ громадномъ и роскошно убранномъ залѣ, которая скудно освѣщаетъ только одинъ его уголъ, и затѣмъ сотню электрическихъ люстръ, заливающихъ яркимъ свѣтомъ общую картину его пышнаго убранства. Такой же контрастъ существуетъ во взглядахъ на природу у невѣжественныхъ и высоко развитыхъ людей. Хорошо усвоенная наука возбуждаетъ умственную жизнь. Она формируетъ міросозерцаніе, открываетъ намъ тайны природы и нашу связь съ нею. Образованіе предполагаетъ знаніе общественныхъ наукъ, которыя въ свою очередь требуютъ изученія исторіи. Каждый гражданинъ обязанъ знать то, что необходимо для выработки его политическихъ убѣжденій. Правда, большинство фактовъ, на которыхъ покоятся соціологическія обобщенія, взято изъ жизни дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ; но ихъ должно подкрѣпить фактами изъ исторіи передовыхъ націй. Кромѣ изученія историческихъ явленій, которыя составляютъ главную суть, слѣдуетъ также обратить вниманіе на личности въ исторіи, но не отводитъ имъ такого большого мѣста, какъ нѣкоторые историки. Подробности изъ жизни папъ, королей, министровъ и полководцевъ не даютъ намъ яснаго представленія о законахъ соціальной эволюціи. Тотъ фактъ, что раздѣленіе труда во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ совершалось безъ вѣдома законодателей и помимо ихъ содѣйствія, свидѣтельствуетъ о томъ, что законы, управляющіе обществомъ, дѣйствуютъ независимо отъ плановъ великихъ людей и часто даже наперекоръ имъ. Но, тѣмъ не менѣе, нужно знать характеръ и направленіе дѣятельности такихъ людей. Новѣйшія стадіи историческаго процесса были бы для насъ непонятны, если бы мы изучали ихъ вдали отъ людей и событій, которые въ нихъ фигурировали. Знакомство съ историческими личностями даетъ намъ извѣстное пониманіе чело-вѣческой природы вообще, всѣхъ ея крайностей, того добра и зла, на которое она способна.

Литературное образованіе непосредственно примыкаетъ къ предыдущему. Излишне говорить о томъ, что оно играетъ большую роль въ подготовкѣ

юношества къ полной жизни; но не мѣшаетъ замѣтить,—говорить авторъ,— что въ зрѣломъ возрастѣ изящная литература должна была бы занимать поменьше мѣста. Люди слишкомъ склонны къ легкимъ занятіямъ и предпочитаютъ посвящать свое время литературѣ, а не наукѣ. Не слѣдуетъ забывать, однако, что съ точки зрѣнія гедонизма, который стоитъ за непосредственное наслажденіе, литература имѣетъ серьезное право на наше вниманіе. Она развиваетъ богатство и силу выраженія, оживляетъ рассказъ метафорами и, такимъ образомъ, увеличиваетъ умственное наслажденіе. Но и въ дѣлѣ личнаго совершенствованія не надо предаваться крайностямъ. Одна часть людей игнорируетъ его совсѣмъ, другая отдается ему слишкомъ исключительно. Настоящій *джедльменъ*,— говоритъ Эмерсонъ,— долженъ быть, прежде всего, выносливымъ животнымъ. Это примѣнимо ко всѣмъ. Образъ жизни, губящій животное, не находитъ оправданія. Жизнь не можетъ быть полной и прекрасной, если тѣло немощно. Всякое нарушение законовъ физиологіи наноситъ вредъ не только тѣлу, но и уму. Вслѣдствіе этого, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться умственной культурой; она не должна подрывать физическаго здоровья и нормальной дѣятельности человека. Злоупотребленіе умственными занятіями ведетъ къ апатіи и равнодушію къ естественнымъ удовольствіямъ. Человѣкъ получаетъ отвращеніе къ тѣмъ предметамъ, которыми онъ слишкомъ много занимался. Въ особенности умственный трудъ вредно отзывается на здоровьи женщинъ. Студентки Кембриджскаго и другихъ англійскихъ университетовъ пользуются далеко не блестящимъ здоровьемъ. Если бы наши программы,— говоритъ авторъ,— были болѣе рациональны, и женщины, и мужчины могли бы получать высшее образованіе безъ всякаго ущерба для себя. Если бы выбросить все бесполезное изъ нынѣшней системы воспитанія, можно было бы располагать полнымъ, широкимъ знаніемъ, которое даетъ человѣку руководящую нить въ жизни, освѣщаетъ его умъ и формируетъ его душу. Альтруистическіе мотивы такъ же, какъ и эгоистическіе, санкціонируютъ личное совершенствованіе. Невѣжественный человѣкъ—существо крайне неинтересное, а, между тѣмъ, наши обязанности по отношенію къ обществу состоятъ въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе ближнимъ. Отсюда слѣдуетъ, что развитіе нашихъ способностей и, главнымъ образомъ, тѣхъ, которыя даютъ намъ извѣстную привлекательность въ обществѣ, пользуются не только нравственною, но и общественною санкціей. Въ виду этого эстетическое развитіе должно быть предписано на ряду съ умственнымъ и предписано не только какъ средство обезпечить полноту нашей жизни, но и какъ средство доставить наслажденіе обществу. Изученіе пластическихъ искусствъ, музыки и поэзіи заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Разумѣется, не слѣдуетъ всецѣло предаваться этому занятію, убивая на него все свое время. Эстетическое развитіе, безъ сомнѣнія, пользуется нравственною санкціей, но имъ увлекаются въ наше время слишкомъ много,—до того, что подчиняютъ содержаніе формѣ.

Развлеченія.

Многимъ покажется весьма страннымъ, говоритъ Спенсеръ, что нравственность санкционируетъ развлеченія. Передъ нами дилемма: или развлеченія ни хороши, ни дурны сами по себѣ, или же они хороши и мораль должна ихъ санкционировать. Разумѣется, доктрина гедонизма поддерживаетъ развлеченія: они доставляютъ удовольствіе безъ ущерба для кого бы то ни было, и этого довольно. Эволюціонная доктрина стоитъ также за нихъ. Въ *Основаніяхъ психологіи* (§ 534) я показала, говоритъ авторъ, что у низшихъ существъ вся энергія уходитъ на борьбу за существованіе и продолженіе вида. Но чѣмъ выше животное, тѣмъ больше сумма его жизненныхъ силъ, такъ что многія изъ нихъ остаются безъ примѣненія. Всякій органической прогрессъ создаетъ экономію силъ и освобождаетъ, такимъ образомъ, извѣстное количество энергіи. Этотъ излишекъ выражается въ игривости нѣкоторыхъ животныхъ. У высшихъ позвоночныхъ онъ особенно великъ. У человѣка избытокъ энергіи проявляется ярче всего, когда онъ не измученъ конкуренціей въ борьбѣ за существованіе. Чѣмъ совершеннѣе форма жизни, тѣмъ больше оставляетъ она досуга для развитія тѣхъ способностей, которыя не поглощены ежедневнымъ трудомъ. Въ *Основаніяхъ психологіи* (§§ 533—540) было установлено различіе между скучною дѣятельностью, направленною на борьбу за существованіе, и дѣятельностью съ цѣлью развлеченія. Спенсеръ считаетъ нужнымъ провести границу между наслажденіями, въ основѣ которыхъ лежитъ эстетическое чувство, и наслажденіями, основанными на нашей самодѣятельности. Грантъ-Алленъ установилъ различіе между ними въ своей фізіологической эстетикѣ. Если это различіе не доведено до крайности, говоритъ Спенсеръ, оно соответствуетъ дѣйствительному порядку вещей. Къ удовольствіямъ перваго рода относится наслажденіе природой и искусствомъ. Всѣ они болѣе или менѣе пользуются санкціей нравственности; но не нужно слишкомъ увлекаться этими удовольствіями, въ особенности романомъ и драмой, такъ какъ при злоупотребленіи ими притупляются лучшія человѣческія чувства. Получая удовольствія подобнаго рода, человѣкъ пассивно воспринимаетъ впечатлѣнія. Другая же категорія удовольствій обуславливается его активною ролью. Она дѣлится на два разряда: на различные виды спорта и игры. Первые подвергаются нравственному осужденію, такъ какъ они сопряжены съ опасностью для жизни и страданіемъ. Вторыя пользуются санкціей морали, — разумѣется, если онѣ невинны. Игры въ особенности полезны для дѣтей и молодежи. Развивая въ нихъ мускульную силу и сообразительность, онѣ доставляютъ, въ то же время, удовольствіе. Если же къ играмъ примѣшиваются призы и пари, то онѣ вызываютъ нравственное осужденіе, такъ какъ нарушаютъ тогда въ дѣтяхъ чувство солидарности. Если человѣкъ не развилъ въ себѣ склонности къ развлеченіямъ, его способность наслаждаться атрофируется: онъ становится равнодушнымъ ко всякаго рода удовольствіямъ и можетъ интересоваться только своею дѣятельностью. Это же

препятствуетъ возстановленію его здоровья. А разстроенное здоровье дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на окружающихъ. Человѣкъ не вправѣ оказывать никакого давленія на другихъ,—наоборотъ, онъ долженъ помогать имъ жить, долженъ увеличивать сумму ихъ счастья. Человѣкъ же, ничего не смыслящій ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ, человѣкъ, неспособный принимать участіе въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, представляетъ настоящую обузу для общества. Его исчезновеніе, если онъ не имѣетъ специальной цѣны, пройдетъ почти незамѣтно. И съ альтруистической точки зрѣнія склонность къ развлеченію заслуживаетъ поощренія.

Б р а к ъ.

До сихъ поръ мы имѣли возможность, если не абсолютно, то относительно, разграничивать съ достаточною ясностью сферу личной и общественной морали. Теперь намъ приходится обратиться къ фактамъ смѣшаннаго характера. Дѣло въ томъ, что брачныя и родственныя отношенія необходимо приводятъ личность въ соприкосновеніе съ другими, причемъ это соприкосновеніе характеризуется своею непосредственностью и неизбежностью. Факты семейной жизни вдвойнѣ нуждаются въ нравственной санкціи, такъ какъ они затрогиваютъ одновременно и полноту личной жизни, и наши отношенія къ ближнимъ. Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на общей обязанности поддержанія вида. Въ *Основаніяхъ біологіи* Спенсеръ отмѣтилъ антагонизмъ между индивидуализаціей и размноженіемъ, т.-е. между склонностью индивидуума поддерживать исключительно свое личное существованіе и стремленіемъ обезпечить жизнь потомства. Факты, однако, показываютъ, что по общему правилу первое приноситъ въ жертву послѣднему. Но чѣмъ выше организація, чѣмъ значительнѣе въ ней запасъ жизненной энергіи, тѣмъ эта жертва менѣе велика. Въ человѣческомъ обществѣ интересы дѣтей и родителей примиряются до такой степени, что продолженіе рода связано съ сравнительно небольшими жертвами. Но, тѣмъ не менѣе, антагонизмъ между индивидуализаціей и воспроизведеніемъ существуетъ всегда. Если признать, что сохраненіе рода представляетъ желанную вещь, то отсюда вытекаетъ обязанность заплатить дань природѣ и принять эту жертву, не говоря уже о той естественной справедливости, въ силу которой каждый обязанъ дать потомству то же, что самъ получилъ отъ предковъ. Послѣднее соображеніе въ особенности важно на первыхъ стадіяхъ культуры, когда войны и междоусобія задерживаютъ естественное размноженіе племени. Но оставимъ въ сторонѣ эти соображенія и обратимся прямо къ браку. Въ этой сферѣ дѣятельность человѣка можетъ быть направлена или къ поддержанію собственной жизни, или же къ обезпеченію жизни потомства. Тѣсная связь между результатами той и другой дѣятельности и устанавливаетъ необходимость брака. Можно, пожалуй, оспаривать вредныя фізіологическія послѣдствія безбрачія, хотя извѣстная степень вреда стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но едва ли кто-ни-

будь станетъ отрицать благотворное нравственное вліяніе брака. Многія изъ нашихъ душевныхъ качествъ могутъ проявиться только въ сферѣ семейной жизни. Если же эта сфера для нихъ закрыта, они остаются въ зачаточномъ состояніи. Близкое общеніе съ другими людьми, являющееся результатомъ брака, даетъ новый импульсъ человѣческой энергіи. Бракъ вызываетъ на свѣту старымъ эгоистическимъ чувствамъ болѣе возвышенныя—любовь и самоотверженіе. Нравственное перерожденіе, часто случающееся послѣ брака, свидѣтельствуетъ о силѣ тѣхъ вліяній, которыя выступаютъ на сцену въ новой сферѣ жизни. Какъ часто легкомысленныя и пустыя дѣвушки обращаются въ самоотверженныхъ матерей, а угрюмые, сухіе люди—въ нѣжныхъ отцовъ и заботливыхъ супруговъ. Разумѣется, благотворное вліяніе брака можетъ сказаться только при условіи взаимной любви. Бракъ по расчету опощляетъ человѣческую личность и не можетъ быть оправданъ съ нравственной точки зрѣнія. Но какъ же слѣдуетъ смотрѣть на легкомысленныя браки? Напримѣръ, если человѣкъ обзаводится семьей, не имѣя возможности исполнить своихъ семейныхъ обязанностей? Въ этомъ случаѣ нравственность караетъ его. Матеріальный недостатокъ создаетъ семейный адъ, а не жизнь. Голодные, больныя дѣти не общаются ничего хорошаго. Въ будущемъ они явятся бременемъ и для себя, и для общества. Дѣйствія, влекущія за собою такія послѣдствія, заслуживаютъ строгаго нравственнаго осужденія. Съ другой же стороны, однако, поздніе браки даютъ не менѣе грустные результаты. Возрастъ родителей сильно отражается на потомствѣ. Когда организмъ еще не окрѣпъ или когда періодъ полнаго разцвѣта жизненныхъ силъ клонится къ упадку, качества дѣтей ухудшаются. Тотъ фактъ, что дѣти, родившіяся отъ матерей между 21—25 годами, даютъ наименьшій процентъ смертности, показываетъ намъ, что возрастъ родителей далеко не безразличенъ для будущихъ поколѣній. Если дѣти при заключеніи неразумныхъ браковъ страдаютъ отъ недостатка питанія, то при заключеніи позднихъ союзовъ они страдаютъ отъ худосочія и врожденной слабости. Оставляя въ сторонѣ браки, заключенные до двадцатилѣтняго возраста, которые подвергаются безусловному осужденію морали, нельзя не замѣтить, что господствующіе нравственные взгляды на брачный возрастъ нѣсколько неопредѣленны. При современномъ состояніи нашихъ знаній трудно, конечно, рѣшить этотъ вопросъ вполне удовлетворительно, такъ что приходится довольствоваться пока компромиссомъ между вѣроятностями. Браки, свидѣтельствующіе о слишкомъ явной безразсудности, должны, конечно, подвергаться безусловному осужденію. Но во многихъ случаяхъ ранній, но рискованный бракъ, все-таки, предпочтительнѣе поздняго. Какъ уже было замѣчено выше, нравственность санкціонируетъ только браки по любви. И эволюціонная мораль, и гедонизмъ сильно возстаютъ противъ браковъ безъ взаимной привязанности. Но не слѣдуетъ увлекаться, однако. Не всѣ браки по любви заслуживаютъ одинаковаго одобренія морали; многіе вызываютъ даже осужденіе въ силу своихъ дурныхъ послѣдствій. Союзъ между физически или нравственно больными людьми отражается слиш-

комъ пагубно на потомствѣ. Нравственныя соображенія должны удерживать въ такихъ случаяхъ отъ брака. Кроме того, нужно хорошо взвѣшивать свои привязанности и не принимать жалости за любовь. Нравственность требуетъ, чтобъ умъ контролировалъ наши инстинкты и чувства. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ пунктѣ, который обыкновенно обходятъ молчаніемъ, который, между тѣмъ, очень важенъ по своимъ послѣдствіямъ. Дѣло идетъ о злоупотребленіяхъ физиологическими потребностями. Этика громко возстаетъ противъ нихъ, такъ какъ эти злоупотребленія дурно отражаются и на самомъ индивидуумѣ, и на его потомствѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ.

Несмотря на тѣсную связь между бракомъ и отношеніями родителей къ дѣтямъ, Спенсеръ предпочелъ для удобства выдѣлить послѣднія въ отдѣльную главу. Какъ было сказано выше, природа въ своихъ заботахъ о потомствѣ жертвуетъ интересами индивидуума для него: благо дѣтей становится выше блага родителей. Съ точки зрѣнія эволюціонной морали рожденіе и воспитаніе дѣтей представляетъ конечную и высшую цѣль брака. Этой цѣли должны быть подчинены всѣ остальные условія брачной жизни. Правда, инстинктъ продолженія рода способствуетъ въ достаточной мѣрѣ ея осуществленію: ни одинъ видъ или разновидность не можетъ сохраниться, если у родителей слабъ этотъ инстинктъ. Удовлетвореніе родительскихъ чувствъ хотя и представляетъ само по себѣ цѣну, является въ то же время источникомъ родительскихъ обязанностей. Когда родители слагаютъ съ себя эти обязанности и предоставляютъ заботы о дѣтяхъ другимъ, они нарушаютъ законы природы. Казалось бы излишнимъ говорить объ этомъ,—замѣчаетъ Спенсеръ,—а, между тѣмъ, мы переживаемъ тотъ опасный періодъ, когда доктрина общественнаго воспитанія начинаетъ приобрѣтать все большія и большія права. Литераторы и законодатели создали такую теорію, которая логически приводитъ къ слѣдующему: на родителяхъ лежитъ рожденіе дѣтей, а на обществѣ обязанность ихъ воспитывать. Эта доктрина до того вкоренилась въ умы, что всякій, кто оспариваетъ ее, встрѣчаетъ улыбку на лицѣ своего собесѣдника. Но, тѣмъ не менѣе,—говоритъ авторъ,—нельзя отрицать того факта, что всякая жизнь на землѣ развилась благодаря надлежащему исполненію родительскихъ обязанностей и только наилучшее исполненіе этихъ обязанностей сдѣлало возможнымъ высшіе типы жизни. Природа мститъ за нарушение своихъ законовъ и ея возмездіе въ данномъ случаѣ было бы ужасно. Упадокъ и вырожденіе націй явились бы слѣдствіемъ общественнаго воспитанія. Последнее стремится развить слабыхъ насчетъ сильныхъ, поднимая неспособныхъ и пригнетая способныхъ. Общество же съ такою системою воспитанія было бы не въ состояніи конкурировать съ другимъ, гдѣ воспитаніе носило бы болѣе естественный характеръ. Нравственный кодексъ природы запрещаетъ родителямъ отрекаться отъ своихъ обязанностей и возлагаетъ на нихъ подго-

товку юншества къ жизненной борьбѣ. При такихъ условіяхъ потомство низшихъ индивидуумовъ не можетъ выдержать конкуренціи съ потомствомъ высшихъ и черезъ одно или два поколѣнія неизбѣжно исчезнетъ, уступивъ мѣсто наиболее совершеннымъ типамъ. Этотъ порядокъ безпошаденъ, замѣтаетъ мнѣ,—говоритъ Спенсеръ,—я этого не отрицаю; но многіе законы природы безпошадны, а, между тѣмъ, приходится имъ подчиняться. Мѣры, направленные къ поддержанію низшихъ индивидуумовъ, ведутъ къ гибели самой націи черезъ нѣсколько поколѣній. При нормальномъ социальномъ строѣ всякое вторженіе въ область семейныхъ отношеній будетъ считаться посягательствомъ. Родители стануть относиться съ наслажденіемъ къ своимъ обязанностямъ. Когда безобразная система воспитанія съ массой ненужнаго хлама уступить мѣсто другой, болѣе совершенной системѣ, тогда воспитаніе дѣтей обратится въ легкій и пріятный трудъ. Согласно общему закону органической эволюціи, періодъ родительскихъ попеченій о дѣтяхъ продолжительнѣе у высшихъ типовъ, чѣмъ у низшихъ. Это мы видимъ на примѣрѣ людей и животныхъ, цивилизованныхъ и дикихъ расъ. Этотъ законъ назначаетъ уже и теперь довольно продолжительный срокъ для физическаго воспитанія дѣтей. Въ будущемъ же онъ, вѣроятно, предпишетъ не менѣе длинный періодъ для духовнаго воспитанія ребенка. Разумѣется, родители будутъ вправѣ уполномочивать другихъ лицъ для высшаго и спеціального развитія своихъ дѣтей, но и эта часть воспитанія будетъ подлежать ихъ контролю. Въ настоящее время родители обращаютъ слишкомъ мало вниманія на разумное воспитаніе юншества. Но когда они направятъ всѣ свои усилія на всестороннее развитіе подростающихъ поколѣній, начнутъ гордиться умными, здоровыми и нравственно развитыми дѣтьми, всѣ ихъ заботы будутъ вознаграждены сторицею. Дѣти окружаютъ ихъ старость самыми нѣжными попеченіями и любовью. Но такое исполненіе родительскихъ обязанностей невозможно при многочисленной семьѣ. Произведеніе на свѣтъ большого количества дѣтей, при невозможности воспитать ихъ, подвергается не менѣе громкому осужденію, чѣмъ опрометчивый бракъ. Бѣдные родители, имѣющіе большую семью, обрекаютъ дѣтей на жалкое существованіе. Да и положеніе самихъ родителей не лучше: отецъ надрывается за тяжелою работою, мать только и думаетъ о томъ, какъ бы накормить своихъ птенцовъ. Гедонизмъ негодуетъ противъ такого поведенія, потому что оно создаетъ одни только страданія. Эволюціонная мораль караетъ его за дурныя послѣдствія, за то, что оно способствуетъ размноженію низшаго типа людей. Но допустимъ даже, что матеріальный достатокъ позволяетъ родителямъ содержать большую семью. Тѣмъ не менѣе, дѣти будутъ страдать отъ недостатка духовнаго вліянія. При большомъ количествѣ дѣтей родители не могутъ удѣлять достаточно времени каждому ребенку въ отдѣльности и дѣти чувствуютъ извѣстную неудовлетворенность.

У дикарей, какъ, наприм., у жителей Уганды, женщины никогда не имѣютъ болѣе двухъ-трехъ дѣтей. Послѣ рожденія каждаго ребенка жена по закону должна быть отдѣлена отъ своего мужа въ теченіе двухъ лѣтъ.

Это срокъ, когда кончается періодъ кормленія грудью. У фиджійцевъ послѣ рожденія на свѣтъ ребенка родители живутъ врозь въ теченіе трехъ или даже четырехъ лѣтъ. Узнавъ, что у европейцевъ бываетъ по десяти дѣтей подрядъ, фиджійцы были крайне поражены и заявили, что они теперь понимаютъ, почему бѣлые не сильнѣе «морскихъ раковъ». У племени Новой Гвиней встрѣчается то же явленіе. Эти народы, повидимому, понимаютъ, что слишкомъ частая беременность вредно отражается на потомствѣ, подрывая организмъ матери и препятствуя полному развитію ребенка. Потому-то эволюціонная мораль ставитъ извѣстныя ограниченія. Но какъ же примирить интересы индивидуума и потомства, да и есть ли возможность примирить ихъ? Нужно было много времени, чтобы человѣкъ приспособился къ условіямъ соціальной жизни. Переживаніе старыхъ инстинктовъ было причиной хроническихъ бѣдствій. Неприспособленность чувствъ къ новому общественному строю порождала массу страданій. Слишкомъ быстрое размноженіе населенія обостряло борьбу за существованіе, и хотя, съ одной стороны, оно являлось причиной прогресса, съ другой—было, да и будетъ еще долго источникомъ многихъ бѣдствій. Но современемъ, вслѣдствіе большаго умственнаго развитія, способность къ дѣтороженію ослабится.

Въ *Основаніяхъ біологіи* Спенсеръ установилъ взаимоотношеніе между ними. Наибольшая степень индивидуализаціи влечетъ зъ собою наименьшую способность къ дѣтороженію. И если этика потребуетъ тогда ограниченій, они будутъ вознаграждаться удовольствіями высшаго порядка. Но эти измѣненія произойдутъ еще очень нескоро. Теперь намъ остается только подчиниться закону природы и помнить всегда, что интересы потомства стоятъ выше интересовъ индивидуума.

Общіе выводы.

Обыкновенно думаютъ, что личная жизнь, поскольку она не касается непосредственно другихъ, не входитъ въ сферу нравственной оцѣнки. Даже больше, этотъ вопросъ почти совсѣмъ игнорируется. А, между тѣмъ, къ пьянству, пороку чисто-личной жизни, относятся весьма отрицательно. Но если это ненормальное явленіе достойно порицанія за свои пагубныя послѣдствія, то почему всякое отклоненіе отъ нормальныхъ условій, имѣющее такія же пагубныя послѣдствія, не вызываетъ осужденія? Мораль, въ своей высшей формѣ развитія, обязана давать оцѣнку всѣхъ дѣйствій личной жизни. Серия предъидущихъ главъ показала достаточно, какъ мнѣ кажется,—говорить авторъ,—что эта обширная область поведенія нуждается въ подчиненіи нравственному закону. Конечно, этотъ законъ не носитъ здѣсь рѣшающаго характера; его власть приближается скорѣе къ власти сюзерена, чѣмъ дѣйствительнаго монарха. Въ области личной жизни приходится большею частью идти на компромиссъ между различными требованіями, и роль нравственности сводится, главнымъ образомъ, къ указанію разумнаго компромисса. Эту нравственную теорію сочтутъ, вѣроятно,—за-

мѣчаетъ Спенсеръ,—возвратомъ къ доктринѣ золотой середины,—доктринѣ, выраженной нѣсколько неясно Конфуціемъ и опредѣленно формулированной Аристотелемъ. Конечно, для оцѣнки многихъ дѣйствій, которыя не касаются непосредственно другихъ людей, нужно избѣгать крайностей. Но доктрина золотой середины не имѣетъ того всеобщаго примѣненія, какое давалъ ей Аристотель. Она непримѣнима, прежде всего, къ справедливости, поскольку та касается нашего поведенія. Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь не о справедливости, формулированной въ законахъ, но о той справедливости, которая безусловно необходима для развитія социальной коопераціи. Въ этой сферѣ мораль не можетъ остановиться на серединѣ,—она требуетъ полнаго воздержанія отъ того, что можетъ причинить вредъ другимъ. То же и по отношенію къ правдивости: мораль не допускаетъ компромисса между правдой и ложью. Доктрина золотой середины непримѣнима также къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ, причисляемымъ къ разряду пороковъ: она отвергаетъ ихъ цѣликомъ, а не отчасти. Эта доктрина имѣетъ только мѣсто въ сферѣ чисто-личной жизни. Но тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же эта середина? Ее, очевидно, нельзя опредѣлить до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны крайности. Вотъ тутъ-то и начинается роль той нравственности, которую Спенсеръ называетъ личною моралью. Эта мораль стремится дать болѣе вѣрное направленіе господствующимъ взглядамъ на личную жизнь. Во всемъ, что касается питанія, дѣятельности, отдыха, индивидуальнаго развитія и развлеченій, роль личной морали сводится къ тому, чтобы разсѣять существующія заблужденія на основаніи точныхъ наблюденій и анализа фактовъ личной жизни. Если мы вспомнимъ всѣ предъидущіе выводы, то увидимъ, что эта мораль дастъ намъ вѣрное пониманіе середины тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, и сообщаетъ опредѣленность понятію необходимой мѣры. Спенсеръ говоритъ здѣсь не о пропорціональности, подразумеваемой въ доктринѣ золотой середины и соответствующей точному опредѣленію крайностей, но о той пропорціональности, которая должна существовать между различными частями нашего поведенія. Необходимо соблюдать не только пропорціональность между дѣйствіями одной какой-нибудь категоріи, но также и между дѣйствіями различныхъ категорій. Физическая слабость и душевная неуравновѣшенность современнаго человѣка объясняется его неумѣнемъ сохранить гармонію между всеми своими дѣйствіями. Морали личной жизни предостантъ въ этомъ отношеніи рѣшить цѣлый рядъ задачъ и тѣмъ облегчить человѣку его борьбу за счастье.

И. К.—на.

Очеркъ крестьянскаго хозяйства

Говоря въ издѣлкѣ книги второго журнала за прошлый годъ о гдѣ-тошнихъ волонтерскихъ кружкахъ среди народа и въ пользу народа, мы, между прочимъ, указали, какъ на весьма важной пунктъ, на учрежденіе въ Моршанскомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ кружкомъ А. А. Моршанскаго попечительства для безлошадныхъ крестьянъ уѣзда. Уставъ попечительства, утвержденный министромъ, ставитъ себѣ нѣкую соотвѣстную къ подобію безлошадности крестьянъ Моршанскаго уѣзда задачу, необходимую для самостоятельнаго веденія крестьянскаго хозяйства. Задачи попечительства осуществляются выдачею крестьянамъ денегъ на покупку лошадей или снабженіемъ ихъ лошадьми. Крестьяне, воспользовавшіеся помощью попечительства, обязаны уплатить выданныя имъ деньги или стоимость полученныхъ отъ попечительства лошадей въ теченіе не болѣе четырехъ лѣтъ, безъ процентовъ. Средства попечительства составляются изъ членскихъ взносов и одновременныхъ пожертвованій, субвенцій, всякихъ случайныхъ сборовъ и поступленій. Сообщая этотъ фактъ, мы радовались ему вдвойнѣ. Мы радовались за моршанскихъ крестьянъ, которые найдутъ себѣ помощь въ такой большой бѣдѣ, какъ потеря рабочаго скота; въ то же время, мы надѣялись, что моршанское попечительство послужитъ примѣромъ, что оно представляетъ собою лишь первую ласточку, за которой вскорѣ появятся и другія. Мы внимательно просматривали нѣкую ежедневную и періодическую печать и находили въ ней указанія о помощи безлошаднымъ, организуемой лишь нѣкоторыми земствами; упоминаній же на частные кружки, на кружки землевладѣльцевъ, къ сожалѣнію, мы не нашли. Если, сверхъ ожиданій, мы пропустили подобное явленіе или оно не оповѣщено еще въ печати, мы будемъ очень благодарны за сообщеніе намъ о немъ.

Кто не знаетъ, что потеря рабочаго скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ есть начало его разоренія и кто также не знаетъ, что количество скота у крестьянъ за послѣднее время значительно уменьшилось? Но далеко не все знаютъ истинные размѣры этой потери, — потери, поистинѣ страшной. Она выясняется теперь по мѣрѣ публикаціи производимыхъ изслѣдо-

ваній. Такъ, *Сборникъ Саратовскаго Земства* устанавливаетъ слѣдующее пониженіе количества крестьянскаго скота за послѣдніе три года: лошадей нерабочаго возраста убыло 21,3%, рабочаго — 21,5%, овецъ — 34,4%, возъ — 35,5%; гулевого скота — 45% и свиней — 68,7%. Въ Воронежской губ. убыло 28% крупнаго скота и 43% мелкаго. По отдѣльнымъ видамъ наиболѣе убыло жеребятъ (70%), свиней (68%), гулевого скота (62%), овецъ (34%), коровъ (22%), рабочихъ лошадей (22%), рабочихъ быковъ (13%). Процентъ хозяйствъ безъ рабочаго скота опредѣлялся въ 33,2%, т.-е. больше трети домохозяевъ лишены возможности вснахать надѣлы собственными средствами. Въ Пермской губерніи количество крестьянскаго скота значительно уменьшилось во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ лишь Чердынскаго. Въ трехъ же уѣздахъ: Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Шадринскомъ, — убыль дошла до слѣдующихъ размѣровъ:

Убыль въ 1891 году.			Убыль въ 1892 году.			Убыль въ 1893 году.		
Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.	Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.	Мелкаго скота.
12,0%	11,0%	10,5%	37,3%	37,7%	43,8%	31,3%	30,3%	29,1%
14,5%	9,3%	24,1%	46,7%	48,0%	62,4%	40,9%	80,8%	46,8%
19,0%	23,0%	33,3%	43,7%	50,4%	65,4%	37,1%	41,3%	49,8%

Въ Вятской губерніи изслѣдованія по предмету убыли скота окончены уже въ 131 волостяхъ изъ 307, имѣющихся въ губерніи. Произведенныя изслѣдованія показали, что убыль однихъ рабочихъ лошадей достигаетъ цифры въ 25% и что контингентъ безлошадныхъ дворовъ, образовавшійся за послѣдніе три года, вмѣстѣ съ прежними безлошадными, составляетъ 32%.

Вятское земство, выдающееся своею заботливостью объ экономическомъ положеніи населенія, оказало, насколько могло, помощь наиболѣе бѣдствующимъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ въ *Волжскій Вѣстникъ*, вятская губернская земская управа озабочена исполненіемъ постановленія минувшаго земскаго собранія о покупкѣ для населенія рабочихъ лошадей, открывшаго на этотъ предметъ кредитъ въ размѣръ 50 т. р. Согласно предложенію экономической комиссіи, существующей при губернской управѣ, которая подробно разсматривала этотъ вопросъ, губернская управа ассигнованную сумму раздѣляла слѣдующимъ образомъ: 5 т. р. отдала въ распоряженіе уѣздныхъ земскихъ управъ для немедленной выдачи ссудъ безлошаднымъ крестьянамъ на покупку рабочаго скота, что съ прежде ассигнованными на этотъ же предметъ 4 т. р. составитъ сумму въ 9 т. р.; далѣе, 5 т. р. рекомендовала употребить на покупку рогатаго скота для безкоровныхъ крестьянскихъ дворовъ на тѣхъ же условіяхъ, что и лошадей, и затѣмъ на остальные 40 т. р. экономическая комиссія предложила управѣ произвести покупку лошадей внѣ предѣловъ Вятской губерніи непосредственно черезъ своихъ земскихъ агентовъ, на что губернская управа и изъявила свое согласіе. Въ настоящее

...и

... ..

... ..

Но оть этого вопроса ты никуда не скрошься, другъ читатель! На-
добноеть тебе имь не одна только газета. Порелистывай книжку журнала,
ты раскуеши, натолкуешься на статьи, посвященныя тому же продоволь-
ственному вопросу; о немъ ты долженъ толковать, являясь на земледь со-

бравіе, его ты долженъ имѣть въ виду въ своей торговлѣ, въ своемъ производствѣ; если ты чуткій человекъ, онъ встанетъ передъ тобой при встрѣчѣ съ каждымъ нищимъ, при взглядѣ на каждую деревушку, онъ тормазитъ твои лучшія начинанія, онъ мѣшаетъ тебѣ со спокойною совѣстью пользоваться благами жизни. Особенно много твое вниманіе продовольственный вопросъ занималъ въ послѣдніе годы. Но если теперь ты меньше встрѣчаешь статей о немъ, если рѣже слышишь разговоры на ту же тему, то это еще не значить, что ты покоячилъ съ нимъ. Надоѣдалъ онъ тебѣ въ позапрошломъ году, надоѣдалъ въ прошломъ, будетъ надоѣдать въ нынѣшнемъ, будетъ надоѣдать въ будущемъ. Вся разница только въ томъ, что въ одномъ году ты больше слышишь о немъ, въ другомъ—меньше. И не отвяжешься ты отъ него до тѣхъ поръ, пока не рѣшишь его.

Въ поискахъ если не спасенія отъ неурожаевъ, то хотя бы ослабленія ихъ силы, многіе землевладѣльцы, особенно юго-восточныхъ губерній, останавливаются на мысли акклиматизировать такіе сорта хлѣбныхъ злаковъ, которые не боятся засухи. Хлѣба эти произрастаютъ преимущественно въ Средней Азіи, гдѣ засухи—явленіе нормальное. Изъ злаковъ этого рода недавно обратилъ на себя вниманіе сортъ пшеницы, называющійся «чуль-бидай». По инициативѣ желѣзно-дорожнаго дѣятеля К. И. Лапшинскаго, чуль-бидай выписанъ рязанско-уральскимъ обществомъ и розданъ сельскимъ хозяевамъ для производства опыта. О чуль-бидаѣ читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующій отзывъ извѣстнаго знатока по сельскому хозяйству проф. Фортунатова: «Въ виду частаго губительнаго вліянія засухи на русскіе яровые посѣвы, отмѣтимъ еще указаніе на особый сортъ пшеницы, именуемой «чуль-бидай» или сухопутная пшеница. Сортъ этотъ встрѣчается въ Туркестанѣ и Семирѣченской области, напоминаетъ бѣлотурку, но отличается отъ нея большею корневою силой и значительною выносливостью по отношенію къ недостатку влаги; эта пшеница растетъ тамъ, гдѣ буквально ничто не можетъ произрастать безъ искусственнаго орошенія; но и этотъ сортъ долженъ высѣваться во влажную землю непремѣнно раннею весной; при одномъ или двухъ дождяхъ получается урожай самъ 12—15. Можетъ быть, этой семирѣченской пшеницѣ суждено играть нѣкоторую роль въ яровыхъ посѣвахъ злосчастнаго юго-востока Европейской Россіи». Корреспондентъ *Саратовскаго Дневника* сообщаетъ изъ Камышинскаго уѣзда, что многіе крестьяне - пахари ждуть не дождутся прибытія въ Саратовъ новой партіи азіатской пшеницы «чуль-бидай». Они просятъ написать въ редакцію, чтобы о прибытіи новой пшеницы было извѣщено въ первомъ же № газеты, говоря, что если опытъ посѣва дастъ хорошій результатъ, они поставятъ г. Лапшинскому памятникъ.

Курскій Листокъ сообщаетъ о другомъ, не менѣе почтенномъ починѣ частныхъ лицъ, могущемъ принести сельскому населенію много пользы. Курскіе землевладѣльцы Н. В. Черкасовъ, В. Н. Доливо - Добровольскій, г. Коревь и нѣсколько мѣстныхъ капиталистовъ представили къ утвержденію въ подлежащія учрежденія проектъ устава «общества учрежденія

сельскихъ ссыльныхъ лавокъ». Общество предпринимаетъ устройство въ большихъ селахъ, мѣстечкахъ и слободахъ губерніи амбаровъ, куда мѣстное населеніе, нуждающееся осенью въ деньгахъ, можетъ оснывать хлѣбъ, получая подъ него 75% рыночной стоимости и уплачивая за ссуду извѣстный процентъ. Общество будетъ продавать заложенный хлѣбъ въ возможно выгодное время; оно располагаетъ для необходимыхъ сооружений и выдать ссуду капиталомъ въ 500,000 руб., который, въ случаѣ надобности, можетъ быть увеличенъ еще на 250,000 руб.

Насколько отраднo получать и читать извѣстія объ общественной самодѣятельности, направленной на благо народа, настолько же грустно видѣть рутину, индифферентизмъ даже тамъ, гдѣ дѣло уже налажено, гдѣ требуется только не мѣшать дѣлу, нѣрѣдко созданному большими усиліями, упорною энергіей. О такомъ именно дѣлѣ сообщаетъ *Сибирскій Листокъ*. Мы весьма много толкуемъ, — говоритъ газета, — о покровительствѣ народнымъ формамъ труда, но когда доходитъ дѣло до дѣйствительнаго покровительства, то оказываемъ таковое крупнымъ предпринимателямъ и капиталистамъ. Хорошимъ примѣромъ этому можетъ служить положеніе дѣла на Абаканскомъ желѣзодобывательномъ заводѣ. Абаканскій желѣзодобывательный заводъ находится въ пользованіи артели рабочихъ, которая арендовала его у венгерскаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго его собственника, московскаго купца Кольчугина. Матеріальныя дѣла артели настолько поправились въ послѣдніе годы, что она успѣла составить собственнаго капитала около 25 т. р. Нынѣ артели приходится убираться на всѣ четыре стороны, такъ какъ заводъ предполагается передать или даже продать крупному капиталисту. Этотъ будущій крупный капиталистъ сейчасъ же сбѣгаетъ дѣла, въ которыхъ отказываютъ рабочимъ, какъ представителямъ состоящей въ загонѣ «народной» формы труда. Капиталистъ получить заказъ отъ строящейся желѣзной дороги, а рабочіе его не получаютъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ *Вѣстника Золотопромышленности*, бывшій уполномоченный отъ рабочихъ Абаканскаго завода г. Степановъ просилъ лицъ, отъ которыхъ зависятъ сдача желѣзно-дорожныхъ подрядовъ, сдать Абаканскому заводу подрядъ на заготовку болтовъ, гаекъ и мостовыхъ скрѣпленій, потребныхъ для желѣзной дороги, причемъ назначилъ на все это цѣну по 8 р. 50 к. съ пуда. Просьба эта не была удовлетворена. Затѣмъ недавно новый уполномоченный завода, г. Шмигера, пріѣзжалъ въ Красноярскъ для возобновленія этого ходатайства, причемъ весьма значительно понизилъ первоначальную сумму, именно назначилъ лишь по 6 р. съ пуда. Но ему былъ данъ отвѣтъ, что управленіе дороги находитъ болѣе выгоднымъ сдать подряды крупнымъ подрядчикамъ, во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ при массѣ (!) мелкихъ подрядчиковъ. Къ удовольствію управленія, крупный подрядчикъ, вѣроятно, скоро будетъ, такъ какъ рабочихъ рѣшительно гонять съ завода, что вынудило ихъ подать ходатайство г. генераль-губернатору Восточной Сибири о разрѣшеніи имъ работать на Абаканскомъ заводѣ: до тѣхъ поръ, пока заводъ не будетъ проданъ въ частныя руки или пока

важна, быть можетъ, найдеть возможнымъ приобрести его въ свое владѣніе и затѣмъ сдать артели на долгій срокъ въ аренду. Если государство, — заключаетъ газета, — оказываетъ широкій кредитъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ, дворянству и содѣйствуетъ крестьянамъ въ покупкѣ земель, то было бы вполне разумно и дѣлсообразно помочь абаканцамъ въ покупкѣ завода и поддерживать ихъ заказами, какъ это дѣлается правительствомъ относительно кустарей. Эта рабочая артель, сдѣлавшая уплатить въ теченіе четырехъ лѣтъ до 55 т. р. конкурсу и до 20 т. р. горной и попенной подати, навѣрное, оказалась бы болѣе исправной въ своихъ обязательствахъ передъ правительствомъ, чѣмъ російскія желѣзно-дорожныя общества.

Бавой контрастъ этому рутинному, вполне безучастному къ судьбѣ человека, поведенію представляетъ живая, энергичная дѣятельность нижегородскаго общества распространенія начального образованія, работающаго уже девять лѣтъ и недавно издавшаго отчетъ о своей дѣятельности за прошлый годъ. Какъ видно изъ отчета, общество въ истекшемъ году состояло изъ 432 членовъ, среди которыхъ почти половину составляли народные учителя и учительницы. Общество это поставило свою задачей распространять грамотность и знанія въ народной средѣ, для чего оно организовало продажу дешевыхъ и полезныхъ книгъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и многихъ селахъ Нижегородской губерніи. Черезъ свои 215 отдѣленій, разсѣянныхъ по всей губерніи, въ одномъ только отчетномъ году оно распространяло до 70,000 книгъ религіозно-нравственныхъ, литературно-популярнаго характера, а также по гигиенѣ и сельскому хозяйству. Книгами снабжаются самыя глухія, отдаленныя мѣстности губерніи, куда вообще съ трудомъ проникаетъ всякая книга. Прочно устроивъ, благодаря поддержкѣ нижегородской думы, народныя чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, общество нацѣло возможнымъ оказать содѣйствіе открытію народныхъ чтеній въ некоторыхъ уѣздныхъ городахъ и селахъ губерніи: высылкой фонаря и картинъ для устройства чтеній. Кроме того, въ истекшіе неурожайные годы обществу удалось организовать и широко поставить, при поддержкѣ благотворительнаго комитета и частныхъ лицъ, продовольствіе дѣтей школьнаго возраста въ школахъ всѣхъ мѣстностей Нижегородской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, на что израсходовано свыше 60 тыс. рублей. Организованныя обществомъ публичныя народныя чтенія происходили въ двухъ мѣстахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и при шести училищахъ въ селахъ и въ уѣздныхъ городахъ. Въ городскихъ аудиторіяхъ перебувало народу 11,778 человекъ, — почти вдвое болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году. Школьныя бібліотеки открыты обществомъ въ 18 мѣстахъ, стоимостью отъ 30 до 50 руб. каждая. Совѣтъ общества предполагалъ эти бібліотеки по истеченіи года пересылать въ другія школы, но изъ всѣхъ училищъ поступили просьбы оставить бібліотеки на другой годъ. Книги читаются на-расхватъ какъ дѣтьми, такъ и взрослыми. Пользуются бібліотеками не только мѣстные жители, но и жители отдаленныхъ деревень, отстоящихъ, напримѣръ, верстъ на 25.

Непомянулось 13 марта десять дѣтъ дѣятельности и другого весьма почетнаго общества, пекушагося о народномъ образованіи въ Западной Сибири. Въ этотъ день,—какъ сообщаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*,—въ Омскѣ, въ залѣ географическаго общества, состоялось чрезвычайное собраніе членовъ общества, въ которомъ предѣлатель обрисовалъ десятилѣтнюю жизнь общества и непрерывный ростъ его. Не передавая всѣхъ цифръ,—говоритъ отъ себя газета,—скажемъ только, что общество вполне стоитъ на высотѣ своего положенія. Общество открывало школы, народныя бібліотеки и читальни; оно помогало многимъ бѣднымъ ученикамъ. Въ настоящее время близки къ осуществленію предположенія общества объ открытіи профессиональной женской школы, объ устройствѣ народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, дѣтскихъ подвижныхъ игръ на воздухѣ. Для успѣшнаго веденія каждаго изъ этихъ дѣлъ составлены особыя коммисіи изъ членовъ общества, и такимъ образомъ къ дѣлу привлечено возможно большее число лицъ. Одному совѣту, состоящему изъ 6 лицъ, довольно трудно вести всѣ дѣла общества, которыя съ каждымъ годомъ становятся все разнообразнѣе.

Но есть не мало въ Россіи и сонныхъ городовъ, гдѣ народное образованіе продолжаетъ обрѣтаться въ совершенно арханческомъ состояніи. Таковъ, наприѣръ, городъ Кострома. Здѣсь на 30 тысячъ жителей имѣется только одно женское училище. Масса просьбъ о принятіи въ женское училище ежегодно оставляется безъ удовлетворенія. Поэтому нѣкоторыми частными лицами здѣсь открыты подготовительныя школы. Но поступленіе въ нихъ не всѣмъ доступно, по случаю довольно высокой платы за ученіе. Съ каждымъ годомъ городское населеніе ждетъ открытія городскимъ управленіемъ второго городского женскаго училища, но,—прибавляетъ корреспондентъ,—должно быть, не скоро дождется.

А вотъ также характерная въ бытовомъ отношеніи корреспонденція въ *Недѣлю* изъ Козлова (Тамб. губ.). Образовавшийся три года назадъ кружокъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей исходатайствовала разрѣшеніе на открытіе въ Козловѣ народныхъ чтеній съ туманными картинами. Къ кружку примкнули почти всѣ педагоги мѣстныхъ учебныхъ заведеній, нѣкоторые изъ приходскихъ священниковъ и два-три инженера, служащіе при желѣзно-дорожномъ бюро правленія рязанско-уральской жел. дороги. Чтенія открылись въ концѣ 1890 г. въ домѣ земской управы, въ залѣ сѣзда мировыхъ судей, которая съ усиленіемъ могла вмѣстить около 250 чел., между тѣмъ какъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ съ перваго же дня явилась такая масса, что большей половиной этой толпы мѣщанъ, сидѣльцевъ, прикащиковъ и проч. пришлось отказывать, несмотря на просьбы: «хоть постоять», только бы послушать... Грустно и досадно было захлопывать двери передъ сотнями лицъ, жаждавшихъ знанія и здороваго, нормальнаго развлеченія, но отсутствіе болѣе просторнаго помѣщенія поневолѣ заставляло прибѣгать къ этой тяжелой мѣрѣ. Не съ однимъ этимъ обстоятельствомъ приходилось считаться энергичнымъ труженикамъ по устройству чтеній. Не говоря уже о томъ, что предварительная обста-

новка, покупка экрана, шторъ, скамей и т. п., требовала расходовъ, но и каждое чтеніе, кромѣ того, обязывало къ затратамъ на выписку картинъ изъ Москвы, на освѣщеніе, наемъ прислуги и проч. А средства кружка обыкновенно не превышали нѣсколькихъ десятковъ, много—сотни рублей. Впослѣдствіи чтенія были переведены въ классную залу приходскаго городского училища, гдѣ они производятся и по настоящее время. Здѣсь 300, а иногда и болѣе слушателей каждое воскресенье въ теченіе 7 мѣсяцевъ присутствуютъ на чтеніяхъ, сопровождающихся превосходными туманными картинами, которыя присылаются теперь тамбовскою комиссіей, располагающею огромными средствами, благодаря пожертвованіямъ С. Д. Нарышкина. Тѣмъ не менѣе, матеріальная сторона чтеній въ Козловѣ такова, что, вступая въ четвертый годъ существованія, они имѣютъ въ итогѣ значительный минусъ. И это послѣ трехъ лѣтъ трудовъ и хлопотъ, послѣ того, какъ на чтеніяхъ перебивало *двадцать два тысячи* народа; это не въ Нарымѣ, не въ Обдорскѣ, а въ многолюдномъ и богатомъ городѣ Козловѣ, въ которомъ есть цѣлая армія богатаго купечества, миллионеровъ. Обидно, — говоритъ корреспондентъ, — за козловскихъ богачей, принимая въ расчетъ ихъ многотысячные проигрыши въ гостиницахъ на билліардахъ и въ карты, разгулъ въ притонахъ, траты на рысаковъ, на костюмы женъ, заботы о жирныхъ праздничныхъ кулебягахъ и—полное отсутствіе духовныхъ интересовъ. Будь у этихъ именитыхъ богачей хоть капелька отзывчивости на доброе и полезное общественное дѣло, Козловъ давно уже украсился бы приличнымъ каменнымъ зданіемъ народныхъ чтеній, въ которомъ могло бы помѣщаться не 300, а 500—600 человекъ.

И вотъ, благодаря подобному безучастію значительной части состоятельныхъ людей къ дѣлу народнаго образованія, наше отечество до сихъ поръ имѣетъ удручающе-ничтожный процентъ грамотныхъ.

Въ то время, какъ среднее число грамотныхъ въ Россіи составляетъ приблизительно лишь 8%, имѣются двѣ губерніи, гдѣ грамотность населенія достигаетъ 82%. Губерніи эти—Лифляндская и Эстляндская. Причины этого явленія достаточно интересны, чтобы на нихъ остановиться. Но для выясненія ихъ мы вынуждены коснуться немножко прибалтійской старины.

Уже шесть вѣковъ, какъ среди латышей и эстовъ проповѣдуется христіанство. Сначала оно проповѣдывалось католическими миссіонерами, а затѣмъ, съ распространеніемъ лютеранства въ Швеціи, Даніи и сѣверной Германіи, послѣднее распространилось также среди высшаго класса всего балтійскаго побережья, класса завоевателей, состоявшаго изъ нѣмцевъ, шведовъ и датчанъ. Завоеватели поставили изъ своей среды лютеранскихъ священниковъ и, не справляясь о вѣрованіяхъ народа, удалили изъ церквей иконы и превратили католическіе храмы въ лютеранскія кирки. Какъ при католикахъ, такъ и при лютеранахъ церковь служила орудіемъ утвержденія господства завоевателей надъ туземцами. Еще не особенно давно то время, когда предъ церквями стояли позорные столбы, на которыхъ

каждое воскресенье публично, при многочисленномъ стеченіи народа, производилось сѣченіе непокорныхъ крестьянъ, провинившихся передъ своимъ господиномъ. Здѣсь же объявлялись разныя распоряженія помѣщиковъ, въ рукахъ которыхъ до недавняго времени сосредоточивалась вся власть въ волости. Такимъ образомъ, здѣсь узнавались общія распоряженія господъ, распоряженія о барщинѣ, о родахъ и размѣрахъ повинностей, разъясняемыя съ каведры пасторами. Не удивительно поэтому, что, вмѣсто развитія въ народѣ любви и почитанія къ лютеранской киркѣ и званію пасторовъ, воспиталось въ немъ нерасположеніе къ послѣднимъ, а черезъ нихъ, отчасти, и къ самой киркѣ. По имущественному положенію, по преслѣдуемымъ интересамъ, пасторы въ глазахъ народа были и продолжаютъ оставаться тѣми же помѣщиками, только имѣющими право проповѣдывать съ каведры. Пасторъ также имѣетъ землю, которую отдаетъ въ аренду нѣрѣдко еще на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ помѣщики. Настроеніе народа и отношеніе его къ господамъ вѣрно отражается въ распѣваемыхъ имъ пѣсняхъ, составленныхъ отчасти простыми людьми изъ крестьянъ, отчасти народными учителями. Въ пѣсняхъ этихъ всего чаще говорится о рыцаряхъ-грабителяхъ, вторгнувшихся въ страну, коварствомъ и мечомъ истребившихъ массу народа подъ предлогомъ распространенія христіанства, безжалостно отнявшихъ у предковъ-туземцевъ землю, а ихъ самихъ обратившихъ въ тяжелое рабство, причѣмъ все достояніе крестьянина сдѣлалось собственностью помѣщика. «Хотя и исчезла барщина, — говорится въ одной изъ новѣйшихъ пѣсенъ, — рубцы отъ сѣченія заросли на тѣлѣ, но все же насъ мучать вдоволь. Чѣмъ больше платимъ аренды, тѣмъ больше налагаютъ; нѣтъ намъ въ жизни услады. Весь эстонскій народъ хорошо знаетъ, какъ живутъ здѣсь всѣ нѣмцы: въ собственное удовольствіе, ради скопленія богатствъ и сокровищъ. Церковные господа, въ будни помѣщики, въ воскресенье пасторы, у которыхъ на груди бѣлыя ленты, живутъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ золотомъ раю, — ѣдятъ хорошо, носятъ дорогія платья, все это на нашъ счетъ. Отъ рожденія до смерти пасторъ — нашъ кровопійца. Обѣщаетъ насъ спасти, если дадимъ за это денегъ; кто не дастъ, того проклинаетъ. Достаточно мы уже переиспытали, что хорошаго дала намъ нѣмецкая вѣра. Эстляндія — небо для нѣмцевъ, мы же здѣсь испытываемъ адскія муки... Послѣши, эстонецъ, сбросить узы невѣжества: только ученіе избавить тебя отъ рабства; иначе наши господа не твердили бы беспрестанно: кто домогается мудрости, тотъ попадетъ прямо въ адъ *)». Сами пасторы иногда открыто свидѣтельствуютъ о чужести кирки народу. Такъ, напримѣръ, на эстляндскомъ синодѣ 1874 года пасторъ Галлеръ говорилъ о томъ, что балтійская кирка представляетъ, можетъ быть, единственное явленіе въ церковной исторіи въ томъ отношеніи, что въ теченіе трехъ столѣтій не могла ассимилироваться съ національною жизнью.

Народъ, не удовлетворяемый въ своихъ религіозныхъ потребностяхъ

*) *Культурно-религіозныя доджестія съ Лифляндіи*. Е. В.

ни пасторами, ни киркою, послужили благодарною средой для распространенія въ немъ сектантскихъ ученій. Нигдѣ въ Россіи сектантство не развилось въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Первое мѣсто, по численности, занимаютъ здѣсь гернгутеры, возникшіе еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. За ними идутъ піетисты, субботники, баптисты, скауны и другія, болѣе мелкія секты. Въмѣстѣ съ тѣмъ, съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начинается движеніе къ переходу въ православіе. Движеніе это началось и болѣе всего проявилось въ восточныхъ частяхъ Лифляндской и Эстляндской губерній, вслѣдствіе близости ихъ къ православному русскому населенію. Дворянство, относившееся довольно равнодушно къ распространенію сектантства и слабо поддерживавшее пасторовъ въ ихъ борьбѣ съ сектантствомъ, иначе отнеслось къ движенію въ православіе. Въ распространеніи православія, ведущемъ къ большому единенію латышей и эстовъ съ русскимъ народомъ, оно увидѣло опасность для своихъ мѣстныхъ феодальныхъ привилегій. Балтійское духовенство и дворянство успѣшили заявить въ Петербургѣ, что движеніе въ народѣ вызвано не религіозною потребностью, а только надеждами на мірскія выгоды, расчетомъ получить земельный надѣлъ и освободиться отъ повинностей помѣщикамъ. Дворянство прибавляло, что это бунтъ и что поэтому нужны не священники съ крестами, а козаки съ нагайками. Все дѣло объяснялось подговорами и агитаціей злонамѣренныхъ людей. Въ этомъ смыслѣ доносилъ императору Николаю Павловичу тогдашній прибалтійскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, то же повторялъ начальникъ политической полиціи графъ Бенкендорфъ. На высшее правительство произвело также сильное впечатлѣніе заявленіе прибывшей изъ балтійскихъ губерній депутаціи, что, «въ случаѣ перехода значительной части народа въ другую вѣру, неминуемо порвется всякая нравственная связь между помѣщиками и крестьянами, что можетъ повести къ весьма серьезнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ». Въ то же время, по представленію мѣстной администраціи, въ нѣсколькихъ селеніяхъ вспыхнулъ бунтъ. Начались экзекуціи, столь страшныя, что народъ помнитъ о нихъ до сихъ поръ. Въ результатѣ новообращенные были всецѣло выданы сложившейся противъ нихъ коалиціи, разорены помѣщиками, осмѣяны и обруганы пасторами, и все это почти всегда въ предѣлахъ закона, болѣе или менѣе правильно примѣняемаго и толкуемаго,—по крайней мѣрѣ, безъ слишкомъ явнаго его нарушенія. Подъ гнетомъ обстоятельствъ, измученные люди стали снова переходить въ лютеранство.

И такъ, движеніе въ православіе было подавлено. Теперь надо было найти средство противъ возможнаго повторенія подобнаго движенія. Такое средство увидѣли въ распространеніи школъ, гдѣ главное вниманіе должно быть обращено на религіозно-лютеранское обученіе. Задумано и сдѣлано. Спустя двадцать лѣтъ при каждой киркѣ была школа, гдѣ учителемъ былъ пасторъ или свѣтское лицо, обучавшее подъ надзоромъ пастора. Нельзя сказать, чтобы цѣль, ради которой распространялись народныя школы,

была вполне достигнута, но для народа получился весьма цѣнный результатъ: теперь населеніе Лифляндіи и Эстляндіи почти сплошь грамотное.

Отъ особенностей жизни Прибалтійскаго края (которымъ мы въ скоромъ времени разсчитываемъ посвятить отдѣльный очеркъ) перейдемъ опять къ нашимъ чисто-русскимъ дѣламъ.

Въ *Недѣлю* пишутъ изъ Стараго Оскола (Курской губерніи), что тамъ недавно разбиралось характерное уголовное дѣло, рисующее нравы захолустныхъ угловъ. Обвинялся крестьянинъ Горожанкинъ въ мошенничествѣ дворяниномъ Воейковымъ (онъ же и уѣздный предводитель дворянства и предсѣдатель сѣзда). Дѣло, какъ оно выяснилось на судѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Горожанкинъ молотъ на мельницѣ г. Воейкова рожъ на муку; прикащикъ экономин, прийдя на мельницу, замѣтилъ, что Горожанкинъ несвоевременно отдаетъ рожъ за помолъ, началъ считать мѣрки ржи, насыпаемыя Горожанкинымъ и бывшимъ съ нимъ крестьяниномъ Поповымъ въ ковши, и когда всыпано было 12 мѣрокъ, онъ приостановилъ засыпку, избилъ Попова, изругалъ и назвалъ мошенникомъ Горожанкина, выбилъ у него мѣрку съ рожью, которая перемѣшалась съ навозомъ, и о такихъ распоряженіяхъ своихъ доложилъ «барину». Баринъ дѣйствія прикащика одобрилъ и приказалъ взять у Горожанкина, кромѣ уже отданныхъ за помолъ трехъ мѣрокъ, еще двѣ мѣрки ржи, такъ что взяли съ него за помолъ почти вдвое болѣе, чѣмъ слѣдовало; но и этого мало: помѣщикъ приказалъ отобрать у крестьянина Горожанкина оставшуюся немолотой рожъ, количествомъ 17 мѣрокъ, а въ заключеніе заявилъ на словахъ земскому начальнику жалобу на Горожанкина, обвиняя его въ мошенничествѣ. Земскій начальникъ немедленно приступилъ къ разбору дѣла, которое назначилъ даже въ неприсутственный день и въ домѣ обвинителя, помѣщика. Горожанкину повѣстку вручили вечеромъ, наканунѣ разбора дѣла, почему тотъ не имѣлъ времени съ кѣмъ-либо посовѣтоваться или принскать себѣ защитника. На судѣ, у земскаго начальника, противъ крестьянина предстали помѣщикъ Воейковъ, въ качествѣ обвинителя, и прикащикъ его, въ качествѣ свидѣтеля. Заявленныхъ крестьяниномъ Горожанкинымъ свидѣтелей, — мельниковъ, служащихъ на мельницѣ, и крестьянина Попова, — помѣщикъ требовалъ отвести, однако же, свидѣтели были допрошены. Показанія ихъ, данныя въ домѣ помѣщика и въ его присутствіи, оказались неясными и уклончивыми. Земскій начальникъ приговорилъ Горожанкина на одинъ мѣсяць къ тюремному заключенію. Но тутъ нашелся добрый человекъ и взялся вести защиту Горожанкина на сѣздѣ. Черезъ разспросъ свидѣтелей и уясненіе дѣла защитникъ установилъ совершенную невинность подсудимаго, такъ что, соглашаясь съ нимъ и заключеніемъ товарища прокурора, уѣздный сѣздъ не нашелъ и признаковъ какого-либо проступка въ дѣяніяхъ крестьянина. Въ многочисленной публикѣ, бывшей на судѣ, слышались потомъ голоса о перемѣнѣ ролями обвиняемаго съ обвинителемъ. Господинъ Воейковъ потерпѣлъ полный конфузъ,

тѣмъ болѣе заслуженный, что недоразумѣнія, вроде описанныхъ, на его мельницѣ бывали и прежде.

По сообщенію газетъ, въ Петербургѣ вызвало большіе толки заключеніе земскимъ начальникомъ подъ арестъ молодого интеллигентнаго крестьянина изъ богатыхъ крестьянъ за то, что тотъ не снялъ шапки по требованію земскаго начальника. Газета *Гражданинъ*, выразивъ удивленіе, что такой ничтожный случай, какъ арестъ на три дня, можетъ служить «темою для самыхъ сложныхъ размышленій», продолжаетъ: «За послѣднее время мы слышали два факта изъ судебной хроники, коснувшіеся дворянъ самымъ рѣзкимъ и болѣзненнымъ образомъ: это — 3-хъ мѣсячный арестъ одного уѣзднаго предводителя дворянства за выданные имъ чеки на свою контору при расплатѣ съ рабочими, и отдача подъ судъ *честнаго* (курс. подлинника) дворянина-помѣщика по обвиненію въ употребленіи фальшивыхъ вѣсовъ. И что же? — ни одинъ голосъ нигдѣ не отозвался, чтобы просить немного уваженія къ дворянскому достоинству». И такъ, — замѣчаютъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости*, — съ одной стороны считается пустякомъ, не стоящимъ вниманія, случай, въ которомъ подвергается взысканію крестьянинъ за дѣйствіе или бездѣйствіе, не воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, потому только, что рѣчь идетъ «о крестьянинѣ». Съ другой же стороны, правильный, законный судъ надъ дворяниномъ, изблеченнымъ въ совершеніи уголовного преступленія, признается не утруждающею себя размышленіями газетой чѣмъ-то возмутительнымъ, долженствующимъ вызвать протестъ во имя «уваженія къ дворянскому достоинству». Едва ли даже въ разгаръ крѣпостного права нашелся бы публицистъ, настолько смѣлый и откровенный, чтобы возвести въ «перлъ созданія» допотопныя доктрины, достойныя развѣ дореформенныхъ Коробочекъ.

Надругательство надъ правами людей изъ крестьянской массы составляетъ до сихъ поръ столь заурядное явленіе, что его едва замѣчаютъ, а если когда и замѣчаютъ, то относятся къ нему съ равнодушіемъ. Лишь благодаря особымъ обстоятельствамъ въ петербургскомъ обществѣ нѣсколько дней поговорили объ арестѣ крестьянина за неснаніе шапки предъ земскимъ начальникомъ. Но вѣдь такихъ случаевъ сотни, если не тысячи; извѣстія о многихъ изъ нихъ попали въ печать, были прочтены и большинствомъ читателей забыты. Но будемъ довольны и малымъ. Хорошо уже и то, что въ петербургскомъ обществѣ хоть нѣсколько дней поговорили о неправильномъ арестѣ крестьянина.

Неудовлетворенность дѣятельностью земскихъ начальниковъ выражается иногда и въ официальныхъ документахъ, издаваемыхъ губернаторами. Такъ, бессарабскій губернаторъ, обревизовавъ дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ, издалъ по этому предмету циркуляръ, изъ котораго, между прочимъ, видно, что это дѣлопроизводство обременено массою дѣлъ. Число поступающихъ къ земскому начальнику дѣлъ колеблется отъ 30 до 300 въ мѣсяцъ, такъ что судебныя дѣла часто совершенно затрудняютъ исполне-

ніе административныхъ функцій. Разбирательство административныхъ дѣлъ отличается большимъ разнообразіемъ и неопредѣленностью, создающимъ для населенія много неудобствъ, причемъ нѣкоторые земскіе начальники оказываются склонными къ преувеличенной оцѣнкѣ своей власти и практикуютъ приемы, несогласные съ закономъ. Губернаторъ нашелъ необходимымъ также отмѣтить неумѣстность со стороны земскихъ начальниковъ давленія на избирателей и насилванія ихъ убѣжденій въ интересахъ того или другого кандидата на общественную должность (*Нед.*).

Въ *Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* опубликованъ сходный съ предъидущимъ циркуляръ мѣстнаго губернатора земскимъ начальникамъ. Изъ извѣщающихъ въ губернскомъ присутствіи свѣдѣній,—говорится въ циркулярѣ,—усматривается, что арестанты и кончившіе срокъ заключенія съ послѣдствіями по 48 и 49 ст. улож. о нак., не приняты обществомъ, нерѣдко задерживаются въ тюрьмахъ на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда до полугода, въ ожиданіи утвержденія о нихъ приговоровъ. То же самое замѣчается и въ отношеніи высылаемыхъ за порочное поведеніе изъ среды сельскихъ обществъ по приговорамъ послѣднихъ. Одной изъ главныхъ причинъ этого губернаторъ считаетъ медленность со стороны земскихъ начальниковъ въ производствѣ дѣлъ. Поэтому онъ предлагаетъ гг. земскимъ начальникамъ принять за правило, чтобы дѣла объ арестантахъ производились внѣ очереди и безъ задержанія, дабы со стороны земскихъ начальниковъ не было допущено нерадѣнія, которое могло бы повлечь за собою справедливое нареканіе въ недостаточномъ вниманіи къ дѣламъ этого рода, ибо промедленіе въ ихъ производствѣ имѣетъ послѣдствіемъ, независимо отъ разныхъ осложненій, и напрасное отягощеніе участи содержащихся подъ стражею лицъ.

Мы далеко не можемъ исчерпать ту часть нашего матеріала, которая свидѣтельствуетъ, что торжество хотя бы одной юридической правды (до котораго всецѣло уже достигла Западная Европа) составляетъ въ нашемъ отечествѣ еще лишь только desideratumъ лучшихъ людей страны. Характерно для нашего времени дѣло графа Мендозы и дѣло Дрейфуса и К°.

22 февраля въ тобольскомъ судѣ разсматривалось уголовное дѣло по обвиненію бывшаго земскаго засѣдателя графа Мендоза-де-Бателло, сельскаго врача Осетрова и солдатской дочери Бѣлослудцевой; послѣдняя обвинялась въ сокрытіи тѣла рожденнаго ею мертвого ребенка отъ графа Мендозы, а остальные—въ преступленіи по должности и въ подлогахъ по этому же дѣлу. Центральная фигурка всего этого дѣла—земскій засѣдатель графъ Мендоза. Назначенный на должность земскаго засѣдателя Ялуторовскаго округа, графъ поселился, вмѣстѣ съ своею женой, въ с. Исетскомъ и вскорѣ обратилъ свое вниманіе на солдатскую дочь, дѣвицу Бѣлослудцеву. О близкихъ отношеніяхъ графа къ Бѣлослудцевой знало все селеніе. Однажды, утромъ, около села былъ найденъ трупъ младенца, очевидно, недавно рожденнаго. Сельскія власти препроводили означенный трупъ совмѣстно съ рапортомъ къ земскому засѣдателю Мендозѣ. Мендоза приступилъ къ слѣд-

ствію... Онъ собралъ народъ и задалъ вопросъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ какую-нибудь личность въ селѣ, которая могла стѣсняться рожденіемъ ребенка и поэтому старалась бы скрыть это обстоятельство. На языкъ у мужичковъ, а въ особенности у бабъ, такъ и вертѣлось имя Бѣлослудцевой, но никто не посмѣлъ сказать это графу, зная его отношенія къ Бѣлослудцевой. И вотъ одинъ какой-то мужиченка называетъ какую-то Евтюгину, какъ тоже известную въ селѣ беременную дѣвушку. Мендоза потребовалъ, чтобы Евтюгину привели къ нему, и когда это было исполнено и та заявила, что она невиновна, поручилъ освидѣтельствовать ее не окружному врачу, какъ то надлежало, а сельскому врачу Осетрову, который занесъ въ протоколъ освидѣтельствованія, что Евтюгина разрѣшилась отъ бремени назадъ тому около недѣли. Графъ заключилъ ее подъ стражу и въ протоколѣ, единолично имъ подписанномъ, написалъ, что Евтюгина созналась врачу Осетрову, что найденный ребенокъ ею рожденъ и выброшенъ за село.

Между тѣмъ, Евтюгина упорно отрицала свою виновность и черезъ десять минутъ послѣ того, какъ была препровождена изъ земской квартиры подъ арестъ, попросила волостныхъ начальниковъ освидѣтельствовать ее черезъ повивальную бабу Еремину, такъ какъ она беременна на шестомъ мѣсяцѣ, что и подтвердилось вполнѣ. Въ народѣ начались толки, сильно встревожившіе Осетрова. Онъ является къ арестованной Евтюгиной, вновь производить надъ ней освидѣтельствованіе и заявляетъ, что свидѣтельствуемая беременна лишь на шестомъ мѣсяцѣ. Графу волею - неволею приходится освободить Евтюгину. Тогда онъ приказываетъ отыскать какую-нибудь родившую, чтобы замѣнить ею Евтюгину. Молва о похиженіяхъ земскаго засѣдателя доходитъ до губернскихъ властей; наряжается слѣдствіе, а затѣмъ и судъ. Послѣ недолгаго совѣщанія, судъ вынесъ резолюцію, которою, признавъ подсудимыхъ Мендозу и Осетрова виновными въ подлогѣ, приговорилъ ихъ къ ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію, а Бѣлослудцеву—виновную въ томъ, что она, волнуемая стыдомъ и страхомъ, скрыла мертворожденного ею младенца,—подвергнуть аресту на одинъ мѣсяць.

Какую надо имѣть большую увѣренность въ безгласіи народа, въ трудности для него найти правду, чтобы предпринять земскому засѣдателю указанной только что рядъ дѣйствій, когда онъ знаетъ, что всему селу, отъ мала до велика, известно, кому принадлежалъ брошенный ребенокъ!

Но еще болѣшую, несравненно болѣшую, наглость представляетъ собою недавно разбиравшееся въ одесскомъ судѣ дѣло торговой фирмы Дрейфуса и К°. Въ Россіи голодъ. Семнадцать губерній просятъ хлѣба, въ томъ числѣ Самарская. Самарское земство обращается къ крупной торговой фирмѣ и заключаетъ съ ней контрактъ на поставку хлѣба. Подвозъ фирмою хлѣба для голодающаго населенія начался. Въ Пензу и Самару пришли десятки вагоновъ съ надписью «хлѣбъ», на самомъ же дѣлѣ въ этихъ вагонахъ находился не хлѣбъ, а Богъ знаетъ что такое. Главною составною частью этого, такъ называемаго, «хлѣба» былъ *куколь*; затѣмъ *мина*, *известь*, *пе-*

сокъ, сорная трава, мыло и окурки папиросъ *). Куколь, всевозможный мусоръ и небольшое количество настоящего хлѣба «для прикрасы», вотъ что отправлялось въ Самару и Пензу по цѣнѣ 1 р. 7 к., 1 р. 15 к. за пудъ. Когда этотъ «хлѣбъ» выгружали, отъ него, по показаніямъ свидѣтелей на судѣ, поднимались такіе столбы пыли, что вблизи стоять нельзя было. Куколя, песку, глины, извести и другой всякой дряни обыкновенно примѣшивалось 20, 50, 60 процентовъ. Однажды (уже послѣ вѣщательства въ дѣло газетъ и прокурора) рѣшились въ Самарѣ провѣять полученный хлѣбъ, и что же? Только одинъ поѣздъ далъ до 8,000 пудовъ всякой дряни!

Не разбирайся это дѣло судомъ, трудно было бы повѣрить въ возможность такого наглаго, такого грубаго и открытаго мошенничества. Какимъ образомъ рассчитывала фирма, что ей сойдетъ даромъ такое громадное и открытое мошенничество? Объяснить этого я не умѣю. Но, очевидно, она рассчитывала на успѣхъ своей «торговой» операціи, иначе было бы совершенно бессмысленно предпринимать такую операцію.

Сколько людей присутствовало при выгрузкѣ хлѣба, при приѣмѣ его, а, между тѣмъ, на мошенничество обратили вниманіе лишь тогда, когда въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* появилась корреспонденція о качествѣ хлѣба, привезеннаго въ Самару для кормленія голодающаго народа. Невольно, при этомъ, вспоминается, что хищенія башкирскихъ земель были указаны правительству печатью, что та же печать раскрыла грандіозныя злоупотребленія въ хозяйствѣ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, сохранивъ, такимъ образомъ, казнѣ десятки милліоновъ рублей... да мало ли еще случаевъ, когда печать являлась почти единственнымъ контролеромъ общественныхъ дѣлъ. Вотъ это-то обстоятельство, — значеніе печати, вѣроятно, и упустила изъ виду торговая фирма Дрейфусъ и К°.

Въ странѣ, гдѣ народъ, недавно скинувшій ярмо крѣпостничества и только что вступающій на путь просвѣщенія, не научился еще отстаивать свои права и нарушение ихъ нерѣдко выносить безъ протеста, — въ такой странѣ трудно воспитывается чувство законности во всехъ классахъ общества. Прямое нарушение закона, а тѣмъ болѣе возможный обходъ закона представлять здѣсь самое обычное дѣло. Съ этимъ явленіемъ необходимо считаться законодателю. Изданіе при такихъ обстоятельствахъ закона, который легко обойти, почти равносильно отсутствію такого закона. Именно такая судьба постигла недавно изданный законъ противъ ростовщиковъ. Намѣренія законодателя были самыя благія, но добра отъ закона получилось не много. Отовсюду получаютъ извѣстія, что законъ противъ ростовщиковъ не спасаетъ населеніе отъ этихъ пауковъ. Не спа-

*) Куколь (заключающій въ себѣ весьма вредное вещество „салонинъ“), ранѣе, конечно, ни во что не цѣнившійся, благодаря явившемуся на него въ голодные годы спросу со стороны „хлѣбныхъ фабрикантовъ“, сталъ продаваться сначала по 5 коп. за пудъ, а затѣмъ дошелъ... до 50 коп. за пудъ! Транспортировка куколя явилась совсѣмъ новой рубрикой въ желѣзно-дорожныхъ книгахъ, новой статьей дохода.

саеть онъ даже горожанъ, имѣющихъ подъ бокомъ разныя ссудныя кассы, ломбарды. Что же можно сдѣлать противъ ростовщиковъ въ деревнѣ, которая является совершенно безпомощной въ этомъ отношеніи? Отсутствіе дешеваго кредита, вмѣстѣ съ насущною потребностью въ немъ, волей-неволей заставляетъ не только обращаться къ ростовщику, но и покрывать его. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ обращиковъ, сообщаемый *Орловскимъ Вѣстникомъ*. Въ Мценскомъ уѣздѣ есть деревни, которыя поголовно должны кулакамъ, уплачивая имъ ежегодно огромную контрибуцію въ видѣ очень высокихъ процентовъ. Новый законъ о ростовщичествѣ оказывается на практикѣ безсильнымъ въ борьбѣ съ ними. Проживающій въ Мценскѣ кабатчикъ М., ссужая мужиковъ деньгами, беретъ по 5 коп. на рубль въ мѣсяцъ, хотя въ роспискахъ и векселяхъ обыкновенно говорится, что заемъ сдѣланъ по 12 процентовъ годовыхъ; подобные встрѣчаются часто во многихъ волостяхъ уѣзда, но уличить ростовщика въ незаконныхъ дѣйствіяхъ рѣдко удастся, потому что должники рѣшаются, насколько хватать силъ, платить безпрекословно, собственно изъ опасенія получить отказъ въ денежной или натуральной помощи въ другое, трудное для крестьянина, время. Въ Мценскѣ, не говоря уже о множествѣ деревенскихъ кулаковъ, торговцы С. П — ь, Б. М — ь и др. ссужаютъ мукой и овсомъ за 60—100 процентовъ, почему и выйти должникамъ изъ кабалы, несмотря даже на хорошій урожай, рѣшительно нѣтъ возможности. Помимо закона о ростовщичествѣ, нужна и болѣе коренная мѣра. Нужно дать мужику возможность получать кредитъ на льготныхъ условіяхъ, и тогда ростовщики сами собой исчезнутъ.

Иногда газеты сообщаютъ подробнѣйшій адресъ ростовщика, а онъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ себѣ дѣйствовать безпрепятственно. Въ Самарѣ, — сообщаетъ, между прочимъ, мѣстная газета, — съ давнихъ поръ занимается ростовщичествомъ г. В., живущій на Самарской улицѣ, который слыветъ въ народѣ подъ именемъ «крѣпко-красно-рыжеватаго». Этотъ субъектъ, несмотря на изданный законъ о ростовщичествѣ, продолжаетъ выдавать ссуды подъ залогъ вещей, взимая 120% годовыхъ (10 коп. въ мѣсяцъ). Ссуды выдаются много ниже стоимости вещи, и если заложившій не выкупилъ въ срокъ вещи, она поступаетъ въ собственность «крѣпко-красно-рыжеватаго». При залогѣ съ залогодателя берется росписка о продажѣ вещи ростовщику и судиться поэтому съ нимъ невозможно.

Труднѣе обойти новый лѣсной законъ, но и тутъ злоупотребленій масса. Продѣлки лѣсопромышленниковъ въ обходъ лѣсного закона бывають иногда не лишены остроумія. Вотъ, напримѣръ, объ одной изъ такихъ продѣлокъ разсказъ уфимскаго корреспондента *Самарской Газеты*:

«Разговаривали лѣсопромышленники о томъ, что дѣла плохи стали. Результатомъ этого разговора было то, что лѣсопромышленники собрались на совѣщаніе по поводу постигшаго ихъ «несчастія». Оживленныя пренія вели между собою лѣсные хищники, но ни къ какому результату не при-

ходили, такъ какъ распоряженія дѣснаго комитета при всякихъ комбинаціяхъ являлись, все-таки, значительнымъ препятствіемъ.

«— Ну, что же ты-то молчишь?—спрашивали дѣльцы одного изъ своихъ товарищей, который не проронилъ ни одного слова.

«Г. Колотовъ прищурилъ по-кошачьи глазки, ехидно улыбнулся и отвѣтилъ:

«— Чего же говорить, когда у меня ефто распоряженіе комитета ужь обойдено.

«— Какъ такъ?

«— Быть не можетъ!

«— Говори скорѣй!

«— Да не таяи, рассказывай, ради Бога!—воскликнули собесѣдники въ одинъ голосъ.

«Но Колотовъ еще разъ хитро улыбнулся и процѣдилъ сквозь зубы:

«— Все ефто у меня устроено вродѣ того, какъ бы у Славянскаго.

«— Не бреш! Какой тутъ Славянскій?

«— Вѣрно говорю. Теперь постъ или нѣтъ?

«— Ну, постъ,—что изъ этого?

«— А Славянскій у насъ поеть?

«— Поеть.

«— Разрѣшеніе, значить, дали...—Но тутъ Колотовъ не выдержалъ и расхохотался.

«— Чего гогочешь, чего гогочешь? рассказывай!

«— Комитетъ-то постановилъ воспретить рубку, а я... ха-ха-ха!... ха-ха-ха!... копаю! Копать-то можно.

«Всѣ рты разинули отъ удивленія. Дѣло оказалось простымъ. Колотовъ не рубить дѣсь, а копаетъ съ корня. Запрещенія выкорчевывать нѣтъ, чѣмъ онъ и воспользовался, обойдя такимъ образомъ постановленіе дѣсоохранительнаго комитета. Примѣру его не замедлятъ, разумѣется, послѣдовать всѣ, а, между тѣмъ, втихомолку идетъ и рубка. У Колотова приготовлено довольно большое количество дѣса, который онъ надѣется раннею весною сплавить».

Закончимъ нашу хронику свѣтлою страницей изъ дѣятельности земства. Много добра своей родинѣ успѣли принести уже земскія учрежденія; и не послѣднее мѣсто среди этой благотворной дѣятельности занимаютъ тѣ *новыя начала*, начала высокаго гуманизма, съ которыми выступило земство въ дѣлѣ преобразованія психіатрическихъ заведеній. Извѣстно, что такое было и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ остаются общественныя заведенія для психически-больныхъ. Это были не больницы, гдѣ лечатъ людей, это были страшные «желтые дома», гдѣ больные не лечились, а мучились, гдѣ они подвергались истязаніямъ и жестокостямъ вплоть до сажанія на цѣпь. Земство, получивъ въ свое вѣдѣніе врачебное дѣло, немедленно занялось доставшимися ему въ наслѣдство казенными психіатрическими заведеніями, состоявшими въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго при-

зрѣнія. Но дѣло оказалось чрезвычайно сложнымъ. Не достаточно было измѣнить только правила обращенія съ больными и установить строгій надзоръ за исполненіемъ новыхъ правилъ,—нужно было устроить *настоящія* психіатрическія больницы, то-есть такія заведенія, гдѣ больные не только содержатся, но и дѣйствительно лечатся. Но чтобы подобныя заведенія могли призрѣть всѣхъ психически - больныхъ, для этого требовались такія денежные суммы, какими земства далеко не обладали. Даже тѣ земства, которыя могли затратить на устройство психіатрическихъ больницъ сотни тысячъ рублей, въ состояніи призрѣть лишь одного изъ пяти больныхъ. Въ среднемъ выводѣ, въ земскихъ губерніяхъ до сихъ поръ еще на каждую койку, имѣющуюся въ распоряженіи психіатрической лечебницы, приходится въ среднемъ 7 человекъ душевно - больныхъ, а въ неземскихъ губерніяхъ ихъ приходится 17 человекъ. *Минимумъ* умалишенныхъ въ Россіи считаютъ въ 87,000, что въ девять разъ превышаетъ число имѣющихся для ихъ призрѣнія мѣстъ. Слѣдовательно, около 80,000 умалишенныхъ находятся внѣ больницъ. Земство не можетъ, по своимъ денежнымъ средствамъ, выстроить такое количество психіатрическихъ заведеній, которыя вмѣстѣ бы все число умалишенныхъ, нуждающихся въ призрѣніи. А потому необходимость заставляетъ дѣлать выборъ между психически-больными при приѣмѣ ихъ въ больницу. Въ этомъ дѣлѣ земства, одно за другимъ, устанавливають тотъ принципъ, что предпочтеніе надо отдавать недавно заболѣвшимъ, такъ какъ психіатрическая практика показала, что умственные и душевные расстройства даютъ 50, 60, 70 и даже 80% излеченій въ первое полугодіе болѣзни, 25% во второе и только 2—5% въ теченіе второго года болѣзни. Такимъ образомъ, свѣжіе случаи умопомѣшательства имѣютъ большіе шансы на излеченіе; хроники же нуждаются лишь въ призрѣніи. А разъ нѣтъ возможности призрѣть всѣхъ психически-больныхъ, интересъ общества указываетъ на необходимость, хотя и печальную, отдавать предпочтеніе свѣжимъ случаямъ заболѣванія. Введеніе земствами въ практику этого принципа, приглашеніе къ завѣдыванію психіатрическими заведеніями извѣстныхъ специалистовъ, установленіе гуманнаго обращенія съ больными,—все это имѣло результатомъ, что прежніе «желтые дома» превращаются, въ рукахъ земства, въ настоящія психіатрическія больницы.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Школьное дѣло въ Московской губерніи. — Дѣятельность с.-петербургскаго комитета грамотности. — Общественное призрѣніе и сельско-хозяйственныя колоніи. — Петербургское общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. — Еще о невзгодахъ переселенцевъ. — Упреки по адресу земства. — Новый законъ о службѣ гражданской. — Юбилей П. Н. Обинскаго. — Н. М. Астыревъ.

Русская общественная работа послѣднихъ 5—6 лѣтъ обнаруживаетъ особенности, которыя не могутъ быть полмѣчены даже въ недалекомъ прошломъ. Лѣтъ 10 назадъ все вниманіе русскаго общества было занято вопросами о крупныхъ и мелкихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ, которыя могутъ поднять благосостояніе народа, особенно крестьянства. Народное образованіе также было предметомъ серьезнаго изученія, а мѣстами и серьезныхъ заботъ. Однако, господствовало почти полное единогласіе относительно того, что народное образованіе, какъ ни важно оно, имѣетъ второстепенное значеніе на ряду не только съ самыми крупными и общими, но даже и частными мѣрами въ области народнаго хозяйства. Теперь въ оцѣнкѣ этого предмета произошелъ замѣтный поворотъ. Никто, вдумывающійся въ условія народной жизни, не станетъ отрицать первоклассную важность крупныхъ экономическихъ мѣропріятій. Но каждый, разъ онъ не скользитъ по поверхности явленій, задаетъ вопросъ объ обстановкѣ, которая наиболѣе благоприятна для успѣшнаго вліянія всѣхъ этихъ мѣръ на русскій общественный бытъ. Кто додумался хотя бы только до того, чтобы поставить этотъ вопросъ, тотъ ясно видитъ, что невѣжество служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ при всѣхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію экономического быта, и что всѣ мѣры этого рода могутъ оказать гораздо болѣе благотворное вліяніе на массу народа, получившую въ грамотности важное условіе для умственнаго развитія. Это сознаніе, замѣтно окрѣпшее за послѣдніе годы, выразилось въ различныхъ формахъ. Оно выразилось въ томъ, что нѣкоторыя земства произвели всестороннія изслѣдованія грамотности населенія отдѣльныхъ уѣздовъ. Формой выраженія этого сознанія служитъ также все чаще и чаще выдвигаемый отдѣльными земствами вопросъ о томъ, какими средствами можно было бы въ скорѣйшемъ времени

осуществить идею всеобщаго обученія народа. Объ этомъ сознаниі говоритъ также оживившаяся дѣятельность частныхъ обществъ по народному образованію, особенно комитетовъ грамотности, московскаго, петербургскаго и харьковскаго. Ростъ этого сознаниа доказываетъ возрастающую зрѣлость нашей общественной мысли. И въ самомъ дѣлѣ, невѣжественная среда можетъ пассивно воспринять мысль о тѣхъ или другихъ перемѣнахъ въ общественномъ строѣ, но она неспособна оцѣнить такіа перемѣны, сознательно дорожить тѣмъ, что служитъ къ улучшенію народной жизни, и давать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что наиболѣе нужно для ея преуспѣянія.

Московское губернское земство, труды котораго уже давно и вполне справедливо признаются образцовыми, издало книгу о грамотности среди дѣтей школьнаго возраста двухъ уѣздовъ Московской губерніи — Московскаго и Можайскаго. Губернское земство, имѣя въ своемъ распоряженіи небольшое число статистиковъ, не считало возможнымъ изслѣдовать относительно грамотности всю губернію. Но оно не желало остановиться на изслѣдованіи только одного уѣзда, такъ какъ результаты подобнаго изслѣдованія носили бы частный характеръ и по нимъ нельзя было бы судить о положеніи дѣла въ остальныхъ уѣздахъ губерніи. Поэтому статистическое отдѣленіе московскаго губернскаго земства рѣшило произвести въ двухъ уѣздахъ сплошное изслѣдованіе школьнаго дѣла. Московскій и Можайскій уѣзды были выбраны потому, что они представляютъ противоположные полюсы: первый уѣздъ занимаетъ очень выгодное мѣсто въ отношеніи школьнаго дѣла, Можайскій же отличается крайнею отсталостью.

Изслѣдуя грамотность населенія школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ), московскіе статистики дѣлятъ его на три группы: учащихся, обучавшихся и неучащихся; въ послѣднюю группу отнесены тѣ, которые вовсе не учились, а потому являются вполне неграмотными. Въ Московскомъ уѣздѣ дѣти обоаго пола, принадлежащія къ послѣдней группѣ, составляютъ 49,6%, а въ Можайскомъ — 63,5%; именно неграмотныя дѣвочки поднимаютъ на такой высокій уровень число членовъ третьей группы: неучащіяся дѣвочки составляютъ въ Московскомъ уѣздѣ 64,7% общаго числа дѣвочекъ школьнаго возраста, а въ Можайскомъ уѣздѣ — 84,0%. А вовсе неграмотные мальчики составляютъ въ Можайскомъ уѣздѣ 42,2%, а въ Московскомъ — 35,2%. Интересны свѣдѣнія о возрастѣ дѣтей, которые «отучились», т. е. перестали учиться: въ обоихъ уѣздахъ наибольшее число (64—66%) приходится на возрастъ старше 12 лѣтъ; однако, мы находимъ значительный процентъ и въ гораздо болѣе юномъ возрастѣ: 13—14% перестаютъ учиться въ 11 лѣтъ или и ранѣе, а 22—23% въ 12 лѣтъ. Эти цифры выдають краткость періода, который крестьянскія дѣти могутъ проводить въ школѣ: хотя курсъ школь трехлѣтній, однако, большинство дѣтей оканчиваетъ свое ученье даже чрезъ 2 года.

Среди школь всѣхъ разрядовъ земскія занимаютъ въ обоихъ уѣздахъ выдающееся положеніе: изъ общаго числа учащихся и учившихся на земскія школы приходится 71,1% въ Московскомъ уѣздѣ и 44,6% — въ Можай-

скомъ. Школы другихъ разрядовъ занимаютъ въ обоихъ уѣздахъ не одно и то же мѣсто: въ Московскомъ на частныя и фабричныя школы приходится 13,2% учащихся и учившихся, на церковно-приходскія — 11,2%, и только 4,5% на школы грамоты. А въ Можайскомъ уѣздѣ на церковно-приходскія школы падаетъ 5,5%, на фабричныя и частныя разныхъ наименованій — 19,8% и 30,1%, на школы грамотности. Школы грамотности, являющіяся суррогатомъ правильной и хорошо организованной начальной школы, даютъ намъ очень пеструю картину учащаго персонала. Мы находимъ здѣсь священниковъ, псаломщиковъ, просвирень, мѣстныхъ крестьянъ, мѣщанъ, солдатъ и проч. Большое разнообразіе находимъ мы и относительно числа учащихся: оно колеблется между 7 и 30—35. То обстоятельство, что большое число учащихся въ школахъ грамотности приходится теперь на Можайскій уѣздъ, въ которомъ организованныя училища имѣются въ маломъ количествѣ, служитъ очень вѣскимъ доказательствомъ того, что крестьянское населеніе даже очень глухихъ мѣстностей въ настоящее время достаточно сознаетъ пользу обученія хотя бы только одной грамотѣ.

Статистики московскаго губернскаго земства, изучая извѣстный классъ общественныхъ явленій, стараются уяснить взглядъ самого народа на эти явленія. Покойный В. И. Орловъ, пользуясь этимъ способомъ при изученіи сельской общины, сообщилъ много драгоценныхъ данныхъ о воззрѣніяхъ народа на общину. И преемники Орлова всегда примѣняли этотъ способъ съ большимъ успѣхомъ. Крестьяне были подвергнуты многостороннему опросу относительно обученія дѣтей грамотѣ. Отвѣты опрашиваемыхъ прежде всего обнаружили различіе въ воззрѣніяхъ родителей на необходимость грамоты для мальчиковъ и дѣвочекъ. Мальчикамъ, по мнѣнію родителей, грамота можетъ пригодиться всюду: и въ промысловыхъ занятіяхъ, и при отбываніи воинской повинности, и при прохожденіи общественной службы. Къ обученію же дѣвочекъ многіе относятся отрицательно, ссылаясь на то, что такъ «не заведено», «не принято», «нѣтъ моды». Къ такимъ общимъ и неопредѣленнымъ отзывамъ присовокупляются иногда и точные расчеты той работы, которую дѣвочка, достигнувъ 10—11 лѣтъ, можетъ выполнить дома въ теченіе учебнаго года. Пряденье льна, мотанье бумаги, шитье перчатокъ, плетенье кружевъ — вотъ распространенныя въ Московской губерніи промыслы, при которыхъ родители пользуются трудомъ даже очень маленькихъ дѣвочекъ. Но есть и другая причина. Чтобы посылать дѣтей въ школу, нужно сдѣлать значительную затрату на одежду, которая, по расчетамъ И. П. Боголѣпова, стоитъ 10½—11 рублей. Сдѣлавъ такой расходъ на мальчика, многія семьи говорятъ, что имъ «не подѣ силу» посылать въ школу и дочерей.

Въ изданіи московскаго губернскаго земства весьма полно разработаны вопросъ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ многіе дѣти не обучались и не обучаются въ школахъ. Всѣ единичныя причины сведены къ 7 основнымъ классамъ. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ экономическимъ условіямъ: въ Московскомъ уѣздѣ по этой причинѣ не обучается 35,6% дѣтей,

а въ Можайскомъ — 35,9%. «Въ эту категорію, — говоритъ г. Боголѣповъ, — у насъ занесены вполнѣ однородные и совершенно ясные случаи необученія дѣтей — изъ-за бѣдности, по неимѣнію обуви и одежды, изъ-за невозможности платить за ученіе, по трудности обучать сразу двоихъ, хожденіе дѣтей по-міру, изъ-за необходимости работать или жить на сторонѣ... Подходя къ иному двору, приходилось заранѣе выслушивать отъ провожатаго или провожатой такое замѣчаніе, что «тутъ одна бѣднота живетъ, — гдѣ ей учиться!» Дѣйствительно, впечатлѣніе получилось такое, что кромѣ обуви и одежды у семьи отсутствуетъ также и что-то другое, пожалуй, еще болѣе важно, чѣмъ недостатокъ въ платьѣ или обуви. При изслѣдованіи было констатировано нѣсколько такихъ особенно краснорѣчивыхъ фактовъ, что въ нѣкоторыхъ и очень бѣдныхъ семьяхъ, все-таки, оказывались учащіяся. Такъ, извѣстны, наприм., случаи, что мальчикъ обучается въ школѣ, между тѣмъ мать его или же молодая сестренка ходятъ по-міру. Подобной энергіи въ семьяхъ первой категоріи совсѣмъ не замѣчалось; такимъ образомъ, указаніе на проживаніе въ томъ или иномъ домѣ «бѣдноты» было равносильно тому, что семья, вслѣдствіе своего стѣсненнаго хозяйственнаго положенія, совершенно утратила душевную бодрость». Дальнѣйшими важными причинами необученія дѣтей являются семейныя обстоятельства и болѣзни. Замѣтное мѣсто занимаютъ въ ряду причинъ также отдаленность школы и недостаточное школьное помѣщеніе, затрудняющее принять всѣхъ дѣтей, желающихъ поступить; вслѣдствіе этихъ причинъ не обучаются 14—15% дѣтей.

Изслѣдованіе постановки школьнаго дѣла въ двухъ уѣздахъ Московской губерніи побуждаетъ г. Боголѣпова проектировать новое распредѣленіе школьныхъ районовъ. При этомъ должны быть соблюдены два слѣдующихъ главныхъ условія: радіусъ каждаго района на долженъ превышать норму предѣльныхъ школьныхъ разстояній; второе же условіе то, чтобы число дворовъ и дѣтей обоого пола, приходящееся на одну школу, не было особенно велико. Земскіе статистики проектируютъ такое распредѣленіе школъ по деревнямъ, чтобы, по возможности, ни одно селеніе не отстояло дальше 3 версты отъ школы. Согласно съ этимъ планомъ они считаютъ безусловно необходимымъ открыть въ Московскомъ уѣздѣ еще 21 школу, а въ Можайскомъ — 22.

Изданіе московскаго земства поучительно не только потому, что даетъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ относительно состоянія народнаго образованія въ довольно обширномъ районѣ, но и потому, что даетъ яркое освѣщеніе и земской дѣятельности на этомъ поприщѣ до настоящаго времени и соображеній земства о томъ, что еще можетъ быть сдѣлано. Какъ ни много сдѣлано московскимъ земствомъ для народнаго образованія, однако, и здѣсь недостаетъ еще — въ каждомъ уѣздѣ десятковъ школъ и больше $\frac{1}{2}$ населенія школьнаго возраста не обучается грамотѣ. Сказанное о московскихъ земствахъ, можетъ быть распространено и на многія другія. Возьмемъ, напримѣръ, Орловскую губернію. Изъ свѣдѣній за послѣднее

десятилѣтіе (1883—1892) оказывается, что число школъ возросло съ 493 до 527, а число учащихся съ 29,463 до 37,156. Расходы на школьное дѣло обнаруживаютъ также правильный ростъ: въ 1883 году было израсходовано около 145,440 рублей, т.-е. въ среднемъ 293 р. 30 коп. на 1 школу и 4 р. 95 к. на 1 ученика, а въ 1892 году на всѣ земскія школы было затрачено 196,981 р. 13 коп., т.-е. по 368 р. 70 коп. на 1 школу и по 5 р. 29 к.—на 1 учащагося.

Таковы расходы на земскую школу. Дальнѣйшіе расходы необходимы, но насколько они не легки, доказывается жалобами на объединѣніе, доносящимися изъ разныхъ краевъ Русской земли. Содержаніе школъ грамоты обходится всего дешевле, нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, а, между тѣмъ, крестьяне сплошь и рядомъ затруднены при покрытіи и этихъ расходовъ. Такъ въ отчетѣ по Петербургской губерніи о состояніи этихъ школъ мы находимъ свѣдѣнія о крайнихъ нуждахъ, постигшихъ Петербургскую губернію, особенно Гдовскій и Новолодожскій уѣзды. Въ нѣкоторыхъ приходсахъ крестьяне такъ оскудѣли, что не могли не только содержать и отоплять школы, но даже давать дѣтямъ дневное пропитаніе. Правленіе епархіальнаго братства, завѣдующее этими школами, истощивъ свою кассу, было вынуждено обратиться къ частнымъ пожертвованіямъ для помощи крестьянамъ.

Уменьшеніе ресурсовъ, которые земство можетъ затрачивать на народное образованіе, тѣмъ болѣе прискорбно, что земская школа, подобно тому какъ народныя школы министерства народнаго просвѣщенія, далеко превосходятъ церковно-приходскія. Таковую оцѣнку мы находимъ и въ органахъ печати, склонныхъ отстаивать церковно-приходскія училища даже тамъ, гдѣ ихъ слабыя стороны, повидимому, не должны бы возбуждать сомнѣнія. Недавно въ *Гражданинѣ* была напечатана статья о церковно-приходскихъ школахъ въ юго-западномъ краѣ, за подписью: «свящ. І. Я.». Указывая на неудовлетворительную общую постановку дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ, авторъ говоритъ: «Завѣдующіе школами священники и учителя отлично поняли, что на одномъ «духѣ» далеко не уѣдешь, и если школа въ извѣстномъ году не представитъ нѣсколько учениковъ на экзамень для полученія льготныхъ свидѣтельствъ, то такую школу будутъ считать не вполне хорошою и завѣдующій ею священникъ несомнѣнно много потеряетъ во мнѣніи начальства... Мѣстныя народныя школы министерства народнаго просвѣщенія, обладая всегда отличными средствами, а потому и прекрасно поставленныя, ежегодно выпускаютъ оканчивающихъ курсъ со льготными свидѣтельствами десятками, и вотъ духовное вѣдомство со своими въ подавляющемъ большинствѣ вполне неблагоустроенными школами возжелало конкурировать съ ними... Эта погоня за льготными—такое великое зло для юной и скромной по своимъ средствамъ церковной школы и такъ глубоко уже вкоренилось и разъѣдаетъ ее, что не отмѣтить этого грустнаго явленія невозможно... Что можетъ хорошаго дать такая школа, если и въ будущемъ ее такъ же будутъ вести?»

Мы привели нѣсколько фактовъ изъ хроники нашего школьнаго дѣла. Возрастающее стремленіе къ образованію и бѣдность, дѣлающая для многихъ недоступною даже грамотность—вотъ условія, которыя и здѣсь, какъ повсюду, обнаруживаются съ полною ясностью. Важность дѣла и настоятельность нуждъ заставляютъ съ особенною признательностью отнестись къ дѣятельности комитетовъ грамотности. Передъ нами отчетъ петербургскаго комитета грамотности за 1893 годъ. Къ 1 января 1894 года онъ имѣлъ 644 члена, на 256 болѣе, чѣмъ въ началѣ предъидущаго года. Дѣятельность комитета выразилась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) Былъ открытъ сборъ пожертвованій на устройство, при содѣйствіи земствъ 100 бесплатныхъ народныхъ читаленъ, стоимостью не менѣе 250 рублей каждая; 2) Постановлено возбудить ходатайство о сокращеніи срока литературной собственности; 3) Обсуждался вопросъ о возможности продать начальной школѣ сельско-хозяйственный характеръ; 4) Изданы новыя дополнительныя правила комитета; 5) Бесплатно разослано 51,150 книгъ въ 446 мѣстъ; 6) Изданій комитета разослано на сумму около 4,000 рублей.

Таковы главные пункты дѣятельности общаго собранія и совѣта комитета грамотности. Но, главнымъ образомъ, дѣятельность комитета была сосредоточена въ комиссіяхъ, число которыхъ достигло въ прошломъ году 8. Комиссія по изданію книгъ для народнаго чтенія установила нѣкоторыя руководящія начала, заслуживающія полнаго вниманія. Комиссія сознаетъ, что книги, издаваемые для народа, должны быть дешевы; известно, что издатели, стремясь къ этой цѣли, печатаютъ на отвратительной бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ, урѣзываютъ авторскій гонораръ до крайнихъ предѣловъ. Осуждая приемы лубочниковъ, комиссія постановила не ухудшать для изданій комитета бумаги и шрифта, выдавать авторамъ гонораръ, снабжать, по мѣрѣ надобности, брошюры рисунками. И, при всемъ томъ, довольно большое число экземпляровъ позволяетъ пускать книги въ продажу по низкой цѣнѣ. Отмѣтимъ также вѣрный взглядъ, установленный комиссіей на научно-популярную литературу. Стараясь, при помощи ученыхъ специалистовъ и педагоговъ, пополнить пробѣлы, которые обнаруживаются въ научно-популярной литературѣ, комиссія рѣшила выработать систематическій планъ научно-популярныхъ изданій по всѣмъ отраслямъ знанія. По плану комиссіи, каждое отдѣльное изданіе должно представлять собою самостоятельное, вполне законченное цѣлое; совокупность же ихъ, по всякой отдѣльной наукѣ, должна полно и всесторонне исчерпывать содержаніе послѣдней. Комиссія стоитъ на вѣрномъ пути, опредѣляя свои задачи по литературному отдѣлу. По ея мнѣнію, слѣдуетъ приближать къ народу лучшія произведенія литературы, какъ русской, такъ и иностранной; «заботы же о созданіи специальной, такъ называемой «народной» литературы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ комитета и не совмѣстимы съ серьезнымъ отношеніемъ къ умственнымъ потребностямъ народа» (26).—Комиссія по отношенію систематическаго обзора русской народно-учебной литературы работала также съ большою энергіей. Она подготовила

въ печати 8 отдѣловъ *Обзора*—по педагогикѣ, родному языку, исторіи, географіи, медицинѣ съ гигиеной, гимнастикѣ, пѣнію, рисованію и ручному труду и приступить къ печатанію въ ближайшемъ будущемъ. Особая коммиссія дѣйствовала по оказанію помощи ученикамъ народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Не переставая печатать въ теченіе 1892—1893 года возванія къ благотворителямъ, коммиссія успѣла собрать 14,344 рубля, которые позволили ей проявить дѣятельность въ довольно широкихъ размѣрахъ. Помощь ученикамъ народныхъ школъ оказывалась въ 10 губерніяхъ: Воронежской, Вятской, Казанской, Курской, Орловской, Самарской, С.-Петербургской, Тобольской, Тульской и Харьковской, всего въ 30 уѣздахъ. Общее число столовавшихся учениковъ достигало 3,000, причѣмъ мѣсячная стоимость продовольствія, колебалась отъ 41 коп. (Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи) до 1 р. 32 коп.). Острогосекій уѣздъ, Воронежской, равнялся въ среднемъ почти 71 копейкѣ. Кромѣ названныхъ коммиссій, дѣйствовала коммиссія библиотечная, по изысканію денежныхъ средствъ, по изданію сочиненій Кольцова, по собиранію и разработкѣ свѣдѣній о положеніи народнаго образованія.

Отмѣчая энергическую и плодотворную дѣятельность петербургскаго комитета грамотности, мы особенно охотно указываемъ на то, что онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ много самыхъ разнообразныхъ силъ. Педагоги, литераторы, врачи, адвокаты, статистики, чиновники разныхъ вѣдомствъ, входя въ его составъ, неумоимо работали то въ коммиссіяхъ, то въ совѣтѣ, то въ общихъ собраніяхъ. Сочувствіе, возбуждаемое дѣятельностью комитета грамотности въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества, тѣмъ болѣе отрадно, что за эту работу не платятъ денегъ, не полагается никакихъ наградъ и внѣшнихъ отличій; здѣсь побужденіемъ къ труду служитъ только сознаніе пользы, которую приносятъ все, что содѣйствуетъ росту народнаго просвѣщенія.

Уже больше года работаетъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота коммиссія, учрежденная для пересмотра дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ. Мы имѣли случай рассмотреть проектъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ, выработанный этою коммиссіей (*Внутреннее обозрѣніе*, августъ 1893 г.); здѣсь же воснемся только составленнаго ею проекта общества по устройству сельскихъ колоній.

Общество ставитъ себѣ тройную цѣль: 1) устройство принудительныхъ работъ для лицъ, избравшихъ ремесломъ бродяжничество и нищенство; 2) предоставляетъ работы и занятія нуждающемуся трудовому населенію, лишенному средствъ къ существованію вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ и желающему работать; 3) устройство убѣжищъ для дѣтей, оставленныхъ на произволъ судьбы, а также для дѣтей, возвращающихся въ порочной средѣ, и дѣтей, страдающихъ отъ жестокаго обращенія родителей или родственниковъ; 4) устройство убѣжищъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Для достиженія этихъ цѣлей въ предѣлахъ избраннаго рай-

она общество устраиваетъ на принадлежащей ему землѣ колоніи и дома трудолюбія съ принудительными, а также добровольными работами. Помѣщаемыя въ эти учрежденія лица изучаютъ практически приемы рациональнаго сельскаго хозяйства во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и обучаются ремесламъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ общество организуетъ сельско-хозяйственныя и ремесленныя школы и устраиваетъ богадѣльни, больницы и приюты.

Не останавливаясь на организациі управленія, которая очень близко подходитъ къ строю многихъ благотворительныхъ обществъ, мы должны признать самую цѣль такихъ обществъ заслуживающею полного сочувствія. До сихъ поръ формой призрѣнія бѣдныхъ, которые получали пособія не на дому, служатъ дома трудолюбія, распространившіеся по всей Европѣ въ подражаніе англійскимъ образцамъ. Въ Англии и другихъ странахъ уже давно подмѣченъ фактъ, что многіе бѣдняки, достигнувъ самой крайней степени нужды, упорно отказываются поступить въ дома трудолюбія. Англійскіе писатели конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка объясняли такое отвращеніе отъ рабочихъ домовъ тѣснотой помѣщенія, нездоровостью и слишкомъ суровой дисциплиной. Въ этому присоединяется также чрезвычайное утомительное однообразіе работы. Если бѣдняки, которымъ предлагаютъ поступить въ такіе дома, слѣдуютъ приглашенію неохотно и то лишь въ силу крайней необходимости, то и съ точки зрѣнія политики и филантропіи дома трудолюбія представляютъ мало привлекательнаго. Дабы какъ-нибудь наполнить время обитателей, въ этихъ домахъ дѣлаютъ щетки, метелки и другія незначительныя вещи. Простота этихъ ремеслъ, возможность заниматься ими безъ всякой правильной подготовки позволяютъ доставлять эти вещи на рынокъ въ большомъ количествѣ, превышающемъ запросъ, понижать цѣны и дѣлать призрѣваемыхъ бѣдныхъ опасными соперниками работниковъ въ этихъ немудреныхъ промыслахъ. Убыточность содержанія домовъ трудолюбія является почти неустранимою особенностью этихъ учреждений. Возьмемъ для примѣра петербургскій домъ трудолюбія, основанный въ 1886 году. Каргузный промыселъ призрѣваемыхъ мужчинъ и шитье бѣлья женщинами даютъ 2—2½ тысячи рублей въ годъ дохода, а расходы составляютъ 3—3½ тысячи. Промыслы, которыми занимаются въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, подобныхъ домамъ трудолюбія, убыточны именно потому, что ведутся въ учрежденіяхъ этого рода. Пестрый составъ призрѣваемыхъ, пестрый по полу, возрасту, физической силѣ и трудовымъ навыкамъ, неопредѣленность срока и, обыкновенно, непродолжительность времени, въ теченіе котораго призрѣваемые связаны съ призрѣвающимъ ихъ учрежденіемъ, позволяютъ заниматься въ этихъ домахъ только самыми простыми и грубыми промыслами. Ничтожный заработокъ призрѣваемыхъ (10 коп. въ день) даетъ возможность содержать ихъ до послѣдней степени скудно. Скудное содержаніе и суровая дисциплина дѣлаютъ долю призрѣваемыхъ настолько незавидною, что многіе охотно уходятъ изъ дома трудолюбія, въ надеждѣ добыть прошеніемъ милостыни не менѣе того, что даетъ имъ призрѣвающее учрежденіе. Но если даже при-

зрѣваемый провелъ въ домѣ трудолюбія довольно долгое время, полгода, годъ—и тогда онъ не можетъ извлечь изъ учрежденія осязательную пользу: знакомя своихъ обитателей только съ самыми простыми ремеслами, домъ трудолюбія не даетъ имъ въ руки надежнаго источника дохода. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ благотворно дѣйствовать и на нравственность призрѣваемыхъ. Оставаясь въ немъ короткое время, многіе изъ обитателей, не имѣя привычки къ труду, не успѣваютъ и приобрести ее; только дисциплина учрежденія удерживаетъ ихъ въ извѣстной колѣѣ; разъ снята эта дисциплина—и каждая копѣйка относится въ кабакъ.

Въ сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ призрѣваемое населеніе ставится лицомъ къ лицу съ наиболѣе производительными промыслами. Если бы даже условія рынка не позволяли сбывать продукты такой колоніи по достаточно высокимъ цѣнамъ и доходность труда призрѣваемыхъ была невысока, то занятіе земледѣіемъ обезпечиваетъ домашнее удовлетвореніе главныхъ потребностей призрѣваемыхъ, что не можетъ быть достигнуто въ домахъ трудолюбія. Наконецъ, сельско-хозяйственная колонія имѣетъ много данныхъ для того, чтобы добрые трудовые навыки усвоивались тѣми призрѣваемыми, которые не имѣютъ этой привычки: работы разнообразны, равномерно упражняютъ все тѣло; питейный домъ не соблазняетъ своей красной вывѣской, которая въ городѣ встрѣчаешь почти на каждомъ шагу. Земледѣльческія колоніи могутъ стать просто благодѣтельными учрежденіями, если, при ихъ помощи, призрѣваемые будутъ получать прочную осѣдлость: участокъ земли, усадьбу, земледѣльческія орудія. Важность этихъ задачъ заставляетъ пожелать, чтобы возникла на первое время хотя одна такая колонія: если поставленная цѣль будетъ достигнута, то примѣръ найдетъ послѣдователей въ разныхъ уголкахъ Русской земли.

Отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія является однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ учреждений Петербурга. Учрежденный 1 декабря 1892 года при обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, отдѣлъ издалъ недавно свой отчетъ о дѣятельности за 1893 г. Въ концѣ 1893 г. отдѣлъ имѣлъ 50 участковыхъ попечителей, среди которыхъ мы находили профессоровъ, литераторовъ, врачей, адвокатовъ, 9 женщинъ. Въ предѣлахъ своего участка каждый попечитель имѣлъ надзоръ за фабрикантами, мастерскими, мелочными лавками и другими заведеніями, въ которыхъ наиболѣе часты нарушенія интересовъ дѣтей. Пользуясь, въ силу именныхъ открытых листовъ, правомъ доступа въ тѣ мѣста, гдѣ можетъ встрѣтиться необходимость защиты дѣтей, участковые попечители могли всесторонне разслѣдовать каждый сомнительный случай. Въ началѣ дѣятельность попечителей была связана съ трудностями: подмѣчалось недовѣріе со стороны лицъ, къ которымъ они обращались. Однако, благоразумная настойчивость попечителей и ихъ тактъ привели къ тому, что отдѣлъ началъ приобретать популярность среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія и явились случаи непосредственнаго обращенія къ защитѣ отдѣла. Участковые попечители дер-

жалісь вѣрнаго взгляда, что никакіе пріюты и убѣжища не могутъ замѣнить для дѣтей семьи и что при злоупотребленіи родителей властью нужно, прежде всего, воздѣйствовать на ихъ нравственное чувство и сознаніе. «Опытъ показалъ,—говоритъ отчетъ,—что зачастую жестокость и небрежность родителей обуславливается не нравственною ихъ испорченностью, а полною неумѣlostью и беспомощностью въ дѣлѣ правильнаго устроенія семейнаго обихода. Теплое, безъ претензій на наставничество, участіе попечителя, добрый совѣтъ и поддержка, регулярный надзоръ его за ребенкомъ настолько улучшали духовную сторону семейной обстановки, что не представлялось болѣе необходимости въ проявленіи со стороны отдѣла правъ на защиту. Изъ 32 случаевъ удостовѣреннаго разслѣдованіями тяжелаго положенія дѣтей 19 удалось разрѣшить вполнѣ мирнымъ путемъ и до такой степени цѣлесообразно, что отдѣлъ не имѣетъ основанія раскаиваться въ своемъ образѣ дѣйствій. За то въ остальныхъ 13 случаяхъ пришлось прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ и быстрымъ средствамъ: зло было слишкомъ велико и угрожающе. Здѣсь случалось наблюдать самыя крайнія проявленія своеволія и разврата, начиная съ безпричинныхъ хроническихъ побоевъ и кончая принужденіемъ дѣвочки-малютки въ торгу собой». Отчетъ приводитъ случаи безчеловѣчнаго обращенія съ дѣтми: жестокіе побои родителей или другихъ лицъ, вынужденіе проводить ночь внѣ дома, на морозѣ, въ одномъ платьѣ, изнуреніе голодомъ, тяжкія болѣзни дѣтей, искалѣченіе, покушеніе на самоубійство—вотъ что находимъ мы въ фактахъ, о которыхъ повѣствуетъ отчетъ. За отчетный годъ отдѣлъ обогатился важнымъ учрежденіемъ—временнымъ убѣжищемъ. Оно предназначено для призрѣнія тѣхъ дѣтей, защищаемыхъ отдѣломъ, которыхъ необходимо удалить изъ прежнихъ условій существованія. Такъ какъ денежныя средства отдѣла были незначительны, то начало убѣжищу было положено въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Весною 1893 года была прискана бездѣтная мѣщанская семья, добрая, трезвая, трудолюбивая, гдѣ хозяйка семьи обязалась давать, за скромную плату пріютъ, и попеченіе всемъ дѣтямъ, призрѣваемымъ отдѣломъ. А въ концѣ прошлаго года было открыто убѣжище на 10—12 дѣтей. Отдѣлъ принимаетъ мѣры къ его расширенію.

Сообщенныя нами свѣдѣнія о дѣятельности этого благотворительнаго учрежденія тѣмъ болѣе даютъ право рассчитывать на его дальнѣйшее развитіе, что въ немъ принимаютъ участіе члены разныхъ общественныхъ слоевъ, сознающіе особенную важность оказанія помощи дѣтямъ.

Едва открылась навигація по Волгѣ и Камѣ, какъ во многихъ губерніяхъ началось переселенческое движеніе, и на этотъ разъ сопряженное съ бѣдствіями, которыя выпадали на долю переселенцевъ въ предъидущіе годы. Съ первыхъ чиселъ мая въ газетахъ было напечатано нѣсколько телеграммъ о нуждѣ, постигшей переселенцевъ въ сравнительно неотдаленныхъ пунктахъ; такова, прежде всего, Казань. Вотъ телеграмма, которая была напечатана въ *Русской Жизни* отъ 20 мая: «Въ Казани накопились болѣе

пяти тысяч переселенцевъ, въ предѣлахъ возможности размѣстить ихъ въ баракахъ и ночлежныхъ домахъ; пою водопроводной водой, даю кипятокъ и учредилъ медицинскій надзоръ. Безусловно необходима матеріальная помощь и настоятельное требованіе къ пароходнымъ обществамъ, чтобы везли переселенцевъ въ Каму. Покорнѣйше прошу содѣйствія и матеріальной помощи, крайне необходимыхъ. Казанскій городской голова Дьяченко». Телеграмма была послана въ комитетъ общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. Это благотворительное общество переживаетъ то же, что приходится испытывать и всѣми другимъ: располагая ежегодно суммою въ 12—15,000 руб., оно сталкивается съ нуждою въ такихъ размѣрахъ, что необходимы милліоны для ея удовлетворенія.

Въ этой телеграммѣ обращаетъ на себя вниманіе требованіе г. Дьяченка о настоятельномъ побужденіи пароходныхъ обществъ перевозить переселенцевъ изъ Казани до Перми. Положеніе дѣлъ представляется въ такомъ видѣ. Пароходы, плавающіе по Камѣ, какъ и всѣ коммерческія предпріятія, заботятся, прежде всего, о той работѣ, которая наиболѣе прибыльна. Прибыльною работою является перевозка пассажировъ и грузовъ; перевозка же переселенцевъ, для которыхъ пароходныя общества установили очень низкій тарифъ, даетъ малыя выгоды. Результаты всего этого не заставляютъ себя ждать: какъ скоро въ Казани накопились многія тысячи переселенцевъ, такъ пароходы, торопясь съ перевозкою грузовъ, отводятъ мѣсто только для небольшого числа всѣхъ накопившихся переселенцевъ и многіе ждутъ 1½—2 недѣли своей очереди. Казанскій городской голова, озабоченный такимъ замедленіемъ въ перевозкѣ переселенцевъ, предлагаетъ обратиться къ пароходнымъ обществамъ съ «настоятельнымъ требованіемъ». Подъ этими словами можно разумѣть только одно—требованіе, чтобы правительство предписало пароходникамъ перевозить переселенцевъ предпочтительно предъ грузами или другими пассажирами, т.-е. промѣнять прибыльное занятіе на менѣе выгодное. Мы не оправдываемъ такого насилія надъ пароходными обществами. Въ общественной жизни обыкновенно бываетъ такъ, что каждое нарушеніе правъ легко влечетъ за собою и дальнѣйшія нарушенія. Въ нашемъ же отечествѣ они столь часты, что приходится высказаться противъ г. Дьяченка и въ защиту владѣльцевъ пароходовъ, плавающихъ по Камѣ. Можно было безъ большихъ затрудненій не допустить переселенцевъ до того тягостнаго положенія, которое они переживаютъ въ ожиданіи посадки на пароходы. Такъ какъ земскіе начальники ведутъ учетъ всѣмъ переселяющимся крестьянамъ, то извѣстно общее число лицъ, которыя переселяются въ данномъ году. Зная размѣры предстоящаго движенія, правительство можетъ заблаговременно арендовать нѣсколько пароходовъ и баржъ, плавающихъ по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ и пользоваться, съ самаго открытія навигаціи, этими судами для передвиженія переселенцевъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала навигаціи каждый пароходовладѣлецъ охотно пойдетъ на такую сдѣлку: у него еще есть впереди время, чтобы усилить перевозочныя средства, разъ онъ имѣетъ основаніе рассчитывать

на большое скопленіе грузовъ. Арендная цѣна можетъ быть опредѣлена для правительства безусловно съ принятіемъ въ расчетъ дѣйствующаго переселенческаго тарифа, числа душъ, которое поднимаетъ судно, и числа рейсовъ, которое оно должно сдѣлать въ теченіе лѣта. Конечно, въ ноябрѣ или декабрѣ все это можетъ быть безъ труда подготовлено къ апрѣлю. Но всѣ хлопоты не легко приводятъ къ цѣли, когда онѣ выпадаютъ на весну, при начавшемся переселенческомъ движеніи. И теперь единственнымъ правильнымъ исходомъ изъ этого невыгоднаго положенія является содѣйствіе правительства тому, чтобы переселенцы были поскорѣе передвинуты на мѣсто своего водворенія. Лучше истратить нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, лучше нанять пароходы и баржи дороже, нежели то было можно сдѣлать зимою, чѣмъ производить насиліе надъ пароходными обществами.

Затронувъ переселенческое движеніе, мы не можемъ пройти въ молчаніи мимо доклада, который П. Г. Сущинскій прочиталъ въ общемъ собраніи общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. Д-ръ Сущинскій пробылъ два года въ Тобольской губерніи; онъ лечилъ больныхъ и собиралъ статистическія свѣдѣнія о переселенцахъ. Его самоотверженная дѣятельность не обошлась для него безъ тяжелаго тифа. Дѣлая выводы изъ цѣлаго ряда наблюденій, г. Сущинскій говоритъ: 1) При отсутствіи въ Сибири земства и удовлетворительной постановки медицинскаго дѣла, до 1884 года, когда правительство впервые взяло на себя заботу о переселеніяхъ, медицинская помощь переселенцамъ или отсутствовала совершенно, или была крайне ничтожна. 2) Съ этого времени положеніе не измѣнилось къ лучшему въ виду незначительныхъ суммъ, отпускаемыхъ правительствомъ въ распоряженіе чиновниковъ, и по недостатку средствъ мѣстныхъ. 3) Съ того момента, когда переселеніе усилилось въ значительной степени, когда хлынула бѣднота, страдающая въ пути отъ голода и болѣзней, и возросла смертность, — выступила на помощь благотворительность сибирскаго населенія, движимаго состраданіемъ къ несчастью ближняго; были образованы мѣстные комитеты, на которые и выпала тяжелая и непосильная задача. 4) Извѣстное участіе печати, обнаружившее передъ русскимъ обществомъ бѣдствія переселенцевъ, вызвало нѣкоторое, хотя и слабое, вниманіе къ нимъ всей Россіи. Былъ открытъ сборъ пожертвованій въ пользу переселенцевъ, учреждено особое общество для вспоможенія имъ и пр. Но вся эта благотворительная дѣятельность была недостаточна. 5) Разсматривая результаты, можно только констатировать безсиліе этихъ попытокъ придти на помощь и ослабить бѣдствія переселенцевъ, какъ это обнаружилъ опытъ прошлыхъ лѣтъ. Частная благотворительность можетъ устранить нужды немногихъ тысячъ. Для охраненія же самыхъ существенныхъ интересовъ всей массы передвигающихся необходимы общегосударственные мѣры. Расходы государства на санитарное и медицинское дѣло искупаются, — говоритъ д-ръ Сущинскій, — сохраненіемъ тысячей жизней. «До сихъ поръ, — заключаетъ авторъ свой докладъ, — переселеніе въ Сибирь похоже на движущуюся армію здоровыхъ людей, которая, однако, исчезаетъ, какъ

на войнѣ, подѣ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій, встрѣчаемыхъ въ пути. Сохранить переселяющихся труженниковъ, чтобъ они явились на мѣсто съ возможно меньшими потерями, весьма важно для государства и должно явиться цѣлью колонизаціи».

Нѣтъ надобности пояснять, насколько правильны эти воззрѣнія. Вскорѣ послѣ г. Сущинскаго и также въ общемъ собраніи общества для вспоможенія переселенцамъ былъ прочитанъ докладъ г. Богданова о русскихъ переселенцахъ въ Бразиліи. Этотъ докладъ интересенъ особенно тѣмъ, что еще разъ проливаетъ свѣтъ на крайнее легковѣріе простыхъ людей, на готовность ихъ передвигаться за тридевять земель, когда ихъ воображенію рисуются заманчивыя, хотя бы и вовсе несбыточныя картины. Съ мая 1890 г. по мартъ 1891 г. изъ привислянскихъ губерній переселилось въ Бразилію около 40,000 душъ. Что побудило ихъ? Тяжкія условія жизни на родинѣ, съ одной стороны, и усердно распространяемые слухи о Бразиліи, какъ обѣтованной землѣ, — съ другой. «Распространились слухи, — говоритъ г. Богдановъ (его докладъ напечатанъ въ приложеніи къ № 136 *Русской Жизни* за нынѣшній годъ), — что папа купилъ въ Бразиліи земли, чтобы даромъ раздавать русскимъ католикамъ, и самъ выѣдетъ на Карарскіе острова благословить отъѣзжающихъ въ текущую млекою и медомъ обѣтованную землю, что въ городахъ Бразиліи все мужское населеніе перемерло отъ неизвѣстной повальной болѣзни, и на фабрикахъ, и заводахъ хозяева готовы давать баснословную заработную плату». Кто слѣдилъ за русскою печатью 2—3 года назадъ, тотъ припомнитъ, какъ эти легковѣрные были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Г. Богдановъ рассказалъ печальную повѣсть о томъ, какъ переселенцамъ не доплачивали за работу на новыхъ мѣстахъ, какъ имъ, вмѣсто денегъ, выдавали расписки, которыя лавочникъ учитывалъ, продавая съѣстные припасы вдвое и втрое дороже; какъ новоселы, особенно дѣти и женщины, умирали во множествѣ; какъ мѣстные чиновники ставили босыми ногами на битое стекло тѣхъ, кто пытался жаловаться... Всѣ эти факты, не сходные въ частности, но однородные, гдѣ бы ни приходилось наталкиваться на нихъ — въ Сибири или Бразиліи, служатъ вѣскимъ доказательствомъ двухъ явленій: 1) крайне угнетеннаго состоянія огромныхъ массъ населенія и 2) крайней умственной слабости, препятствующей видѣть небылицу даже въ самомъ грубомъ вымыслѣ. Обществу и правительственной власти должно быть очевидно, что если изъ сравнительно небольшого района, каковы привислянскія губерніи, въ теченіе только 10 мѣсяцевъ выселяются десятки тысячъ, то положеніе дѣйствительно тяжело, настоятельно нужны крупныя мѣры, чтобы хотя сколько-нибудь измѣнить къ лучшему быть многочисленныхъ массъ. Правительственной власти должно быть очевидно, что если нѣтъ грубаго вымысла, который не увлекъ бы этихъ людей, то должны быть, подобно западно-европейскимъ государствамъ (назовемъ, прежде всего, Англію и Германію), созданы правила, которыя руководили бы переселенческимъ движеніемъ, и органы, которые неуклонно наблюдали бы за исполненіемъ этихъ

правиль. И это въ равной мѣрѣ необходимо какъ во время движенія, такъ и по прибытіи переселенцевъ на мѣсто водворенія. Неупорядоченность перваго ведетъ къ тому скопленію переселенцевъ, которое мы уже не первый годъ, каждую весну наблюдаемъ въ Перми и Тюмени, а теперь въ Казані и Нижнемъ-Новгородѣ, и которое сказывается въ усиленной болѣзненности и смертности. А неупорядоченность второго порождаетъ напрасную трату силъ на такомъ мѣстѣ, которое вовсе непригодно для водворенія.

Подобную картину нарисовалъ намъ С. І. Залѣсскій, профессоръ Томскаго университета. Томскій губернаторъ пригласилъ г. Залѣскаго изслѣдовать нѣкоторыя переселенческія поселки относительно условій снабженія водою. Г. Залѣсскій объѣхалъ обширный районъ, начавъ отъ Барнаула и окончивъ Каинскомъ. Изслѣдователь нашелъ много поселковъ, бѣдныхъ водою вообще или, по крайней мѣрѣ, водою хорошаго качества. Но мѣстами вода совершенно негодна къ употребленію, а добываніе сколько-нибудь удовлетворительной воды поставлено въ самыя тягостныя условія. И такихъ селеній можно найти многіе десятки. Таково, наприм., селеніе Костинъ логъ, имѣющее болѣе 2,000 душъ. Это селеніе, возникшее въ 1881 году, начало быстро возрастать. Попытки первыхъ поселенцевъ запрудить сухой логъ и найти хорошую воду въ колодцахъ остались безуспѣшными. Но они, все-таки, не смущались и думали, что когда будетъ больше народа, то удастся устроить лучшія плотины и найти болѣе подходящія мѣста для колодцевъ. Наконецъ, набралось много народа, выстроили крѣпкія и массивныя плотины, стали повсюду рыть колодцы, но не нашли столько воды, сколько было нужно. Въ этомъ селеніи, по словамъ г. Залѣскаго, такъ много колодцевъ, что ихъ трудно даже пересчитать. Колодцы чрезвычайно глубоки: нѣкоторые достигаютъ 25, 27, 30 аршинъ и въ нихъ, все-таки, нѣтъ воды. Выкопать колодець стѣитъ 30—50 рублей. Уровень воды безостановочно понижается, и колодцы, содержавшіе воду 2—3 года назадъ, оказываются теперь пустыми. Безводье, какъ его описываетъ профессоръ Залѣсскій, представляетъ самую мрачную картину. «Недостатокъ воды для питья и пищи побуждаетъ нѣкоторыхъ жителей, особенно бѣдныхъ, которымъ не на что вырыть свои колодцы, къ тому, что они стараются получить ее различными, даже не всегда законными, оловными путями. Такъ, наприм., бабы ночью подбираются къ чужимъ колодцамъ и вычерпываютъ ихъ иногда до дна. Изъ-за этого происходятъ часто драки и насилія, такъ какъ владѣльцы колодцевъ какъ разъ выжидаютъ ночи, чтобы выбранная днемъ вода скопилась вновь за это время для ихъ личныхъ потребностей. Между тѣмъ, воду, добытую съ такимъ трудомъ и затратою матеріальныхъ средствъ и составляющую ихъ неотъемлемую собственность, перехватываютъ другіе... Въ самыя тяжелыя условія поставлены переселенцы, свѣжеприбывшіе на отведенные имъ участки. Не имѣя своихъ колодцевъ и не будучи допущены къ чужимъ, они должны ѣздить иногда за нѣсколько верстъ, чтобы безпрепятственно найти воду сколько-нибудь пригодную для нихъ и для ихъ скота»... Не нужно пояснять, насколько не-

нормальны эти условия. Нельзя устранить ихъ безъ очень крупныхъ затратъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ эти условия вовсе не могутъ быть устранены. Но всегда можно предотвратить ихъ: стоить только болѣе тщательно изслѣдовать участки земли, предназначенные для водворенія переселенцевъ, и направлять ихъ туда, гдѣ довольно воды и лѣса, столь необходимыхъ для правильного веденія хозяйства.

Кто хочетъ быть человѣкомъ, не отставшимъ отъ послѣдней моды, тотъ долженъ бранить городское и, особенно, земское самоуправленія. Такъ и дѣлаетъ нѣкто г. Ромеръ, напечатавшій за послѣднее время нѣсколько статей о русской деревнѣ. Завершеніемъ этихъ очерковъ, полныхъ сѣтованіями по поводу деревенскаго безлюдья, явилась статья подъ заглавіемъ: *Двойная роль земствъ* (*Новое Время* 1891 г., № 6528). Вся статья направлена на то, чтобы доказать, насколько земства бездѣтельны, насколько имъ чужды мѣры, способныя принести пользу населенію, и даже желаніе изучить его быть. Земство имѣетъ право ходатайствовать о мѣстныхъ нуждахъ, — говоритъ авторъ, — а, между тѣмъ, оно не пользуется своимъ правомъ. Ходатайствъ было довольно; но всѣ они или были не обоснованы, или касались маловажныхъ вопросовъ и обнаруживали полное непониманіе земствомъ мѣстныхъ нуждъ. Г. Ромеръ приводитъ одинъ примѣръ, чтобы доказать, какое значеніе могли бы имѣть ходатайства земства. «Если бы брянское и жиздринское уѣздныя земства знали, — знали съ цифрами и данными въ рукахъ, — какое значеніе имѣло для нихъ Мальцевское торгово-промышленное товарищество, если бы они, въ то же время и такъ же документально, знали точную стоимость имущества этого товарищества и если бы они, заручившись несокрушимою логикою цифръ, своевременно ходатайствовали передъ правительствомъ о томъ, чтобы товарищество не было выдано головою разнымъ банкамъ и кредиторамъ-грабителямъ, — можно ли предполагать, чтобы подобное ихъ ходатайство не было уважено?» Кто слѣдилъ за земскою дѣятельностью, тотъ припомнитъ длинный рядъ ходатайствъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ земскаго управленія, — народному образованію, медицинѣ, продовольственному и страховому дѣлу, переселеніямъ. Сюда слѣдуетъ приобщить и рядъ ходатайствъ болѣе общаго характера, которыя относятся къ 1880—81 годамъ. Но очень наивно предположеніе, что ходатайства были бы уважены, еслибъ они были обоснованы, если бы, говоря словами автора, земства ходатайствовали «съ цифрами въ рукахъ». Ходатайства обыкновенно подкрѣплялись цифрами, но, — возвращаясь къ предмету, о которомъ мы только что говорили, — если бы точныя статистическія данныя, положенныя въ основаніе ходатайствъ, ругались, что просьба будетъ уважена, то наше переселенческое дѣло было бы обставлено совсѣмъ иначе, чѣмъ въ настоящее время. Не забудемъ, что о немъ напоминали, писали, ходатайствовали многія лица и многія учрежденія. Печать въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ разработала вопросъ съ достаточною полнотой. Бывшее въ 1881 году особое совѣщаніе свѣдущихъ лю-

дей признало необходимость веденія этого дѣла въ широкихъ размѣрахъ и представило планъ, по которому оно должно быть построено. Чиновники, завѣдующіе переселенческимъ движеніемъ въ Сибири, изъ года въ годъ доставляютъ правительству обильный и тщательно подобранный матеріалъ, который доказываетъ, какъ много нужно сдѣлать для переселенцевъ и какъ еще мало дѣлается. А, между тѣмъ, мы очень далеки отъ такой постановки этой отрасли внутренней политики, чтобы считать дѣло поставленнымъ на желанный путь. Очень, поэтому, ошибается г. Ромеръ, если считать убѣдительность доводовъ достаточнымъ условіемъ для того, чтобы какой-либо крупный вопросъ общественной жизни получилъ удовлетворительное рѣшеніе.

Но въ названной статьѣ есть вещи, которыя вызываютъ въ читателѣ недоумѣніе и заставляютъ его спросить себя: чему слѣдуетъ въ особенности удивляться, невѣжеству ли г. Ромера, или его развязности, или, наконецъ, безцеремонности газеты, которая преподноситъ читателямъ такую галиматью? Авторъ самоувѣренно говоритъ, что земство не сдѣлало ничего для изученія быта населенія. «Ближайшее и детальное изученіе каждаго отдѣльнаго уголка, со всѣми его условіями и особенностями, не можетъ быть дѣломъ правительства, а доступно лишь представителямъ, лучшимъ людямъ самого уголка... Можетъ ли кто-либо съ увѣренностью твердо вести свое хозяйственное дѣло, пока не знакомъ какъ слѣдуетъ съ собственнымъ имуществомъ? А, вѣдь, именно подобный абсурдъ практикуется теперь, въ большей или меньшей степени, всѣми нашими земствами. Укажите мнѣ хотя на одно, которое систематически изучило бы собственную территорію и всѣ бытовые условія ея населенія. Если бы хотя нѣчто подобное было исполнено земствами,—конечно, мы бы не стояли цѣлый десятокъ лѣтъ въ безпомощномъ недоумѣніи передъ новою Эдиповою загадкой... о причинахъ нашего же «сѣдненія». Далѣе авторъ указываетъ на ожесточенные споры между сторонниками и врагами общиннаго владѣнія землей и сѣтуетъ, что «земство не откликнулось ничѣмъ, буквально ничѣмъ, словно и задачи никакой не существовало вовсе».

Повторяемъ, невѣжество и беззастѣнчивость автора безпримѣрны: онъ осмѣливается печатать такія строки послѣ того, какъ земская статистико-экономическая литература образовала уже цѣлую бібліотеку въ добрую тысячу томовъ, послѣ того, какъ въ 24 губерніяхъ всѣ стороны народной жизни подверглись внимательному изученію и послѣ того какъ эти изслѣдованія послужили матеріаломъ для нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятій: пониженія выкупныхъ платежей, организаціи крестьянскаго банка, продовольственнаго дѣла и пр.

Закономъ 6 мая 1894 года возстановленъ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, упраздненный въ 1858 году. Именной высочайшій указъ правительствующему сенату опредѣляетъ мотивы этого узаконенія слѣдующими словами: «По упраздненіи инспекторскаго департамента обязанности онаго распределены были между правительствующимъ сенатомъ,

центральными и губернскими учреждениями и, такимъ образомъ, прекращено было общее наблюдение за точнымъ исполненіемъ устава о гражданской службѣ и за примѣненіемъ относящихся къ сему предмету постановленій, а потому естественно устранилось и однообразіе въ направленіи дѣлъ, касающихся службы гражданскихъ чиновниковъ. Послѣдствіемъ указанной мѣры, какъ усмотрѣно нами изъ восходящихъ до насъ дѣлъ, явился цѣлый рядъ уклоненій отъ дѣйствующихъ правилъ о прохожденіи гражданской службы, и такія измѣненія, которыя, находясь въ противорѣчій съ основными постановленіями законодательства о службѣ, вносятъ въ такое не предусмотрѣнныя имъ начала». Законъ 6 мая устанавливаетъ порядокъ, согласно съ которымъ опредѣленіе на службу даже въ самыя низшія должности, перемѣщеніе чиновниковъ и увольненіе ихъ, въ какомъ бы вѣдомствѣ ни состоялись такія распоряженія, должны проходить черезъ особое центральное учрежденіе — комитетъ о службѣ чиновъ гражданскихъ и о наградахъ. Предсѣдателемъ этого комитета состоитъ канцлеръ орденовъ, должность котораго занимаетъ министръ Императорскаго Двора, а дѣлопроизводство по завѣдыванію гражданскими чинами сосредоточивается въ инспекторскомъ отдѣлѣ Собственной Его Величества канцеляріи. По закону 6 мая, никто не можетъ считаться назначеннымъ на должность или уволеннымъ отъ нея до восполнѣнія высочайшаго приказа. Однако, подлежащія начальства могутъ назначать на вакантные мѣста для исправленія должности, а равно увольнять чиновниковъ. Такимъ образомъ и до высочайшаго приказа лицо можетъ исправлять обязанности, относящіяся къ данной должности, и быть уволеннымъ отъ нихъ, но не можетъ въ первомъ случаѣ считаться назначеннымъ на должность, а во второмъ — получить аттестатъ объ увольненіи отъ нея.

Этотъ законъ вызвалъ разнообразныя толкованія въ чиновничьихъ кругахъ и, частью, въ печати. Мы считаемъ возможнымъ предсказать вліяніе закона 6 мая въ двухъ направленіяхъ: 1) Такъ какъ все передвиженія по государственной службѣ сосредоточиваются въ одномъ учрежденіи, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ большая медленность и въ назначеніи на должность, и въ увольненіи отъ нея: если при досельшнемъ распредѣленіи этихъ обязанностей по министерствамъ и вѣдомствамъ лицо, подавшее въ отставку, получало аттестатъ черезъ 1½ мѣсяца, то теперь оно будетъ получать его черезъ три, а лицо, ожидающее назначенія на должность, дождется его не черезъ два мѣсяца, а черезъ четыре. 2) Будутъ предотвращены тѣ случаи, когда назначаютъ на должность лицо, которое не удовлетворяетъ условій имущественнаго, сословнаго и образовательнаго ценза, связанныхъ съ должностью. Конечно, вѣроятное вліяніе закона въ этихъ обоихъ направленіяхъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ составѣ чиновниковъ и въ прохожденіи чиновниками ихъ служебнаго поприща. Первое вліяніе ограничивается только частною жизнью чиновниковъ, сферой ихъ удовольствія и неудовольствія. Вліяніе, отмѣченное нами подъ п. 2, также не имѣетъ существеннаго значенія. Строгое исполненіе требованій

относительно сословнаго и имущественнаго ценза вовсе не служить ручательствомъ за то, что должности занимаются лицами, наиболѣе пригодными для этихъ обязанностей. Это всего лучше доказывается изданнымъ недавно циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ отмѣчались случаи, что предводителями дворянства въ теченіе двухъ-трехъ трехлѣтій избираются лица, не принадлежащія къ потомственнымъ дворянамъ. Конечно, такое избраніе нарушаетъ законъ; но самый фактъ доказываетъ, что дворяне даннаго уѣзда считаютъ для себя полезнымъ лицо, которое не соответствуетъ требованіямъ о сословномъ цензѣ. Требования относительно образовательнаго ценза должны бы быть всего строже соблюдаемы при назначеніи на высшія должности, но порядокъ назначенія на эти должности не измѣненъ закономъ 6 мая. Составъ же чиновниковъ и предпочтеніе достойнѣйшихъ не обезпечивается новымъ закономъ потому, что представленія о назначеніи на должность и впредь, какъ теперь, будутъ исходить отъ подлежащихъ начальствъ, и инспекторскій департаментъ, не имѣя другихъ данныхъ для сужденія о представленномъ лицѣ, будетъ руководствоваться представленіями мѣстныхъ и центральныхъ вѣдомствъ.

9 мая происходило чествованіе П. Н. Обнинскаго, по случаю исполняющагося 35-ти лѣтія его литературной и общественной дѣятельности. П. Н. принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ цѣльнымъ, высоко-нравственнымъ людямъ, вся жизнь которыхъ является непрерывнымъ служеніемъ возвышеннымъ общественнымъ идеаламъ. Мировой посредникъ перваго призыва, онъ предоставилъ своимъ крѣпостнымъ даромъ лучшія земли въ своемъ имѣніи. Обширная литературная дѣятельность П. Н. всегда выдавала въ немъ вѣрнаго, стойкаго, убѣжденнаго питомца 60-хъ годовъ. Благотворительная дѣятельность и, особенно, предсѣдательствованіе въ московскомъ обществѣ попеченія о неимущихъ дѣтяхъ обнаруживаютъ въ немъ нѣжность души, горячее сочувствіе всѣмъ сирымъ и обездоленнымъ и большой организаторскій талантъ. Пожелаемъ ему добраго здоровья на много, много лѣтъ!

3 іюня скончался въ Москвѣ, въ пріютѣ при клиникѣ нервныхъ болѣзней, талантливый писатель, неутомимый и самоотверженный изслѣдователь народной жизни Николай Михайловичъ Астыревъ. Покойный сразу приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность статьями въ *Вѣстникъ Европы* (онъ вышелъ потомъ отдѣльною книгою) — *Въ волостныхъ писаряхъ*. Имъ произведено было много статистическихъ изслѣдованій въ Европейской Россіи и въ Сибири, онъ написалъ много статей и беллетристическихъ произведеній, которыя появлялись въ *Русской Мысли*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Не легко жилось Николаю Михайловичу послѣдніе годы. Злая чахотка, къ которой присоединился нервный ударъ, свела его въ могилу на тридцать седьмомъ году жизни. Вѣчная память гуманному, энергичному труженику на нивѣ народной!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ телеграфъ принесъ неожиданное извѣстіе о выходѣ въ отставку Стамбулова. Настоящій режимъ въ Болгаріи, съ принцемъ Кобургскимъ во главѣ, до такой степени признавался дѣломъ рукъ энергичнаго и неразборчиваго на средства болгарскаго министра-президента, что отставка или паденіе его кабинета могли показаться паденіемъ самаго режима. Стамбуловъ провелъ измѣненія конституціи, которыя исказили ея демократическій характеръ; опираясь на полицію и отчасти на войско, онъ держалъ населеніе «вѣдственной рукой», стѣсняя печать и преслѣдуя административными карами своихъ политическихъ противниковъ. Мѣра терпѣнія болгарскаго общества, наконецъ, переполнилась и принцъ Кобургскій встрѣтилъ достаточное сочувствіе и поддержку, чтобы принять вынужденную отставку Стамбулова. По извѣстіямъ газетъ, это событіе вызвало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровавыя столкновенія между сторонниками и врагами бывшаго министра-президента, но въ народѣ преобладаетъ чувство удовлетворенія. Новое министерство возстановило свободу печати, освободило политическихъ заключенныхъ. Этимъ мѣрамъ нельзя, конечно, не почувствовать, но слѣдуетъ прибавить, что неосновательно было бы ожидать теперь измѣненія болгарской политики въ международномъ отношеніи, — иными словами, примиренія княжества съ Россіей: наше правительство не хочетъ признавать законности избранія принца Кобургскаго на болгарскій престолъ, а, между тѣмъ, его положеніе оказывается болѣе прочнымъ, чѣмъ можно было предполагать.

Хорошо одно, что, вмѣсто заносчиваго и полнаго произвола правленія Стамбулова, почти осуществлявшаго идеаль правителя по теоріи *Московскихъ Вѣдомостей* или *Гражданина*, Болгарією будутъ править болѣе разумные и справедливые люди. Не отсюда, слѣдовательно, можетъ теперь выйти опасность для европейскаго мира. Въ виду печальныхъ событій въ Сербіи, гдѣ продолжаетъ хозяйничать Миланъ, это обстоятельство является особенно важнымъ. Въ Европѣ вообще и въ наиболѣе заинтересованномъ изъ западныхъ государствъ, т.-е. въ Австріи, въ частности, къ паденію Стамбулова отнеслись довольно равнодушно. Австро-Венгрія, впрочемъ, по-

гложена покуда внутренними дѣлами. Борьба съ чехами въ Цислейтаніи и съ румынами въ Транслейтаніи усложнилась было острымъ столкновениемъ министерства Векерле съ короною изъ-за вопроса о введеніи гражданского брака. Палата магнатовъ отвергла принятый палатою депутатовъ законопроектъ. Императоръ Францъ-Іосифъ отказался назначить новыхъ членовъ верхней палаты для перемѣщенія ея большинства. Въ придворныхъ сферахъ вообще питаютъ сильное нерасположеніе къ введенію въ Венгрію гражданского брака, къ кабинету Векерле вообще и къ министру юстиціи Силады въ особенности. Кабинетъ подалъ въ отставку. Грандіозныя манифестаціи въ честь Векерле и рѣшимость либеральной партіи твердо поддержать своего вождя заставили, однако, императора пойти на уступки. Векерле и Силады вновь стали во главѣ правительства, и шансы на проведение законопроекта увеличились.

Намъ приходилось уже упоминать, что въ данномъ случаѣ противъ либеральнаго министерства выступаетъ венгерское католическое духовенство. За духовенство стоятъ венгерскіе славяне, къ нимъ въ данномъ случаѣ присоединяются венгерскіе нѣмцы изъ Седмиградія. Послѣдніе не скрываютъ, что мотивомъ ихъ образа дѣйствія служитъ не религіозное чувство (они протестанты), а политическія соображенія, желаніе бороться съ мадьяризацией. И въ самомъ дѣлѣ, введеніе гражданского брака не нарушаетъ правъ ничьей религіозной совѣсти, потому что государство, считая этотъ бракъ достаточнымъ для людей всѣхъ вѣроисповѣданій, никому не мѣшаетъ освятить его по своему религіозному убѣжденію. Что же касается мѣръ,—и нерѣдко возмутительныхъ,—которыми венгерское правительство стремится обезличить другія національности, превратить въ мадьяръ славянъ, румынъ и нѣмцевъ, то читатели знаютъ, съ какимъ глубокимъ осужденіемъ относится къ нимъ лучшая часть западно-европейской печати. У насъ по этому поводу мечутъ на мадьяръ громъ и молнію въ особенности «консервативные» органы печати...

Чешская *Politik*, обсуждая клаузенбургскій процессъ, предостерегаетъ мадьяръ отъ послѣдствій политики, которая превращаетъ половину населенія въ ожесточеннаго врага другой половины. Держа власть въ своихъ рукахъ,—говоритъ *Politik*,—мадьяры могутъ еще нѣкоторое время сохранить свою гегемонію, но рассчитывать при такихъ условіяхъ на долгое и прочное господство—большое и опасное заблужденіе. Отъ печальныхъ послѣдствій нынѣшней правительственной системы въ Венгріи, по отношенію къ другимъ народностямъ, предостерегаетъ мадьяръ и дружественно расположенная къ нимъ берлинская *National-Zeitung*. Мѣрами строгости,—замѣчаетъ газета,—направленными къ подавленію законныхъ національныхъ стремленій, ничего добраго достигнуть нельзя. Можно,—прибавимъ мы,—достигнуть виѣшняго торжества. Все будетъ, повидимому, покойно, а въ глубинѣ угнетенныхъ славянъ и румынъ будетъ расти злое чувство, которое принесетъ горькіе плоды.

Въ Германіи, изъ которой раздаются голоса, призывающіе венгерское

правительство къ справедливости и терпимости, прошло въ рейхстагѣ предложеніе партіи центра, отмѣняющее законъ объ изгнаніи іезуитовъ. Читатели знаютъ, что мы всего менѣе питаемъ сочувствія къ стремленіямъ католическаго духовенства командовать въ государствѣ. Самымъ энергичнымъ орудіемъ въ этомъ стремленіи римско-католической церкви являются, какъ извѣстно, іезуиты; но съ духовными врагами надо бороться и духовными средствами. Призывать жандарма и полицейскаго для того, чтобы «пресѣчь» чужое убѣжденіе, значитъ выдать себѣ свидѣтельство въ государственномъ безсиліи. Князь Бисмаркъ своимъ закономъ противъ іезуитовъ такое свидѣтельство себѣ и выдалъ. За отмѣну этого закона, кромѣ, разумѣется, центра, подали голоса такіе непримиримые враги іезуитовъ, какъ вольномыслящіе и социаль-демократы. Германское правительство (союзный совѣтъ) относится, однако, несочувственно къ отмѣнѣ бисмарковскаго закона, — послѣдняго, если мы не ошибаемся, орудія знаменитой «культурной» борьбы, которую бывший имперскій канцлеръ, полицейскими средствами и съ такимъ выдающимся неуспѣхомъ, велъ противъ римско-католической церкви.

Важный законодательный вопросъ возбужденъ въ настоящее время въ Германіи вслѣдствіе того, что нѣкоторыя періодическія изданія привлекаются къ суду не въ мѣстѣ ихъ изданія. Помимо естественныхъ неудобствъ для редакторовъ, издателей и писателей, связанныхъ съ необходимостью ѣхать для защиты въ другой городъ, для германской печати, для значительной ея части, представляются невыгоды и другого рода: въ Баваріи, Вюртенбергѣ и Баденѣ преступленія печати судятся лучшею формой суда, — судомъ присяжныхъ, а въ Пруссіи судьями коронными. При высокомъ нравственномъ уровнѣ судейскаго персонала, при несмѣняемости судей и строгомъ разграниченіи суда отъ администраціи, печать вправѣ, разумѣется, рассчитывать на безпристрастные приговоры; но, помимо исключительныхъ случаевъ общественнаго возбужденія, еще большее обезпеченіе правосудія представляетъ судъ присяжныхъ.

Если за послѣднее время мало плодотворна законодательная дѣятельность въ Германіи, то еще менѣе богатою результатами является она во Франціи. Министерство Казиміра Перье, опредѣленно выступившее противъ и радикаловъ, и социалистовъ и обнаружившее большую уступчивость по отношенію къ клерикаламъ, потерпѣло пораженіе въ палатѣ депутатовъ и вышло въ отставку. Послѣ долгихъ переговоровъ и поисковъ, президентъ республики поручилъ составленіе новаго кабинета президенту палаты депутатовъ, Дююи, а на его мѣсто былъ избранъ бывший министръ-президентъ. Казиміръ Перье и Дююи, такимъ образомъ, лишь пересѣли. До выборовъ въ президенты республики остается нѣсколько мѣсяцевъ, и до того времени новый кабинетъ, вѣроятно, продержится.

Въ палатѣ депутатовъ въ минувшемъ маѣ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, но большинство высказалось за сохраненіе этого противухристіанскаго наказанія, и — странное дѣло! — въ пользу вар-

варскаго лишенія жизни высказались католики, противъ—радикалы. Предложено было уничтожить публичность смертной казни, но предложеніе было отвергнуто (нужно добавить, что этотъ законопроектъ девять лѣтъ тому назадъ принятъ сенатомъ). *Journal des Debats* горячо стоитъ за то, чтобы толпа не созывалась присутствовать при гильотированіи преступника, потому что это деморализируетъ ее. Но казнь, совершаемая втайнѣ, станетъ, пожалуй, еще ненавистнѣе, и поэтому правъ Клемансо, указывая на то, что лишать жизни преступника и безчеловѣчно, и не дѣйствительно, какъ средство устрашенія для другихъ.

Но двигаясь впередъ въ вопросахъ экономическаго и вообще культурнаго законодательства, нынѣшняя палата обнаруживаетъ (какъ и прежнія, впрочемъ) большое патриотическое одушевленіе и единодушіе, когда дѣло заходитъ о вопросахъ иностранной политики. Недавно было обнародовано соглашеніе между Англійей и Бельгіей, которыя безцеремонно подѣлили между собою африканскія земли, находящіяся подъ властью (номинальною) Турціи или входящія въ *сферу вліянія* Франціи. Въ палатѣ депутатовъ Французской республики былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото представилъ объясненія. Правительство, — сказалъ онъ, — заявило протестъ въ Лондонѣ и Брюсселѣ. «Франція постарается рѣшить этотъ вопросъ, сознавая свои права, желая и имѣя средства защитить ихъ» (*юрчія рукоплесканія*). На всякій случай приняты и военныя мѣры: «министръ колоній уже послалъ достаточное для охраны французскихъ интересовъ число войскъ, за которыми послѣдуютъ новыя подкрѣпленія. Дипломатія знаетъ, что ея задача—охранять права Франціи, и она выполнитъ эту задачу» (*тройной взрывъ рукоплесканій*). Послѣ рѣчи министра былъ предложенъ слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ: «Одобряя заявленія правительства и будучи убѣждена, что, опираясь на международныя обязательства, оно съумѣетъ заставить уважать права Франціи, палата переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Въ палатѣ присутствовало 527 депутатовъ и приведенная формула была принята *единогласно*.

Англія, по всей вѣроятности, пойдетъ на уступки, а Бельгію нечего и считать, тѣмъ болѣе, что противъ англо-бельгійскаго соглашенія выступила съ протестомъ и Германія. Хотя лордъ Розбери въ иностранной политикѣ и близокъ къ идеямъ консервативной партіи, но до серьезнаго столкновенія съ Франціей онъ едва ли рѣшится довести дѣло, тѣмъ болѣе, что у кабинета на рукахъ труднѣйшіе вопросы внутренней жизни, да и въ британскихъ колоніяхъ не все обстоитъ благополучно. Въ англійскихъ газетахъ (сначала въ *Spectator*) появились въ маѣ тревожныя извѣстія изъ Индіи. Газета сообщала, что эта колонія чуть ли не наканунѣ возстанія противъ британскаго владычества. Эти опасенія представляются намъ въ настоящее время совершенно неосновательными, но причинъ недовольства со стороны населенія Индіи не мало въ виду большой безцеремонности англичанъ, а вражда между магометанами и браманцами, о которой мы

говорили въ прошломъ году, можетъ вызвать кровопролитныя столкновенія. Разумная и справедливая политика не лишена, однако, средствъ предупредить такія столкновенія.

Франція не безосновательно считается богатѣйшею изъ странъ европейскаго материка. Арманъ Бреттъ *) вычисляетъ, что благотворительныя французскія учрежденія (госпитали и бюро благотворительности) владѣютъ годовымъ доходомъ въ 55 милліоновъ франковъ, что представляетъ собою капиталъ въ милліардъ, въ движимыхъ и недвижимыхъ цѣнностяхъ. Къ сожалѣнію, эти весьма значительныя средства тратятся далеко не всегда цѣлесообразно, что зависитъ отъ неудовлетворительной организаціи благотворительныхъ учреждений. Въ нѣкоторыхъ (и многихъ) мѣстностяхъ бюро благотворительности все увеличиваютъ свое имущество и очень мало расходуютъ на нужды населенія, сравнительно достаточно; въ другихъ общинахъ у бюро или мало средствъ, или такія бюро совсѣмъ не существуютъ: въ 1889 году изъ 36,139 французскихъ коммунъ бюро благотворительности дѣйствовали только въ 15,308. Въ числѣ двадцати слишкомъ тысячъ коммунъ, лишенныхъ этихъ учреждений, многія отличаются большою бѣдностью, а, между тѣмъ, до сихъ поръ не отмѣненъ законъ, который караетъ за подачу милостыни, въ какой бы то ни было формѣ, значительнымъ денежнымъ штрафомъ. А. Бреттъ вычислялъ, что въ шестнадцати департаментахъ всѣ расходы благотворительныхъ бюро не достигаютъ и половины ихъ доходовъ. Ненормальность такого порядка вещей бросается въ глаза. Если въ этихъ департаментахъ населеніе дѣйствительно пользуется высокимъ уровнемъ благосостоянія, то, вѣдь, въ сосѣднихъ департаментахъ нужда велика, средствъ для ея устраненія не хватаетъ въ то время, когда эти средства праздно лежатъ въ другомъ мѣстѣ.

А. Бреттъ требуетъ всесторонняго изслѣдованія постановки, круга дѣйствій и приѣмовъ организованной благотворительности. И несомнѣнно, что подобное изслѣдованіе, если оно будетъ вѣдено такъ, какъ ведется обыкновенно англійскимъ парламентомъ, выведетъ благотворительность во Франціи на вѣрную дорогу. Но всѣ крупныя демократическія реформы встрѣчаютъ у нынѣшнихъ французскихъ законодателей или недовѣріе, или рѣшительное противодѣйствіе.

Мы своевременно указывали на ходъ избирательной реформы въ Бельгіи, до сихъ поръ сильно отставшей въ этомъ отношеніи, благодаря высокому имущественному цензу для избирателей. За преобразование стоялъ и консервативный кабинетъ Бернаерта. Было внесено, между прочимъ, предложеніе о введеніи пропорціональнаго (населенію) представительства и за принятіе этого предложенія рѣшительно выступило правительство. Когда, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе оппозиціи клерикаловъ и консерваторовъ, про-

*) Свѣдѣнія эти А. Бреттъ сообщилъ въ докладѣ, который былъ прочитанъ въ собраніи *Демократической лиги учебныхъ заведеній (Ligue démocratique des écoles)*.

порціональное представительство было отвергнуто, кабинет вышелъ въ отставку, и новое министерство, съ Бюрле во главѣ, рѣшило отложить разсмотрѣніе этого вопроса до общихъ выборовъ въ парламентъ, которые произойдутъ въ октябрѣ (по преобразованной уже въ другихъ отношеніяхъ избирательной системѣ, приближающей ее ко всеобщей подачѣ голосовъ). Но вождь бельгійскихъ прогрессистовъ, Феронъ, настоялъ на обсужденіи проекта пропорціональнаго представительства во второй разъ въ нынѣшней палатѣ депутатовъ. Предложеніе Ферона послѣ долгихъ преній было отвергнуто большинствомъ 61 голоса противъ 31, причемъ 37 депутатовъ воздержались отъ подачи голоса. Эти тридцать семь депутатовъ, въ томъ числѣ и министры, всѣ принадлежатъ къ сторонникамъ пропорціональнаго представительства, только считаютъ введеніе его несвоевременнымъ. Между тѣмъ, движеніе въ пользу такого представительства все усиливается, несмотря на ожесточенное противодѣйствіе клерикаловъ съ Вѣсте во главѣ.

Потерпѣла неудачу и реформа избирательной системы въ Голландіи. По проекту либеральнаго министерства Такъ-ванъ-Поортвилта, число избирателей должно было увеличиться съ трехъ сотъ тысячъ до семисотъ (взрослыхъ и правоспособныхъ мужчинъ въ Голландіи считается болѣе милліона). Клерикалы и консерваторы и здѣсь выступили противъ этой необходимой и справедливой реформы, несмотря на всю ея осторожность и умѣренность. Съ другой стороны, радикалы не шли на уступки и требовали немедленнаго введенія всеобщей подачи голосовъ. Правительственный законопроектъ остался въ меньшинствѣ (за него было подано 41 противъ 57 голосовъ).

Теперь во главѣ голландскаго правительства стоятъ Рёлль (Röll). Новый кабинетъ не отказался отъ избирательной реформы, но ищетъ поддержки у клерикаловъ, откладываетъ реформу и, во всякомъ случаѣ, не будетъ настаивать на многихъ изъ тѣхъ существенно важныхъ пунктовъ, которые выдвигала программа либеральнаго министерства.

Важные избирательные законопроекты внесены и въ британскій парламентъ. Они имѣютъ въ виду облегченіе избирателямъ пользованія ихъ политическими правами. Проектъ, внесенный Джономъ Морлеемъ, сокращаетъ срокъ пребыванія въ опредѣленной мѣстности, необходимый для того, чтобы избиратель былъ занесенъ въ списокъ, до трехъ мѣсяцевъ (списокъ долженъ провѣряться два раза въ годъ). Второе предложеніе заключается въ томъ, чтобы невзносъ мѣстныхъ налоговъ не велъ, какъ теперь, къ лишенію гражданина его политическихъ (избирательныхъ) правъ. Въ настоящее время бываетъ, что жилецъ уплатилъ наемную плату, но собственникъ не внесъ слѣдующихъ съ него податей, почему не попадаетъ въ избирательный списокъ и жилецъ. Далѣе, по проекту Морлея, устанавливается для выборовъ одинъ день для всего государства. Это наноситъ ударъ многократной подачѣ голоса однимъ лицомъ, противъ чего направлены и другія постановленія законопроекта. Джонъ Морлей стоитъ за то разумное и простое начало, по которому у одного избирателя долженъ быть и одинъ голосъ (*one man, one vote*).

Эти демократическія реформы вызовутъ, по всей вѣроятности, сильное противодѣйствіе со стороны консерваторовъ, но любопытно будетъ при обсужденіи законопроекта положеніе нынѣшнихъ союзниковъ консервативной партіи, либераловъ-унионистовъ и радикаловъ чемберленовскаго оттѣнка.

Большое негодованіе со стороны англиканскаго духовенства вызвалъ билль, отмѣняющій государственную церковь въ Валлисѣ (*Welsh Disestablishment bill*). Этотъ билль, котораго давно уже добивалось населеніе Валлиса, отмѣняется несправедливый порядокъ вещей: жители неангликанскаго вѣроисповѣданія должны были платить налоги на содержаніе англиканскаго духовенства и его учреждений. Билль, представленный министромъ внутреннихъ дѣлъ Асквитомъ, нанося существенный ударъ положенію и имущественнымъ интересамъ англиканской церкви въ Валлисѣ, косвенно задѣваетъ ея интересы и въ самой Англій. За отмѣною официальной церкви сначала въ Ирландіи, теперь въ Валлисѣ, облегчается и борьба за отмѣну государственной церкви вообще. Миланская *Perseveranza*, обсуждая билль Асквита, напоминаетъ, что отдѣленіе церкви отъ государства стояло въ программѣ Чемберлена въ 1885 году, что сочувствіе этому отдѣленію высказывалъ и Гартингтонъ, нынѣ герцогъ Девонширскій и предводитель либераловъ-унионистовъ.

Читатели знаютъ, что въ Швейцаріи на непосредственное рѣшеніе всеобщаго народнаго голосованія было внесено предложеніе признать за каждымъ швейцарскимъ гражданиномъ право на трудъ,—иными словами, обязать государство, кантонъ или общину давать платную работу каждому лицу, которое въ ней нуждается. 22 мая это голосованіе произошло. Оказалось, что въ пользу предложенія подали голосъ только 85,000 гражданъ, противъ—300,000. Большинства *право на трудъ* не получило ни въ одномъ кантонѣ.

Первое десятилѣтіе общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ *).

Желаніе, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать дѣлу призрѣнія и воспитанія дѣтей бѣдствующей части населенія столицы побудило нѣкоторыхъ лицъ основать въ Москвѣ пріютъ для дѣтей женскаго пола, которыя, будучи приняты въ возможно меньшемъ возрастѣ, получили бы бесплатно воспитаніе и обученіе, могущія приготовить ихъ къ самостоятельно-трудо­вой жизни.

7 декабря 1883 года, согласно разрѣшенію московскаго генералъ-губернатора, былъ открытъ пріютъ на 20 воспитанницъ, въ который поступило 19 воспитанницъ, въ возрастѣ отъ 5 до 11 лѣтъ; пріютъ былъ помѣщенъ на 3 Мѣщанской, въ домѣ Можеской. Среди лицъ, сочувствовавшихъ возникновенію вышеуказаннаго пріюта, было собрано 14,664 рубля, и эта, сравнительно незначительная, сумма предназначалась какъ на об­заведеніе пріюта, такъ и на его содержаніе.

Забота о дальнѣйшемъ существованіи пріюта привела къ мысли учредить общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, которое, принявъ пріютъ въ свое вѣдѣніе, призвало бы на помощь этому дѣлу частную благотворительность.

29 декабря 1883 года послѣдовало установленное закономъ утвержденіе устава этого общества, а въ концѣ февраля 1884 года правленіе общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ приступило къ веденію дѣлъ общества.

Въ составъ правленія, избраннаго на первое трехлѣтіе, вошли: предсѣдатель Иванъ Александровичъ Бошелевъ, товарищъ предсѣдателя гр. Эмилія Алексѣевна Капнистъ, завѣдующая пріютомъ княжна Марія Александровна Ливенъ, члены правленія: Марія Александровна Мамонтова, княжна Елизавета Владиміровна Оболенская, Екатерина Николаевна Самарина, Пла-

*) Отчетъ правленія общества попеченія о бѣдныхъ безпріютныхъ дѣтяхъ. Съ удовольствіемъ печатаемъ его, надѣясь вызвать сочувствіе къ дѣятельности этого полезнаго и разумно поставленнаго учрежденія.

товъ Алексѣевичъ Богдановъ, Николай Карловичъ Фонъ-Меккъ, Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Анатолий Ильичъ Чайковскій, казначей Владиміръ Владиміровичъ Кошинъ и секретарь Николай Николаевичъ Бахметевъ.

Принявъ въ свое вѣдѣніе пріютъ, правленіе нашло нужнымъ внутреннее устройство пріюта примѣнить возможно болѣе къ той средѣ, исключительно изъ которой дѣти должны приниматься въ пріютъ, прибѣгнуть къ возможно большому упрощенію помѣщенія, одежды, пищи дѣтей, удалить изъ пріюта все лишнее, не соответствующее подготовленію дѣтей къ рабочей, трудовой и для большинства изъ нихъ, несомнѣнно, суровой жизни, такъ какъ общество поставило себѣ цѣлью оказывать помощь нуждамъ только понистинѣ бѣдствующихъ дѣтей. Изъ принятыхъ тогда въ пріютъ 19 дѣтей 8 было сиротъ, а положеніе остальныхъ одиннадцати должно быть признано еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ они имѣли или несчастныхъ, или дурныхъ родителей, и всѣ эти дѣти были взяты изъ ужасающихъ нравственныхъ и матеріальныхъ условій жизни.

Въ іюль 1884 года пріютъ общества былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, на Остоженку, въ домъ Дмитревской, нанятое за 900 рублей.

Озабочиваясь обученіемъ призрѣваемыхъ дѣтей грамотѣ и не имѣя возможности посылать ихъ въ сосѣднее городское училище, такъ какъ оказалось, что городскія училища переполнены, да и въ будущемъ году нельзя было рассчитывать на помѣщеніе въ одно какое-нибудь изъ училищъ всѣхъ призрѣваемыхъ, правленіе рѣшило открыть свое начальное училище.

Для этой цѣли было нанято за 350 руб. особое помѣщеніе, вблизи пріюта, преподаваніе же приняли на себя бесплатно нѣкоторые изъ членовъ общества.

Въ теченіе десяти лѣтъ школа общества постоянно пользовалась безвозмезднымъ преподаваніемъ, и, подъ руководствомъ Софьи Николаевны Фишеръ, въ ней занимались съ дѣтьми члены общества: Е. С. Ивашкина, М. Н. Кривоблоцкая, А. А. Маклакова, Е. А. Маклакова, И. Н. Мамонтова, А. Н. Михнева, О. Д. Павловичъ, В. В. Пустошкина, Е. В. Рахманова, В. М. Ремезова, В. Н. Харузина, Е. Н. Харузина, Е. И. Унковская, Т. М. Чернинова, Е. В. Цингеръ, Н. П. Щепотьева.

6 декабря 1884 года, получивъ установленное разрѣшеніе, правленіе открыло училище согласно съ программой министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ начальныхъ училищъ.

Въ томъ же году принятіемъ на себя Софьей Николаевной Фишеръ заботъ о веденіи учебнаго дѣла дальнѣйшее правильное развитіе училища было вполне обезпечено.

Завѣдываніе санитарною частью пріюта и безвозмездное леченіе призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей въ томъ же году принялъ на себя докторъ медицины Николай Викентьевичъ Яблоковъ, и его энергичной дѣятельности и постояннымъ въ теченіе десяти лѣтъ заботамъ о здоровьѣ призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей общество обязано правильною постановкой санитарной части пріюта.

Въ ноябрѣ 1884 года, на мѣсто выывшей княжны Маріи Александровны Ливень, завѣдующей пріютомъ была избрана Марія Алексѣевна Лопухина и помощницей завѣдующей пріютомъ была избрана Анна Федорова Ремезова.

Несмотря на произведенные за годъ расходы, средства общества, благодаря различными поступленіямъ, выразились въ суммѣ 14,606 рублей 36 коп.

Въ томъ же 1884 году правленіе выдало временныхъ пособій всего 90 рублей.

Кромѣ того, въ томъ же году 14 дѣтей было принято членами общества на свое попеченіе.

Не имѣя возможности приступить къ образованію основнаго капитала, общество рѣшило распредѣлять наличныя средства такъ, чтобы ихъ, не считая новыхъ поступленій и не сокращая расходовъ, хватало на два послѣдующіе года, и этимъ постановленіемъ оно руководилось при всѣхъ дальнѣйшихъ смѣтныхъ соображеніяхъ.

Въ 1885 году, въ виду отказа Ивана Александровича Кошелева отъ должности предсѣдателя правленія и Владиміра Владиміровича Коншина отъ должности казначея общества, были избраны предсѣдателемъ правленія князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и казначеемъ Николай Карловичъ Фонъ-Меккъ.

Въ 1885 году правленіе приступило къ осуществленію своей завѣтной цѣли, къ открытію мужского отдѣленія пріюта, числомъ приблизительно на 15 мальчиковъ.

Постоянно расширяя свою дѣятельность, общество за 1885 и 1886 годахъ увеличило число призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей до 30 слишкомъ, причеиъ подъ пріютъ былъ нанятъ весь домъ Дмитревской и туда же была переведена школа общества, такъ что за помѣщеніе пришлось платить, вмѣсто прежнихъ 900 руб., 1,800 руб.

За эти же годы число дѣтей, находящихся на попеченіи членовъ общества, возросло до 20 и, кромѣ того, въ прежней размѣрѣ продолжалась выдача временныхъ пособій.

Средства же общества къ 1 января 1887 года, когда пріютъ и школа были вполне благоустроены, составляли 10,855 руб. 81 коп., что давало возможность обществу и въ послѣдующее время не сокращать своей дѣятельности.

Въ 1887 году, въ виду истекшаго трехлѣтія, было избрано правленіе въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель кн. Николай Петровичъ Трубецкой, товарищъ предсѣдателя гр. Эмилія Алексѣевна Капнисть, члены правленія: Марія Александровна Мамонтова, княжна Елизавета Владиміровна Оболенская, княжна Марія Николаевна Оболенская, Владиміръ Никитичъ Даль, Вячеславъ Симфоріановичъ Кохманскій, Митрофанъ Нидовичъ Ремезовъ, кандидаты: Марія Ивановна Флерова, Сергѣй Петровичъ Губонинъ, Генрихъ Борисовичъ Шютцъ, завѣдующая пріютомъ Анна Николаевна Унговская,

помощница Анна Федоровна Ремезова, попечительницей школы Софья Николаевна Фишеръ, казначей Николай Карлович Фонъ-Меккъ, кандидатъ на должность казначея Николай Григорьевичъ Высотскій, секретарь Николай Николаевичъ Бахметевъ, кандидатъ на должность секретаря Сергѣй Дмитриевичъ Исаенковъ.

Въ 1887 году средства общества увеличились на 1,854 руб. 06 коп., число же призрѣваемыхъ достигло до 37, изъ которыхъ трое, по достиженіи соотвѣтствующаго возраста, были пристроены въ различныя мастерскія съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣти, помѣщаемыя въ мастерскія, до окончанія обученія находились на постоянномъ попеченіи членовъ общества.

Въ 1888 и 1889 годахъ, какъ и въ предшествующій годъ, число призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей достигло до 37 и, вромѣ того, къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ было пристроено 9 призрѣваемыхъ.

Въ 1888 году, на мѣсто выбывшихъ изъ числа членовъ правленія, были избраны: казначеемъ Андрей Романовичъ Циммерманъ, кандидатомъ на должность казначея Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, секретаремъ Сергѣй Дмитриевичъ Исаенковъ, кандидатомъ Константинъ Ивановичъ Тумскій и въ члены правленія Николай Аркадьевичъ Журавлевъ и Александръ Францовичъ Красовскій.

Въ 1889 году пріютъ былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, на Дѣвичье поле, въ домѣ Лаврова, нанятое за 2,000 р., такъ какъ прежнее помѣщеніе, при постоянно возрастающемъ числѣ призрѣваемыхъ, оказывалось уже недостаточно удобнымъ. Высокія, свѣтлыя спальни новаго помѣщенія, зала, садъ и, наконецъ, самое мѣстоположеніе пріюта на Дѣвичьемъ полѣ не оставляли, по заявленію старшаго врача Воспитательнаго дома Н. В. Яблокова, желать ничего лучшаго въ гигиеническомъ отношеніи.

Средства общества на 1 января 1890 года достигли 12,300 руб. 22 к.; за этотъ годъ выдача пособій была увеличена до 150 рублей.

Въ 1890 году, въ виду истекшаго второго трехлѣтія, были произведены выборы правленія, причемъ, на мѣсто выбывшихъ: Маріи Александровны Мамонтовой, княжны Маріи Николаевны Оболенской, Маріи Ивановны Флеровой, Владиміра Никитича Даль, Генриха Борисовича Шютцъ и скончавшагося казначея общества Андрея Романовича Циммермана, были избраны: членами правленія: Александръ Владиміровичъ Михалковъ, Александръ Николаевичъ Матвѣевъ, кандидатами въ члены правленія: Брониславъ Юліановичъ Куровскій, Николай Митрофановичъ Перепелкинъ и казначеемъ Григорій Григорьевичъ Трофимовъ, кандидатомъ на должность казначея Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ; остальной же составъ правленія былъ избранъ прежній.

Въ 1890 году къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ было пристроено 12 призрѣваемыхъ дѣтей и принято вновь въ пріютъ тоже 12, причемъ, какъ и всегда, дѣти брались или изъ ужасающихъ притоновъ нищеты, или же прямо съ улицы, брошенные своими родителями, какъ, напримѣръ, Федорова Анна и Ермолаева Татьяна.

Средства общества на 1 января 1891 года составляли 12,822 руб. 5 коп.

Въ томъ же 1890 году общество, озабочиваясь приобретениемъ дома для существующихъ уже учреждений — пріюта и школы и признавая всю важность этого вопроса и неотложности его осуществленія, такъ какъ только по достиженіи этой цѣли будетъ обезпечено дальнѣйшее развитіе учреждений общества, отчислило изъ имѣющихся средствъ 5,000 руб. для образованія основного капитала съ вышеуказанною цѣлью.

Въ 1891 году къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ было пристроено пять призрѣваемыхъ дѣтей и одинъ ребенокъ помѣщенъ въ Николаевскій пріютъ. Вновь принято было въ пріютъ 8 дѣтей, изъ которыхъ 6 до поступленія въ пріютъ нищенствовали.

Въ этомъ же году выдано 236 рублей въ пособія на содержаніе дѣтей лицамъ, благонадежность которыхъ вполне удостовѣрена, такъ что число дѣтей, находящихся на попеченіи общества внѣ пріюта, достигло до 30 слишкомъ.

Въ 1891 году, по соглашенію съ хозяиномъ дома, гдѣ помѣщались пріютъ и школа, годовая плата за наемъ помѣщенія была уменьшена на 200 рублей.

Средства общества за этотъ годъ увеличились на 3,325 руб. 91 коп.

Въ 1892 году изъ числа призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей было пристроено къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ 5, и вновь принято въ пріютъ 6, изъ которыхъ 5 — круглая сирота.

Въ томъ же году пріютъ общества былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, находящееся на Плющихѣ, въ домъ Ломоносовой.

Новое помѣщеніе соответствуетъ всѣмъ требованіямъ пріюта и школы, представляетъ достаточно простора для дѣтей и стоитъ обществу дешевле прежней квартиры на двѣсти слишкомъ рублей.

Вслѣдствіе постоянно возрастающей потребности въ призрѣніи дѣтей бѣдствующей части населенія Москвы, а особенно въ 1892 году, когда, по причинѣ постигшаго многія губерніи неурожая, приливъ бѣдняковъ въ столицу еще болѣе усилился, правленіе постановило увеличить комплектъ призрѣваемыхъ въ пріютѣ дѣтей до 40.

Въ 1893 году, въ виду истекшаго третьяго трехлѣтія, были произведены выборы правленія, причемъ, кромѣ отказавшихся: Александра Францовича Крассовскаго, Анны Ѳедоровны Ремезовой, Александра Николаевича Матвѣева, Сергѣя Петровича Губонина, Николая Митрофановича Перепелкина, прежній составъ правленія былъ избранъ вновь на четвертое трехлѣтіе и, кромѣ того, были избраны членами правленія: князь Викторъ Николаевичъ Гагаринъ, Брониславъ Юліановичъ Куровскій, Павелъ Сергѣевичъ Мухановъ; кандидатами въ члены правленія: Надежда Сигизмундовна Беръ, графиня Александра Васильевна Зубова, Сергѣй Семеновичъ Унковскій, Николай Алексѣевичъ Цвѣтковъ и помощникомъ завѣдующей пріютомъ—А. В. Михалкова.

Въ кассѣ общества на 14 апрѣля 1893 года состояло всего 15,643 руб. 10 коп.

И такъ, въ теченіе десятилѣтняго существованія общество постепенно расширяло свою дѣятельность, и, открывъ, сперва приютъ только на 20 воспитанницъ, теперь призрѣваетъ въ немъ до 40 дѣтей; кромѣ того, общество пристроило къ обученію различнымъ ремесламъ и занятіямъ болѣе 60 призрѣваемыхъ, изъ которыхъ 6, по окончаніи обученія въ ремесленныхъ заведеніяхъ, получили возможность честнымъ и самостоятельнымъ трудомъ обезпечить свое существованіе.

Число членовъ общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ теперь превышаетъ двѣсти человекъ; это число весьма значительно для благотворительнаго общества и свидѣтельствуетъ о сочувствіи его цѣлямъ и дѣятельности.

Стремленіе общества, въ виду окружающей вопіющей нужды, расширить дѣятельность, а равно необходимость упрочить уже существующія учрежденія — приютъ и школу, постоянно выдвигали на первое мѣсто заботу о приобрѣтеніи для нихъ дома, но осуществленіе этой цѣли, вслѣдствіе ограниченныхъ средствъ общества, еще долгое время оставалось бы невозможнымъ, еслибъ истинно-добрые люди, сочувствующіе нуждамъ несчастныхъ дѣтей, не откликнулись на призывъ правленія готовностью придти на помощь этому дѣлу какъ своею дѣятельностью, такъ и матеріальными пожертвованіями.

Въ октябрѣ 1893 года правленіе рѣшилось приступить къ осуществленію этой давно назрѣвшей потребности — постройки зданія для приюта и школы.

Зная, что московское городское общественное управленіе принимаетъ все зависящія отъ него мѣры, чтобы дѣти порочныхъ или несчастныхъ родителей не были оставлены на произволъ судьбы, что оно употребляетъ все средства, которыми можетъ располагать, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ, чтобы они впослѣдствіи не увеличили собой населеніе разныхъ арестантскихъ домовъ, и имѣя въ виду, что въ теченіе десяти лѣтъ наше общество всецѣло содѣйствовало этимъ задачамъ московскаго городского общественнаго управленія, спасая изъ ужасающихъ притоновъ нищеты дѣтей, этихъ жертвъ, обреченныхъ тамъ на нравственную и физическую гибель, правленіе въ ноябрѣ 1893 года обратилось съ ходатайствомъ въ московскую городскую думу о бесплатной уступкѣ участка городской земли, необходимаго для постройки зданія.

Московская городская дума, признавая, что общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ, уже существующее нынѣ десять лѣтъ и проявившее за это время усердную и успѣшную дѣятельность, имѣетъ полное право на вниманіе со стороны московской городской думы, въ засѣданіи отъ 15 марта сего 1894 года постановила уступить въ собственность общества попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ

дѣтихъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ для устройства пріюта участокъ городской земли на Дѣвичьемъ полѣ, Хамовнической части, 1-го участка, мѣрою въ длину 35 саж. и въ ширину 15,58 саж.

Этимъ знаменательнымъ событіемъ общество начинаетъ новый періодъ своей дѣятельности; приступая нынѣ же къ постройкѣ зданія для пріюта и школы и при нихъ храма во имя Пресвятой Троицы, правленіе твердо вѣритъ, что частная благотворительность, никогда не оскудѣвавшая на истинно-доброе дѣло и теперь уже откликнувшаяся денежными пожертвованіями и пожертвованіемъ строительныхъ матеріаловъ, дастъ возможность обществу довести это благое начинаніе до успѣшнаго конца.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лоть вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

І ю н ь

1894 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Исторія и исторія литературы.—Этнографія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Техническія книги.—Учебники. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май.—«Русское Богатство», апрѣль.—«Сѣверный Вѣстникъ», май.—«Миръ Божій», май. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Русская поэзія“. С. А. Венгерова.—„Саранча“. К. Н. Лядова.—„Золотыя розсыпи“. В. М. Михеева.—„Отъ души и сердца“. Е. Бьлюзерскаго.—„Urominek“.—Новые переводы Данте-Алигьері.—„Мать“. Г. Х. Андерссона.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціей С. А. Венгерова. Вып. IV. Спб., 1894 г. Въ настоящій выпускъ вошли избранныя стихотворенія Державина, полное собраніе стихотвореній Аблесимова, образцы переводовъ Баркова, посланіе кн. Дашковой, сатира Елагина, избранныя стихотворенія Капниста и Княжнина, полное собраніе стихотвореній Козодавлева и поэма Львова. Такимъ образомъ, русская читающая публика, за сравнительно недорогую цѣну (1 р.), можетъ получить обильный матеріалъ для ознакомленія съ нашею литературой прошлаго вѣка, такъ мало намъ извѣстной. Вступительныя статьи къ сочиненіямъ Державина (И. Я. Порфирьева, Я. К. Грота и В. Г. Бѣлинскаго) даютъ всестороннее освѣщеніе литературной дѣятельности этого писателя: мы можемъ только пожалѣть, что не помѣщенъ въ видѣ отдѣльной замѣтки краткій, но содержательный и тонкій отзывъ Пушкина, устанавливающій вѣрный взглядъ на эстетическія достоинства произведеній „гѣвца Фелицы“. Цѣнны статьи гг. Венгерова и Тупикова объ Аблесимовѣ, г. Венгерова о Барковѣ (сокращеніе извѣстной статьи того же автора изъ *Критико-біографическаго словаря*). Статьи г. Лященко о кн. Дашковой, Лонгинова объ Елагинѣ, г. Саинова о Капнистѣ, г. Гаршина о Козодавлевѣ грѣшатъ то излишнею бѣглостью, то перевѣсомъ бібліографическихъ данныхъ надъ данными историко-литературными, то односторонностью. Немного лучше освѣщены Княжнинъ (статья Галахова) и Львовъ (статьи Грота и Галахова). Послѣдняго лучше всего было связать съ Волковымъ (кстати, почему его пропустилъ г. Венгеровъ?) и дать болѣе подробную характеристику пролесковъ народности въ екатерининской литературѣ. Чудесный для своего времени стихъ Львова:

О темна, темна ночь осенняя!
 Не видать въ (на?) небѣ ни одной звѣзды,
 На сырой землѣ ни тропиночки;
 Какъ хребетъ горы, тихо лѣсъ стоитъ,
 И ничто въ лѣсу не шелохнется;
 Гулъ шаговъ моихъ мнѣ наводитъ страхъ и пр.

и симпатичные своимъ прочувствованнымъ характеромъ стихи „Кольцова XVIII в.“, Волкова, заслуживали бы большаго вниманія. Стремленія къ народности въ екатерининской литературѣ, которая нѣсколько затормазилъ сантиментализмъ Карамзина и пестрыя отраженія романтизма, до сихъ поръ еще мало изучены, а, между тѣмъ, они очень нужны для вѣрнаго пониманія литературной дѣятельности Крылова, даже Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова.

Саранча. Романъ К. Н. Льдова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к. На оберткѣ книги значится, что тѣмъ же авторомъ выпущены въ свѣтъ томъ стихотвореній и романъ *Лицедѣи*. Стихотворенія мы, кажется, видѣли; что касается романа *Лицедѣи*, то его совсѣмъ не помнимъ, по той же причинѣ, вѣроятно, по которой въ самомъ скоромъ времени забудемъ о существованіи *Саранчи* „того же автора“, — такою незначительною представляется намъ эта *Саранча* и настолько переполненъ книжный рынокъ столь же безцвѣтными и ни на что не нужными беллетристическими упражненіями на давно устарѣвшія темы. Герой романа, Степанъ Ильичъ Воронкинъ, выступает на сцену юнымъ и наивнымъ стихотворцемъ, мечтаетъ о славѣ и о построчной платѣ, на поиски за ними отправляется въ редакціи мелкихъ листковъ, сходится съ репортерами, мелкими газетными писателями, съ неудачниками-художниками, рисующими каррикатуры и плохія иллюстраціи, черезъ нихъ знакомится съ дѣвцами, поющими въ увеселительныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, увлекается одною изъ такихъ фей. Зовутъ ее Марьей Семеновной. Она переиспытала все, что полагается пережить дѣвцамъ этого сорта, и даже немного болѣе, чѣмъ ея подруги, такъ какъ побывала и натурщицей для безкостюмныхъ картинъ художника-неудачника. Съ этимъ художникомъ, пріятелемъ Воронкина, пѣвчиха поссорилась, пріревновавши его къ своей подругѣ, была выгнана за то, что лѣзла драться, и насильно водворена художникомъ въ комнату стихотворца. Юный писатель оказался наивно-почтительнымъ утѣшителемъ, совсѣмъ не такимъ, какой былъ желателенъ Марьѣ Семеновнѣ. Но сообразительная дѣвица съумѣла извлечь пользу изъ наивнаго глупыша, забрала его въ свои лапки, поженила на себѣ и черезъ нѣсколько дней прямо заявила, что ради мужа стѣсняться не намерена, ибо желаетъ жить въ роскоши и весело. Воронкинъ покинулъ прекрасную супругу, сталъ попивать и скоро перешелъ въ категорію писателей-неудачниковъ и оборванцевъ. Черезъ четыре года Марья Семеновна требуетъ развода, за что предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Воронкинъ благородно отказывается, читаетъ женѣ длинную проповѣдь и идетъ пьянствовать. Марья Семеновна застрѣливается на могилѣ купчихи, которая повѣсилась изъ-за того, что мужъ выгналъ ее изъ дому, желая сожительства съ Марьей Семеновной. Воронкинъ допился до потери сознанія, до длинныхъ собесѣдованій съ статуей Пушкина. И дѣлу конецъ. Вся эта нелѣпая исторія испещрена вводными эпизодами такого же достоинства, томительными разсужденіями автора о „матеріяхъ важныхъ“, о поэзіи, о живописи, о пессимизмѣ, о путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ и по грунтовымъ, о значеніи денегъ

и обо всемъ на свѣтѣ, болѣе или менѣ непонятномъ автору. Вотъ образчикъ его философствованій: „Вы вѣрите въ деньги, вы думаете, что онѣ представляютъ настоящую, положительную цѣнность. Но согласитесь, не основано ли все значеніе денегъ на воображеніи? Вѣдь, деньги нельзя ѣсть, въ нихъ нельзя одѣться: онѣ только условный символъ накопленнаго труда. А, между тѣмъ, эти фантастическія цѣнности служатъ прочнымъ рычагомъ для предприимчиваго духа, могущественною силой, сдвигающею горы“... и т. д. на цѣлыхъ страницахъ, на большинствѣ страницъ книги. Читать сплошь размышленія г. Льдова о „суетѣ суетъ“ нѣтъ никакой возможности, не хватить ничьего терпѣнія,—приходится перелистывать страницы и разыскивать, гдѣ же опять возвращается авторъ къ своему повѣствованію по существу. При этомъ книга написана какимъ-то особеннымъ, томительно-скучнымъ языкомъ, въ которомъ часто попадаются петербургско-чухонскія выраженія: „онъ *отмлялъ* больнымъ“, „она *отмла* шляпку“, „онъ *отмла* перчатки“ и т. п.

Золотыя россыпи. Романъ въ 2-хъ частяхъ. В. М. Михеева. Изданіе книжнаго магазина журнала „Артистъ“. Москва, 1894 г. Ц. 2 руб. Авторъ изобразилъ любопытный и мало извѣстный бытъ крупныхъ золотыхъ присковъ въ глуши сибирской тайги, далеко отъ городовъ и даже просто населенныхъ мѣстъ. Большое достоинство этого произведенія заключается въ томъ, что все передаваемое г. Михеевымъ хорошо ему извѣстно: все это онъ видѣлъ и многое, вѣроятно, писалъ съ натуры. Но въ своихъ описаніяхъ авторъ нѣсколько увлекся, не отличилъ главнаго отъ второстепеннаго, существеннаго отъ ненужнаго, характернаго отъ ничего не значащаго,—словомъ, поступилъ по русской поговоркѣ: „что есть въ печи—все на столъ мечи“. Получилась картина длинная-предлинная, несоразмѣрно узкая, во всѣхъ частяхъ непропорціональная, очень пострая, но написанная безъ перспективы, такъ сказать, въ одной плоскости. Лицъ въ этой картинѣ множество, а связь между ними крайне слабая и чисто-внѣшняя, ограничивающаяся нерѣдко лишь тѣмъ, что живутъ они въ одной мѣстности, у одного дѣла—на прискахъ. Передъ читателемъ въ довольно нестройныхъ сочетаніяхъ мелькаютъ присковые рабочіе, свободные люди и ссыльные, присковыя женщины и ихъ дѣти, козаки, урядники, сторожа, конюхи, „спиртоносы“ и контрабандисты, крупные и мелкіе кабатчики, пьяный фельдшеръ съ красавицей женой, содержатель постоялаго двора съ красавицей дочерью, разнаго рода чиновники, люди, служащіе въ присковой администраціи, ссыльные поляки и красавица полька, хозяйва-компаньоны, владѣльцы присковъ, художникъ, акушерка, главноуполномоченный... и мы, все-таки, не всѣхъ перечислили. Въ двухъ томахъ, написанныхъ г. Михеевымъ, не одинъ „романъ“, а нѣсколько романовъ; рассказаннаго авторомъ могло бы хватить на нѣсколько повѣстей, и вышло бы, по всей вѣроятности, много лучше, такъ какъ автору не пришлось бы преодолевать такія трудности, справиться съ которыми по силамъ только крупному таланту. Взявшись за мудреную задачу изобразить съ достаточною яркостью сполна весь бытъ приска, авторъ самъ „раскрошил“ свое повѣствованіе на постоянно чередующіеся эпизоды, то изъ жизни мѣстной интеллигенціи, то изъ жизни чернорабочихъ людей разныхъ слоевъ и кружковъ. И читателю приходится метаться изъ стороны въ сторону: изъ дома исправника въ лѣсную сторожку, оттуда въ квартиру фельдшера, потомъ къ управляющему, въ рабочую казарму, на постоялый дворъ и т. д., и т. д., не видя,

притомъ, ни цѣли, ни толка въ этихъ скачкахъ, постоянно приводящихъ къ повтореніямъ уже извѣстнаго, рассказаннаго авторомъ не одинъ разъ. Отъ такихъ повтореній впечатлѣніе слабѣетъ, и сцены, иногда живыя и довольно яркія сами по себѣ, тускнѣютъ и становятся скучными. Характеры дѣйствующихъ лицъ, особливо же главныхъ, очень блѣдны; для приданія же колоритности своимъ изображеніямъ и для того, чтобы читатель не перепуталъ дѣйствующихъ лицъ, авторъ употребляетъ неудачный приѣмъ—даванія кличекъ, вродѣ: „загнившій мужиченко“, „варнакъ“ и т. п., не стѣсняясь называть присковыхъ женщинъ тѣми ругательными словами, которыми пьяные чернорабочіе обзываютъ негодныхъ бабенокъ. Вообще, г. Михеевъ часто „пересаливаетъ“ въ сторону „точности“ и реализма, какъ, напримѣръ, въ описаніи операціи, занимающемъ цѣлую главу и не имѣющемъ никакого отношенія къ повѣствованіямъ о „золотыхъ розсыпяхъ“. Читателю дѣла нѣтъ до того, какъ и какими инструментами рѣзали ногу рабочему, какой видъ имѣла эта нога, какъ визжала пила... Такъ же точно отнимаютъ ноги всякаго званія людямъ не въ однихъ „присковыхъ“ больницахъ, а и въ земскихъ, и въ городскихъ, и подробности операціи никому не нужны, особливо, если у автора не хватаетъ для ихъ описанія эстетическаго чувства и мѣры, опредѣляющихъ границу между художественнымъ и безобразно-грязнымъ. Въ калейдоскопическомъ мельканіи лицъ и сценъ, въ путаницѣ, съ которою одна фабула смѣняется другою, эта другая прерывается третьей, а между ними втискиваются разные эпизоды, не имѣющіе ни къ одной изъ нихъ отношенія,—читателю почти невозможно разобраться и нельзя уловить и уяснить себѣ основной идеи автора. Чтò хорошо, чтò дурно на „золотыхъ розсыпяхъ“,—повидимому, этого не уяснилъ себѣ и самъ г. Михеевъ. Онъ, какъ будто, самъ не знаетъ, или отъ насъ скрываетъ, на чей сторонѣ его симпатіи, что должно и что можно сдѣлать для улучшенія на прискахъ быта различнаго званія людей, для упорядоченія ихъ жизни. Авторъ эпизодически и, должно быть, „портретно“, вводитъ въ свое повѣствованіе „милліонера“, отыскивающего на собственныхъ пароходахъ морской путь „къ сибирскимъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ тайгу“. Милліонеръ одушевленъ самыми благими намѣреніями, для ихъ осуществленія не щадитъ ни средствъ, ни личнаго труда, самъ живетъ аскетомъ, а въ повѣствованіи г. Михеева является карикатурною личностью, пригодною лишь для фарса. „Герой“ романа, одинъ изъ хозяевъ промысловъ, владѣлецъ компанейскихъ паевъ, художникъ,—не карикатуренъ, но и далеко не симпатиченъ свою дряблостью и наивнымъ непониманіемъ того, что проходитъ передъ его глазами: онъ только ищетъ сюжетовъ для картины и, между прочимъ, влюбляется въ молоденькую польку, съ своей стороны полюбившую, на безлюдьи, вѣроятно, плохонькаго петербуржца. Но замужъ за него польская барышня не пошла потому, что она *полька*, а онъ *русскій*, и влюбленные разѣхались въ разныя стороны, вздыхавши и поцѣловавшись на прощаніе. Хорошо они поступили или дурно, можно полькѣ выходить замужъ за русскаго или нельзя, а если нельзя, то почему,—никому это изъ романа г. Михеева не видно. Нѣкоторыя лица, даже не второстепенныя, а просто—лишнія, произвольно всунутыя авторомъ въ его повѣствованіе, вышли характернѣе и рельефнѣе, чѣмъ главныя фигуры, по большей части безцвѣтныя. Лучше другихъ удалась: жена фельдшера, дочь хозяина постоялаго двора и, отчасти, рабочій Прокофій. Романъ написанъ тяжелымъ языкомъ. Начинается онъ такою фразой: „Солнце, только

что взойдя, уже брало свою силу надъ сыровато-холоднымъ воздухомъ тундры“. На той же страницѣ: „Рѣка, попавъ изъ каменистыхъ пзвивовъ горнаго русла въ мягкую постель мшистыхъ кочекъ, кое-гдѣ пороспихъ жидкимъ, какъ талина, березнякомъ, точно обесилѣла“. Или еще, во второй части (стр. 53): „На ларѣ, на которомъ обыкновенно въ дремотѣ проводилъ свой досугъ, вытянувъ огромныя ноги въ не менѣе внушительныхъ сапогахъ, денщикъ Осипъ, лежали небольшой дорожный саквояжъ и подушка“. Написано правильно, но неудобочитаемо.

Отъ души и сердца. Стихотворенія Евгенія Бѣлозерскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 1 р. Лѣтъ десять назадъ намъ пришлось прочесть драму въ стихахъ г. Бѣлозерскаго: *День матери*, и тогда же дать о ней отзывъ въ нашемъ журналѣ; потомъ былъ у насъ въ рукахъ сборникъ стихотвореній того же автора, *На зарѣ*. По нашему мнѣнью, десять лѣтъ назадъ у г. Бѣлозерскаго никакого таланта не было, и на проявленіе такового въ будущемъ мы не видѣли ни малѣйшей надежды. Это наше мнѣніе вполнѣ оправдалось. Вотъ на выдержку образцы его писанья:

„Я любилъ, былъ любимъ, разлюбилъ,
 Былъ рабомъ всей земной суеты;
 Холодъ жизни мнѣ кровь ознобилъ (,)
 Какъ морозъ ознобляетъ цѣты“...

Начало стихотворенія *Девушка-швей*:

„Только что полночь на башнѣ пробило,—
 Какъ бы хотѣлось минутку вздремнуть!
 Спину, бока *наизломъ* разломилъ,
 Ноетъ и больно сжимается грудь“.

„Въ глѣбъ такая усталость, истома,
Мальчики съ радужой скачутъ у глазъ“...

Подъ тремя звѣздочками.

„У птицы есть свое глѣздо,
 У рыбы есть своя вода,
 У звѣря логовище есть,
 У Ивралія... нѣтъ глѣзда!...“

Г. Бѣлозерскій философствуетъ въ двустипіи, озаглавленномъ *Дилемма жизни*:

„Съ людьми коль будешь сладокъ—слизуютъ,
 Коль будешь горекъ—оплюютъ“.

Невѣроятны такіе перлы, но они обильно разсыпаны г. Бѣлозерскимъ „отъ души и сердца“... на утѣху соотечественникамъ.

Urominek. Książka zbiorowa na cześć Elizy Orzeszkowej (1866—1891). Kraków-Petersburg, 1893. Не такъ давно польская литература и общество праздновали двадцатипятилѣтній юбилей писательницы, имя которой приобрѣло себѣ широкую и почетную извѣстность и среди русскаго общества,—Элизы Ожешковой. Отголоскомъ минувшаго торжества и является книга, заглавіе которой мы выписали,—составленный польскими писателями сборникъ въ честь Ожешковой. Заслуги, вызвавшія такое чествованіе, нашли себѣ яркое и образное выраженіе въ короткомъ посвященіи, предпосланномъ сборнику. „За могучую силу,—говорится здѣсь,—съ которою ты поднимала изнемогающее въ житейской борьбѣ и трудахъ общество; за богатые дары, принесенные то-

бою въ сокровищницу его литературы; за лучи свѣта, брошенные твоимъ умомъ на его темный путь; за чувства, освѣжающею струей перелитыя въ его грудь изъ твоего благороднаго сердца; за бальзамъ, наложенный тобою на его раны; за живительный трепеть, который ты пробудила въ его душѣ; за любовь къ добру, истинѣ и красотѣ; за обильный и урожайный посѣвъ на родной нивѣ; за плодотворную дѣятельность, за громаднѣйшій трудъ, за горячую любовь; за то, что ты была великою, свѣтлою и доброю звѣздой своей земли, достойною жрицей духовной святости народа, его любящею дочерью и вѣрною служительницей, за то, что ты была вдохновеннымъ творцомъ, глубокимъ мыслителемъ, честнымъ гражданиномъ и совершеннымъ человѣкомъ,—мы въ годовщину двадцатипятилѣтія твоихъ заслугъ съ сердечною благодарностью предлагаемъ въ честь и на память тебѣ этотъ скромный даръ“. Посвященіе подписано: „польскіе писатели“ и, дѣйствительно, за малыми исключениями, почти всѣ болѣе выдающіеся представители современной польской литературы въ ея многообразныхъ развѣтвленіяхъ приняли участіе въ сборникѣ. Въ него сдѣлали свой вкладъ не только поэты, беллетристы, публицисты и критики, но и языковѣды, историки, естествоиспытатели, врачи и специалисты другихъ отраслей знанія. Передъ глазами читателя развѣтывается длинная, внушительная галерея произведеній и именъ, служащихъ какъ бы отраженіемъ въ миниатюрѣ дѣйствительнаго состоянія польской литературы. Сборникъ распадается на два отдѣла: поэзіи и прозы; въ первомъ помѣщены произведенія 47 писателей и писательницъ, во второмъ—ста восьмидесяти; ко всѣмъ произведеніямъ приложены прекрасно выполненные портреты ихъ авторовъ, благодаря чему книга пріобрѣтаетъ еще и значеніе недурного альбома. Что касается ея содержанія, то характеръ его обусловленъ уже однимъ количествомъ участниковъ. Какъ ни велика сама по себѣ книга въ 606 страницъ большого формата, но разъ она вмѣщаетъ въ себѣ произведенія 227 человѣкъ, послѣднія необходимо должны быть очень кратки. Мелкія стихотворенія, маленькіе рассказы, отдѣльные афоризмы въ стихахъ и прозѣ, коротенькія изслѣдованія, воспоминанія о разныхъ житейскихъ и литературныхъ эпизодахъ (отмѣтимъ изъ числа ихъ любопытное сообщеніе Целиховскаго, что покойный Крашевскій писалъ исторію цивилизаціи въ Польшѣ), замѣтки, вызванныя тѣмъ или инымъ случаемъ, связаннымъ по большей части съ именемъ Ожешковой,—вотъ главное содержаніе сборника, изрѣдка прерываемое немного болѣе крупными вещами, вродѣ статьи П. Хмѣлевскаго *О натурализмѣ и новѣйшихъ художественныхъ направленійхъ*, или Яна Карловича *Сирота въ народныхъ тѣняхъ*, или вродѣ прелестнаго разсказа Остои *Женщина-философъ (Filozofka)*. Въ самомъ тонѣ произведеній, какъ это и естественно при большомъ количествѣ авторовъ, царитъ живое разнообразіе: глубокія мысли, тяжелое уныніе смѣняются восторженнымъ лирическимъ порывомъ и веселою шуткой, которая въ свою очередь уступаетъ мѣсто иному, болѣе сосредоточенному и серьезному настроенію. При всемъ разнообразіи сюжетовъ и настроенія отдѣльныхъ авторовъ, есть, однако, и связующая нить между большею частью заполняющихъ сборникъ произведеній, выражающаяся въ вѣрѣ въ лучшее будущее, которое становится возможнымъ при нравственномъ подъемѣ общества и просвѣщеніи народной массы, двухъ процессахъ, связывающихъ народъ въ одно неразрывное и могучее цѣлое. Эта мысль, то высказываемая въ тонѣ спокойнаго разсужденія, то прорывающаяся рядомъ яркихъ образовъ,

роднить значительную часть статей сборника съ лучшими произведеніями самой Ожешковой, и мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что она же, эта мысль, представляетъ одну изъ наиболѣе усердно разрабатываемыхъ, и вмѣстѣ, конечно, наиболѣе симпатичныхъ, темъ въ современной польской литературѣ.

Ни разбирать богатое и разнообразное содержаніе данного сборника, ни даже отмѣтить наиболѣе выдающіяся въ немъ произведенія мы не могли бы, очевидно, въ предѣлахъ обычной рецензіи. Само собою, не все въ немъ одинаково удачно: писать на случай, хотя бы и очень торжественный и близкій сердцу, — тяжелая задача и не всякій сьумѣетъ рѣшить ее вполне удовлетворительно. Какъ бы то ни было, одни уже имена такихъ поэтовъ, какъ Асныкъ, Каспровичъ, Конопницкая, такихъ беллетристовъ, какъ Валерія Маррене, Остоя, Сенкевичъ, не упоминая уже о рядѣ иныхъ именъ, пріобрѣвшихъ себѣ извѣстность на поприщѣ публицистической и научной дѣятельности, могутъ поручиться за интересъ книги. Чествованіе таланта въ той самой сферѣ, гдѣ онъ работалъ и проявилъ себя, вышло при этихъ условіяхъ не только удачнымъ, но и грандіознымъ.

Новые переводы Данте — Алигieri. Божественная комедія. Ч. I—Адъ, 1893 г.; ч. II—Чистилище, 1894 г.; ч. III—Рай, 1894 г. А. П. Федорова. Спб. Цѣна за каждую часть 1 р. 50 к. — Божественная комедія. Адъ. П. Каншина. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. Стремленіе усвоить русской литературѣ такое крупное произведеніе, какъ *Божественная комедія* Данте, не можетъ не вызывать сочувствія, и всякая новая попытка въ этомъ родѣ заслуживаетъ внимательнаго отношенія. У насъ уже было нѣсколько такихъ попытокъ: очень хорошей переводъ *Ада* размѣромъ подлинника (терцинами) Мина; тоже въ прозаическомъ переводѣ Фонъ-Дима; тоже тяжелыми стихами Петрова; полный свободный стихотворный переводъ Минаева; девять первыхъ пѣсенъ *Чистилища* въ хорошемъ переводѣ бѣлыми стихами. Въ предисловіи къ своему переводу г. Федоровъ справедливо указываетъ, что переводы Фонъ-Дима, Мина и Петрова давно вышли изъ продажи; роскошное же изданіе минаевского перевода (Вольфомъ) съ рисунками Г. Доре является мало доступнымъ по цѣнѣ (40 руб.). Такимъ образомъ, его намѣреніе „дать публикѣ хорошей литературный переводъ поэмы“ въ „изящномъ, но доступномъ по цѣнѣ изданіи“ можетъ быть признано лишь благимъ. Но какъ выполнено это предпріятіе? Г. Федоровъ увѣряетъ, что онъ старался „ни на шагъ не отступать отъ подлинника“, старался „сохранить его духъ, всѣ его характерности и оттѣнки“. Всякій, кто станетъ сличать подлинникъ дантовскаго произведенія съ переводомъ г. Федорова, скоро убѣдится, насколько неосновательны всѣ эти притязанія. Начать хоть съ того, что значительнымъ отступленіемъ отъ подлинника является уже стихотворный размѣръ, выбранный переводчикомъ. Вмѣсто дантовскихъ терцинъ, онъ почему-то взялъ трехстопный анапестъ, съ римающимися черезъ одинъ стихами. Конечно, не всякій отважится писать терцинами — размѣромъ чрезвычайно труднымъ, и даже такой искусный версификаторъ, какъ Минаевъ, рѣшилъ почти сплошь дѣлать свой переводъ бѣлыми стихами. Но размѣръ, выбранный г. Федоровымъ, представляетъ громадное практическое неудобство: онъ значительно короче дантовскаго. Мы были заинтересованы вопросомъ, какъ г. Федоровъ сьумѣетъ, сохраняя число стиховъ пѣсни (около 150), вмѣстить содержаніе ея въ болѣе узкую форму, и скоро убѣдились, что онъ разрѣшаетъ эту задачу чрезвы-

чайно легко: онъ не только замѣняетъ нѣкоторыя фразы однимъ словомъ, но и послѣдовательно выпускаетъ изъ текста стиха два-три (мы находили и шесть подрядъ), оставляя ихъ совсѣмъ безъ перевода, причѣмъ, конечно, на долю выкинутыхъ приходится въ значительной степени мѣста темныя для пониманія. Такъ, напримѣръ, во взятыхъ нами для сличенія пѣсняхъ *Ада*, *Чистилища* и *Рая* не оказалось въ переводѣ слѣдующихъ стиховъ подлинника: *Infern*, с. XXXIII—6, 18—19, 27, 41, 45, 49, 56—57, 61, 66, 72, 80, 90, 96—100, 110—112, 114, 119—120, 132, 146—147, 151—153; *Purgatorio*, с. II—10—13, 16—19, 24, 27, 33, 48, 70—73, 82, 85—86, 103—106, 108, 114, 132; *Paradiso*, с. I—15, 41—42, 48—54, 71—76, 87—89, 94—97, 126 (стихи подлинника обозначены по миланскому изданію Камерини 1891 г.). Правда, г. Федоровъ говоритъ, что онъ старался, главнымъ образомъ, сохранить „духъ подлинника“; но не слѣдуетъ ли изъ этого, что предварительно нужно было изуродовать тѣло? Въ предисловіи къ *Раю* еще говорится, что переводу старались придать „дѣйствительно художественную обработку“, требуя отъ стиха „прежде всего звучности и выразительности“. Но стѣдуетъ раскрыть любую страницу перевода, чтобы убѣдиться, что г. Федоровъ владѣетъ плохо стихомъ. Для пополненія нужнаго количества слоговъ онъ поминутно прибѣгаетъ къ спасительнымъ—ничего не значущимъ—частицамъ, вродѣ: то, лишь, вѣдь, ужь и т. д. Полюбуйтесь, напримѣръ, на слѣдующій отрывокъ:

„... невозможно
Понять это тутъ на землѣ,
Чтобъ тѣло одно, *сдѣ*, могло бы
Другое вмѣстятъ *миш* въ себя.
Желанье должно-бъ въ насъ зажечься
Увѣръ то, гдѣ видно, *сдѣ*, намъ,
Какъ съ Богомъ въ едино *ужь* наша
Природа слявается тамъ“.

(*Рай*, ч. II, стр. 37—44).

Не находя въ стихахъ г. Федорова нигдѣ обѣщанной „звучности и выразительности“, мы нерѣдко наталкиваемся на мѣста, въ которыхъ нельзя добиться никакого смысла. Конечно, Данте — поэтъ далеко не легкій для пониманія, а г. Федоровъ, смотрящій на свой переводъ, какъ на „плодъ вдохновенія великою итальянскою поэмой“, могъ напустить туда еще своего туману; но, въ такомъ случаѣ, нужно же было войти въ положеніе читателя и, по крайней мѣрѣ, въ примѣчаніяхъ постараться объяснить, что обозначаютъ всѣ эти таинственности. А съ примѣчаніями, какъ и со всѣмъ, г. Федоровъ распорядился странно. Въ переводахъ произведеній, такъ нуждающихся въ подробныхъ „комментаріяхъ“, какъ *Божественная комедія*, лучше всего помѣщать примѣчанія подъ текстомъ (какъ это обыкновенно и дѣлаютъ) такъ, чтобы читатель отъ непонятнаго мѣста сейчасъ же опускалъ глаза внизъ и тутъ находилъ соответственное объясненіе. Г. же Федоровъ, заботясь о внѣшности своего изданія гораздо болѣе, чѣмъ о внутреннихъ его достоинствахъ, почему-то рѣшилъ, что примѣчанія подъ текстомъ будутъ „пестрить“, и потому спровадилъ ихъ всѣ на конецъ книжекъ, не потрудившись даже обозначить въ своемъ туманномъ текстѣ тѣхъ мѣстъ, которыя въ концѣ будутъ объяснены, чтобы относительно другихъ мы не теряли и времени въ бесплодныхъ поискахъ. Не можемъ также не отнестись скептически къ страннымъ рассказамъ г. Федорова о той „массѣ труда, энергіи и денежныхъ издержекъ“, которыхъ будто

бы стоили ему эти комментаріи“. Почему онъ пользовался итальянскимъ текстомъ изданія 1804 г., а не новѣйшими съ богатыми комментаріями, и почему въ числѣ перечисленныхъ имъ комментаторовъ мы не находимъ именъ Витте, Филалетеса, Скартаццини, знакомство съ которыми обязательно должны предположить въ каждомъ, кто имѣлъ бы въ виду серьезно отнестись къ изученію текста Данте? Примѣчанія къ первой части перевода г. Ѳедорова составлены еще недурно, но примѣчанія къ двумъ послѣднимъ частямъ производятъ на насъ впечатлѣніе наскоро надерганныхъ кусочковъ изъ первыхъ, подвернувшихся подъ руку, книгъ. Въ этомъ отношеніи г. Ѳедоровъ крайне не предупредителенъ: оставляя насъ перѣдко безъ всякаго комментарія тамъ, гдѣ мы были бы болѣе всего въ правѣ его ожидать, онъ часто дѣлаетъ замѣчанія, ни къ чему не ведущія, или отдѣляется голою ссылкой на параллельныя мѣста. Для примѣра выписываемъ комментарий къ XXXI пѣснѣ *Рая* весь цѣликомъ: къ стихамъ 1 — 4. Т.-е. люди (человѣческой сонмъ), стр. 5—24. Т.-е. ангелы (ангельскій сонмъ), стр. 25—26. Обращеніе къ Богу, стр. 55—56. Св. Бернардъ (олицетвор. жизни созерцательной), стр. 71—80. Обращеніе къ Беатриче. Относительно такого комментарія можно лишь сказать, что краткость въ немъ удачно соединена съ безсодержательностью. Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ о „вступленіяхъ“ г. Ѳедорова, которыя аккуратно слѣдуютъ передъ каждымъ томикомъ за „предисловіями“. Передъ *Адомъ* помѣщенъ краткій (слишкомъ) біографическій очеркъ Данте; передъ *Чистилищемъ* и *Раемъ*, на основаніи *Православно-догматическаго богословія* митрополита Макарія, дѣлается сравненіе дантовскихъ представлений о загробномъ мірѣ съ представленіями объ этомъ предметѣ въ православной церкви. Конечно, такое сравненіе не лишено интереса. Но если бы г. Ѳедоровъ дѣйствительно задался цѣлью облегчить неполготовленнымъ читателямъ пониманіе произведенія, о культурно-историческомъ значеніи котораго онъ толкуетъ съ такимъ аллобмомъ (хотя и не съ достаточно яснымъ пониманіемъ), то онъ, безъ сомнѣнія, удѣлилъ бы нѣсколько болѣе страницъ изображенію современнаго поэмѣ политическаго состоянія Италіи, особенно Флоренціи, характеристикѣ средневѣкового міросозерцанія и т. д. Къ самому Данте г. Ѳедоровъ относится съ нѣсколько комичною благосклонностью: называетъ его „недожизненнымъ поэтическимъ гениемъ“, говоритъ, что онъ „даровитою рукой“ набрасываетъ картины, и томно сознается, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ занимаясь переводомъ поэмы, онъ, г. Ѳедоровъ, „успѣлъ полюбить“ этотъ трудъ. По этому поводу укажемъ на примѣръ дѣйствительныхъ любителей: Филалетесъ (король Іоаннъ Саксонскій) трудился надъ своимъ знаменитымъ нѣмецкимъ переводомъ *La divina commedia* двадцать лѣтъ; Минъ лишь спустя десять лѣтъ послѣ первыхъ попытокъ перевода рѣшился издать свой *Адъ*. Г. же Ѳедоровъ отхваталъ все въ два года и еще рассказываетъ, что со всѣхъ сторонъ получаетъ лестные отзывы о своей работѣ, — работѣ, которая по самой спѣшности не можетъ быть удовлетворительной и потому должна быть признана скорѣе коммерческимъ предпріятіемъ, чѣмъ литературнымъ вкладомъ.

Каншинъ приступилъ къ дѣлу безо всякой притязательности, но зато съ большою добросовѣстностью. Переводъ его, какъ и Фанъ - Дима (1875 г.), сдѣланъ прозой, но сравненіе съ послѣднимъ показываетъ, что онъ переводилъ самостоятельно: онъ разнится съ своимъ предшественникомъ въ пониманіи нѣкоторыхъ мѣстъ и, въ интересахъ

удобопонятности, часто прибѣгаетъ къ перифразу тамъ, гдѣ Фанъ-Димъ держится текста слишкомъ близко. Введеніе и примѣчанія не особенно велики, но составлены толково. Въ общемъ переводъ Каншина если и не имѣетъ особыхъ преимуществъ передъ фанъ-димовскимъ, то,—въ виду того, что послѣдняго не только нѣтъ въ продажѣ, но и трудно достать въ библиотекахъ, является очень умѣстнымъ.

Мать. Сказка Ганса Христіана Андерсена на двадцати двухъ языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированн. на деревѣ В. Матэ. Издалъ П. Ганаенъ. Спб., 1894 г. Изъ предисловія мы узнаемъ, что въ 1875 г., въ торжество семидесятой годовщины знаменитаго писателя Андерсена, въ числѣ другихъ подарковъ была ему поднесена книжка, содержащая сказку *Мать* въ подлинникѣ и въ четырнадцати переводахъ на различные европейскіе языки. „Сборникъ этотъ былъ составленъ извѣстнымъ датскимъ ученымъ филологомъ, профессоромъ Вильгельмомъ Томсеномъ и г. Жакомъ Піо съ цѣлью дать Андерсену наглядное доказательство европейской популярности его произведеній, что особенно и тронуло его“. Сказка *Мать*—одно изъ прелестнѣйшихъ и наиболѣе трогательныхъ произведеній славнаго писателя, и трудно выбрать лучшее для ознакомленія народовъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, съ образцовыми сказками Андерсена. Въ изданіи г. Ганзена приведенъ въ высшей степени любопытный и полезный указатель уже существующихъ переводовъ его сочиненій, изъ котораго видно, что, кромѣ подлинника, имѣются переводы на языки: русскій, малорусскій, польскій, чешскій, словацкій, сербскій, исландскій, шведскій, нѣмецкій, нижне-нѣмецкій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, итальянскій, ново-греческій, армянскій, финскій, мадыарскій, татарскій и древне-еврейскій. Едва ли въ мірѣ есть другой писатель новаго времени, чьи произведенія были бы доступны столькимъ народамъ. Изданіе г. Ганзена и приложенный къ нему библиографическій указатель представляютъ собою отличное средство для ознакомленія читающей публики перечисленныхъ языковъ съ доступными ей переводами, составляющими одно изъ пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ чтеній. Книга издана превосходно и можетъ служить украшеніемъ любой библиотеки.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“. Л. Грегуара.—*Histoire général publiée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud*.—„Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ“. А. Степовича.—„Разсвѣтъ“. Ею же.—„Исторія нѣмецкой литературы“. В. Шерера.—„Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х.“. Я. Г. Мищенко.—„Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе (1880—1892) годы въ ея главныхъ явленіяхъ“. В. Бузескула.

Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Л. Грегуара. Томъ первый. Введеніе: очеркъ исторіи реставраціи по Эрнесту Доде и исторія Франціи съ 1830 по 1832 г. Переводъ подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Москва, 1893 г. Настоящій томъ, какъ видно изъ предисловія редактора перевода, представляетъ собою начало изданія, задуманнаго съ цѣлью самымъ подробнымъ образомъ ознакомить русскую читающую публику съ развитіемъ и жизнью важнѣйшихъ государствъ Европы въ теченіе XIX ст. Изданіе начато съ исторіи Франціи, служившей въ это время главнымъ фокусомъ политическихъ и социальныхъ движеній. Вполнѣ сочувствуя этому благу намѣренію, мы позволимъ

себя только выразить нѣкоторыя соображенія касательно исполненія его въ данномъ томѣ.

Прежде всего, для насъ не совсѣмъ ясно, чѣмъ собственно вызвано изложеніе исторіи реставраціи во введеніи къ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ, существомъ ли дѣла, по взгляду редактора, или тою случайностью, что въ выбранномъ имъ для перевода сочиненіи изложеніе событій начинается только съ 1830 г.? На нашъ взглядъ, такое отношеніе къ реставраціи едва ли справедливо, такъ какъ въ ея время началась парламентская дѣятельность страны, образовались дѣйствовавшія въ послѣдующую эпоху политическія партіи, наконецъ, выработались основныя ученія социализма. Но если даже и налагать событія реставраціи во введеніи, то дѣлать это слѣдовало въ общемъ очеркѣ, а не въ конспектѣ, какимъ представляется намъ первая половина тома. Конституціонныя движенія эпохи, на нашъ взглядъ, обрисовываются здѣсь вовсе не такъ ужъ живо, какъ говоритъ редакторъ: о главныхъ политическихъ партіяхъ, наприм., упоминается только мимоходомъ, и для простаго читателя настоящія причины ихъ борьбы такъ и должны оставаться неясными,—едва упоминается также о памфлетахъ Курье или пѣсняхъ Беранже; главные законы и пренія о нихъ просто излагаются въкратцѣ, безъ указанія ихъ настоящаго значенія. Всего болѣе мѣста отведено во введеніи конспективному изложенію внѣшнихъ событій. Исключеніе составляютъ только несоразмѣрно крупныя отдѣлы о завоеваніи Алжира (стр. 289—307). Далекое не конспективно за то изложеніе самого Грегуара; не даромъ редакторъ выбралъ книгу его „какъ наиболѣе обстоятельную и подробную по изложенію событій и написанную наиболѣе безпристрастно“. Намъ изложеніе его представляется даже черезъ-чуръ подробнымъ: въ самомъ дѣлѣ, обзоръ событій одного только трехлѣтія (1830—1833) потребовалъ около трехсотъ страницъ; стало быть, въ перспективѣ цѣлый рядъ томовъ только по внѣшней исторіи Франціи. Эскурсія автора въ область внутреннихъ отношеній, наприм., его характеристика ученій Сенъ-Симона и Фуры (стр. 561—581), далеко не такъ удачны. Будемъ надѣяться, что эти пробѣлы будутъ пополнены редакторомъ въ общанномъ имъ приложеніи, которое будетъ посвящено развитію внутренней жизни и отношеній. Очень было бы также желательно, чтобы въ этомъ приложеніи нашелъ себѣ мѣсто и указатель доступныхъ для рядового читателя книгъ и статей, при помощи которыхъ онъ могъ бы расширить излагаемыя въ данномъ сочиненіи свѣдѣнія. Цѣна книги, изданной въ общемъ недурно, представляется, все-таки, высокою: за сорокъ листовъ 4 руб. Чтò же, спрашивается, будетъ стоить все сочиненіе и можетъ ли оно, въ виду этого, получить широкое распространеніе?

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы наши опасенія оказались неосновательными, чтобы почтенному редактору удалось довести до конца задуманное изданіе и чтобы вышедшій теперь первый томъ его не постигла участь *Исторіи новаго времени* Зеварта, продолженіе котораго мы до сихъ поръ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, изъ-за дополнительныхъ главъ переводчика.

Histoire générale publiée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud. Paris, 1892 и сл. Кружокъ французскихъ историковъ, съ Лависсомъ и Рамбо во главѣ, предпринялъ чрезвычайно полезную работу — изданіе общей исторіи, отдѣльныя части которой составляются специалистами. Уже не первый разъ возникаетъ мысль о подобномъ изданіи. Историческая литература съ каждымъ годомъ раз-

ростается. Даже для людей, специально посвящающих себя изучению истории, трудно услѣдить за общимъ движеніемъ историографіи, а, между тѣмъ, и для историка по ремеслу, и для образованнаго человѣка необходимо имѣть общія свѣдѣнія о ходѣ истории. Такого рода потребность, можетъ быть, даже сильнѣе чувствуется и высказывается среди образованной публики, чѣмъ среди специалистовъ. Попытки крупныхъ представителей науки дать изложеніе „всемирной“ истории составляютъ явленіе рѣдкое и своеобразное, — Ранке, Лоранъ, Шлоссеръ имѣли въ виду не изложить ходъ истории сообразно состоянію науки въ данный моментъ, а освѣтить историческій матеріалъ съ извѣстныхъ личныхъ точекъ зрѣнія. Этотъ элементъ оригинальности придаетъ подобнымъ трудамъ особую цѣну, но рядомъ съ оригинальными обработками, естественно, возникаютъ книги иного рода, книги откровенно-компилятивныя, авторы которыхъ стараются просто соединить главные результаты, добытые многочисленными изслѣдованіями. Такая сводная работа можетъ быть ведена цѣлымъ обществомъ, даже лучше, чѣмъ отдѣльнымъ писателемъ. По этому плану въ Германіи были проведены обширныя собранія Онкена и Фламе; такимъ же образомъ ставять дѣло французскіе ученые.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ французское предпріятіе сильно отличается отъ нѣмецкихъ. Въ послѣднихъ такъ называемая „внѣшняя“ история играетъ первую роль; съ наибольшими подробностями изложены колебанія территориальнаго состава, столкновенія между государствами, судьба правительствъ и правителей. Французскіе историки не игнорируютъ внѣшней истории, но ограничиваютъ ее самымъ необходимымъ. Въ предисловіи, подписанномъ редакторами, они заявляютъ, что „батальная“ история (*histoire bataille*) останется на заднемъ планѣ, что главное вниманіе будетъ обращено на „нравы и духъ“ народовъ. Исполненіе соотвѣтствуетъ общему принципу: въ большей части отдѣловъ, несомнѣнно, преобладаетъ культурная точка зрѣнія. И приходится сказать, что этотъ перевѣсъ культурнаго элемента является не только весьма желательнымъ улучшеніемъ сравнительно съ постановкой дѣла въ нѣмецкихъ собраніяхъ, но также и существеннымъ ограниченіемъ въ задачахъ и приѣмахъ изложенія. Дѣло въ томъ, что если вопросамъ *духовной* культуры отведено должное мѣсто, за то многія стороны исторической жизни, которыя имѣютъ великую важность и на практикѣ, и для научнаго объясненія явленій, не находятъ соотвѣтственной оцѣнки въ изданіи французскихъ историковъ. Какъ въ собраніи Онкена культурныя точки зрѣнія выдвигались въ той или другой отдѣльной работѣ, у Бецоляда или Гейнца, наприм., а, тѣмъ не менѣе, въ общемъ несомнѣнно преобладала внѣшняя история: такъ, въ изданіи Лависса и Рамбо есть отдѣлы, весьма цѣнныя для истории хозяйства, права, учреждений, и, тѣмъ не менѣе, въ общемъ история хозяйства, права, учреждений обработана случайно и недостаточно. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ какъ разъ въ первомъ томѣ изданія. Капитальные факты соціальнаго строя Римской имперіи и германскихъ племенъ едва намѣчены и не всегда вѣрно намѣчены, а, между тѣмъ, съ ними придется считаться въ теченіи всей средневѣковой истории.

Другое характерное ограниченіе новаго изданія обусловливается его хронологическими рамками. Всеобщая история начинается въ немъ съ IV в., эпоха до 1000 года представлена сравнительно краткимъ очеркомъ, а затѣмъ изложеніе становится все подробнѣе. Для большинства читателей такого рода планъ покажется, вѣроятно, очень удачнымъ.

Онъ несомнѣнно подсказанъ желаніемъ подвести исторію къ дѣйстви тельности, устранить антикварныя задачи и спеціальныя интересы. „Надо же начинать съ чего-нибудь,—говорятъ редакторы,—мы начинаемъ съ образованія европейской націи, исторія которыхъ сдѣлалась, въ концѣ-концовъ, исторіей всего міра“. Признаемся, мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ. Разъ дѣло идетъ о *всеобщей* исторіи, странно обходить древній міръ, особенно странно дѣлать въ изданіи, которое задается культурно-историческими цѣлями. Неужели Греція, эллинская и эллинистическая образованность менѣе непосредственно связана съ жизнью современной Европы, менѣе важна въ общей связи культурнаго развитія, чѣмъ монгольскія народности или даже германскія племена?

Во всякомъ случаѣ, отмѣченныя ограниченія или односторонности вытекаютъ изъ самаго плана изданія, предусмотрѣны и сознательно допущены руководителями. Помимо ихъ французское изданіе имѣетъ еще одну особенность, которая также обусловлена его практическимъ направленіемъ: западно-европейская исторія безусловно преобладаетъ, хотя восточная Европа и другія части свѣта не исключены изъ обзора; Франція обращаетъ на себя преимущественное вниманіе среди западно-европейскихъ государствъ.

Остается посмотреть, какъ при данномъ планѣ исполняется начатая работа. До сихъ поръ вышли три полныхъ тома и выходитъ четвертый. Появившіеся отдѣлы посвящены „происхожденію“ новой цивилизаціи (*les origines*), эпохъ крестовыхъ походовъ и образованію великихъ государствъ Европы; начата исторія Возрожденія и Реформаціи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ коллективной работы является большая неравномѣрность въ исполненіи отдѣльныхъ частей. При всей внимательности со стороны редакторовъ, невозможно избѣжать сравнительно слабыхъ главъ. Выкупать должны хорошо исполненные отдѣлы, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ болѣе оправдывается форма, принятая изданіемъ. Можно сказать, что *Histoire générale* въ данномъ случаѣ съ честью выдерживаетъ пробу. Слабѣ всего вышелъ, пожалуй, первый томъ. Статьи Бертильона о Римѣ въ эпоху упадка, о германцахъ, о государствахъ варваровъ, о каролингской монархіи не могутъ быть названы удачными. Слависты едва ли будутъ удовлетворены статьей Дени о юго-восточной Европѣ. Байе, перу котораго принадлежатъ главы о Византіи, извѣстенъ какъ отличный знатокъ искусства; его историко-политическіе очерки суховаты и не отражаютъ современнаго состоянія литературы по Византіи. Главы Лависса о папствѣ и Италіи написаны съ блескомъ, которымъ отличаются всѣ работы талантливаго профессора. Лучше всего намъ показались отдѣлы, составленные Золемъ по исторіи ислама, Люшеромъ и Ланглуа—по исторіи Франціи, Бемонъ—по Англій. Не имѣя возможности перечислить всѣ лучшія статьи II и III томовъ, ограничимся упоминаніемъ объ очеркѣ Жири и Ревіля по возникновенію городовъ, Бемона по Англій XII—XIV вв. и о главѣ, посвященной въ III томѣ французской образованности.

Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ. А. Степовича. Кіевъ, 1893 г.—Разсвѣтъ. Литературно-научный сборникъ разсказовъ и статей по славяновѣдѣнію. Его же. Кіевъ, 1893 г. Большинство современныхъ русскихъ славяновѣдцовъ усвоило себѣ своеобразный тонъ при періодически возникающихъ толкахъ о славянскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ: грустно-укорительный по отношенію къ русскому обществу, покровительственно-нисходительный по отношенію къ

„братьямъ славянамъ“. Распѣвается все та же и все тѣмъ же голо-
сомъ пѣсня о русскомъ равнодушіи, непониманіи своихъ ближайшихъ
интересовъ; къ требованіямъ, притязаніямъ и произведеніямъ „братъ-
евъ“ прилагается очень снисходительная мѣрка: такъ добрые и любя-
щіе родители относятся къ играмъ и разговорамъ своихъ малолѣтнихъ
дѣтей, серьезный же тонъ старшихъ поддерживаетъ иллюзію и у млад-
шихъ. Объявить, напримѣръ, какой-нибудь чешскій патриотъ, что поэтъ
Верхлицкій не только равенъ Гёте, но „по всеобъемлемости дарованія
и образованію стоитъ выше его“, а русскій славяновѣдъ (въ данномъ
случаѣ г. Степовичъ; см. *Разсѣятыя*, стр. VIII) снисходительно замѣ-
чаетъ: „какъ ни преувеличена, разумѣется, эта оцѣнка, все же съ
нею приходится считаться“. Это—долгъ вѣжливости передъ русскою
публикой; при разговорахъ съ самими „братьями“ тонъ дѣлается еще
серьезнѣе. Такъ, взаимными усиліями славянъ и славяновѣдцовъ созда-
лись легенды о чешскихъ Гёте, сербскихъ Гейне и пр., появились
богатыя литературы съ ихъ исторіями, вліятельныя литературныя те-
ченія, литературныя таланты и гении. При неизменномъ интеллектуаль-
номъ уровнѣ большинства славянскихъ обществъ, такія легенды очень
опасны: получается впечатлѣніе, что все обстоитъ болѣе чѣмъ благо-
получно, а, между тѣмъ, безпристрастному изслѣдователю ясно, что
слѣдовало бы начать съ азовъ.

Приподнятый тонъ внесъ много произвольнаго и сомнительнаго въ
исторію славянскихъ литературъ: во что бы то ни стало стремились
доказать, что онѣ не ниже западно-европейскихъ, шли или идутъ съ
ними объ руку. Одного второстепеннаго признака сходства было до-
статочно, чтобы создать цѣлую сложную исторію, напримѣръ, чешскаго
романтизма съ дѣленіемъ его на двѣ эпохи—староромантизма и ново-
романтизма. Стремленіе подогнать матеріалъ подъ широковѣщательныя
рубрики и раздуть его значеніе, само собою разумѣется, не могло
способствовать научному освѣщенію данныхъ. Г. Степовичъ даетъ рядъ
разнообразныхъ статей, замѣтокъ и переводовъ по славянскимъ лите-
ратурамъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ почему-то повторяетъ въ обо-
ихъ изданіяхъ безъ перемѣнъ. Сама по себѣ цѣль автора—познакомить
русскихъ съ литературой южныхъ и западныхъ славянъ—не можетъ
не быть симпатичной; другое дѣло—тонъ и взгляды самого автора.
Разсказывая о сербской сатирѣ второй половины прошлаго вѣка
г. Степовичъ не столько старается выяснить условія ея появленія
и ея мѣсто въ сербской литературѣ, сколько путемъ банальныхъ
похвалъ раздуть ея значеніе. Выдержки и цитаты идутъ въ разрѣзъ
съ похвалами и доказываютъ какъ разъ обратное: наивность построе-
нія сатиры и слабость таланта писателя. Культурное значеніе произ-
веденія почти не затронуто. Этотъ общій недостатокъ проходитъ че-
резъ всѣ статьи г. Степовича: чувствуется неясность пониманія за-
дачъ исторіи литературы, ясно сквозятъ пристрастія и желаніе быть
скорѣе апологетомъ, чѣмъ научнымъ изслѣдователемъ. Если отбросить
славянофильствующее пѣніе и раскрашиваніе, то останется рядъ не-
близкоинтересныхъ подробностей; отмѣтимъ, напримѣръ, въ *Очеркахъ*
свѣдѣнія о Махѣ, предтечѣ „чешскаго новоромантизма“, *Лученскій*
батюшка—разсказъ Требизскаго съ интересными данными о настроеніи
дѣятелей „чешскаго возрожденія“, характеристики (не всегда и не
во всемъ удачныя) и переводы изъ Вазова, Халунки, Миличевича и пр.
Стихотворные переводы г. Степовича хуже прозаическихъ: въ нихъ
много ошибокъ противъ языка, риѣмы и ритма.

Исторія нѣмецкой литературы В. Шерера, перев. подъ редакціей А. Пыпина, изд. А. Пантелѣва. Т. I и II. Спб., 1893 г. Выборъ исторіи нѣмецкой литературы Шерера для перевода на русскій языкъ слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе удачнымъ. Сочиненіе Шерера стало въ Германіи классическимъ и переведено на главные европейскіе языки. Въ двухъ не особенно большихъ томахъ *) данъ обстоятельный обзоръ движенія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ ея зачатковъ до Гёте включительно. Русскіе читатели пожалѣютъ, что авторъ не пошелъ далѣе, не коснулся Гейне и современныхъ теченій. Но Шереръ хотѣлъ закончить полнымъ аккордомъ, а не диссонансами: для его цѣли нельзя было остановиться ни на комъ послѣ Гёте. Нужно ли настаивать на важности для русскихъ образованныхъ людей общей исторіи нѣмецкой литературы? Было время, когда воинствующій русскій патриотъ считалъ Германію Канта и Гёте вторымъ отечествомъ. Съ тѣхъ поръ много измѣнилось и въ Германіи, и въ Россіи. И, тѣмъ не менѣе, всякій, для кого образованіе, культура, литература—не пустые слова, сочувственно встрѣтитъ появленіе книги, которая даетъ возможность прослѣдить развитіе нѣмецкой литературы, какъ цѣлаго. Если *Фаустъ* и *Критика чистаго разума* имѣютъ для насъ не только мировое, но національное значеніе, велики и дороги для насъ не менѣе произведеній нашихъ собственныхъ мыслителей, то не безразличенъ для насъ и тотъ историческій процессъ, которымъ въ жизни нѣмецкаго народа подготовлялись идеи Канта и образы Гёте.

Какъ ученый, В. Шереръ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, изученію средневѣковой литературы. Церковная поэзія XI и XII вѣка, начатки романа и тому подобные сюжеты нашли въ немъ вполне компетентнаго и оригинальнаго изслѣдователя. По связи съ средневѣковою словесностью нашъ авторъ много работалъ надъ исторіей языка. Но ему не чужды были и вопросы новой литературы, причемъ съ особенною любовью занимался онъ молодостью Гёте. Именно эта разносторонность драгоцѣнна въ писателѣ, который поставилъ себѣ цѣлью дать общую оцѣнку національной литературы. Нечего и говорить, что его методъ—культурно-историческій. Поэтическія произведенія, характеристики писателей даны въ общей связи съ условіями времени; авторъ не столько отмѣчаетъ отдѣльныя красоты, сколько старается передать духъ произведеній и указать ихъ мѣсто въ общемъ развитіи; кака-нибудь поэма или драма служитъ не поводомъ для установленія эстетическихъ опредѣленій и философскихъ выводовъ, а средствомъ для характеристики настроенія, задачъ, идей известной эпохи.

Задача переводчика была не легкая. Изложеніе Шерера отличается ясностью и многозначительностью; оно глубоко продумано и, въ то же время, живо, образно. Съ такими книгами трудно справиться переводчикамъ и тѣмъ болѣе можно порадоваться, что редакцію взялъ на себя авторитетный ученый и писатель. Въ данномъ случаѣ не придется жаловаться на обычныя въ нашей переводной литературѣ недосмотры и искаженія, а что касается изложенія, то оно точно и, въ то же время, литературно.

Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Хр. Я. Г. Мищенко. Кіевъ, 1893 г. Авторъ имѣлъ цѣлью „познакомить ученика со *всѣми*, можно сказать, предста-

*) Въ нѣмецкомъ оригиналѣ одинъ томъ.

вителями литературнаго міра грековъ и со всѣми произведеніями ихъ поэтовъ, историковъ, философовъ и ученыхъ. Упомянутое о томъ или другомъ изъ выдающихся произведеній сопровождается въ предлагаемомъ очеркѣ характеристикой его, краткой настолько, насколько могло позволить признанное достоинство извѣстнаго сочиненія и значенія литературнаго имени“. Цѣль благая, но едва ли достижимая. Въ книжкѣ, которая состоитъ изъ 233 страницъ небольшого формата, нельзя дать характеристики всѣхъ писателей и почти всѣхъ произведеній, и не слѣдовало пытаться это сдѣлать. Орывочныя, коротенькія сообщенія о множествѣ явленій не интересуютъ ученика. О комедіи Аристофана *Осы*, наприм., авторъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „насмѣшка Аристофана надъ страстью аеинянъ къ судебнымъ процессамъ“. Это кратко, но не ясно. Лучшее было бы выдѣлить главное, не называть Евполида и Кратина, Алексида и Антифана, сказать полнѣе объ Аристофанѣ, да и у него выбрать пять-шесть наиболѣе характерныхъ пьесъ. Содержаніе Лисистраты и „Совѣщающихся въ народномъ собраніи“ все равно ученикамъ не расскажешь. Авторъ держался плана статьи, предпосланной греческо-французскому словарю Шоссана, и, какъ сборникъ указаній по исторіи греческой литературы, его книжка имѣетъ значеніе.

Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892 г.) въ ея главныхъ явленіяхъ. В. Бузескула. Москва, 1893 г. Небольшая книжка проф. Бузескула представляетъ оттискъ изъ *Филологическаго Обзорнія*, но можетъ быть съ пользою прочтена не одними специалистами по филологіи или древней исторіи. Она даетъ довольно обстоятельныя сообщенія о главныхъ сочиненіяхъ по общей исторіи Греціи, вышедшихъ за послѣднее время. Авторъ говоритъ о книгахъ Дункера, Гольма, Бузольта, Шварца, Аббота, Ранке, Аландскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Указывая главные положенія, направляющіе приемы, наиболѣе крупныя недостатки, авторъ, кромѣ того, даетъ много полезныхъ библиографическихъ свѣдѣній о рецензіяхъ, статьяхъ, обзорахъ, касающихся греческой исторіи.

ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Леонора Бургера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской“. И. Созоновича.—„Пѣсни русскаго народа“. Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша.—„Six semaines en Russie“, par J. Revel.

Ленора Бургера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Исслѣдованіе И. Созоновича. Варшава, 1893 г. Года три назадъ г. Созоновичъ выпустилъ книгу, посвященную этому же вопросу; въ свое время мы дали о ней отзывъ въ *Русской Мысли*. Г. Созоновичъ не оставилъ своихъ занятій интересовавшимъ его сюжетомъ и пришелъ теперь къ совсѣмъ инымъ результатамъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ новое изданіе, въ которомъ будутъ новыя построенія: человѣческой фантазіи нѣтъ границъ; карточные домики можно строить въ какомъ угодно количествѣ и видѣ.

Планъ книги въ главныхъ чертахъ оставленъ прежній. Первыя главы перепечатаны цѣликомъ; 5 и 6 главы обогащены новыми матеріа-

лами и гаданіями. Въ приложеніи дано нѣсколько русскихъ вариантовъ этого сюжета.

Первая и вторая главы посвящены судьбамъ *Леноры* Бюргера и исторіи вопроса о ней. Какъ извѣстно, *Ленора* вызвала много переводовъ, передѣлокъ и подражаній; вопросъ о происхожденіи этого сюжета съ конца прошлаго вѣка возбуждалъ много ученыхъ споровъ. Г. Созоновичъ только перечисляетъ отраженія *Леноры* (съ пропусками: не упомянута, наприм., *Ольга* Катенина, вызвавшая любопытную полемику между Грибоѣдовымъ и Гнѣдичемъ), хотя мы могли бы требовать отъ него оцѣнки разнаго пониманія и воспроизведенія этого сюжета. Вторая глава подробнѣе и дѣйствительно даетъ понятіе о сущности контрверса. 3 и 4 главы носятъ такія заглавія: „вѣра въ возвращеніе мертвыхъ“ и „слезы и неутѣпная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ“. Что такія вѣрованія принадлежатъ къ числу очень распространенныхъ, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Г. Созоновичъ почему-то не рассчитываетъ на довѣріе и доказываетъ это многочисленными выписками изъ всевозможныхъ источниковъ. Мы не видимъ у него ни критическаго отношенія къ источникамъ, ни желанія разобраться въ подобранныхъ данныхъ. Для цѣли г. Созоновича достаточно было только сослаться на распространенность вѣрованной, которая легла въ основу *Леноры*; иное дѣло, если бы онъ попробовалъ возстановить генезисъ возрѣвій на загробную жизнь, чтобы приурочить зарожденіе сюжета къ какому-нибудь опредѣленному моменту: этого г. Созоновичъ не дѣлаетъ, да и не могъ бы сдѣлать, благодаря зыбучести матеріаловъ. Въ такомъ случаѣ, совѣтъ была не нужна пестрая мозаика, составленная изъ *одинаковыхъ* возрѣвій, создавшихся въ разное время, при различныхъ условіяхъ, у всевозможныхъ народовъ. На лучшей конецъ, распространенность вѣрованной могла бы указывать на возможность самостоятельнаго зарожденія одинаковаго сюжета въ различныхъ мѣстахъ, но слишкомъ сильная близость сказокъ и пѣсенъ о женихѣ-мертвецѣ, почти полная идентичность пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ позволяетъ ихъ свести только къ двумъ первоисточникамъ. Эти главы являются безусловно лишними и мѣстами обличаютъ въ авторѣ плохое знакомство съ исторіей примитивной культуры.

Прежде г. Созоновичъ и ту, и другую группу произведеній валилъ въ одну кучу и безъ всякихъ серьезныхъ основаній выводилъ ихъ изъ Германіи. Теперь онъ раздѣлил ихъ, и въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Созоновичемъ: они несомнѣнно не связаны ни внѣшними, ни внутренними узами генетической зависимости. Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ онъ возводитъ къ греческимъ рассказамъ о Протезилѣ и Лаодаміи: этотъ рассказъ де „проникъ путемъ сложной литературной переработки въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до извѣстной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ“. Пѣсни о братѣ-мертвецѣ должны были возникнуть у сербовъ. Возстановляя такимъ образомъ исторію сюжета, г. Созоновичъ руководствовался случайностями (наприм., *теперешнимъ* состояніемъ *напечатанныхъ* вариантовъ), ошибками (наприм., тѣмъ, что только южные славяне знаютъ особенно сильную любовь сестеръ къ братьямъ) и проч. На основаніи такихъ случайныхъ и шаткихъ соображеній можно строить какія угодно предположенія: самому г. Созоновичу пришлось сдѣлать скачокъ изъ Германіи въ древнюю Грецію и Сербію. Вѣрить въ возможность такихъ построеній можно только при недостаткѣ ме-

тодологической опытности. Мудреная вещь работать надъ текущимъ и зыбкимъ народно-поэтическимъ матеріаломъ! Вѣрить выводамъ г. Созоновича было бы неосторожно; книга его можетъ имѣть, все-таки, нѣкоторое значеніе, какъ наиболѣе полный сводъ свѣдѣній объ одномъ изъ популярныхъ поэтическихъ сюжетовъ.

Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. Записали: слова—**Ф. М. Истомина**, напѣвы—**Г. О. Дютшъ**. Спб., 1894 г. Настоящій сборникъ явился результатомъ экспедиціи, снаряженной географическимъ обществомъ на сѣверъ Россіи, на средства, дарованныя Государемъ Императоромъ. Несомнѣнно, сѣверно-русская народно-поэтическая традиція далеко еще не исчерпана, несмотря на богатые записи и изданія Рыбникова, Гильфердинга, Барсова; фабрично-городская культура начала проникать давно уже и въ этотъ край, подрывая интересъ къ старой пѣснѣ и древнему обряду, замѣняя ихъ „романцами“, „повертушками“ и „кадрелями“. Не малую роль въ этомъ процессѣ забвенія старины играетъ и грамотность. Одна изъ самыхъ крупныхъ задачъ русской этнографіи—спасти отъ этого быстро разложенія возможно больше матеріала и, вмѣсто безсильныхъ и бесплодныхъ жалобъ, энергично вести свое дѣло. Нужно отдать справедливость энергіи и добросовѣстности гг. Истомина и Дютша: несмотря на короткое время пребыванія на сѣверѣ, несмотря на всевозможныя препятствія и затрудненія, они сумѣли привезти много записей, въ которыхъ тщательно соблюдены всѣ фонетическія и музыкальныя особенности сѣверно-русскаго пѣснотворчества. Жаль, что издателямъ не пришло въ голову при каждой издаваемой пѣснѣ указать уже напечатанные варианты: это помогло бы выдѣлить все новое, что даетъ намъ настоящій сборникъ. Внимательный пересмотръ его содержанія убѣждаетъ насъ, что подавляющее большинство записанныхъ г. Истоминнымъ пѣсенъ не пополняетъ, а дополняетъ уже напечатанный матеріалъ; степень ихъ важности удобнѣе всего было опредѣлить самимъ издателямъ. Важная музыкальная сторона дѣла: насколько мы знаемъ, сѣверно-русскіе мотивы впервые издаются въ свѣтъ въ такомъ количествѣ, а, между тѣмъ, они представляютъ большой научный интересъ благодаря своей архаичности.

Сборникъ распадается на нѣсколько отдѣловъ: духовные стихи (10), былины (14—нѣкоторые изъ нихъ даютъ новыя, очень любопытныя подробности), причетъ свадебная (5), пѣсни свадебныя (24), пѣсни хороводныя и плясовыя (11), пѣсни протяжныя: любовныя, семейныя, рекрутскія и солдатскія, тюремныя (54). Какъ видно изъ этого перечисленія, распредѣленіе матеріала произведено не особенно удачно: книжное названіе „былины“ захватило и такъ называемыя „историческія“ пѣсни (если ужъ сливать, то удобнѣе было воспользоваться народнымъ названіемъ „старина“); за основаніе дѣленія берется то содержаніе пѣсенъ, то время или способъ ихъ исполненія. Въ концѣ изданія приложены: указатель мѣстностей, съ обозначеніемъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пропѣвшихъ вошедшія въ сборникъ пѣсни (къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о степени грамотности пѣвцовъ и пѣвицъ, о ихъ занятіяхъ и проч.); алфавитный списокъ сказителей и сказительницъ; „списокъ мѣстностей, гдѣ записывались пѣсни, съ обозначеніемъ взаимныхъ разстояній и времени ихъ посѣщенія“; алфавитный указатель къ пѣснямъ; поправки къ пѣснямъ и нотамъ; карта пути экспедиціи. Изданъ сборникъ роскошно и стоитъ недорого (2 р.).

Six semaines en Suisse, par Jacques Revel. Paris, 1893. Авторъ

провелъ въ Россіи шесть недѣль, вмѣстѣ съ извѣстнымъ романистомъ Арманомъ Сильвестромъ, во время французской выставки въ Москвѣ. Оба туриста посѣтили Петербургъ и его окрестности, сдѣлали небольшую экскурсію въ Финляндію, погостили въ Москвѣ, съѣздили въ Троицко-Сергіевскую лавру и обратно вернулись во Францію черезъ Варшаву, Вѣну и Мюнхенъ. Добрую половину книги г. Ревель отвелъ изложению экономическаго положенія Россіи, производительности страны, ея торговлѣ и финансамъ. Свѣдѣнія авторъ почерпалъ, повидимому, изъ опубликованныхъ уже источниковъ, выводы же дѣлалъ, вѣроятно, самостоятельно и нерѣдко опрометчиво, говоря, напримѣръ, о тѣхъ великихъ благахъ для Россіи, которая дала бы ей широкая колонизація ея иностранцами. Пѣсня эта очень старая, которую наши радѣтели многократно распѣвали и подъ которую мы достаточно поплясали, потому поумнѣли, сказали „довольно“ и стали пытаться, — хорошо ли, плохо ли, — обходиться безъ иноземныхъ благодѣтелей. Въ какихъ-нибудь три-четыре недѣли, разгуливая по Петербургу и Москвѣ, иностранецъ не могъ составить себѣ не только правильной, но даже сколько-нибудь опредѣленной идеи о потребностяхъ совершенно неизвѣстной ему громадной страны, одна губернія которой равняется пространствомъ всей Франціи. Въ дѣлѣ слишкомъ посѣщенныхъ обобщеній и заключеній, по большей части оказывающихся весьма странными, туристы вообще, а французы въ частности поступаютъ черезъ-чуръ смѣло. Противъ опрометчивыхъ выводовъ путешественниковъ можно возражать, когда затронутый предметъ того заслуживаетъ. Всякія заключенія и выводы — дѣло болѣе или менѣе спорное. Но вотъ въ чемъ заключается удивительная особенность путешественниковъ-французовъ, за единичными исключеніями: они пріѣзжаютъ въ незнакомую имъ страну, всѣмъ интересуются, все осматриваютъ, берутся описывать, а вы, обыватель этой страны, читая, впадаете въ величайшее недоумѣніе, — да полно, былъ ли тутъ авторъ такого описанія, гдѣ онъ видѣлъ описанное имъ, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія, кто ввелъ его въ заблужденіе, не подулъ ли кто надъ иностранцемъ? Г. Жакъ Ревель описываетъ богослуженіе въ русской церкви (стр. 89) и все изображаетъ такъ, какъ никогда не бываетъ въ православныхъ храмахъ. Въ Архангельскомъ соборѣ путешественникъ видѣлъ „золотой крестъ, даръ царя Алексѣевича“ (du Tsar Alexievitch, стр. 93). Былъ г. Ревель въ Троицкой лаврѣ и видѣлъ мощи св. Сергія „въ пещерѣ“. Разсказъ настолько любопытенъ, что мы считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ. „Посѣщеніе гроба св. Сергія, находящагося въ криптѣ, происходить, въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлою процессіей; свѣчи раздаются посѣтителемъ, которые проходятъ таинственными загоулками къ серебряной вызолоченной ракѣ, гдѣ покоятся мощи святого подъ серебрянымъ балдахиномъ...“ (стр. 123). Гдѣ видѣлъ это почтенный туристъ? Куда его завели и кто его завелъ? Отъ кого получилъ онъ такое свѣдѣніе, напримѣръ: „На пастбище, принадлежащее общинѣ, дѣти выгоняютъ каждое утро коровъ и овецъ, а вечеромъ матери доятъ ихъ и дѣлятъ молоко между всѣми жителями“? Мы пропускаемъ сказки про самозванца Гришку Отрепьева, про посохъ съ острымъ наконечникомъ Ивана IV, которымъ грозный царь „пригвозждалъ къ полу ноги нѣкоторыхъ посланниковъ“, и т. под. Но все это, вмѣстѣ взятое, служитъ достаточною характеристикою для оцѣнки значенія путешествія г. Ревеля и тѣхъ выводовъ, которые могъ сдѣлать авторъ изъ приводимыхъ имъ подробностей общинныхъ поряд-

ковъ въ русокой деревнѣ. Прочитаешь вотъ такую книжку и окончательно потеряешь всякую охоту брать въ руки *Путешествія* французовъ въ какія бы то ни было страны. Въ *Путешествіяхъ* по Россіи для насъ есть, по крайней мѣрѣ, „куръезы“, надъ которыми, зная свою страну, мы иной разъ можемъ посмѣяться. Но ваково же послѣ этого читать о Тонкинѣ, Сіамѣ, Абиссиніи, о странахъ намъ неизвѣстныхъ, зная изъ опыта, какая въ этихъ описаніяхъ диковинная смѣсь былей и небылицъ, въ которой читателю нѣтъ никакой возможности разобратъся?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Untersuchungen über Adam Smith und die Entwicklung der Politischen Oeconomie“, von Dr. Wilhelm Hasbach. — „Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губ.“. Е. И. Красноперова. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“. — „Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ отъ него“. Е. М. Деметьева.

Untersuchungen über Adam Smith und die Entwicklung der Politischen Oeconomie, von Dr. Wilhelm Hasbach. Leipzig, 1892. Въ своей *Исторіи цивилизаціи Англій* Бокль посвятилъ Адаму Смиту нѣсколько любопытныхъ страницъ. Заключительный выводъ изъ всѣхъ разсужденій англійскаго историка выраженъ имъ такими словами: „Мы видимъ, что методъ Адама Смита былъ исключительно дедуктивнымъ и что онъ представлялъ собою особую форму дедукціи (гипотетическую). Въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ Смитъ полагаетъ въ основаніе извѣстныя идеи, и отъ нихъ идетъ къ явленіямъ вѣшняго міра. Въ каждомъ изъ этихъ сочиненій онъ беретъ одну сторону своихъ посылокъ, дополняя остальное въ другомъ сочиненіи. Люди не бывають ни исключительно своекорыстны, ни исключительно сочувственны. Но Адамъ Смитъ раздѣляетъ въ отвлеченномъ мышленіи эти качества, которыя въ дѣйствительности нераздѣльны. Въ *Теоріи нравственныхыхъ чувствъ* онъ приписываетъ наши поступки сочувствію, въ *Богатствъ народовъ* — своекорыстію; но одно сочиненіе дополняетъ другое и для пониманія котораго-либо изъ нихъ необходимо изучить оба“ *). Этотъ приговоръ Бокля пользовался долгое время неоспоримымъ авторитетомъ; позднѣйшими критиками онъ обыкновенно только обосновывался и развивался и даже до сихъ поръ въ большей части учебниковъ повторяются тѣ же разсужденія объ исключительно дедуктивномъ методѣ Смита и о совершенной противоположности двухъ главныхъ его сочиненій. Однако, въ англійской литературѣ уже дѣлались нѣкоторыя замѣчанія объ односторонности такого пониманія *Теоріи нравственныхыхъ чувствъ*, о томъ, что методъ Адама Смита не представляетъ приписываемой ему исключительности, а *Богатство народовъ* по своей основной точкѣ зрѣнія не такъ уже расходится съ *Теоріей нравственныхыхъ чувствъ*. Въ обстоятельномъ и ученомъ изслѣдованіи Вильгельма Гасбаха мы теперь находимъ достаточно критически провѣреннаго матеріала, чтобы совершенно отвергнуть оба приведенныя утвержденія Бокля.

Ни *Богатство народовъ*, какъ оказывается по внимательномъ разсмотрѣніи, не построено на одномъ лишь фундаментѣ эгоизма, ни *Теорія нравственныхыхъ чувствъ* не отвергаетъ ничуть себялюбивыхъ побужденій человѣка. Въ дѣйствительности Адамъ Смитъ былъ строгимъ при-

*) Цитируемъ по русск. перев. въ изд. Тиблена 1864 г., т. 2., стр. 366 и слѣд.

верженцемъ той школы шотландскихъ и англійскихъ мыслителей, которая разумно понятый эгоизмъ клала въ основу всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Такимъ образомъ, и сама *симпатія* у Адама Смита вытекаетъ изъ себялюбивыхъ основаній. Онъ говоритъ, что только страхъ сдерживаетъ людей отъ постоянныхъ нападеній другъ на друга, и что добро, которое мы дѣлаемъ ближнимъ, вытекаетъ отнюдь не изъ чело-вѣколюбія, не изъ любви къ нимъ, а только лишь изъ тонкаго и совершенно правильнаго разсчета. Сочувствіе наше постоянно обусловлено себялюбіемъ, поэтому мы и раздѣляемъ охотѣе маленькія радости и большое горе нашихъ ближнихъ, нежели ихъ маленькое горе и большія радости. Небольшія огорченія у другихъ бываютъ намъ только пріятны, — они возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство самодовольства. Напротивъ, при видѣ большой радости, въ которой мы не можемъ участвовать, насъ охватываетъ чувство зависти столь сильное, что оно убиваетъ симпатію **). Кромѣ того, мы всегда почти стараемся сдержатъ нашу симпатію къ постороннему горю. Желаніе собственнаго благосостоянія обыкновенно побуждаетъ насъ поскорѣ забыть его, если оно не стоитъ передъ нашими глазами“ (*Hasbach*, стр. 91—93. *Теорія нравственныхъ чувствъ* въ переводѣ Библикова. Спб., 1868 г., отд. III. стр. 64—69). Въ виду такого пониманія Смитомъ сущности и происхожденія симпатіи, едва ли можно согласиться, что его этический трактатъ построенъ на сознательномъ игнорированіи себялюбивыхъ элементовъ чело-вѣческой души.

Столь же неосновательнымъ надо признать и приписываніе Смиту исключительно дедуктивнаго метода. Воспитанный на сочиненіяхъ Бэкона, Юма и Монтескьё въ такой же степени, какъ и на раціонализмъ школы естественнаго права, А. Смитъ никоимъ образомъ не могъ игнорировать индуктивнаго метода. Чувствуя большую склонность къ исторіи, знакомый съ соціологическими обобщеніями Монтескьё, онъ и въ *Богатство народовъ* внесъ столь ярко сказывающійся здѣсь историческій элементъ. Примѣры, которыми онъ иллюстрировалъ свои положенія въ отличіе отъ абстрактныхъ примѣровъ Рикардо, взяты всегда изъ дѣйствительной жизни, его полемика съ меркантилистами основана дѣликомъ на промышленной исторіи Англій, да, наконецъ, уже одни приложенныя въ концѣ всего сочиненія обширныя таблицы цѣнъ на товары, на хлѣбъ и на золото—говорятъ съ достаточной убѣдительностью о томъ, какое значеніе придавалъ А. Смитъ конкретнымъ фактамъ и какъ, слѣдовательно, несправедливъ упрекъ Бокля въ односторонности его метода.

Если своимъ изслѣдованіемъ В. Гасбахъ помогаетъ разсѣять нѣкоторые укоренившіеся предрассудки относительно А. Смита, то главная его заслуга все же не въ этомъ, а въ правильномъ установленіи генезиса экономической доктрины шотландскаго мыслителя. Основательно изучивши всю экономическую и философскую литературу 17—18 вѣка, авторъ прослѣживаетъ въ *Богатствѣ народовъ* вліяніе тѣхъ или другихъ ученій и даетъ намъ, въ концѣ-концовъ, очень наглядную картину всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось это великое произведеніе.

Смитовская система политической экономіи выросла на почвѣ шотландской нравственной философіи, которая въ XVII вѣкѣ обнимала

**) „Joy is a pleasant emotion and we gladly abandon ourselves to it upon the slightest occasion. We readily, therefore, sympathize with it in others, where we are not prejudiced by envy“. *Ad. Smith: „Theory“, II.*

собою этику, политику и экономію. Въ первой четверти XVIII вѣка она подверглась сильному вліянію школы естественнаго права. Въ сочиненіяхъ Пуффендорфа, который явился проводникомъ этого вліянія, мы находимъ уже вполне законченную систему политической экономіи. Ея теоретическими основаніями являются здѣсь раздѣленіе труда и жѣлвой характеръ людскихъ услугъ и товаровъ. Изъ этихъ явленій объясняются Пуффендорфомъ цѣнность труда и продуктовъ, смыслъ денегъ и прибыли на капиталъ. Наибольше сильное вліяніе изъ всѣхъ шотландскихъ мыслителей оказалъ на А. Смита Гутчесонъ, главное сочиненіе котораго *A System of Moral Philosophy* появилось въ 1755 г. Гутчесонъ по своему мировоззрѣнію тѣсно примыкалъ къ нѣмецкой школѣ естественнаго права, но, тѣмъ не менѣе, его книга носитъ на себѣ слѣды и совершенно жѣстнаго вліянія. Его философія сложилась, главнѣйшимъ образомъ, изъ этики Шэфтсбѣри, правоваго ученія Локка и научной концепціи міра Ньютона. Политическая экономія у Гутчесона еще сплетена нераздѣльно съ этикою; какъ показываетъ сравненіе обоихъ писателей, Адамъ Смитъ изъ этого источника почерпнулъ преимущественно свои нравственные и теологическія убѣжденія. Приблизительно въ томъ же направленіи вліялъ на Смита и Юмъ, укрупившій въ немъ мысль о необходимости психологическаго основанія нравственной философіи, усилившій природную склонность Смита къ историческимъ изысканіямъ и давшій примѣръ постояннаго примѣненія экспериментальнаго, индуктивнаго метода. Такимъ образомъ почва уже была подготовлена для воспріятія идей Вольтера и Монтескьё. Значеніе перваго для А. Смита заключалось, главнымъ образомъ, въ его преимущественномъ вниманіи къ внутренней, матеріальной культурѣ народа и въ отвращеніи къ чисто-прагматической исторіи; второй же воздѣйствовалъ въ особенности своими социологическими обобщеніями, единствомъ и ясностью построеній, а между прочимъ также и тѣмъ, что впервые выдвинулъ такъ рѣшительно роль внѣшнихъ факторовъ природы въ образованіи характера и образа жизни различныхъ народовъ.

Болѣе близкую связь съ *Богатствомъ народовъ* имѣютъ несомнѣнно сочиненія ближайшихъ предшественниковъ Смита, шотландскихъ экономистовъ Фергюсона и Джемса Стюарта. Впервые выдѣлившій политическую экономію изъ всей совокупности нравственныхъ наукъ, Фергюсонъ положилъ прочныя основанія для всего дальнѣйшаго развитія этой отрасли знанія. Его взглядъ на общество, какъ на потребительно-жѣлвое товарищество, гдѣ каждый членъ поневолѣ дѣлается купцомъ и руководствуется стремленіемъ къ обогащенію, отличался полною трезвостью и опредѣленностью. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ въ строгомъ смыслѣ первый шотландскій экономистъ многими сторонами своего ученія принесъ значительную пользу А. Смиту при выработкѣ имъ его экономическаго міросозерцанія. Не слѣдуетъ умалять также значенія Джемса Стюарта, строго позитивнаго мыслителя, выпустившаго первое полное руководство по политической экономіи; у него именно заимствовалъ Адамъ Смитъ—въ этомъ сходятся всѣ его критики—ученіе о налогахъ и о долговыхъ обязательствахъ государства.

Таково было неоспоримое и сильное вліяніе нѣмецко-шотландской школы, оно столкнулось у Адама Смита съ теченіемъ, шедшимъ изъ Франціи и своимъ происхожденіемъ обязаннымъ *физиократамъ*. Вліяніе физиократовъ на А. Смита обыкновенно сильно преувеличивается. Своимъ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, своими индуктивно-пси-

хологическими положеніями онъ былъ обязанъ англійской наукѣ; свои релігіозно-нравственныя идеи онъ почерпнулъ у шотландскихъ мыслителей, изъ того же источника исходятъ и главныя положенія его политической экономіи; даже экономическій идеаль Адама Смита—свобода торговли—сложился у него, какъ мы увидимъ ниже, подъ влияніемъ школы естественнаго права, отнюдь не черезъ посредство физиократовъ, Это еще не значить, однако, чтобы Кене и его послѣдователи прошли совершенно безслѣдно для *Богатства народовъ*. Никѳимъ образомъ: именно они, а не кто другой, завѣщали Адаму Смиту единую, охватывающую все народное хозяйство теорію, раздѣленіе труда на производительный и непроизводительный, правильный взглядъ на роль капитала во всякомъ производствѣ, весьма разработанное ученіе о доходахъ и еще многое другое. Но уже и изъ этого перечня видно, что ихъ влияніе было или формальное, или по сравнительно второстепеннымъ вопросамъ. *Красуѳомные камни „Богатства народовъ“ взяты были шотландскимъ мыслителемъ съ шотландской же почвы.*

Что касается пресловутаго эгоизма, по взгляду Смита, управляющаго людьми въ ихъ хозяйственной жизни, то его происхожденіе выводятъ обыкновенно изъ книги Гельвеція *О разумѣ*. Гасбахъ доказываетъ намъ, что подобное объясненіе слишкомъ искусственно: англійская психологія и этика были въ такой степени пропитаны теоріями эгоизма, что отсюда Адаму Смиту было гораздо проще позаимствоваться этою идеей. Не говоря уже объ анализѣ человѣческихъ страстей у Бэкона, оставляя въ сторонѣ теорію разумнаго эгоизма Гоббеса и Локка, достаточно ознакомиться только съ ученіями Мандевилля и Шефтсбѣри, чтобы найти у нихъ всѣ главныя психологическія положенія Смита. Согласно Мандевиллю, себялюбіе—это такое чувство, которое властвуетъ и управляетъ всѣми другими. Его бытовья проявленія Мандевилль объясняетъ и съ объективной, и съ субъективной стороны то властолюбіемъ государственныхъ людей, то жадной къ почестямъ или къ наживѣ. Это нѣсколько грубое пониманіе эгоизма смягчаетъ Шефтсбѣри внесеніемъ альтруистическаго элемента: критерій нравственности онъ выводитъ изъ присущаго человѣку моральнаго чувства, но въ хозяйственной жизни продолжаетъ считать главнымъ факторомъ побужденія личнаго себялюбія.

Намъ остается сказать только о томъ, подъ чѣмъ влияніемъ сложился фритрэдерскій идеаль А. Смита. Свобода торговли являлась у него, очевидно, послѣдовательнымъ выводомъ изъ принциповъ естественнаго права, но выводъ этотъ до А. Смита не былъ сдѣланъ никѳимъ съ такою полною наглядностью. Физиократы боролись за ту же идею доводами пѣлесообразности и ссылками на предустановленную гармонию; сюда присоединилъ А. Смитъ психологическія слѣдствія чувства собственнаго интереса, экономическую критику меркантилизма и, наконецъ, свое телеологическое пониманіе природы. Въ каждомъ изъ этихъ доводовъ, взятомъ въ отдѣльности, онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ, но полное обоснованіе свободы торговли составляетъ его безсмертную заслугу.

Разобравъ, что называется, „по восточкамъ“ главныя основанія *Богатства народовъ*, Гасбахъ приходитъ къ тому выводу, что всѣ они уже были выставлены кѣмъ-нибудь раньше. Адамъ Смитъ послѣ такого разбора является передъ нами не въ качествѣ совершенно оригинальнаго, новые пути пролагающаго мыслителя (въ этомъ отношеніи Юма, наприм., Гасбахъ ставитъ значительно выше), но какъ человѣкъ, своими

познаниями охватывающей все богатство современной ему науки, одаренный величайшим систематизаторским талантом и рѣдкою по своей силѣ критическою мыслью. Къ такому взгляду привело Гасбаха тщательное изученіе источниковъ, легшихъ въ основу какъ *Теоріи нравственныхъ чувствъ*, такъ и *Богатства народовъ*.

Илагая выводы Гасбаха, мы поневолѣ должны были остановиться только на самыхъ главнѣйшихъ и при этомъ оставлять безъ вниманія все, что является какъ бы нѣкоторымъ отклоненіемъ въ сторону. А, между тѣмъ, подобныя отклоненія имѣютъ въ книгѣ иногда очень большую цѣнность; укажемъ для примѣра на мастерской очеркъ причинъ, породившихъ особенно сильное развитіе историографіи въ XVIII вѣкѣ и въ немъ еще нѣсколько мыслей о возникновеніи столь плодотворной нынѣ идеи эволюціи. Вообще же мы полагаемъ, что сочиненіе Гасбаха займетъ выдающееся мѣсто среди изслѣдованій, посвященныхъ исторіи экономической науки, а его авторъ по обширности своей эрудиціи, по оригинальности и мѣткости своихъ сужденій заслуживаетъ быть поставленъ не на послѣднее мѣсто въ ряду такихъ ученыхъ, какъ Рошеръ, Шёнбергъ, Р. Моль и др.

Въ виду громадныхъ достоинствъ книги, совершенно стираются ея небольшіе недостатки, къ каковымъ надо причислить пристрастіе автора къ подраздѣленіямъ и рубрикамъ, склонность повторять по многу разъ одну и ту же мысль и, наконецъ, принадлежность его къ этической школѣ Brentano, Шэфле, Шмоллера *) и др., выражающуюся въ перюдизмѣ значенія нравственнаго элемента для историко-экономическихъ изслѣдованій. Чисто-виѣшнимъ неудобствомъ для нѣкоторыхъ читателей можетъ явиться то, что англійскія, латинскія и итальянскія цитаты, вообще черезъ-чуръ изобильныя, оставлены въ книгѣ безъ перевода. Но, повторяемъ, значеніе работы Гасбаха такъ велико, что для ея прочтенія стоило бы преодолѣвать и не такія препятствія и недостатки.

Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи. Е. И. Красноперова. Изъ числа изданій земской статистики изданія пермскаго земства принадлежатъ къ наименѣе распространеннымъ въ кругу лицъ, интересующихся предметомъ. Объ этомъ можно только пожалѣть, особенно имѣя въ виду, что пермскій край представляетъ нѣкоторыя малоизвѣстныя отличія въ хозяйственномъ быту населенія. Сказанное можетъ быть отнесено и къ изданію, выставленному въ заголовкѣ рецензіи, заключающему сводъ и разработку данныхъ мѣстнаго изслѣдованія путемъ подворной переписи, произведеннаго въ 1890 г. Интересъ этого изслѣдованія заключается, между прочимъ, въ томъ, что оно задавалось цѣлью изученія не только производства (что обыкновенно преслѣдуется въ другихъ аналогичныхъ работахъ), но отчасти и потребленія населенія и мѣновныхъ процессовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Поэтому таблицы данныхъ подворной переписи, состоящія изъ 419 графъ, заключаютъ, между прочимъ, свѣдѣнія о продажѣ и покупкѣ у крестьянъ продуктовъ ихъ хозяйства и о приобрѣтеніи ими различныхъ предметовъ потребленія, а также данныя о кредитѣ. Другую интересную особенность разсматриваемаго изданія составляетъ проведеніе по всѣмъ графамъ таблицъ различія между православнымъ и раскольничьимъ населеніемъ волости, причемъ оказалось возможнымъ убѣдиться въ томъ, что раскольники зажиточнѣе православныхъ и лучше ихъ ведутъ хозяйство. Считаемъ умѣст-

*) Шмоллеру Гасбахъ даже и посвятилъ свою книгу.

нымъ привести здѣсь два - три констатированныхъ разсматриваемымъ изслѣдованіемъ факта, представляющихъ особый интересъ въ виду поднятыхъ въ последнее время вопросовъ. Населеніе Вознесенской волости состоитъ изъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ майората гр. Строганова. При крѣпостномъ правѣ крестьяне пользовались землею по указанію владѣльческаго управленія, независимо отъ взаимныхъ правовыхъ отношеній деревень и домохозяевъ. Къ сожалѣнію, въ описаніи не указано опредѣленно, насколько администрація вмѣшивалась въ земельныя отношенія и по собственному усмотрѣнію перемѣщала землю изъ однихъ рукъ въ другія, т.-е. насколько успѣла образоваться прочная связь между отдѣльными хозяйствами и обрабатываемыми ими участками. На этотъ счетъ имѣется только замѣчаніе о томъ, что въ первые 14 лѣтъ послѣ освобожденія каждый хозяинъ обрабатывалъ ту землю, „какая дошла до него по наслѣдственной преемственности“. Въ 1874 г., послѣ окончательнаго отведенія на всю волость земли, крестьяне перешли къ общинному пользованію ею, выразившемуся уравнильнымъ разверстаніемъ (по ревизскимъ душамъ) ея между деревнями и отдѣльными хозяйствами. Мотивомъ уничтоженія подворнаго владѣнія, по выраженію крестьянъ, было желаніе уничтожить череполосицу между деревнями и „неправильности перваго захвата“. Разверстаніе земли между одиннадцатью обществами и въ каждомъ обществѣ между деревнями (всѣхъ деревень въ волости болѣе 100) и затѣмъ между домохозяевами производилось по обмѣру самихъ крестьянъ, исключая одно общество, пригласившее для этой цѣли частнаго мѣрщика. Сельско-хозяйственныя работы исполняются крестьянами преимущественно силами самихъ семей. Нанятыхъ на срокъ рабочихъ на 1,445 домохозяевъ волости было всего 120, израсходовано на поденныя и сдѣльныя работы 5,470 руб. Кроме того, при нѣкоторыхъ работахъ населеніе прибѣгало къ взаимопомощи въ видѣ созыва помочей. Переписью гарантировано въ теченіе года 833 помочи, въ томъ числѣ 722 съ участіемъ лошадей; число затраченныхъ на помочи рабочихъ дней было: людскихъ 11,924, конныхъ 6,938; на 1,076 дворовъ православнаго населенія волости приходится 7,505 помочныхъ поденщинъ людей и 4,151—лошадей; на 307 раскольничьихъ дворовъ—4,419 дней людскихъ и 2,788 конныхъ, т.-е. на православное населеніе, въ количествѣ 74% всѣхъ хозяевъ волости, приходится 63% людскихъ помочныхъ поденщинъ и 60% конныхъ. Наибольшее число помочей (702 или 84%) созывается для вывозки навоза, затѣмъ (95 или 11%) для жнитва. Все населеніе волости работаетъ одноральничною курашимскою сохой, имѣетъ 1,635 деревянныхъ боронъ и 550 желѣзныхъ. Больше десяти лѣтъ населеніе пробуетъ разведеніе новыхъ сортовъ наиболѣе цѣннаго хлѣба—ячменя, а именно сортовъ ячменя англійскаго, американскаго и кента. Новые сорта ячменя воздѣлываются 286 хозяевами. Желѣзныя бороны и новые сорта ячменя распространены преимущественно среди раскольниковъ. На 1,420 домохозяевъ волости, занимающихся земледѣліемъ, насчитывается 750 овиновъ; большая ихъ часть состоитъ въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ хозяевъ, причѣмъ нѣкоторые крестьяне состоятъ пайщиками въ нѣсколькихъ овинахъ.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарной статистики. Т. IV, ч. II. Общая сводка по санитарнымъ изслѣдованіямъ Московской г.—Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Е. М. Дементьева. Въ теченіе первой половины 80-хъ гг., какъ извѣстно, губернскимъ зем-

ствомъ производилось санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Московской губ., результаты котораго, въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ, издавались отдѣльными томами въ поуѣздной сводкѣ. Разработка собранныхъ данныхъ по цѣлой губерніи началась позже, и первый томъ этой работы, заключающій историческій очеркъ и современное положеніе фабрично-заводской промышленности въ Московской губерніи, свѣдѣнія о рабочихъ въ отношеніи возрастнаго и полового ихъ состава, ихъ мѣсторожденія, семейнаго положенія и т. п., вышелъ въ 1890 г. Первая изъ выставленныхъ въ заголовкѣ рецензій книгъ образуетъ продолженіе названнаго труда. Все его содержаніе,—за исключеніемъ главы о пищевомъ довольствіи рабочихъ, составленной Ф. Ф. Эрисманомъ,—принадлежитъ д-ру Е. М. Дементьеву. Здѣсь имѣется описаніе рабочихъ помѣщеній (мастерскихъ), жилыхъ помѣщеній для рабочихъ,—главы, посвященныя вопросу о связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, о продолжительности работы фабрикъ въ году, объ условіяхъ найма рабочихъ, о длинѣ ихъ рабочаго года и рабочаго дня и заработной платѣ. Описанія и изслѣдованія по нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ вопросовъ сдѣланы на основаніи матеріала, собраннаго по всей губерніи, по другимъ лишь по свѣдѣніямъ изъ нѣсколькихъ тщательно изслѣдованныхъ уѣздовъ. По многимъ вопросамъ данныя, касающіяся Россіи, сопоставляются съ данными, рисующими положеніе дѣлъ на Западѣ и въ Америкѣ, что даетъ возможность судить о сравнительномъ положеніи рабочаго класса въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Вторая изъ вышесказанныхъ книгъ образуетъ оттискъ изъ только что разсмотрѣннаго сборника статей г. Дементьева, относящихся къ вопросамъ о связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, количествахъ работы на фабрикахъ и заработной платѣ съ присоединеніемъ главы о вліяніи фабрикъ на физическія качества населенія. Изслѣдованіе основано на данныхъ, собранныхъ авторомъ по Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому уѣздамъ. Глава о вліяніи фабрикъ на физическія качества населенія составлена на основаніи антропометрическихъ измѣреній рабочихъ. Такъ какъ подобныя измѣренія дѣлались по всѣмъ уѣздамъ губерніи, то слѣдуетъ ожидать продолженія поуѣздной сводки, куда должно войти также описаніе медицинской организаціи на фабрикахъ и заводахъ, вреднаго въ санитарномъ отношеніи вліянія различныхъ производствъ, болѣзненности фабричнаго населенія и т. д. Данныя, на которыхъ основываются разсматриваемыя работы, относятся ко времени 10—15 лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ многое, главнымъ образомъ, въ тѣхъ отношеніяхъ фабричнаго быта, которыя до извѣстной степени были подчинены правительственной регламентаціи, измѣнилось; но это не лишаетъ разсматриваемыя труды важнаго значенія въ смыслѣ уясненія основаній, слагающихся въ области крупной капиталистической промышленности,—уясненія столь же важнаго въ экономическомъ отношеніи, какъ и въ медико-санитарномъ. Большая часть того, что было констатировано изслѣдованіемъ московскаго губернскаго земства, осталось неизмѣннымъ и въ настоящее время; важнѣйшія проявленія фабричнаго режима и не могутъ измѣниться такъ быстро, при неизмѣнности общаго культурнаго развитія страны. Что же касается тѣхъ немногихъ сторонъ фабричной жизни, въ которыхъ произошли измѣненія къ лучшему, то и здѣсь, по справедливому замѣчанію проф. Эрисмана, „возможность сравненія современнаго положенія съ тѣмъ, что было въ недавнемъ прошломъ,—когда

наши фабрики представляли ни для кого недоступное государство въ государствѣ,—дѣлають весьма цѣнными тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются“ въ изданіяхъ московскаго земства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ“. Д-ра В. Кирхнера.—„Болѣзни деревьевъ“. Р. Гартига.—„Сборникъ статей по лѣсоразведенію“. М. Турскаго. — „Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ“.

Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ. Д-ра В. Кирхнера. Спб., 1894 г. Изд. Девриена. Ц. 3 р. 50 к. Капитальное руководство Кирхнера давно заслуживало перевода на русскій языкъ. Авторъ руководства принадлежитъ къ выдающимся дѣятелямъ университетскаго преподаванія агрономіи: сельско-хозяйственный институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ, находящійся въ завѣдываніи проф. Кирхнера, успѣшно соперничаетъ въ настоящее время съ таковымъ же институтомъ въ Галле, гдѣ создалъ свою славу Юліусъ Кюнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кирхнеръ заслуженно считается знаткомъ техники практическаго молочнаго хозяйства. Съ особою подробностью рассмотрѣны въ книгѣ Кирхнера отдѣленіе сливокъ, сбиваніе масла и приготовленіе сыра. Три первые отдѣла книги, гдѣ описываются свойства молока, уходъ за молокомъ и испытаніе молока, найдутъ себѣ обширный кругъ читателей и внѣ той среды, которая интересуется молочнымъ хозяйствомъ съ коммерческой точки зрѣнія: здѣсь многое важно для гигиениста-врача и для потребителя вообще.

Русскій переводъ сдѣланъ съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника третьяго нѣмецкаго изданія. Въ текстѣ помѣщено свыше 200 рисунковъ, которые относятся преимущественно къ разнообразному инвентарю современнаго молочнаго хозяйства.

Болѣзни деревьевъ. Р. Гартига. Переводъ И. Грачева и А. Толвинскаго, подъ редакцію М. Турскаго. Москва, 1894 г. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было ни одного обстоятельнаго сочиненія, специально посвященнаго болѣзнямъ деревьевъ. Теперь этотъ пробѣлъ восполняется инициативою М. К. Турскаго, подъ редакцію котораго (а отчасти и при непосредственномъ содѣйствіи) переведена книга Гартига. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первый и главный отдѣлъ отведенъ подробному рассмотрѣнію растительныхъ паразитовъ, причиняющихъ вредъ лѣснымъ деревьямъ; во второмъ отдѣлѣ разбираются пораненія деревьевъ, въ третьемъ—заболѣванія отъ вліяній почвенныхъ и въ послѣднемъ отдѣлѣ—заболѣванія отъ вліяній атмосферическихъ. Приложенный въ концѣ книги опредѣлитель болѣзней, къ сожалѣнію, слишкомъ кратокъ. Книга снабжена 137 политипажамми, таблицею хромолитографіей и алфавитными указателями. Помимо спеціалистовъ-лѣсоводовъ, книгу Гартига должны оцѣнить всѣ лица, сочувствующія распространенію общаго естественно-историческаго образованія въ Россіи: болѣзни деревьевъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ и могутъ служить прекраснымъ объектомъ для нагляднаго разбора съ учащимися довольно сложныхъ естественно-научныхъ вопросовъ.

Сборникъ статей по лѣсоразведенію. Составилъ М. Турскій. Изданіе лѣснаго департамента. Москва, 1893 г. Профессоръ М. К. Турскій приобрѣлъ уже заслуженную репутацію выдающагося техника,

педагога и популяризатора: одно имя автора избавляет насъ отъ необходимости говорить о достоинствахъ новаго *Сборника*. Въ первой части этого сборника разсматриваются общіе вопросы дѣсоразведенія, устройство древеснаго питомника, образованіе лѣса посадкою саженцевъ и посѣвомъ, лѣсопольное хозяйство, облѣсеніе песковъ, овраговъ и солончаковъ, живыя изгороди и опушки, сборъ сѣмянъ и стоимость облѣсенія. Двадцать двѣ статьи второй части посвящены разведенію отдѣльныхъ древесныхъ породъ. Въ текстѣ помѣщено 111 рисунковъ.

Отчетъ Пуркарской вышей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ. Составилъ А. И. Шахназаровъ. Кишиневъ, 1894 г. За послѣднее десятилѣтіе въ Россіи открылось нѣсколько десятковъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, но, въ большинствѣ случаевъ, заведенія эти не дѣлятся съ публикою результатами своей работы; однимъ изъ пріятныхъ исключеній является Пуркарская школа 1 разряда, устроенная бессарабскимъ губернскимъ земствомъ въ Бендерскомъ уѣздѣ. Открыта она только въ апрѣлѣ 1893 года, такъ что всякое рѣшительное сужденіе о школѣ было бы теперь преждевременно. Составитель отчета, управляющій школою г. Шахназаровъ, совершенно основательно высказывается противъ довольно распространеннаго взгляда, отождествляющаго учениковъ съ рабочими и ожидающаго отъ работы учащихся доходовъ для хозяйства. Однако, и не дѣлая изъ учениковъ доходной статьи, можно было бы доставлять имъ навыки хозяйственныхъ работъ въ большой мѣрѣ, чѣмъ это практиковалось въ Пуркарской школѣ за первый годъ ея существованія: администрація школы отказалась отъ первоначальнаго намѣренія обходиться безъ наемной кухарки, безъ прислуги, безъ ключника; учениковъ отстранили даже отъ доенія коровъ. Учебныя мастерскія при школѣ—столярная и кузнечно-слесарная—дѣйствуютъ весьма успѣшно.

МЕДИЦИНА.

„Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ“. Д-ра К. фонъ-Кальдена.—„Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ“. Альфреда Бинге.

Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ. Д-ра К. фонъ-Кальдена. Перевелъ и дополни. Розенблатъ. Изд. Риккера. Спб., 1894 г. Краткое руководство это въ достаточной степени, однако, удовлетворяетъ потребностямъ читателя, желающаго ознакомиться съ наиболѣе распространенными методами микроскопическаго изслѣдованія. Первая глава, какъ это водится, посвящена микроскопу и описанію необходимыхъ принадлежностей; здѣсь авторъ указываетъ нѣсколько фирмъ, торгующихъ стеклянною посудой; для русскаго читателя переводчикъ долженъ былъ бы указать русскія фирмы. Слѣдующія главы заключаютъ въ себѣ изложеніе методовъ изслѣдованія свѣжихъ препаратовъ, уплотнѣнія ихъ, заливка въ целлоидинъ, въ парафинъ, окрашиваніе препаратовъ, консервированіе ихъ и т. п. Сравнительно большое мѣсто отведено бактериологическому изслѣдованію, гдѣ приведены почти всѣ современные методы. 14-я глава посвящена, главнымъ образомъ, изслѣдованію крови, значительно меньшее мѣсто отведено изслѣдованіямъ другихъ тканей. Въ послѣдней главѣ содержится нѣсколько краткихъ указаній относительно микроскопическихъ изслѣдованій съ судебно-медицинскими цѣлями. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель. По отноше-

нiю къ переводу слѣдуетъ указать на шероховатый языкъ и на неудачныя попытки къ переводу иностранныхъ словъ, вошедшихъ уже въ общее употребленiе и всѣмъ понятныхъ („мозгосодержащiй“). Въ сравненiи съ издавною недавно книжкой г. Никифорова настоящая не имѣетъ ни существенныхъ отличiй и никакихъ преимуществъ.

Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. Альфреда Бине. Пер. съ французскаго Д. Н. Москва, 1894 г. Цѣна 50 коп. Авторъ въ популярной формѣ дѣлаетъ попытку въ своей брошюрѣ освѣтить этотъ темный вопросъ и насколько возможно подойти къ его разрѣшенiю. Прiмѣровъ проявленiя способности „цвѣтного слуха“ извѣстно въ литературѣ не мало. Занявшiеся изслѣдованiемъ этой способности специалисты высчитываютъ даже въ процентахъ число людей, у которыхъ эта способность выражена болѣе или менѣе; такъ, Блейсеръ и Леманъ говорятъ, что изъ 100 человекъ 12 обладаютъ цвѣтнымъ слухомъ, Клапаредъ, изслѣдуя 470 субъектовъ, нашелъ цвѣтной слухъ у 205. Въ прошломъ году появился въ Женевѣ трудъ Флурни, посвященный этому вопросу. Бине въ *Revue Philosophique* 1894 г., кн. 1, далъ о немъ очень обстоятельный отзывъ; по изслѣдованiямъ Флурни, затрагивающимъ и другiе сродные этому вопросы, процентъ субъектовъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, близокъ къ вычисленiямъ Клапареда. Насколько, однако, достовѣрны эти данныя, все-таки, вопросъ весьма существенный. Бине утверждаетъ по этому поводу, что „всякая симуляцiя... носитъ характеръ индивидуальности: это дѣло одного человека, а не массы“; быть можетъ, это и такъ относительно симуляцiи умышленной; но въ разрѣшенiи этого вопроса путемъ статистическимъ, изслѣдуя извѣстную группу людей, опрашивая ихъ и т. д., невольно можетъ вкратъся элементъ симуляцiи неумышленной, элементъ самовнушенiя, подрывающiй, по нашему мнѣнiю, всякую достовѣрность этихъ цифровыхъ выкладокъ. Несомнѣнно, что способность цвѣтного слуха, какъ проявленiе облегченной ассоциаци звуковыхъ представленiй съ свѣтовыми, дѣйствительно можетъ наблюдаться. Весь процессъ таинственнаго начала, развитiя и упроченiя этихъ ассоциаций прекрасно изображенъ и очень тонко анализированъ въ извѣстномъ этюдѣ г. Короленка *Слытой музыкантъ*. По нашему мнѣнiю, исходная точка, взятая г. Короленкомъ: „всѣ эти уходящiя въ безконечную даль минувшаго живыя звенья, такъ или иначе откликавшiяся всею своею организацией на свѣтотѣныя впечатлѣнiя, передали ему и эту внутреннюю способность...“,—эта точка значительно ближе къ истинѣ, чѣмъ толкованiя Бине. Последнiй видитъ въ проявленiи цвѣтного слуха нѣчто общее съ галлюцинациями и навязчивыми представленiями, возникающими въ периодъ ранняго дѣтства (печатанiе буквъ разными красками въ азбукахъ и т. п.), путемъ созвучiй, случайности; авторъ на основанiи этого считаетъ цвѣтной слухъ явленiемъ аномальнымъ, встрѣчающимся, главнымъ образомъ, у людей съ сильно развитою зрительною памятью... Во всякомъ случаѣ, предлагаемая брошюра прочтется съ интересомъ, переводъ безупреченъ, внѣшность изданiя не оставляетъ желать лучшаго.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ“. А. А. Пресса.

Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ. Составилъ инженеръ-технологъ А. А. Прессъ. Съ 79 чертежами въ текстъ. Книга удостоена премии князя А. Д. Львова на всероссійской пожарной выставкѣ, бывшей въ С.-Петербургѣ въ 1892 году. Цѣна 1 р. 75 коп. Предупреждать болѣзни легче, чѣмъ ихъ лечить. То же самое можно сказать и о пожарахъ. Предупреждать ихъ легче, чѣмъ гасить. Всякаго рода эпидеміи появляются временами, свирѣпствуютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и затѣмъ, все-таки, прекращаются, исчезаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Пожары—это та же болѣзнь человѣческихъ обществъ, болѣзнь тяжелая, изнурительная, подкашивающая благосостояніе цѣлыхъ городовъ и поселеній. Болѣзнь эта тѣмъ болѣе ужасна, что никогда не прекращается и свирѣпствуетъ повсемѣстно и постоянно съ большею или меньшею силой. Подобно тому, какъ для эпидемическихъ болѣзней, и здѣсь замѣчается то общеизвѣстное явленіе, что чѣмъ выше культура даннаго человѣческаго общества, тѣмъ менѣе страдаетъ оно отъ пожаровъ. Но даже и наиболѣе культурныя общества поражаются паникой при видѣ бѣшущей огненной стихіи, что дѣлаетъ неизбѣжнымъ человѣческія жертвы. Грандіозный пожаръ въ Чикаго въ 1871 году, уничтожившій въ теченіе двухъ дней 20,000 домовъ, стоилъ 250 человѣческихъ жизней. У многихъ еще живы въ памяти подробности пожара на волжскомъ пароходѣ *Въра*, гдѣ также погубило болѣе 200 человѣкъ. Послѣдній пожаръ въ Барселонѣ сопровождался такою подрысающею драмой, которая невольно напоминаетъ ужасы послѣдняго дня Помпеи.

Пожарныя бѣдствія происходятъ постоянно и повсемѣстно, свидѣтельствуя о безиліи человѣческаго генія въ борьбѣ съ огненною стихіей. Тамъ, гдѣ есть огонь, есть и всѣ условія для возникновенія пожара. Для этого часто бываетъ достаточно даже одной искры. А разъ пожаръ начался, борьба съ нимъ становится болѣе, чѣмъ трудной. Ни усовершенствованныя пожарныя машины, ни патентованныя лѣстницы, ни образцовыя пожарныя команды часто не въ состояніи предотвратить катастрофы. Суть дѣла, очевидно, здѣсь не столько въ пожарныхъ машинахъ и командахъ, сколько въ народномъ просвѣщеніи. Едва ли съ чѣмъ обращаются такъ небрежно, какъ съ огнемъ. Не только темный людъ, но и такъ называемая интеллигенція поразительно невнимательна и небрежна во всемъ, что касается пожарной безопасности. Въ домашнемъ обиходѣ всѣ возбудители пожара всегда налицо. Это—спички, закуренная папироска, зажженная свѣчка или керосиновая лампа, бензиновая или керосиновая печь и, наконецъ, топка въ комнатныхъ печахъ. Если мы серьезно и внимательно будемъ слѣдить за каждымъ изъ этихъ обычныхъ источниковъ огня, то возникновеніе пожаровъ сдѣлается невозможнымъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ повсюду поражающую халатность по отношению къ этимъ обычнымъ производителямъ пожаровъ. Спички и окурки бросаются всюду непогашенными, лампы задуваются сверху при полномъ пламени, бензинъ подносится къ огню, керосинъ наливается около горячей свѣчки и т. п. Невѣжество въ этомъ отношеніи изумительное. Трудно повѣрить, наприм., что образованный человѣкъ чиститъ перчатки бензиномъ около зажженной свѣчки

и, вслѣдствіе этого, самъ дѣлается жертвою своей поразительной неосторожности.

Намъ казалось бы, что для борьбы съ пожарами, прежде всего, необходимо провести въ народныя массы, начиная съ интеллигенціи, здравныя понятія о причинахъ пожаровъ, объ источникахъ ихъ возникновенія и безопасныхъ приемахъ при обращеніи съ огнемъ. Знаменитый пожаръ на пароходѣ Зевеке былъ замѣченъ только тогда, когда отъ воспламенившагося хлопка загорѣлся уже корпусъ, какъ будто все это могло совершиться моментально. Несомнѣнно сначала было тлѣніе, распространялся дымъ, запахъ гари, но на это никто своевременно не обратилъ вниманія. И здѣсь какое-то фатальное равнодушіе пассажировъ сдѣлало катастрофу неизбежною.

Книга инженеръ-технолога Пресса представляетъ собою первую и, надо сказать, довольно удачную попытку дать общедоступное руководство для борьбы съ пожарами. Книга ни по цѣнѣ, ни по изложенію недоступна для народа, но и надо начать съ просвѣщенія образованнаго класса, а потомъ уже, при его содѣйствіи, можно и должно обратиться съ подходящимъ руководствомъ къ нашей бѣдной деревнѣ, едва ли не болѣе всего страдающей отъ „краснаго пѣтуха“. Хотя статистика пожаровъ очень мало у насъ разработана и причины ихъ часто остаются совершенно невыясненными, тѣмъ не менѣе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, причины эти сводятся къ небрежному обращенію съ огнемъ. Поджоги, все-таки, кажется, составляютъ незначительный сравнительно процентъ пожаровъ.

Въ 1-й главѣ указаны причины возникновенія и распространенія пожаровъ, во 2-й—разматриваются предупредительныя мѣры и средства борьбы съ огнемъ. Глава 3-я посвящена мѣрамъ и средствамъ оборонительнымъ. Главными причинами, обуславливающими возникновеніе пожаровъ, авторъ считаетъ: неосторожное обращеніе съ огнемъ и огненными веществами, неправильное устройство и неисправное содержаніе топокъ и дымовыхъ трубъ, керосиновое освѣщеніе, молніи, взрывы и самовозгораніе. Вообще о причинахъ пожаровъ авторъ говоритъ очень кратко, ограничиваясь только самымъ бѣглымъ ихъ обзоромъ. Болѣе подробно онъ разматриваетъ предупредительныя мѣры и средства борьбы съ огнемъ, въ особенности же значеніе различныхъ строительныхъ матеріаловъ въ пожарномъ отношеніи, разнаго рода экономическія постройки, негоряемыя дешевыя крыши; далѣе слѣдуютъ антипожарныя средства при устройствѣ зданій, отопленіе и освѣщеніе, громозводоотводы, примѣненіе огнеупорныхъ составовъ и способы храненія самовозгорающихся, легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ. Наконецъ, въ 3-й и самой обширной главѣ указаны: огнегасительныя вещества, домашнія средства для борьбы съ незначительными пожарами, устройство водохранилищъ, организація пожарной помощи, различныя пожарныя приспособленія (бочки, пожарныя трубы, рукава, лѣстницы и т. п.) и, наконецъ, мѣры, обезпечивающія безопасность людей во время пожаровъ. Въ приложеніи приведены обязательныя правила новгородскаго земскаго собранія о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ и о возведеніи построекъ въ селеніяхъ; правила относительно испытанія, перевозки, храненія и продажи минеральныхъ маселъ, нефти и продуктовъ ея перегонки, а также относительно устройства помѣщеній для ихъ храненія.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ частныхъ. Намъ кажется, что авторъ удѣлилъ слишкомъ много мѣста

пожарнымъ командамъ и разнымъ пожарнымъ приспособленіямъ въ прямой ущербъ тѣмъ главамъ, которыя представляютъ наибольшій интересъ и въ которыхъ, казалось бы, долженъ былъ лежать центръ тяжести всего труда. Это первыя двѣ главы, трактующія о причинахъ пожаровъ и о средствахъ ихъ предупрежденія. Организация пожарныхъ командъ во всѣхъ подробностяхъ съ указаніемъ разныхъ системъ пожарныхъ трубъ и даже ихъ деталей составляетъ слишкомъ специальный вопросъ. Эта часть изложена столь подробно, что пожарныя трубы, наприм., представлены въ чертежахъ, причемъ приведены даже конструктивныя данныя о размѣрахъ цилиндровъ, о количествахъ выбрасываемой воды и т. п. Мы не хотимъ сказать, что свѣдѣнія эти излишни, но думаемъ, что по характеру сочиненія слѣдовало бы всѣ отдѣлы развить пропорціонально ихъ значенію, то-есть изложить главы II и въ особенности I болѣе обстоятельно. Наприм., керосиновой лампы авторъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія, ограничившись очень бѣглыми замѣчаніями и лаконическими наставленіями относительно ухода и обращенія съ нею. Здѣсь было бы, кажется, уместно помѣстить чертежъ, объясняющій устройство лампы и указывающій опасныя ея части. Конечно, керосиновая лампа у всякаго передъ глазами. Но многіе ли знаютъ, отчего и какъ именно происходятъ отъ нея пожары? Еще меньше говорить авторъ о газовомъ освѣщеніи, а о бензинѣ почти совсѣмъ умалчиваетъ. Слѣдовало бы также сказать что-нибудь о пожарной безопасности театровъ и болѣе подробно остановиться на мѣрахъ спасенія людей во время пожаровъ. Всѣ вопросы авторъ разсматриваетъ, такъ сказать, вообще, предоставляя образованному читателю самому разобраться въ предлагаемомъ матеріалѣ. Во всякомъ случаѣ, книга г. Пресса заслуживаетъ полнаго вниманія.

У Ч Е Б Н И К И.

„Географическія имена“. Н. И. Березина. — „Мертвыя души“ Н. В. Гоголя“. С. Бурковского. — „Федонъ“. Платона. — „Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля“. В. Рязничева. — „Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи“. А. Пароженскаго.

Географическія имена. Объясненіе ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособіе для учителей географіи. Н. И. Березина. Выпускъ I. Австралія, Африка, Америка, Азія. СПб., 1894 г. Ц. 1 р. Цѣль книжки, очевидная изъ заголовка и далѣе болѣе подробно разъясненная въ предисловіи, сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Дѣйствительно, „географическое названіе,—какъ справедливо замѣчатъ составитель,—въ большинствѣ случаевъ, характерно для того объекта, къ которому оно относится“ (*Предисловіе*), и если непонятное названіе, послѣ объясненія со стороны учителя, представится воображенію ребенка въ видѣ опредѣленнаго образа, а не отвлеченнаго понятія, оно запечатлѣется въ памяти, несомнѣнно, тверже. Такимъ образомъ, вопросъ заключается только въ степени живости и образности тѣхъ представленій, какія можно получить изъ книжки г. Березина. Что касается историческихъ описаній открытій, имѣющихъ связь съ географическими именами, то они не удовлетворяютъ поставленному требованію: они не только незначительны по своему количеству, но и ограничиваются, главнымъ образомъ, хронологіей и именами путешественниковъ,

сдѣлавшихъ тѣ или инныя открытія. Примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить историческія объясненія озера *Танангика* (стр. 32), города *Асунсьонъ* (стр. 72) и мног. друг. Лучше удались г. Березину самыя объясненія географическихъ названій, изъ которыхъ временами учитель можетъ извлечь кое-что для пользы учащихся; однако, и здѣсь весьма часто встрѣчаются существенныя пробѣлы. Если бы, наприм., учитель повторилъ передъ учащимся вслѣдъ за г. Березинымъ, что „оз. *Гокча*, Гѣгчай, въ древности Гѣгаме и Гѣгаркуни, у армянъ называется Севанга“ (стр. 120), и не прибавилъ бы больше ничего, какъ это дѣлаетъ тотъ же г. Березинъ, то лучше бы ему уже не давать никакихъ объясненій, такъ какъ учащійся все равно ничего не только не запомнитъ, но и не пойметъ. Точно также, какая ассоціація возникнетъ въ головѣ учащагося, когда онъ узнаетъ, что „р. Уругвай на языкѣ гуарани означаетъ пѣтушій хвостъ“ (стр. 70), и не будетъ ли похоже подобное заучиваніе названій на бессмысленное затверживаніе иностранныхъ словъ по лексикону?

Но, повторяемъ, разобравшись въ матеріалѣ пособія г. Березина, учитель, все-таки, найдетъ здѣсь не одно полезное свѣдѣніе. Правда, быть можетъ, другія болѣе наглядныя пособія, въ видѣ ли картинокъ или моделей, были бы цѣлесообразнѣе, но, за недостаткомъ ихъ, и разбираемой книжкѣ можно пожелать распространенія.

Мертвыя души. Н. В. Гоголя. Разборъ поэмы для учащихся. Составилъ С. Бураковский. Изданіе третье. Новгородъ, 1894 г. Ц. 40 коп. Когда книга, предназначенная для школы, выходитъ 3 изданіемъ, это доказываетъ, что она полезна и въ ней ощущается нужда. Только что сдѣланное замѣчаніе, конечно, не новость, однако, не новость и то, что отъ 3 изданія позволительно и, пожалуй, необходимо требовать улучшеній и дополненій; между тѣмъ, г. Бураковский ровно ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Мы по-старому встрѣчаемъ въ 3 его изданіи разбора *Мертвыхъ душъ* тотъ же пересказъ знаменитаго произведенія Гоголя, тѣ же характеристики героя и помѣщиковъ, то же разсмотрѣніе идеи и общаго плана поэмы, тотъ же перечень лирическихъ отступленій, тѣ же замѣчанія относительно языка и, наконецъ, тѣ же ссылки на Стоюнина, Бѣлинскаго, Плетнева и Шевырева. Все это вполне умѣстно, но въ этомъ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ прежними изданіями, и если прежнія изданія должны были считаться составленными не только добросовѣстно, но и талантливо, въ 3 изданіи читатель вправѣ искать усовершенствованій. Беремъ для примѣра изложеніе содержанія *Мертвыхъ душъ*. Мы раздѣляемъ мысль г. Бураковскаго, которую предположить весьма естественно, что при разборѣ образцоваго произведенія очень важно рассказать его содержаніе: надо болѣе умѣнье, чтобы выбрать изъ произведенія самое существенное и отнѣнить его характерными подробностями и мелочами; только отъ такой передачи можетъ получиться у читателя истинное пониманіе произведенія. Однако, какъ ни хорошо рассказаны *Мертвыя души* г. Бураковскимъ, въ этомъ рассказѣ возможны улучшенія. Отчего, наприм., составитель разсматриваемой книжки совсѣмъ не упоминаетъ о дѣтияхъ Манилова, опускаетъ обстоятельства водворенія Чичикова у Коробочки и проч.? Далѣе, г. Бураковский напрасно пренебрегаетъ подробностями біографіи Гоголя, имѣющими отношеніе къ *Мертвымъ душамъ*, и мало сближаетъ ихъ съ самою поэмой. Его книжка выиграла бы, наконецъ, если бы къ мнѣніямъ Бѣлинскаго, Стоюнина и друг. авторъ прибавилъ мнѣнія позднѣйшихъ изслѣдователей,

и изъ изданія покойнаго Тихонравова онъ могъ бы извлечь чрезвычайно важныя указанія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, такимъ образомъ, что если книжка г. Бураковского хороша, она могла бы быть и еще лучше, — другими словами, если г. Бураковский доказалъ уже свою способность являться на помощь учащимся русской словесности и литературѣ, то напрасно онъ не изощряетъ этой своей способности и не даетъ больше сравнительно съ тѣмъ, что онъ уже далъ.

Федонъ. Диалогъ объ идеѣ „безсмертіе“ философа классической древности Платона. Со введеніемъ, предисловіемъ и примѣчаніями Н. Виноградова, преподавателя вѣнчанской духовной семинаріи. Москва, 1892 г. Цѣна 60 коп. Въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли* за 1893 годъ два раза давались отзывы о переводахъ г. Виноградова. Тогда это были рѣчи Демосеена *О вникъ* и *За Оминозъ*, сейчасъ же передъ нами третій переводъ того же г. Виноградова, причемъ на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ диалогомъ Платона *Федонъ*. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что *Федонъ* Платона переведенъ раньше рѣчей Демосеена; если и послѣднія въ переводѣ г. Виноградова не могутъ похвалиться какими-либо достоинствами, то первый тѣмъ болѣе. Какъ и въ переводахъ рѣчей Демосеена, въ переводѣ *Федона* мы встрѣчаемъ вовсе непонятныя мѣста, вродѣ, на примѣръ, слѣдующаго: „Такова дѣйствительно отъ природы вся земля въ цѣломъ вмѣстѣ съ ея окружностями“ (стр. 93) или вродѣ слѣдующаго: „То, что я, Критонъ, постоянно говорю тебѣ, ничуть не ново, именно, что вы, если будете заботиться сами о себѣ, то и для меня, и для моихъ сыновей, и для васъ самихъ будете благодѣятели чрезъ то, что вы будете дѣлать, хотя бы вы теперь и не обѣщались“ (стр. 98). Но этого мало: изъ введенія и предисловія къ переводу *Федона* мы можемъ убѣдиться, что г. Виноградовъ въ своихъ переводахъ отличается своеобразною манерой выражать мысли. Такъ, въ предисловіи онъ выдумываетъ слово „значимость“, а въ введеніи, между прочимъ, говоритъ: „Поеліку же душа безсмертна, то ея никакъ нельзя пренебрегать не только въ настоящей жизни, но и въ будущей“ (стр. 6). Интересно бы знать, что именно хочетъ сказать только что приведенный предложеніемъ г. Виноградовъ, и какъ удалось ему добыть такую мысль у „философа классической древности“, какъ онъ называетъ Платона? Во всякомъ случаѣ, на основаніи подобныхъ образцовъ стиля г. Виноградова, можно придти къ заключенію, что онъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы вовсе пересталъ и переводить, и снабжать свои переводы и введеніями, и предисловіями.

Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля. Съ приложеніемъ „Азбуки“ Брайля и рисунка классной доски. Посвящается родителямъ, учителямъ и учительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ В. Рязанцевъ. Казань, 1893 г. Цѣна 30 коп. съ пересылкой. Цѣль настоящей книги, какъ опредѣляетъ ее самъ составитель, „во-первыхъ, ознакомить родителей, учителей и учительницъ и вообще лицъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ слѣпымъ дѣтямъ, съ обученіемъ ихъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля и, во-вторыхъ, дать при прохожденіи таковаго алфавита матеріалъ для чтенія и письма“ (*Предисл.*, стр. II). Другими словами, г. Рязанцевъ желаетъ популяризировать способъ обученія грамотѣ слѣпыхъ среди лицъ, незнакомыхъ спеціально съ этимъ

дѣломъ, хотя и заинтересованныхъ въ немъ. Нельзя не сочувствовать подобному намѣренію, тѣмъ болѣе, чт количество слѣпыхъ, не имѣющихъ возможности попасть въ соотвѣтствующую школу, въ Россіи весьма значительно.

Въ началѣ книги помѣщены небезполезныя свѣдѣнія о современномъ положеніи существующихъ учреждений для слѣпыхъ дѣтей, далѣе же идутъ подробныя методическія указанія къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму. Въ послѣднемъ отдѣлѣ составитель распространяется о программѣ этого обученія и, кромѣ того, даетъ понятіе о приборахъ для знакомства съ алфавитомъ, объ упражненіяхъ въ развитіи осязанія слѣпыми знаковъ, о способѣ ознакомленія ихъ со звукомъ и словомъ и, наконецъ, предлагаетъ краткій конспектъ занятій при прохожденіи всей азбуки. Но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти изложены далеко не полно, и, притомъ, не всѣ они достаточно обоснованы. Отсылаемъ, наприм., читателей на страницы 14, 15 и слѣд., гдѣ въ §, подъ названіемъ: „Понятіе о звукѣ“, г. Рязанцевъ слишкомъ злоупотребляетъ довольно извѣстнымъ приемомъ отыскиванія звуковъ изъ самой природы. Къ числу недостатковъ же слѣдуетъ отнести чрезвычайно малый запасъ интересныхъ статей для первоначальнаго чтенія. Что касается цѣны книги, то она кажется намъ довольно скромной.

Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи. Состав. А. Пароменскій. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. Русская литература учебниковъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ не можетъ назваться бѣдною. Начавшись въ концѣ прошлаго столѣтія съ сочиненій Петра Гиларовскаго (1796) и Александра Барсова (1797), она представлялась частью переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій вродѣ Кузеня (1801), Безу (1801), Базена (1819), Лакруа (1822), Франкера (1824), Бушарля (1829), Коши (1831) и др., частью оригинальными сочиненіями русскихъ ученыхъ: Рохманова (1810), Гурьева (1811), Фусса (1812), Перевощикова (1827), Зернова (1842) и др. Изъ вышедшихъ въ послѣднія 30 лѣтъ какъ болѣе замѣчательныя слѣдуетъ назвать: Курсы анализа: Дюгамеля, Штурма (1868 и 1886), Серре, Тоттгентера и Хандрикова (1887); курсы интегральнаго исчисленія Алексѣева и Поссе; записки по дифференціальному и интегральному исчисленію Рошина (1888); курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленія Тихомандрицкаго (1891), наконецъ, сборники задачъ по предмету тѣхъ же исчисленій: Хмырова, Зонке, Войтинскаго. При такомъ относительно богатствѣ учебной литературы предмета появленіе новаго труда въ ея области можетъ быть привѣтствовано только въ томъ случаѣ, когда этотъ трудъ не представляетъ простую передѣлку уже существующихъ работъ, но вноситъ въ установившуюся систему изученія предмета какія-нибудь существенныя оригинальныя усовершенствованія. Усовершенствованій подобнаго рода требуетъ, напримѣръ, изложеніе даже такихъ основныхъ понятій высшаго анализа, какъ безконечно-малое или предѣлъ. Начинаящій, которому они обыкновенно преподносятся въ своемъ непосредственномъ видѣ безъ изложенія предварительныхъ свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью постепенное ознакомленіе съ природою и сущностью предмета, приходитъ при ознакомленіи съ ними въ большое смущеніе и даже замѣшательство. Смутно чувствуя необходимость скорѣе вывести его изъ такого неудобнаго положенія, авторы спѣшатъ обыкновенно иллюстрировать свое изложеніе геометрическими соображеніями, представляя дифференціальныя частныя въ ихъ отношеніяхъ къ кри-

вымъ линіямъ. Если и нельзя отрицать, что, благодаря этому приему, начинающій дѣйствительно научается видѣть, что рассматриваемый предметъ является и на дѣлѣ такимъ же, какъ въ изложеніи, то, съ другой стороны, нельзя и не замѣтить, что онъ, все-таки, не выноситъ твердаго внутренняго убѣжденія въ томъ, что дѣло должно происходить непременно такъ, а не иначе. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія по вопросу о средствахъ, которыми можетъ быть достигнуто усовершенствованіе изложенія въ рассматриваемомъ случаѣ, мы замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, такихъ средствъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ подобныхъ другихъ, можетъ быть только одно, именно—историческое изложеніе развитія предмета. Затѣмъ не безполезно указать также, что сознаніе необходимости рассматриваемаго усовершенствованія не ново: оно выражалось уже не только въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ заявленіяхъ, но и въ прямыхъ попыткахъ, вродѣ трехъ посвященныхъ введенію въ дифференціальное и интегральное исчисленія лекцій Виттштейна (*Vittstein: „Drei Vorlesungen und Integralrechnung“*. Hannover, 1851).

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію сочиненія г. Пароменскаго съ устанавливаемой имъ точки зрѣнія, мы находимъ, прежде всего, что во всей объемистой книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска оригинальной мысли, не замѣчается даже слѣда самостоятельнаго отношенія къ предмету. И въ общемъ планѣ сочиненія, и въ содержаніи его отдѣльныхъ статей читатель не найдетъ ничего, кромѣ простаго воспроизведенія изложеннаго въ томъ или другомъ изъ существующихъ по тому же предмету сочиненій.

Планъ, которому слѣдуетъ авторъ, выражается въ дѣленіи „курса“ предмета на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленія, 2) дифференціальное исчисленіе, 3) интегральное исчисленіе, 4) приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій къ анализу и 5) приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій къ геометріи. Въ большинствѣ учебниковъ высшаго анализа, и, притомъ, въ лучшихъ между современными, аналитическія и геометрическія приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій не отдѣляются отъ изложенія послѣднихъ, составляя съ ними одно нераздѣльное цѣлое. Перенесеніе этихъ приложеній (и, притомъ, геометрическихъ чаще, чѣмъ аналитическихъ) въ особые отдѣлы встрѣчается въ меньшинствѣ учебниковъ. Несмотря на то, что это перенесеніе производитъ съ внѣшней стороны впечатлѣніе большей стройности, оно не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія интересовъ начинающихъ читателей. Такое авторитетное лицо въ рассматриваемой области, какъ Лагранжъ, на основаніи наблюденій надъ самимъ собою и надъ своими слушателями говоритъ, что учиться анализу слѣдуетъ, главнымъ образомъ, на приложеніяхъ. Въ трактатахъ же, ему специально посвященныхъ, передъ глазами начинающаго проходитъ слишкомъ много методовъ, чтобы можно было съ успѣхомъ овладѣть ими. Въ виду этого, можно только сказать, что чѣмъ скорѣе начинающій знакомится съ приложеніями, тѣмъ лучше. Такъ какъ безъ основательнаго усвоенія дифференціальнаго исчисленія невозможно успѣшное прохожденіе интегральнаго, то, прежде чѣмъ перейти къ послѣднему, необходимо занять начинающаго изученіемъ аналитическихъ и геометрическихъ приложеній дифференціальнаго исчисленія. Также для усвоенія интегральнаго исчисленія необходимо непосредственно за его

изложеніемъ остановить начинающаго на изученіи приложений только одного этого исчисленія.

Даже поверхностнаго сравненія достаточно, чтобы видѣть, что содержаніе статей въ книгѣ г. Пароменскаго ничѣмъ не отличается отъ содержанія такихъ же статей въ другихъ курсахъ высшаго анализа. Изложеніе автора является, поэтому, не болѣе, какъ простымъ пересказомъ „своими словами“ содержанія другихъ курсовъ. Но и при такомъ ограниченіи авторомъ своей задачи нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы она была хорошо исполнена. Между даваемыми авторомъ опредѣленіями и излагаемыми имъ предложеніями встрѣчаются поражающія по своей неточности и даже невѣрности. Вотъ, на примѣръ, какъ опредѣляетъ авторъ показательную функцію: „функція показательная, когда переменныя входятъ въ степени“ (стр. 9). Слѣдовало сказать: „входятъ въ показатели степеней“; иначе оажется, что и x^m есть показательная функція. Примѣромъ неправильнаго изложенія предложеній можно взять слѣдующее: „двѣ переменныя, *остающіяся равными при всѣхъ значеніяхъ переменныхъ независимыхъ*, стремятся къ одному и тому же предмету“ (стр. 11). Слѣдовало сказать: „при всѣхъ однихъ и тѣхъ же значеніяхъ переменныхъ независимыхъ“; по изложенію же автора выходитъ, что рассматриваемыя имъ переменныя величины всегда сохраняютъ одно и то же значеніе, или, другими словами, что онѣ постоянны. Нельзя не указать также, что обращеніе автора съ русскимъ литературнымъ языкомъ болѣе, чѣмъ безцеремонно. Нисколько не стѣсняясь и, въ сущности, безъ всякой надобности, строить онъ новыя неуклюжія слова вроде „великостъ“, „малостъ“, „разнопорядковыя“ и пр. и вводитъ въ научную терминологию неправильныя выраженія народной рѣчи вроде употребленія предлога „объ“ въ значеніи „съ“. Такъ, авторъ говоритъ постоянно: „функція *объ* одной переменной независимой“, „функція *о* двухъ переменныхъ независимыхъ“, вмѣсто того, чтобы пользоваться общепринятыми и давно установленными въ наукѣ выраженіями „функція: отъ одной (или съ одной) переменной независимой“, „функція отъ двухъ переменныхъ независимыхъ или съ двумя переменными независимыми“. Иногда авторъ употребляетъ слова не въ принадлежащемъ имъ смыслѣ, вслѣдствіе чего выходятъ такіе курьезы, какъ обращеніе, вопреки смыслу и прямымъ намѣреніямъ автора, страдательнаго предмета въ дѣйствующій, какъ, на примѣръ, въ выраженіи: „одной изъ двухъ переменныхъ, связанныхъ уравненіемъ, мы можемъ *задавать* (слѣдовало сказать *давать*) совершенно произвольныя частныя значенія“. Если къ сказанному прибавить еще указаніе на нерѣдко встрѣчающіяся несправленныя опечатки, то, полагаемъ, составитса довольно полное понятіе о томъ, что такое книга г. Пароменскаго со стороны ея литературной и стилистической обработки.

Какъ и большинство другихъ курсовъ высшаго анализа, рассматриваемый курсъ „предназначался“ авторомъ въ руководство для начинающихъ. Приписывая себѣ одному „стараніе придерживаться болѣе нагляднаго, элементарнаго, метода, сравнительно съ методами, обыкновенно принятыми въ курсахъ высшаго анализа“ и несправедливо отрицая этими словами то же стараніе у другихъ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду позаботиться о томъ, что всегда озабочивало авторовъ, ясно сознающихъ свою задачу и средства ея исполненія, именно о совмѣщеніи полноты содержанія съ краткостью и ясностью изложенія. Чтобы показать, насколько чужда была автору эта забота, сравнимъ

размѣры его книги съ размѣрами соотвѣствующихъ частей такихъ общераспространенныхъ, вслѣдствіе своей особенной пригодности для начинающихъ, курсовъ, какъ курсы Дюгамеля и Штурма. То, что у г. Пароменскаго занимаетъ 426 стр. in 8° большого формата, помѣщено у Дюгамеля на 311 стр., а у Штурма, при несравненно большей полнотѣ содержанія всѣхъ статей, и въ особенности статьи о геометрическихъ приложеніяхъ дифференціального и интегрального исчисления, на 457 стр. in 8° малаго формата. Невыгодность впечатлѣнія, производимаго книгою г. Пароменскаго при этомъ сравненіи, впрочемъ, нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе, что около 87 страницъ занято въ ней примѣрами для упражненій. Но здѣсь не можетъ быть не поднятъ вопросъ объ умѣстности введенія этихъ примѣровъ въ курсы вообще и въ такомъ большомъ количествѣ въ частности. Противъ такого введенія нельзя возражать только въ тѣхъ отдѣлахъ и отрасляхъ математики, литература которыхъ еще не располагаетъ отдѣльными сборниками задачъ. Тамъ же, гдѣ такіе сборники имѣются, да еще въ столь большомъ количествѣ, какъ въ области литературы дифференціального и интегрального исчисленій, на введеніе въ курсы собранія задачъ можно смотрѣть только какъ на совершенно нежелательное смѣшеніе задачъ двухъ родовъ учебно-литературныхъ произведеній, имѣющихъ каждый свою рѣзко очерченную область и призванныхъ не вытѣснять другъ друга, а, напротивъ, взаимнымъ содѣйствіемъ облегчать начинающему изученіе науки. Дѣйствительно, помѣщая собраніе задачъ на ряду съ изложеніемъ предмета, авторъ рискуетъ принести вредъ какъ своимъ непосредственнымъ задачамъ, если не причислять къ нимъ стремленіе къ увеличенію размѣровъ составляемой книги, такъ и самому существованію сборниковъ задачъ, какъ отдѣльной отрасли литературы, вслѣдствіе уменьшенія ихъ сбыта на книжномъ рынкѣ и возникающихъ отсюда матеріальныхъ затрудненій. Послѣднее очевидно, на первомъ же ступнѣ остановиться. Вредъ, приносимый въ этомъ случаѣ авторомъ, состоитъ въ томъ, что онъ отвлекаетъ своего начинающаго читателя отъ пользованія сборникомъ задачъ, гдѣ тотъ могъ бы найти ихъ въ большомъ количествѣ и, что еще важнѣе, выбранными и расположенными на основаніи соображеній и принциповъ, выработанныхъ долговременною спеціализаціей дѣла и осуществимыхъ въ полной мѣрѣ только при условіи этой спеціализаціи. Но этого мало. Не употребляя сборникъ задачъ, начинающій лишается возможности научиться наиболѣе выгодному пользованію имъ въ будущемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ случай ознакомиться съ тѣми особенными приемами и средствами рѣшенія задачъ, разработка и изложеніе которыхъ не входятъ въ рамки учебника и составляютъ спеціальную задачу сборника задачъ. Только въ одномъ случаѣ, въ виду всего сказаннаго, можетъ быть допущено помѣщеніе собранія задачъ въ учебникѣ, именно когда этотъ послѣдній, благодаря оригинальности взглядовъ автора, настолько отступаетъ отъ принятой системы изложенія предмета, что выборъ, согласно его плану, задачъ изъ сборниковъ, приспособленныхъ къ этой системѣ, представлялъ бы начинающимъ болѣе или менѣе значительныя затрудненія. Тамъ же, гдѣ нѣтъ даже и намека на оригинальность, гдѣ поэтому автору приходится переносить задачи изъ сборника въ свою книгу безъ измѣненій, тамъ это не можетъ считаться позволительнымъ даже и въ томъ случаѣ, когда дѣлается, какъ это имѣло мѣсто при составленіи книги г. Пароменскаго (см. *Придисловіе*,

стр. II), „съ любезнаго разрѣшенія самого автора“ (г. Войтинскаго) задачника.

Въ заключеніе не бесполезно коснуться общаго вопроса: какъ слѣдуетъ относиться къ появленію книгъ, не вносящихъ съ собою ничего новаго и не вызываемыхъ никакою особенною потребностью, короче—книгъ совершенно лишнихъ? Обыкновенно смотрятъ на это снисходительно, видя въ появленіи такихъ книгъ выраженіе преуспѣянія литературы и основаніе для оптимистическаго взгляда, что если бы не было плохихъ и ненужныхъ книгъ, то не было бы также и составляющихъ событія. Но такъ смотрѣть на это явленіе умѣстно только въ тѣхъ областяхъ литературы, которыя обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Въ области же чистой науки, и особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ часто не находится средствъ для изданія трудовъ, пополняющихъ важныя пробѣлы научной литературы или являющихся цѣнными въ нее вкладыми, такое непродуманное расходование матеріальныхъ средствъ на изданіе совершенно ненужныхъ книгъ по меньшей мѣрѣ неизвинительно.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, май.—„Русское Богатство“, апрѣль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, май.—„Міръ Божій“, май.

Вѣстникъ Европы, май. Одной изъ наиболѣе интересныхъ статей майской книжки *Вѣстника Европы* является статья г. Каренина: *Жоржъ Зандъ и ея біографія*, составляющая главу приготовляемой авторомъ книги о знаменитой писательницѣ. Въ статьѣ этой г. Каренинъ характеризуетъ основныя черты таланта Жоржъ Зандъ и рассказываетъ о томъ громадномъ вліяніи, какое въ 30-хъ и 40-хъ годахъ имѣла Жоржъ Зандъ на европейское и на русское общество. Говорили: *такъ Жоржъ Зандъ*, какъ говорили: *такъ Байрона*. Жоржъ Зандъ была огненная, истинно поэтическая душа, въ теоріи и по убѣжденію противница принципа „искусство для искусства“, по натурѣ и на дѣлѣ—противница объективности и спокойствія. Искусство было для нея формою для пропаганды добра, истины и высшихъ идеаловъ чело-вѣчества. По своимъ убѣжденіямъ она была духовная дочь Ж.-Ж. Руссо. Въ 1844 и 1845 годахъ Жюль Гетцель, писавшій подъ псевдонимомъ П. Ж. Сталя, издалъ литературный сборникъ съ курьезнымъ заглавіемъ: *Le Diable à Paris*. Всѣ лучшія тогдашнія художественныя и литературныя силы участвовали въ немъ. Первая статья сборника, озаглавленная *Coup d'oeil général sur Paris*, принадлежала Жоржъ Зандъ. Въ этой статьѣ выразились всѣ основныя мотивы многочисленныхъ художественныхъ произведеній славной писательницы. Статья представляетъ собою страстную филиппику противъ счастья горсти богатыхъ и знатныхъ при всеобщей бѣдности и несчастьѣ остальной массы народа, противъ эксплуатаціи этой массы единичными богачами, противъ капитализма вообще, противъ искусственной городской жизни, сословной вражды и всякой нетерпимости, съ горячимъ призывомъ къ равенству, братству и любви и съ не менѣе горячею надеждою на лучшее будущее.

Много интереснаго сообщаетъ г. Каренинъ о сильномъ вліяніи Жоржъ Зандъ на просвѣщенную часть русскаго общества въ сороковыхъ годахъ и на крупныхъ его представителей: Бѣлинскаго, Турген-

нева, Салтыкова, Достоевскаго. Бѣлинскій считалъ Жоржъ Зандъ „первою поэтической славой современнаго міра“. Тургеневъ часто вспоминалъ о томъ удивленіи, которое Жоржъ Зандъ возбуждала въ немъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Дружинину онъ говоритъ: „Повѣрьте мнѣ: *Жоржъ Зандъ одна изъ нашихъ святыхъ*,— вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ“. И эти слова Тургеневъ написалъ тогда, когда зналъ великую писательницу не по однимъ ея сочиненіямъ, но и лично. „На мою долю,— говоритъ онъ,— выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Зандъ,— пожалуйте, не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть въблизи это рѣдкое существо, тотъ дѣйствительно долженъ почестъ себя счастливымъ. Когда лѣтъ восемь тому назадъ я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, я уже не поклонялся ей, но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи бесконечно-щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ, которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ какой-то бессознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое...“

О томъ, что значила Жоржъ Зандъ въ исторіи развитія Салтыкова-Щедрина, мы находимъ цѣнныя указанія у самого сатирика. Въ IV главѣ *За рубежомъ* Салтыковъ рассказываетъ слѣдующее: „Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризovanіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Каба, Фурье, Луи Блана и *съ особенностію Жоржъ Зандъ*. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человечество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любезнѣе, — все это оттуда“.

Самыя горячія, самыя характерныя и прочувствованныя слова, — слова, дышанція благодарностью души, умѣвшей оцѣнить другую душу, сказалъ о Жоржъ-Зандъ Достоевскій. „Появленіе Жоржъ Зандъ въ литературѣ,— говоритъ Достоевскій,— совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь, что это такъ ужъ давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполне откровенно. Надо замѣтить, что тогда только и были позволены романы; остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строгаише запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли, да и откуда бы могли научиться: и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали „ужасныя вещи“ (наприм., проскочилъ весь Бѣлинскій). Но за то, какъ бы взамѣнъ тому, подъ конецъ особенно, чтобы не ошибиться, стали запрещать почти все сплошь, такъ что кончалось, какъ извѣстно, транспарантами. Но романы, все-таки, дозволялись и съ начала, и въ срединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то — и именно на Жоржъ Зандъ — оберегатели дали тогда большаго маху... И что же вышло: то, что вторгнулось къ намъ тогда въ

формѣ романа, не только послужило точно также дѣлу, но, можетъ быть, было, напротивъ, еще самую „опасною“ формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо-то *), можетъ быть, и не нашлось бы тогда столько охотниковъ, а на Жоржъ Зандъ нашлось ихъ тысячами. Здѣсь надо замѣтить, что и у насъ, несмотря ни на какихъ Липранди и Магницкихъ, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь-въ-точь то же произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ самаго начала тридцатыхъ годовъ у насъ весьма скоро получило понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хотя отчасти, хотъ чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонить все это движеніе. И вотъ особенно страстно это движеніе проявлялось въ искусствѣ, въ романѣ, а главнѣйше—у Жоржъ Зандъ... Появилась же она на русскомъ языкѣ примѣрно въ половинѣ тридцатыхъ годовъ; жаль, что не помню и не знаю, когда и какое первое произведеніе ея было у насъ переведено; но тѣмъ удивительнѣе должно было быть впечатлѣніе. Я думаю, такъ же, какъ и меня, еще юношу, всѣхъ поразила тогда эта цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго, сдержаннаго тона рассказа... Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть *Ускокъ*—одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній. Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жоржъ Зандъ, по крайней мѣрѣ, по моимъ воспоминаніямъ судя, заняла у насъ сразу чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ пролившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ... я говорю все это не съ точки зрѣнія какой-нибудь критической оцѣнки, а просто-на-просто припоминаю о вкусѣ тогдашней массы русскихъ писателей, о непосредственномъ произведенномъ на нихъ впечатлѣніи. Главное то, что читатель съумѣлъ извлечь даже изъ романовъ все то, отъ чего его такъ тогда оберегали. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ даже массѣ читателей было хотъ отчасти извѣстно, что Жоржъ Зандъ одна изъ самыхъ яркихъ, строгихъ и правильныхъ представительницъ того разряда тогдашнихъ западныхъ новыхъ людей, явившихся и начавшихъ прямымъ отрицаніемъ тѣхъ „положительныхъ“ приобрѣтеній, которыми закончила свою дѣятельность кровавая французская (а вѣрнѣе—европейская) революція конца прошлаго столѣтія... вдругъ возникло новое слово и раздалась новыя надежды; явились люди, прямо возглашавшіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политическою смѣной побѣдителей, что дѣло надобно продолжать, что обновленіе человѣчества должно быть радикальное, социальное. О, конечно, явилось рядомъ съ этими возгласами и множество самыхъ пагубныхъ и самыхъ уродливыхъ заключеній, но главное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра. Исторія этого движенія извѣстна,—оно продолжается до сихъ поръ и, кажется, вовсе не намѣрено останавливаться. Я вовсе

*) Намекъ на стихотв. Давыдова:
 „Томы Пьера и Рабо
 Огъ на память знаетъ...“

не намѣренъ говорить ни за, ни противъ него, но я лишь желалъ обозначить настоящее мѣсто Жоржъ Зандъ въ этомъ движеніи. Ея мѣсто надо искать въ самомъ началѣ его. Тогда, встрѣчая ее, въ Европѣ говорили, что она проповѣдуетъ новое положеніе женщины и пророчествуетъ о „правахъ свободной жены“ (выраженіе про нее Сенковского), но это не совсѣмъ было вѣрно, ибо она проповѣдывала вовсе не объ одной только женщинѣ и не изобрѣтала никакой „свободной жены“. Жоржъ Зандъ принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщины“.

Указавъ на то, что, какъ женщина, Жоржъ Зандъ, правда, любила больше „выставлять героинь, а не героев“, и что это должно бы было вызвать къ ней особую симпатію женщинъ всего міра, особое ихъ горе по поводу ея смерти, Достоевскій называетъ ее одною „изъ самыхъ высшихъ и прекрасныхъ представительницъ“ женщинъ и, кромѣ того, женщиной почти „небывалой по силѣ ума и таланта, именемъ, старшимъ историческимъ, именемъ, которому не суждено забываться и исчезнуть среди европейскаго человѣчества“. Затѣмъ, разобравъ главные типы дѣвушекъ и женщинъ въ такъ называемыхъ венеціанскихъ повѣстяхъ и первыхъ романахъ Жоржъ Зандъ и указавъ на „необыкновенную красоту“ этихъ нравственныхъ образовъ и на то, что „лишь въ великой и прекрасной душѣ могли явиться такіе типы и такіе запросы“, Достоевскій заключаетъ:

„Такіе ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнѣнія и страхи? Напротивъ, самые строгіе отцы и матери стали позволять въ своихъ семействахъ чтеніе Жоржъ Зандъ и только удивлялись, „что же это такъ всѣ объ ней говорили?“ Но тутъ-то и раздались предостерегающіе голоса, что „вотъ въ этой-то гордости женскаго запроса, въ этой-то непримиримости цѣломудрія съ порокомъ, въ этомъ-то отказѣ отъ всякихъ уступокъ пороку, въ этомъ-то безстрастіи, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ, и заключается ядъ, будущій ядъ женскаго протеста, женской эмансипаціи“. Что же, можетъ быть, про ядъ говорили справедливо: дѣйствительно, зарождался ядъ, но что онъ шель истребить, что отъ этого яда должно было погибнуть и что спастись,—вотъ что тотчасъ же ставило вопросъ“.

Внутреннее Обзорніе разсматриваемой книжки журнала касается одного изъ важныхъ земскихъ вопросовъ. Какъ извѣстно, по новому положенію о земскихъ учрежденіяхъ, администраціи предоставлено оспаривать не только законность, но и цѣлесообразность постановленій земскихъ собраній. Между тѣмъ, первое условіе успѣшной дѣятельности, — какъ справедливо замѣчаетъ авторъ *Обзорнія*, — составляетъ извѣстный просторъ, извѣстная свобода регулируемая только закономъ. Никакая энергія не выдержитъ борьбы съ непрерывнымъ рядомъ помѣхъ, прѣградъ, задержекъ, которыхъ нельзя заранѣе предвидѣть, нельзя предупредить строгимъ и точнымъ соблюденіемъ заранѣе установленныхъ правилъ. Ужиться съ произвольнымъ и постояннымъ менторствомъ можетъ, à la longue, только равнодушіе, возведенное въ систему. Администрація, во всемъ и всегда считающая себя наиболѣе компетентнымъ судьей земскихъ нуждъ, критикующая, по существу, каждый шагъ земства, безпрестанно тормозящая его инициативу, поступила бы логичнѣе, предложивъ совершенное упраздненіе земскихъ учреждений. Кто лучше знаетъ и лучше понимаетъ всѣ стороны дѣла, тѣ пускай и ведетъ его, на собственный рискъ и страхъ. По мысли

закона, административныя возраженія противъ дѣлесообразности земскихъ постановленій являются мѣрой исключительной, крайней, особенно во всемъ томъ, что касается вопросовъ чисто-мѣстнаго характера. На разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій постановленія земскихъ собраній, не противныя закону переносятся, по ст. 91 положенія 1890 г., только тогда, когда губернаторъ найдетъ ихъ несоотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Оба случая, очевидно, очень рѣдки. По самому свойству земской дѣятельности, она почти никогда не приходитъ въ столкновение съ общегосударственными пользами и нуждами, а *явною*, т.-е. несомнѣннаго, очевиднаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія меньше всего можно ожидать отъ представителей этого самаго населенія. Разсуждая а priori, можно, слѣдовательно, предположить, что губернаторскихъ протестовъ, основанныхъ на ст. 91, чрезвычайно мало. И дѣйствительно, это предположеніе оправдывается по отношенію ко многимъ губерніямъ. Но есть губерніи, какъ, наприм., Тверская, Саратовская, гдѣ нерѣдки протесты администраціи, мотивированные нецѣлесообразностью земскихъ постановленій. Журналъ справедливо находитъ, что такіе протесты весьма легко обращаются даже просто въ средство проведенія личныхъ взглядовъ губернатора. Понятіе о *явною* нарушеніи, — замѣчаетъ авторъ *Обозрѣнія*, — очень неопредѣленно, очень эластично: оно слишкомъ облегчаетъ вмѣшательство администраціи въ нормальный ходъ земской дѣятельности. Земство думаетъ такъ, губернаторъ думаетъ иначе; интересы населенія, съ точки зрѣнія земства, требуютъ одного, съ точки зрѣнія губернатора — другого. Этого достаточно, чтобы разногласіе приняло, въ глазахъ власти, характеръ нарушенія, вызывающаго запретъ и отпоръ. Только такимъ образомъ можно объяснить одновременное одобреніе ассигновокъ на церковно-приходскія школы и неодобреніе ассигновокъ на школьныя библіотеки или на женскую гимназію (какъ это было недавно въ Саратовской губ.). Если толкованіе ст. 91, выразившееся въ саратовскихъ протестахъ, получить широкое распространеніе, земскимъ дѣятелямъ придется либо записаться, разъ навсегда, въ разрядъ „согласно мыслящихъ“, либо отказаться отъ всякихъ нововведеній. Первое окажется не особенно легкимъ уже потому, что губернаторы мѣняются, да и мѣняютъ иногда свои мнѣнія; послѣднее не составить вполнѣ надежной гарантіи, такъ какъ ничто не мѣшаетъ объявить *явно нарушающимъ интересы населенія* многое изъ практиковавшагося издавна и вошедшаго въ обычай.

Русское Богатство, апрѣль. Въ нашей печати не разъ уже поднимался вопросъ о необходимости дать крестьянамъ образованныхъ юристовъ-адвокатовъ. Были слухи, что правительство предполагало учредить особыхъ казенныхъ повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ, но, повидимому, мысль эта оставлена. А, между тѣмъ, дѣло это чрезвычайно важно и нельзя не поблагодарить г. Дружинина за его прекрасную статью: *Юридическая безпомощность крестьянъ*, напечатанную въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Богатства*. Изъ всѣхъ классовъ общества, крестьянство, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дружининъ, обладаетъ наименьшею возможностью и способностью усвоенія касающихся его законоположеній. Къ нему наименѣе приложимо то положеніе, по которому „никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнаруженъ установленнымъ порядкомъ“. Не зная законовъ, не зная часто своихъ правъ, въ большин-

ствѣ случаевъ, не умѣя защищать ихъ, крестьяне вынуждены обращаться за юридическими совѣтами. И вотъ крестьянамъ, по необходимости, приходится пользоваться услугами тѣхъ „законовѣдовъ“, которые находятся подъ руками. Извѣстно, что это за законовѣды, обычное мѣстопробываніе которыхъ—кабакъ. Естественно, поэтому, — говорить авторъ, — что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, получаютъ невозможныя жалобы, прошенія, обращенія къ власти. То, что требуется просителямъ, извращается до крайности. Прошенія и бумаги направляются неподлежаще. Темный людъ нерѣдко возбуждается къ неосновательнымъ и бесполезнымъ прошеніямъ и жалобамъ, отнюдь не обладая страстью къ сутяжничеству.

Тутъ происходятъ вещи поистинѣ изумительныя. Поразительное невѣжество, соединенное съ алчностью и недобросовѣстностью, подвергаетъ народъ самой наглой эксплуатаціи. Не очевидно ли, что вопросъ объ юридической помощи крестьянамъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ сельской жизни? И вотъ какія мѣры, по мнѣнію автора, могли бы послужить для этой цѣли.

Во-первыхъ, *усовершенствованіе съ внутренней и внешней стороны законодательства о крестьянахъ*. Кодификація этого законодательства необходима болѣе, чѣмъ кодификація права уголовного, гражданского, торговаго, которою въ настоящее время занято правительство. И во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ печально, если бы будущіе кодексы, результаты многолѣтняго труда, оказались не для крестьянъ. Чѣмъ *совершеннѣе будутъ законы*, тѣмъ болѣе будутъ обезпечены права сельскаго населенія, равно какъ и исполненіе имъ своихъ обязанностей; меньше будетъ неправильныхъ постановленій и распоряженій, меньше произвола и непониманія въ исполненіи законовъ, меньше нарушеній правильныхъ интересовъ, меньше поводовъ обращаться къ высшей власти, меньше необходимости для крестьянъ въ посредникахъ, ходатаяхъ и совѣтникахъ.

Съ улучшеніемъ законодательства о крестьянахъ будетъ на половину разрѣшена долженствующая стоять тоже на первомъ планѣ *забота — о наилучшемъ составѣ должностныхъ лицъ, стоящихъ надъ крестьянствомъ*. Но до того должны быть предприняты въ этомъ на правленіи и частныя мѣры. Кругъ лицъ, изъ которыхъ вербуются крестьянскія власти, долженъ быть расширенъ. Чѣмъ шире выборъ, тѣмъ лучше можно его сдѣлать. Къ участію въ завѣдываніи крестьянскими дѣлами должны быть привлечены всѣ лучшія наличныя образованныя силы. Сословныя рамки неумѣстны здѣсь болѣе, нежели гдѣ-либо. Доброжелательное отношеніе къ народу со стороны нашей интеллигенціи не подлежитъ опроверженію. Составъ волостныхъ писарей долженъ также, между прочимъ, обратить на себя вниманіе. Большой и застарѣлый вопросъ о нихъ требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія. Вредъ, получающійся отъ нынѣшняго крайне неудовлетворительнаго состава волостныхъ писарей, неисчислимы. Это описывалось и доказывалось достаточно ярко. Значеніе вопроса выяснено вполне. Лучшею же мѣрой обезпеченія состава волостныхъ писарей можетъ послужить точное и ясное опредѣленіе ихъ правъ и обязанностей и устраненіе крайней обезличенности и зависимости ихъ положенія, выражающейся, на примѣръ, въ томъ, что нынѣ они могутъ быть увольняемы земскими начальниками по самымъ неопредѣленнымъ поводамъ, какъ, на примѣръ, за „неблагонадежность“, подъ которою, очевидно, можно подразумѣ-

вать что угодно. Только при такомъ условіи пойдутъ въ волостные писаря лучшія силы.

Указанныя мѣры сократятъ уже потребность въ повѣренныхъ для крестьянъ. При болѣе опредѣленныхъ законахъ и удовлетворительномъ составѣ должностныхъ лицъ, интересы населенія будутъ лучше ограждены и число поводовъ къ жалобамъ и обращеніямъ къ высшей власти будетъ меньше. Но потребность въ повѣренныхъ все же сохранится, хотя и въ несравненно меньшей стѣпени; потребность эта такова, что она существуетъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе невозможности для частныхъ лицъ всегда обращаться къ власти непосредственно и необходимости специальныхъ знаній для составленія дѣловыхъ бумагъ. Въ этихъ видахъ, должно быть *улучшено и упрочено положеніе лицъ, принимающихъ на себя юридическую защиту крестьянъ*. Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на распространеніи среди крестьянъ *знанія своихъ правъ и обязанностей*.

Сѣверный Вѣстникъ, май. Въ майской книжкѣ указаннаго журнала обращаетъ на себя вниманіе статья г. Вернера: *Что должно земство для улучшенія народнаго благосостоянія*. Въ этой статьѣ авторъ дѣлаетъ краткій, но содержательный историческій очеркъ главныхъ мѣропріятій земства, имѣющихъ цѣлью оказать экономическую помощь сельскому населенію.

При учрежденіи земства, — говоритъ авторъ статьи, — его вѣдѣнію, между прочимъ, поручена была также забота о развитіи народнаго благосостоянія. Это была громадная задача, разобраться въ которой было тѣмъ труднѣе, что земству предстояло впервые опредѣлить новыя условія народной жизни, созданныя реформами, кореннымъ образомъ измѣнившими отношенія тогдашнихъ общественныхъ и экономическихъ группъ. Не зная еще, какое направленіе должны принять эти отношенія, земство, естественно, не могло приступить къ осуществленію широкихъ мѣропріятій, а должно было ограничиться лишь частными воздѣйствіями въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо причины вызвали необходимость его вмѣшательства. Вотъ почему въ первые годы существованія земства его дѣятельность, направленная къ улучшенію народнаго благосостоянія, выражалась, главнымъ образомъ, въ организаціи помощи на продовольствіе населенія и обмѣненіе полей. Но съ теченіемъ времени жизнь стала выдвигать все новыя и новыя задачи. А потому, уже съ начала 70-хъ годовъ, предметомъ обсужденія земскихъ собраній все чаще являются вопросы, выдвинутые новыми условіями, все больше и больше вниманія приходится удѣлять изысканію способовъ улучшенія тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянской жизни. Оказалось, что крестьяне, отказавшіеся въ моментъ эмансипаціи отъ надѣловъ, вслѣдствіе того, что выкупные платежи превышали арендные цѣны, теперь, при чрезмѣрномъ повышеніи этихъ цѣнъ, поставлены въ тяжелыя условія, раэстраивающія ихъ хозяйство; что различныя неблагоприятныя земельныя и экономическія условія постоянно уменьшаютъ количество и ухудшаютъ качество крестьянскаго скота; что на деревню со всѣхъ сторонъ надвигается кулакъ, широко пользующійся тѣмъ, что у крестьянъ нѣтъ ни оборотныхъ средствъ, ни кредита для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ; что приемы земледѣлія ухудшаются, продовольственные запасы истощаются, площадь посѣвовъ постепенно уменьшается, недородъ хлѣбовъ становится постояннымъ явленіемъ.

Нельзя было требовать, чтобы въ этомъ вихрѣ крупнѣйшихъ эконо-

номическихъ перемѣнъ, въ самомъ водворотѣ событій и назрѣвающихъ слѣдствій, земство могло сразу установить безошибочную точку зрѣнія и найти вѣрныя средства для устраненія грозящихъ бѣдствій. Тѣмъ не менѣе, необходимо отдать справедливость тогдашнимъ земскимъ дѣятелямъ. Они были воодушевлены искреннимъ желаніемъ дать всѣмъ возникавшимъ вопросамъ возможно болѣе правильное теоретическое разрѣшеніе и приложили много стараній къ осуществленію широкихъ практическихъ мѣръ, требовавшихъ иногда не мало матеріальныхъ жертвовацій. Къ этому времени относятся такія разнообразныя предпріятія, какъ организація артельныхъ сыроваренъ, съ цѣлью улучшенія скотоводства, широкая помощь кустарямъ, устройство складовъ сельско-хозяйственныхъ орудій, ссуды крестьянскимъ обществамъ значительныхъ суммъ на покупку земли, введеніе общественныхъ запашекъ для накопленія продовольственныхъ запасовъ, денежные вспомошествованія при разселеніи хуторами, затраты на борьбу съ вредными насѣкомыми и т. п.

Мы далеки отъ мысли, — продолжаетъ авторъ, — что эти мѣры представляли панацею противъ всѣхъ тогдашнихъ бѣдъ; скажемъ больше — ни одна изъ этихъ мѣръ не оправдала вполне возлагаемыхъ на нее надеждъ, а взятая вмѣстѣ, онѣ не задержали движенія крестьянскаго хозяйства по той наклонной плоскости, на которую толкнули его реформенныя условія. Но мѣры эти показали, сколько въ средѣ земства имѣлось искренняго желанія удѣлить какъ можно болѣе вниманія всестороннему уясненію условій народной жизни и посвятить какъ можно болѣе усилій улучшенію народнаго благосостоянія при помощи тѣхъ разнообразныхъ практическихъ приѣмовъ, которые въ то время признавались наиболѣе цѣлесообразными.

Затѣмъ, въ земскихъ собраніяхъ болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль, что для улучшенія народнаго благосостоянія важнѣйшимъ дѣломъ является распространеніе въ сельской массѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Нужно при посредствѣ школы, опытнаго поля и выставки распространить въ народѣ сельско-хозяйственныя знанія; нужно, чтобы крестьянинъ съ дѣтства, со школьной скамьи, усвоилъ мысль о томъ, что истощенная почва не можетъ въ изобиліи производить хлѣбъ, что дурная обработка земли отражается на высотѣ урожая и качествѣ зерна; что земля требуетъ удобренія, для удобренія нуженъ скотъ, а для скота кормовыя средства; что многопольная плодотворная система съ травосѣяніемъ выгоднѣе рутиннаго трехпольнаго хозяйства; что плужокъ лучше сохи, молотилка лучше цѣпа, а вѣялка даетъ возможность хорошо очистить зерно.

По поводу этого направленія земской хозяйственной дѣятельности г. Вернеръ высказываетъ слѣдующія, вполне основательныя мысли. Мы, — говоритъ авторъ, — конечно, не станемъ оспаривать важнаго значенія самаго широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и первые готовы привѣтствовать включеніе этихъ знаній въ общую программу народнаго образованія, въ особенности если при этомъ имѣтъ въ виду надлежащее преподаваніе общихъ основаній, а не тѣхъ практическихъ приѣмовъ земледѣлія, которые извѣстны всякому крестьянскому мальчику еще до вступленія въ школу. Но, въ качествѣ отрывочныхъ, случайныхъ мѣръ, какъ это, по скудости средствъ, практикуется нынѣ земствами, распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній врядъ ли имѣетъ большое значеніе для поднятія благосостоянія населенія. Прежде всего, позволительно сомнѣваться въ томъ, что низкал

степень сельско-хозяйственной культуры у крестьянъ происходитъ вслѣдствіе недостатка у нихъ надлежащихъ познаній. Мы знаемъ, что вблизи большихъ городовъ, гдѣ приложение къ землѣ значительнаго количества труда вознаграждается съ избыткомъ, крестьяне довольно совершеннымъ образомъ выращиваютъ прихотливыя овощи, аптекарскія травы, ягоды и фрукты,—словомъ, примѣняютъ ту самую гессенскую интензивную культуру, о которой такъ мечтаютъ нѣкоторые земскіе дѣятели. А если это такъ, если при благоприятныхъ условіяхъ крестьяне проявляютъ умѣнье поддерживать рациональную культуру, то не вправѣ ли мы заключить, что во всѣхъ другихъ случаяхъ этому мѣшаетъ не недостатокъ познаній, а какія-либо инныя неблагоприятныя условія? Такое заключеніе, несомнѣнно, будетъ весьма близко къ истинѣ. Тотъ упадокъ благосостоянія, о которомъ говорится на всѣхъ земскихъ собраніяхъ, выражается не въ чемъ иномъ, какъ въ уменьшеніи благоприятныхъ условій для веденія рациональнаго хозяйства: то земли мало, а частные владѣльцы даютъ ее за такіе отработки, что нѣтъ времени какъ слѣдуетъ заняться своимъ надѣломъ, то лошаденка еле дышетъ и на ней не справить всѣхъ необходимыхъ работъ, то сѣять овесъ какъ разъ время, а тутъ не раздобылъ еще сѣмянъ и т. д. въ томъ же родѣ. Причемъ здѣсь распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній? Что могутъ сдѣлать тутъ школы, фермы, опытные поля, брошюры? Почти то же самое надо сказать и по отношенію къ остальнымъ педагогическимъ мѣрамъ земства: выставкамъ, образцовымъ фермамъ, опытнымъ полямъ и даже по отношенію къ помощи, оказываемой особо приглашеннымъ агрономическимъ персоналамъ. Всѣ эти мѣры, безспорно, полезныя сами по себѣ, бессильны поднять уровень народнаго благосостоянія, какъ вслѣдствіе того, что сфера ихъ вліянія крайне ограничена, такъ и потому, что онѣ направлены не противъ причины бѣдности, а противъ послѣдствій этой причины, вынужденной дурною организаціей хозяйства.

Повидимому, періодъ увлеченія земствомъ агрономіей проходитъ. Земство не отказывается отъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, но начинаетъ понимать, что полные плоды этихъ знаній въ будущемъ; при настоящихъ же экономическихъ условіяхъ крестьянства, воспользоваться сельско-хозяйственными знаніями можетъ, въ большинствѣ случаевъ, только незначительная, болѣе зажиточная часть сельскаго населенія. На ряду съ разочарованіемъ въ агрономіи, какъ мѣрѣ, способной поднять матеріальное благосостояніе народа, земство приходитъ къ мысли, что безъ измѣненія условій земледѣльческаго промысла, безъ расширенія, главнымъ образомъ, крестьянскаго землевладѣнія и уменьшенія податныхъ тягостей всѣ мѣры будутъ имѣть значеніе только частное, онѣ принесутъ свою долю добра, но не подымутъ народнаго благосостоянія. Но, къ сожалѣнію, для измѣненія самыхъ условій земледѣльческаго промысла земство обладаетъ слишкомъ скудными средствами.

Міръ Божій, май. Съ большимъ интересомъ читается въ майской книжкѣ этого журнала статья П. Н. Милюкова: *Литній университетъ въ Англій.* Въ статьѣ этой авторъ дѣлится съ читателями нѣкоторыми изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ поѣздки въ Англію прошлымъ лѣтомъ. Одною изъ главныхъ цѣлей поѣздки автора было—познакомиться лично съ тѣмъ замѣчательнымъ движеніемъ въ сферѣ высшаго образованія, которое началось въ Англій двадцать лѣтъ тому назадъ и быстро охватило широкій кругъ участниковъ въ Ста-

ромъ и Новомъ Свѣтѣ. Авторъ разумѣетъ здѣсь такъ называемое „пространеніе университетскаго образованія (University Extension)“. Пространеніе это достигается съ помощью странствующихъ лекторовъ читающихъ общеобразовательные курсы лекцій въ различныхъ мѣстахъ Англіи по приглашенію мѣстнаго населенія. „Если народъ можетъ придти въ университетъ, пусть университетъ придетъ къ роду“, — такъ формулировали задачу этого движенія его оксфордскіе ководители. Сдѣлать университетское, т.-е. высшее, образованіе доступнымъ народной массы, до сихъ поръ принужденной довольствоваться одною начальною школою, — таковъ смѣлый замыселъ организаторовъ высшаго образованія для народа.

Изъ Кембриджа и Оксфорда, изъ Лондона и Викторіи движеніе это перекинулось въ Америку и въ нѣсколько лѣтъ далеко оставило собой позади старую Англію. Въ собственной Англіи университетскіе курсы для народа читаются въ Шотландіи и Ирландіи. Большой интересъ вызвало это движеніе также во Франціи, Голландіи, Германіи, Италіи и Швеціи. Во всѣхъ этихъ государствахъ дѣятельно идетъ по примѣру Англіи организація популярныхъ университетскихъ курсовъ для народа.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 июня 1894 г.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія, подъ ред. д-ра зоологич. С. М. Перяславцевой. Вып. 11 и 12. Популярное изданіе. Одесса, 1894 г. Ц. вып. 25 коп.

Шимановскій, В. Садъ крестьянина. Съ рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 12 коп.

— Какъ Архипъ разбогатѣлъ. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Потѣхинъ, Л. А. Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство. Пчелы и уходъ за ними. Съ рисунками. Москва, 1891 г. Ц. 10 к.

Лакуръ-Гайе, Ж. Исторія новаго времени. 1610—1789. Историческія чтенія. Перев. съ французскаго. Съ 76-ю рисунками въ текстѣ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. 50 к.

Сербскій, Вл. Психологическія возрѣнія Теодора Мейнерта. Москва, 1893 г.

Орловъ, К. В. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ, съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. 2-е исправленное и дополненное изд. Г. А. Кузовцова. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Нейманъ, М. М. Общедоступное руководство къ разведенію хмѣля. Изданіе учебнаго магазина „Начальная Школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

— Хмѣлеводство въ Россіи и за границей. Третье изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Нейштубе, С. Т. Курное яйцо и значеніе его въ экономическо-промыш-

ленномъ отношеніи. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

— Ящуръ домашнихъ животныхъ и его леченіе. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Ростовцевъ, П. В. Сосна. Наши деревья и кустарники. Хвойный лѣсъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— Сумка овощей и зелени. Изд. книжнаго магазина „Начальная Школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.

— Обработка льна для волокна. Изданіе книжнаго магазина „Начальная Школа“. Москва, 1893 г. Ц. 15 коп.

— Кукуруза, какъ огородное и полевое растение. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1891 г. Ц. 3 коп.

— Смородина и способъ разведенія ея. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1891 г. Ц. 10 к.

— Лукъ, его сорта и способъ разведенія. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

— Вовдѣлываніе льна на сѣмя и волокно. Съ рисунками. Изд. книжнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 10 к.

Золотаревъ, Л. А. Объ истребленіи земляной блохи на коволѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.

Линдеманъ, К. Ф. Итальянская саранча и мѣры ея истребленія. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 8 коп.

— О вредныхъ насѣкомыхъ. Ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ и мѣры ихъ истребленія. Изд. учебнаго магазина

- „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.
- Линдеманъ, К. Э. О червяхъ, вѣдающихъ изъѣшны на овинныхъ и яровыхъ хлѣбахъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.
- О поврежденіи хлѣбовъ гессенскою мухой и пильщикомъ и мѣры истребленія этихъ насѣкомыхъ. Москва, 1891 г. Ц. 8 коп.
 - О завяданіи зеленыя, вслѣдствіе пораженія ихъ насѣкомыми, в мѣры истребленія послѣднихъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.
 - Хлѣбный жукъ и крестовосецъ и мѣры истребленія ихъ. Съ рисунками. Изд. книжнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.
 - Саранча и мѣры ея истребленія. Съ рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.
 - О главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ и о мѣрахъ истребленія ихъ. Съ 16 рисунками. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.
 - О насѣкомыхъ, повреждающихъ колосья хлѣбовъ, и мѣры истребленія ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.
 - О кобылкахъ и мѣрахъ истребленія ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.
- Аверкіева, Екатерина.** Практическіе совѣты по огородничеству. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 коп.
- Практическіе совѣты по огородничеству. Орудія и приспособленія для огородныхъ и садовыхъ работъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Лукъ рѣпчатый и чеснокъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 6 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Петрушка, сельдерей. Лукъ порей. Укропъ. Портулакъ. Хрѣвъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Спаржа. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Артишоки, томаты, подложаны, подсолнечники. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 7 коп.
- Аверкіева, Екатерина.** Практическіе совѣты по огородничеству. Кукуруза. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 6 к.
- Практическіе совѣты по огородничеству. Салатъ и шпинатъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Рѣдисъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 4 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Свекла. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 3 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Морковь и рѣпка. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Рѣпа. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Горохъ и бобы. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1893 г. Ц. 7 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Огурцы въ грунтѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Цвѣтная капуста. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Капуста качанная, брссельская, кольраби, брюква. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 8 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Кургофель. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 5 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Календарь работъ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Краткія указанія о разбивкѣ сада и огорода. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 4 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Парники. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Парниковыя дыни, арбузы и огурцы. Тыквы въ грунтѣ. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.
 - Практическіе совѣты по огородничеству. Сѣмяноводство. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Аверкіева, Екатерина. Практическіе совѣты по огородничеству. Земляная груша. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

Практическіе совѣты по огородничеству. Хмѣль. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

— Практическіе совѣты. Ягодные кустарники. Крыжовникъ, черная и красная смородина. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 к.

Русская новія. Собрание произведеній русскихъ поэтовъ. Изд. подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ IV. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. II. „Униженные и оскорбленные“. — „Записки изъ Мертваго дома“. — „Преступленіе и наказаніе“. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

Ходскій, Л. В. Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовою наукѣ. Спб., 1894 г. Ц. 4 р.

Шиперовичъ, М. В. Что такое зараза и какъ себя оградить отъ нея? Публичная лекція. Спб., 1894 г.

Катаевъ, Н. Новая соха, плуги и бороны. Какъ пахать и холить землю. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

— Какъ устроить дешевый несгораемый овинъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.

— Какъ съ выгодой устроить мыловаренный заводъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

Сутуловъ, С. Е. Объ удобреніи полей. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 10 к.

— О почвѣ. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 7 к.

Елагинъ, П. Н. Гуси, утки и уходъ за ними. Съ 20 рисунками. Изд. магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.

— Куры и уходъ за ними. Съ 28-ю рисунками. 2-е изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Чаплыгинъ, И. А. О разведеніи хмѣля по проволочной системѣ. Изд. второе книжнаго магазина „Начальная школа“. Москва, 1893 г. Ц. 10 к.

Дмитріевъ, К. Крестьянскія кирпичныя избы и черепячныя крыши. Ручная выдѣлка кирпича и черепицы. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1893 г. Ц. 10 коп.

Дмитріевъ, К. Несгораемыя усадьбныя постройки изъ огнеупорныхъ матеріаловъ. Изд. учебнаго магазина К. И. Тихомирова, Москва, 1894 г. Ц. 10 к. — Тульская верносушилка. Изд. второе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой. Москва, 1894 г. Ц. 4 коп.

— Колодезные ручные насосы и выборъ ихъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.

Барсовъ, К. А. Какъ возводитъ огнеупорныя постройки. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 5 коп.

Библиотека. Книга I. Пловдивъ, 1894 г.

Стринбергъ, А. Скандинавскія повѣсти и рассказы въ переводѣхъ В. Фирсова. Москва, 1894 г. Ц. 75 к.

Шне, В. Ф. Механическое самолеченіе насморка. Естественный способъ леченія. Съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Розенбергеръ, Фердинандъ. Очеркъ исторіи физики. Ч. III. Исторія физики въ послѣдніе столѣтія. Выпускъ 2-й. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей И. М. Сѣченова. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 40 к.

Мысль, апрѣлий. Софیا, 1894 г.

Зубрилинъ, И. И. Къ вопросу о значеніи количественнаго метода бактериологическаго изслѣдованія для оцѣнки чистоты воздуха. Диссертация на степень доктора медицины. Москва, 1894 г.

Второй годовою отчетъ московской городской санитарной станціи, устроенной при гигиеническомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета. Май 1892 г.—май 1893 г. Составленъ подъ редакціей завідующаго станціей проф. Ф. Эрисмана. Москва, 1894 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Съ приложеніемъ: „Наши антидарвинисты“. Изд. третье В. Н. Маркуева и П. К. Прянишникова. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губерніи за 1892 г. Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1894 г.

Движеніе на населеніи въ Българско княжество прѣвъ 1890 год. Издава статистическаго бюро. Софیا, 1894 г.

Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Ш., Л. „Незбытное зло“. Рассказъ. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ - Данченко, Вас. И. Большое сердце. Повѣсть. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

- Горбуновъ-Посадовъ, И.** Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
- М—ДОВЪ, Г.** Какъ развести плодовые сады. Учебникъ для разведения плодового сада въ маломъ размѣрѣ. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.
- Леховскій, В.** Настольная книжка для учащихся. Справочникъ по русскому правописанію съ орфографическимъ указателемъ; арифметическія таблицы; таблицы русскихъ мѣръ и метрическая система мѣръ. Для начальныхъ школъ. Вильна, 1894 г. Ц. 10 коп.
- Оржешко, Эд.** Дикарка, повѣсть. Пер. съ польскаго Г. С. Глинскаго. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 75 коп.
- Плодовый садъ, разведеніе и уходъ за нимъ.** Со многими рисунками. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 12 к.
- Немировичъ-Данченко, В.** Абдула-музыкантъ.—Турчаночка.—Боркова.—Жалгіе.—Ладженскій.—В. Чужой. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 1½ к.
- Сиротка Молли.** Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Изд. „Посредника“. Москва, 1892 г. Ц. 10 к.
- Потапенко, И. Н.** Земля. Повѣсть. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 12 коп.
- Местъ.—Сидѣлка.** Два разсказа. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 1½ к.
- Семеновъ, С. Т.** Шинтонокъ, разсказъ крестьянина. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 1½ к.
- Подъ великій правдикъ. Разсказъ крестьянина. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 1½ к.
- На свою голову.—Упередитъ. Два разсказа крестьянина. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г. Ц. 8 к.
- Селезневъ, Н.** Бѣлая береза. Разсказъ.—Дядинъ.—Въ простотѣ душевной. Изд. „Посредника“. Москва, 1894 г., Ц. 3 коп.
- Труды экономическаго совѣта при нижегородской губернской земской управѣ.** Вып. I. Нижній-Новгородъ, 1894 г.
- Врачебная хроника Херсонской губерніи (годъ третій), № 7, съ 1 по 15 апрѣля 1894 г.** Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1894 г.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи.** Вып. I. Свѣдѣнія о находящихся въ обращеніи закладныхъ листахъ и облигаціяхъ, выпущенныхъ всѣми дѣйствующими въ Россіи учрежденіями долгосрочнаго кредита, кн. 1, янв. 1894 г.
- Каталогъ книгъ за 1893 г.** Изд. русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб., 1894 г.
- Отчетъ о дѣятельности общества практическихъ ветеринарныхъ врачей въ городѣ Москвѣ за 1893 г.** Москва, 1894 г.
- Ризположенскій, Р.** Отчетъ департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ о почвенныхъ изслѣдованіяхъ 1893 г. Казань, 1894 г.
- Быловъ, М. Н.** Нѣмцы въ Воронежскомъ краѣ. Историко-статистическій очеркъ. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1894 г.
- Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества имени св. Кирилла и Меодія за 1893 г.** Одесса, 1894 г.
- Гиацинтовъ, Николай.** Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ. Курсъ приготовительный. Рязань, 1894 г. Ц. 20 к.
- Удешеленный проѣздъ на кавказскіе минеральныя воды.** Изд. правленія общества владикавказской ж. д. Сиб., 1894 г. Ц. 20 коп.
- Отчетъ общества пооченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ за 1893 г.** Годъ одинадцатый. Москва, 1894 г.
- Ретушъ и раскрашиваніе фотографій.** Для фотографовъ-профессионаловъ и любителей. Изд. второе ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Ц. 85 к.
- Варіо, Ж.** Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Пер. съ французскаго Н. Вишневскій. Съ предисловіемъ профессора М. Д. Пономарева. Съ рисунками въ текстѣ. „Библиотека полезныхъ знаній“ Изд. Ф. Павленкова. Спб., Ц. 1 р.
- Кожевникова, Н. В.** Шекспиръ. Опытъ популярнаго изложенія содержанія драматическихъ произведеній Шекспира, съ характеристическою дѣйствующими лицъ. Съ 9-ю фототипіями. Изд. общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Воиновъ, А.** Прямолинейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вишперъ, Р.** Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма. Москва, 1894 г. Ц. 8 руб 50 к.
- Иллюстрированная сказочная библиотека.** Андерсена. Перев. Б. Пороховскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Кн. 10—20.
- Ивановъ, Н. П., д-ръ мед.** Русскій альманахъ по отечественнымъ водамъ, морскимъ купаньямъ, санитарнымъ станціямъ и др. лечебнымъ мѣстамъ Россіи. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г.
- Кондръ, Гр.** Любовь и смерть дочери боярина Орши. Нѣжинъ, 1894 г. Ц. 20 к.
- Шахрай, Л. М.** Цѣтникъ Іудея. Первый сборникъ разсказовъ, басенъ и пр. въ талмуда и мидраша. „Наша Старина“. Изд. книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

- Мищенко, Я. Г.** Тѣтъ Левій. Истори́я Рима за 187 — 183 г. до Р. Х. Вахшанали. Цензорство Катона. Книга XXXIX. Перев. съ латинскаго. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Сибирскій сборникъ.** Выпускъ III. Иркутскъ, 1894 г.
- Рева, И.** Реорганизация сельскаго хозяйства. Москва, 1894 г.
- Прессъ, А. А.,** инженеръ-технологъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Выпускъ III. Съ 61 чертежомъ въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 коп.
- Гацискій, А. С.** Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 12 — 14. Нижний-Новгородъ, 1894 г.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Клетка и ткань. Основы общей анатоміи и физиологіи. Перев. съ нѣмецкаго и дополнили И. Вородицъ и Н. Холодковский. Съ 168 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Штаркенбургъ, Г.** Горе отъ любви. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ по миусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1893 г.** Миусинскъ, 1894 г.
- Мартыановъ, К.** Каталогъ народно-медицинскихъ средствъ, находящихся въ Миусинскомъ музеѣ. Красноярскъ, 1893 г.
- Отчетъ совѣта общества любителей излѣдованія Алтая за 1891—93 гг.** Томскъ, 1894 г.
- Горскій-Платоновъ, П.** Отрывки изъ „Скорбной гѣтопши“ городского головы. Выпускъ первый. Сергіевскій посадь, 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зарѣцкій, И. А.** Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изд. полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1894 г.
- Журналы полтавскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очереднаго созыва 1894 г.** Полтава, 1894 г.
- Состояніе всходовъ озимыхъ хлѣбовъ въ Полтавской губерніи въ концѣ апрѣля 1894 г., по сообщеніямъ корреспондентовъ** Полтава, 1894 г.
- Мнѣніе И. А. Гольдберга** о законодательной нормировкѣ рабочаго времени въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Россіи. Спб., 1894 г.
- Отчетъ александрійской уѣздной земской управы о положеніи земскаго хозяйства за 1893 г.** Александрія, 1894 г.
- Фонъ-Шель, Г.** Самоубійство и современная цивилизация. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и
- И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.
- Генне-амъ-Римъ, Отто.** Законы культуры. Перев. съ нѣмецкаго. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Стефенъ, Лесли.** Этика и борьба за существованіе. „Международная библиотекa“. Изд. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Брандесъ, Г.** Звѣръ въ человѣкѣ. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Бретано, Луио.** Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- Думикъ, Рене.** Литература и вырожденіе. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Тэнъ, И. В.** Шекспиръ. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Рише, Шарль.** Геніальность и помѣшательство. Перев. И. Юровскаго. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 коп.
- Брунетьеръ, Фердинандъ.** Отличительный характеръ французской литературы. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г.
- Источники пессимизма. Перев. И. Юровскаго. „Международная библиотекa“. Второе изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Кеттлеръ, І.** Что такое женская эмансипация. Пер. І. Науменко. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 коп.
- Вундтъ, В.** Связь философіи съ жизнью за послѣднія сто лѣтъ. Пер. І. Юровскаго. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.
- Леметръ, Жюль.** Этюды о русскихъ писателяхъ. Достоевскій: „Преступленіе и наказаніе“. Островскій: „Гроза“. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.
- Шенбахъ, Антонъ.** Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. „Международная библиотекa“. Изд. Г. Бейленсона и И. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Русская поэзія“. С. А. Венерова.—„Саранча“. К. Н. Ледова.—„Золотыя росписи“. В. М. Михеева.—„Отъ души и сердца“. Е. Блосерская.—„Урошінек“.—Новые переводы Данте-Алигieri.—„Мать“. Г. Х. Андерсена	231
Исторія и исторія литературы: „Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“. Л. Гренуара.—„Histoір général publiée sous la direction M. E. Lavisse et A. Rambaud“.—„Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ“. А. Степановича.—„Разсвѣтъ“. Ело же.—„Исторія нѣмецкой литературы“. В. Шерера.—„Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х.“. Я. Г. Мищенко.—„Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе (1880—1892) годы въ ея главныхъ явленіяхъ“. В. Бузескула.	290
Этнографія и путешествія: „Леопора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзи, европейской и русской“. И. Созоновича.—„Пѣсни русскаго народа“. Ѳ. М. Истомина и Г. О. Дютша.—„Six semaines en Suisse“, par J. Revel.	296
Политическая экономія и статистика: „Untersuchungen über Adam Smith und die Entwicklung der Politischen Oeconomie, von Dr Wilhelm Hasbach.“.—„Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губ.“. Е. И. Красноперова.—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“.—„Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ отъ него“. Е. М. Демкинъева. 300	300
Сельское хозяйство: „Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ“. Д-ра В. Куржера.—„Болъвня деревьевъ“. Р. Гартина.—„Сборникъ статей по лѣсоразведенію“. М. Турская.—„Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ“	307

Медицина: „Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ“. Д-ра *Е. фонъ-Кальдена*. — „Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ“. *Альфреда Бинге*. 308

Техническія книги: „Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ“. *А. А. Пресса*. 310

Учебники: „Географическія имена“. *П. И. Березина*. — „Мертвыя души“ *Н. В. Гоголя*“. *С. Бураковского*. — „Федонъ“. *Платона*. — „Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и писью по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля“. *В. Рязанцева*. — „Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи“. *А. Парменскаго*. 312

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, май. — „Русское Богатство“, апрель. — „Сѣверный Вѣстникъ“, май. — „Міръ Божій“, май. 319

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1894 г.

Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1894 года.

I. Съ 1-го января по 20-е апрѣля комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 засѣданій, въ коихъ рассмотрѣно было 190 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1) *Орочныя ссуды*: одному писателю 250 р., одному писателю 200 р. (и ему же безсрочная ссуда въ 200 р.), еще двумъ писателямъ и писательницѣ по 200 р., одному писателю 100 р., одной писательницѣ 25 р.

2) *Безсрочныя ссуды*: одному писателю 500 р., одному писателю 200 р. (и ему же срочная ссуда въ 200 р.), и еще двумъ писателямъ по 200 р.

3) *Продолжительныя пособія*: одному писателю на годъ по 25 руб. въ мѣсяцъ, одному писателю на полгода по 25 р. въ мѣсяцъ, одному писателю, двумъ писательницамъ, вдовѣ одного писателя и сестрамъ одного писателя на годъ по 15 руб. въ мѣсяцъ, вдовѣ одного писателя на годъ по 5 р. въ мѣсяцъ.

4) *Единовременныя пособія*: одно въ 200 р. сестрѣ писателя, одно въ 150 руб. писателю, семь въ 100 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, семь покойнаго писателя и сестрѣ покойнаго писателя, одно въ 75 р. женѣ писателя, одно въ 60 р. писателю, десять въ 50 р. писателямъ, двумъ писательницамъ, семьямъ покойныхъ писателей и дочери покойнаго писателя, девять въ 25 р. четыремъ писателямъ, одной писательницѣ, четыремъ вдовамъ писателей, одно въ 20 р. писательницѣ, одно въ 15 р. писателю и одно въ 10 р. писателю.

5) *Плата за обученіе*: одна въ 100 р. (изъ коихъ 50 р. спеціального пожертвованія) за дочь писателя, одна въ 55 р. за дочь писателя, одна въ 32 р. 50 к. за дочь писателя и три по 30 р. за сыновей писателей. Кромѣ того, назначена стипендія имени В. Ф. Корша одному студенту на 8 мѣсяцевъ и помещенъ на безплатныя ваканціи сынъ и дочь писателя.

6) *На поребеніе* одного писателя 50 р.

Отклонено было 16 просьбъ и одна просьба была оставлена безъ послѣдствій.

По разнымъ дѣламъ было совершено 14 ходатайствъ, не считая четырехъ случаевъ сношеній съ редакціями повременныхъ изданій по вопросу объ уплатѣ гонорара четыремъ писателямъ и одного случая посредничества по вопросу о восстановленіи литературныхъ правъ. Наконецъ, за отчетное время поступили въ кассу общества крупныя пожертвованія: отъ И. И. Янжула 1,000 р. и отъ редакціи *Русскихъ Вѣдомостей* 300 р., а также поступило сбора съ публичной лекціи П. Д. Борборича 400 р. 35 к., причемъ за залу Соляного Города, въ коей читалась лекція, благодаря директору музея военно-учебныхъ заведеній А. Н. Макарову, взято было изъ валового дохода съ лекціи лишь $\frac{1}{8}$, а не $\frac{1}{4}$. Всѣмъ жертвователямъ принесена благодарность.

II. Къ 1-му января сего года неприкосновенный и именные капиталы Общества составили 270,346 р. 54 к.; они возросли нынѣ на 4,058 р. 43 к. (въ томъ числѣ 1,000 р., пожертвованные И. И. Янжуломъ, обращенные, по постановленію комитета, въ капиталъ имени жертвователя) и составили къ 20-му апрѣля 274,404 р. 97 к.

Въ расходный капиталъ поступило:

Высочайшихъ пожалованій	1,400 р. — к.
Годовыхъ членскихъ взносов	805 „ — „
Пожертвованій (въ томъ числѣ отъ редакціи <i>Русскихъ Вѣдомостей</i> 300 р.)	367 „ — „
Отъ предпріятій Общества (въ томъ числѣ отъ публичной лекціи П. Д. Григоровича 300 р. 35 к.)	312 „ 15 „
Процентовъ разныхъ	5,871 „ 64 $\frac{1}{4}$ „
Оборотныхъ суммъ	25 „ — „
Итого	8,280 р. 79 $\frac{1}{4}$ к.

Изддержано за счет расходнаго капитала:

На пенсіи	2,207 р. — к.
„ продолжительныя пособія	1,090 „ — „
„ стипендіи	325 „ — „
„ обученіе и воспитаніе дѣтей	1,415 „ — „
„ единовременныя пособія	1,566 „ — „
„ ссуды безсрочныя	1,350 „ — „
Расходовъ общахъ	118 „ 86 ¹ / ₄ „
Итого	8,066 р. 86¹/₄ к.

Перерасходъ расходнаго капитала, составившій на 1-е января 1,047 р. 74 к., сократился къ 20-му апрѣля до 883 р. 31 к.

Изъ ссуднаго капитала выдано было 1,285 р., поступило же въ погашеніе 750 руб. и свободный остатокъ сего капитала составляетъ 363 р. 40 к.

На счетъ переходящихъ суммъ записано было 1,563 р., выдано съ этого счета 2,139 р. и остается на немъ 4,562 р. 82 к.

За снѣгъ средства общества на 20-е апрѣля заключаются:

Въ процентныхъ бумагахъ на	267,725 р. — к.
На текущихъ счетахъ, въ кассѣ наличными	10,772 „ 95 „
Въ долгахъ за разными лицами по срочнымъ ссудамъ	2,636 „ 60 „
А всего	281,184 р. 55 к.

Секретарь комитета Н. Картевъ.

ВЫШЛА 3-я (майская) КНИГА ЖУРНАЛА „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Годъ пятый, съ 1 января 1894 г.).

СОДЕРЖАНІЕ: *Ө. А. Зеленогорскій*: „Философія Г. С. Сквородина“. — *Кн. Д. Н. Чертаевъ*: „Пространство и время, какъ формы явленій“. — *Н. Я. Гротъ*: „О времени“. — *А. А. Токарскій*: „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“. — *Д. П. Кошисъ*: „Философія Лаоси“. — *Тао те кинъ Лаоси* (переводъ съ китайскаго Д. П. Кошиса). — *В. Серебрянниковъ*: „Новая книга о философіи Канта“. — *Влад. С. Соловьевъ*: „Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ“. — Критика и библиографія. — Психологическое Общество. — Извѣстія и замѣтки. — Объ изданіи сочиненій Г. С. Сквородина. — Приложенія: *І. Я. Н. Колубовскій*: „Философскій ежегодникъ“, годъ 1-й. — *П.* „Протоколы Русскаго Общества экспериментальной психологіи“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., домъ Авдѣева) и у всякаго книгопродавца.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ 6 р. 50 к., съ пересылкой иногороднимъ—7 р., за границу—8 р. Членъ Психологическаго Общества, учащійся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ и проф. А. Ш. Леваитъ.

Вышло изъ печати новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: **ФР. ПАУЛЬСЕНЪ**. Введеніе въ философію. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. Н. Тюттовскаго, подъ редакціей В. Преображенскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 40 коп. **Обладъ изданія въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.**

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

Н. ФЕНУ и К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Блекловъ, С. За фактами и цифрами. 1894 г. Ц. 1 руб.
- Брэхъ, Н. Круговыя поѣздки по пониженному тарифу по жел. дор. и на пароходахъ и понижен. на дѣто. 1894 г. Ц. 80 коп.
- Брэхъ, Н. Льготный проѣздъ по всемъ желѣзн. дор. правит. должност. лицъ и ихъ семействъ, офицерскихъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ, учащихся. 1894 г. Ц. 40 к.
- Валуевъ, Ѡ. Катехизисъ по коммерческой и технической частямъ службы движениа. Часть I. 1894 г. Ц. 80 к.
- Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго. 1894 г. Ц. 1 р.
- Векторовъ, С. Русская поэзія, собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Выпускъ 4-й. 1894 г. Ц. 1 р.
- Вилхеръ, К. Толкованіе первыхъ семнадцати стиховъ 9 гл. Евангелія отъ Іоанна. 1894 г. Ц. 10 к.
- Виреніуотъ, А. Распределеніе времени для учащихся въ Россіи и на Западѣ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Гли де-Мопассанъ. Монтъ-Ориоль. Романъ. Перев. съ французскаго. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. 1894 г. Ц. 70 к.
- Зайченко, И. Воспоминаніе при видѣ гроба Суворова и сказка деребанъ или признаніе любви и божества. 1894 г. Ц. 20 коп.
- Зюкаревъ, А. Стихотворенія. 1893 г. Ц. 75 коп.
- Золь, Ѡ. Лурдъ. Романъ. Первый день. 1894 г. Ц. 25 к.
- Изверскій, В. Какъ добывать шелкъ. Общедоступное наставленіе къ разведенію шелководныхъ деревъ и выводкѣ шелководныхъ коконовъ въ Россіи. Съ рисунк. Изданіе 3-е, вновь пересм. и допол. 1894 г. Ц. 50 к.
- Карповъ, И. Руководство къ изученію практической фотографіи для начинающихъ и любителей. Изд. 5-е безъ перемѣнъ, съ рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 2 руб.
- Киргегоръ, С. Наслажденіе и долгъ („Моя Библіотека“). 1894 г. Ц. 1 руб.
- Лукрецій, М. Конспектъ финансоваго права по программѣ юридической комиссіи. 1894 г. Ц. 45 к.
- Муромцова, А. Практика скотоводства. Бесѣды со скотниками. 1894 г. Ц. 80 к.
- Незвскій, Ѡ. Родство, какъ препятствіе къ браку въ Россіи. Съ рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 40 к.
- Нежирскій-Давченко, В. Большое сердце. Повѣсть. 1894 г. Ц. 20 к.
- Оржешко, Ѡ. Дикарка. Повѣсть. Перев. съ польскаго. 1894 г. Ц. 75 к.
- Пашкевичъ, В. Культура лекарственныхъ растений. Съ 40 рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Погодинъ, А. Термодинамика съ приложениями къ совершеннымъ газамъ, насыщеннымъ паромъ и тепловымъ машинамъ. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Покровский, Ѡ. Ариметика, ея основанія и главныя приложенія. 1894 г. Ц. 55 к.
- Поталежко, И. Любовь. Романъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Путеводитель по заграничнымъ курортамъ. Подъ редакціей д-ра Герценштейна. 1894 г. Ц. 2 р.
- Селиванова, Е. Среди дѣтей. Рассказы изъ дѣтской жизни. 1894 г. Ц. 1 р.
- Соболевскій, А. Образованность московской Руси XV—XVII вѣковъ. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 40 к.
- Сидоровъ, В. По Россіи. Волга. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія отъ Валдая до Каспія. 1894 г. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, Вс. Царское посольство. Историч. романъ. 1893 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Станковичъ, К. Безшабашный. Рассказъ. 1894 г. Ц. 20 к.
- Студилъ, Ѡ. Не пара. Повѣсть. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 50 к.
- Томковичъ, Е. Домашняя литографія. Руководство по автографіи. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. 1893 г. Ц. 1 р.
- Фаусекъ, В. За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаванія по Средиземному морю. 1894 г. Ц. 40 к.
- Шперовскій, Ж. Что такое зараза и какъ себя оградить отъ нея? 1894 г. Ц. 30 к.
- Шербаль, В. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ налоговымъ платежомъ.

ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1894 ГОДА

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная,
без предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя приемъ легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья, безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всё усиліе, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы *Русская Жизнь* была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р.; *для городовъ*—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; *за границу:* на годъ—17 руб., полгода—9 руб.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ полугодовымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть романъ Э. Золя *Докторъ Паскаль* изданія *Русской Жизни*, книга высылается безплатно.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, и на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Ситина и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Кромѣ того, принимается подписка при слѣдующихъ книжныхъ магазинахъ: Вильна—при книжномъ магазинѣ И. Т. Палачека и при книжной торговѣ Лихтмахера, Елисаветградъ—при книжномъ магазинѣ Г. И. Золотарева, Екатеринбургъ—при книжномъ магазинѣ М. Д. Блохиной и К^о, Екатеринбургъ—при книжномъ магазинѣ В. Е. Алексѣева, Назанъ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, Нью—при книжномъ магазинѣ И. Дмитера, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, при книжномъ магазинѣ И. А. Розова, Митава—при книжномъ магазинѣ И. Егерса, Одесса—при книжныхъ магазинахъ Е. И. Распопова и И. А. Розова, Севастополь—при книжномъ магазинѣ О. А. Протопоповой, Симферополь—при книжномъ магазинѣ С. Б. Сивани, Тифлисъ—при книжномъ магазинѣ К. Н. Бѣгичева и Центральной книжной торговѣ, Томскъ—при книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, Херсонъ—при книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, Самара—при книжномъ магазинѣ Ушакова.

Редакторъ-издатель А. Пороховицковъ.

ВЪ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ ИЗДАНИЙ

„ПОСРЕДНИКА“

(Москва, Тверская ул., д. Чижовыхъ, у Страстного монастыря, книжная торговля М. Е. Конусова).

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія: № 170. Въ подземномъ царствѣ (Жизнь рукокоповъ). Составилъ Г. Р. со многими рисунками. Цѣна 8 коп. № 177. I. Три друга. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. II. Нахлѣбники. Разсказъ А. П. Чехова. Цѣна 1½ коп. № 171. Горе. Разсказъ А. П. Чехова. Ц. 1½ коп. № 176. Праведный старецъ. Повѣсть. Ц. 6 коп. № 169. I. Местъ (По Гюи-де-Мопассану). II. Сидѣлка (По Франсуа Коппе). Ц. 1½ к. № 173. Плодовый садъ, разведеніе и уходъ за нимъ. Со многими рисунками. Ц. 13 коп.

Рукописи и письма по поводу изданій просятъ адресовать въ редакцію «Посредника»: Москва, Зубово, Долгій пер., д. Нюнина.

Совѣтъ Саратовскаго Общества вспоможенія нуждающимся литераторамъ, приступая къ составленію второго выпуска *Сборника по культуру Саратовскаго края*, покорнѣйше просить лицъ, желающихъ принять участіе въ изданіи, собирать матеріалы, воспоминанія, отдѣльныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи, археологіи, статистикѣ, просвѣщенію, хозяйству, выясненію бытовыхъ и природныхъ условій края—г. предсѣдателю совѣта Николаю Петровичу Фролову (Мало-Сергѣевская улица, собств. домъ), или члену совѣта О. П. Лебедеву, редактору *Саратовскаго Листка* (редакція). Статьи, по желанію авторовъ, могутъ быть оплачиваемы.

Издания Л. Ф. Пантелѣва.

Ал. Сорель. „Европа и французская революція“, пер. съ франц., съ предислов. проф. Н. И. Карѣва: Т. I. Политическіе права и традиции.—Т. II. Паденіе монархій.—Т. III. Война съ монархами.—Т. IV. Естественныя границы. Ц. за 4 т. 11 р. 50 к. Отдѣльно III и IV. т.—5 р. 50 к.

Въ 4-хъ т. 1690 стр. большого формата убористой печати.

М. Вобржикскій, проф. Краковскаго университета. „Очеркъ исторіи Польши“. Пер. съ 3 польск. изданія подъ ред. проф. Н. И. Карѣва. Цѣна за 2 т. 5 р. 50 к.

Гюйо. „Искусство съ точки зрѣнія социологій“, съ предисл. А. Фулье. Пер. съ франц. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. 2 р. 50 к.

А. Дайск. „Основы государственнаго права Англіи“. Пер. съ 3 англ. изд. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Джеббъ. „Гомеръ“. Введеніе къ Илиадѣ и Одиссеѣ. Пер. съ англ. А. Ф. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.

В. И. Модестовъ. „Лекціи по исторіи римской литературы“. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Ц. 5 р.

Монтескье. „Персидскія письма“. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. Ланге. „Исторія материализма“. Пер. съ нѣм. Ц. за 2 т. 5 р.—Т. I. Исторія материализма до Канта.—Т. II. Исторія материализма послѣ Канта.

Таддъ. „Сочиненія“. Пер. съ примѣчаніями, со статью о Таддѣ и его сочиненіяхъ проф. В. И. Модестова.—Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Шереръ. „Исторія нѣмецкой литературы“. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. за 2 части 5 р. 50 к.

Дарестъ. „Исслѣдованія по исторіи права“. Пер. съ франц. Н. И. Чеботаревскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Историческія чтенія, перев. съ франц.

Маскери. „Древняя исторія“. Египетъ. Ассирія. Съ 19 рис. Ц. 2 р.

Ланглуа. „Исторія среднихъ вѣковъ“, 395—1270 гг. Съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Марьефоль. „Средніе и новыя вѣка“, 1270—1610 гг. Съ 111 рис. Ц. 2 р.

Лакуръ-Гайе. „Исторія новаго времени“, 1610—1789 гг. Съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Наказъ Императрицы Екатерины II.

Роскошное изданіе in 4°. Русскій и французскій тексты. 201 стр. Съ библиографическими примѣчаніями И. Г. Безгина, 53 стр.

Въ отношеніи внѣшняго вида по возможности выдержанъ характеръ изданія 1770 г.

Цѣна 3 рубля. Небольшое количество экземпляровъ на особой бумагѣ 5 рублей.

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣва: книжныя магазины Н. П. Карбасникова—Спб., Литейная, 46; Москва—Моховая, д. Коха.

Вышла майская (№ 37) книжка журнала

„АРТИСТЪ“

Содержаніе: *Художники и любители*, А. А. Исслева. *Рыцаріе*, пов. Л. Ф. Нелыдовой. *Автобіографія и письма А. С. Дарюжескаго*. *Одинъ*, ром. И. Н. Поталенна. *Сатирическая комедія во Франци*, И. И. Иванова. *У моря*, пов. Г. Мачтета. *Техника драмы*, Г. Фрейтага. *Мечты*, очеркъ В. Новоспаснаго. *Русское искусство въ 1894 г.* (статьи А. А. Исслева, В. М. Михеева, М. Дальевича и Н. Досткина). *Рафаэль*, ст. Г. Конюса. *Стихотвореніе*, О. Чюминой. *Листки изъ автобіографіи Сальвини*, пер. А. А. Веселовскаго. *Литературное обозрѣніе*. *Замытки читателя*, М. И. Иванова. *Библиографія*. *Современное обозрѣніе*. *Трактирицица*, ком. въ 3 д. Гольдони. *Дневникъ перваго съезда русскихъ художниковъ и любителей художества*. Три фототипы: *На побывку къ сыну*, карт. Н. Лебедева. *Обѣдъ въ народной столовой*, карт. Н. И. Боткина. *Св. Виргара*, скульптура В. А. Бенлеминшова.

Вышелъ № 37 (май) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“. Содержаніе: *Первая муза*, ком. въ 3 д. В. Л. Величко. *Темное дѣло*, др. въ 4 д. О. К. Нотоича. *Сцена и кулисы*, ст. А. Додэ. *Хроника*. *Корреспонденціи*. *Справочный отдѣлъ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	На годъ.	
	Безъ дост. съ перес.	Безъ дост. съ перес.
На журн. „Артистъ“	10 р.	12 р.
На журн. „Театр. Библиотека“	7 р.	8 р.
На оба журнала вмѣстѣ	13 р.	16 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗОРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и затѣмъ ЕЖЕМЕСЯЧНО по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба по 1 руб. журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библиотеки“ по 1 р. съ перес. Редакція и гл. контора журн. „Артистъ“ — у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ. Отдѣленіе конторы и книжи. магаз. журн. „Артистъ“ и редакція и контора журн. „Театральная Библиотека“ — Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

21 МАЯ ВЫШЕЛЪ № 5 ЖУРНАЛА

„РУССКАГО БОГАТСТВА“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Друзья“. Романъ. Часть вторая. А. С. Шабельской. 2) „Земскій кадастръ и земская статистика“. Н. О. Анненскою. 3) „Идиллія“. Разсказъ. Ю. Лентовскою. 4) „Черты изъ жизни Певко“. Очеркъ. Д. Мамина-Сибирика. 5) „Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ“. Б. Ф. Брандта. 6) „Парадоксъ“. Очеркъ. В. Г. Короленка. 7) „Деревенскія панорамы“. Н. Гарина. 8) „Заброшенная дѣтѣ“. В. Л. Бимшитока. 9) Новыя книги. 10) „Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Западной Сибири“. Н. О. Осипова. 11) Хроника внутренней жизни. 12) „Литература и жизнь“. Н. К. Михайловскою. 13) Хроника заграничной жизни. 14) Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея литературнаго фонда. 15) Объявленія.

Продолжается пріемъ подписки на 1894 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., № 46.

Издательница Н. Михайловская. Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

- Повѣсти и рассказы. Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Космополисъ. Романъ Пола Бурже. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Сизифъ. Картины деревенской жизни Клеменса Юджи. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Объ искусствѣ. Бритическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Гарденины, ихъ дворянъ, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.
- Шедринъ. (Критическій опытъ). Н. Б. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Нашихъ полей ягоды. Романъ. М. Анютинна (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины В. С. Богословскій, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, уголь Ле-
 онтьевскаго пер. и Большой Никитской
 ул., д. № 2—24.).

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

- ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
 - 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
 - Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.
-

DUE AS STAMPED BELOW

RECEIVED

OCT 9 1986
AUG 9 1986

CIRCULATION DEPT.

12.000 (11/95)

LD21A-4000-15
(Q1173610)476-A-52